

Г. П. ГРЕБЕННИК

**ЗАПИСКИ
УНИВЕРСИТЕТСКОГО
ЧЕЛОВЕКА**

**Одесса
«Печатный дом»
2014**

УДК 94(477.74-21):378:929“1950/2000”
ББК 63.3(4Ук-4Од-2О)6-7
Г 79

Рекомендовано к печати ученым советом
Одесского национального университета им. И.И. Мечникова
(протокол № 2 от 29 октября 2013 г.).

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Коваль Игорь Николаевич, доктор политических наук, профессор, ректор Одесского национального университета им. И.И. Мечникова;

Гансова Эмма Августовна, доктор философских наук, профессор кафедры социологии Института социальных наук Одесского национального университета им. И.И. Мечникова.

Вся трудовая жизнь автора этой книги связана с Одесским национальным университетом имени И.И. Мечникова. Книга включает две «вещи». Первая по жанру более всего подходит к рубрике «воспоминания и размышления». Автор преследовал цель вырвать из забвения несколько страничек истории одного из старейших классических университетов Украины, которому в 2015 году исполняется 150 лет. В ней даны портретные зарисовки преподавателей, с которыми столкнула его судьба в годы учебы на историческом факультете и работы в качестве преподавателя в 70—90-годы прошлого века. Университетская школа закладывает основы на всю жизнь. Автор анализирует уроки, которые он вынес из этой школы.

Вторая работа представляет собой исследование при помощи биографического метода позднесоветского времени и того поколения советских людей, которое вошло в историю как «феномен шестидесятничества». Его смысловые центры образуют судьбы трех профессоров Одесского университета. Автор обращает особое внимание на узел, в котором переплетаются их научные интересы и гражданские позиции.

Книга предназначена для всех, кто когда-либо дышал университетским воздухом, кому небезразличны судьбы высшей школы в нашем отечестве, да и само отечество тоже.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	5
МОИ ГЛАВНЫЕ УРОКИ НА ИСТФАКЕ (Зарисовки по памяти и размышления по поводу)	9
СОЮЗ ВОЛЬТЕРА И РУССО. Опыт биографического исследования поколения «шестидесятников»	38

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ. Слово о «шестидесятниках»

1. Постановка цели и задач	38
2. Определение поколения «шестидесятников»	42
3. Место поколения «шестидесятников» в советской истории	48

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Международник-идеалист профессор Аппатов

1. Жизнь и судьба: опыт нумерологии	52
2. «Пятая графа» как линия жизни	54
3. Университетский преподаватель	61
4. О школе	68
5. С властью — на вы	73
6. Советский (внутрисистемный) либерализм и его выдающиеся представители ...	76
7. В науке	105
8. Была ли политология в СССР?	110
9. Новое политическое мышление как символ веры профессора Аппатова	126
10. Фальстарт в большую украинскую политику	136
11. Отъезд	142

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Гражданственный социолог профессор Попова

1. Характер	154
2. Комсомольцы-добровольцы	159
3. Из первого призыва	162
4. Исследователь	168

5. Маркса надо читать и перечитывать	173
6. Социолог и гражданственность	175
7. Проблема свободы	184
8. Социолог и власть	190
9. Попытка апологии советского человека	198
10. Драма интеллигенции	206
11. Школа Поповой	219
12. Политизация социологии: неусвоенные уроки рейтингового скандала	227
13. Дума о социологии	251
<i>Феномен И.М. Поповой (Вместо заключения)</i>	<i>254</i>

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. «Совок» профессор Скалкин

1. Братцы-интернатцы	255
2. Язык в унисон со строевым шагом	273
3. В.Л. Скалкин по воспоминаниям учеников, коллег и друзей	296
4. Последний бой	310
<i>Между Кантом и Макиавелли (Вместо заключения)</i>	<i>327</i>
ПОСЛЕСЛОВИЕ	331
ПРИЛОЖЕНИЯ	342
БИБЛИОГРАФИЯ	356

*Посвящаю своим учителям,
предназначая своим ученикам.
Автор*

ОТ АВТОРА

Я не знаю времени, в котором личное мужество не значило бы ничего, я знаю время, в котором отсутствие личного мужества значит чрезвычайно много. Это — время, в котором мы живем. Чтобы преодолеть апатию и безволие в себе и окружающих, лучшее средство — окунуться в историю. И потом человек должен собирать себя, фиксировать подлинность своего существования, устанавливать тождество с самим собой. Откуда твой исток, что тебе по-настоящему дорого, кому наследовал, кто твои наследники — речь идет о вопросах, призванных установить характер духовного, идейно-нравственного взаимодействия поколений, составляющих жизненную цепь истории. Этому служат воспоминания. Воспоминания — это обращение времени вспять, ретроспективная реконструкция, имеющая вектор, противоположный течению времени. Вспоминая, вы мысленно проходите по всей цепи событий и открываете для себя основное русло и «рукава» жизненного потока.

Читателю предлагается книга, составленная из двух работ биографического характера. Обе о людях, чья профессия — университетский преподаватель. Их автор знал лично и считает своими учителями. Первая «вещь» по жанру более всего подходит к рубрике «воспоминания и размышления». В ней даны портретные зарисовки преподавателей, с которыми столкнула его судьба в годы учебы на историческом факультете в 70-е годы прошлого века. Университетская школа закладывает основы на всю жизнь. Автор анализирует уроки, которые он вынес из этой школы.

Вторая работа более значительна и представляет собой настоящее исследование при помощи биографического метода позднесоветского времени и той когорты советских людей, которая вошла в историю как «поколение шестидесятников». Смысловые центры этого исследования образуют судьбы трех профессоров Одесского университета. Анализируются их отношения со своим временем, их способ проживания жизни, моральный и профессиональный опыт.

К сожалению, поздно мы спохватываемся. Живем и работаем бок-о-бок с людьми и только потом, когда от них остаются только памятники на кладбищах и мраморные таблички на зданиях, нас пронзает мысль, что история не

позади нас, а дышит свежим дыханием прямо нам в лицо. Только нам ведь некогда, мы слишком заняты повседневной суетой. Древние учили: *memento mori*. Увы, нам не дано жить с чувством уходящего в вечность времени, не дано непосредственно и живо ощущать пульсирующее движение истории в череде дней, похожих друг на друга.

В ходе сбора материалов я, естественно, обращался к людям, знавшим моих героев. Некоторые из них меня благодарили: «Благородное дело вы задумали». Я такие фразы пропускал мимо ушей. И не потому, что не нуждаюсь в благодарности, а потому что с самого начала не собирался писать мемуарный труд. Мой замысел состоял в другом. Я сделал попытку «разговорить» своих героев уже после их ухода в другой мир, чтобы получить от них ценную для оставшихся информацию. Их «истории» являются надежными свидетельствами советской эпохи, поскольку они были достаточно яркими представителями советской научной гуманитарной интеллигенции, обладали незаурядной рефлексией и саморефлексией. Мне «понадобились» жизни моих героев, чтобы на их «материале» осветить важные мировоззренческие и философские проблемы позднесоветской эпохи. Повторю: это работа не столько биографа, сколько историко-философское исследование, опыт биокритики, целью которой является стремление понять сознание действующих в истории людей. Если хотите — научная работа, выполненная на материале биографий людей, которых я знал лично и поэтому остро чувствую правду и неправду о них. Все трое родились почти в одно и то же время и представляют собой поколение «шестидесятников». Поэтому внимание автора было приковано к судьбе этого «самого советского» поколения.

Конечно, в процессе писательства я что-то добавляю от себя к фактам чужих биографий, но исследователь никогда не может полностью исключить самого себя из научного анализа. Таково свойство всех гуманитарных исследований.

Автор не стремился к полной реконструкции жизни своих героев, практически обошел стороной их личную жизнь, поскольку считал, что не имеет на это право. В биографическом жанре, в жанре воспоминаний очень важно правильно «навести резкость». Не все факты из жизни героев, не все детали и мелочи, ставшие известными автору, следует придавать огласке. Не они создают историческую правдивость образов реальных лиц. Меня интересовали их мышление, мотивации, искания, созданная ими система отношений к делу, к коллегам и ученикам. Были ли они свободны или, как большинство, провели жизнь в ожидании изменений в обществе и государстве.

В целом, имея в виду этический аспект в биографическом сочинении, автор руководствуется установкой Вольтера: «К живым следует относиться доброжелательно, о мертвых же нужно говорить только правду». А вот тут возникает первая методологическая сложность. Что значит сказать правду? Полагаю, это значит изложить версию личности, основанную на фактах и обстоятельствах из ее жизни, почерпнутых из документов или воспоминаний. Если жизнь каждого человека уникальна, то как можно эту уникаль-

ность воспроизвести? Так или иначе, это будет миф о человеке, поскольку факты сами по себе, без интерпретации, не позволяют доподлинно судить о мотивах и еще меньше о тех подсознательных импульсах, которые подталкивали к решениям и поступкам. Только люди, близкие к этому человеку, связанные с ним особыми отношениями любви или ненависти, дружбы или вражды, способны своими перекрестными свидетельствами помочь автору в воссоздании объемного образа навсегда ушедшего человека.

Биография человека — это узор, вышитый на социально-исторической ткани. Без узоров ткань будет серая, безлика. Кажется, биографический жанр предполагает создание портрета на фоне или в контексте эпохи. Это, на мой взгляд, неправильная постановка творческой задачи. На самом деле эпоха не только контекст, но и сам текст, определяющий смысловое содержание человеческой жизни. Поэтому человеческая судьба — это индивидуальное послание прошлого нашей современности. Прочитать и растолковать это послание — вот что требовал автор от самого себя.

Масштаб личности решающим образом зависит от того, на какой высоте находится человек, живущий в свое время. Он может быть выше, ниже и вровень со своим временем в зависимости от того, как он осознает, включается и решает основные противоречия данного исторического времени. Мои герои, профессора и преподаватели университета, ставшего и моей судьбой, жили вровень со своим веком. Они претендовали на сознательность своего существования в потоке времени в отличие от обывателей, чья жизнь почти не оставляет после себя кругов на поверхности бытия. Можно сказать, что через них время себя выразило. Это было время великих ожиданий, больших свершений, надлома и колоссальных разочарований. Сегодня это время нуждается в объективном исследовании и понимании.

Почему это важно для автора? Потому что это — МОЕ ВРЕМЯ. Оно меня сформировало советским человеком, «совком», как некоторые, особо продвинутые, изволят выражаться. И потому, что на это время легла гигантская тень отрицания и диффамации. Считаю из всех человеческих пороков неблагодарность, которая сочетается с прилагательным «черная», одним из самых отвратительных.

И последнее. Книга посвящена людям, связавшим свою судьбу с Одесским университетом имени лауреата Нобелевской премии Ильи Ильича Мечникова, работавшего в нем профессором зоологии с 1870 по 1882 год. Университет мы воспринимаем не просто как учреждение, организационную форму связи науки и образования, а как духовное содружество поколений людей, передающих друг другу эстафету знаний и опыта, людей, окрыленных благородной мечтой заглянуть за горизонт, испытавших благоговейный трепет от рождения новой мысли, новой идеи, новой конструкции. Университет стоит на пороге большого юбилея — 150-летия со дня основания в 1865 году под именем Новороссийский Императорский. Автор безмерно рад возможности в такой форме выразить благодарность своей Alma Mater.

Мои главные
уроки на истфаке
(Зарисовки по памяти
и размышления по поводу)

МОИ ГЛАВНЫЕ УРОКИ НА ИСТФАКЕ

(Зарисовки по памяти и размышления по поводу)

*«Всякий из вас может сказать, что единственное,
что соединяло профессора со студентами,
было чистое и бескорыстное служение науке.
Эта связь осталась и теперь, когда профессора
нет уже в университете».*
В.Н. Черчилль

1.

Всякий человек имеет право на воспоминания, но далеко не всякий имеет право занимать внимание незнакомых ему лично жителей планеты своей «историей». Почему люди пишут мемуары? Потому что волею судеб они стали свидетелями исторических событий, имеют прямое отношение к историческим решениям и контактировали с людьми исторического масштаба. Общественный интерес ко всем трем составляющим Истории побуждает взяться за перо. Это — один, наиболее распространенный, мотив мемуаристов. К нему я не имею никакого отношения.

Когда читаешь мемуары таких великих политиков, как Отто фон Бисмарк и Уинстон Черчилль, то понимаешь, что и свои воспоминания они превратили в орудие политической борьбы. В них они решают задачу апологетики своей политики. Это также не мой случай.

Есть еще мотив пользы. Это многосложный мотив. Для кого и для чего я берусь восстанавливать факты прошлого, окрашенные личным участием и субъективным восприятием? Во-первых, для себя любимого. Наступает возраст, когда уже начинает вырабатываться отношение к собственной жизни как к чему-то целому, отмеченному судьбой: увидеть смысл в том, что *было*, свершилось, связалось и продолжает свое *бытие* в феноменологии текущих событий — пожалуй, это важная задача для самоанализа.

Во-вторых, я пишу для нынешних поколений студентов. Дело в том, что поколение, к которому я принадлежу, училось на историческом факультете до «нашей эры»: мы — родом из СССР, страны, которую сегодня одни идеализируют, другие обливают грязью, третьи хотят поскорее забыть. Существует миф о том, как победители Трои пожалели жителей побеждённого великого города и разрешили им уйти, взяв по своему выбору что-то из вещей по минимуму. Один из самых славных защитников Трои Эней не взял ничего, кроме изображений своих богов. Восхищенные его благочестием

эллины разрешили ему взять что-нибудь ещё. Тогда Эней вынес на своих плечах своего немощного отца. Если человек чувствует в себе живую связь с поколениями дедов и отцов (а это — советские поколения), то он ощущает свой долг нести бремя своей реальной, а не мифической, истории. Я отношу себя к таким людям.

Я учился на историческом факультете Одесского государственного университета имени И.И. Мечникова в 1973—1978 гг., то есть отношусь к поколению «семидесятников». У нашего поколения были прекрасные идеалы: гармоническое развитие личности, жизнь на благо общества, социальная справедливость. У нас была мощная страна, которой мы не стыдились. У нас были отцы-победители. И, наконец, у нас были учителя, которые дали нам первые существенные уроки в нашей жизни. И еще нам была привита с раннего детства вера в труд и уважение к трудящемуся человеку. На факультете, на курсе, где я учился, был культ учебы. Каждый имел свои представления о карьере, но большинство из нас считало, что ее основы закладываются здесь и сейчас упорным трудом в учебе. Наука? Благородное занятие, которому стоит посвятить жизнь. Деньги? Деньги приложатся, если сложится жизнь, а она обязательно сложится, если, упорно трудясь, станешь высоким профессионалом. Эта надежная нравственная основа жизни сегодня, к сожалению, подорвана активно насаждаемой рыночной моралью, которая деньги сделала универсальным мерилom жизненного успеха.

Было и другое. Мы формировались в так называемый период «застоя», или «брежневизма». Мы жили в безыдейное время в царстве формальной идеологии. «Великая идея в дурной среде превращается в ряд нелепостей» (В.О. Ключевский). Если коммунизм — великая идея, то в 70—80 годы она была полностью опошлена и стала поводом для анекдотов. Если демократия — великая идея, то мы переживаем афоризм Василия Осиповича Ключевского как реальность наших дней.

Борис Херсонский написал: «И в восьмидесятые, и в девяностые годы «люди семидесятых» составляли ничтожное меньшинство. Они не рукоплескали крушению Империи, не кричали «Россия!», «Ельцин!». Впрочем, люди семидесятых чаще всего не были ни героями, ни демократами». Пожалуй, это верное наблюдение. Нам не дано было жить энергетикой великих идей. Наш удел в лучшем случае — упереться и противостоять аномии последних двух десятилетий. По идейному влиянию, совокупному таланту и солидарности мы значительно уступали «шестидесятникам». «Семидесятники» — это уже разобранный и расшатавшийся поколение.

Однако как историкам-очевидцам нам повезло: нас угораздило жить на катастрофическом сломе эпох. Первую часть своей жизни мы прожили в советскую эпоху, причем в лучший ее период, а вторую половину проводим в мире с другой системой ценностей, причем в период его трудного становления. И вот тут наше постсоветское общество подстерегает угроза, характерная для всякого постреволюционного общества. Суть ее укладывается в шекспировские строчки:

Распалась связь времен.
Зачем же я связать ее рожден!

«Распалась связь времен» — это признание культурно-исторической катастрофы. Поэт Леонид Васкинен развил эту тему в своем стихотворении, где есть такие строчки:

На кладбище растоптанных традиций
Свое осуществляем бытиё.

.....

Отец давно понять не может сына,
А внуку чужда деда простота,
Века, касаясь, протекают мимо,
Без встречи расставаясь навсегда.

Речь идет о том, что в результате катаклизма глобального масштаба, каковым является распад СССР, в нашей исторической памяти образовались провалы, которые сегодня пытаются заполнить мифами, выдаваемыми за «правду истории». Моя скромная задача состоит в том, чтобы противопоставить этому заказному мифотворчеству правдивый рассказ о тех временах и событиях, свидетелем и рядовым участником которых я был.

Память — ненадежная штука. Если периодически не повторять свои «истории», они выветриваются, расплываются, утрачивая существенные детали, а если повторять, то превращаются в легенды. В них рассказчик становится весомым персонажем, который расставляет своих «героев» в удобные для него мизансцены, а в конце присваивает себе право на мораль.

Еще раз хочу подчеркнуть, что прекрасно отдаю себе отчет в том, как трудно пробиться к тому молодому человеку, кем был я сам, когда мне было двадцать плюс минус два. Психологическая ретроспектива личности, субъективное чувство времени — ненадежная штука. Тем не менее я попытаюсь честно передать свои ощущения и впечатления студенческого периода.

У меня, к сожалению, не было Учителя, но были учителя. О них и пойдет речь. Мой опыт преподавания в университете на сегодняшний день будет поболее того, который был на тот период у большинства из них, что позволяет судить о них в профессиональном плане. Поэтому воспоминания дополнены размышлениями.

2.

1973-й год был для меня судьбоносным: в числе нескольких десятков счастливых я был зачислен на исторический факультет Одесского университета. Боже, как же мы тогда были счастливы! Впрочем, повод воспринимать мир в радужном свете у нас был весьма серьезный. Мы прошли первый

в нашей жизни серьезный конкурсный отбор и поступили на престижный исторический факультет. Конкурс тогда был на истфак один из самых высоких в университете — семь человек на место, реально еще выше, поскольку были места, заранее выделенные льготникам: сиротам, инвалидам, людям после армии, сельским стипендиатам. Наконец, были среди нас и «фраера», поступившие по протекции. Мы, слава Богу, ничего об этом не знали. Много позднее, когда я сам стал регулярно участвовать в работе приемной комиссии, для меня открылось, что наша система отбора путем вступительных экзаменов была не столь уж безнадежно объективна.

Итак, мы поступили, и с первых чисел сентября отправились всем курсом в колхоз Благоево «спасать урожай». Там мы перезнакомились друг с другом. Было и еще одно немаловажное обстоятельство: рядом с нами базировался третий курс. Кроме того, одним из наших кураторов была вчерашняя аспирантка Алла Доля. Именно она и старшие коллеги-третьекурсники познакомили нас, неофитов, со студенческой мифологией исторического факультета. Как известно, главными героями, небожителями студенческой мифологии являются преподаватели. Поэтому, когда настало время приступить к непосредственным занятиям, мы уже знали «кто есть who» и соответственно готовились.

Куратором нашего первого курса был назначен тогда еще молодой доцент кафедры истории древних и средних веков *Владимир Никифорович Станок* (1937—2008). В 1973 году ему было всего лишь 36 лет. «Станок» — так мы его называли в своем кругу — казался старше своего возраста. Он читал нам «Историю первобытного общества». Станный это предмет, рожденный взаимодействием данных археологии, этнографии, антропологии, сравнительной биологии, философии... Скрепляет все это сочетание научная фантазия исследователя, ибо как жили гоминиды в эпохи палеолита, мезолита или даже неолита доподлинно не знает никто.

Станок был палеоархеологом — копал палеолит и мезолит. Взрослые люди посвящают свою жизнь тому, что раскапывают в земле «камешки» и потом долго спорят, пытаясь понять, то ли это эолиты, то есть камни, «обработанные» ветром или еще какой-нибудь природной стихией, то ли это вожделенные камни, обскубанные неумелой рукой гоминида, древнего человека. Надо быть фанатом и обладать вызывающим прилив адреналина чувством первооткрывателя, чтобы стать охотником за артефактами и посредством скудных предметных находок в раскопах установить фетишистскую связь с далекими предками. Именно таким фанатом, мне представляется, был Владимир Никифорович, когда он появился за кафедрой и стал читать нам свой курс по истории первобытного общества. Несомненно, наука у него тогда была на первом месте, а преподавание — на втором. Он был фундаментально увлечен своей научной работой, что незамедлительно передалось нам через его лекции.

Мое предположение подтверждается, в частности, тем фактом, что как только было открыто в Одессе Южное отделение АН УССР (в 1976 г.),

Владимир Никифорович на много лет покинул университет и возглавил академический отдел археологии Северо-Западного Причерноморья. То есть полностью погрузился в науку.

Урок номер один для нашего брата-преподавателя. Университетский преподаватель обязательно должен быть активным исследователем. Вкус к научному творчеству нельзя привить студенту, если сам его не имеешь. Актуальный научный поиск находит выражение в чтении лекций под углом проблемного подхода. И это не дидактический прием, а естественный выход научного творчества.

Этому требованию идеально соответствовал В.Н. Станко в те далекие годы. Сразу было видно: перед нами ученый. И это вызывало к тому, что он говорит, особенное доверие. Хотелось соответствовать. Поэтому я, к примеру, засел за чтение и конспектирование работ тех ученых, на которых он ссылался в своих лекциях: академика Окладникова, его ученика Деревянко, Ефименко, Нестурха, Борисковского, Масона. Я был восхищен работой антрополога, археолога и скульптора М.М. Герасимова, который на основе фрагментов костей скелета реконструировал облик неандертальского мальчика из Тешик-Таш, железного хромца Тамерлана, царя Ивана Грозного. Фантастика!

Благодаря Станку мы прикоснулись к проблеме антропогенеза и социогенеза, по-русски говоря, к проблеме происхождения человека и общества. Хотя это вовсе не проблема, а великая тайна, которая средствами науки решена быть не может. Поэтому сам Станок пребывал в великой иллюзии и нас в ней поддерживал. Что поделаешь — не он один. Как возникло человечество? Собственно говоря, так называлась книга Ю.И. Семенова (М., 1966), которую нам усиленно рекомендовал Станок. Еще по его «наводке» мы читали книгу Б.Ф. Поршнева «О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии)» (М., 1974).

3.

На этом же курсе читала нам историю Киевской Руси доцент кафедры истории СССР Анна Михайловна Шабанова (1933—2006). Она была притчей во языцех, и из этой притчи следовало, что ее «трудно пройти»: были случаи, когда у нее сдавали экзамен пять и более раз и не сдали, что ее «клинит» на кодексе законов Киевской Руси «Русская правда». Легенда оказалась вполне достоверной.

Искусству терпения мы учились на лекциях Анны Михайловны. Читала она их размеренным голосом, монотонно. Лекции читались в амфитеатровой 14-й аудитории в здании на Советской Армии (ныне — Преображенская), которое истфак делил в те годы с университетской библиотекой. (Кстати, было очень удобно: после занятий мы плавно перемещались в залы библиотеки и сидели там допоздна). Как сейчас помню: мы, несколько сдружившихся за время колхозной практики ребят, сидели справа, ближе к выходу

и откровенно томились. Шла третья пара. За окнами кипела жизнь, а мы добросовестно старались вдумываться, чем закупы отличаются от рядовичей и кто ж такие на самом деле были смерды — свободные крестьяне или нет. Получалось плохо. Мы чувствовали себя приговоренными к галерам. Среди нас был крепкий, жизнерадостный парень, ярко выраженный сангвиник Григорий, он же Гоша, Пекарский. Родом из Любашовки. Ему было уже 25 лет, то есть он был старше нас, вчерашних школяров, на целую жизнь — на семь лет. Он поступил на истфак с пятого раза. До этого успел побывать в армии, сходить матросом в море, работал грузчиком в порту. Он первый не выдерживал, начинал бросать реплики, кто-то отвечал, возникал шум. И Анна Михайловна прерывала лекцию, кого-то из нас поднимала и отчитывала. При этом она обещала нам устроить «веселую жизнь» на экзамене. Надо отдать ей должное: она выполнила свое обещание на все сто.

Злокозненный вавилонский царь Хаммурапи придумал свои законы только для того, чтобы мучить советских студентов. Благодаря Анне Михайловне нам показалось, что милейшие древнерусские князья Ярослав Мудрый и К° его значительно «переплюнули», создав свой сборник законов «Русская правда». Анна Михайловна превратила его в орудие средневековой пытки и сладострастно терзала нас его статьями. Благодаря ей я до сих пор помню — и уже никогда не забуду, кто такие были огнищанин, вирник, тиун и, что б ему ни дна ни покрывки, ратайный староста. Помню также, какая вира (штраф) полагалась за убийство смерда и какая — за убийство огнищанина. Зачем мне эти ценные сведения, сказать не могу.

В своем курсе она явно отдавала предпочтение социально-экономической истории в ущерб политической истории и практически игнорировала историю культуры Киевской Руси. А ведь это важнейшие разделы, формирующие фундамент исторического сознания отечественного историка, да и к тому же интереснейшие!

Стиль — это человек. Думаю, что не нашлось рядом с Анной Михайловной человека, который убедил бы её скорректировать стиль преподавания. Это очень трудно, но было возможно, во всяком случае, когда она была еще молода и способна на сомнение. В 1973 году ей было всего лишь сорок. Для преподавания — это только начало золотого возраста расцвета.

Я бы, например, перенес детальное изучение правовых отличий категорий зависимого крестьянства на семинарские занятия, а в лекциях постарался бы показать всестороннее значение «Русской правды» как памятника правовой культуры Русского государства, а не только как источника социально-экономических, феодальных отношений. Для этого можно было бы провести сравнение с аналогичными памятниками Западной Европы.

Неужели ее устраивала репутация «грозы студентов»? Строить всю стратегию преподавания на требовательности, наверное, неправильно. Особенно когда речь идет о первом курсе. Известно, что людей ловят на интересы, как рыбу на червя (Горький). Но одно дело — интерес, идущий от романтического восприятия истории, от естественной любознательности, другое

— научный интерес. Научный интерес надо еще пробудить, к нему нужно подойти, комбинируя требовательность с применением игровых ситуаций, моделирования, реконструкции и других приемов, развивающих творческое отношение к историческому познанию. А пичкать первокурсников именами и концепциями — в этом пользы мало. Никакого творчества от нас Анна Михайловна не требовала, ибо сама к нему, видимо, была мало способна.

Сейчас, спустя десятки лет, я думаю, что манере А.М. Шабановой скучно читать лекции сопутствовал еще один крупный для университетского преподавателя недостаток: она не имела собственной точки зрения на вопросы, которые разбирала. У Анны Михайловны была хорошая ленинградская школа. С точки зрения историографии ее лекции были безупречны. Не помню случая, чтобы в течение лекции она не упомянула несколько раз традиционный для нее набор имен: Борис Дмитриевич Греков, Борис Александрович Рыбаков, Михаил Николаевич Тихомиров, Лев Владимирович Черепнин, Владимир Васильевич Мавродин, Серафим Владимирович Юшков, Иван Иванович Смирнов. Она обязательно называла их полностью — по имени, отчеству и фамилии. Если мне не изменяет память, она училась в ЛГУ у В.В. Мавродина. Но не помню случая, чтобы она сказала что-то вроде: несравненный Михаил Николаевич Тихомиров считает так-то, неподражаемый Лев Владимирович Черепнин занял по этому вопросу такую-то позицию, выдающийся авторитет Владимир Васильевич Мавродин (да будет он всегда здоров!) обосновал свой взгляд, а великолепнейшие Серафим Владимирович Юшков и Иван Иванович Смирнов с ним не согласились. Но я полагаю, что все они в этом вопросе ошибаются и вот почему! В ее лекциях отсутствовало ее собственное «Я». К своим научным кумирам Анна Михайловна относилась, как древние славяне к идолам: она их боготворила. И этот ученический взгляд снизу вверх не imponировал.

В компаниях с выпускниками истфака, закончившими его много позднее меня, при упоминании Шабановой, они начинали весело, как пароль, произносить: Тихомиров, Мавродин, Юшков... Анна Михайловна не развивалась! Она законсервировалась, оуклилась, но в бабочку так и не превратилась. Вот в чем, по моему мнению, была ее драма как преподавателя.

Я не помню прозвища Анны Михайловны, по-моему, мы ее никак не обозвали, знаю только, что заочники звали ее «Концепцией» — за неумеренное употребление этого слова. В сущности, Анна Михайловна была милостивой, приятной, молодой женщиной, но она не давала нам ни одного шанса взглянуть на нее с этой точки зрения. Это был **важный жизненный урок: есть вещи и люди, которые надо принимать такими, какие они есть.**

4.

Заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков, профессор **Петр Осипович Карышковский (1921—1988)** был легендарной личностью.

Историк божьей милостью. Талантище! В студенческой мифологии он занимал первое место среди всех наших преподавателей благодаря энциклопедизму, знанию живых и древних языков, экстравагантным манерам. Вот уж кто себя не держал «в рамках»! Яркое выраженный эпикуреец, любитель вина и любимец женщин. Ренессансная натура. Рассказывали легенду, что однажды он пришел к «вечерникам» в серьезном подпитии. Встал перед студентами, оперся рукой о стол для равновесия и начал читать лекцию... на латыни. Студенты быстро сообразили, в чем дело, и терпеливо слушали его, не обнаруживая недовольства.

Он имел манеру читать по дороге на работу. Высокого роста, худощавый, в очках с толстыми стеклами в роговой оправе он ходил быстрой походкой, переваливаясь с ноги на ногу, как утка. При этом держал перед собой книгу и читал. Мог увлечься и врезаться в какое-нибудь препятствие, например, в столб. Тогда он производил коррекцию своего маршрута и продолжал движение дальше в том же положении, то есть с книгой перед глазами. И ничто его не отвлекало!

Еще при жизни его признавали выдающимся ученым и, судя по всему, это не было натяжкой. Во всяком случае, поговаривали, что у него была коллекция античных монет, который мог бы позавидовать крупный музей. Ну, соответственно, и нумизматом он был мирового класса.

Я слушал его курс по истории Древнего Рима, когда ему было 53 года. Как ученый и лектор он был тогда в блестящей форме. Сказать, что он много знал значит ничего не сказать. Он рассказывал с такими подробностями и деталями о жизни римлян, как будто только вчера вернулся из путешествия по древнему Риму на машине времени. Он с удовольствием нам пересказывал «свежие» римские анекдоты, которые подслушал во время своего путешествия. Главный интерес истории составляют не процессы и институты, а люди, активные деятели, герои в историческом смысле слова. Мы хотели иметь точное представление, что за люди были римляне. Благодаря каким свойствам этого народа они смогли создать мировую империю, неизменно побеждая своих врагов. И Петр Осипович сполна удовлетворял наш интерес. Мы слушали, затаив дыхание, получая истинное удовольствие от его изумительных лекций.

Я уже сказал и хочу еще раз подчеркнуть, что высококлассного историка отличает знание исторических деталей. Вот я читаю свой конспект первой лекции П.О. Карышковского. Она была посвящена историографии Рима. Мэтр говорил: *«Римляне писали на крахмаленном полотне густыми чернилами. Таким образом писалась государственная летопись»*. Казалось бы, незначительная деталь, но она вводит нас в древнеримскую цивилизацию. Ведь наша цивилизация до последнего времени была бумажной. Бумага для нас естественный материал для закрепления своей культуры. А римляне писали на полотне, египтяне — на папирусе и камне, ассирийцы — на глиняных табличках, древние славяне — на пергаменте и бересте.

Далее. *«Наиболее известным историком из старшего поколения анналистов был Фабий Пиктор, живший в III до н. э. Он писал римскую историю на греческом языке».* Во как! Не на государственном языке. Нынешние истфаковские историки этого бы не потерпели и Фабия Пиктора из своих рядов изгнали. Но ему повезло: он жил в условиях древнеримской демократии, где греческий язык весьма непатриотично считался языком учености.

Еще одна цитата из конспекта лекции Карышковского: *«Младшие анналисты писали в эпоху Суллы (в 80—70-е гг. I в. до н. э.). Их отличает то, что они часто выдумывают связные занимательные рассказы, красивые легенды, сплошь и рядом подделывают факты».* И это нам хорошо знакомо и понятно по современному периоду украинской историографии. Ах, Петр Осипович, как Вас не хватает на сегодняшнем истфаке! Какой там сегодня простор для Ваших издевок.

...Спустя некоторое время, листая конспекты лекций Карышковского, я поймал себя на одной мысли. В сравнении с блистательным Петром Осиповичем Анна Михайловна Шабанова выглядела серой мышкой, но вот что любопытно: от ее курса у меня остались конспекты ее лекций и еще толстая тетрадь с конспектами работ рекомендованных ею авторов, а вот после Петра Осиповича я обнаружил в своей, специально отведенной под его курс, толстой тетради жалкие отрывки лекций. Она не была заполнена и на одну пятую часть.

Помню, какую сочную характеристику он дал всемогущему диктатору Сулле. Под конец своей жизни от нестерпимого зуда кожи Сулла большую часть дня проводил в ванне, а из его кожи под действием горячей воды выползали черви. Человек гнил заживо. Кошмар! Так вот, та двухчасовая лекция о сулланском режиме в моем конспекте уложилась в одну строчку: *«78 г. до н. э. Скончался диктатор Сулла».* Все.

Свои эмоции от его лекций помню, а их содержание выветрилось напрочь. Петр Осипович артистически читал лекции, демонстрируя в самом выгодном свете свою потрясающую эрудицию. Мы просто забывали конспектировать и слушали, разинув рот, пребывая в полном восторге. Он, подобно волшебнику, захватывал нас и уносил в далекие миры, но... не учил. Артист, премьер, орел, но... не учитель!

Я не помню, как я ему сдавал экзамен. Судя по всему, он не вел у нас семинары. У меня сложилось мнение, что его метод работы со студентами был следующим. Он не выделял никого из общей массы, пока кто-то сам не выделялся и не начинал «доставать» его своими вопросами. Тогда он давал совет по поводу библиографии — почитать то-то и того-то. Если студент вновь появлялся перед ним и задавал осмысленные вопросы, он начинал приглядываться к такому студенту, узнавал его в коридоре... Я думаю, это правильно.

Урок третий. *Мастер должен ценить собственное время и, как говорится, не метать бисер.* В общем, у преподавателя и студента задача аналогичная: преподаватель ищет «своего» ученика, а студент — «своего» учителя. И оба

одинаково испытывают «глубокое удовлетворение», если поиск увенчался успехом.

Я как-то зашел на кафедру истории древнего мира и стал невольным свидетелем картины, где Петр Осипович возбужденно показывал всем присутствующим то место в томе полного собрания сочинений Ленина, где вождь резко негативно отзывался об авангардной поэзии «горлана революции» Маяковского. Петр Осипович с явным одобрением цитировал это место. Видно, ему импонировало, что вождь оценивал стихи Маяковского не с партийной точки зрения, а с эстетической, и они Ленину, воспитанному на русской классике, не нравились. Маяковский в известной поэме написал: «Я себя под Лениным чищу», а Петр Осипович, судя по всему, терпеть не мог интеллигенции, находящейся в услужении власти. С другой стороны, и Пушкин удостоился его порицания в связи с известной эпиграммой на губернатора графа М.С. Воронцова («полуподлец, полуневежда...»). Все же гению порядочность не повредит.

П.О. Карышковскому жизнь медом не казалась. У него были серьезнейшие проблемы в личной жизни. Против него была настроена декан З.В. Першина. Его боготворили студенты, но он испытывал на себе отчужденность многих преподавателей. Преподаватели-фронтовики не могли простить ему «греха»: в годы оккупации Одессы он учился в Одесском университете, который организовали румыны. Ему это вменялось чуть ли не как коллаборационизм. По-моему, здесь примешивалась зависть к его феноменальному таланту. Ему отказывали в приеме в партию, то есть сама Система оказывала ему недоверие. Но все это, я полагаю, не могло генерально портить ему жизнь. Для человека уровня Петра Осиповича понятие карьеры слишком мелко, чтобы оно могло задевать его честолюбие. Он был Историком и знал на многих примерах истинный масштаб бедствий, отпущенных человеку. Он жил в эпоху сталинизма и был свидетелем того, как круто Система обходилась с людьми, которых подозревала во враждебности. По сравнению с ними у него были мелкие неприятности. Если и могло что-то доставлять ему настоящую боль, то это проблема собственного таланта, то есть проблема нереализованности. Я не был близок к ПЭО и могу в этом случае строить лишь одни предположения. Его библиография насчитывает более 170 названий. Но среди них нет ни одной крупной работы, достойной уровня его одаренности, мощи его интеллекта, широты познаний. Ни одной обобщающей работы по истории Рима, Византии, русско-византийских или русско-болгарских отношений. Нумизматика, согласитесь, слишком узкая специальность, чтобы вместить Петра Осиповича. Ни одного широкого полотна, достойного кисти такого мастера! Нереализованность — это бич провинции. Нереализованность — это червь, который выгрызает душу изнутри, поскольку свободный человек сам себе тюремщик.

...Прошло уже больше десяти лет с тех пор, как П.О. Карышковский ушел из жизни. Ни одного антиковеда его уровня сегодня нет во всей Украине. И когда появится, и появится ли вообще — сказать трудно. Кстати, ни одной

книги, даже маленькой книжонки о нем до сих не вышло. А ведь немало людей считают удачей своей жизни личное знакомство с ним. Мне кажется, что настало время объединиться всем тем, кто его близко знал, с единственной целью: написать большую книгу-исследование о легендарном ПэО. Это — наш общий долг перед памятью Петра Осиповича, и перед Факультетом, и перед всей Одессой, истинным сыном которой он был.

5.

Историю средних веков нам преподавала незабвенная **Ирина Владимировна Завьялова** (1911—2001), женщина серьезного возраста, о чем говорило ее прозвище «Старушка». Стройная, старомодная, даже чопорная, с необычайно голубыми, живыми глазами, она была по отношению к студентам требовательной, энергичной, местами даже суровой. Она не терпела разгильдяйства, неорганизованности, безразличия. Ее резких «определений» боялись. Она могла сказать обидные слова, но обижаться на нее было не принято. «Вам надо в зоопарк жирафа смотреть!», — кричала она нерадивому студенту. Такой она мне запомнилась.

Она учила нас анализировать первоисточники, организовывать свою самостоятельную работу. С этой целью она не жалела времени на проверку наших конспектов. Ирина Владимировна ничего не рассказывала о философско-психологическом методе вживания, вчувствования в историю, который предложил Вильгельм Дильтей (1833-1911), немецкий философ, психолог и историк культуры. Но она культивировала этот метод в работе с нами. Она давала нам творческие задания, которые требовали от нас вживания в эпохи раннего европейского феодализма, крестовых походов, итальянского возрождения. Ее семинары были, пожалуй, интереснее, чем ее лекции, хотя и к ним у меня нет претензий. И вот когда встречаешь такой уровень преподавания, когда требовательность сочетается с глубоким знанием предмета, то включаешься в работу, чтобы соответствовать этому уровню, начинаешь самостоятельно читать и конспектировать вещи сверх обязательной программы.

С Ириной Владимировной связаны два ярких впечатления моей учебы на истфаке.

Первое — это написание мной курсовой работы о флорентийских художниках Джотто и Мазаччо. В течение учебы на истфаке я писал несколько курсовых работ, но запомнил только эту. Почему я выбрал культурологическую тему? Исключительно потому, что ничего не знал об этих художниках, кроме того, что они были предшественниками великого Леонардо. Я был рад погрузиться в великолепнейшую эпоху Возрождения, которая породила целое скопление суперзвезд живописи и скульптуры на ничтожном клочке земли под названием Италия. Они действительно возродили античный культ красоты, но вложили в него свое, христианское, мироощущение. Главным моим экспертом по теме работы стал автор трактата «Жизнеописание

наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» Джорджо Вазари (1511—1574). Свой очерк о Джотто он начал так: «Мы должны, как мне думается, быть обязанными Джотто, живописцу флорентийскому, ибо <...> поистине чудом величайшим было то, что век тот, и грубый, и неумелый, возымел силу проявить себя через Джотто столь мудро, что рисунок, о котором люди того времени имели немного или вовсе никакого понятия, благодаря ему полностью вернулся к жизни».

Почувствуйте вкус, как почувствовал его я, к средневековому письму и манере мыслить, в нем адекватно выразившейся! С одной стороны — витиевато, пышно, пафосно, велеречиво, цветисто, с выкрутасами... А с другой — сразу же, без разгона — быка за рога: чем мы обязаны художнику Джотто, жившему в конце XIII — первой трети XIV века? Действительно, если мы ему ничем не обязаны, то зачем о нем писать. А мы ему обязаны ни много ни мало тем, что он заново научил нас рисовать. А чем мы обязаны Мазаччо? Мы ему обязаны «доброй манерой живописи». Итак, Джотто научил нас рисовать, а Мазаччо раскрашивать рисунок красками, *живописать*.

Для меня было очевидно, что наука — это то, что европейское человечество приобрело в Новое время, а культура — это то, чем оно располагало в эпоху Средневековья. Именно тогда был выработан идеал совершенной духовной личности, и с тех пор он остается для нас недостижимым. **Урок четвертый.** *Если вы хотите повысить свой культурный уровень, то вы просто обязаны обратить свой взор в Средневековье. Оттуда происходят образы, понятия, критерии и смыслы современной культуры.*

Второе впечатление связано с одним заседанием кружка по истории Средневековья, который вела И. В. Завьялова. Я учился на третьем курсе. Экзамен Завьяловой мы сдали в летнюю сессию за второй курс. Поэтому студентов было мало. Увы, и в наше время студенты были неприлично прагматичны. Из настоящих кружковцев я запомнил Иру Немченко. (Ныне Ирина Викторовна заведует кафедрой древнего мира и средних веков на истфаке). Она училась на курс старше, была старостой кружка. Сидела вместе со своей подружкой. Имени последней я не помню. По-моему, ее фамилия была Жебеленко. В этот раз «темой» заседания был Вольтер, тот самый — Франсуа Мария Аруэ. И докладчиком был не кто-нибудь, а сам Петр Осипович Карышковский. На заседание кружка пришел Вадим Сергеевич Алексеев-Попов, признанный знаток эпохи Просвещения.

Петр Осипович поставил на трибунку перед собой знаменитый бюстик Вольтера: старик с объемным лысым черепом и худой, жилистой шеей, в античных одеяниях, смотрящий на мир всепонимающими глазами и при этом язвительно улыбающийся тонкими губами. Эта улыбка Вольтера не менее загадочна и притягательна, чем улыбка Джоконды. Петр Осипович на пару с Вольтером смотрелись неплохо.

Начал Петр Осипович свой доклад с того, что дал широкую панораму Европы середины XVIII в. вплоть до гиперборейских далей вечно снежной России. И вся она, Европа, была скована сном разума, который кое-где

подсвечивался кострами инквизиции. Затем он сосредоточился на Франции. В отсутствие свободных установлений страдают не только низшие, но и высшие сословия. Аристократия в салонах начала критику режима абсолютизма. Вольтер подхватил ее и сделал достоянием общественного мнения всей Франции, более того — всей Европы. Собственно говоря, общественное мнение как феномен гражданского общества формировалось вокруг того, о чем писал и говорил Вольтер. Он разработал и провел успешные испытания нового оружия — оружия критики словом, саркастическим смехом, аргументом здравого смысла. Вся Франция смеялась над тем, над чем он смеялся. Он бесстрашно указал на могущественную католическую церковь и бросил клич: «Раздавите гадину!».

В аудитории была ниша, в ней стояла маленькая колонка с бюстом Ленина. Большой и нескладный Петр Осипович умудрился влезть в эту нишу за колонку и оттуда, возвышаясь над бюстом вождя, выпучив глаза, бросал страшные слова. Он явно был в крайнем эмоциональном возбуждении и говорил вещи, лично его задевавшие. Он восхищался Вольтером, его свободой во всех ее аспектах: жизнелюбием, духовной энергией, колоссальной работоспособностью, разнообразием интересов, независимостью от мнения королей. Это их репутация зависела от его мнения. Не он был на уровне века, а век подтягивался до его уровня. Он стал истинным королем Франции, поскольку был королем общественного мнения, от которого и венценосные особы зависели явным образом. Петр Осипович достиг апофеоза в своем экстазе. Ему нравился Вольтер как человек, живший полнокровной жизнью, не боявшийся «грешить», презревший предрассудки и лицемерие своего века. На его стороне были только сила разума и логика здравого смысла. Он вступил в, казалось, абсолютно безнадежный поединок с могущественной католической церковью, осуществлявшей тотальный идеологический контроль над словами и мыслями людей. В этом отношении историка к Вольтеру сквозило много личного и... общественного, если вспомнить, что роль КПСС была аналогична роли средневековой католической церкви в Европе. Я взглянул в этот момент на Ирину Владимировну. Она улыбалась. Она тихо восторгалась. В ее глазах читалась влюбленность.

Но это было только прелюдия. В разговор вступил Вадим Сергеевич. И закрутилось! Все знали, что он был поклонник Жан-Жака Руссо. Вольтер или Руссо — «кто более матери-истории дорог?» Разгорелся нешуточный спор. Два главных идеолога эпохи Французского Просвещения при жизни ненавидели друг друга. Вольтер смотрел на Руссо как на злобного сумасшедшего. Руссо говорил о Вольтере, что это «прекрасный ум и низкая душа». В лицах Карышковского и Алексеева-Попова они обрели прекрасных адвокатов.

Кто-то должен был расплатиться за набеги барских кроликов на поля фермеров, за королевский фаворитизм и прочие «шалости» дворянского класса. Привилегии, все до единой, противны веленьям человеческого разума — такой вывод философов-энциклопедистов был приговором для феодальной системы власти, основанной на принципе привилегии. Именно

с этого момента обретает силу философия Руссо с ее центральным принципом Справедливости и Равенства.

Если бы не было аристократии, не было бы и Вольтера. Он всей душой принадлежал этому сословию — не по происхождению, а по своему духу, по своей культурной интенции. Руссо ненавидел аристократию, она оскорбляла его чувство равенства. Руссо под именем «общей воли» возвел народ в божество. Вольтер в народе прозревал чернь, которую опасно распалать революционными призывами.

Карышковскому решительно не нравился Руссо и как мыслитель, и как человек: сентиментальный, плаксивый, вечно жалующийся на свою судьбу, склонный к мизантропии старик. Видевший в предметах цивилизации лишь инструменты разврата и культурного вырождения, Руссо в принципе не мог радоваться жизни.

Можно только подивиться иронии истории. «Человек со Слободки» Петр Осипович оказался «вольтерьянцем», поклонником аристократического начала, а урожденный дворянин Вадим Сергеевич — руссоистом, сторонником демократического принципа.

Конкретных реплик спорщиков и чем, собственно, закончился спор я, конечно, не запомнил. Да это и не важно, важно то потрясающее впечатление, которое я получил от столкновения умов и характеров двух ученых мужей. Это был настоящий агон в античном понимании этого слова. И мне, признаться, ужасно захотелось стать таким же поединщиком, вооруженным «до зубов» фактами и аргументами.

6.

Упомянутый Вадим Сергеевич Алексеев-Попов (1912—1982) был еще одним выдающимся персонажем, о котором мы были весьма наслышаны и заранее трепетали. Маленький, сухонький, с хохолком редких непричесанных волос на голове, он походил на Суворова в цивильном. Он не считал нужным скрывать своего раздражения и бурно возмущался, если мы не дорабатывали. Почтенный возраст (ему было больше 60-ти лет) давал ему на это законное право. Рассказывали, что однажды, находясь в нервном возбуждении, Вадим Сергеевич вытащил из внутреннего кармана пиджака только что полученную зарплату и со словами «Зачем мне государство платит, если я не могу вас ничему научить!» бросил деньги так, что они веером разлетелись по аудитории. Зато если он выделял кого-то из нас в лучшую сторону, то одаривал своим доверием, приближал к себе. Я сам испытал на себе это доверие. Два-три удачных ответа на семинаре, конспект, который он оценил на «отлично», — этого оказалось достаточно, чтобы он зачислил меня в «свои» студенты. В результате я был приглашен к нему домой. Он показал мне свою обширную библиотеку, дал из нее книги почитать. На экзамене мне попался билет, третьего вопроса которого я практически не знал. Но кредит

доверия со стороны Вадима Сергеевича был ко мне так велик, что до третьего вопроса дело не дошло.

Урок братьям нашим младшим, студентам: *в течение семестра учитесь так, чтобы на экзамене в трудной ситуации к вам на выручку пришел сам экзаменатор. Причем желательно, чтобы он об этом даже не подозревал.*

В.С. Алексеев-Попов читал нам, как сейчас принято говорить, авторский курс. В нарушение жесткого требования придерживаться программы большую часть лекционного времени он отводил освещению идеологии эпохи французского Просвещения и Великой Французской революции, ее основным линиям — консервативной, жирондистской и якобинской, революционно-демократической. Вообще его самого интересовал феномен идеологии. Помню, на семинарах он ставил нам задачу провести сравнение английской и французской революций и объяснить, почему первая осуществлялась, как он выражался, «в религиозной рубашке», а вторая носила ярко выраженный атеистический характер и проходила под лозунгом: «Долой религию, да здравствует разум!». Для анализа революций Вадим Сергеевич применял методологию, почерпнутую в работах К. Маркса. Последний в его глазах был великим мыслителем.

Вадим Сергеевич жил на своей волне. Он входил в аудиторию, начинал читать лекцию, расхаживая между рядами, опустив голову, сосредоточившись. На наших глазах он выстраивал лекцию, постепенно заводился, сам с собой дискутировал, сам себя опровергал, подолгу задерживался на идеологических оценках деятелей Просвещения и Французской революции, входил в детали историографического анализа. В общем, он нас знакомил со своими размышлениями и научными поисками, которые выходили далеко за рамки программы. Конечно, на первом месте у него шел его любимый Жан-Жак Руссо. Надо сказать, что Алексеев-Попов был весьма учен в этом вопросе. Он перевел с французского трактаты Ж.-Ж. Руссо, дал комментарий к ним, написал большую вступительную статью¹. Известно, что ему помогал работать над переводом эмигрировавший из Франции Николай Алексеевич Полторацкий (1909—1991). До сих пор эта книга переиздается в России в его переводе и с его комментариями. Собственно говоря, это его главный вклад в науку. По неизвестным мне причинам Вадим Сергеевич, к сожалению, очень редко публиковался. Я считал и до сих пор так считаю, что причиной тому — высокая требовательность к себе как ученому. Между тем он располагал авторитетом среди своих коллег-специалистов как в Союзе, так и во Франции. Его знали, с ним считались, спрашивали его совета крупные научные авторитеты.

В.С. Алексеев-Попов возглавлял в Одессе отделение Общества советско-французской дружбы, неоднократно бывал во Франции и, конечно, имел личные знакомства с тамошними специалистами по истории Французской революции, поддерживал с ними переписку. Однажды после занятий он

¹ Алексеев-Попов В.С. О социальных и политических идеях Руссо // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. — М., 1969.

показал нам в аудитории привезенный из Франции фильм об этой революции. Фильм не был дублирован. По ходу показа он несколько раз прерывал его и комментировал только что увиденное. Фильм был игровой, но с соблюдением всех исторических деталей, с тщательным подбором актеров на роли главных исторических персонажей — Марата, Дантона, Робеспьера, Сен-Жюста, Демулена. У меня с тех пор такое чувство, что я лично был знаком с ними. В фильме были мастерски воссозданы дух революции, ее бешеный темпоритм, изломы, моменты торжества, предательства и трагедии. То есть передано величие Революции, изменившей раз и навсегда историю Европы. Я утверждаю, что без кровавой Французской революции, десятилетий наполеоновских войн, истощивших французскую нацию донельзя, не было бы современной цивилизованной Европы, в которую так стремятся попасть сегодня некоторые наши соотечественники, что даже штаны на коленях порвали. Потому что в другой позе их туда не пускают.

Вадим Сергеевич думал, что история как наука сильно зависит от искусства писательства. Историк должен выражать свою мысль так, чтобы в голове возникал яркий образ. Собственно, от Алексеева-Попова я впервые услышал это слово — *мыслеобраз*. В качестве образца мыслеобраза В.С. Алексеев-Попов цитировал нам из «Манифеста Коммунистической партии»:

«Буржуазия, повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные путы, привязывавшие человека к его «естественным повелителям», и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана». В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод одну бессовестную свободу торговли. Словом, эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, чертовой».

А, действительно, здорово писал К. Маркс! И как точно этот мыслеобраз характеризует суть, к сожалению, уже нашей буржуазной действительности, а не Европы первой половины XIX века.

Еще я запомнил совет Вадима Сергеевича нам, тогдашним студентам, и сам время от времени транслирую его своим нынешним студентам. **Урок шестой.** *Не откладывая на потом читайте классическую литературу сейчас, в период учебы.* «Если вы сейчас не прочтете Расина и Мольера, вы никогда в жизни их уже не прочтете», — говорил Алексеев-Попов. А ведь надо еще понять, почему Расин, ныне совершенно неинтересный и невостребованный, был в свое время властителем дум. Тексты его произведений являются культурным ключом к пониманию его эпохи.

Он был в сущности одинокий человек. Университет, работа держали его в этой жизни. Я уже тогда понял, что Вадим Сергеевич отнюдь не брюзжащий, вредный старик, а носитель огромных знаний, озабоченный проблемой кому-то их передать. Он *переживал*, потому что времени у него оставалось совсем немного. Здоровье его подводило. Он часто болел. Пару раз в нашей аудитории он не смог закончить лекцию: в полуобморочном состоянии его выводили под руки. В отличие от П.О. Карышковского, он был *педагог*, то есть работу со студентами считал главной. Я полагаю, что исследовательский и педагогический аспекты в преподавательской работе В.С. Алексеева-Попова были удачно сбалансированы.

Он был не только одесским историком Франции, но и историком культуры Одессы. Главным ее разделом является, безусловно, одесская пушкинистика. В книге «Вьеварум» (М., 1975) Натан Эйдельман описывает свои поиски пушкинских связей и, чем черт не шутит, вещей в Одессе в 1968 году. Вот выдержка оттуда:

«6 МАЯ. Целый день — в научной библиотеке. Копирую записки Еропкиной. Знакомлюсь с приятнейшими людьми, одесскими историками Вадимом Сергеевичем Алексеевым-Поповым и Саулом Яковлевичем Боровым. Их адреса мне дали в Москве (мой пароль: «Пушкин. Цявловские, Еропкина, Сомовы»). <...> В. С. Алексеев-Попов — коллекционер. Он показывает мне портрет Надежды Михайловны Еропкиной очень недурной работы. Разговор заходит об искусстве, и вдруг С. Я. Боровой предлагает отправиться на одну старую квартиру. Если уж там ничего не скажут о Воронцове и саранче, то не скажут нигде в Одессе, «а за Херсон и Николаев мы, конечно, не ручаемся».

Одесский краевед Михаил Бинов также ссылался на В.С. Алексеева-Попова, как на «истого интеллигента, энциклопедически образованного человека», специально исследовавшего многочисленные культурные и родственные связи известных одесситов.

И последний сюжет. Вадим Сергеевич был истинным интеллигентом. Здесь имеется в виду прежде всего то, что интеллигент — это человек, который постоянно решает для себя проблему достойного существования, нравственного комфорта, согласия со своей совестью.

Ниже я коснусь фактов и событий, о которых в их бытность ничего не знал. Речь пойдет о «деле» группы одесских студентов, которых арестовали в 1974 году по обвинению в хранении и распространении запрещенной литературы (самиздата). Среди них был небезызвестный Глеб Павловский. Он учился на истфаке как раз до моего поступления и был старостой кружка по новой истории, которым руководил В.С. Алексеев-Попов. И после окончания университета Павловский поддерживал отношения с Вадимом Сергеевичем. В начале августа 1974 года Алексеева-Попова остановили на улице сотрудники КГБ. «Нам известно, — сказали ему, — что у Вас есть экземпляр

«Архипелага ГУЛаг». Вы должны немедленно сдать его в Комитет госбезопасности». Вадим Сергеевич так и сделал. При этом ему пришлось сознаться, что книгу ему дал Г. Павловский. На процессе по делу другого участника этой группы Вячеслава Игрунова в марте 1975 года Г. Павловский заявил, что он без ведома Игрунова дал прочесть книгу Алексееву-Попову, чтобы услышать его мнение как историка. Сам Вадим Сергеевич к суду в связи с болезнью привлечен не был и проходил там только в качестве свидетеля. В суде были приведены его показания. В частности, о книге Солженицына он отозвался как о «тенденциозной», «злостно искажавшей жизнь страны».

Судебный процесс над В. Игруновым шел как раз в том году, когда мы слушали курс лекций В.С. Алексеева-Попова. Как эта диссидентская история повлияла на старого преподавателя? «Убийственно», — считает Ольга Ильницкая, бывшая тогда женой Г. Павловского. На вопрос, кого она вспоминает из круга людей 70-х — нач. 80-х гг., О. Ильницкая отвечала так:

— Вадим Сергеевич Алексеев-Попов. Это доцент Одесского университета. Он преподавал у нас новую и новейшую историю и был очень сложным преподавателем — у него сложно было получить положительную оценку. И очень трудно было сдавать экзамены. И мы как-то сразу его заметили, потому что это был человек очень высокой культуры. Мне казалось, что мы правильно его сосчитали. Потому что те люди, которых выбирали СИДовцы, это люди оказывались связаны. Оказалось, что Вадим Сергеевич дружил с Михаилом Яковлевичем (Гефтером — Г.Г.). И цепь замкнулась. И поэтому мы обрели сразу таких прекрасных старших людей. Он очень пострадал в связи с нами, потому что это из нашего дома ушел «Архипелаг Гулаг», который попал от Вячека к нам. И вот эта цепь Вячек — Алексеев-Попов и наш дом с Глебом — это то, что привело, с моей точки зрения, Вадима Сергеевича к смерти. Не больше, не меньше.

...Люди просто сами не умирают, их жизнь убивает, а жизнь убивает посредством других людей. Вадим Сергеевич очень остро переживал все, что случилось тогда с ним. Когда у него изъяли во время обыска книгу, он жутко переживал — он не мог не ответить на вопрос, где он взял. Честный человек, который при всем понимании, чем это чревато... Вероятно, он никак не придумал, как выйти из этого положения — ну не с неба же свалилось. И он очень мучительно переживал тот факт, что он сказал, откуда эта книга. Он очень мучился, я с ним разговаривала. А он был астматиком, вообще человеком не очень крепкого здоровья. И вот он как-то стал угасать после этого. Он очень быстро после этого умер. У меня было такое чувство вины перед Вадимом Сергеевичем, что я даже не смогла придти на его поминки. Я все время чувствовала нашу причастность к его гибели, хотя человек просто умер от болезни¹.

¹ http://www.igrunov.ru/cat/vchk-cat-names/others/odessa/69_75/ilnitsk/prose/vchk-cat-names-other-o_ilnitsk-prose-razlom.html

Думаю, Ольга Ильницкая напрасно себя корит. Напомню, суд состоялся в 1975 году, а Алексеев-Попов ушел из жизни в 1982 году, то есть спустя семь лет. Многие вещи навсегда покрыты мраком тайны. У В.С. Алексеева-Попова были, кажется, весьма «интересные» взаимоотношения с нашими бдительными органами. Они подозревали его в «скрытом троцкизме и космополитизме». Тем не менее его выпускали за границу и не куда-нибудь, а в Берлин и Марсель, где он участвовал в научных семинарах.

7.

Надо сказать, что просто история как описание феноменального мира меня не устраивала. Меня тянуло к философии, на глубину, где сияют своим таинственным блеском онтологические структуры. Готовя себя «в ученые», я считал, что методология истории в самой истории не содержится, ее надо искать в философии. Поэтому третий и четвертый курсы у меня прошли под знаком философии. А философия у нас была представлена историей философии, диалектическим и историческим материализмом.

Историю философии читал нам молодой профессор **Владимир Николаевич Костюк**. По моей прикидке, тогда ему было 39 лет. С первого взгляда было ясно, что перед нами незаурядная личность¹. Он читал историю философии весело, с интеллектуальным блеском, как увлекательное приключенческое путешествие из одной эпохи в другую, «переодеваясь» соответственно времени. Философ — человек на все времена.

Под впечатлением от лекций В.Н. Костюка я погрузился в чтение древних философов в надежде почерпнуть у них мудрости. Нельзя сказать, что именно Костюк вызвал у меня интерес к философии, просто он вовремя «подбросил дровишки в разгорающийся костер». Для начала я прочитал и законспектировал диалог Платона «Апология Сократа». С тех пор я открыл для себя Платона, а личность Сократа навсегда сделалась фактом моей личной культуры, читай: нравственности. Идти на смерть ради своих принципов, утверждать свою свободу в экстремальных условиях могут только люди, убежденные, что основу жизни человека составляют абсолютные ценности. Большинство людей не готовы жить с абсолютами в душе, и все, что с нами происходит сегодня плохого, проистекает из этой неготовности.

Знаменитый монолог Гамлета у Шекспира начинается словами: «Быть или не быть — вот в чем вопрос». Каково было мое удивление, когда я прочел слова Парменида, сказанные в VI в. до н. э.: «Быть или вовсе не быть — вот здесь разрешенье вопроса». Похоже, есть основание заподозрить великого драматурга в плагиате. Впрочем, дело не в этом. Просто тема «вечная»: чтобы человеку быть, надо человеком быть.

¹ К тому времени за его плечами были истфак, мехмат, защита кандидатской и докторской диссертаций по философии. Позднее, уже работая в Москве, он защитил еще и докторскую по экономике. Думаю, это позволяет судить о его возможностях.

Еще у одного знаменитого древнего грека, Эпикура, прочел я слова, полностью созвучные моему тогдашнему умонастроению. Из письма к Менекею: «Пусть никто в молодости не откладывает занятия философией, а в старости не устает заниматься философией, ведь никто не бывает ни недозрелым, ни перезрелым для здоровья души».

Урок седьмой. *Признаком высокого класса лектора-преподавателя является способность «зацепить» студента, вызвать у него неистребимое желание погрузиться в книги, чтобы узнать из них больше о том, что услышал на лекции.*

Курс диамата начал читать нам также В.Н. Костюк, но дочитать до конца, к большому сожалению для нас, он его не смог, поскольку был приглашен на работу в Москву. Вместо него кафедра философии прислала преподавателя по фамилии Зуев. Разница, что называется, была ощутимой. Замечательной особенностью преподавания Костюка было то, что он о сложных вещах говорил просто, давал ясные и четкие формулировки. Зуев был маленький, тщедушный человек, которого, судя по всему, изводила какая-то серьезная хвороба. Из-за внешнего вида мы его прозвали «жертвой Бухенвальда». Зуев имел манеру быстро ходить между рядов. Из того, что он говорил, половину понять было невозможно. Через пятнадцать минут лекции он резко останавливался, замирал, смотрел на доску, где начертал, видимо, магические для себя знаки, оборачивался и извиняющимся голосом говорил: «Нет, это не так. Зачеркните все. Начнем сначала». Следующий отрезок из пятнадцати минут заканчивался все тем же: «Зачеркните все, что вы написали!». В конце лекции я обзирал свой конспект. Он имел жалкий вид перечеркнутых страниц. На примере Зуева я усвоил **урок**: *не всегда следует демонстрировать студентам свой поток сознания, а то может возникнуть впечатление, что вы бредите наяву.*

Истмат нам читала профессор **Ирина Марковна Попова** (1931—2008). Я хорошо запомнил, как мы с ней познакомились. Она начала нам читать первую лекцию. Манера чтения у нее была суховатая, неэмоциональная. В перерыве между полупарами я вышел в коридор и оперся на перила лестницы. Позже из аудитории вышла она, немного постояла у стенда и затем решительно направилась ко мне, обратилась с вопросом, понравилось ли мне то, как она преподносит материал. Я был уверен, что передо мной вчерашняя аспирантка, начинающий преподаватель, поэтому покровительственно успокоил: «Ничего, для начала неплохо». Каково же было мое смущение, когда в расписании занятий я прочитал: «проф. И.М. Попова».

После третьего курса я по ее приглашению участвовал в социологическом исследовании, проводил анкетирование в селах Красноокнянского района Одесской области. Это — целая эпопея. На основании полученных данных написал работу на конкурс студенческих работ. В Киеве ее оценили дипломом второй степени. Университет наградил меня первой и единственной в моей жизни денежной премией за активное участие в студенческой науке. Мы ее славно прокутили в ресторане «Кавказ», который был тогда на улице Степана Халтурина, ныне Гаванной.

Ирина Марковна Попова была крупным ученым-социологом, настоящим профессионалом. Естественно, я присматривался к ее мыслительной технике. Ирина Марковна имела чисто позитивистский склад ума. Ее метод хорошо характеризует словечко «корректно». Нужно корректно использовать понятия для интерпретации полученных полевых данных. Для этого нужно из категориального аппарата выстраивать собственную методологическую призму. **Урок девятый.** *Методологию надо «вытаскивать» из собственного исследования.* Мне кажется, что к этой мысли я пришел не без влияния Ирины Марковны.

Методологическая культура — это культура работы с понятиями, категориями. Без нее качественное научное исследование невозможно. К сожалению, в мое время среди историков на факультете не было человека, который смог бы донести до нас важность методологического инструментария. Принцип историзма — вот и все, чем мы реально располагали. Но были философы и была философская культура. И, слава Богу, что на моем студенческом пути встретились такие личности, как В.Н. Костюк и И.М. Попова.

Оглядываясь на пройденный путь, я с удивлением отмечаю, что мое увлечение философией во время учебы на историческом факультете вылилось, в конце концов, в то, чем я теперь уже много лет занимаюсь — в преподавание истории политической мысли, в разработку вопросов теории политической философии.

8.

Декан исторического факультета **Заира Валентиновна Першина** (1925—2003) имела выразительную внешность. Чуть полноватая, темноволосая, красивая, ухоженная и властная женщина. Глаза карие с зеленоватым оттенком, холодные, цепкие, взгляд пронизательный, я бы даже сказал, пронизывающий, губы тонкие, всегда готовые скривиться в презрительную усмешку. Булгаковский профессор Преображенский признавался в том, что «не любит пролетариат». Заира Валентиновна Першина (ЗВП) таких заявлений не делала, но пролетариат она точно не любила, хотя и написала историю завода имени Январского Восстания. В ней было что-то от барыни. Императрица! Ее аналог в мире природы — хищная кошка, тигрица. На всех языках мира облик Заиры (так мы звали ее между собой) сигнализировал студентам истфака: «Осторожно! Опасно для жизни!»

У Герцена есть высказывание (цитирую по памяти): в России трудно сказать, где заканчивается интеллигенция и начинается администрация. В случае с ЗВП можно определенно утверждать, что она решительно перешла эту границу и заняла свое место в рядах администрации. Интеллигентом она не была. Подозреваю, что интеллигенты ей были неприятны как альтернативный тип ее поведению. Но зато она была умна, хорошо разбиралась в людях и, когда ей было нужно, талантливо играла интеллигентность.

ЗВП уверенно руководила факультетом, культивировала византийский стиль управления. Мастер интриги. Она поддерживала жизнь во вверенном ей коллективе, как лесничий на своем участке. Кого нужно — «отстреливала», кого нужно — «прикармливала». Кого нужно? Ну, это вопрос не ко мне. Спокойно никто себя не чувствовал. Так, даже студенты знали, что она была «в контрах» с П.О. Карышковским и Л.М. Миличем. «Шахинечка!», — тихо под нос шипел Милич таким тоном, что было ясно, что этот югославский политэмигрант, пострадавший от тоталитарного режима Б. Тито, значительную толику своей ненависти к этому режиму перенес на Заиру Валентиновну. Карышковский, когда был не в духе, мог грубо ругнуться в адрес ЗВП. Ей, конечно, об этом доносили. От Милича, будь ее воля, она давно бы избавилась, а Карышковского она не «тронула» бы при любых обстоятельствах. Я же говорю: она была умная женщина.

Кстати, византийская система управления не просто нуждается в негласных информаторах, она основывается на системе доноительства. И Заира ее создала. Так получилось, что годы нашей учебы пришлось на защиту ее докторской диссертации. Поэтому отсутствовала она частенько и подолгу: брала творческие отпуска, уезжала в научные командировки в Москву. Ее длительное отсутствие на факультете никак не сказывалось на ее информированности: аппарат наушников работал исправно. Достаточно сказать, что она была в курсе того, что делается в комнатах студенческого общежития.

Заира Валентиновна читала нам на третьем курсе историю СССР. Ее специальностью были Герцен, революционные демократы, народники, первые марксистские и рабочие организации. Хронологические рамки — вторая половина XIX века. Лекции читала она хорошо. Обладала высокой культурой речи. Ни одного слова-паразита, который резал бы слух. Голос поставлен, тембр голоса приятный, речь четкая, темп речи позволял легко конспектировать за ней. В общем, классика преподавательского жанра.

Мне врезался в память эпизод, когда я сдавал Заире экзамен. И не мудрено: кажется, я тогда вообще первый раз с ней разговаривал. Я отвечал ей по билету и, кажется, уже к концу экзамена она меня спрашивает, кто из деятелей второго этапа освободительного движения вызывает во мне особенный интерес. Я задумался, и вдруг, помимо воли, из меня выскочило: «Катков!». Она удивленно посмотрела на меня и вслед за тем громко расхохоталась. Дело в том, что история XIX века преподносилась нам исключительно под углом революционной парадигмы (три этапа освободительного движения), а Михаил Никифорович Катков был человеком противоположного лагеря. Он начинал с Белинским, они вместе посещали кружок Н. Станкевича, сотрудничали в журнале «Отечественные записки». Затем их пути разошлись. Катков стал публицистом славянофильского, почвеннического толка, то есть «реакционером». Он редактировал проправительственные «Московские ведомости». В 60—80 гг. XIX в. он был очень влиятельным публицистом и эволюционировал от умеренного либерализма к крайнему консерватизму. Безусловный враг революционного движения. Поэтому

о Каткове в советской литературе — практически ни слова. И вот советский студент на экзамене называет преподавателю-герценоведу в качестве своего героя имя злейшего врага Герцена. Тут либо наглость, либо, что называется, невпопад! А это уже смешно. С другой стороны, этот факт означал, что студент самостоятельно читал литературу, и не советскую, а дореволюционную. Значит перед ней читающий студент. Возможно, именно тогда Заира Валентиновна обратила на меня свое внимание.

Свойства капризного женского характера и приобретенные навыки руководителя слились в комбинацию, которая сделалась второй натурой Заиры. Ух, как она была прекрасна в своем гневе! Она буквально приходила в ярость. И как было страшно оказаться предметом ее негодования! Она прошлась по судьбам людей, как танк по музейному паркету. Она слегка задела меня, и я отлетел от нее, словно щенок от ноги прохожего — скуля и повизгивая.

Дело было в 1977 году. Я тогда учился на четвертом курсе — время конкретно думать о будущем, принимать судьбоносное решение. Жить стало тревожно: неопределенность беспокоила. И вдруг меня вызывают к декану. Я робко захожу к ЗВП в кабинет. Она приглашает сесть, смотрит на меня испытывающим взглядом и спрашивает, как я вижу свое будущее. Я говорю, что, мол, хотелось бы заниматься наукой, поступить в аспирантуру, но...

И тут она мне говорит:

— А как вы насчет того, чтобы остаться на историческом факультете? У нас два преподавателя (называет их имена) находятся в пенсионном возрасте. Нам нужно подготовить им смену. Можете выбрать себе курс одного из них. Я к вам с первого курса присматриваюсь. Вы можете стать хорошим преподавателем. Я возьму вас к себе в аспирантуру.

Я потерял дар речи. Когда справился с собой, говорю:

— Я бы с большой радостью, но...

Она вопросительно подняла брови:

— В чем дело?

— Я — не член партии, а Вы же знаете...

— А Вы что, не хотите быть членом партии?

— Хочу, но моего желания мало. Вы же знаете, нужно, чтобы райком дал анкету.

— А Вы уже писали заявление?

— Нет, но без райкомовской анкеты это пустое дело.

— А Вы попробуйте. Обратитесь к Виктору Николаевичу (Немченко, секретарь парторганизации истфака на то время. — Г.Г.).

Я вылетел из кабинета Першиной и бросился на улицу, на свежий воздух, чтобы переварить услышанное. Во мне играли смешанные чувства. Оказывается, я под «колпаком у Мюллера» с первого курса! Кошмар! Моя проблема неожиданно разрешалась и так здорово, что я даже мечтать не мог. У дверей в аспирантуру стояла Партия и кандидату в ученые вручала билет. Тогда дверь открывалась. Если она билет не вручала, то дверь не открывалась. Это было правило, все другие варианты были исключением из правила.

Курс у нас был сильный, желающих поступить в аспирантуру хватало с избытком, конкуренция была высокой. На следующий день я подошел к В.Н. Немченко. Он был «в курсе», сказал, чтобы я написал заявление, что я и сделал. А далее события развивались следующим образом.

Подошли октябрьские праздники. Упомянутый выше Гоша Пекарский пригласил меня поехать вместе с ним в село к его тете помочь убрать кукурузу. «Заодно и разведемся!». Я согласился. На праздники мы поехали в Любашовку и там весь день ударно трудились, убирая кукурузу. Нароботались так, что спина болела и руки тряслись. Зато вечером расслабились: качественная самогоночка, холодец из петушка, соленья из погреба. Засиделись далеко за полночь. Поздно утром встали, «полечились». Жизнь вновь обрела прелестные очертания. И мы решили не ехать в Одессу, а остаться еще на один день. Вернулись в город в день занятий и, конечно, их пропустили. На следующий день я пришел на факультет. После первой пары меня вызвали к декану. Когда я вошел в кабинет Заиры Валентиновны, она меня холодно спросила, почему я пропустил вчерашний день. Я сказал полуправду: ездили с Пекарским помогать его тете, но не смогли вовремя вернуться в город, поскольку автобус, на который мы рассчитывали, сломался. И тут Заира взорвалась:

— Как Вы могли?! С Пекарским — все ясно, но вы, вы-то как могли так поступить? Вы все испортили! Берите бумагу и пишите объяснительную.

Я опешил. Пропуск занятий без уважительной причины считался у нас серьезным проступком, и все же столь бурная реакция декана была непонятной. Я вышел из кабинета с тяжелым чувством, что свершилось что-то непоправимое, и тут же, в деканате, стал сочинять объяснительную. Именно сочинять. Я создал образ немощной, разбитой параличом старушки, которая с тоской смотрит в окошко своей покосившейся избушки. Дальше в духе Некрасова: «И только полоска не сжата одна». Тут чудесным образом являются два молодца-тимуровца, и бабушка спасена от верной голодной смерти. Я вернулся в кабинет, протянул Заире лист, она взяла, прочитала. Затем посмотрела на меня своим фирменным взглядом и сказала:

— Я сохранию это и покажу вам спустя несколько лет, чтобы вам стало стыдно. Вы — свободны.

Она сказала это таким тоном, как будто разорвала контракт. В течение следующего месяца я сильно переживал, находясь в полной неопределенности. Я испытывал состояние, близкое к депрессии. И когда, наконец, успокоился и свыкся с мыслью, что и без аспирантуры можно жить, ко мне вдруг подошел В.Н. Немченко и сказал, что если я не передумал вступать в ряды КПСС, то должен в первую очередь побеспокоиться о том, чтобы получить рекомендации от одного члена партии и комсомольского бюро курса. И вновь надежда ожила. В декабре 1977 года я вступил в кандидаты в члены КПСС.

Впоследствии я узнал, что истинной причиной гнева декана была деревенская свадьба одной пары с нашего курса. Вместе с ней гулять свадьбу

отправилось еще целый ряд наших однокурсников. З.В. Першиной об этом донесли. Она считала, что и мы с Пекарским были в их числе, то есть, она думала, что я ей откровенно лгал. Все знали, что Заира вела бескомпромиссную борьбу с деревенскими свадьбами, которые длились от трех дней до недели. На собрании факультета она возмущенно говорила, что ей пишут слезные прошения о назначении стипендии вследствие тяжелого материального положения, а затем устраивают многодневную деревенскую свадьбу с приглашением сотен гостей. Возможно, она проверила и убедилась, что нас с Гошей на свадьбе не было. Так или иначе, дорога в аспирантуру мне была вроде бы открыта, но разговор об этом Заира не возобновляла, а сам я спросить не решался.

Не помню точно, то ли в конце этого курса, то ли в начале следующего, пятого, мне предложил аспирантуру заведующий общеуниверситетской кафедрой истории КПСС профессор Н.М. Якупов. Здесь шла своя «силовая» игра, о которой я в то время не имел ни малейшего представления. Дело в том, что с третьего курса я учился на фуркации по истории КПСС. Следовательно, Заира Валентиновна, предлагая мне аспирантуру, залезла в «чужой огород», поскольку Якупов имел негласное первоочередное право на меня. Заведующий общеуниверситетской кафедрой, Герой Советского Союза, периодически избираемый членом бюро Одесского горкома или обкома партии, очень влиятельный в городе человек Николай Михайлович Якупов был совершенно независим от декана исторического факультета. Имея нагрузку на истфаке, он регулярно набирал аспирантов из числа далеко не худших студентов-истфаковцев, что, вероятно, приводило к столкновению интересов. Именно к Якупову я обратился за рекомендацией в партию. Наверное, он сообразил, что раз инициатива исходит от Заиры Валентиновны, то она «имеет виды» на меня, и сделал мне контрпредложение. Этим он поставил меня в щепетильное положение. Как честный человек, я должен был кому-то отказать. Но Заира молчит, и остается ли ее предложение в силе, я не знаю. Когда не знаешь что делать, лучше ничего не делать. И я решил подождать. Ждать пришлось до последнего — до распределения. В мае 1978 года я вошел в знакомый кабинет декана. Там сидела комиссия из нескольких человек под председательством самой Заиры. Она спросила меня нейтральным тоном, куда бы я хотел пойти после окончания университета и указала на «простыню» с адресами школ в районах благословенной Одесской области. И тогда я сказал, что иду на учебу в аспирантуру на кафедру истории КПСС. Она задержала на мне вопросительно-удивленный взгляд (чего она ожидала?), затем кивнула «Хорошо!» и опустила голову. Я поспешил расписаться в направлении, вышел из кабинета и облегченно вздохнул. Судьба решена! Я никогда не жалел об этом решении, поскольку стать аспирантом Заиры Валентиновны означала оказаться на годы во власти ее переменчивых настроений. Большая кошка играет, но в любой момент может и зашибить.

* * *

В 1995 году мне понадобилась консультация Заиры Валентиновны по истории университета. Я попросил о встрече, она любезно согласилась. И вот впервые почти за два десятка лет я вновь сидел напротив нее в кабинете кафедры истории Украины. Она говорила, я слушал, и это давало мне возможность изучать ее. Вроде бы это была все та же, немного постаревшая, властная, холеная женщина. Она смотрела на меня внимательным взглядом, и ко мне возвращалась прежняя неуверенность. И все же она была не та! Ее время безвозвратно ушло. Теперь она была «простым» профессором кафедры истории Украины. Без властной должности. Необходимость быть идеологическим цербером, амбиции отпали. Осталось то, что в ней меня привлекало: ум, ирония, идущая от знания жизни, внешняя культуры отношений. На всем этом лежала печать актерского мастерства.

Она мне рассказывала о жесточайших проработках преподавателей университета во времена сталинских идеологических «чисток». Один только факт: в 30-е «вырубили» до такой степени, что, например, кафедру истории Украины возглавлял Иван Иванович Погорелов, который пришел с депо, с рабфака. Закончил университет и сразу был назначен заведовать кафедрой, так как просто некого было ставить. Это полный аналог ситуации в армии того времени: полком, бывало, командовал безусый лейтенант, а дивизией — майор. Говорила она об этом, как мне показалось, без всякого осуждения режима, с позиций историка — такое было время, такая была система. В этом есть определенный «сенс»: меня самого раздражает манера некоторых наших историков-моралистов подходить к оценке событий прошлого с позиций современной концепции прав человека. Подозреваю таких историков в выполнении идеологического заказа создать выгодный фон для нынешней неказистой действительности украинской бардачной псевдodemократии. Но в данном случае, думаю, это была позиция, обусловленная ее отношением к системе власти. Много лет она была не просто функционером, а отличником системы, персонифицировала ее в наших глазах во всей своей красе.

О своем учителе философе Самуиле Яковлевиче Когане, у которого она писала дипломную работу, Заира Валентиновна сказала, что он мог бы в иных условиях стать вровень с крупными мыслителями, но тогда все сотрудники кафедр общественных дисциплин, в том числе философы, были «в рамках» и потому на тропу большой самостоятельности не вступали. Быть «в рамках», владеть наукой лицемерия, двоемыслия — это кредо людей бюрократической карьеры — и не только в советское время, и особенно в провинции. К науке это не имеет никакого отношения, поэтому имя доктора исторических наук Заиры Валентиновны Першиной в ней не останется, зато в памяти ряда поколений студентов истфака ей «навечно» уготовано почетное место легендарного декана.

10.

В течение всей учебы на историческом факультете мы усердно изучали предмет, который не значился в расписании. Мы изучали наших преподавателей. При этом относились к ним не как к живым и сложным людям, у которых есть свои проблемы, комплексы, слабости. Мы относились к ним как к мифическим персонажам и делили их на «хороших» и «плохих», на «добрых» и «злых». Впрочем, их комплексы и слабости нас очень даже интересовали с практической точки зрения. К одному преподавателю наши девочки шли в самых коротких юбках и платьях, которые у них были. Это был верный способ успешной сдачи экзамена. Другая преподавательница благоволила к мужественным студентам и «придиралась» к смазливым студенткам. К ней на экзамен ребята шли небритыми, а девушки — без макияжа. Третий был «либерал», к нему особенно не готовились, а на экзамене всю шпаргалили. Четвертый — «зверь»; его, как говорится, не обойдешь и не объедешь на кривой козе. В этом случае пахали на полную катушку, напряженно сдавали, а сдав, немедленно шли в «Гамбринус» отмечать победу разума над костной материей. В общем, все было как у людей.

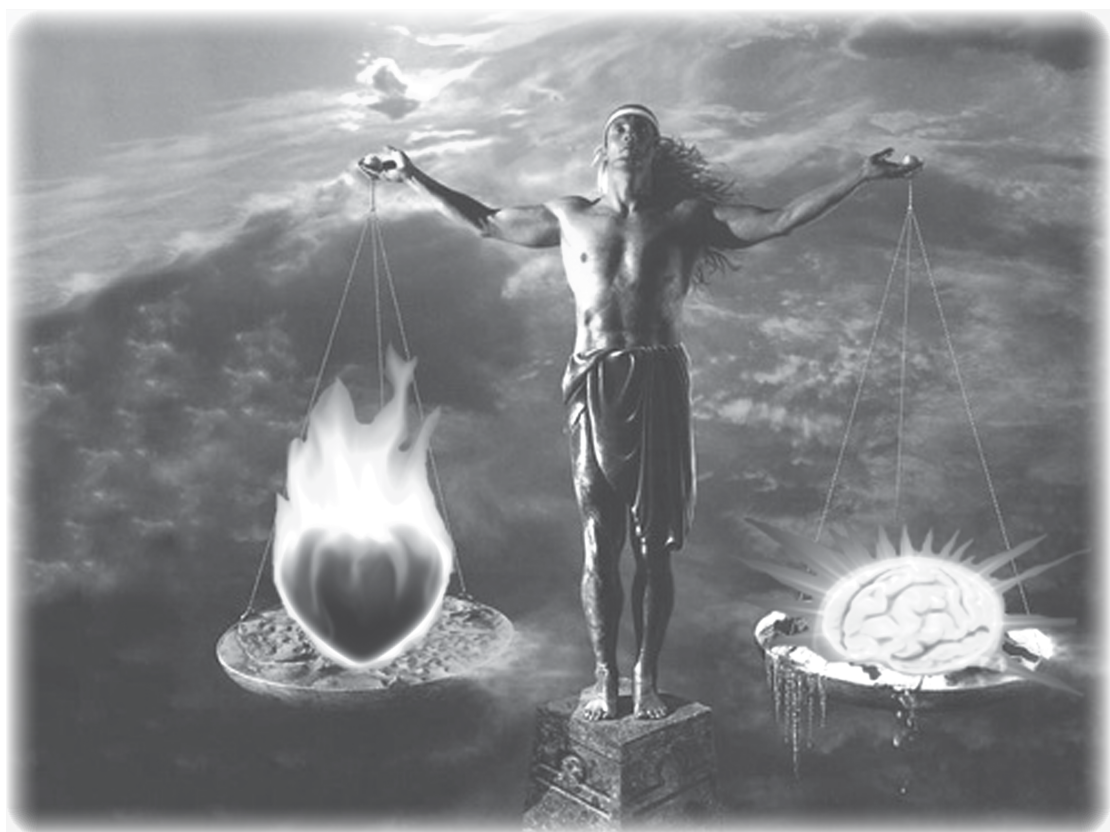
Повторю, что мы относились к нашим учителям, как к мифическим персонажам, которые, как известно, существуют вне времени. Только один пример. Анна Михайловна Шабанова существовала до нас, при нас и после нас. Подразумевалось: так будет всегда. Несправедливо, если кто-то не пройдет испытание Шабановой. А может ли тот, кто не прошел «через Шабанову», считаться настоящим истфаковцем? И вдруг мне сообщают, что Анна Михайловна умерла. Мгновенная мысль: как такое может быть, ведь мифические герои не умирают? И вторым темпом входит в сознание и заполняет его запоздалое раскаяние вместе с мыслью о том, что за мифическим образом я не удосужился разглядеть реального человека из духа и плоти, у которого болело сердце, который честно стремился выполнять свой долг, учил нас всему, что знал сам. А мы в своем эгоизме были глухи и жестоки к ней, ибо видели в ней только *свою* «проблему Шабановой». С другой стороны, надо быть реалистом: откуда возьмется у начинающих взрослую жизнь мальчишек и девчонок такая жизненная мудрость?

Пожалуй, есть единственный способ отдать ей должное. Он заключается в следующем повороте сознания: если в моей памяти, в моей мысли я воспроизвожу образ Анны Михайловны, веду с ней мысленный диалог, критикую ее стиль преподавания, то это означает, что ее жизнь посредством моего сознания продолжается, что она продолжает оказывать свое влияние на моих студентов через меня, своего ученика. Это рассуждение касается, естественно, и всех других преподавателей, о которых я здесь вспоминал и размышлял. Так на самом деле осуществляется преемственность, эстафета

поколений. И так отдается долг своей *Alma mater* — мистической институции, одновременно населенной всеми поколениями студентов-историков, и даже теми, кто еще не переступал порога истфака. Привет вам всем из семидесятых!

Одесса, декабрь, 2009 г.

Союз Вольтера и Руссо

Опыт биографического исследования
поколения «шестидесятников»

СОЮЗ ВОЛЬТЕРА И РУССО

Опыт биографического исследования поколения
«шестидесятников»

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ СЛОВО О «ШЕСТИДЕСЯТНИКАХ»

1. ПОСТАНОВКА ЦЕЛИ И ЗАДАЧ

Героев этой книги Семена Иосифовича Аппатова, Ирину Марковну Попову и Владимира Львовича Скалкина объединяет то, что они были профессорами Одесского университета имени И.И. Мечникова, пришли туда примерно в одно и то же время — в середине 60-х годов прошлого века и всю свою профессиональную жизнь отдали ему, то есть науке и преподаванию. Они жили в провинции. Часто провинциальная среда (оставим за скобками знаменитый одесский патриотизм) требует большего внутреннего упора, большего сопротивления внешнему давлению малозначительной суеты, чем столица, где жизнь бурлит и кишит возможностями приложения личной энергии.

Все трое — практически одного и того же возраста: С.И. Аппатов родился в 1930-м, И.М. Попова — в 1931-м, В.Л. Скалкин — в 1932-м году. В 1945 году им было соответственно 15, 14 и 13 лет. Они — «дети войны». В год XX съезда КПСС им было соответственно 26, 25 и 24 года. Они — «дети XX съезда», породившего хрущевскую «оттепель». Их принято называть «шестидесятниками», поскольку их гражданская зрелость пришлась на то время. Оно их окончательно сформировало, выработало в них систему ценностных координат, определило весь их дальнейший жизненный путь.

Начну эту книгу с внутреннего диалога, с вопроса самому себе: какую истинную цель ты как автор ставишь перед собой?

— *Сохранить память о замечательных людях, с которыми довелось общаться.*

Вряд ли ответ достоверен. Скорее это не цель, а задача. Цель включает задачу, но не ею определяется.

— *Я хочу, чтобы уроки прожитых ими жизней подействовали на сознание моих молодых современников.*

Да, такая мысль посещала меня, но мне неясно, хотят ли этого молодые люди, по возрасту внуки и правнуки моих героев. Ведь если им все равно, мои

усилия будут напрасны. А сомнение не может входить в состав цели, поскольку она явилась настолько мощным побудительным мотивом, что заставила меня сесть за книгу, отодвинув в сторону другие дела. Следовательно, и эта цель вторична. Глубже смотри автор — в корень!

— *Не из-за прошлого и не ради будущего взялся я за эту тему. Меня волнует настоящее. При помощи биографического метода я решил создать момент самоопределения. Как историк я понимаю, что история есть способ осмысления настоящего. Только обнаружив свое отношение к прожитой жизни, я смогу сказать, кто я, почему такой и почему оказался в этой точке истории. Без такой работы нельзя осуществить процесс освобождения от иллюзий, лжи и страха. А именно этого я больше всего хочу.*

Вот она — истинная цель. Она задает вектор движения мысли. Эта повесть — не жанр воспоминаний, не интеллектуальная биография, хотя в нем имеется и то, и другое, но главным образом исследование. Три профессора, три личности, три судьбы, три увеличительных линзы, сквозь которые автор всматривается в основные проблемы современности, которые были завещаны нам трагическим концом «перестройки» — горестным финалом великой советской эпохи. Мне хотелось вникнуть в драму существования личностей, чей масштаб вряд ли претендует на историчность, но и в маленькой капле отражается весь небосвод.

В названии книги упомянуты имена Вольтера и Руссо. Это требует пояснения. Лидеры классической эпохи европейского просвещения Вольтер и Руссо были критически мыслящими философами. Но между ними есть существенная разница, недаром они не любили друг друга. Вольтер в своей деятельности ярко выразил главную иллюзию любой эпохи просвещения, а именно: Разум (писать надо с большой буквы и не иначе) приведет человечество к свободе. Когда Исайя Бёрлин пишет, что «Вольтер освободил за свою жизнь больше людей, чем кто бы то ни было до него» (Бёрлин 2001: 23), то он имеет в виду освобождающую силу просвещения, науки, победительного разума. Эта сила освобождает от застарелых догм, предрассудков и устоев, не имеющих оправдания в Разуме. Что касается социально-революционного движения, народной революции, имеющей целью социальный переворот, то — не дай Бог! В этом плане Вольтер был настоящий консерватор. Предел его мечтаний — это философ на троне, власть сама себя ограничивающая неписанными, извечными законами Разума.

Практически одновременно возникает и другой подход: свобода не есть простой плод действия науки и просвещения; они лишь помогают угнетенным и обездоленным осознать свое положение и необходимость социальной борьбы за равенство и справедливость. Но свобода добывается в борьбе против угнетателей и социальных паразитов. И вот этот подход связывается с именем Руссо. Он, в отличие от Вольтера, — прежде всего социальный мыслитель. Мир надо преобразовать на основах справедливости, и только тогда наука будет служить благу всего человечества, а не обогащать только власть имущих. Руссо начал с того, что стал доказывать, что сам по себе

прогресс, рост цивилизации привел человечество к порче нравов. Чего стоит только его знаменитый послыл из «Общественного договора»: «Человек рождается свободным, но повсюду он в оковах». Не Вольтер, а Руссо вдохновлял якобинцев.

«Вольтерьянцы» убеждены, что науке стоит посвятить жизнь, что ученый, *интеллектуал* — главная фигура прогресса. Ученый своим творчеством, своим «аппаратом истины» преобразует мир во всех отношениях. «Руссоисты» — это общественные деятели, борцы за правду-справедливость, *интеллигенты*.

Очевидная несправедливость существующего положения — вот моральный мотив активности каждого интеллигента, начиная с Руссо. Философ полагал, что путь к свободе пролегает через установление равенства лиц и народного суверенитета, когда в основе всех решений власти будет лежать общая воля и когда каждый закон будет санкционирован всенародным голосованием. Таким образом, политическая свобода и справедливость есть условие прогресса, а не прогресс есть условие свободы и справедливости. Так разрешал Руссо наметившуюся антиномию между двумя видами прогресса — научным и общественным.

Таким образом, имена Вольтера и Руссо символизируют диалектику истины и справедливости. Различие между Вольтером и Руссо — это, условно говоря, различие между интеллектуалом и интеллигентом. Если для ученого *мышление* есть главная ценность, то таковой для интеллигента является *социальное действие*. Если для ученого-специалиста определяющей категорией является истина, то для интеллигента — правда-справедливость. Я говорю о двух типажах людей, но это могут быть и тенденции, которые по-разному мотивируют одну и ту же личность. Таким образом, речь идет о двух социальных ролях, двух ипостасях, имеющих самостоятельную нравственную мотивацию. И еще вопрос, возможна ли симфония двух «природ» в одном человеке.

Далеко не факт, что каждый ученый — интеллигент, и каждый интеллигент — приверженец науки. А ведь это один из самых стойких стереотипов общественного сознания. У человека науки, кроме вежливости, хорошего воспитания — чисто внешних сторон интеллигентности, очень часто напрочь отсутствует главное качество интеллигента — потребность быть общественным деятелем, занимать активную политическую позицию. Более того, «чистый» ученый по условиям своей деятельности и увлеченности наукой будет сторониться политики. Главными достоинствами ученого является интеллектуализм, специфическая любознательность, профессионализм, терпение, целеустремленность, сосредоточенность на предмете исследования. Интеллигента же отличают гуманизм, гражданская отзывчивость, повышенная чувствительность к социальной несправедливости, сострадание к людям и оппозиционность к власти как источнику насилия над людьми.

Истина — холодная, объективная, недостижимая. Правда — своя, родная, долгожданная. Поиск истины и стремление к правде — далеко не одно

и то же. У них разные источники мотивации и пути достижения. Путь истины — это путь интеллектуала, путь правды — это путь интеллигента. Эти пути могут кардинально расходиться. Н.А. Бердяев в знаменитом сборнике «Вехи» (1909) предельно остро сформулировал указанную проблему применительно к российской ситуации начала XX века: «С русской интеллигенцией в силу исторического ее положения случилось вот какого рода несчастье: *любовь к уравнительной справедливости, к общественному добру, к народному благу парализовала любовь к истине, почти что уничтожила интерес к истине*. А философия есть школа любви к истине, прежде всего к истине. Интеллигенция не могла бескорыстно отнестись к философии, потому что корыстно относилась к самой истине, требовала от истины, чтобы она стала орудием общественного переворота, народного благополучия, людского счастья. Она шла на соблазн великого инквизитора, который требовал отказа от истины во имя счастья людей» (Бердяев 1991: 30).

Обрисовав противоречие между ученым и интеллигентом как двумя сторонами одной и той же личности, автор персонифицировал эти стороны и обозначил ситуацию — *между Вольтером и Руссо*. При желании он мог бы взять другую аналогичную пару, например, *между Спинозой и Радищевым*. Спиноза сформулировал кредо ученого: «Не плакать, не смеяться, не ненавидеть, а понимать!» Русский интеллигент начался с радищевского: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала».

Может ли иметь место сцепка ученого и интеллигента, мыслителя и гражданина в одной личности таким образом, что обе эти ипостаси человеческого духа не ущемляли, но дополняли бы друг друга? Конечно. Возьмите, к примеру, крупнейшие фигуры истории науки XX века А. Эйнштейна и А. Сахарова, Дм. Лихачева и К. Поппера, А. Зиновьева и П. Бурдые. В жизни каждого из названных весьма своеобразно разрешалась указанная антиномия именно по принципу дополнительности. Точкой соединения сторон этой антиномии духа была больная совесть. Не могли Эйнштейн и Сахаров удовлетвориться «хорошей физикой», ведь они, как никто другой, понимали, какого джина из бутылки выпустили. Точно так же Зиновьев мучился вопросом: не его ли научными трудами воспользовались враги России, чтобы нанести ей невосполнимый ущерб.

Выдающийся советский социолог, психолог и сексолог Игорь Кон заметил: «На чью мельницу» — это не первый, не второй и даже не десятый вопрос. В науке есть более существенные вопросы» (Интеллектуальный интерес... 2010). В данный момент в нем говорил ученый. Между тем сам Игорь Семенович уверенно относил себя к «шестидесятникам», а это характеристика гражданской активности, сознательного отказа «лить воду на мельницу» тоталитарного государства. «Эта страстность, — отмечал социолог Б. Докторов, — характерная черта всех шестидесятников, за которую их в последние годы очень жестко критикуют, обвиняют в наивности, недалекости и пр. Молодые коллеги нередко полагают, что ученый должен

хорошо делать свое дело, а желание что-то изменить не входит в задачу настоящего ученого, более того, их гражданственность — это минус с точки зрения научных результатов» («Взрослые люди» о прожитом... 2010).

Вернемся к исходным персонажам. И Вольтер, и Спиноза не были в стороне от политики и мужественно «бодались» с властями. А Радищев взглянул еще и в себя и «узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает непрямо на окружающие его предметы». Если наука, будучи разумной основой практики, не служит ей, то зачем она нужна? С другой стороны, служение истине есть в то же самое время нравственное служение людям. Отечественная профессура имеет великую традицию не замыкаться в своей профессиональной нише, быть носителем освободительных идеалов. На то она и интеллигенция!

В биографическом жанре реализуется метафизический диалог автора со своим «героем». Поэтому здесь особенно заметна общая культура и человеческая глубина постановщика этого диалога, то есть автора. Реконструируя прошлое, автор опирался на разные источники — на свою память и мемуарные свидетельства родственников, друзей, учеников и коллег героев повествования, а также на научные работы, публицистику, письма. У каждого источника есть свои плюсы и минусы, свои возможности и ограничения. Взятые вместе они помогают решить поставленную цель и задачи.

Особую благодарность хочу выразить людям, оказавшим мне неоценимую помощь в сборе документальных материалов, — Евгению Александровичу Позднякову (Москва), Людмиле Сергеевне Сытой (Одесса), семье С.И. Аппатова — дочерям Регине и Виктории и, конечно, его жене Нелли Самуиловне Мазур (Цинцинатти).

2. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОКОЛЕНИЯ «ШЕСТИДЕСЯТНИКОВ»

История вплетается в жизнь современника и время от времени вызывает в нем реакцию на некоторые события: это уже было! это что-то знакомое! Еще важнее для его внутреннего мира наработанные в течение активной жизни дорогие мысли, «истинные» идеи, образующие структуру устойчивых представлений — убеждений. Эти убеждения так или иначе связаны с тем, что называется «дух времени». Дух времени определяется новым мироощущением, которое привносит поколение, входящее в активную общественную жизнь. Каждый индивид проникнут духом времени, но дух времени принадлежит не ему, а более существенному субъекту — поколению. «Дух времени» — это форма коллективного сознания. Выдающийся испанский мыслитель XX века Хосе Ортега-и-Гассет (1883-1955) писал, что полемика поколений есть историческая норма, которая, однако, таким образом реализует преемственность поколений. Те, кто в лестнице поколений стоят наверху, испытывают глупейшее чувство превосходства над своими предшественниками.

На самом деле они являются их пленниками. Мы всегда стоим на чужих плечах, но и наши плечи бывают не заняты лишь небольшое количество лет — в среднем 15. Есть «плечи» крепкие, сильные, надежные, а есть слабые, неустойчивые. Что же из себя представляли, с этой точки зрения, люди, именовавшие себя «шестидесятниками»?

Чтобы читатель убедился, что ответ на этот вопрос упирается в проблему, приведу цитату из письма друга и однокашника профессора В.Л. Скалкина Евгения Александровича Позднякова:

«Были ли мы «шестидесятниками»? На этот вопрос я смогу ответить, если вы мне дадите своё определение этого термина. В Интернете по нему большой разброс мнений. Считается, что это люди главным образом из сферы искусства (литература, театр, кино), использовавшие послабления, наступившие в СССР в начале 60-е годов прошлого века, чтобы вернуть в нашу затхлую, пронизанную партийными догмами культуру обычные человеческие ощущения, образы, понятия. Я помню это по первым впечатлениям от таких фильмов, как «Чистое небо» или «Человек родился». Сегодня они могут показаться несколько слюнявыми или простоватыми, но в самом конце 50-х их появление воспринималось как реальное подтверждение некоторой идеологической оттепели.

Но ведь и авторы спущенных сверху «послаблений» тоже должны в этом случае считаться 60-десятниками. Конечно, у них просто не было выбора, потому что сохранение сталинских политических и идеологических установок и канонов входило в вопиющее противоречие со здравым смыслом и практическими потребностями страны. Так что и на самом верху начали думать над тем, как выходить из возникшей ситуации. Было разрешено даже обсуждать проблемы самой лучшей в мире социалистической плановой экономики!»

Е.А. Поздняков верно уловил и обозначил *проблему определения поколения*. Ее решали такие классики европейской мысли XX века, как Карл Мангейм и Хосе Ортега-и-Гассет. Ее решают в сборнике «Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России» (М., 2005) известные социологи Теодор Шанин, Юрий Левада, Борис Дубин и др. Последний в своей статье прямо задался целью определить смысл и границы этого понятия. Из того, что он написал, мне представляются ясными и понятными для широкого читателя следующие строки: «В самом первом приближении и в самом общем смысле поколение можно представить как форму (тип) *социальной связи* и фокус *символической солидарности* действующих индивидов: это нормативная рамка воображаемого соотнесения с другими «по горизонтали», такими же, как «ты»» (Дубин 2005: 63). Попутно замечу, что эта рамка позволяет отделять «своих» от «чужих», будь они сверстники или современники. Далее Б. Дубин пишет: «...понятие «поколение» в свернутом виде фиксирует соответствующие точки разлома социального и культурного порядка, направления

и механизмы опосредования и перехода между «прежним» и «новым» (там же : 70).

Другие авторы сборника (В.П. Данилов, В.В. Семенова) также указывают на то, что понятие «поколение» многозначно и многомерно, его возрастные границы размыты и достаточно условны. Поэтому на первый план в его определении выходят качественные, историко-культурные факторы, такие как самосознание группы индивидов, родившихся примерно в одно и то же время и переживавших общий опыт. В центре этих переживаний находятся крупные исторические события, личности и процессы, раз и навсегда определившие судьбу, «дух времени» и образ данного поколения: «дети гнезда Петрова», «поколение декабристов» или «поколение 1812 года», «поколение революции», «довоенное поколение», «дети войны», «поколение протеста» (молодежная революция конца 60-х годов прошлого века), «поколение застоя», «жертвы перестройки» и, с легкой руки писателя В. Пелевина, «поколение «П»» — поколение пепси-колы.

В отношении поколения «шестидесятников» В.В. Семенова пишет: «Проблематичным, например, и недоказанным является понятие «шестидесятники» как массовое поколение, оказавшее влияние на всю социальную жизнь общества. Не является ли это образование только лишь интеллектуальным движением и потому значимым только для людей интеллектуальной сферы, пишущих о том времени? Каков социальный эффект воздействия этого социального движения на массовое сознание людей того времени? Или же это просто «несостоявшееся поколение» в сравнении, например, с «шестидесятниками» других стран Восточной Европы, которые составили активный компонент социальных революций в своих странах...» (Семенова 2005: 85).

Хочу зафиксировать в сознании читателей эти вопросы-сомнения как «проблему шестидесятников», которая нуждается в разрешении в результате всесторонних исследований.

Действительно, с определением феномена «шестидесятничества» существуют большие трудности. Укрепившиеся в общественном сознании короткие слоганы «дети XX съезда», «поколение хрущевской оттепели», «подснежники перестройки» верны, но страдают размытостью. Одно из определений «шестидесятничества» гласит, что это — субкультура советской интеллигенции, в основном захватившая поколение, родившееся приблизительно между 1925 и 1945 годами. Историческим контекстом, сформировавшим взгляды «шестидесятников» были годы сталинизма, Великая Отечественная война и эпоха «оттепели». Большинство «шестидесятников» были выходцами из интеллигентской или партийной среды, сформировавшейся в 1920-е годы. Их родители были советскими людьми, как правило, убежденными коммунистами, часто участниками гражданской войны.

Мне представляется это определение более-менее точным. Именно *субкультура*, поскольку далеко не все люди, относящиеся по возрасту к «шестидесятникам», жили их идеалами и проблемами. Были в этой когорте

и фракции, к идеологии «шестидесятничества» отношения не имеющие или даже прямо ей враждебные. «Шестидесятники» — это люди Системы, которые хотели трансформировать ее изнутри, демократизировать, снять с социализма сталинистскую коросту, придать ему «человеческий вид». Если вспомнить, чего хотели венгерские коммунисты в 1956 году и чехословацкие в 1968-м, то становится очевидным, что в 50—60 годы вся мировая социалистическая система столкнулась со своим первым системным кризисом, на который примерно одинаково реагировали «шестидесятники» этих стран.

Мои герои — выходцы из обыкновенных советских семей, а учились в лучших, как сейчас принято говорить, элитных советских вузах. Это случилось потому, что был Октябрь 1917 года. Это было прямое следствие победы социальной революции в России. Их родители сами участвовали в становлении нового мира. Ирина Марковна Попова писала: «Родители относились к новой советской интеллигенции, были из «рабфаковцев». Это слово я впервые «выловила» еще в раннем детстве из семейных разговоров. Они были вполне преданными советскому строю людьми, сформировавшись в атмосфере товарищества и взаимной поддержки» (Попова 2011: 31).

Для «шестидесятников» ярким моментом пробуждения их коллективного самосознания, их *сатори*¹ был исторический XX съезд КПСС в 1956 году. Основная масса «шестидесятников» политикой не занималась, но это не значит, что у них не было политических убеждений. Они были против реставрации сталинизма, за развитие внутрипартийной демократии и различных форм гражданской активности за пределами КПСС. Они видели главное зло в бюрократизации партии и государства, в образовании номенклатурного класса, который создал для себя систему привилегий и стал отсекал тех людей, которые своими идеями и действиями, преднамеренно или непреднамеренно — не имеет значения, угрожали его господству.

Это было поколение последних коммунистических романтиков. Их критицизм был направлен на реформирование социализма. Их антисталинизм не был ни в коем случае антикоммунизмом. «Мы стали действующими лицами первой волны демократизации, которая происходила в рамках ленинской концепции социализма и марксизма — истинного», — говорил видный советский социолог проф. А.Г. Здравомыслов в своем выступлении на семинаре 21 мая 1998 г. (Здравомыслов 1998). Идеалистическая вера «шестидесятников» в лучший мир, в великое будущее своей страны, страсть и энергия, которые сопровождали эту веру, отличали их от последующих нравственно распатанных поколений.

Многие авторы материалов на эту тему отождествляют «шестидесятников» с диссидентами. Это — наиболее устойчивая ошибка. Хочу еще раз подчеркнуть: «шестидесятники» находились в кругу советского мировоззрения. Их энтузиазм питала вера в то, что социализм можно избавить от

¹ Сатори — центральное понятие в дзен-буддизме, означавшееся мгновенное пробуждение, озарение сознания светом истины.

его «извращений» — тоталитаризма и бюрократизма. Поэтому именно в среде «шестидесятников» родился *советский либерализм*. Соответственно, их надо отличать от диссидентов — принципиальных и бескомпромиссных противников Системы.

Между «шестидесятниками» и диссидентами существует идейный конфликт, который длится по сей день. Казалось бы, на могилах своих друзей и недругов, да и самой советской эпохи можно было бы прийти к примирению. Однако и поныне мы встречаем в литературе яростные филиппики непримиримых оппонентов. Вот один образчик, принадлежащий перу левого диссидента Александра Тарасова: «*Мы отличались от вас, либералов-шестидесятников, тем, что вы с восторгом ловили в речах партийного бонзы признаки мельчайшего «свободомыслия», не смея покуситься на «устои», а мы радикально отрицали контрреволюционную советскую действительность, желали социальной революции и готовились к ней, работали для нее, жертвуя собственным благополучием, здоровьем, жизнями»* (Тарасов 2000—2001).

Еще один вождь леворадикальной партии национал-большевиков и писатель Эдуард Лимонов высказался о «шестидесятниках» более спокойно: «*Это люди буферного поколения: они не были честными коммунистами, уже нет, и одновременно не стали серьезными, злобными писателями. Они полусоветские и не большевики. Большую симпатию у меня вызывает или такой честный большевизм (Серафимович, Фурманов), или поздний, мрачный реализм»* (Эдуард Лимонов 1997: 57).

В словах Лимонова есть элемент правды. «Шестидесятники» — это не люди-гвозди, выкованные гражданской войной и доминировавшие как активный тип борцов в 20-30-е годы, пока их не вырезала сталинская машина террора. Ядро «шестидесятников» составила элитарная интеллигенция. Ей многое позволялось. Она пользовалась своей близостью к верхушке власти и питала иллюзии либерализации режима. Тут у каждого своя индивидуальная история романа с властью и последующего разрыва. А дальше была развилка — одни, вроде Е. Евтушенко, научились ходить по границе допустимого, другие, вроде В. Аксенова, окончательно рассорились с режимом и подались в диссиденты и, заодно, за границу. Оба были эмблематическими фигурами нового поколения, законодателями его стиля и эстетики¹.

¹ Выдающийся советский поэт Евгений Александрович Евтушенко вошел в историю совсем молодым, читая стихи для тысячных аудиторий. Идеалы у Евтушенко есть, и он им не изменяет, но на политическом поведении это не отражается. Он был достаточно умен, чтобы понять, что как поэт на Западе он со своим поэтическим даром никому не нужен. Поэтому путь в диссиденты был для него абсолютно бесперспективным. Он приспособлялся, но взамен и от властей требовал особого к себе отношения. Что касается прозаика Василия Аксенова, то начало его было многообещающим. Кстати, именно в связи с его повестью «Коллеги» впервые появилось выражение «шестидесятники». Первым это выражение употребил С. Рассадин. В ранней прозе В. Аксенов выразил гедонистическую мечту о нездешней свободе, о жизни-импровизации, вечном карнавале, о спонтанных поступках и богемных похождениях, стилистичестве. Как заметил один его доброжелательный критик, «Аксенова подташнивало от уродства

«...я не считаю правильным, — отмечал академик Г.А. Арбатов, — осуждать всех, кто не пошел по пути Сахарова, Солженицына, генерала Григоренко, некоторых других людей, работавших в науке, культуре и прочих сферах. И не только потому, что нельзя от всех требовать такого самопожертвования.

Разными у людей были убеждения, мировоззрение. Все же одно дело — бороться против социальной системы и мировоззрения, считая их фундаментально порочными, и другое — стараться реформировать и систему, и мировоззрение» (Арбатов 2002).

Это и есть кредо «шестидесятников». Замечательный актер театра «Современник» Валентин Гафт написал о своем поколении, поколении Ефремова, Даля и Высоцкого: «У них всех как будто один и тот же корень. Из поколения в поколение. От Крючкова и Алейникова к поколению 60-х годов. Только у тех была сильнее природа, а к этим пришло еще и сознание» (Гафт 1997: 28). Это — верная мысль. «Шестидесятников» отличает наличие личного самосознания, которое отделилось от идеологии. Люди 60-х углубились в самопознание, в свой внутренний мир, почувствовали в себе личностное начало и уже не стремились делать жизнь с какого-то плакатного героя, жертвуя своей «самостью». И все же возникает вопрос: что же это сознание им открыло? По-видимому, ложь своего времени, советскую ложь. Они не захотели, по крайней мере, когда речь идет о Дале и Высоцком, мириться с идеологической ложью. Это верно. Но большевистского упорства и воли к борьбе у них не было. Знаковые «шестидесятники» Евтушенко, Вознесенский, Рождественский, Окуджава (список можно продолжить) не тянут на роль бескомпромиссных суровых борцов-страдальцев с режимом. Не Оводы они и не Рахметовы. У них другое амплуа: они не борцы, а певцы свободы. В их творчестве, когда они были молоды, несомненно, есть дискурс свободы, и за это им огромное спасибо. Своей поэзией, творчеством они создали неповторимую атмосферу, музыку «шестидесятых». Эту атмосферу прекрасно передают фильмы «Застава Ильича», «Я шагаю по Москве», «Девять дней одного года». Это — музыка весны, молодости, оптимизма, надежды и романтики.

Я здесь не хочу распространяться, но скажу коротко о том, что нужно всегда помнить о неоднородности и многомерности общества, о брожениях и колебаниях, борьбе консервативных и освободительных сил внутри него. Его наиболее активная и творческая часть, молодые люди, вступившие во взрослую жизнь после смерти Сталина, не были ни боевым отрядом, ни сплоченной партией; их скорее объединяло витавшее в воздухе весеннее настроение после длительной сталинской зимы и страшной войны. Их окружали и наставляли опытные товарищи, которые хорошо помнили эту зиму и впитали в кровь страх, осторожность, развили в себе инстинкт

и серости советской культуры». Душой он эмигрировал на Запад значительно раньше, чем это произошло в реальности. Интересно, что когда он возвратился в посткоммунистическую Россию, то новорусская жизнь с ее небывалой свободой и роскошью потребления ему не понравилась.

самосохранения. Все эти качества многократно усиливались у тех, кто находился в системе власти, делал карьеру, был в числе «руководящих товарищей» — вплоть до полного паралича воли и готовности предавать ближнего своего.

Резюмируя, можно сказать, что «шестидесятничество» было достаточно широкое и многообразное по формам и потокам *движение Протеста* против того образа жизни и мышления, который предписывался и с помощью всевозможных регламентов поддерживался правящим режимом партийной номенклатуры. Этот протест, как правило, не носил политический характер, как в случае с диссидентством, которое следует характеризовать как *движение Сопротивления*. Оно было более жесткое и требовательное, неконформистское не только к власти, но и к общественному либерализму.

«Шестидесятники» уникальны еще и в том отношении, что редко какому поколению за его жизнь удается пережить два общественных подъема. А на их долю пришлось хрущевская «оттепель» и горбачевская «перестройка». Так или иначе, за ними числятся две мощные попытки трансформации сталинской модели государственного социализма. У них не получилось. Это факт.

«Не получилось» у Сократа, «не получилось» у Платона, «не получилось» у Марка Аврелия, «не получилось» у Данте, «не получилось» у якобинцев, коммунаров и наших народников, и так далее по длиннющему списку. В истории это нормально. Трагедия ее любимейший жанр, драма — наиболее популярный. Идеалы, утопии и иллюзии, рожденные противоречиями и пороками социума, разбиваются о реальность, как волны о скалы. И только брызги долетают до нас. Собственно говоря, по этим «брызгам» мы и судим о силе духа людей, решившихся на то, чтобы воплотить их в жизнь.

В этой книге я пытаюсь воспроизвести драму поколения интеллигентов-шестидесятников самым доступным для восприятия способом — через показ отдельных человеческих судеб. Вглядитесь в лица моих героев, в их духовные миры, уважаемые читатели, и подумайте о них, ведь они думали о вас. Не нам с вами судить их, но наше право и обязанность почерпнуть из их историй правду жизни, которая стала доступна в свете открывшихся исторических обстоятельств.

3. МЕСТО ПОКОЛЕНИЯ «ШЕСТИДЕСЯТНИКОВ» В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ

Ничто так не облагораживает сочинение гуманитария, как использование в него исследования методов точных наук. Несмотря на отмеченную многими авторами расплывчатость понятия «поколения», а, может быть, именно вследствие этого мы попытаемся внести некоторую математическую ясность в это понятие, ни на секунду не забывая об исторической гравитации.

В цикле лекций «Вокруг Галилея», прочитанных в 1933 году, Х. Ортега-и-Гассет предложил «метод поколений в истории». Воспользуемся этим методом как оптической линзой, позволяющей определить роль и место каждого советского поколения.

Разъясняя суть своего метода, Х. Ортега-и-Гассет писал: «...с важной для истории точки зрения человеческая жизнь делится на пять возрастов, каждый продолжительностью по пятнадцать лет: детство, юность, вступление в жизнь, господство в ней и старость. К подлинной истории относятся лишь два зрелых возраста: вступление в жизнь и господство. Я бы сказал, что историческое поколение живет пятнадцать лет становления плюс пятнадцать лет правления» (Ортега-и-Гассет 1997: 275).

Тип жизни определяется совокупностью убеждений и верований, которыми проникнуты *решающие поколения*. Решающими, согласно Х. Ортега-и-Гассету, являются два поколения — от 30 до 45 и от 45 до 60 лет. Между ними идет «полемика»: первое поколение стремится к переменам, а второе настроено консервативно, поскольку утвердило свой «дух времени» и занимает господствующие высоты во власти и обществе. Спустя полтора десятка лет «реформаторы» вытесняют своих старших визави и начинают доминировать, а их подпирает уже следующее поколение, в чем-то существенном несогласное и желающее «полемизировать». Еще раз подчеркну, оба поколения в противоречивом взаимодействии, в перехлесте определяют характер и дух времени.

Ортега-и-Гассет считал, что в 1917 году стартовало новое поколение. Он прав: это был год великого всемирно-исторического переворота, определившего судьбу всего XX века, положившего начало советской эпохи и, соответственно, первого советского поколения. Возьмем за точку отсчета эту дату. Тогда картина смены советских поколений будет следующая:

ПОКОЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

I 1917 1932 1947

II 1933 1948 1963

III 1949 1964 1979

IV 1965 1980 1995

V 1981 1996 2001

Далее, определимся с «зоной дат» каждого из пяти советских поколений. Если центр первого поколения обозначен 1917 годом, то границы этого

поколения отстоят на 7 лет ранее и 7 лет позднее от центра. Таким образом, «зоны дат» пяти поколений следующие:

1917	I между 1910 и 1924
1933	II между 1926 и 1940 «шестидесятники»
1949	III между 1942 и 1956 «семидесятники»
1965	IV между 1958 и 1972
1981	V между 1974 и 1988

Какие поколения осознанно делали революцию с именем Маркса на устах, определившие своими идеями и действиями всю советскую эпоху? Это два досоветских поколения: люди, которым в 1917 году было от 30 до 45 и от 45 до 60 лет. Ленину в 1917 году исполнилось 47 лет — «золотой» возраст для исторического деятеля, Троцкому — 38, Сталину — 39, Зиновьеву — 34 года.

Тот, кому было 30 в 1917 году, родился в 1887 году. Если это центр поколения, то его границы очерчиваются 1880 и 1894 годами. Ему предшествовало поколение *Ленина*, центр которого приходится на 1872 год. К нему относятся люди, родившиеся между 1865 и 1879 годами. Сталин родился на поздней границе этого поколения — 6 декабря 1878 года, по официальной версии 9 декабря 1879 года. А может быть за ней? Между ним и Лениным почти 9 лет разницы. Вполне возможно, что эта разница более чем существенная, и она определила поколенческие отличия во взглядах между Лениным и Сталиным. Я по-прежнему считаю, что Ленин не стал бы Сталиным, будь он жив в 30-е годы. Поколение *Ленина* делало мировую революцию и мыслило глобально, поколение *Сталина* строило социализм в одной, отдельно взятой стране и мыслило в категориях «Красной империи».

Историю нельзя полностью трамбовать математикой и укладывать в равные математические отрезки. Следует принимать в расчет, что на «математику поколений» оказывают мощное гравитационное воздействие силовые поля, образуемые точками бифуркации, кризисами в историческом развитии, преодоление которых требует огромных энергетических затрат. Поэтому «привлекаются» еще не созревшие поколения. Этими «точками» бифуркации, по крайней мере для советской истории, следует считать 1917-20, 1933-37, 1945-48, 1956-1961, 1975-78, 1989-91 годы.

Какое поколение принесло нам победу над фашизмом? Маршал Г.К. Жуков родился 19 ноября (1 дек.) 1896 года; маршал К.К. Рокоссовский родился 9 декабря (21 дек.) 1897 года; маршал И.С. Конев родился 16 декабря (28 дек.) 1897 года. В 1945 году им было соответственно — Жукову 48 с половиной лет, Рокоссовскому и Коневу по 47 с половиной лет. Они только-только перешагнули тот возраст, в котором поколение осуществляет власть в обществе. С.П. Королев — отец советской космонавтики, благодаря которому советский народ испытал невиданный триумф, — родился 30 декабря 1906 года (12 янв. 1907 г.). Нарком вооружений с 1941 года, будущий брежневский

маршал Д.Ф. Устинов родился 17 (30) 1908 года. В 1945 году ему было 37 лет. Сам генсек «застоя» Л.И. Брежнев родился 6 (19) декабря 1906, по другим данным — 19 декабря 1906 года, то есть в 1945 году ему было 39 лет.

Таким образом, «поколение победителей» родилось между 1895 и 1909 годами с центром в 1902 году. Уже это дает основание утверждать, что это поколение составляли люди, в чем-то несогласные со сталинской когортой, они — из «полемизирующего» поколения. Их проблема, которая перешла в драму всей страны, в том, что, встав у руля, они засиделись во власти, не пустили к ней *вовремя* тех, чье время пришло. А пришло время как раз поколению «шестидесятников». Самому молодому в Политбюро ЦК КПСС М.С. Горбачеву в 1985 году было 54 года. Он был единственным из поколения «шестидесятников» (родился 2 марта 1931 года) в высшем руководстве страны. Он был еще достаточно энергичен, и это был шанс для великой страны. Все это почувствовали, возбудились, возрадовались...

Разрушители страны и социалистического строя Егор Гайдар (родился 19 марта 1956 года) и Анатолий Чубайс (16 июля 1955 года) относятся к поколению «семидесятников». В 1991 году, когда они почувствовали свой шанс и стали резко суетиться, им было соответственно 35 и 36 лет — расцвет молодости, лучшее время как для революционеров, так и для контрреволюционеров: ответственности — минимум, желания выдвинуться во власть и реализовать свой план — максимум.

Итак, поколение «шестидесятников» было вторым советским поколением из пяти. Эпонимом¹ этого поколения можно с полным основанием считать Юрия Алексеевича Гагарина. Дата его рождения — 9 марта 1934 года. Поколение отцов «шестидесятников» датируется центральной точкой, отмеченной 1902 годом. В 1917 году им было от 8 до 22 лет. Революцию они «не делали», но некоторые в ней активно участвовали. Известен хрестоматийный пример раннего участия: Аркадий Гайдар, как известно, командовал полком в 16 с половиной лет.

Поколение «шестидесятников» — стержневая историческая конструкция советской эпохи. При нем она достигла точки апогея своего могущества. И при нем же она стала двигаться по нисходящей линии исторического прогресса. Это произошло потому, что оно не смогло реформировать советский строй, создать новую форму для идеи справедливости. Решающее поколение не решило своей задачи. В этом его драма.

¹ Эпоним (греч. «дающий имя») — в античности боги (Афина и др.), герои (Эллин, Эгей, Дор и др.), от имен которых производили названия городов, племен, местностей, гор, морей (напр., город Афины, племена эллинов, дорийцев, Эгейское море). Статуи эпонимов стояли в общественных местах; существовал культ эпонимов. В данном случае имеется в виду имя героя, символически обозначившего эпоху.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИДЕАЛИСТ-МЕЖДУНАРОДНИК ПРОФЕССОР АППАТОВ

Профессор Семен Иосифович Аппатов (24.01.1930 — 26.03.2003) проработал в Одесском университете 33 года — с 1966 по 1999 год.

Хорошо известно, что в школе учат, а в университете преподают. Но и среди преподавателей изредка встречаются Учителя. Писать надо именно так — с большой буквы. Быть Учителем в университете — значит оказывать на избранных студентов, своих учеников, чрезвычайное воздействие. Речь идет ни много ни мало о перевороте в умах и сердцах. И это уже на всю жизнь. Таким Учителем был Семен Иосифович. Его очень характеризовало слово «*безупречный*». Он был безупречный профессионал, безупречно воспитанный человек, безупречный семьянин.

В его глазах светились понимание и участие. В то же время ему было свойственно «мужское поведение». Он был человеком слова и дела, держался с достоинством. Его манерам был присущ, я бы сказал, заграничный лоск, нездешняя элегантность. В нем не было ни грана пошлости. Его отличала высокая самоорганизация: он жил «по системе», закаливал себя физически и нравственно. Он сумел организовать себя так, что вся его жизнь, несмотря на трудности, препятствия и даже хождения по мукам, стала одним неуклонным подъемом. Это само по себе является большим достижением. Кроме того, он дисциплинировал и организовывал вокруг себя социальное пространство. И наградой ему стало профессиональное и общественное признание.

1. ЖИЗНЬ И СУДЬБА: ОПЫТ НУМЕРОЛОГИИ

Основные жизненные вехи в судьбе Аппатова невольно наводят на мысль о нумерологии. Судите сами. Семен Иосифович родился в 1930 году; поступил на работу в университет в 1966-м, когда ему было 36 лет; проработал в университете 33 года; ушел из университета и эмигрировал в США в 1999 году; ушел из жизни в 2003 году. Таким образом, в рубежных датах постоянно присутствует цифра 3. Она является базовым числом в его жизни с периодами — 6 (3×2) и 9 (3×3).

В основе нумерологии лежит идея космической вибрации, выраженной в символической форме — числе. Попробуем провести эксперимент и проникнуть в глубь души Семена Иосифовича с помощью нумерологического инструментария. В нумерологии есть несколько основных чисел.

Число дня рождения, оно же называется *числом личности*, раскрывает природные наклонности человека, дает ключ к пониманию его характера и во многом определяет его жизненный путь. У С.И. Аппатова это число —

$2+4+1+1+9+3+0 = 20 = 2+0 = 2$. Число 2 символизирует равновесие в настроении и поведении, мягкость и тактичность характера, поиски компромиссов, сглаживание острых углов и проблем. «2» определяет неконфликтность, коммуникабельность, способность увлекать людей своими идеями, вызывать восхищение и зависть. Человек с числом личности 2 принимает все обстоятельства такими, какие они есть, умело к ним приспосабливается и примиряется. Внутренние сомнения, излишняя рассудочность часто мешают человеку с этим числом разобраться в собственных делах. Он должен избегать крайностей, неуверенности и чрезмерного великодушия, думать и заботиться не только о других, но также и о себе. Для успешной самореализации ему требуются соавторы, компаньоны, сотрудники, но при их выборе у него возникает проблема преодоления власти своих чувств.

Число имени — это ключ к пониманию развития личности, правильности выбора занятий, возможных достижений. Число имени Семен — $1+6+5+6+6 = 24 = 2+4 = 6$. В нумерологии число 6 символизирует надежность; оно предвещает успех в предприятиях, если только удастся завоевать доверие у окружающих, привлечь последователей. Часто из людей с таким числом имени получают политические деятели и высокие государственные чиновники. Они становятся известными в обществе своими научными или философскими взглядами, если их слова совпадают с делами. Они быстро усваивают ту истину, что честность плодотворнее честолюбия, что честные усилия не пропадают даром, что добрые поступки помогают достигнуть цели, не прибегая к радикальным методам.

Число души рассказывает о желаниях и стремлениях в жизни. Число души С.И. Аппатова — $6+6 = 12 = 1+2 = 3$. «3» означает в нумерологии неустойчивость и символизирует собой приспособляемость. Этих людей отличает умение понять других, коммуникабельность, общительность, широкий, но не глубокий охват информации. Чистота, порядок, заботливость, способность оценить себя глазами других людей. С качеством «3» тесно связано качество «6».

Число зрелости (его еще называют *числом подлинного Я*) указывает на конечную гармоническую вибрацию. У Аппатова оно $2+6=8$. «8» — двойной квадрат означает надежность, доведенную до совершенства. С числом зрелости 8 можно ожидать награды за свои достижения, поскольку что посеешь, то и пожнешь. Талант людей с числом зрелости 8 заключается в способности видеть широкие горизонты и вести других, но для того, чтобы достичь успеха, они всегда должны иметь ясную цель. Истинная сущность таких людей заставляет их напряженно работать, чтобы чего-то достичь. Лучше всего им даются руководство и организация, потому что они сами собраны. Такие люди в зрелом возрасте становятся авторитетными руководителями какого-то направления.

Ну что ж, можно считать эксперимент удавшимся. Судя по тому, что мы знаем о С.И. Аппатове, его характере и деятельности, он в целом успешно

реализовал в сложившихся жизненных обстоятельствах свою зашифрованную в цифрах судьбу.

2. «ПЯТАЯ ГРАФА» КАК ЛИНИЯ ЖИЗНИ

Советский еврей был особой национальной разновидностью советского человека. Именно к этой разновидности относился Аппатов. Если бы не было пресловутой «пятой графы», жизнь Семена Иосифовича сложилась бы, вероятно, иначе. Родина могла бы обрести в его лице выдающегося дипломата. Но она была. В 1952 году он закончил факультет международных отношений Киевского университета с красным дипломом. Это был первый выпуск специалистов-международников на украинской земле. Казалось, дорога к воплощению заветной мечты была открыта. Но в стране шла инициированная Сталиным антисемитская компания, и в условиях острой нехватки подготовленных дипломатических кадров ему на распределении предложили место... учителя в школе.

Проблема государственного антисемитизма в Советском Союзе, государстве, которое проповедовало интернационализм в качестве базового принципа своей идеологии, — настолько сложная, что требует специального исследования. Поэтому углубляться в нее я не буду, а коснусь лишь в той мере, в какой она прошла по жизни моего героя. А прошла она по ней жестко, подрезала крылья на взлете, психологически закрепила его. Вере молодого человека в справедливость Советской власти был нанесен удар страшной силы.

Надо сказать, у С.И. Аппатова была типичная биография советского еврейского гуманитария, родившегося в 30-е годы. Советские еврейские интеллигенты получили интернационалистское воспитание. «Не только воспитание, но сама атмосфера Одессы сформировала меня так, что — независимо от апостола Павла — я не научился отличать эллина от иудея», — писал искусствовед Борис Моисеевич Бернштейн (Бернштейн 2008: 9). Социолог В.Э. Шляпентох вторил: «В нашей семье не соблюдались никакие еврейские обычаи. Мое тринадцатилетие пришлось на октябрь 1939 года и, по сути, никак не отмечалось в семье не только потому, что папа умер всего за две недели до этого, но и потому, что это было совершенно не принято в кругу секуляризованных и ассимилированных евреев» (Шляпентох 2003: 133).

Выдающийся философ-культуролог Г.С. Померанц отмечал: «Я пустил корни в русскую культуру ребенком, когда антисемитизм казался умирающим пережитком и никто не заставлял меня забывать еврейский язык. Если бы заставляли, непременно бы заартачился. И чем сильнее нажим, тем туже натягивалась бы пружина» (Померанц 2003).

Алек Эпштейн проанализировал 14 биографий выдающихся ученых-гуманитариев еврейской национальности, сформировавшихся в исключительно советской среде (Эпштейн 2010). Бросается в глаза их удивительная схожесть. Все жили в Москве и Ленинграде в секуляризованных и

русифицированных семьях. В детские годы еврейская тема как таковая их совершенно не занимала. Об этом все они пишут, как под копирку. Стремление к знаниям, желание преуспеть интеллектуально, чего бы это ни стоило, отличало практически всех. За редким исключением, они заканчивали школы с медалями, учились в вузах на одни пятерки, получали красные дипломы и продолжали успешно заниматься наукой, блестяще защищали диссертации. Но тут на пути их карьерного роста встало само государство.

Широкомасштабная антисемитская кампания по «борьбе с космополитизмом» была задумана Сталиным как акция на опережение. Так думал Г.Х. Шахназаров. Он писал: «Сталин не мог допустить, чтобы brave офицеры с орденами и ленточками о ранениях выступили как в свое время декабристы, и решил перехватить инициативу, упредить их. Самым простым и безошибочным способом было лишить фронтовую молодежь политической невинности, втянуть в погром космополитов на университетских кафедрах, вузовских партийных собраниях, в тех же издательствах и других идеологических учреждениях» (Шахназаров 2001).

Полагаю, что проблема была глубже, и у ней было две стороны. В результате этой кампании пострадали наука и нравственная атмосфера в обществе. Она больно ударила по молодым представителям первого советского поколения еврейской интеллигенции. По обвинению в «космополитизме» в 1949—1952 гг. их изгоняли из университетов, исследовательских и педагогических институтов, редакций журналов и издательств. Всеми правдами и неправдами их «выдавливали» из Москвы и Питера в провинциальные города обширного Советского Союза. Как всегда в таких случаях наряду с очевидным негативом имел место и положительный эффект: эти города получили ценные приобретения. Например, потомственный ленинградец Ю.М. Лотман после защиты в 1952 году кандидатской диссертации оказался в Тарту, где ему нашлась вакансия в педагогическом институте. Оставшись на всю жизнь в Тарту, он прославил этот город своей семиотической школой. Одесса приобрела С.И. Аппатова. Что касается самих пострадавших, то и тут не все однозначно. Многие зависело от характера. Чтобы долго не распространяться на эту тему, просто приведу две цитаты.

Философ, социолог, психолог, сексолог **Игорь Кон**:

— Быть первым учеником всегда плохо, это увеличивает опасность конформизма. Быть отличником в плохой школе, — а сталинская школа учебы и жизни была во всех отношениях отвратительна, — опасно вдвойне; для способного и честолюбивого юноши нет ничего страшнее старательного усвоения ложных взглядов и почтения к плохим учителям. Если бы не социальная маргинальность, связанная с еврейской фамилией, закрывавшая путь к политической карьере и способствовавшая развитию изначально скептического склада мышления, из меня вполне мог бы вырасти идеологический погромщик или преуспевающий партийный функционер (Кон 2008).

Публицист и эссеист Марлен Кораллов:

— Свершились Февраль, Октябрь, объявившие равноправие. Новому государству, изгонявшему классово чуждую бюрократию, интеллигенцию, понадобился новый управленческий аппарат. Евреи, обладавшие свободой и равноправием, пошли в науку, искусство и в ЧК-НКВД, конечно, тоже... Если исходить из первого двадцатилетия Страны Советов, то можно говорить о большом количестве евреев, занимавших высокие должностные посты. Можно делать вывод: «Видите, кто виноват во всех прегрешениях!» Но люди, поверившие в свое равноправие, освобождались (я сейчас упраздняю всякие оттенки) и от своего еврейства. Творили свои прегрешения вместе со всеми. Иудейского в них становилось все меньше и меньше. Процесс, в который они были вовлечены, оказался разьевреиванием евреев. И если бы он шел без срывов, ассимиляция справлялась бы с русским еврейством гораздо умнее, чем погромы, преследования. Даже гуманнее. Пошла вторая двадцатка лет. Клейменных пятым пунктом попросили выйти вон из МИДа, КГБ, МВД... Нередко в ущерб Державе. Изгоняли из сфер высоких, загоняли пониже в соцподвалы, настойчиво приглашали в ГУЛАГ. Но не командовать. Входя под конвоем в истоптанную предками колею, иные в меру сил объевреивались. Потянулись к нацкорням (Кораллов 2008).

Потянулся ли к своим национальным корням Семен Иосифович, утверждать не стану*. Но ущемленным евреем он себя точно почувствовал. Дискриминация не просто коснулась его, она прорезала его тонко устроенную душу, как острым камнем по стеклу. И она, душа его, скукожилась. Тема антисемитизма была для него крайне болезненной и табуированной. Практически все, у кого я интересовался этим вопросом, заявили, что Семен Осипович глубоко переживал эту несправедливость, хотя ни с кем об этом ни разговаривал. В этом, я считаю, причина его зажатости, повышенной осторожности. Правда, изредка он утрачивал контроль, и чувство еврейской солидарности поднималось на поверхность. Вот один такой случай. Один студент (фамилия здесь не имеет значения), комсомольский лидер, отличник сдавал ему экзамен. Речь зашла о шестидневной войне Израиля с Египтом. Как известно, Советский Союз тогда стоял за спиной Египта и режим Гамала Абдель Нассера числил в «прогрессивных», чуть ли не в «социалистических», а Израиль активно поддерживали Штаты. Студент, как и положено, резко осудил «агрессивный израильский сионизм». Аппатов выслушал хмуро, затем сказал: «Я знаю, что ты едешь в стройотряд, поэтому ставлю тебе

* Дед Семена Иосифовича был раввином в провинциальном городке Вознесенске, а отец в советское время получил высшее медицинское образование, стал врачом. В 1940 г., до начала войны, успел поработать главврачом одесского санатория им. М. Ю. Лермонтова. Революционный перелом был слишком глубок, а атеизм, как и интернационализм, стал частью идеологии нового мира, в котором формировался Аппатов ребенком и юношей.

«четыре». «За что четыре?», — повисло в воздухе. История имела продолжение. На банкете по случаю окончания университета Аппатов подошел к этому студенту и сказал: «Боря, я знаю, что ты на меня сердисься. Хочешь, мы организуем тебе передачу?». Это было странно: университет закончен, диплом на руках. Видно, Аппатов корил себя за «необъективность».

Вопрос «пятой графы» в судьбе С.И. Аппатова был поднят в моей беседе с Игорем Павловичем Серовым¹, в ходе которой выявился несколько иной угол зрения на эту проблему. Это позволяет понять, как к ней относились, не будучи антисемитами, люди при должностях.

АВТОР: *Аппатова придерживали, долго не давали ему кафедру. Может, здесь играла роль пятая графа? Кажется, он сам так считал. Его фактически выдавили из дипломатии, куда он первоначально стремился.*

И.С.: Он никогда об этом со студентами не говорил. И даже когда была война Израиля с Египтом, он ничем не обнаруживал своих симпатий к Израилю. Он ни в чем не отступал от линии партии, но старался быть объективным, в том числе по отношению к арабам. Так, среди всех арабских стран он выделял Сирию как наиболее подготовленную для социалистического развития, с более грамотным населением страны. То есть он всегда стремился позиционировать себя как беспристрастный аналитик. Что касается партийной дисциплины, то он был безукоризнен, всегда колебался вместе с линией партии и даже намеком никогда не старался подтолкнуть студента к некоему диссидентству. По крайней мере, в нашем окружении.

АВТОР: *В нашем тоже.*

И.С.: Поэтому я не думаю, что обида у него была глубокой. Он понимал проблему и не видел в ней ничего личного. Мне приходилось сталкиваться с таким отношением нацменов. Вот Раушенбах, академик, дважды Герой, конструктор ракетных двигателей. Ему говорили: вас в 1941 году посадили в лагерь только потому, что вы — немец. Вам необходимо? Нет, говорит, необходимо. На меня из-за этого сами немцы обижаются. Раз началась война с Германией, то немцев отселяют и берут под подозрение по понятным причинам. Если ты понимаешь, значит уже по-другому к этому относишься. Очевидно, и Семен Иосифович понимал, что «еврейский вопрос» был не столько оправдан, сколько объясним психологией тогдашнего руководства. Вообще с несправедливостью сталкивались и ты, и я. Я закончил университет не хуже Аппатова — с красным дипломом, был ленинским стипендиатом. Я имел право рассчитывать на аспирантуру, но мне не дали направления. Когда я пришел к Заире Валентиновне², она мне сказала: «Зачем Вам, у вас красный диплом, вы — ленинский стипендиат, поэтому поступите и без направления». Это была «мягкая» ложь.

¹ СЕРОВ Игорь Павлович учился на истфаке в 1967—1972 гг., кандидат исторических наук, работал в горкоме КПСС, заведующим отделом Облисполкома, директором телекомпании РИАК. Беседа состоялась 12 апреля 2012 г.

² ПЕРШИНА Заира Валентиновна — декан исторического факультета Одесского университета.

Нельзя выпускнику без направления. Иди отработай три года учителем. И я пошел в солдаты, отслужил армию и поступил в аспирантуру уже через много лет. Но я же не делал из этого никаких политических выводов.

АВТОР: *Но кое-кто делал. В отношении евреев велась развязанная Сталиным кампания, и гонения на них носили массовый характер. Их выселяли из столиц, не давали заниматься наукой, мешали защищать диссертации. Аппатов имел красный диплом, и на распределении в 1952 году в Киеве ему прямо сказали о невозможности работать в дипломатической сфере.*

И.С.: Все было. Я как бывший заведующий отделом национальных отношений облисполкома в 80-е годы скажу, что и в наше время ходили побасенки, что евреев прижимают, они, мол, не могут получить образование, занимать карьерные должности и т. п. Я тогда открыл обыкновенный сборник статистических материалов по Одесской области и поинтересовался уровнем образованности разных национальных групп в нашей Одесской области. И обнаружил прелюбопытную статистику. На тысячу человек взрослого населения у евреев 360 с копейками человек с высшим образованием, у русских, которые на втором месте, 170 человек на тысячу населения, то есть в два раза меньше; у белорусов — 140, украинцев — 75, болгар — 30 с лишним на тысячу, у молдован — 30, гагаузов — 28, и т. д. Если посмотреть на эту статистику без всякой предвзятости, то значительно больше для понимания такого положения дает распределение национального населения между городом и селом. Еврейское население практически полностью живет в городах, русские — в основном, украинцы — серединка на половинку, болгары, молдоване, гагаузы и прочие — это в основном сельские жители. Понятно, что если еврейские дети строем идут поступать в наиболее престижные вузы, то там создаются ограничения. Поговаривали о квотах. И все равно они находили пути и оказывались там, где хотели. И во власти их было немало, включая окружение Брежнева и других генсеков. «Еврейский вопрос», конечно, был. Он для Российской империи был традиционным. Взять сборник законов Российской империи за XIX век, то там через страницу можно прочитать о тех или иных ограничениях в отношении евреев. Но дискриминация евреев имела место и в некоторых европейских странах.

АВТОР: *С Российской империей все понятно, но в Советском Союзе с его интернационалистской установкой, да еще с историей коммунистической партии, в которой евреи с самого основания занимали доминирующее положение, государственный антисемитизм идеологически неоправдан и исторически непонятен. Некоторые считают, что антисемитизм был потому, что антисемитом был Сталин. Предположим, хотя я лично в этом сомневаюсь. Но антисемитизм был и после Сталина, конечно, в значительно более мягкой форме, но был.*

И.С.: В Советском Союзе его появление следует связывать с «холодной войной» — поиски внутренних врагов, которые имеют внешние связи. На советское руководство оказывало мощное давление еврейское лобби в США и Европе, ставя вопрос о свободе эмиграции евреев из СССР.

АВТОР: Ты думаешь, что еврейские банкиры после войны всерьез испугались коммунистической угрозы и объявили войну Советской власти, которую они помогли устанавливать в 1917 году, разваливая царскую Россию?

И.С.: Да, вполне возможно. Я никогда не занимался «еврейскими делами», только эпизодами, но мне кажется, что недоверие к евреям было инициировано в период холодной войны. Впрочем, оно никогда не достигало серьезного градуса, поскольку цвет советской интеллигенции, научной и художественной, составляли советские люди еврейской национальности. Кстати, во второй половине 80-х годов линия партии развернулась к вопросу национального развития, и мы стали создавать вместе с интеллигентными представителями национальных общин национальные общества. Я получил команду создать еврейское национальное общество. С этой целью я встречался в Доме Ученых с Аппатовым, Баканурским¹, Бассэлем². Мы решили все учредительные вопросы. Общество было создано в кинотеатре «Серп и Молот». Зал был битком набит. Аппатов был среди учредителей. Он, Баканурский и я написали статью, посвященную массовым убийствам евреев в Артиллерийских складах на третий день немецкой оккупации Одессы. Тогда же мы установили первую стелу невинно убиенным евреям. Сейчас об этом предпочитают умалчивать, поскольку это связано с КПСС.

Действительно, «перестройка», в которую умудренный опытом хрущевской «оттепели» Аппатов поверил не сразу, сняла с него внутренний запрет с темы антисемитизма в Советском Союзе. Он стал публично говорить на эту тему, участвовать в еврейской национальной жизни. Аппатов рассматривал «еврейский вопрос» в русле общей национальной политики государства, в которой накопилось много застарелых и болезненных, с точки зрения национального самосознания и гражданского достоинства, проблем, от решения которых зависела благоприятная для реформ общественная атмосфера. В числе тех бумаг из личного архива С. И., которые мне любезно предоставила его семья, есть два материала, свидетельствующие о проработке этого вопроса и, во-вторых, о нарастающей тревоге Аппатова в связи с противоречивым ходом демократизации страны и констатацией того, что «не получается». Первый документ я привожу полностью:

30.X.1988

Историческая память — это обоюдоострое оружие. Это противоречивая форма общественного сознания. Она питается (с одной стороны) идеями и практикой Октября и первых 25 лет советской власти (до 1945 г.), но она

¹ БАКАНУРСКИЙ Анатолий Григорьевич — 1951 года рождения, доктор искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой культурологии и искусствознания, декан гуманитарного факультета Одесского национального политехнического университета, занимается историей театра и проблемой игровой культуры.

² БАССЭЛЬ Валерий Михайлович — 1939 года рождения, артист театра и кино, руководитель Камерного еврейского театра «Гэвел Гэволим» («Суета сует»), заслуженный артист Украины.

живет опытом последующих 43 лет, когда выросло новое поколение. Выросло в обстановке дискриминации, лицемерия, лишений, духовной и экономической отсталости.

Последние три года — период исторической самокритики, самоочищения — еще не могут переломить стереотипы предшествующих десятилетий. Период гласности возбуждает наряду с добрыми чувствами и призрак погромов («Память»), т. е. вызывает не только надежды, но и тревогу. Попытки восстановить справедливость в еврейском вопросе пока не включают радикальные меры (кадровую высокую политику), а ограничиваются поверхностными гуманитарными мерами (театр, нрбз).

Короче говоря, еще не создано действенной альтернативы традиционному мышлению. Инерция мышления и действия (антисемитизм) продолжает работать...

Можно провести параллель с нашей перестройкой в целом. Многое еще буксует, в т. ч. и перестройка межнациональных отношений.

Обращает на себя внимание то, что С.И. Аппатов как историк и мыслитель не оценивал однозначно негативно всю советскую эпоху, не участвовал в либеральной кампании очернения Великой Революции и всего советского под видом «правды истории». Он видел в Октябрьской революции колоссальный освободительный потенциал, воплощение великой идеи социального, в том числе национального, равенства.

Второй материал, судя по его жанру (интервью), тщательности проработки текста и старательному почерку, был предназначен для печати, но по каким-то причинам так и не был опубликован. Он озаглавлен «Размышления на национальную тему...» и датирован 31 августа 1989 года. Полностью он помещен в приложении. Здесь же в силу его важности для освещения темы приводится лишь его начало:

Вопрос: «Кто Вы по национальности?»

Ответ: « Я — еврей, а, если точнее, советский еврей...»

Я против двух крайностей в восприятии «еврейского вопроса» самими евреями, а именно: с одной стороны, давняя (довоенная) тенденция к ассимиляции, растворению в рамках русского, украинского, белорусского и др. народов. Жизнь доказала бесперспективность и даже опасность этого пути. Он не привел к цели, не ликвидировал антисемитизм. Более того, вызвал презрительное отношение других народов и наций.

Но я против и другой крайности: восприятие «еврейства» как некоей безграничной, вне времени и пространства, вне родной земли национальной принадлежности. И, тем более, против «замыкания» национальной принадлежности на «земле обетованной», то есть против узколобного национализма — за здоровое национальное чувство на своей советской земле.

Есть у советских, российских евреев своя родина, своя земля, своя культура, в значительной мере обрусевшая...

И.Н. Коваль¹, отвечая на вопрос, какие отношения были у Семена Иосифовича с властью, сказал: «Умеренно-доверительные. Он был из допущенных евреев. Выполнял важные партийные поручения по своему профилю, особенно, руководство вечерним университетом марксизма-ленинизма. В принципе к партийным руководителям он относился уважительно, в ряде случаев снисходительно. Диссидентства какого-то в нем не было».

«Из допущенных евреев» — это, пожалуй, самое точное и лаконичное определение того, как С.И. Аппатов решил «еврейский вопрос» в отношении себя самого в доперестроечный период.

3. УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ

Семен Иосифович пришел в Одесский университет в 1966 году по приглашению заведующего кафедрой всемирной истории профессора Константина Дмитриевича Петряева (1917—1987). Он был видный ученый, германист, хорошо владел немецким языком и подбирал на кафедру людей «с языками», поскольку предметы всемирной истории предполагают знание иностранной литературы по первоисточникам. Семен Иосифович на всю оставшуюся жизнь сохранил благодарность к этому противоречивому человеку. Как вспоминает сегодня (сентябрь 2012 г.) вдова С.И. Нинель Михайловна: «Это была дружба двух заинтересованных друг в друге людей, дружба старшего товарища с благодарным учеником. Константин Дмитриевич был для Семена Иосифовича больше, чем научный руководитель. С.И. ценил в нем прежде всего порядочность, объективность, прямоту. Неискушенный в администрировании, С.И. прибегал к опыту Петряева. Несмотря на то, что за последним тянулись грешки, связанные с его пристрастием к алкоголю (из-за резекции желудка даже малая доза спиртного приводила к сильному опьянению²), С.И. глубоко его уважал, многое прощал».

До этого с 1958 года Аппатов работал директором Одесских государственных курсов иностранных языков (одесситы называют их «Чкаловские», поскольку они с 1959 года располагаются на улице Чкалова, ныне Б. Арнаутская, в здании СШ № 90). За время своей работы он поставил эти курсы, что называется, на широкую ногу. Они стали знаменитыми

¹ КОВАЛЬ Игорь Николаевич — 1955 года рожд., учился на истфаке в 1973—1978 гг., ученик, коллега и единомышленник С.И. Аппатова, доктор исторических наук, профессор, в настоящее время — ректор Одесского национального университета им. И.И. Мечникова.

² О К.Д. Петряеве ходили легенды. Он ведь долгое время работал в Высшей партийной школе. Когда он впадал в неадекватное состояние, то не шел домой лечиться сном, а приходил в обком партии и кричал: «Временщички! Вы разграбили страну!». И далее в том же духе. С другим разговор был бы короткий, а Петряеву прощали. Он был незаменимым, оказывал ценные интеллектуальные услуги партийным начальникам, в том числе в деле написания диссертаций.

благодаря его организаторскому таланту. Он подобрал прекрасный педагогический коллектив. Между прочим, среди них был ставший его другом на всю жизнь Владимир Львович Скалкин, будущий профессор, доктор педагогических наук, автор многочисленных учебников по методике преподавания английского языка. Познакомились и подружились они раньше, когда стали учителями в знаменитой английской спецшколе-интернате № 2. В архиве школы сохранился приказ о зачислении С.И. Аппатова:

Наказ № 207 від 07.10.58. Призначити тов. Аппатова Семена Іосиповича на посаду викладача нової історії з викладанням англійською мовою, з 15 серпня 1958 року. Дир. Дашковський.

Людмила Сергеевна Лютая, выпускница школы-интерната №2 1963 года, прислала мне свои воспоминания об *учителе* Аппатове. Вот что она пишет:

«Впервые попал на урок С.И. Аппатова, я была несколько в замешательстве. Семен Иосифович в корне отличался от всех известных мне педагогов. Манера держаться, одеваться, преподавать была какая-то европейская, хотя я тогда и представления не имела, что значит «европейская». Достаточно сдержан, элегантен, педантичен, ни единого лишнего жеста, слова. В нем чувствовалась порода, высокая интеллигентность, честность и ум. Среди учащихся ходили слухи, что он якобы из «бывших разведчиков».

В старших классах Семен Иосифович читал новую историю и экономическую географию зарубежных стран на английском языке. Урок строился по одинаковой схеме: короткий опрос учащихся (заранее просил не выучивших урок предупреждать об этом, чтобы не забирать время), краткое изложение темы и далее разговор о современной внешней политике. Своими лекциями он заставлял нас думать, анализировать и читать между строк. В его речи все было взвешенно. Прийти на урок неподготовленным было почти нереально и стыдно. Во время урока внимание учеников было направлено только на педагога, так как он объяснял сложные политические события просто и доходчиво. После уроков мы долго не отпускали Семена Иосифовича, задавая множество вопросов, и на каждый получали ясный и четкий ответ. Ко всем ученикам он относился очень уважительно, невзирая на успеваемость и возможности каждого. Конечно, все девочки класса были в него влюблены».

Руководя курсами, Семен Иосифович занялся наукой, написал и защитил в 1966 году кандидатскую диссертацию на тему: «Американская историография о политике США в Германии и германской проблеме после II Мировой войны». В том же году она была издана в виде книги в московском издательстве «Международные отношения», что по тем временам было огромной редкостью. В ходе написания диссертации Семен Иосифович консультировался у К.Д. Петряева, поэтому у последнего была возможность оценить его достоинства и перспективу.

На историческом факультете Семен Иосифович быстро завоевал авторитет у своих коллег и студентов. У студентов еще и любовь. Входя в первый раз в аудиторию к студентам, он был готов. Работа учителем в школе с 1958 по 1966 гг. не прошла даром. Там он выработал индивидуальный стиль, свою педагогическую манеру.

На общем фоне советской реальности С.И. Аппатов как преподаватель и лектор-международник явно выделялся «лица необщим выраженьем». «Он меня притягивал тем, что от него можно было услышать *живое слово*», — сказал в беседе со мной **А.И. Домбровский**¹. Он нашел очень верное словосочетание, потому что в то время, в 70-х, возобладал догматизм и мертвящий язык партийной пропаганды, образцы которого давали материалы съездов и пленумов ЦК КПСС. На этом фоне скучнейшего партийного новояза аппатовские лекции, богатые аналитикой и лексической образностью, выглядели как живые цветы на фоне кладбищенских венков.

В.В. Попков² назвал С.И. Аппатова в числе трех преподавателей, которые нравились ему больше всех в период его учебы на истфаке. Ниже привожу фрагмент нашей беседы.

В.В.: Аппатов нравился своей интеллигентностью, внутренней вышколенностью, то есть он действительно давал какую-то норму достойного поведения.

АВТОР: *Что ты имеешь в виду под словом «вышколенность»?*

В.В.: Это означает, что человек умеет говорить, умеет вести себя. С годами я убеждаюсь в том, что вести себя — это далеко не последнее качество. Имеется в виду умение выстроить ровные отношения со своим окружением — со студентами разных курсов, с руководством, коллегами-преподавателями. Есть некий этос межчеловеческих отношений. Если его придерживаться, то люди будут правильно понимать свое место. У Аппатова это было.

АВТОР: *Как Аппатову удавалось уживаться с Системой и в то же время быть открытым, интересным для студентов?*

В.В.: Если другие, как попки, осуждали американский империализм, то Аппатов привносил в свои лекции серьезный элемент аналитичности. Он включал наше мышление, напрягал не только наши барабанные перепонки, но и мозги. Причем ему больше удавались лекции конкретно-исторического плана, где отсутствовали идеологические клише.

Л.П. Дузь³ развил характеристику В.В. Попкова:

¹ ДОМБРОВСКИЙ Алексей Ильич учился на историческом факультете в 1968—1973 гг., ныне — доцент кафедры общеправовых дисциплин и международного права экономико-правового факультета ОНУ им. И.И. Мечникова.

² ПОПКОВ Василий Васильевич был студентом исторического факультета ОГУ в 1968—1973 гг., ныне д-р филос. наук, профессор, заведующий кафедрой политологии ОНУ имени И.И. Мечникова.

³ ДУЗЬ Леонид Петрович учился на истфаке ОГУ в 1967—1972 гг., ныне доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин одесского филиала Европейского университета.

— Он никогда не занимался огульным охаиванием того, что видел и знал из источников. Давал объективные характеристики американским исследователям, тому же Киссинджеру, которого считал очень умным и хитрым интеллектуалом. Вот эта объективность в нем, наверное, привлекала.

Об этом же говорил и **В.В. Глебов**¹:

— У него не было закрытых тем. Он умел говорить и о нелицеприятных сторонах политики Советского Союза — об Афганской войне или, например, о неприятном инциденте со сбитым гражданским лайнером. В Одессе он всегда был востребованным лектором. Власть приглашала его выступать перед своими функционерами, потому что он переводил разговор с чисто пропагандистской сферы в научную плоскость объективного анализа. Для С.И. примером был профессор Института США и Канады и обозреватель-международник на Центральном телевидении Валентин Зорин. Но за Зориным стояла власть. Зорин был приближен к министерству иностранных дел и, в первую очередь, к Международному отделу ЦК КПСС. И этим все сказано.

Мой сокурсник Игорь Коваль, ставший не просто учеником, но и продолжателем дела С.И. Аппатова, был готов к первой встрече со своим учителем.

И.Н. Коваль: Я познакомился с Семеном Иосифовичем в 1973 году после поступления на первый курс исторического факультета. Но знал его и раньше, поскольку примерно с седьмого класса вместе с отцом я регулярно посещал лекции о международном положении в Доме политпроса одесского обкома партии на Пушкинской, где сейчас располагается банк. Его лекции были одними из самых интересных. Сейчас трудно поверить, но зал, вмещавший до пятисот человек, был заполнен битком. Примерно такой же наплыв был, когда к нам приезжал из Москвы Валентин Зорин.

Мера объективности, диктуемая принципом историзма, требует подойти к оценке личности С.И. Аппатова с учетом общего уровня преподавания общественных наук в университетах Советского Союза. И тогда незаурядность его личности станет очевидной. **Н.Т. Щербань**² вспоминает:

— Впервые об Аппатове я узнал, когда, еще будучи в армии, пошел на курсы английского языка на улице Чкалова. Тогда он уже не был директором этих курсов. Я разговорился с преподавателями и сказал, что ваш директор не производит впечатления, а они мне сказали: у нас раньше был Семен Иосифович Аппатов. Вот это был директор курсов! А потом я услышал о нем от Владимира Петровича Дроздовского, доцента филфака. Мы с ним дружили, довольно часто встречались дома то у меня, то у него. Так вот, он однажды сказал, что у них есть

¹ ГЛЕБОВ Виктор Викторович учился на истфаке ОГУ в 1967—1972 гг., ныне доцент, директор Института социальных наук ОНУ им. И.И. Мечникова.

² ЩЕРБАНЬ Николай Трофимович — редактор газеты «Одесский университет» (1984—1996), ныне — старший преподаватель факультета журналистики ОНУ.

человек, который мыслит не так, как мы. Лучшего лектора по международным отношениям не найдешь. Это он говорил об Аппатове, который только-только перешел на работу в университет.

Еще один мой сокурсник **Ю.Б. Селиванов**¹ сказал следующее:

— У Аппатова налет демократичности, западный стиль был. Он действительно отличался этим от большинства наших преподавателей. Вот Карышковский тоже был абсолютно продвинутый человек. Он даже был более «западный», чем Аппатов. Я имею в виду внешнюю манеру поведения. Полная свобода, раскованность. Для него это не демократичность, не форма, а естественное проявление его сущности. К примеру, он приходит к нам на лекцию в потертых джинсах. Кто себе мог тогда такое позволить?! Садится за стол, снимает туфлю, закидывает ногу за ногу, чешет пятку и начинает говорить. Полная раскрепощенность. В сравнении с ним Аппатов был зажат, но зажат по-западному (смеется). Я помню лекцию Карышковского о Петрарке. Я почувствовал, что меня ударило током и продолжало бить на протяжении лекции. Я не мог себе представить глубины понятий, которые он раскрывал за словесными формами Петрарки. То есть он давал расшифровку эпохи через творчество ее выдающегося представителя. Лекции Аппатова такого сногшибательного впечатления не производили.

Расскажу и о собственных впечатлениях от преподавания и ораторского мастерства профессора Аппатова. Он читал нам лекции по новейшей истории стран Европы и Америки на четвертом курсе. К его приходу мы были премного наслышаны о нем от своих же сокурсников, посещавших его кружок международных отношений с первого курса и выбравших его специализацию с третьего. Поэтому его высокий профессионализм не ставился под сомнение. Конечно, не все его лекции слушались с одинаковым интересом. Но были и «коронки». Аппатов достаточно часто ссылался на западные источники, прессу, собственные впечатления от бесед с американскими политиками и учеными. Я даже думаю, что он иногда чуть-чуть преувеличивал в наших глазах круг своих личных отношений с западными политологами, поскольку в тот период он в Америку еще не ездил. Благодаря своим московским связям, прежде всего в арбатовском Институте США и Канады, он знал о закулисных аспектах международной политики, знал, как готовятся события в большой политике, имел доступ к закрытым материалам и умел красиво подать эту информацию.

Семен Иосифович читал нам историю современности, судил о том, что вчера еще было в газетах, передавалось в новостных передачах по радио и телевидению. Можно ли быть историком современности? Аппатов доказывал, что можно. Приводил в пример К. Маркса. Мне тогда, да и сейчас представляется этот аргумент неубедительным: что позволено Юпитеру...

¹ СЕЛИВАНОВ Юрий Борисович учился на истфаке ОГУ в 1973—1978 гг., подполковник в отставке, ныне директор телекомпании «Академия».

Историк современности должен видеть в ней закономерный результат развития больших исторических циклов, эпохальных тенденций, которые продолжают работать и обуславливать нашу жизнь больше, чем современная политическая суета сует. Текущая политика — это круги на воде. Но у нее имеется своя архитектоника, в действительно исторических масштабах на нее воздействуют мощные подводные океанические течения космического происхождения. Насколько способен историк современности учесть эти факторы в своем актуальном анализе текущей истории?

Наконец, история имеет вечные основы, и вот к этому зову вечности историк современности, как правило, бывает глух. Его слух настроен на короткий и ультракороткий диапазоны. Историк современности по определению глубже политолога. Тот в состоянии в лучшем случае прогнозировать замыслы людей власти, принимающих решения. Но замыслы людей и «замыслы» истории не совпадают. Попросите меня назвать хотя бы одно имя живого историка современности, и я затруднюсь ответить. В общем, это большая проблема, и сам Аппатов решал ее всю жизнь в процессе исследовательской деятельности.

Он был опытным оратором, владел накатанными приемами. На первом курсе нам читал лекции по истории КПСС доцент Яков Миронович Штернштейн. Вот это был оратор! Мастер высочайшего класса. Маленького роста с седой бородой а'ля Карл Маркс и очень живыми, молодыми глазами он ходил по аудитории с палочкой в руке и гремел. Он не читал лекцию, а произносил ее. Голосовые модуляции, смена ритма и тона, артистические жесты, живая мимика лица, поставленный размеренный голос, как будто в груди у него стучал метроном, чувство аудитории, заранее подготовленные «экспромты» для разрядки внимания, образная четкая речь и, наконец, чувство аудитории — все это завораживало. И хотя было заметно, что лектор любит себя, «гарцует», в целом это не портило впечатление от ораторской мощи. Ничего подобного в жизни я больше не встречал. Аппатов был оратором совсем другого плана. Его манера была деловитой, без аффектаций. Не красотой речи брал он, а, прежде всего, логикой и глубиной анализа. Он разворачивал перед студентами проблему в ее историческом ракурсе, показывал ее многогранность, как разные связи и интересы переплетаются в тугой узел, над которым бьются дипломаты разных стран. Он раскрывал слушателям, как сейчас модно говорить, бэкграунд — какие фундаментальные вещи скрываются за текущими событиями международной жизни. Шахматная партия, которую разыгрывают главные игроки мировой политики, — вот, пожалуй, тот образ, который чаще всего присутствовал в лекциях Семена Иосифовича.

У него были свои фирменные «трафареты»: фразы и выражения, позволявшие зайти на тему или, наоборот, закруглить ее. Речь свою он пересыпал поговорками типа: «не ставить телегу впереди лошади», «выплеснуть ребенка вместе с водой», «не моем, так катаньем». Его ученики подпадали под обаяние этой манеры и вольно или невольно ему подражали. В этой связи

помнится один забавный случай. Нам читал открытую лекцию молодой преподаватель, только что закончивший московскую аспирантуру ученик Аппатова Николай Яковлевич Лазарев по прозвищу «Кока». Он к тому же был куратором нашего курса. Дистанция в возрасте у нас была небольшая, и Кока напускал на себя солидность. Лекции читать он еще не имел права, поэтому его лекция была не только открытая, поскольку на ней присутствовал сам Семен Иосифович, но и пробная. Я уже даже не помню тему лекции. Вероятно, что-то по африканистике, ведь Кока специализировался по этой тематике. Так вот, начал он хорошо. Но вскоре курс перестал его слушать. Дело в том, что Кока стал отчаянно злоупотреблять аппатовскими поговорами. Через каждые несколько предложений он «ставил телегу перед лошастью», «выплескивал ребенка вместе с водой» и «не мытьем, так катаньем» добивался своего. Студенты вслух стали считать количество выданных им присловий. Семен Иосифович вначале посмеивался, прикрывая рот рукой, но затем не выдержал и расхохотался в голос, и вместе с ним смеялся весь курс. Надо отдать должное Коке: он тоже улыбался.

Либерализм Семена Иосифовича не был выученным и конъюнктурным. Он был основой его культуры и проявлялся в разных аспектах и деталях его поведения. В то же время жизнь научила его осторожности в словах. Он обычно давал понять больше, чем говорил. Думаю, он много работал над этим стилем и, наконец, превратил его в свою вторую натуру. Для примера могу привести пару выдержек из его коротенькой статьи в газете «Одесский листок» Сан-францисского землячества одесситов (№94, июль 2002 г.). Специально я ее не искал. Просто она выложена в Интернете Всемирным клубом одесситов. Статья называется «Американский подарок одесситам» и представляет собой информационную заметку. Тем нагляднее на ее материале выражены особенности аппатовского стиля, его тонкая нюансировка, игра смыслами. В статье речь идет об издании на украинском языке монографии американского профессора Патрисии Херлихи по истории Одессы. Семен Иосифович пишет, что он «имел удовольствие встречаться с ней во время ее научной командировки в Одессу в 1981 году». И далее: «...меня покорила огромная работоспособность и целеустремленность П. Херлихи, ее терпеливость по отношению к трудностям одесского быта, который был непривычным для человека из цивилизованной страны». Согласитесь, как непринужденно автор дал понять читателю об уровне цивилизации европейской страны Украины и европейского города Одессы. Ниже Семен Иосифович продолжает: «Издание книги П. Херлихи на украинском языке дало возможность одесситам, владеющим этим языком, увидеть прошлое своего города в объективном зеркале серьезного научного исследования. Жаль, что книга до сих пор не переведена на русский язык, который большинство населения Одессы считает своим родным языком».

Тоже красиво и, главное, понятно теперь уже про украинский город Одессу, а заодно и про одесских историков и патриотов-бизнесменов, которые совместно не могут поднять проект издания фундаментального труда по

истории родного города на родном языке. Благо, на помощь пришла Америка в лице одного-единственного человека и на украинском языке рассказала «за Одессу»!

Мне всегда казалось, что в публичных выступлениях Аппатова на политические темы таится еле заметная ирония. Он прятал ее в подтекст того, о чем говорил и писал. Поэтому к нему не могли придраться идеологические волки. Слишком тонко, на уровне интонации все это было. В его умных, грустных глазах читалось понимание и того, что происходило в стране в период «застоя», и того, что стало происходить в период «независимого возрождения». Ситуация вроде бы кардинально изменилась, а политическое лицемерие осталось все тем же. Воздух специфической украинской свободы становился для него тяжким. Это, конечно, не было основной и даже второй причиной его эмиграции. И все же и это обстоятельство, полагаю, легло на весы принятия окончательного решения.

4. О ШКОЛЕ

Создание аппатовской школы началось с кружка. Все ученики С.И. Аппатова, без исключения, начинали свой путь в науку в студенческом научном кружке. Эту традицию до сих пор — уже на факультете международных отношений Института социальных наук Одесского национального университета — поддерживают продолжатели «дела Аппатова». Каждая кафедра на истфаке имела свой кружок, в котором все желающие студенты могли углублять свои знания, приобщаться к научно-исследовательской работе. И только С.И. Аппатов сумел превратить кружок в базовую структуру, в которой студенты и аспиранты не только образовывались, но и получали воспитание, проникались духом профессионализма историка-международника. Они становились «аппатовцами». Текучесть в этом кружке была заметно меньше, чем в других кружках. Упор делался не на количество, а на качество. Ядро кружка на протяжении ряда лет было более-менее постоянным. Чтобы руководить такой структурой, нужно было заниматься ею с полной самоотдачей, не жалея ни времени, ни сил. Первым старостой кружка был **Виктор Викторович Глебов**. Ему первому я и предоставлю слово для воспоминаний. Далее пойдут другие кружковцы.

В.В. Глебов: С Семеном Иосифовичем мы познакомились в 1967 году на первом курсе в колхозе, где мы находись где-то с 2 сентября по 10 октября¹. Он был у нас куратором. Курс его полюбил. Он был молод, открыт, общителен и очень интересно рассказывал о странах, в которых побывал. Именно в беседах

¹ Ныне уже требуется пояснение, что советские студенты начинали свой учебный год с участия во всесоюзной «битве за урожай», который, несмотря на мудрое руководство КПСС, колхозники все же выращивали, но самостоятельно собрать его с полей сил у них уже не хватало.

с ним в колхозе родилась идея кружка по международным отношениям. Хочу подчеркнуть, это была студенческая идея. Когда вернулись в Одессу, к декану пошел парторг пятого курса Григорий Орлов и сказал, что есть такая инициатива — создать кружок международных отношений. Начальство отнеслось к этой идее холодно: на кафедре новой и новейшей истории уже был кружок, а тут студенты предлагали создать новый, специализирующийся только на международных отношениях. Однако добро было получено. Мне тогда Семен Иосифович поручил быть старостой кружка. Первое заседание кружка состоялось в 1968 году, после сессии. В первом составе было человек 12. Это были в основном пятикурсники, взрослые ребята. Они поступили в студенты после армии или уже имея стаж на производстве. С ними мы общались так же, как и с преподавателями. Тогда вообще было распространено шефство старшекурсников над младшими. В работе кружка не было никакой конъюнктуры, никакой жесткой направленности. Никому не навязывалась тема, с которой нужно выступить на заседании кружка. Стояла задача дать студенту проявить себя. Подготовка докладов, работа с научным руководителем (С.И. был научным руководителем всех докладчиков) — это процедура. Сейчас так с аспирантами не работают. И доклад не на 10 минут, а минут на 25—30. Серьезный доклад! И надо его преподнести так, чтобы не уснули члены кружка. Эта методика закладывалась на будущее: она использовалась при подготовке к выступлениям на международных конференциях.

И.Н. Коваль: Я мыслил себя в те годы будущим дипломатом и, зная, что Аппатов занимается международными отношениями, ведет на факультете кружок по истории международных отношений, я обратился к нему с тем, чтобы приобщиться к этому делу. Со второго курса я стал старостой этого кружка. По счету я был третьим старостой (кружок существовал с 1968 г.). Первый доклад я сделал по ленинской теории мирного сосуществования. Это было в начале второго курса. Начиная с третьего курса у меня сформировался четкий интерес к странам Восточной Европы, и Семен Иосифович меня сориентировал на изучение внешнеполитических концепций, тогда говорили «буржуазных теорий», американской историографии по вопросу Восточной Европы. На самом деле это оказалось очень интересным, потому что эти страны были в эпицентре «холодной войны» между СССР и США.

Ю.Б. Селиванов: Помню одно заседание кружка. Еще шла вьетнамская война. Я подготовил одно сообщение, связанное с ней. Речь шла о том, что Вьетнам борется с США. А какова роль Советского Союза? И я говорил, что он поставляет оружие и снаряжение. Там воюют наши советники. Об этом тогда у нас не распространялись. Эта информация нигде не печаталась. Я знал об этом из передач Би-би-си и «Голоса Америки», которые регулярно слушал. Я вообще считаю, что получил два высших образования — одно на истфаке, другое — по Би-би-си. Там были умнейшие люди, они давали глубокие разборы ситуаций и положений. Так вот, я поставил вопрос: почему мы это скрываем? Короче

говоря, после этого заседания Аппатов подозвал меня к себе и спрашивает: «Ты больше никому не рассказывал об этом?». Говорю: «Никому!». — «Ну, никому и не рассказывай. Мне — можно, а больше никому».

АВТОР: *Так ведь он тебя предупреждал, заботился о тебе.*

Ю.Б.: Да, но для меня эта его боязливость была откровением. Ты помнишь, у нас был дискуссионный клуб с чехом Радимом Валенчиком? Мы там такую антисоветчину несли, что нами даже КГБ интересовался. А здесь — ерунда и такая реакция. Потом все это сложилось у меня в образ Аппатова как человека конъюнктурного. Я его оцениваю как человека системы. Кстати, если говорить о сфере его научной деятельности, то и здесь я наблюдал проявление абсолютной политкорректности. Чем еще мог заниматься прагматичный ученый того времени? Историографией какой-то проблемы. Самая бесконфликтная часть исторической науки. Ты пересказываешь, что пишут другие, и с тебя взятки гладки. А с другой стороны, интересно, поскольку речь идет об американской историографии. Наш интерес к Штатам понятен. Есть перспектива туда съездить, получить доступ к информации, сделать себе какое-то имя в науке. В общем, большие возможности и без ущерба для здоровья. Это многих, кто шел к Аппатову, полностью устраивало.

Юрий Борисович Селиванов был учеником Семена Иосифовича, но «группы крови» у них не совпадали. И это сказывается на его впечатлениях об Аппатове, которые он пронес сквозь десятилетия. Они окрашены взглядом на советский либерализм как на конформизм, форму приспособления, сотрудничества с властью.

Лучшие кружковцы переходили в следующий класс аппатовской школы — становились его дипломниками и аспирантами.

В.В. Глебов: С.И. Аппатов был руководителем моей дипломной работы «Американская молодежь и внешняя политика США». Он мне возвратил первый вариант дипломной работы, весь исписанный постраничными замечаниями. Я помню, он мне говорил, что если я не соглашусь с какими-то авторами, то должен убедительно обосновать свою позицию. Не просто назвать имя автора, но дать информацию о его месте в научном мире.

Нас было четверо дипломников у Семена Иосифовича: Григорий Орлов, Леонид Дузь, Николай Лазарев и я. Мы все защитились на «отлично». Он каждому из нас вручил конверт, в котором была его первая монография с посвящением. Сам предложил: «Вы первые у меня, давайте сфотографируемся». Мы пошли на Дерибасовскую и сфотографировались. До сих пор я храню эту фотографию.

Что касается научного руководства аспирантами, то тут либерализма не было. Была жесткая требовательность. Один-два раза в неделю аспиранты, в том числе и заочники, отчитывались о том, что сделано. Семен Иосифович выделил для аспирантов пятницу. Если аспирант отделялся общими фразами, то руководитель, выслушав, ничего не говорил. Вторая неделя — та же самая

реакция. Только на третью неделю он говорил незадачливому аспиранту: «Вы больше с такими сообщениями ко мне не приходите. Мое и свое время забираете». Как правило, это было достаточно, чтобы активизировать работу аспиранта.

Ю.Б. Селиванов: Аппатов был моим научным руководителем при написании мною дипломной работы. Ее тема: «Проблемы внешней политики Франции в освещении французской коммунистической печати». Я не был дисциплинированным студентом и большую часть времени на лекциях посвящал своим занятиям. Собственно, я так писал диплом, не слишком напрягаясь. Нет, я читал литературу, газету «Юманите», но не заморачивался. На защите я выглядел неплохо. Но в конце меня кто-то из комиссии спросил: «Сколько времени вы реально работали над дипломом?». Помню, какая-то небрежность в оформлении литературы была, какие-то источники я не указал, что и вызвало этот вопрос. То есть я дал повод для вопроса. Ну, я и брякнул: «Недели две!».

АВТОР: *Да ты что!*

Ю. Б.: Ну, да. Когда я вышел из аудитории, за мной вышел Аппатов, подошел ко мне и говорит: «Ну, ты и дурак!». Я вот только сейчас, рассказывая тебе, понял, почему Аппатов вышел из аудитории и вышел из себя, что за ним никогда не наблюдалось. Я же его подставил как руководителя. Мне поставили тогда, кажется, тройку.

Один из любимых учеников Аппатова Петр Яковлевич Райнов (для меня просто Петя, он уже много лет живет и работает в США) написал документальную повесть о своем Учителе еще при жизни Семена Иосифовича, приурочив ее к его 70-летию. Она называется «Изучая международные отношения... О жизни и творчестве С.И. Аппатова» (Одесса: Логос, 1999. — 80 с.). В этой книге Петя подчеркивает, что профессору Аппатову в жизни многое удалось. «С.И. Аппатову выпала, — пишет он, — не часто встречающаяся удача увидеть многие свои творческие задумки и идеи реализованными. Создание Центра международных исследований Одесского университета, кафедры международных отношений и Отделения международных отношений университета, многолетнего постоянно действующего семинара по изучению теории, истории и историографии международных отношений в Одесском доме учёных — всё это были нелёгкие задачи, и они успешно решены. Научная школа Аппатова признана отечественными и зарубежными специалистами» (Райнов 1999: 5).

Петя, понятное дело, субъективен и писал «юбилейную книгу». В результате ее прочтения рискуешь заработать сахарный диабет — столько патоки он вылил в тексте, столько уделил внимание статусным моментам типа «диплом о мировой известности», «вершина национального признания» и т. п., которые на самом деле являются детской игрой для взрослых и абсолютно ничего не добавляют к репутации настоящего ученого. Как тут не вспомнить Рюноске Акутагаву: «Ордена — вот что меня по-настоящему удивляет. Почему военные в трезвом состоянии разгуливают, увесив

грудь орденами?» В конце концов Петя поставил своего здравствующего героя в неловкое положение. К примеру, преподнеся книжку Райнова в дар Н.Т. Щербаню, Семен Иосифович в дарственной надписи был вынужден сделать приписку: «И не будьте слишком строги к эпитетам автора».

Тем не менее П. Райнов по существу прав. Как руководитель С.И. Аппатов постоянно думал о перспективе. Наступал момент, когда он решал: пора переходить к более сложной форме научной кооперации. А решив, начинал действовать. При этом был терпелив и настойчив. Вот свидетельство **В.В. Глебова**:

— В 1990 году Семен Иосифович сказал, что нужно выходить за рамки городского научного семинара, надо создавать научную лабораторию, исследовательский центр по изучению американских внешнеполитических концепций. Это было нужно и по соображениям сотрудничества с внешним миром, развития научных связей. Скажем, на Западе больше воспринимают чисто научные структуры, чем учебно-преподавательские. Нам нужна была городская поддержка, и мы пошли в отдел науки обкома партии. Молодой человек выслушал Семена Иосифовича и сказал в том духе, что мол, мы вас уважаем, но зачем нам этот центр, если есть Бюллетень ЦК КПСС. Мы вышли из его кабинета, пошли по улице. Семен Иосифович молчал, потом выдохнул и сказал: «Лучше бы мы сюда не приходили». И вот когда состоялся распад, и не стало никаких обкомов, Семен Иосифович сказал: «Ну, вот теперь можно браться за создание центра!». И в начале 1992 года этот центр был создан. Впрочем, финансирования не было, все держалось на энтузиазме. Университет нам никак не помог. Хотите — напишем приказ, берите госбюджетную тему и работайте. Ну, мы взяли тему «Украина в региональных международных отношениях в изучении зарубежной политологии», то есть в разрезе того, как формируется внешняя политика сопредельных стран по отношению к Украине. Теперь нам нужно было изучать теорию международных отношений не Америки, а стран Черноморского бассейна, а для того чтобы изучать ее, нужно знать язык народов этих стран».

То, что сейчас в университете есть научно-образовательный комплекс в составе кафедры международных отношений, отделения и исследовательского центра — это плод целеустремленных усилий и заслуга Семена Осиповича. Наконец, есть ученики учеников. Прямая непрерывная связь поколений — вот главный критерий школы. Второй признак — это верность тому главному научному направлению, руслу, у истоков которого стоял Учитель. И этот критерий выдерживается. Пока выдерживается.

Для успешного функционирования школы, ее идеологической атмосферы очень важны специальные усилия по поддержанию памяти о нем, иначе говоря, нужен качественный миф. Поэтому в моей беседе с И.Н. Ковалем не случайно возник вопрос:

— Что вы делаете для увековечения памяти С.И. Аппатова?

— Мы на 80-летие провели Аппатовские чтения. Пригласили его старого друга, однокашника, бывшего министра иностранных дел Г.И. Удовенко. Однако мы считаем, что главное не в формальных знаках внимания к памяти Семена Иосифовича, а в том, что мы продолжаем его дело.

Полагаю, Игорь Николаевич недооценивает значение символических и имиджевых вещей. Школа сильна своими традициями, царящим в ней духом почитания памяти своего отца-основателя. Не Конфуций, конечно, но от нас, знавших его, зависит, насколько живым и полезным для *нашего* дела будет образ основателя одесской школы истории международных отношений. Почему бы не создать что-то вроде музейного уголка, где были бы собраны фотографии и артефакты, наглядно демонстрирующие преемственность поколений. Можно было бы начинать учебный год с актовой лекции, посвященной памяти Семена Иосифовича. Необходимо выпустить солидный сборник воспоминаний о нем. В юбилейные даты его рождения и смерти организовывать вечера его памяти, посвящать ему ежегодные научные конференции. Сам Учитель очень хорошо понимал педагогическое значение ритуалов приобщения. Повторю, нужно специально думать над этими вопросами. Политика памяти — сильнейшая вещь!

5. С ВЛАСТЬЮ — НА ВЫ

Мы уже знаем, что в самом начале трудового пути власть преподала С.И. Аппатову жестокий урок несправедливости и отчуждения. Поэтому в душе он с ней солидаризоваться не мог, но и путь диссидента считал для себя неприемлемым. Он был по воспитанию советским человеком. Его отношения с властью характеризуются словом «лояльность». Ниже приводятся свидетельства на этот счет.

А.И. Домбровский: Он все прекрасно понимал и держал четкое направление. Он был членом КПСС, разделял советские ценности. Он не делал из США врага всего прогрессивного человечества. В этом отношении его анализ отличался от риторики военных, которые нагнетали страсти холодной войны и делали акцент на военном противоборстве. Он искал в отношениях со Штатами возможности для сближения и оценивал их перспективы. Но это был наш конкурент и противник. С этой позиции Аппатов не сходил.

Н.Т. Щербань: Меня познакомил с Семеном Иосифовичем замдекана истфака Виктор Петрович Ващенко. Аппатов сразу расположил меня к себе. Он сказал: «А я как раз собирался к вам в редакцию зайти. Есть материал». Он действительно зашел к нам. Мы опубликовали его материал. И после этого мы с ним как-то быстро и тесно сошлись. Мы с ним обменивались мнениями о международной ситуации. Он мне показался человеком коммуникабельным, но с

оговоркой — он был откровенным, но не с каждым. Мы с Семеном Иосифовичем встречались очень часто на мероприятиях или просто на улице или в университетских помещениях и прониклись, по-моему, взаимной симпатией. Я к нему несколько раз приходил на кафедру по его приглашению. Со временем он понял, что я не собираюсь никуда идти и докладывать о содержании наших бесед.

АВТОР: *А он боялся этого?*

Н.Щ.: О, да! В первое время он присматривался ко мне: не провоцирую ли я его на какие-то разговоры. Я это объяснял себе тем, что директор курсов иностранных языков не мог не быть в плотных отношениях со службами безопасности.

АВТОР: *А он, наверное, думал, что редактор газеты не мог не быть связанным с компетентными органами (оба смеемся).*

Н.Щ.: Я никому не рассказывал, что служил в военной стратегической разведке, что кардинально отличает меня от кэзэбиста. Но думаю, он получил информацию обо мне, и Берлинская стена между нами исчезла. Наши разговоры стали откровенными. А когда он узнал, что я учился в Сорбонне и свободно владею французским языком, то стал настойчиво предлагать мне заняться диссертацией по Франции.

Для большей полноты картины приведу содержание разговора с известным одесским журналистом **Феликсом Кохрихтом**. В списке публицистических выступлений С.И. Аппатова указано 12 телепередач в программе «Диалоги с Ф. Кохрихтом» на ОТВ-АРТ. Первая состоялась 2 июня 1996 г. Последняя — 28 марта 1999. Почти три года. Естественно было задать вопрос Феликсу Давидовичу о его сотрудничестве с Семеном Иосифовичем.

Ф.К.: Сегодня трудно представить ситуацию 1996 года. Мы тогда уже ушли от советского телевидения, но еще не пришли к тому, к которому и сейчас стремимся, — к европейскому телевидению. Не так легко было найти собеседника, который мыслит бы категориями глобальной политики. Семен Иосифович Аппатов был таким человеком. Я стремился следовать в какой-то мере формату передачи Центрального московского телевидения, которая называлась «Комментаторы за круглым столом». Вообще, мне Семен Иосифович представлялся «московским персонажем». Я понимал, что он и там был бы уместным и желанным. Он и еще, пожалуй, профессор Скалкин были у нас людьми по масштабу личности и таланту, я бы сказал, «московского уровня». Солидно, спокойно, взвешенно, в аналитической, объективистской манере серьезного ученого он давал панорамный обзор международных событий. Что мне особенно приятно, он всегда охотно соглашался на мои приглашения. Если посмотреть на перечень наших передач, то можно убедиться, что нам удалось тематически осветить все основные международные события того времени в ключевых точках мира. Это — положение на Ближнем Востоке, региональная политика в Европе, роль Украины в европейской безопасности,

украино-российские отношения, новые тенденции в политике США, Балканский узел. Была передача о Джордже Соросе. Сорос создавал тогда свои центры в постсоветских государствах. Надо сказать, что только в России и у нас было по два центра. В России — в Москве и Петербурге, а у нас — в Киеве и Одессе. Мы встречались с Соросом и обменивались впечатлениями об этой личности. В 1997 г. вместе с С. И. Аппатовым мы были в составе делегации парламентских деятелей, политологов и журналистов Украины в Дании и Голландии. Помню, что с нами были Игорь Николаевич Коваль, тогда доцент университета, только ставший бывшим генеральным прокурором Виктор Шишкин, нардеп Лесь Танюк с Киева. В Дании нам показали парламент и другие юридические институции, а также тюрьму, а в Голландии — натовский центр. Впечатлениям от поездки и встреч в этих странах мы с Семеном Иосифовичем также посвятили телепередачу. Мы были первыми в Украине людьми, которые знакомились в Дании с функцией омбудсмена¹. Никто из нас сначала даже выговорить это слово толком не мог. Много каламбурили на этот счет. Датский омбудсмен был представительный дядька. То, что он нам говорил, звучало как цитаты из Библии и речей Линкольна. Нам казалось, что такое у нас невозможно. И, как оказалось, таки да. Тюрьма произвела на нас мощное впечатление. Тоже много шутили по этому поводу.

Семен Иосифович был опытнее нас. В общении с ним я всегда чувствовал, что он — человек битый. Он начинал мыслить и приравниваться к Системе чуть ли не со сталинских времен. Отсюда его осторожность и некоторая отстраненность. Диссидентом он не был, но и не был на 100% конформистом, не раболепничал перед властью. Он, как никто из нас, знал ее возможности.

Думаю, из того, что было сказано выше, вырисовывается четкая картина. С.И. Аппатов был коммунистом и, следовательно, встроен, в пропагандистский цех. Все гуманитарии обязывались заниматься агитационно-пропагандистской работой. В первую очередь, это касалось историков. Семен Иосифович занял позицию на границе между «светом и тьмой», нашел консенсус с властью. Он не играл героя, не фрондировал, но и не занимался откровенной апологетикой. В городе и области регулярно проходили разного рода партийные мероприятия, партийно-хозяйственные активы. Лекция по международному положению входила в обязательную программу этих мероприятий. Каждый раз звать на них маститого лектора из центра было несподручно. Зато в распоряжении властей был свой лектор высочайшего класса. Семен Иосифович мог уступать лучшим московским лекторам в информированности, в знании деталей закулисной дипломатии, но он с лихвой компенсировал этот извинительный для провинциального лектора недостаток углубленным историческим анализом, позволявшим прогнозировать развитие событий в виде тех или иных сценариев.

¹ Омбудсмен — (от швед. ombudsman, омбудсман, «представитель», в русский язык вошло через английский, отсюда -мен) уполномоченный по правам человека в парламенте. Впервые этот пост был учрежден именно в Скандинавии, в риксдаге Швеции в 1809 г.

Таким образом, С.И. Аппатову удавалось выполнять свою функцию аналитика-ученого без ущерба для своей репутации в глазах власти, даже наоборот, укрепляя свой авторитет специалиста. Он неоднократно выезжал за границу, по крайней мере дважды был в длительных командировках в США, читал лекции в тамошних университетах, приобретал важные знакомства в западном ученом мире. В этой связи он прекрасно отдавал себе отчет, что работает в среде, которая была предметом повышенного внимания спецслужб, наших и ненаших. С этой точки зрения он присматривался ко всем людям, с которыми сблизился, в том числе и к своим ученикам. Даже в личных беседах язык «не распускал». Ошибка могла обойтись дорого ему и его семье.

«Не судите нас строже, чем мы того заслуживаем», — эти слова принадлежат И.С. Кону, большому умнице, товарищу С.И. Аппатова по поколению и в чем-то по судьбе. Известный социолог, эмигрировавший в США, ныне профессор Мичиганского университета В.Э. Шляпентох обвинил И. Кона в конформизме на том основании, что он был членом КПСС, писал «отвратительные» (его слово) статьи в «Философском словаре», регулярно приглашался в комиссии ЦК, свободно выезжал в западные страны и пользовался другими привилегиями, недоступными беспартийным. «Членство в партии, — считает В.Э. Шляпентох, — было фундаментальным социальным фактом (наряду с национальностью, уровнем образования, местом работы), который делил страну. Деление общества на партийных и беспартийных было вовсе не формальным, а одним из самых главных в СССР, как и во всех тоталитарных режимах» (Шляпентох 2011).

В понятие «конформизм» В.Э. Шляпентох не вносит обвинительного аспекта, как это драматически звучит в устах диссидентов и нынешних конъюнктурных критиков Советского режима. Он и себя зачисляет в конформисты. Просто это спокойная характеристика существовавшего положения вещей. Люди, которые работали в идеологическом, пропагандистском аппарате, должны были быть членами партии, иначе путь в общественные науки им был закрыт. Важно было другое: партия в свои ряды вбирала лучших, а к их числу, безусловно, принадлежал Семен Иосифович. Идеологическая лояльность обеспечивалась механизмом «двоемыслия», символическими жестами. Идеологические ярлыки и приседания были тогда общим местом, обязательным элементом текстов, но ценили тексты не за это.

6. СОВЕТСКИЙ (ВНУТРИСИСТЕМНЫЙ) ЛИБЕРАЛИЗМ И ЕГО ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕДСТАВИТЕЛИ

Здесь мы сделаем отступление от биографической канвы профессора Аппатова ради исследования общей ситуации в том мире, к которому он принадлежал. Чтобы уважаемый читатель имел четкое представление о том,

«какого он поля ягода», необходимо это самое поле описать. Оно называется *советский внутрисистемный либерализм*.

Работавшие в ЦК КПСС аппаратчики говаривали, что «система у нас однопартийная, но многоподъездная». После XX съезда, в 60-е годы, центральный партийный аппарат в идейном отношении раскололся. В нем выделились три течения: партийные догматики, идейно нейтральные технократы и «ревизионисты». Партийные догматики засели в Идеологическом и Общем отделах ЦК. «Ревизионисты» сосредоточились в подъезде здания ЦК, который занимал Международный Отдел. Они были представлены в основном интеллектуалами-международниками.

В документальном фильме «Свидетели. Анатолий Черняев. Выйти из тени» (2011 г.) А.С. Черняев¹ говорит: «Мы все вышли из Международного Отдела». И добавляет: «Мы ходили там как ревизионисты и оппортунисты». Ему вторит академик Е.М. Примаков. Главу в книге воспоминаний, посвященную своим товарищам — интеллектуалам, советникам, консультантам, спичрайтерам вождей он назвал «Диссиденты в системе». Если диссиденты представляли собой небольшую, но безмерно распиаренную западными идеологическими службами кучку людей, не имевшую реального влияния ни на власть, ни на общество, то «диссиденты в системе» образовали неформальное течение внутри партии — *партийный либерализм*. И это течение сталкивалось в актуальном противоборстве с ультраконсервативным, догматическим крылом руководства партии и государства. Конечно, при наличии генеральной линии партии никакой открытой идейной и политической борьбы между ними не было и быть не могло. Их столкновения и стычки приобрели типичные формы аппаратной, подковерной борьбы — доносы, наушничество, склоки, вброс компромата, диффамация и т. д. и т. п. Дух этой борьбы передает дневниковая запись А.С. Черняева от 6 июля 1974 года: «Между прочим, по окончании подготовки речи Брежнева был в Волынском товарищеский ужин. И имел место эпизод, который может получить продолжение. Уже в подпитии Колька² произнес второй свой тост «за международников», за их роль в партийной политике,

¹ ЧЕРНЯЕВ Анатолий Сергеевич родился в 1921 г. в г. Москве. Кандидат исторических наук. Участник Великой Отечественной войны. Награжден шестью орденами и медалью «За боевые заслуги». Член КПСС с 1942 г. С 1961 г. — референт, а позднее заместитель заведующего отделом Международного отдела ЦК КПСС. В 1986—1991 гг. — помощник Генерального секретаря ЦК КПСС, затем Президента СССР по международным делам. С 1992 г. работает в Горбачев-Фонде, руководитель проекта «Документальная история Перестройки. Внешняя политика перестройки». Область научных интересов — международная политика, история России в XX веке. В течение 20 лет, находясь на работе в аппарате ЦК КПСС и работая советником М.С. Горбачева, А.С. Черняев вел дневники, в которых записывал все, что видел, слышал и думал. Сегодня это очень ценный документ, позволяющий понять, как работал механизм управления страной, как и кто принимал важнейшие политические решения, которые подвели страну к распаду.

² Колька — Н.Н. Иноземцев — академик, кандидат в члены ЦК КПСС и депутат Верховного Совета СССР.

в общественном нашем развитии и т. д. Наперебой подхватили тему Арбатов, Шапошников и другие. Почуввав неладное, они говорили о том, что мы, мол, международники просто стараемся хорошо помогать ЦК и проч. в этом роде. Но уже было поздно: присутствовал Гаврилов, помощник Демичева, его близкий собутыльник и друг, и одновременно друг Карэна¹. Он сразу все усек и стал собираться к выходу. Его задержали, стали говорить о единстве международных дел и пропаганды, смазывая неловкость и понимая, что при подонке и стукаче не надо было эту тему поднимать...» (Черняев 1974: 21).

Внешняя политика была прерогативой генсеков. По словам А.С. Черняева, 90% времени Брежнев и другие члены ПБ отдавали международной политике и только 10% времени — хозяйству. Для этой цели был создан Международный Отдел ЦК КПСС, готовивший решения, которые затем принимались на самом высоком уровне. В МО вырабатывалось идеологическое обоснование внешней политики СССР, подготавливались соответствующие разделы в документах партийных пленумов и съездов, писались докладные записки, осуществлялись идеологические контакты с зарубежными братскими и не очень партиями. Для реализации этой функции нужны были кадры с научной потенцией, профессионалы, обладающие углубленными, системными познаниями в международных делах, ведь речь шла о способности оценивать и прогнозировать внешнеполитические ситуации, давать теоретическое обоснование международной стратегии СССР.

В ходе многочасовых сидений за подготовкой докладов и речей на подмосковных дачах ЦК между генсеком и его советниками и консультантами устанавливались доверительные отношения. Например, фаворитами у Брежнева в разное время были А. Бовин, В. Загладин, Н. Шишлин. Поэтому сотрудники Международного Отдела ЦК КПСС обладали значительным ресурсом власти и влияния. Они участвовали в международных переговорах на высшем уровне, были лично знакомы с партийными руководителями — членами ПБ и секретарями ЦК, сопровождали их в поездках за границу и с иностранными делегациями по стране. Многие руководители отдела напрямую работали с высшим партийным руководством. Как правило, академиками в области, которую следует назвать политологией, становились именно в силу близости к первым лицам государства и оказания им серьезных интеллектуальных услуг. Это была благодарность партийных бонз своему высококвалифицированному персоналу.

Но не только генсеки имели свои аппараты советников и консультантов. Так, например, ответственный за отношения с братскими социалистическими партиями секретарь ЦК Ю.В. Андропов 25 декабря 1963 года отправил в секретариат ЦК КПСС записку с просьбой разрешить ему образовать подотдел информации и включить в него работающих в Международном отделе девятих ответственных консультантов. Кто же стал «птенцами

¹ Карэн — К.Н. Брутенц.

гнезда Андропова»? Руководителем группы консультантов был назначен **Федор Михайлович Бурлацкий**¹, которого рекомендовал Андропову старый большевик, секретарь ЦК Отто Куусинен. В свою очередь по рекомендации Бурлацкого в группу консультантов были приняты: **Георгий Хосроевич Шахназаров**, будущий помощник Горбачева и член-корреспондент Академии наук; **Георгий Аркадьевич Арбатов**, который пришел в отдел в мае 1964 года из журнала «Проблемы мира и социализма», в дальнейшем создал и возглавил Институт США и Канады, академик; **Олег Тимофеевич Богомолов**, специалист по экономике стран Восточной Европы, стал директором Института экономики мировой социалистической системы, его тоже избрали академиком. В декабре 1963 года из журнала «Коммунист» консультантом в отдел взяли **Александра Евгеньевича Бовина**. Таким образом, образовалась группа молодых и оптимистично настроенных интеллектуалов. Любопытно, что Андропов, возглавив КГБ, продолжал общаться со своими консультантами. Наверное, он понимал, что в силу своего профессионального уклона его иностранные резиденты создают превратную картину международной реальности. Он хотел иметь альтернативную точку зрения на международную политику, которую представляет научный анализ.

По соседству в Международном Отделе оказались в таком же качестве, а затем быстро выдвинулись **В.В. Загладин**, **А.С. Черняев**, **К.Н. Брутенц**, **Ю.А. Жилин**. Принятый на работу в МО консультантом ЦК в 1980 году С.М. Меньшиков писал в своих мемуарах: «В нашей консультантской группе только Юра Жилин и Андрей Ермонский вышли из журналистики и не имели учёных степеней. Остальные все до единого были докторами или кандидатами наук. Это отражало заинтересованность Б.Н. Пономарева в том, чтобы поддерживать свою репутацию не только как политика, но и как ученого» (Меньшиков 2006).

Между генсеком и консультантами из МО стояли помощники генерального, которые также играли значительную роль в отборе специалистов по международным делам. Скажем, помощник Брежнева Г.Э. Цуканов опирался на академиков Николая Николаевича Иноземцева и Георгия Аркадьевича Арбатова, высоко ценил Александра Евгеньевича Бовина с его оригинальным и ярким умом. Любимым писателем другого помощника Брежнева А.М. Александрова-Агентова был разносторонне образованный и быстро пишущий Вадим Валентинович Загладин, который стремительно делал карьеру в международном отделе ЦК. Еще один помощник Брежнева

¹ В 1969—1972 годах Ф.М. Бурлацкий занимал пост заместителя директора Института социологических исследований АН СССР, а с 1982 по 1991 годы работал в «Литературной газете» — был политическим обозревателем, затем — главным редактором. В 1989 году он был избран народным депутатом СССР. В настоящее время — президент фонда «Международное культурное сотрудничество», председатель Научного совета по политологии РАН. Автор ряда книг, посвященных выдающимся политическим деятелям, среди них: «Загадка Макиавелли», «Никита Хрущев», «Мао Цзэдун, Цзян Цин и Советник Дэн».

А.И. Блатов предпочитал работать с Николаем Владимировичем Шишлиным, который возглавил группу консультантов отдела ЦК по соцстранам¹.

Арбатов, Шахназаров и Черняев в годы «перестройки» стали близкими советниками Горбачева, помогли ему разрабатывать «новое мышление» и, весьма вероятно, были истинными авторами этой концепции, поскольку у Горбачева в силу его загруженности не было времени на теоретическую работу. К слову сказать, из советских вождей после Ленина и Сталина никто ничего сам не писал.

В 1960—70-е годы роль подготовительного центра сотрудников МО, своеобразной кадровой кузницы партийных либералов играл издававшийся в Праге журнал «Проблемы мира и социализма». Этот журнал при шеф-редакторах А.М. Румянцеве и К.И. Зародове стал цитаделью вольной политической мысли. Особенно следует выделить Алексея Матвеевича Румянцева. Он превратил журнал «Проблемы мира и социализма» в лучший общественно-политический журнал того времени, доступный советскому читателю. Г.Х. Шахназаров так охарактеризовал роль Румянцева на посту шеф-редактора журнала: «...он создал журнал, ставший провозвестником обновления нашей системы, сыграл в политике примерно такую же роль, какую сыграли «Новый мир» в литературе и Театр на Таганке в искусстве. Убеден, никто из других «маршалов» нашей общественной науки с такой задачей не справился бы. Да вот наглядное тому свидетельство: Ю.П. Францов как ученый был посильнее Румянцева, но, став, в свою очередь, шеф-редактором журнала, удержать его на прежнем уровне не сумел» (Шахназаров 2001).

Через редакцию журнала прошли школу десятки выдающихся советских обществоведов, образовавших костяк научной мысли в разных общественных науках. Имена М. Мамардашвили, А. Ципко, Е. Амбарцумова, Б. Грушина, Ю. Карякина говорят сами за себя. Позднее, когда А.М. Румянцева

¹ Николай Владимирович Шишлин родился в 1926 г. в Самаре. В 1944 г. был призван в действующую армию. За боевые заслуги награжден четырьмя орденами и многими медалями. В 1951 году он закончил историко-международный факультет МГИМО. После окончания института Н. Шишлин работал в обществе «Знание». Затем он был приглашен на работу старшим преподавателем в Московский текстильный институт. С 1960 по 1990 гг. Н. Шишлин был руководителем группы консультантов международного отдела ЦК КПСС. В книге перебежчика О. Гордиевского, написанной совместно с К. Эндрю, есть такое место: «После некоторых раздумий Москва решила оказать Ираку тайную поддержку. Ведущий эксперт по внешней политике в Секретариате ЦК КПСС, а в дальнейшем и личный советник Горбачева Николай Владимирович Шишлин заверил Гордиевского, что путь поставки Ираку вооружений был так хитро замаскирован, что выявить его было практически невозможно». (Гордиевский О. Эндрю К. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева — // URL:http://fictionbook.ru/author/yendryu_kristofer/kgb_istoriya_vneshnepoliticheskikh_operac/read_online.html?page=47).

Этот эпизод позволяет судить о степени информированности и приближенности к решению самых секретных вопросов Н.В. Шишлина. В 1991 г. он стал политическим обозревателем газеты «Правда». В 1992 г. оставил газету и стал сотрудником Горбачев-фонда. В 1994 г. Н. Шишлин скончался в возрасте 68 лет от острой сердечной недостаточности.

будут снимать с должности директора ИКСИ, завотделом науки ЦК КПСС С.П. Трапезников грозно обронил: «Надо обрезать пражский хвост».

Цековские интеллигенты дорожили возможностью пользоваться закрытой информацией, что называется, «из первых рук», непосредственно видеть, как действует потаенный механизм власти. Это о них Алексей Симонов сказал: «Есть такая категория людей, которые выросли возле форточки». Они были при власти, но не были у власти. От власти их отделяла тонкая переборка, какая существует между начальником и его помощником, и огромная дистанция в иерархии номенклатуры.

Наблюдая пороки Системы, ее нерациональность и бесперспективность, внутрисистемные либералы надеялись ее существенно модернизировать, освободить от застарелых пережитков сталинизма и кадров, подобранных еще Сталиным. Их объединяла интеллигентская солидарность и надежда на возможность перемен к лучшему. Они верили, что вовремя сказанное или к месту написанное слово может способствовать развитию советской демократии, и старались влиять на ситуацию всеми доступными им способами. Здесь мы имеем дело с феноменом *интеллигента-при-власти*, пытающегося в рамках дозволенного изнутри гуманизировать режим. Г. Шахназаров писал: «...не случайно числюсь в «шестидесятниках». Уже тогда, в 60-х, пришел к твердому убеждению, что строй наш уродлив, его надо кардинально менять, а партию преобразовать из коммунистической в социал-демократическую, причем не переодеванием, не сменой вывески — глубоким внутренним обновлением. К такому же выводу пришли многие, в нем кредо «шестидесятничества». У нас — это важно понять — не было помысла изменять партии, было желание изменить ее» (Шахназаров 2001).

Казалось, свежая мысль внутрисистемных либералов, их передовые идеи подвигнут Систему к перестройке. Надо только набраться терпения, копить влияние, связи, выдвигать свои кадры, помогать единомышленникам, обволакивать своим настроением начальство и надеяться на судьбу. Приход к власти в 1985 году М.С. Горбачева они восприняли как знак судьбы.

Не так давно «прораб перестройки» Ю.Н. Афанасьев напал на феномен «внутрисистемного либерализма» в эпоху Путина. Он заявил, что тот не имеет отношения к «истинному либерализму» и только компрометирует либеральную идею самим фактом сотрудничества с критикуемой властью. Вопрос, конечно, проблематичный. В России еще с царских времен с прилагательным «либеральные» лучше всего сочетается существительное «иллюзии». Беспочвенность российских либералов ярко продемонстрировал 1917-й год, антинародность и смертельную угрозу российской государственности — радикальные реформы 90-х годов. Кстати, сам Ю. Афанасьев ныне отрещивается от либералов-западников типа Е. Гайдара и А. Чубайса.

Сохранилось предание, как вернувшийся из командировки в Чехословакию после Пражской весны Н. Шишлин воскликнул: «Какой Дубчек дурак! Мы подкрадывались, тихо внедряли прогрессивные идеи, а он выскочил из окопа и вызвал на себя неприятельский огонь. Теперь реформы придется отложить

лет на 20!» (Яхонтов 2011). Ну вот, прошли эти 20 лет, наступило долгожданное время — к власти пришел либерал Горбачев, и все внутрисистемные либералы сплотились под его крылом. И что же? Уже другие люди, как и автор этих строк, имеют полное право сказать — говорят: «Какие вы все дураки вместе с Горбачевым! Такой шанс запороли. С треском провалили реформу социализма, да еще государство развалили».

Итак, резюмируем. Либеральное течение внутри КПСС возглавили люди, которые в научно-профессиональном отношении занимались международной политикой. Это не было случайностью. Предмет международных отношений в теоретическом (научном) и практическом (прикладном) аспектах продуцировал либеральный стиль мышления.

АКАДЕМИКИ-ЛИБЕРАЛЫ

Во главе отечественного политико-академического комплекса стояла могущественная когорта научных консультантов, коллективно осуществлявшая интеллектуальную функцию партии-государства. Находясь на расстоянии одной руки от вождей, цековские интеллигенты впоследствии в своих мемуарах «скромно» признавались, что те или иные важнейшие назначения делались при их участии. Ниже даются характеристики первой пятерки выдающихся советских либералов. Это были лидеры той неформальной партии, к которой поистине принадлежал профессор Аппатов. Их судьбы переплелись и во многом определили судьбу нашего героя.

* * *

Академик Алексей Матвеевич Румянцев (1905—1993) по справедливости может быть назван «главным либералом тех времен» (Пугачева 1994: 158). Выходец из деревни Минцово Костромской области. Октябрь 1917 года открыл ему дорогу в большой мир. Получил образование и начал делать научную и политическую карьеру на Украине, в Харькове. По образованию экономист. Известный публицист Лен Карпинский написал о нем: «Имел классическое марксистское образование, но хорошее». Доктор экономических наук, профессор, академик-секретарь Отделения экономики АН СССР (1965—1967 гг.), вице-президент АН СССР (1967—1971 гг.), первый директор Института конкретных социальных исследований (ИКСИ) АН СССР (1968—1971 гг.). Это шаги его научной карьеры. От нее неотделима партийно-государственная: при Сталине Румянцев был назначен председателем Постоянной комиссии по идеологическим вопросам при Президиуме ЦК КПСС, в 1952—1955 гг. — заведующий отделом науки ЦК КПСС, в 1955—1965 гг. — главный редактор журнала «Коммунист», затем журнала «Проблемы мира и социализма», главный редактор газеты «Правда». Автор

ряда учебников по политической экономии, главный редактор четырехтомной энциклопедии «Политическая экономия», один из разработчиков третьей Программы КПСС. С 1952 по 1976 г. был членом ЦК партии и с 1954 по 1962 г. входил в состав Верховного Совета СССР.

Потребность выйти на конкретное изучение советского общества сделало его отцом-основателем социологии в СССР. Он своим авторитетом и настойчивостью «пробил» первый в СССР исследовательский институт социологии — ИКСИ. 22 мая 1968 года Политбюро постановляет создать Институт конкретных социальных исследований. А.М. Румянцев утвержден его директором с сохранением должности вице-президента АН СССР. Он привлек в ИКСИ людей, составивших цвет отечественной социологии (Ю.А. Левада, Г.В. Осипов, Б.А. Грушин, И.С. Кон, В.А. Ядов, В.Н. Шубкин, И.В. Бестужев-Лада). Главным заказчиком исследований была, конечно, партия.

Все, кто высказывался об академике Румянцеве, подчеркивали два его основных качества — интеллигентность и порядочность. И это при том, что он занимал такие партийные посты, которые требовали изворотливости и приспособленчества. Г.Х. Шахназаров приоткрыл завесу над тайной «живучести» А.М. Румянцева: «Подозреваю, не душевные качества Румянцева подняли его с университетской кафедры политэкономии на партийный олимп, а колесо фортуны. Скорее всего, сыграло свою роль то, что эта прихотливая дама свела Алексея Матвеевича с Леонидом Ильичом, когда они вместе трудились в Днепропетровске. Можно предположить без боязни ошибиться, что высокое заступничество не раз выручало, когда ему грозило обвинение в потере бдительности или, что хуже, в пособничестве ревизионизму. А таких случаев было немало, потому что Алексей Матвеевич был не только обаятельным, но и ищущим человеком. Не хотел принимать на веру теоретические формулы, расходящиеся с тем, что происходило в жизни. Притом не только сам любил размышлять, отбросив предрассудки, но и опекал людей, у которых обнаруживал такое же свойство, старался, как мог, дать им ход» (Шахназаров 2001).

Он был один из тех немногих, кто держал удар и прикрывал собой партийных либералов, вольнодумцев и полудиссидентов, консультировавших наших вождей, писавших им речи и постановления ЦК КПСС. «Честнейший и прямолинейный» — так охарактеризовал А.М. Румянцева академик Е.М. Примаков. В феврале 1965 года Румянцев помещает две статьи в «Правде» на тему «Партия и интеллигенция», ставившие вопросы о реальной роли этой социальной группы в обществе, отодвигая на второй план официального гегемона — рабочий класс. За этот «ревизионизм» он поплатился должностью главного редактора «Правды». Развитие страны стопорилось из-за отсутствия системных реформ. Он настаивал на конкретных исследованиях советского общества, чтобы подвести под них научную базу. А там, где есть конкретика, — там выпирает правда жизни, которая входит в прямое противоречие с догмами идеологии. А.М. Румянцева увольняли пять раз с разных должностей со скандалом, объявлением

партийного взыскания и угрозой исключить из партии. После «Пражской весны» 1968 года его откровенно стали травить. В конце концов его все-таки «ушли» на пенсию с должности вице-президента АН СССР по общественным наукам. Поставленный на это место академик П.Н. Федосеев постарался свести на нет организационные усилия Алексея Матвеевича.

Академик **Николай Николаевич Иноземцев** (1921—1982) идет вторым номером в списке партийных либералов самого высокого ранга, а также по своему вкладу в создание отечественных политологических центров и научно-политической инфраструктуры. Москвич, родом из интеллигентной семьи, фронтовик, в годы Великой Отечественной войны в звании старшины командовал взводом артиллерийской разведки, награжден четырьмя боевыми орденами и медалями; окончил с отличием МГИМО (1949) и аспирантуру того же института. В июле 1952 года защитил кандидатскую диссертацию «Американский империализм и германский вопрос», которую после доработки опубликовал в 1954 года в виде монографии. Германский вопрос и внешняя политика США — таковы были темы спецкурса и семинара, которые он вел в МГИМО.

В мае 1952 года Н.Н. Иноземцева приглашают на должность консультанта по международным вопросам в главный теоретический орган партии журнал «Коммунист». Это означает, что он попал в номенклатуру ЦК КПСС. Его приметил и взял под свое покровительство очень влиятельный тогда член ЦК и редактор «Правды» А.М. Румянцев. Они сошлись характерами и взглядами. Их связывало обоюдное неприятие косности и догматизма, желание освободить общественные науки от пут сталинизма. Молодого, толкового, энергичного и дисциплинированного сотрудника ж-ла «Коммунист» стал активно использовать Международный отдел ЦК, посылая с заданиями в разные иностранные командировки. В начале 1958 года Международный отдел направляет Иноземцева в Прагу — на этот раз для организации издания журнала «Проблемы мира и социализма». В декабре 1961 года решением Президиума ЦК КПСС Иноземцев назначается заместителем главного редактора «Правды» по международному отделу.

В 1960 году он опубликовал монографию «Внешняя политика США в эпоху империализма». В 1961-м защитил докторскую диссертацию по теме изданной им монографии (ученая степень доктора исторических наук была присуждена в 1962-м). В 1964 году Николай Николаевич избирается членом-корреспондентом Академии наук СССР по специальности «Мировая экономика и международные отношения»; в 1968-м — академиком по отделению экономики. С 1975 года — член Президиума АН СССР, заместитель председателя секции Общественных наук.

С мая 1966 по 1982 год — директор Института мировой экономики и международных отношений АН СССР (ИМЭМО). За более чем шестнадцать лет директорства в ИМЭМО Н.Н. Иноземцев наладил конкретное изучение глобальных процессов мирового развития. При нем Институт достиг своего наивысшего расцвета и превратился в самый влиятельный в СССР «мозговой

центр» по изучению международных экономических и политических проблем. Академик Иноземцев, работая с американцами, начал создавать Комитет по стратегическому вооружению, эквивалентный американскому.

«Ник Ник» обладал магнетизмом крупной личности. Когда он начинал говорить, все невольно умолкали. Он входил в число тех немногих людей от науки, мнение которых обязательно выслушивало высшее советское руководство. Бессменный помощник нескольких генеральных секретарей, остроумный и едкий человек А.М. Александров-Агентов однажды сказал Иноземцеву: «Николай Николаевич, после вашего выступления стало ясно, что мы стоим перед дилеммой: либо нужно выводить из ЦК интеллигентов, либо делать ЦК интеллигентным».

У генсека Л.И. Брежнева Николай Николаевич пользовался огромным уважением. Он был у него фактически на положении помощника и очень много времени проводил вместе с ним, будучи руководителем групп по подготовке докладов и речей генсека. По его словам, до 1968 года Брежнев был настроен на серьезную реформаторскую деятельность в партии и в обществе.

— Николай, мы же с тобой фронтовики, неужели нам занимать мужества? — говорил Брежнев своему советнику во время прогулки на цекистской даче. За этим следовали рассуждения о необходимости радикальнейших перемен в стране, партии, кадрах. Такие разговоры прекратились после того, как советские танки вошли в Прагу. А потом к этому прибавились недомогание Брежнева и старческий склероз...

Занимая реформаторские позиции, Иноземцев нажил себе могущественных врагов. Против Института и его лично была развернута кампания настоящей травли. Инициатором выступил член Политбюро, первый секретарь МГК КПСС В. Гришин. Ему поддакивали С. Трапезников, П. Демичев, М. Зимянин. За ними стоял сам Суслев. Сложилось очень тяжелое положение. Но Николай Николаевич не хотел обращаться за помощью к Брежневу и Андропову, как советовали ему друзья. Потом ситуация несколько разрядилась. Но здоровье академика оказалось подорвано, и он скоропостижно скончался от сердечного приступа в августе 1982 года. Однако даже после его смерти наезд на ИМЭМО не прекратился. Готовилась посмертная проработка Иноземцева, расправа над непокорным парткомом, ведущими специалистами института. И тогда Арбатов и Бовин обратились к Брежневу. Звонок Брежнева Гришину прекратил нападку.

По словам вдовы академика М.М. Максимовой, он понимал тщетность своих усилий преодолеть косность и убогость большинства членов брежневского Политбюро, но *«по-другому он не мог»*. Вот кредо либеральных интеллектуалов, составивших оппозицию кремлевским «ястребам» и агитпроповцам.

Н.Н. Иноземцев оставил заметный след в судьбе Аппатова. Семен Иосифович определился с темой своих научных занятий именно после прочтения книги Иноземцева о политике США в Германии. Она произвела на

него большое впечатление. Хронологически она заканчивалась 1952 годом. Аппатов в своей работе охватил период с 1953 по 1966 годы. Материал собирал в основном в московских библиотеках. В 1965 году рукопись кандидатской диссертации была завершена, и Семен Иосифович решился показать ее самому Иноземцеву. Тот в то время как раз стал членом-корреспондентом АН СССР, заместителем главного редактора газеты «Правда». Иноземцев взял рукопись и попросил позвонить через три месяца. Аппатов решил, что его так «отфутболивают», но через три месяца на его звонок Иноземцев коротко сказал: «Приезжайте». Он не только одобрил рукопись диссертации, но и посоветовал ее защищать в МГИМО, а также рекомендовал ее издать в виде книги уважаемому советскому издательству «Международные отношения». Мы часто и справедливо клянем нашу бюрократию за неповоротливость, но ее оборотной стороной является необыкновенная чуткость к слову большого начальника. Через три месяца — молниеносно! — монография под названием «Американская буржуазная историография германской проблемы» увидела свет. Так в 1966 году в 36 лет С.И. Аппатов стал кандидатом исторических наук и автором книги, что открыло ему двери в Одесский университет, с которым он связал всю свою научно-преподавательскую жизнь.

Академик **Георгий Аркадьевич Арбатов** (1923—2010) идет в списке академиков-либералов под номером три. Родом из Херсона, мать — крестьянка в имении барона Фальц-Фейна в Аскания-Нова, отец — рабочий-металлист, большевик с семнадцатого года, позднее директор рыбоконсервного завода в Одессе, а потом ответственный работник Наркомвнешторга.

Г.А. Арбатов — фронтовик, боевой офицер. Он участвовал в сражениях Великой Отечественной войны последовательно в должности начальника разведки гвардейского минометного дивизиона, командира батареи, заместителя командира дивизиона, помощника начальника штаба 17-го Гвардейского минометного полка. За боевые заслуги награжден многими орденами и медалями, в том числе орденом Красной Звезды. Летом 1944 года был комиссован вследствие туберкулеза легких как инвалид Отечественной войны 2-й группы и тогда же поступил на факультет международных отношений МГУ (будущий МГИМО). В институте решил специализироваться на изучении Соединенных Штатов Америки и учить английский. В 1949 году Арбатов с отличием окончил МГИМО (специальность «международное право»), а в 1954 году — заочную аспирантуру МГИМО. В 1958-м он защитил кандидатскую диссертацию, в 1964-м — докторскую.

После института работал в Издательстве литературы на иностранных языках, потом — в журналах «Вопросы философии» и англоязычном «The New Times». На статьи Арбатова в этом журнале обратил внимание секретарь ЦК КПСС Отто Куусинен. Так началась арбатовская карьера аппаратчика, советника Кремля. В 1959-1960 годах он — консультант в главном теоретическом органе страны журнале «Коммунист», в 1960—1963 годах — обозре-

ватель журнала «Проблемы мира и социализма» в Праге. В 1963 году стал заведующим сектором ИМЭМО.

В мае 1964 года по рекомендации Куусинена и Бурлацкого секретарь ЦК КПСС по отношениям с соцстранами Ю.В. Андропов пригласил Г. Арбатова в свою группу консультантов. В дальнейшем на протяжении многих лет он был советником Брежнева, затем Горбачева. Причем последнего консультировал не только по внешнеполитическим делам, но и по всему кругу вопросов, с которыми сталкивались «перестройщики». Таким образом, с генсеком Брежневым его связывала разрядка напряженности 70-х годов, с генсеком Горбачевым — «новое политическое мышление».

В 1967 году он создал и возглавил Институт США и Канады Академии наук СССР (ИСКАН). «Мы рассуждали просто, — объяснял впоследствии академик. — В Америке давно существует куча всяких научно-исследовательских центров — советологических, кремлинологических и так далее. У нас ничего такого не было. А исследования по Соединенным Штатам нужны — и ЦК, и МИДу, и Совету министров» (Кашин 2008). Теорией международных отношений сам Георгий Аркадьевич не занимался, но под сенью Арбатова выросли два неполных поколения советско-российских американистов — «дети Арбатова».

В заслугу Г.А. Арбатову ставят то, что он не просто сформировал в России новое экспертное сообщество. Его по праву называют одним из создателей большого внешнеполитического стиля. Собственно, за это Арбатова величали «советским Киссинджером». Вероятно, это ему льстило, да и он имел на это полное право, поскольку был, наряду с Киссинджером, зачинателем жанра неформальной дипломатии — международного политического лоббизма. Регулярно курсируя между Москвой и Вашингтоном, он был вхож в кабинеты самых влиятельных лиц в госдепартаменте, Пентагоне и Конгрессе. Это позволяло заниматься неофициальным посредничеством и зондированием американских позиций по наиболее важным и деликатным вопросам отношений СССР и США. Уникальная способность Арбатова заключалась в умении сближать позиции, как сейчас принято говорить, партнеров: пояснять на языке привычных для американцев понятий позицию Советского Союза и убеждать советских руководителей в разумности и приемлемости для них американской позиции.

Не подлежит сомнению, что Г.А. Арбатов принадлежал к корпорации под названием «аппарат ЦК КПСС», занимал в ней высокое официальное положение (член ЦК КПСС), а неофициальное еще выше, поскольку напрямую общался с первыми лицами государства. Это — главная причина его сверхуспешной академической карьеры. А.С. Черняев сблизился с Арбатовым еще в Праге. В своем дневнике он называет его «Юркой», дышит к нему симпатией. Тем показательней его запись от 21 ноября 1974 года: «Очередная пошлейшая вакханалия выборов в Академию. <...> Арбатов получил проходной балл в Отделении экономики и уже, почитай, академик. Фантастическая карьера: в 1962 году Пономарев ему предложил должность младшего референта

в нашем Отделе... А теперь он депутат Верховного Совета, член Ревизионной комиссии КПСС, академик, один из приближенных Генерального. Не то что завидую. На фоне общественного разврата Арбатов даже много лучше других. Другие-то совсем уж прохвосты и маклеры возле науки, в грязной куче которых затерялись «отдельные, настоящие» ученые, получающие свои 2—3 балла в первом туре и выбывающие из игры...» (Черняев 1974: 36).

Конечно, Г.А. Арбатов никакой не герой, не борец с Системой, не оппозиционер. Он — представитель либерального крыла номенклатуры. В аппарате сумел занять позицию, которую сам же обозначил словами «умный еврей при губернаторе» — быть всегда под рукой у Хозяина в качестве спеца. Но выходя из кабинета Брежнева, Арбатов не чувствовал себя защищенным. Он вел себя, в отличие от своего друга-разгильдяя Саши Бовина, очень осторожно, никогда не забывался, не «рвал рубаху на груди», можно сказать, был застегнут на все пуговицы партийного мундира. Он переживал мучения аппаратчика с его характерным страхом провала, без которого, однако, в той системе просто было не выжить. Даже в годы «перестройки» он не стремился обнаруживать себя как публичный человек или просто как человек, имеющий ярко выраженную либеральную позицию. Вот один характерный штришок. Мы помним, какое потрясающее впечатление произвел на советское общество роман А. Рыбакова «Дети Арбата» — первая ласточка гласности. Вокруг его публикации в 1985 году разгорелась борьба. Знакомый Арбатова заместитель председателя КГБ В.А. Крючков спросил его при встрече: говорят, мол, твоя подпись стоит под коллективным обращением в пользу напечатания романа? Смутившийся Арбатов поспешил ответить: нет (Черняев 1985: 60).

В своем мемуаре Г.А. Арбатов писал, что «всем, стоявшим на позиции XX съезда, надо было быть решительнее и смелее, не давая себя запугать, не боясь неприятностей (тем более что такими уж страшными они все же не могли быть)» (Арбатов 2002). Это верно, тем более, что в число «всех» входил он сам. Но сказано это задним числом, когда можно было уже взвесить риски на весах истории. Впрочем, в зону карьерного риска он входил. Еще в 1985 году не самый консервативный секретарь ЦК, кандидат в члены Политбюро Б.Н. Пономарев сказал Черняеву: «Вы все верите Арбатову, а у него, все, что у нас, — это плохо, а все, что в Америке — это хорошо. Доиграется он!» (Черняев 1985: 44).

Арбатов называл себя «человеком Системы». На самом деле он был, по точному замечанию одного журналиста, «человеком поверх Системы». Кажется, что в идеале его устроило бы такое положение вещей, если бы он в Советском Союзе представлял интересы США, а в США — интересы Союза. Так сказать, проводник в мире полупроводников. Такая роль сама по себе слишком тонка, чтобы не вызвать критики и даже подозрений в предательстве. Недаром редактор «Правды» академик В.Г. Афанасьев был уверен, что Георгий Арбатов — ну очень большой друг Америки и выражал сомнение, был ли он другом России.

В известных кругах получил хождение термин «арбатовщина». Смысл его заключался, образно говоря, в том, что Арбатов превратил храм, пусть и науки, в место торговли, пусть и национальными интересами. Военные инкриминировали Арбатову то, что он выступал против строительства авианосных кораблей для ВМФ по причине их чрезвычайной дороговизны. После развала СССР именно эти авианосцы были в первую очередь сняты с несения боевой службы и проданы за границу по цене металлолома. Сегодня без них России ой как туго в океанах, где доминирует американский военный флот и набирают силы китайский и индийский. Сам Арбатов жаловался, что ему приходится доказывать американцам, что его институт не работает на КГБ. В действительности громкие скандалы последних лет вокруг ИСКРАНА были связаны как раз с разоблачением его сотрудников, работавших на ЦРУ.

В общем, репутация академика Арбатова в глазах людей, не склонных экспериментировать с национальной безопасностью, была, мягко говоря, неважная. В гражданскую войну он, наверное, ходил бы под страхом расстрела. При Брежневе его страх состоял в возможности карьерного краха. Поэтому он все время балансировал. Охранной грамотой ему служили доверительные отношения с первыми лицами государства. С ними он был особенно чуток и предупредителен. Я бы сказал, по-еврейски тонко вибрировал на малейшее изменение атмосферы. Привожу слова М.С. Горбачева, сказанные тому же А.С. Черняеву (дневниковая запись от 17 сентября 1987 г.): «Арбатову скажи: он там в конце письма жалуется, что, мол, не угодил Генсеку, боится испортить отношения. Глупости все это. Скажи ему, что Горбачев дорожит его мнением, его информацией, раздумьями, которыми он откровенно делится, что я внимательно читаю его записки. И пусть отношения у нас сохраняются такими, как они установились. Главная забота, чтобы не остановилось наше дело, и я, мол, понимаю его. Пусть не паникует Юрий Аркадьевич» (Черняев 1987: 27).

В 1990 году люди из команды Горбачева под заклинания, что они никогда его не предадут, начали «спрыгивать» и отдаляться от своего незадачливого шефа. К. Брутенц рассказывал А. Черняеву о том, что он был в посольстве США у посла Мэтлока на приеме в честь сенаторов (Митчелл и К^о) и лично наблюдал, как вели себя там господа-товарищи Бурлацкий, Афанасьев, Нишанов, Арбатов и др. Общее впечатление: «Уж как распахивались, как откровенничали, как паскудничали!» (Черняев 1990: 18). Это был апрель 1990 года.

В сентябре 1991 года в поисках человека на место в совместную с американцами группу стратегического планирования Горбачев спросил своего помощника А. Черняева: «А что, Арбатова ты уже совсем не приемлешь? — Да... С тех пор, как он стал искать нового хозяина, чтоб остаться на плаву» (Черняев 1991: 70). Однако и со стороны Б.Н. Ельцина Арбатову было выражено недоверие — не потому, что тот был «человеком Горбачева», а потому что Георгий Аркадьевич был сам себе на уме. А Ельцину нужен был

преданный человек. Поэтому он отказался от услуг Арбатова и был прав: Арбатов презирал Ельцина. В интервью, данном уже в путинское время, он сказал о нем: «звериная властная хватка на фоне общей необразованности, незнания проблем современного общества» (Ванденко А. 2003).

Вечно скрытный, находящийся «в тени», он не принял ельцинский режим и то, как повели дело «младореформаторы». После того, как он фактически отошел от дел, став почетным директором своего института, его, что называется, «понесло». Он сказал *им* все, что думал, потому что нельзя же все время из одного идиотизма переходить в другой с колоссальными издержками для государства и народа. Возможно, он увидел и осознал последствия разрушения Системы, к которому сам приложил руку. Возможно, только после краха Системы он осознал, до какой степени сам является советским человеком и не желает России судьбы периферии капиталистического мира, куда вгоняли ее ельциноиды. Тогда заголовок его мемуаров «Человек Системы» следует рассматривать как итог его самоопределения на пороге смерти.

Карьера академика **Евгения Максимовича Примакова (ЕМП)** — самая блестящая из советского либерального истеблишмента: журналист, директор научных институтов, руководитель верхней палаты парламента, член Политбюро ЦК КПСС, директор Службы внешней разведки, министр иностранных дел и, наконец, глава правительства. Параллельно в науке — от кандидата наук до академика. Он заслужил титул политического тяжеловеса. Его уважали и уважают не только друзья, но и враги. Политиков с таким опытом и авторитетом в мире сейчас единицы.

Он родился 29 сентября 1929 г. в Киеве. Детство и юность провел в Тбилиси. В 1953 г. окончил Московский институт востоковедения по специальности «страновед по арабским странам» и поступил в аспирантуру экономического факультета МГУ. В 30 лет защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Экспорт капитала в некоторые арабские страны — средство обеспечения монопольно высоких прибылей». В 1956—62 гг. Примаков работал в Госкомитете по телерадиовещанию, занимаясь вещанием на арабские страны. У него случился конфликт с кураторами из отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС. В результате он оказался безработным. Вот тут-то друг В. Зорин представил его заместителю главного редактора газеты «Правда» Н.Н. Иноземцеву. Тот взял его под свое крыло, трудоустроил. Сначала, чтобы не «дразнить гусей» из агитпропа, с сентября по декабрь 1962 г. ЕМП работал в ИМЭМО, а с декабря приступил к работе в «Правде» — обозревателем, затем замредактора отдела стран Азии и Африки. С 1965 по 1969 гг. Примаков объездил весь арабский Восток. Он полюбил его, сумел стать его другом, изучил восточный менталитет, установил связи с людьми, которые реально влияли на положение дел в этом стратегическом регионе мира. Будучи корреспондентом «Правды» на Ближнем Востоке, Примаков умудрился в 1969 г. защитить докторскую диссертацию по теме «Анатомия ближневосточного конфликта». Защита состоялась в ИМЭМО. Доктором наук он стал в 40 лет.

В его дальнейшей карьере вновь большую роль сыграл Н.Н. Иноземцев, ставший к тому времени академиком и директором ИМЭМО. Он предложил ему пост своего первого заместителя. Интересно, что аналогичное предложение поступило Евгению Максимовичу от директор ИСКАНа Г.А. Арбатова. 30 апреля 1970 г. Примаков был назначен заместителем директора ИМЭМО и оставался им до 1977 г. Поскольку Иноземцев постоянно находился в «брежневских группах», постольку текущее руководство институтом осуществлял именно Примаков.

Иноземцев ценил в своем заместителе блестящего организатора и аналитика. Очевидцы отмечали его работоспособность и скромность, а также редкую способность создавать вокруг себя атмосферу взаимной доброжелательности, баланса интересов и компромиссов. Иноземцев и Примаков ориентировали институт на оперативный политический анализ, поскольку хотели быть полезными руководству страны. Примаков придумал и стал практиковать так называемые ситуационные анализы — мозговые атаки, проводившиеся лучшими специалистами института по разным направлениям. Они спрогнозировали бомбардировки американской авиацией Камбоджи во время вьетнамской войны за четыре месяца до их начала; после смерти Насера — поворот Садата в сторону Запада; после победы «исламской революции» в Иране — неизбежность войны между этой страной и Ираком (она началась через 10 месяцев после проведения ситуационного анализа); наконец, мировой энергетический кризис, последовавший за войной в 1973 г. на Ближнем Востоке. За разработку и осуществление ситуационных анализов группа ученых под руководством ЕМП получила в 1980 г. Государственную премию СССР.

Принадлежа к интеллектуальному сегменту самой власти, тандем Иноземцева с Примаковым при поддержке Арбатова убеждал высшее руководство страны занять более разумную позицию по отношению к Общему рынку и европейской интеграции. В духе концепции конвергенции они доказывали, что социалистическая экономика переживает те же технологические стадии, что и капиталистическая. Они растолковывали партийным начальникам об опасности отставания гражданской промышленности от ВПК, подталкивали к идее разрядки напряженности и прекращения истощающей гонки стратегических вооружений, осторожно намекали на возможность внедрения элементов рынка в народное хозяйство страны.

В 1977 г. Примаков назначается директором Института востоковедения, также очень важного с точки зрения правительственного консалтинга. Он быстро приспособился к коллективу, сохранил все его традиционные направления и создал сектор по изучению современного Востока. Исламские революции в Иране, Афганистане пугали Москву, и Примаков начал исследование влияния ислама на современность.

В 1974 г. он стал членом-корреспондентом АН СССР по Отделению экономики. В 1979-м был избран академиком АН СССР все по тому же Отделению экономики, причем был выдвинут двумя институтами: Институтом

востоковедения и ИМЭМО. В 1985 году ЕМП в третий раз пришел в ИМЭМО, сменив на посту директора А.Н. Яковлева, который перешел на работу в ЦК заведующим отделом пропаганды. В этой должности он становится советником генсека М.С. Горбачева и часто выезжает вместе с ним в составе делегаций за рубеж.

После поездки с Горбачевым в мае 1989 г. в Пекин ему последовало предложение занять пост Председателя Совета Союза Верховного Совета СССР, которым он очень тяготился. В том же 1989 г. его избрали кандидатом в члены Политбюро. В марте 1990-го Евгений Максимович освободился от обязанностей в Верховном Совете СССР, но был включен Горбачевым в Президентский совет — подобие Политбюро при президенте. За два месяца до «путча» Горбачев был предупрежден о нем послом США Мэтлоком, но еще до Мэтлока Горбачева предупредил о подобном развитии событий Примаков. Горбачев тогда не оценил смертельной угрозы для собственной власти.

Уже после «путча» Горбачев назначил главой КГБ В. Бакатина, а руководителем Центральной службы разведки, вскоре выделенной в самостоятельную Службу внешней разведки (СВР), — Е. Примакова. И вот что характерно: если Бакатин и его единомышленники стремились сломать советский аппарат госбезопасности, разогнали его кадры и тем самым нанесли колоссальный урон государству, то Примаков главный приоритет определил в том, чтобы сохранить и модернизировать разведку. Он и в разведке оказался мудрым администратором. Когда президент России Б. Ельцин приехал в Ясенево — штаб-квартиру СВР с вопросом, кого хотели бы видеть на посту директора этой службы сотрудники, все видные начальники этого ведомства поддержали кандидатуру «Примуса» — прозвище, которым они наградили Е.М. В этот период политического партнерства с Западом американцы требовали от Москвы прекращения всякой тайной деятельности против США. «Примус» ее не прекратил.

9 января 1996 г. ЕМП был назначен министром иностранных дел России. После дефолта 1998 г. Ельцин опять прибег к экстренной помощи Евгения Максимовича. 11 сентября 1998 г. Е.М. Примаков был назначен председателем правительства Российской Федерации. Его кратковременное присутствие на российском Олимпе¹ было благотворным. Он выплатил долги прежних правительств по зарплате военным, бюджетникам и пенсионерам. Снизил инфляцию с 11,8 до 2,8%. Вел затяжные, но обнадеживающие переговоры с МВФ о кредитах. Предложил Думе заключить Договор о согласии в обществе.

В этих назначениях сыграли свою роль и опыт, и знания, и сила характера², и не в последнюю очередь то, что ЕМП занял позицию по ту сторону гражданского противостояния. Его лексикон не содержал внутривнутриполитических

¹ В мае 1999 года Примаков указом президента Ельцина был снят с этой должности.

² 24 марта 1999 года ЕМП направлялся в Вашингтон с официальным визитом. Над Атлантикой он узнал по телефону от вице-президента США Альберта Гора, что принято решение бомбить Югославию. Примаков распорядился развернуться над океаном и вернулся в Москву. Весь мир был впечатлен.

ярлыков и псевдореволюционных фраз. По складу ума, своим взглядам и действиям он был антиподом Козыреву. Его стиль — это стиль прагматика, осторожного и умного политика, ориентированного на государственные интересы России, а не на развитие демократии ценой развала государства.

К «великолепной пятерке» формально следует причислить еще одного партийного академика — **Александра Николаевича Яковлева (1923—2005)**. И хотя соотношение между научной и околонуучной деятельностью, с одной стороны, и политической, с другой у Яковлева явно в пользу последней, все же он был доктором наук, американистом. Обе диссертации (в 1960 г. защитил кандидатскую, в 1967-м — докторскую) посвящены историографии внешнеполитических доктрин США. Его перу принадлежат книги по этой тематике: «Идеология американской «империи» (М., 1967), «*Rex Americana*. Имперская идеология: истоки, доктрины» (М., 1969) и «От Трумэна до Рейгана. Доктрины и реальности ядерного века» (М., 1984). Понятно, что эти книги написаны с позиции обличения имперской сути США. С.И. Аппатов в своих монографиях делал единичные ссылки на его работы, но без цитирования.

Чуть более двух лет (1983—1985) А.Н. Яковлев возглавлял ИМЭМО. Правда, в сравнении со своим предшественником Н.Н. Иноземцевым он выглядел бледно, но он и не претендовал на роль научного профессионала, давая всем понять, что его сильной стороной как директора является поддержка члена Политбюро, второго на то время человека в партии М.С. Горбачева. Директорство в институте не прошло для него «даром»: в 1984 г. А.Н. Яковлев был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, а в 1990-м стал академиком. Научных или организаторских достижений, как это было у Румянцева и Арбатова, за Яковлевым не числилось, но вопрос о научных достижениях всегда повисает в воздухе, когда речь идет о «партийных академиках». Поэтому ответ может быть только такой: они заслужили звания «бессмертных» за околонуучные достижения, можно сказать, за усилия по осуществлению связи науки с политикой.

Понятно, что научная карьера у А.Н. Яковлева была приложением к его высокому посту в партийной иерархии КПСС. Главная его деятельность — это руководство идеологией. С 1950 г. он сотрудник аппарата ЦК КПСС и в течение 13 лет по существу руководил мощнейшим идеологическим аппаратом партии-государства в должности заместителя заведующего Идеологическим Отделом ЦК КПСС, пожалуй, самого консервативного аппарата ЦК. Это он руководил пропагандистским обеспечением подавления «Пражской весны».

В 1972 г. А.Н. Яковлев опубликовал в «Литературной газете» статью «Против антиисторизма», в которой раскритиковал русских писателей-почвенников, группировавшихся вокруг журналов «Молодая гвардия» и «Октябрь». Это была ошибка. Александр Николаевич никогда не был политическим камикадзе. Его статья не была его личной инициативой. Внутри руководства партии точилась борьба. Там были свои «славяно-

филы» (националисты) и «западники» (интернационалисты). В тот момент победили «славянофилы»¹. Брежнев мягко пожурил Яковлева: Саша! Ты не должен был публиковать статью. В 1973 году он был отстранен от работы в партийном аппарате и направлен послом СССР в Канаду, где проработал 10 лет. В 1983 году секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев побывал в Канаде. Там, видимо, и был заключен их политический союз. Именно Горбачев настоял на его возвращении на родину.

В одном из интервью Г.А. Арбатов назвал Яковлева «порядочным человеком». Можно ли говорить о порядочности Александра Яковлева? Сельский парень из бедной крестьянской семьи забытой Богом деревеньки Королево Ярославской области благодаря социальному лифту, открытому ленинской революцией, взобрался на вершину Советской власти и стал академиком. И после обвинил Ленина в фашизме. Называя себя и круг своих товарищей, образовавших команду Горбачева, *циниками*, Яковлев, не желая того, сделал признание, что у него нечистая политическая совесть. Именно она мотивировала его писательскую активность. В книгах последних лет он пытался оправдать свое ренегатство политической эволюцией советской власти, сделавшей коммунистическую идею не только утопической, но и преступной. В своей итоговой книге «Сумерки» он назвал октябрьский переворот «контрреволюционным»², приравнял его к термидорианскому перевороту 1794 года во Франции; соответственно, у него Ленин — контрреволюционер. Даже заклятым врагам вождя Октября в голову такое не пришло. Более того, Яковлев сделал Ленина ответственным за сталинские преступления. Если бы логика ему не изменяла, то он бы не стал рассматривать дальнейшую качественную эволюцию советской власти, признав ее с самого начала контрреволюционной и антинародной. Тем не менее приход к власти М.С. Горбачева он называет «мартовско-апрельской демократической революцией 1985 года». Любопытно, по каким это критериям революцией, да еще демократической, называется выбор на Политбюро и Пленуме ЦК КПСС генерального секретаря? На самом деле именно «перестройка», которую Яковлев величает не иначе как (с большой буквы) Реформацией, подвела к контрреволюции 90-х годов, которая изменила в России существо социально-экономического и политического строя. Он стал буржуазным, то есть к власти пришел класс новых собственников, образовавшийся в результате ограбления народа. И ведь Яковлев фактически признал это, когда пенял ельцинскому и путинскому режимам, что они развели олигархов. Бывший марксист упустил из

¹ А.Н. Тарасов предложил перечитать эту статью с позиций сегодняшнего либерала. Особенно те части, где А.Н. Яковлев «долбаёт» авторов ж-ла «Молодая гвардия» за кулацкие и реставраторские настроения и за симпатии к религии, — то есть за то самое, что сегодня у либералов считается как раз «правильным» (Тарасов 2000—2001).

² А.Н. Яковлев являлся кавалером ордена Октябрьской Революции. Интересно, ему не приходило в голову отказаться от советских орденов, потому что они названы «неправильно»: на самом деле надо — орден Октябрьской Контрреволюции, а вместо ордена Красного Знамени — орден Коричневого Знамени, и т. д.

виду, что контрреволюцией, как и революцией, управлять нельзя. Другое дело — «цветные революции», являющиеся плодом политической технологии. Таким образом, в сознании Яковлева, как в камере обскуре, все было повернуто с ног на голову.

Он выработал стиль своих сочинений, в котором изобилуют, говоря определениями А. Черняева, «слиюни, сопливо-обидчивые, канареечные пассажи». Будучи историком, доктором исторических наук, он тем не менее рассуждал о революции 1917 года, большевизме, Ленине вне всякого исторического контекста, просто как о злой силе. Морализаторство — вот коренной порок его сочинений, лишаящих их места в ряду серьезных научных трудов. В историографии революции он занял эсеро-меньшевистскую позицию и спустя 70 лет пытался на бумаге взять реванш за их поражение историческим большевикам. В реальной истории конца XX века небольшевики (гайдары-бурбулисы-чубайсы) опять взяли верх над либерально-меньшевистской публикой, которую представляли люди, группировавшиеся вокруг Горбачева, то есть Яковлев и К°. Тем самым еще раз было наглядно доказано, что Россия — страна политического радикализма. Это — факт. И нечего по этому поводу лить слезы. Москва, как известно, слезам не верит.

Мало кого ненавидели и презирали, как Яковлева, называли его «советским Геббельсом». Причем такую характеристику он получил от людей, работавших с ним бок о бок. Тщательный анализ его политического поведения, проведенный историком А. Островским в книге «Глупость или измена? Расследование гибели СССР» (2011), да и мой собственный анализ (Гребенник 2007: 434—450; 2009: 202—214) подводят к выводу, что он был редкостный макиавеллист, человек с двойным дном и трехэтажным подвалом. Но речь идет не только о политической, а и о личной непорядочности «главного архитектора перестройки». И здесь его образ, который он сам тщательно выстраивает в своих последних книгах, явно входит в противоречие со свидетельствами тех людей, которые наблюдали его вблизи. В. Фалин, Л. Оников и другие высокопоставленные функционеры, работавшие с Яковлевым, подтверждают, что он был прожженным аппаратчиком, на лету ловил настроение Хозяина, вел себя крайне осторожно.

Добавим еще несколько штрихов к портрету «борца» со сталинотократией и партотократией. В дневнике помощника М.С. Горбачева А.С. Черняева за переломный 1991 год, когда люди очень раскрылись, есть немало строк, отведенных А.Н. Яковлеву. Так, например, 18 декабря 1991 г. А.С. Черняев записал, что Горбачев «спрашивает у Яковлева: «Что-то ты такой смурной?» Тот озабоченно начинает рассуждать о том, что Ельцин боится серьезной оппозиции (в лице его самого, Шеварднадзе и им подобных!). А когда М.С. отошел звонить Р.М., А.Н. наклонился ко мне: думаю, меня убьют. Я буду просить у Горбачева, чтоб меня отправили куда-нибудь, например, в Финляндию послом. Ельцин согласится — ему я здесь опасен... Я реагировал — знаком — «?» с внутренней «улыбкой» (Черняев 1991: 107).

Напрашивается забавное сравнение: Ленин в 1917 г., после июльского расстрела демонстрации в Петрограде, укрылся в Финляндии. Только угроза была ненадуманная, да и шалаш не тот — «послом в Финляндии».

Наш герой пишет о себе в «Сумерках», что свою норму по страху он почти исчерпал в годы войны 1941—1945 гг. (Яковлев 2005: 21). Видать, страх за свою жизнь в яковлевское «почти» не входит. Еще о личном мужестве Яковлева. В его официальной биографии, помещенной на сайте Международного фонда «Демократия» (Фонда А.Н. Яковлева), говорится, что именно он способствовал публикации в СССР произведений Набокова, Солженицына, Рыбакова, Приставкина, Дудинцева, выходу на экраны около 30 ранее запрещенных фильмов». А вот что пишет А.С. Черняев. В 1985 г. он «подсунул» роман А. Рыбакова «Дети Арбата» Яковлеву, только что назначенному заведующим идеологическим отделом ЦК КПСС. «Посмотрим каков он будет антисталинист, когда придется брать ответственность на себя!». И что же? Читаем дневник за 27 августа 1985 г.: «Говорил с Яковлевым. Он сам напомнил о «Детях Арбата». Прочел, мол, читал по ночам (выдал себя)... И тут же начал отвлекающие ходы: мол, много секса, все повсюду трахаются, не помню, мол, чтоб так было в наше время (30-ые годы). Я напомнил ему о «Дневнике Кости Рябцева», о Пантелеймоне Романове и выразил удивление: неужели это самое сильное, что обратило твое внимание?! Он опять выдал себя, стал рассказывать, что с его отцом в 37 году было нечто подобное, описанное Рыбаковым, когда выполняли план «по ликвидации» людей на таких-то и таких-то должностях (например, в каждом районе давалась разнарядка — ликвидировать столько-то председателей колхозов, столько-то председателей сельсоветов и т.п.). И, наконец, автор изображает дело так, что Сталин убил Кирова. А ведь вопрос этот не выяснен! И потом, не рано ли нам заниматься психологией Сталина (даже в форме художественного анализа?) Я ему в ответ напомнил, что Лев Николаевич тоже через 50 лет после Отечественной войны «говорил» от имени Александра I, Кутузова, Наполеона, глубоко забравшись в их психологию и не стесняясь тем, что документально подтвердить, что именно они думали и как рассуждали, ни он, никто другой не мог.

Вот так мы поговорили. И я понял, что Яковлев не будет «за» публикацию» (Черняев 1985: 61).

В свою очередь, в «Романе-воспоминании» писатель Анатолий Рыбаков подробно описал свое общение с А.Н. Яковлевым по поводу романа «Дети Арбата». Его впечатление полностью совпадает с черняевской оценкой. Яковлев не хотел брать на себя ответственность за публикацию романа, в беседе с автором занял уклончивую позицию, уговаривал автора отредактировать роман заново, смягчив его антисталинскую направленность. Никаким мужеством тут и не пахнет, зато празднуется аппаратный девиз «Осторожность, осторожность и еще раз осторожность!». В 1985 г. Сталиным «заниматься» было еще рано, поэтому Рыбаков со своим романом был несвоевременен. В 1987—88 годах Горбачев с Яковлевым стояли за

«социалистический выбор». Поэтому Ленин нэповского периода был у них на устах. А еще через пару лет уже нет никакого социализма, только «ленинско-сталинский фашизм». Стремительная до неприличия эволюция у зрелых людей! Ленин утверждал, что в большой политике врать нельзя, а эти только тем и занимались, что врали народу. Видите ли, боялись его шокировать.

Еще одно наблюдение А.С. Черняева (от 29 марта 1991 г.): «Утром звонил Яковлев... Ему не дают покоя лавры Шеварднадзе¹ — надо было, мол, так же «остаться в истории», своевременно!.. Тщеславие! Он мнит себя автором перестройки, «автором» самого Горбачева... А его — в советники, и зарплату на 400 р. сократили, и мальчиков из приемной убрали... Сокрушается...

Я, говорит, шел вчера по улицам между военных грузовиков — и мне стыдно было: опять возвращаемся назад, опять «все» знакомое... все напрасно и т.д. Я полчаса произносил в ответ речь...

Суть: если ты остаешься в политике, думай политическими категориями. <...> Да, наделал М.С. массу грубых — и не тактических, а стратегических — ошибок. И сейчас уже речь не о перестройке, а о спасении страны. А ее не спасешь, если дать разрушить государство...

Яковлев: Что? Силой держать, кто не хочет в нем оставаться?

Я: Наоборот. Одна из роковых ошибок была, что М.С. сразу не отпустил Литву, а потом и Грузию. Это, повторяю, и дало нагниение во всем организме. Нет! Я говорю о государстве, какое еще можно сохранить...

Яковлев: Но все-таки... что — армию опять пускать в ход?..

Я: Государство без армии не бывает.

Яковлев: Но не на армию же опираться?

Я: А на что?

Яковлев: На демократию...

Я: А где она? Где демократия? Из чего она состоит... эта болотная элита... эти кочки, уходящие из-под ног. Нет ее, демократии. Есть гласность, свобода, а по-русски — вольница! Демократия — это организованное общество: партии, институты, господство права, уважение к закону. Демократия — это лидеры, конкурирующие в борьбе за правительство, а не против государства!! Где все это у нас?! И на что опираться президенту, спасая государство?!

Он продолжал ныть. Конченный для политики человек. Общипанный, потерявший политические координаты» (Черняев 1991: 30; курсив мой. — Г.Г.).

Тут, как говорится, без комментариев. В конце января 1990 г. перспектива развала Советского Союза стала очевидной. Черт с ним, с Советским Союзом! Но вместе с ним из рук перестройщиков уплывала власть, а это серьезный повод для уныния. В поисках выхода Горбачев вновь стал хвататься за партию, которая к этому времени его же усилиями была полностью

¹ Э.А. Шеварднадзе очень вовремя «спрыгнул» с горячего поста министра иностранных дел, главного ответственного за проведение «нового мышления» в жизнь. — Г.Г.

деморализована. Именно в этот период между Яковлевым и Черняевым состоялся разговор, запись о котором датирована в дневнике последнего под 29 января 1990 г. Яковлев с жаром шептал Черняеву:

— В ближайшие дни, до Пленума, который намечен теперь на 5—6 февраля выступить по TV и объявить, апеллируя прямо к народу и беря на себя лично всю ответственность, действительно чрезвычайную программу по формуле: земля — крестьянам, фабрики — рабочим, реальная независимость республик, не союзное государство, а союз государств, многопартийность и отказ на деле от монополии КПСС, крупные займы у Запада, военная реформа — прогнать генералов и посадить на их место подполковников, отозвать войска из Восточной Европы, ликвидировать министерства, резко сократить аппарат — всякий и т.п. И особый упор (в выступлении по TV) — на серию экстренных (в принципиальном плане — частное предпринимательство) мер по экономике (будто бы у Слюнькова, который в оппозиции по отношению к Рыжкову-Маслюкову, есть подготовительная бумага на этот счет)... И еще: вести дело к замене Рыжкова: «с таким премьером, который мыслит на уровне директора завода, с таким Госпланом, который воспитан в методике военно-промышленного комплекса, никакой реформы не сделаешь.

В ответ я сказал Яковлеву: Словом, речь идет о *сoup d'Etat*...

— Да, — согласился А.Н. — И нельзя медлить (Черняев 1990: 9).

Вот так, ближайшее окружение и слева, и справа толкало Горбачева на государственный переворот. Яковлев лицемерно осудил гекачепистов за их антиконституционные действия, но сам был готов к мерам подобного рода.

Мы помним, что он опасался за свою жизнь в случае прихода Ельцина к власти. Он сумел решить эту проблему. Иначе как объяснить, что именно он из ближайшего окружения Горбачева был приглашен Ельциным посредником в тяжелом разговоре с Горбачевым, когда Борис Николаевич отнимал у того пост главы государства. Можно только представить реакцию Горбачева, когда он увидел, что Яковлев его предал.

В декабре 1993 г. первый президент России назначил Яковлева на важнейшую должность директора Федеральной службы телевидения и радиовещания и на должность председателя РГТРК «Останкино». Это он превратил радио и телевидение, по словам А.Н. Тарасова, «в один сплошной поток разнузданной антикоммунистической пропаганды, мало в чем уступавшей маккартистской или геббельсовской» (Тарасов 2000—2001). В частности, это Яковлев изобрел термины «красно-коричневые», «фашистско-большевистская идеология», которые заняли почетное место в словаре агрессивного российского либерала. Писатель и публицист Анатолий Салуцкий пишет: «Сопоставление статьи «Против антиисторизма» с нынешней позицией А. Яковлева по принципу «Сжег все, чему поклонялся, поклонился всему, что сжигал» не дает истинного представления о типе перемен, произошедших в его мировоззрении. Сжигание старого и поклонение новому — это элементы нормального эволюционного пути, который торился столетиями и

которым прошли, да и сегодня идут многие достойные граждане. Но непросто отыскать в истории примеры, когда яркий идеолог, объявляя собственные концепции злоучительной болтовней, вместо покаяния и мирного удаления в духовную схиму становился бы воинствующим идейным вдохновителем противоположной системы взглядов. И при этом таким же жестко-нетерпимым, как раньше» (Салуцкий 2002). Действительно, Яковлев занимал в КПСС ту же должность главного пропагандиста, что и Геббельс в партийно-государственной иерархии рейха. Можно ли себе представить, что Геббельс стал бы разоблачать преступления гитлеровской Германии? А Яковлев разоблачал «преступления КПСС и СССР».

Такая специфическая траектория мировоззренческого движения из идеолога большевизма в его яростного отрицателя ставит А.Н. Яковлева особняком среди других партийных академиков-либералов. Признаться, автор находился в затруднении, когда решал для себя задачу причислить или не причислить его к лидерам внутрипартийного либерализма, уж очень карьерный этот «товарищ», уж очень нелиберальный у него политический почерк.

Ныне работает Фонд А.Н. Яковлева. Есть люди, которые после его смерти пытаются поддерживать его реноме демократа, борца с тоталитаризмом и сталинскими репрессиями. Думаю, еще никому не удавалось обмануть историю, и Яковлев не исключение.

* * *

Итак, мной даны портреты ведущих советских либералов, интеллектуалов при власти, всю свою жизнь посвятивших попыткам трансформировать Систему, находясь внутри нее самой. *Во-первых*, это были люди, социальное происхождение которых не оставляет сомнений — они сумели войти в элиту исключительно благодаря 1917 году. *Во-вторых*, это были фронтовики, смотревшие смерти в лицо. *В-третьих*, они стали «шестидесятниками» еще до XX съезда партии, поскольку видели пороки Системы и отдавали отчет в необходимости ее реформировать. *В-четвертых*, они делали карьеру в Системе, стали партийными академиками. Но академики академикам рознь. В отличие от клана сталинских партийных академиков¹,

¹ Его ядро составляли философы и историки: Г.Ф. Александров, П.Ф. Юдин, Ф.В. Константинов, Ю.П. Францов, Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, М.Б. Митин. Г.Х. Шахназаров писал о них: «В то время как советские сократы и платоны, такие как А.Ф. Лосев, Р.Ф. Асмус, М.М. Бахтин, корпели над многомудрыми фолиантами, лидеры философского фронта разъезжали по миру в составе делегаций КПСС, представляли советскую науку на международных конгрессах, заседали на пленумах Центрального Комитета и сессиях Верховного Совета СССР. А в промежутках занимались профессиональной деятельностью, сводившейся к написанию установочных статей и руководству коллективами, которым поручалось готовить учебники и учебные пособия по марксизму-ленинизму, истории философии, научному коммунизму» (Шахназаров 2001).

они были убежденными антисталинистами. Их выгодно отличали европейская образованность, открытый, незашоренный идеологическими догмами взгляд на мир, нацеленность на практический результат. Вектор их размышлений как специалистов-международников был направлен на снятие опасной конфронтации между двумя мировыми системами, составлявшими основу международной архитектуры послевоенного мира. Они справедливо полагали, что не только американская, но и советская сторона повинна в нагромождениях холодной войны. Будучи причастны к проведению внешней политики СССР, они на практике убеждались в правоте марксистского положения о том, что внешняя политика является отражением внутренней. Следовательно, без реформы советской системы нельзя было в принципе решить внешнеполитические задачи.

Далее, мы видим, что академики-либералы были своеобразными монадами. Из таких монад, как из зерен, вырастали научные институты и школы, обслуживавшие внешнюю политику советского государства. Либеральное течение, конечно, выходило далеко за рамки Международного Отдела и отдельных академических институтов и охватывало значительное число представителей передовой советской интеллигенции из вузовских, учительских, художественных и даже военных кругов, а также некоторые газеты и журналы, которые выступали против опостылевших идеологических догм, нелепых, анахроничных представлений в области официальных теоретических постулатов. Все вместе и порознь они готовили «перестройку» и ждали перемен.

Представленная выше панорама позволяет доказательно утверждать: С.И. Аппатов был веточкой на довольно мощном дереве внутрисистемного либерализма. Он относился к слою, чей социологический тип был вполне очерчен и уместен на советской почве: интеллигент, партийный либерал, верящий в возможность прогрессивной эволюции советского социализма, профессиональный политолог-международник, по узкой специальности — американист.

ПРОЕКТ СОВЕТСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА: ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ

История партийного либерализма, как и партии под аббревиатурой ИКПСС, завершена. Поэтому автор обязан подвести итог этому «проекту». Он провалился. Его участники были люди незаурядные, в социальном плане плоть от плоти советские. Тем очевидней провал самого замысла реформировать Систему изнутри. У кого-то из них я прочитал фразу: «Мы все входили в кабинет к начальнику, как Штирлиц в кабинет Мюллера». По кинолегенде Штирлиц переиграл Мюллера. Но дело в том, что в жизни «Мюллера» нельзя переиграть. Румянцев, Иноземцев, Арбатов, Бурлацкий, Бовин, Шахназаров, Шишлин пытались влиять на Брежнева, но Брежнев в тактическом плане оказался их мудрее. Они были его левым, либеральным крылом. Суслов, Гришин, Черненко, Голиков, Демичев, Трапезников — это было его консер-

вативное, сталинистское в нашей терминологии, крыло. Такой расклад позволял генсеку комфортно лавировать между либералами и консерваторами, оказываясь в роли судьи в их столкновениях. Он выборочно пользовался идеями и советами либералов, но в основном отдавал предпочтение консерваторам. Умный консерватор Ю.В. Андропов также любил откровенные беседы с либеральными интеллектуалами, но к власти их не подпускал.

Внутрисистемные либералы отринули коммунистическую идеологию как замшелую, догматическую, устаревшую, не работающую на укрепление международного порядка сотрудничества народов и сковывающую внутреннюю и внешнюю прогрессивную эволюцию СССР. В этом отношении они сомкнулись с диссидентом Солженицыным, который в открытом письме «К вождям СССР» предложил им сбросить удушающее ярмо идеологии. Но тут на поверхность выступила правота Ленина, который утверждал, что идейного вакуума природа не терпит. Они фактически согласились с западными советологами, которые утверждали, что СССР — это неестественное государство, построенное по искусственному чертежу большевистских утопистов и идущее по тупиковому пути. Таким образом, эволюция партийного либерализма привела его в буржуазный лагерь.

Поневоле приходишь к выводу: люди, которые обвиняли Горбачева, Яковлева, Арбатова в социальном предательстве, были по существу правы. Интеллектуально и политически эволюционируя внутри советского либерализма, они в конце концов превратились в агентов западного влияния, полностью оторвались от родной почвы, от той проблематики, которая ей присуща как некапиталистической цивилизации, и встали на точку зрения Запада по всем коренным вопросам. Показательно, что Е.М. Примаков, который всегда был близок к Востоку, такого обвинения не заслужил.

С этой точки зрения советские либералы действительно оказались ревизионистами. Они не обременяли себя вопросами теории советского общества и неразрывно связанного с ним государственного устройства. Корень их ошибки заключался в том, что они привыкли рассматривать международные отношения как единую универсальную систему и по этой логике формулировали цель интегрировать СССР в эту систему. А для этого надо было избавить это государство от неприятных для Запада «особенностей». Они не поняли, что эти особенности составляют черты типа российского общества советской эпохи. Назвать советский строй «системой ленинско-сталинского фашизма», как это сделал А.Н. Яковлев, значит увести обсуждение из области научного анализа в русло идеологии, что характерно для партийного идеолога Яковлева, но абсолютно бесперспективно в плане научного анализа.

Думаю, одна из важных причин поражения горбачевских реформаторов заключалась в незнании и, как следствие, в непонимании, что они реформируют, какая страна под ними. Провозглашали «отказ от социалистического выбора», «включение страны в общецивилизованный процесс» и прочую либерально-западническую бодягу. Наши реформаторы и их научные советники отрицали марксизм, но продолжали мыслить в западнцентричных

категориях. Они решали проблемы на уровне очевидности: есть симптомы болезни, мы ее лечим. Но еще древние говорили, лечить надо не болезнь, а человека, целостную систему, организм. Как ведет себя эта система, почему «заболевает», то есть переживает кризисы, какие ресурсы она задействует для выздоровления во время болезни, то есть преодоления кризисов. Наконец, она располагает мобилизационными возможностями, которые используются в экстремальных ситуациях. Все это надо было изучать и знать. Но эта система в ее конкретной эволюции не изучалась. На ее исследование был наложен запрет подобно тому, как в средневековье запрещали врачам анатомировать трупы. Ее проблемы и противоречия отрицались по идеологическим соображениям. В годы «перестройки» это признано на уровне Власти. Казалось бы, теперь ситуацию можно было выправить. Но нет. Власть решила не реформировать советскую экономику на ее собственной основе, а вообще отказаться от нее: хватит ездить на «Запорожце», пересеяду на «Мерседес». Она стала шаг за шагом демонтировать системные звенья и, естественно, привела к обрушению всей системы.

Творец теории «реального коммунизма» А.А. Зиновьев называл советское общество «социальным» в отличие от сложившегося в течение веков на Западе «экономического общества». Зиновьев подчеркивал, что это общество сложилось не по теоретическим лекалам, а под давлением объективных факторов, ограничивавших возможности большевистской революционной политики спектром реального. Марксистскую теорию и идеологию задним числом подгоняли под то, что уже получилось. Другой серьезный теоретик Ю.И. Семенов называет советское общество «политарным». По его словам, оно основано на частной собственности государства. Следовательно, реальным владельцем средств производства в этом обществе был аппарат государственного управления. По недоразумению это общество называли социалистическим. Впрочем, его идеологам было крайне важно представить его таковым, чтобы скрыть факт классовой эксплуатации народа. Третий теоретик, С.Г. Кара-Мурза, ввел понятие «советская цивилизация» и написал книгу о ней. Так или иначе, речь идет об исторической, культурно-цивилизационной и геополитической специфике нашего Отечества, которую наши западники, а именно к ним относятся, как правило, специалисты-международники, склонны игнорировать. Коренной порок западничества, которое с петровских времен выступало идеологией реформ в России, заключается в том, что оно искало готовых ответов на Западе. В свою очередь, коренной порок почвенников-славянофилов состоит в том, что они в своем поиске формулы «русского счастья» полностью были обращены в прошлое, причем в прошлое мифологизированное, романтизированное. Такой подход справедливо именовать реакционной утопией.

В течение нескольких лет инициатива, власть и все возможности государства были в руках либеральной команды Горбачева. И она с позором проиграла страну, выражаясь словами А.С. Черняева, «интеллигентной банде Ельцина». Горбачев привлек весь цвет отечественной экономической и политической

науки. Абалкин, Аганбегян, Шаталин, Петраков. Все сплошь академики, светила нашей экономической науки, за которыми стояли большие коллективы академических институтов. Все напрасно. Почему? Возможный ответ: те программы и рецепты, которые предложили наши патентованные экономисты, обладали одним генеральным пороком: они не учитывали незападный (антикапиталистический) тип советской общественной системы. Они хотели «лечить» систему, используя для нее лекарства, предназначенные для другой. Но все-таки почему? Честно говоря, боюсь до конца додумать ответ. Вместо этого приведу две дневниковые записи А.С. Черняева.

24 января 1991 года: «В связи с приходом Грачева как-то иначе, чем первоначально, воспринял недавнюю статью в «Московских новостях». Называлась она «Смотрите, кто ушел». Суть такова: ушли Шеварднадзе, Яковлев, Бакатин, Петраков, Шаталин... И Горбачев остался оголенным в интеллектуальном отношении. Предпочел окружение серости. Но, господа, ни Шаталин, ни Петраков, ни тем более Бакатин ведь никакого интеллекта не внесли в перестройку или не успели» (Черняев 1991: 13).

29 января 1991 года: «В «Советской России» похабная статья о Шаталине «Люмпен — академик». Хамская. Но может быть и впрямь он такой же ученый, как Пономарев, Егоров и им подобные. Т.е. исключительно для своего времени? Похоже. Общение с ним не убеждает, что он ученый в нормальном, интеллигентском смысле слова (т.е. не от слова наука, а от слова ученость)» (Черняев 1991: 15).

Со стороны автора было бы огромной ошибкой интеллигентского сознания сделать вывод, что «перестройке» не хватило мощи интеллекта, академики не потянули. В 1917 году большевики располагали значительно меньшими интеллектуальными силами, тем не менее это практически не сказалось на революции. Также будет неправильно утверждать, что Советский Союз не пережил системного кризиса 1989—91 годов. После Великой Отечественной войны в стране было много меньше ресурсов, а ситуация было много тяжелее. Тем не менее советский народ не только сумел справиться с восстановлением разрушенного войной, но и обеспечил взлет 60-х годов. Причины краха «перестройки» следует искать в политических, социальных, национальных, внешних факторах, в унисон разрушительно заработавших в этот период. Разбор этих факторов займет не одно десятилетие. К примеру, одна из таких дискуссий состоялась 7 декабря 2006 г. в Горбачёв-фонде во время представления второго издания сборника документов под названием «Союз можно было сохранить». В ходе обсуждения этого сборника политолог и журналист А.С. Ципко доказывал, что в партийном аппарате не было намерения «конвертировать власть в богатство». Этот тезис вызвал у бывшего главного комсомольца страны, ныне директора Центра украинских исследований Института Европы РАН В.И. Мироненко резкую реакцию несогласия. На страницах своего сайта он записал: «У меня нет никаких сомнений в том, что именно желание превратить свою власть и относительное, сравнительное с другими простыми гражданами СССР, благополучие в реальные, переда-

ваемые по наследству богатства, были той «арбузной коркой», на которой поскользнулась «перестройка» (Мироненко 2006).

Наверное, советский социализм можно было вывести на новый уровень, не разрушая все до основания — через реальную демократизацию власти. Но это вело к подрыву власти партийной номенклатуры. Этого она допустить не могла, но и отказаться от «перестройки» не могла: стагнация экономики вела режим к верной гибели. Ведь в условиях полного огосударствления собственности политика у нас действительно диктовала свои условия экономике. Номенклатурно-олигархический капитализм стал для власти наиболее приемлемым вариантом перехода к рынку. Так случилось то, что случилось. Российский историк А.И. Фурсов считает: «Слишком сильные социальные кластеры и слои общества оказались заинтересованы в компромиссном варианте, когда все заинтересованные стороны: «эконом-чекисты», номенклатура и теневые воротилы превратились бы в собственников» (Фурсов 2012). В результате власть обманула народ посулами рыночного изобилия и свободы развлечений, а либерально-западническая интеллигенция ей в этом помогла.

В конце концов вся «философия» отечественного либерализма конца XX века свелась к тому, что надо жить для себя и жить хорошо, а для этого надо постараться превратить свою страну в «нормальную», то есть по западному лекалу скроенную. Один из видных «реформаторов» 90-х годов, министр иностранных дел России в правительстве Ельцина А.В. Козырев высказался на это счет без дипломатических экивоков: «...Но я-то считаю, что нет никакого другого интереса человеческого, кроме того, чтобы жить хорошо. <...> Все остальное — это демагогия для несчастных. Если у вас нет денег купить виллу на южном берегу Франции, то вам начинают сочинять сказку, что вам этого и не надо, вы живите вот здесь, в Азиопе» (Беловецкий 2002).

Трудно себе представить, но это так: министр иностранных дел великой России с таким мусором в голове, с такой, позволительно сказать, убогой жизненной философией! Он еще рассказывает, что среди других подобных ему он выделялся идейностью, он когда-то был убежденным коммунистом, а его сокашники по МГИМО, ставшим при Брежневе прибежищем для детей-оболтусов высокопоставленных чиновников, уже тогда с откровенным цинизмом были настроены исключительно на то, чтобы прожить жизнь с максимальным комфортом. Тот же Козырев заметил, что из ста мидовских чиновников только пятеро были дельные. Остальные болтались, выжидая карьерного шанса. Это о них А.С. Черняев иронически воскликнул: «Вот они дипломаты нового мышления!» Через два года после того, как Ельцин отправил Козырева в отставку, он был избран членом совета директоров крупной американской фармацевтической корпорации, а вскоре стал ее вице-президентом — генеральным директором корпорации по Восточной Европе. Как сказала баба Яга из одного сказочного советского фильма: «Заслужил, рыженький!».

В. Медведев, Г. Арбатов, К. Брутенц, А. Черняев остановились на границе советского строя и новой, буржуазной России. Они резко осудили режим Ельцина и так называемые реформы Гайдара-Чубайса.

7. В НАУКЕ

Наступил момент обратиться к научному творчеству С.И. Аппатова. Возможности заниматься политической наукой в царстве идеологии были невелики. Упомянутый выше социолог В.Э. Шляпентох писал о развитии советской гуманитарной науки следующее: «Если отвлечься от «ученых», занимавшихся только идеологической работой в соответствии с последними указаниями ЦК КПСС, то научная деятельность честных людей в лучшем случае сводилась к: 1) изучению западной науки и изложению ее результатов, теорий и методов, насколько это позволяла цензура и самоцензура; 2) стремлению применить некоторые западные теории и методы к советской действительности с некоторым флером самостоятельности; 3) сбору новых, действительно ценных данных там, где это было возможно и где официальная идеология не очень буйствовала» (Шляпентох 2006).

Как видно, С.И. Аппатов выбрал первый путь. Он занимался историографией американской внешней политики. Хорошо разбираться в том, что писали американские исследователи по вопросам внешней политики, знать авторов, основные течения, школы, концепции, их эволюцию и связь с реальной политикой — это уже немало. В условиях глобального противоборства СССР и США без учета этих знаний просто невозможно было выстраивать продуманную внешнюю политику, дипломатические отношения. Носителями таких знаний во всем Советском Союзе было от силы пятнадцать человек. И среди них — С.И. Аппатов. Можно предположить, что он не расстался со своей мечтой о дипломатии и решил подобраться к цели со стороны науки. Дорогу осилит идущий...

Понятие «творчество» больше сочетается со словом *художественное*, чем *научное*. Особенно проблематично его применение в отношении такой научной специальности, как историография. Скажем, литературный критик занят анализом чужого произведения. Есть люди, которые посвятили себя изучению творчества Пушкина, Гоголя, Чехова; соответственно — пушкиноведы, гоголеведы, чеховеды. Они всю жизнь проводят в чужих художественных мирах, расставляя там свои вешки, поверяя алгеброй гармонию. Можно ли говорить в этом случае о творчестве? Это — спорный вопрос. Если бы не политическая составляющая, стал бы известен широкому кругу критик Белинский? Но бесспорно то, что литературный критик, обслуживая литературный процесс, толкуя художественные произведения, приносит пользу и литературе, и обществу, поскольку прочно связывает литературу с жизнью. Собственно говоря, литература и есть духовная составляющая общества. Думаю, аналогия историографа с литературным критиком корректна.

Памятуя слова Ю.Б. Селиванова, я начал беседу с профессором И.Н. Ковалем так:

— Есть мнение, что Аппатов выбрал себе безобидное для здоровья занятие — пересказывать то, что пишут другие.

И.Н.: Это слишком поверхностное, облегченное представление. Конечно, нужно точно передать идею автора, ну а дальше начинается с ним полемика. Я должен аргументировано показать, с чем согласен, а с чем нет. Я должен раскрыть, как выстраивалась внешнеполитическая линия. Показать, что они потерпели, допустим, фиаско потому, что не послушали, условно говоря, ученого Х., что здесь нужно было не силовое решение, поскольку сложный клубок этнических проблем. Дипломат не может всего этого знать, а ученый берет проблему на всю глубину. Если дипломат читает его книги, то он совершенно иначе смотрит на эти вещи. Более того, я скажу, что на постсоветском пространстве сложились две школы подготовки студентов-международников. Одна — московско-киевская, вторая представлена Ленинградским (Питерским) и Одесским университетами. Киев и Москва готовят работников дипломатической и консульской служб, мы готовим специалистов по международным отношениям. У нас некоторые вещи в гораздо меньшей степени представлены, чем в Киеве и Москве. Это, прежде всего, — техника ведения дипломатических переговоров, дипломатическая переписка и т. д. Но зато у нас гораздо глубже изучаются вопросы, связанные с историей. Мы по сути готовим историков-международников. Никогда не будет успешной внешняя политика государства, если она не базируется на глубоком понимании закономерностей истории международных отношений.

АВТОР: *И что, ничего подобного нет ни в Киеве, ни в Москве?*

И.Н.: Нет. Разве что в Питере. Дело в том, что был один принципиальный момент, вокруг которого была очень жесткая дискуссия, особенно с киевлянами. Киевляне и, в значительной степени, москвичи хватаются за верхний слой — конкретная внешняя политика. Вот Брандт поехал туда, а Киссинджер сюда, были переговоры и т. д. Это тоже может быть предметом научного изучения. Но мы не могли этим заниматься. Мы были отсечены от архивов, конкретно — от текущего архива МИДа. И гениальная идея была в том, чтобы заняться концепциями. Сама жизнь нас к этому подтолкнула, потому что к историографии, к иностранной литературе был доступ. Я хочу разоблачить миф, что доступа не было.

АВТОР: *Но ведь эта литература хранилась в спецхранах библиотек, в ИНИОНе.*

И.Н.: Ну и что. Может быть, рабочий с завода имени Серпа и Молота не мог, а я, рядовой ассистент, с письмом-отношением из провинциального университета, заказывал и получал литературу, какую хотел.

АВТОР: *Но там, внутри архива или библиотеки, отбиралась и дозировалась информация.*

И.Н.: Может быть, но важно учитывать принцип ее отбора и засекречивания. К примеру, к сочинениям Троцкого и Бухарина получить доступ было сложнее,

чем к работам Хантингтона и Киссинджера. Логика в этом нет, но это так. Я тебе расскажу смешной случай. Руководителем спецхрана здесь, в нашей библиотеке, был человек по фамилии Шауро, по-моему, его звали Иван Васильевич. Он был родной брат завотдела культуры ЦК КПСС, но они давно поссорились и не общались. Скромный отставник, кэзэбист или гэрэушник, он был в сущности добрый и вениковатый мужик. Мы с Петей Райновым наладили с ним контакт и через него стали получать из Москвы по межбиблиотечному обмену иностранную литературу. Он разрешал нам под большим секретом брать книги домой на ночь. Мы сдружились. Я смотрю, у него в спецхране стоят книги Бухарина. Бухариным я тогда интересовался. Говорю: «Иван Васильевич, дайте на дом Бухарина почитать». Говорит: «Нет, ни за что!». Я: «Почему? Вы же нам даете книги Бжезинского, а Бухарина нельзя. Где же логика?». Он отвечает: «Все очень просто. Если ты эту книжку случайно где-нибудь оставишь, ее хрен кто прочитает, а Бухарин на русском языке, его все знают». Вот тип мышления. Раньше западные концепции рассматривались только с точки зрения идеологической борьбы, и только сейчас, спустя 20-25 лет, начали понимать, что без глубокого знания бэкграунда нельзя понять, как формируется внешняя политика.

Главное в том, что сегодня мы продолжаем школу Аппатова. Мы развиваем научное направление именно в духе его изначальной концепции, чего нет на Украине и почти нет на всем постсоветском пространстве. Это — достаточно уникальная ниша. Изучение концепций внешней политики означает изучение внешней политики на самых ранних этапах ее формирования. Это не значит, что какая-нибудь администрация, скажем американская, берет концепцию ученого и напрямую ее претворяет. Нет, но это кухня. Мы, можно сказать, влезаем в кухню и исследуем различные ингредиенты той или иной конкретной политики. Только мы на всем постсоветском пространстве целенаправленно над этим работаем.

Итак, выбор С.И. Аппатовым научного направления определялся тем, что, с одной стороны, критика буржуазных теорий внешней политики СССР поощрялась в плане ведения идеологической борьбы, а с другой — изучение американских внешнеполитических концепций действительно представляет важную научную и практическую задачу в плане глубокой проработки теоретических основ американской внешней политики. И, наконец, в провинции были недооцененные возможности глубоко копать это направление.

За сорок лет в науке Семен Иосифович написал две книги на основе диссертационных работ и еще три небольшие монографии в соавторстве со своими учениками¹. Статьи я не считаю — они как эскизы к большим

¹ Аппатов С.И., Коваль И.Н. Критический анализ американской буржуазной историографии. Концепции восточноевропейской политики США. — Киев, Одесса: Вища школа, 1984. — 142 с.; Аппатов С.И. Райнов П.Я. Покровители агрессии. Ближний Восток в свете буржуазной историографии. — К.: Вища школа, 1986. — 163 с.; Аппатов С.И., Глебов В.В., Коваль И.Н., Райнов П.Я. США: современная внешнеполитическая мысль. Анализ концепций американской политологии 80-х годов. — Одесса: Логос, 1992. — 235 с.

полотнам. Это немного, учитывая, что работал он систематически и, я бы даже сказал, «запойно». Чем объяснить такую невеликую результативность? Провинциальными условиями, трудностями получения свежей проверенной информации и административными сложностями издания в печати научных монографий? Отчасти — да. Еще один фактор — это крайне ответственное отношение самого Семена Иосифовича к слову, ко всему тому, что выходило из-под его пера. Вдова профессора Нинель Михайловна написала мне: «Если одним словом постараться охарактеризовать то, чему Семен Иосифович посвятил всю свою жизнь, т. е. работе, это — *основательность*. Многое зависело от интереса к теме. Азарт, задор, увлеченность всегда присутствовали в процессе творчества. Он очень ответственно подходил к написанию любой бумаги, статьи, оттачивая логику изложения, старался избегать сухого, казенного стиля, оживляя свою речь интересными выдержками, остроумными примерами, цитатами из мемуаров политических деятелей, известных историков».

Но главная причина, по моему мнению, заключается в том, что С.И. Аппатов щедро тратил свое время на учеников. По свидетельству В.В. Глебова, он скрупулезно, с карандашом в руке вычитывал все работы своих кружковцев, дипломников, аспирантов, коллег. Писал на них рецензии, консультировал, в общем, осуществлял научное руководство. Без этого не было бы школы. Его рабочий стол был вечно загружен студенческими курсовыми работами. Прибавьте к этому журналистскую и лекционную деятельность (а у него было много ответственных выступлений), и вывод напрашивается: С.И. Аппатов «разменивался». Но иначе он, видимо, не мог.

Если убрать идеологический шум, обязательный для того времени, можно ли в его текстах различить чистую музыку научных сфер? Можно ли сегодня читать Аппатова без скидки на время?¹

Кое-что, полагаю, можно. Вот я держу в руках его первую книгу, вышедшую в 1966 году (200 с., 4 тыс. экз.). Она носит название «Американская буржуазная историография германской проблемы». С.И. Аппатов показывает в ней, что у Америки не одно лицо: есть Америка думающая, размышляющая, оценивающее свое положение и перспективы трезво и есть Америка империалистическая, агрессивная, неумная, откровенно делающая ставку на силу, имеющая целью американское господство в мире и тем самым ставящая под угрозу *американскую* безопасность и мир во всем мире. Далее, есть Америка официальная и Америка интеллектуальная; Америка реакционная

¹ Я хочу, чтобы меня правильно поняли прежде всего ученики С.И. Аппатова и не обижались. Речь идет об оценке научных достижений по «гамбургскому счету». Вот как, например, оценил свой вклад в науку член-корреспондент АН РАН Г.Х. Шахназаров: «Я не строю иллюзий. Написав два десятка монографий и брошюр, сотни статей, понимаю, что большинство из них принадлежит к «временкам», как товар, служивший удовлетворению какой-то потребности и не оставляющий после себя следа. Некоторым утешением может служить то, что такова общая участь девяти десятых, если не больше, научных поисков. Лишь ничтожная их часть, принадлежащая гениям, удостоивается вечности, на худой конец — исторической памяти» (Шахназаров 2001).

и Америка либеральная, Америка «ястребов» и Америка «голубей». Эти две Америки сразу после войны были представлены доктринами Рузвельта и Трумэна. Внутри США все время шла борьба этих двух Америк — борьба «линии Моргентгау» и «линии Форестолла». Собственно говоря, наличие этих двух традиций и позволяло США лавировать, своевременно менять свой курс, когда ситуация в мире менялась. Указанная Аппатовым двойственность в проведении внешнеполитического курса США давала понимание алгоритма его колебаний. Очередная победа «ястребов» привела к тому, что Америка не выдержала искушения своей мощью и вляпалась в войну во Вьетнаме. В результате случился «вьетнамский синдром», американское общество расколосось. Этот раскол еще долго болезненно отражался на ее внутреннем самочувствии и внешнем авторитете.

В целом на основе анализа американской историографии С.И. Аппатов подводил читателя к мысли, что США в своих намерениях и решениях, прежде всего по вопросу об экономической и финансовой помощи Западной Европе в послевоенный период, были заоблачно далеки от альтруистических мотивов. Дума о себе и способах укрепления своего могущества — вот чем всегда руководились Штаты. Их даже обвинять в этом сложно, поскольку сама ткань реальной политики, субъектом которой выступают национальные государства, конкурирующие между собой, не предполагает никакого великодушия и христианского милосердия.

Принятые в американской науке системы классификации внешнеполитических концепций грешили эклектизмом. Это наводило на мысль о поиске более общего, в идеале универсального, критерия классификации, который бы свел существовавшие историографические схемы к одной стройной и непротиворечивой системе и, одновременно, стал бы более надежным инструментом анализа внешнеполитических концепций. С.И. Аппатов занялся этой проблемой. К чему он пришел? Цитирую П. Райнова: «Стержневым элементом при таком подходе к классификации учёный считал *политическую направленность взглядов* американских учёных. На этой основе выделял три направления американской внешнеполитической мысли: консервативное, состоящее из крайне правых и умеренных, либеральное и радикальное» (Райнов 1999: 30; курсив и подчеркивания П.Я. Райнова. — Г.Г.).

Прямо скажем, открытие не из великих. То, что П. Райнов называет «политической направленностью взглядов ученых», можно заменить одним словом — *идеология*. У нас была одна идеология, у них — три с половиной, если иметь в виду под половиной оттенки. Деление политической мысли на три идеологических направления, три стиля политического мышления, как они складывались в новой истории Запада, — на либеральное (центристское), консервативное (правое) и социалистическое (левое) — является в политологии классикой жанра. Аппатов предлагал эту устоявшуюся схему с более тонкой нарезкой применить для упорядоченного концептуального анализа борьбы идей внутри американской внешнеполитической мысли. Далее, вследствие доминирующего влияния советско-американских

отношений на всю мировую политику послевоенного времени «С.И. Аппатов при анализе политических взглядов американских учёных главное внимание обращал на их отношение к советскому фактору в мировой политике: от воинственного антикоммунизма и антисоветизма до принятия в какой-то мере формулы мирного сосуществования» (Там же). Выражение П. Райнова «отношение к советскому фактору» означает отношение к государственному и общественному строю Советского Союза, проще говоря, к советской власти, которая себя позиционировала как власть нового типа, власть трудящихся, в отличие от буржуазной власти в западных государствах. И здесь, как мы видим, предлагается взять на вооружение сугубо идеологический критерий классификации американских исследователей внешней политики собственной страны в отношении главного противника — Советского Союза.

* * *

Подведем итоги анализу научного творчества С.И. Аппатова. Профессор вместе со всеми находился в плену иллюзий и надежд своего времени. Ему, конечно, были глубоко чужды пропагандистская прямолинейность и железобетонный догматизм суловско-брежневского варианта марксизма-ленинизма. Он работал в том спектре, в котором работали либерально мыслявшие Г. Арбатов, А. Бовин, Ф. Бурлацкий, В. Зорин, В. Лукин и некоторые другие известные специалисты-международники, на которых ориентировался Семен Иосифович.

В специальной области, в историографии американской внешней политики, он стремился выглядеть интеллектуалом, то есть соответствовать девизу Спинозы. Это было возможно, ведь взгляд на чужую страну вполне может быть отстраненным. Однако «перестройка» была слишком личным делом для Семена Иосифовича. Она достала и вывернула наизнанку его интеллигентское нутро романтика-шестидесятника. На поверку оказалось, что линия на деидеологизацию международных отношений верна лишь отчасти, поскольку избавить политические отношения от идеологии в принципе нельзя.

8. БЫЛА ЛИ ПОЛИТОЛОГИЯ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ?

Здесь будет освещен еще один сюжет. Он был навеян взглядами С.И. Аппатова на роль политической науки в принятии решений во властных центрах. По-моему, его представления о взаимоотношениях политической теории и практики носили несколько идеалистический характер. Вместе с тем они дают ключ к пониманию тех усилий, которые предпринимал сам Семен Иосифович по созданию научно-учебного комплекса в провинции.

О ГРАНИЦАХ ПРИМЕНЕНИЯ НАУЧНОГО РАЗУМА В ПОЛИТИКЕ

Как в былые времена, Петя Райнов «завел» меня с полуоборота одной фразой из своей повести об Аппатове: «Ученый неоднократно задумывался над феноменом позднего рождения политологии в СССР. Это был один из многочисленных советских парадоксов — не основной, конечно, но весьма показательный. В обществе, претендовавшем на научную обоснованность политических решений, общественные науки в большинстве своем, перефразируя Карла Маркса, разрабатывали *иллюзии* советского режима о самом себе. <...> По мнению Аппатова, советское отставание в политологии в значительной степени объясняло волюнтаризм внутри- и внешнеполитических решений в СССР. Поэтому ученый считал необходимым *изучение опыта зарубежной политологии*» (Райнов 1999: 36).

Вынужден с этой точкой зрения Семена Иосифовича не согласиться. Возьмем, к примеру, самое авантюрное решение брежневского руководства о введении войск в Афганистан. Разве под рукой Брежнева не было советников вроде Г. Арбатова и Е. Примакова, которые имели в своем распоряжении целые исследовательские институты, способные дать высокопрофессиональные экспертные заключения, разработать разные сценарии возможного хода военных действий в Афганистане и предсказать реакцию в мире на ввод войск в Афганистан? Были. Разве не было мощной агентурной сети внешней разведки КГБ и ГРУ, которая предупреждала о возможных негативных последствиях афганской авантюры? Была. И все же неверное решение было принято. Значит, дело было не в слабости научных исследований и разработок, а в слабости науки как института выработки и принятия решений в политической системе СССР.

В самом деле, Арбатов, Бовин, Шахназаров, Черняев и другие близко стоявшие к механизму принятия политических решений на самом верху в своих воспоминаниях постоянно жалуются на недальновидность и ограниченность высокого начальства.

Ну, хорошо. Оставим Советский Союз и обратимся к его визави — Соединенным Штатам. Разве руководители этой «демократической империи» не совершили ряд грубейших внешнеполитических ошибок в 90-е и нулевые годы? А ведь в США, как полагал Аппатов, политология хорошо развита. Ну и что? При наличии многочисленных политологических школ и направлений, которые спорят друг с другом, и в США выбор остается за политиками и теми, кто за кулисами ими руководит. При этом команды республиканцев и демократов привлекают в качестве членов и экспертов тех людей и те исследовательские центры, которые их устраивают по идеологическим соображениям. Так, операцию «Буря в пустыни» готовил замминистра обороны Пол Вулфовиц, известный неокон. Одно время он преподавал в Йелльском университете. Начальником аппарата вице-президента Чейни и одновременно советником президента Буша-младшего в то время работал ученик Вулфовица, специалист по Ближнему Востоку и Юго-Восточной Азии

Льюис Либби. Подобных людей, которые стоят на пересечении политики, науки и олигархического бизнеса, мы будем называть представителями *политико-академического комплекса* (по аналогии с военно-промышленным комплексом). О нем речь пойдет впереди.

В 2007 г. академик Г.А. Арбатов в интервью американскому политическому обозревателю сказал: «Российские правящие круги утратили интерес к консультациям с научным сообществом и пренебрегают мнением авторитетных специалистов. Боюсь, что нечто похожее происходит и в США» (Арбатов 2008). Эти опасения подтверждают сами американцы. Заведующий сектором теории политики ИМЭМО РАН Э.Г. Соловьев отмечал в 2008 г.: «В последнее время все чаще можно услышать сетования на отсутствие больших академических и политических дебатов по поводу качества, целей и средств американской внешней политики в период после окончания «холодной войны» (Соловьев 2008).

Я бы не хотел, чтобы у читателя сложилось превратное впечатление, будто бы раньше, во времена безраздельного господства в США неоконсерваторов, научный интеллект был в особенной цене у политиков. Американскому народу долгое время нравились президенты-ковбои. В 1950-х годах, когда зародилось современное консервативное движение, правые сумели создать себе имидж «своих парней». Уильяму Бакли (William F. Buckley), основателю ведущего СМИ правых National Review, принадлежит высказывание, что «я скорее поручу правительство Соединенных Штатов первым 400 человекам, перечисленным в Бостонском телефонном справочнике, чем факультету Гарвардского университета». Пик антиинтеллектуализма в американский политике справедливо связывается с именем президента Рональда Рейгана, который, можно сказать, отполировал антиинтеллектуальный бренд¹. А вот уже «простому парню» Дж. Бушу-младшему, хотя и сумевшему одолеть интеллектуала Э. Гора, не повезло: настроение в обществе изменилось. Его образно выразил ведущий исследователь Совета по международным отношениям Питер Бейнарт: «Американцам не нужен такой президент, с которым надо выпить пивка, им нужен президент, который сможет справиться с тяжелым национальным похмельем» (Бейнарт 2008). Возможно, работавшие с Бушем-младшим советники и эксперты воспринимали его как президентскую куклу, и их посещали такие же мысли, как А. Черняева при генсеке К.У. Черненко. 23 февраля 1985 г. он записал в дневнике: «Прочел газету с речью Черненко. Речь хорошая, не даром ее готовили месяца два самые что не на есть асы этого дела. И невольно начинаешь ёрничать: а зачем вообще все начальство? Может быть, действительно лучше, если они будут

¹ Когда М.С. Горбачев в первый раз встречался с Р. Рейганом в Женеве, все были уверены, что советский генсек «затюкает» этого «актеришку-ковбоя». Встреча, как известно, состоялась. Горбачев был напорист и энергичен, но «актеришку-ковбоя» не затюкал. Рейган при всей своей ограниченности, а может именно поэтому, абсолютно верил в свою страну, в превосходство западной системы и обладал большой политической волей, что позволяло ему чувствовать себя уверенно и в диалоге с советским лидером держаться неуступчиво.

исполнить роль представительских кукол, а дело делать профессионалы?» (Черняев 1985).

Президент Б. Обама набрал в свой штат советников «умников», но вряд ли его президентство будет столь успешным, как у Рейгана — увы, не так карта легла.

Политика США рациональна, но разумна ли она? А если она неразумна, то можно ли судить о глубоком влиянии на нее политической науки? Скорее речь должна идти об обслуживании. Ведь в самом научном исследовании политическое решение отсутствует, как и нет в нем моральных целей.

Таким образом, связка политики и науки должна быть опосредована моральными ограничениями, носителями которых являются как политические активисты, так и научные работники. Наука по отношению к морали нейтральна, а политика руководствуется специфической политической моралью, где принципы выводятся из интересов и поэтому обладают невероятной идеологической гибкостью. Таков, например, принцип: что хорошо для Америки, то хорошо для остального мира. А что хорошо для Америки — это всегда спорный вопрос, вопрос убеждения, то есть в конечном итоге религиозный вопрос. Сократ безуспешно пытался убедить своих сограждан, афинян, в том, что добродетель выгодна. Они считали его рассуждения прихотливым доказательством софиста, поскольку практический разум убеждал их в обратном, а именно: справедливо то, что выгодно сильнейшему. Так и в нашем случае невозможно доказать, что внешняя политика должна руководствоваться миролюбием, гуманизмом, уважением суверенитета и принципом взаимной выгоды. Если с этих позиций вы будете спорить со сверхдержавой, то «справедливость» всегда будет на ее стороне. Разница в подходах между неоконсерваторами и либералами в США в общем виде сводится к тому, что консерваторы считают, что добро должно быть с кулаками, а американская мощь не должна бездействовать, тогда как либералы полагают, что добро само по себе убедительно, и только в случае с безнадежно «тупыми» надо силу убеждения дополнять убеждением силой. В общем, это — разница между агрессивностью и сдержанностью. В остальном они находят консенсус. Когда у сверхдержавы накоплен огромный потенциал и открываются благоприятные возможности доминирования в мире, то соблазн их использовать оказывается непреодолимым. Так или иначе, когда научное суждение входит в противоречие с политическим интересом, приоритет отдается последнему. Это — правило. Исключений я не знаю.

КОГДА В СССР РОДИЛАСЬ ПОЛИТОЛОГИЯ?

С.И. Аппатов относил рождение политологии в СССР ко второй половине 80-х годов и связывал его, естественно, с «перестройкой». В этот период в Одессе на базе университета была создана региональная организация

Советской ассоциации политических наук (САПН). Ее возглавил юрист, заведующий кафедрой государственного права и советского строительства профессор М.Ф. Орзих. Это не случайно. В стране САПН возглавлял тоже юрист — член-корр. АН СССР Г.Х. Шахназаров. Он и разворачивал эту структуру по своей юридической линии. Тогда же на ряде гуманитарных факультетов университета был введен спецкурс по политологии. На историческом факультете его читал С.И. Аппатов.

Еще более «одиозная» точка зрения относит рождение политологии в России к 1991 году. В тот год почтенный журнал Института международного рабочего движения «Рабочий класс и современный мир» был переименован в «Полис», полностью — «Политические исследования». Но разве суть спора о политологии в СССР сводится к введению в официальный оборот соответствующего термина, научной и учебной дисциплины? Конечно, нет.

Ф.М. Бурлацкий еще в 60-е годы называл себя «единственным политологом Советского Союза». В заслугу Бурлацкому ставят публикацию в 1965 г. в главной газете страны «Правда» статьи «О политической науке». В ней он предложил выделить политические исследования в самостоятельную отрасль знания и тесно связать её с политической практикой. Правду сказать, Федор Михайлович всегда «любил не столько искусство в себе, сколько себя в искусстве». Но вот его друг и товарищ по работе Георгий Хосроевич Шахназаров, подводя итог своей деятельности, написал: «Я весьма скромно оцениваю то, что мне удалось на научной ниве. Если что-то и заслуживает быть упомянутым, так это становление у нас политической науки» (Шахназаров 2001). В 1949 г. после окончания юридического факультета Бакинского университета Г.Х. Шахназаров поехал в Москву поступать в аспирантуру в Институт философии Академии наук. Сообщая об этом в своих воспоминаниях, он, между прочим, замечает: «Хотя и окончил юридический факультет, в душе считал себя *политологом*, а эту науку относил к философии» (Там же). С 1955 г., а именно с III конгресса Международной ассоциации политических наук, делегации наших обществоведов стали регулярно бывать на всемирных конгрессах МАПН (проходят раз в три года). В 1961 г. ЦК КПСС дал согласие на создание Советской ассоциации политических наук (САПН). Аргументировалось это тем, что нужно знать своего идеологического противника, чтобы вести с ним успешную борьбу. И, наконец, в 1973 г. XI Конгресс МАПН прошел в Москве, что в какой-то мере легализовало политологию в глазах нашей власти. Добро на проведение конгресса дал лично М.С. Суслов. В стране стал выходить политологический ежегодник. Все эти факты свидетельствуют о «похождениях» легкомысленного термина «политология» в гранитных коридорах марксистско-ленинских наук. Долгое время в этих же коридорах обреталась и столь же сомнительная в глазах партократов «социология».

Между прочим, политология как самостоятельная наука была зарегистрирована ЮНЕСКО в 1949 г. Поэтому не только в Советском Союзе, но и в остальном мире наука под таким названием официально существует

недавно. Но стоит ли на этом формальном основании делать скороспелый вывод о том, что наука о политике возникла в середине XX столетия? Вопрос риторический. Г.Х. Шахназаров писал о судьбе политической науки: «Это одна из первых, если не первая из научных дисциплин, основы которой были заложены еще в знаменитой «Политике» Аристотеля. Мало какая из наук может похвастать таким созвездием блестящих умов: Макиавелли, Эразм Роттердамский, Локк, Монтескье, Джефферсон, Токвиль, Чернышевский... По сути дела, девять десятых всех выдающихся мыслителей, которых принято называть философами, были создателями политических учений, т. е., строго говоря, политологами» (Шахназаров 2001).

Серьезные люди, затеявшие дискуссию о политологии в нынешней, постсоветской России, как раз считают, что название «политология» появилось, а политической науки по большому счету в России как не было, так и нет (Нифонтов 2006). Один из участников дискуссии заведующий кафедрой общей политологии факультета прикладной политологии ГУ-ВШЭ Леонид Поляков указал на исключительно низкий уровень квалификации современных политологов и фактически определил статус политологии как квази-науки. С нескрываемым пренебрежением он сказал следующее: «Политология» имеет отношение к политической науке как, скажем, «полетология» к науке под названием «аэродинамика». Мы все наблюдаем за полетами — птиц, самолетов, спутников, комет, звезд. И каждый из нас может многое об этом рассказать. Но только специалист по аэродинамике расскажет с достоверностью о том, каким законам подчиняются все летающие тела в зависимости от того, в каких средах они летают» (Поляков 2006).

О чем можно говорить, если прославившийся своей вульгарностью российский думский деятель В.В. Жириновский — доктор политических наук, а В.М. Литвин, работая спикером Верховной Рады Украины, попутно стал академиком, не утруждая себя написанием оцененных в научном сообществе трудов. Есть и другие примеры чудесного превращения разного рода депутатов в «наукотцев». Раньше были партийные академики, сейчас повсеместно расплодилось рыночные доктора наук. А вообще политологами называют себя и политические журналисты, и политические технологи, и академические преподаватели, ранее специализировавшиеся в области научного коммунизма и истории КПСС, и просто «общественные деятели». Наиболее успешны в плане пользы для себя брэндовые телеперсонажи, подвизающиеся в качестве экспертов и руководителей эфемерных «фондов эффективной политики». Деятельность последних привязана к выборным кампаниям, где они зарабатывают деньги на имиджевой раскрутке своих клиентов. Но мы понимаем, что политология как наука не имеет ничего общего с подобной деятельностью.

Моя точка зрения сводится к тому, что можно согласиться с российскими учеными, что в современной России политологии нет (им там видней), а в СССР, как это ни странно, она была. Я согласен с Глебом Павловским, когда он говорит: «Не пора ли заметить, что предметом российской *политической*

теории (а не мемуаров, эссе или пропаганды) у нас до сих пор не стали даже национальные изобретения мирового класса, такие кричаще амбивалентные, как — массовая большевистская партия; ленинская модель революции; государственные комплексы, соединяющие власть с наукой «знание-сила»; как — (задолго до Affirmative Action!) этнополитика позитивного выравнивая, строящая новые нации внутри светского (союзного) государства; ялтинская мировая система; и даже диссидентство... А чье политическое изобретение — феномен советского — первый, вослед Периклу, опыт соединения сообществ действия с сообществом мысли? Все самое интересное — и работающее по сей день — не обсуждается» (Павловский 2006).

Действительно, в силу своего менталитета мы традиционно не способны оценить свои же достижения, которые преподносятся нам как западное ноу-хау. Так, например, очевидно, что западные специалисты, разработавшие технологию «цветных революций», читали Ленина внимательнее и заинтересованней, чем мы. Мы лишь заученно повторяли положения ленинской теории революции, в частности, о революционной ситуации как совокупности объективных условий и субъективных факторов, которые приводят к массовым выступлениям, а они развили эти положения и испытали на нас же. Ленинская книга «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» — классика советской политологии. Эта вещь стоит в одном ряду с «Политикой» Аристотеля и «Государем» Макиавелли.

Какое государство, такая и политология. В СССР была своя структура общественных наук, в которых имелись пласты политологического знания. Такие разделы были в историческом материализме, в теории права и государства, в истории КПСС, научном коммунизме, в социологии, психологии, новейшей истории зарубежных стран, теории международных отношений, политической географии, социологии политики и некоторых других научных дисциплинах. При этом методология была одна — марксизм-ленинизм. Научная мысль находилась под спудом идеологии, поэтому научные концепты тесно переплетались с мифологическими представлениями.

Специфика советской политической науки такова, что мерить ее стандартами западной политологии было бы ошибочно. Скажем, значительную часть западной практической политологии составляют избирательные технологии, которые являются сердцевиной буржуазно-демократического политического процесса. В Советском Союзе такого процесса не было, значит не было и предмета исследования. Вернее, этот предмет рассматривался под углом критики буржуазной демократии как хитроумного механизма отбора политических лидеров путем создания иллюзии действительного народовластия. Причина нашего отставания в теории и технологии политики была связана не с распылением научных исследований политики и не с отказом от изучения зарубежной политологии, а с тем, что кислород научным исследованиям в области политики в нашей стране был перекрыт идеологами власти, боявшимися, как в средневековье теократы, проявлений еретического свободомыслия.

И тем не менее в силу логики саморазвития и государственных потребностей научные исследования в политической сфере развивались. Иногда извилистыми путями и с отступлениями, вызванными идеологическими накатами и организационными разгромами. В этой связи тот же Павловский отметил, что погромы в гуманитарных науках конца 60-х — начала 70-х годов выбили историков, социологов и философов. Остались «специалисты по стратегическому противнику» — американисты и китаеведы. Именно этим категориям чинилось меньше помех в их профессиональной работе и давалось больше информации. Поэтому процесс пошел по этим руслам (Павловский 2001).

Я бы не стал полностью солидаризироваться со всем, что сказал Г. Павловский, но мысль о том, что советская политология в 70—80-е годы нашла себе выход, в частности, в советской американистике, не лишена основания. Внешняя политика была той сферой, где нужда в научном анализе остро ощущалась руководством страны именно потому, что здесь была политика с ее многосубъектностью и неопределенностью исхода борьбы. Две сверхдержавы напрягали друг друга по полной программе. Фронт борьбы был глобальным. Потребность в специалистах, досконально владеющих информацией о разных странах и регионах, где сталкивались интересы мировых антагонистов, и способных делать концептуальные обобщения, компетентно отстаивать наши интересы, объясняет тот факт, что для политологии в этом направлении был открыт «зеленый свет».

Получается комическая ситуация: будучи по сути политологом, американист С.И. Аппатов об этом не догадывался! Он полагал, что он — историк внешней политики, а на самом деле он и его коллеги занимались тем, что называется в политологии *миссионерством*. Под видом критики американских внешнеполитических концепций они внедряли в нашу политическую мысль западные концепты, теории и доктрины. Нам предлагали заглянуть в американское кривое зеркало, чтобы увидеть там свое отражение, не без основания полагая, что и такой ракурс поможет нам в познании объективной реальности, называемой «советский общественно-политический строй».

Но если говорить без иронии и ехидства, объяснение такого феномена «неузнавания» кроется в том, что не было (и быть не могло в условиях мощного идеологического давления) достаточно широкой научной среды, профессионального сообщества, в котором свободно могли бы обсуждаться собственные концепции и нарабатываться политологический багаж терминов отечественного производства.

Наша беда общеизвестна: в советских общественных науках было слишком много табуированных идеологией зон. Уверен также, что по качеству американская советология не намного превосходила советскую американистику. США негативным образом отзеркаливали советскую сущность. Их концепция тоталитаризма была столь же чистым продуктом холодной войны, сколь и наша теория «развитого социализма». Но у них

был методологический и идейный плюрализм, а у нас даже марксистскую методологию нельзя было творчески развивать, а на догме далеко не уедешь.

После того, что мной было сказано в защиту тезиса о существовании политологии в СССР, можно судить, насколько прав сотрудник журнала «Полис» Д.М. Воробьев, когда пишет: «На мой взгляд, причина (того, что политология в современной России превратилась в квази-науку, — Г.Г.) — в произошедшем в постсоветские годы разрыве научной традиции, в результате которого выпал очень важный, советский этап развития политологии, когда возникли организационное ядро политологического сообщества, его институциональная база, коммуникационные каналы и исследовательские школы. Целая общественно-научная отрасль превратилась в «Ивана, не помнящего родства». По крайней мере — стесняющегося. Добровольная амнезия в начале 1990-х, в результате которой был предан забвению ключевой период зарождения отечественной политической науки, борьба политологов за собственную социальную нишу, привели к утрате авторитета научным сообществом» (Воробьев 2007).

Путь некритического заимствования из западной политологии понятийного и концептуального материала вряд ли следует считать продуктивным занятием¹, поскольку у нас есть свои прочные традиции, которые для начала

¹ Сегодня мы живем в мире навязанных нам идеологических схем, дающих крайне упрощенную, мифологическую картину мира. Они вошли в наши учебники по политологии и выдаются за чистую науку. Предположим, понятие «тоталитаризм» описывает сталинский режим достаточно адекватно. Но уже по отношению к брежневскому режиму корректность этого понятия пропадает, а уж по отношению к горбачевскому периоду «перестройки» и вовсе не соответствует. Далее. И Российская империя, и Советская имели многоцветное, сложное внутреннее устройство. Финляндия, Польша, Прибалтика уже в дореволюционное время имели особый статус в империи. Порядки в азиатских и кавказских республиках СССР значительно отличались от тех, что были в Москве, Минске или Киеве. Шел перекрестный обмен культурными ценностями, а из Центра на периферию продвигалась цивилизация. Это был евразийский комплекс. Где здесь тоталитаризм? Где была пресловутая армия кэгебистов, когда толпа на площади Дзержинского валила памятник железному Феликсу? Зато сейчас каждый может зайти в Интернет и получить на себя исчерпывающие данные. Кто-то ведь собирает эти досье на всех нас? Вот и получается, что западная наукообразная концепция советского «тоталитаризма» есть мифологический образ, созданный для обслуживания идеологических потребностей в период холодной войны.

В тех же Штатах существует много тоталитарных секторов, где демократией и не пахнет. Дух американской свободы витает и над ними, смягчая до известной степени порядки в тюрьмах, психбольницах, армии, полиции, предприятиях ВПК, всякого рода закрытых, режимных и секретных объектах, где в общей сложности работают десятки миллионов людей, которым строго-настрога запрещено «болтать». А уж как их секретные службы умеют собирать информацию, как умеют контролировать всех и вся благодаря новейшим технологиям космической связи и электронных средств подслушивания и подсматривания. И все во имя демократии и безопасности граждан. Поистине демократический тоталитаризм! На самом деле техническим инструментарием для настоящей тотальной слежки за всем миром обладают только США, «самая демократичная держава мира». Она его создала и всю им пользуется.

неплохо было бы осмыслить, освоить и закрепить в качестве основы отечественной политической науки. И тогда в диалоге с другими политическими культурами, мы будем развиваться, не повторяя зады чужого.

ПОЛИТИКО-АКАДЕМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС В США И СССР

В книге «Покровители агрессии. Ближний Восток в свете буржуазной историографии»¹ ее соавторы С.И. Аппатов и П.Я. Райнов пишут: «Обращает внимание на себя то обстоятельство, что исследования ближневосточной политики в США ведутся в рамках функционирования так называемого «политико-академического комплекса», который объединяет в условиях государственно-монополитического капитализма усилия академического мира, крупного бизнеса и правительственных органов» (Аппатов, Райнов 1986: 10). Авторы констатируют, что сращивание науки и политики нашло свое выражение в практике выдвижения на высшие посты в государственном аппарате, ведающем ближневосточными делами США, представителей научного мира и уходе высокопоставленных чиновников этого аппарата на академическую или научно-исследовательскую работу. «В 70-е — начале 80-х гг. свои концепции на практике могли апробировать профессора Г. Киссинджер, Зб. Бжезинский, У. Куандт и другие буржуазные ученые. В свою очередь, помощники госсекретаря по делам Ближнего Востока и Южной Азии с 1969 по 1981 гг. (К. Ван-Холлен, Дж. Сиско, Г. Сондерс) ушли со своих постов в научно-исследовательские организации. Примечательно, что весь «цикл» (разработка концепций — практическое осуществление — «переосмысление» концепций) прошли Г. Киссинджер, Зб. Бжезинский, У. Куандт» (Там же : 138). Исследовав весь спектр политических исследований по ближневосточной тематике, наши авторы пришли к выводу, что в среде американских исследователей от крайних консерваторов до либералов достигнут консенсус: они призывают власть имущих использовать процесс ближневосточного мирного урегулирования для усиления политической и экономической экспансии США в этом регионе (Там же: 138-139).

Кроме упомянутых выше имен, в книге часто мелькают имена С. Хантингтона, А. Улама, Н. Подгореца, Ю. Росту, Р. Такера, Д. Пайпса, Дж. Бакли, У. Замуолта, И. Кристола, У. Лакера, Э. Латтуака, которые в 70-80-е годы имели репутацию маститых и влиятельных политологов из лагеря неоконсерваторов. Ради любопытства поинтересовался в Интернете, чем ныне занимается Э. Латтуак. Нашел ряд материалов — жив курилка! В одном из них его называют «сотрудником одного из главных мозговых центров республиканцев». Он опубликовал статью «Постгероическая военная

¹ Книга, на наш взгляд, названа не совсем правильно. В ней идет речь не столько об американских покровителях Израиля, сколько о роли академической, ученой среды в разработке стратегических планов американской политики на Ближнем Востоке. Поэтому ее следовало бы назвать «Вдохновители агрессии».

политика», в которой, в частности, пишет: «Сражаться только тогда, когда к этому вынуждает необходимость — это удел малых держав. У Соединенных Штатов, к счастью, нет классической склонности к экспансии, которая была характерна для великих держав прошлого, но они имеют широко распространенные обязательства, которые требуют соответствующих военных средств...» (Кургинян, Бялый, Подкопаева 1996). Такой человек мог бы в императорском Риме выступать в сенате. Его бы все поняли и одобрили.

Еще одно упоминание о Э. Латтуаке содержится в статье под названием «Заговор против Африки». Ее автор пишет: «Совсем уже наглой по направленности является <...> статья американского «ястреба» Э. Латтуака в последнем номере крайне правого журнала «Нэшнл интерес». По его словам, «ведение международных дел» в правильном ключе «несовместимо с продолжающейся независимостью подавляющего большинства африканских государств». Решить эту «проблему» он предлагает путем организации иностранных интервенций, только не прямых — Запада, а опосредованных — под флагом ООН (Заговор против Африки).

Примеры подобной «концептуальной» активности в политике людей, которых в США относят к интеллектуалам, можно множить. Е.М. Примаков пишет: «После того как президентские выборы выиграл демократ Б. Клинтон, большинство неоконсерваторов ушли из структуры власти, разойдясь по исследовательским институтам и центрам. Однако нельзя считать, что произошел спад их активности. Пол Вулфовиц вместе со своим аппаратом, в котором выделялся Льюис Либби, в 1992 году выработал «Руководство по оборонной политике». В этом документе было представлено кредо неоконсерваторов: США не должны допустить появления глобального противника, такого, каким был СССР; для защиты своих интересов следует применять силу, не обращая внимания ни на ООН, ни на постоянных союзников, которые обязаны следовать за Соединенными Штатами («не коалиция определяет миссию, а миссия определяет коалицию»). Акцент в документе делался на превентивном характере единоличного применения силы Соединенными Штатами, в том числе с целью изменения не устраивающих США режимов в других государствах (Примаков 2009: 34-35).

А кто в США занимается политикой прав человека? Кто «керует» «Freedom House» (один автор без околичностей назвал «Дом Свободы» *частной разведывательной конторой*), «International Amnesty»? Те же «политологи в штатском». Здесь границу, где заканчивается ученый и начинается агент политического влияния, определить невозможно. Приехавший в Россию накануне президентских выборов 2012 года в качестве посла США Майкл Макфол позиционирует себя прежде всего как ученого, профессора Стэнфорда, специалиста по России и даже (подумать только!) русофила. А в мире он известен как специалист по организации цветных революций. Он действительно был сотрудником Института международных исследований (Freeman Spogli Institute for International Studies) и Гуверовского института

Стэнфордского университета, фонда Карнеги и многих других аналитических центров, специализирующихся на России. В свое время исследования Макфола финансировали Национальный фонд поддержки демократии, Институт открытого общества и фонд Смита-Ричардсона (еще одна известная структура, представляющая финансовые интересы в американском истеблишменте). Под его редакцией в 2006 году вышла книга «Оранжевая революция: истоки украинского демократического прорыва». В сборнике 2010 года «Россия после Путина» (намек на то, что к 2012 году Путина во власти уже не будет) есть его статья, в которой он превозносит оранжевую революцию в Украине в 2004 году, беззастенчиво финансировавшуюся и направлявшуюся из-за границы, как триумф «политической воли, возникшей изнутри самого народа, выступившего против и отменившего жульнические выборы». Среди прочих занятий в Стэнфорде Макфол работал над проектом «Демократия в Иране». Он также сотрудничал с английским Обществом Генри Джексона, разработавшим подробные планы свержения правительства Сирии.

Любимый американский «научно-политический герой» С.И. Аппатова — Генри Киссинджер, а мне больше нравится сенатор Даниэль Патрик Мойнихен (1927—2003). Родом из бедной семьи, он начинал чистильщиком обуви, впоследствии заслужил репутацию одного из самых блестящих интеллектуалов Америки. Окончил университет Тафта, учился в Лондонской школе экономики, преподавал государственное управление в университетах Сиракуз и Гарварда, стал автором или редактором 19 книг. Научная специализация — социология. Политическую карьеру начал при Джоне Кеннеди (был зам. министра труда) и затем служил в различных должностях в четырех подряд президентских администрациях. Это был редкий случай, когда член демократической партии назначался на ответственные посты в администрации республиканских президентов. С 1973 по 1975 гг. Мойнихен служил послом США в Индии. В 1975 и 1976 гг. он представлял США в ООН. Откровенный лоббист интересов Израиля, ярый антикоммунист, он в 1980 году предсказал падение Советского Союза в недалеком будущем. Поскольку США имели интересы по всему миру, им был нужен универсальный повод для вмешательства в дела любого государства. Д. Мойнихен его придумал. Он заявил, что политика прав человека должна стать «такой же *интегральной частью* американской внешней политики, каковой является марксизм-ленинизм для советского внешнеполитического планирования и соответствующих практических действий СССР в этой области». Так и случилось.

Мойнихен прослужил в качестве сенатора от штата Нью-Йорк 24 года. Уйдя из политики, он стал старшим научным сотрудником исследовательского центра им. Вудро Вильсона.

О том, что такое американский политико-академический комплекс, можно судить на примере такого монстра, как Трехсторонняя комиссия («Trilateral Commission») или Трилатераль («Trilateral»). Структуру этой организации и ее

инструментарий подробно описал в своей книге киевский политолог, философ и публицист Андрей Ваджра (наст. имя Юрий Романенко) (Ваджра 2007). Эта комиссия была создана в 1973 году по инициативе Дэвида Рокфеллера, Макса Конигтана и Джорджа Франклина. Идея создания подобной организации принадлежала Збигневу Бжезинскому. Первоначально в ТК входило 113 членов. К 1993 году количество выросло до трехсот с лишним человек. Это — представители финансовой и политической элит США, Японии и Европы. Для разнообразных исследований в рамках комиссии было создано шесть экспертных групп. Экспертное обеспечение деятельности Трехсторонней комиссии осуществляет целый ряд «мозговых корпораций»: Институт Аспена по изучению гуманистики, Институт Брукингса, Центр оборонной информации, Колумбийский университет, Джорджтаунский университет, Центр стратегических и международных исследований, Гарвардский университет, Гуверовский институт войны, революции и мира, Гудзоновский институт, Массачусетский технологический институт, Митре Корпорейшн, РЭНД Корпорейшн, Мировой институт наблюдения.

Финансирует ТК Фонд Рокфеллера, Фонд «20-е столетие», Фонд Рассела Сэйджа, Фонд Форда, Фонд международного мира Карнеги, Фонд Борден, Рокфеллеровский семейный фонд, Фонд Вудруфф, Фонд мира на Земле.

Официально, для широкой общественности Трилатераль подается как сообщество гуманистов, объединивших свои усилия во имя счастья и процветания всего человечества. Однако серьезные люди считают, что она настолько представляет мир, его потребности и нужды, насколько лиса представляет цыплят в курятнике. Доминирующее влияние в ней оказывают международные банкиры. Ее целью с самого начала было установление нового мирового порядка, глобального контроля над миром поверх всяких суверенитетов. В подтверждение сказанного можно привести слова Д. Рокфеллера, выступившего 3 марта 1975 года с программной статьей в журнале «New York magazine»: «Мы должны создать механизм глобального планирования и долгосрочного перераспределения ресурсов». Начиная с 1976 года президентами США становились только члены Трехсторонней комиссии. Главные посты в их администрациях также занимали члены этой организации. Например, в администрацию Б. Клинтона в 1993—1994 гг. входило 19 членов этой организации, включая, естественно, президента и госсекретаря.

Для такой организации, как ТК, «конторы» типа ООН, правительства США и ЕС являются всего лишь инструментами глобального управления. Любопытно, что в упомянутой книге С.И. Апшатова и П.Я. Райнова, в приложениях 1 и 2, подробно в виде таблицы представлены все те же американские научно-исследовательские организации, институты и центры при ведущих университетах и все те же частные фонды, финансирующие их исследования ближневосточной политики США, что и вышеназванные в качестве научной, экспертной и информационной obsługi Трехсторонней комиссии. Еще бы, ведь тут сосредоточена большая часть интеллектуаль-

ной мощи всего западного мира. И ученые здесь конкретно «запряжены» и «заряжены» под определенные политические задачи. В их функцию входит, образно говоря, помочь рассчитать и прицелиться. Принимают решения другие, на кнопки нажимают третьи.

Хорошо. Но неужели в СССР не было создано аналогичной политико-академической структуры, которая прорабатывала решения власти? Конечно, была. Если существует государство, и оно проводит внутреннюю и внешнюю политику, то оно нуждается в функции политического анализа. В мою задачу не входит подробное описание этой структуры, но указать на ее составляющие я хочу.

Во-первых, это Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО). К слову, его создатель и первый директор акад. А.А. Арзуманян входил в состав советской делегации на третьем конгрессе МАПН. Созданный в 1956 г. на волне хрущевской «оттепели» как преемник Института мирового хозяйства и мировой политики, существовавшего с 1925 по 1948 год, ИМЭМО был сориентирован на исследование основных тенденций развития современной мировой политики и экономики, на создание надежной аналитической базы для принятия политических решений на высшем уровне. Он быстро превратился в ведущий советский «мозговой центр». Именно в ИМЭМО с середины 50-х годов занимались научным обоснованием политики мирного сосуществования, отвергавшей философию холодной войны. Именно здесь с конца 60-х готовилась идейная почва для политики разрядки. Политологи ИМЭМО сыграли определяющую роль в переосмыслении прежнего, негативного отношения к социал-демократии, что, в частности, сделало возможным диалог с СДПГ и заключение в августе 1970 года Московского договора между СССР и ФРГ. Как известно, этот договор стал отправной точкой в процессе оздоровления всей обстановки в Европе. Практически ни одна важная встреча или переговоры представителей высшего советского руководства с лидерами Запада в 70—80-е годы не обходились без невидимого участия аналитиков ИМЭМО (в форме заранее представленных в «директивные инстанции» информационно-аналитических разработок и рекомендаций) (Черкасов 2004: 13-14). Сыграли свою роль связи ИМЭМО со Стратегическим центром одного из крупнейших в США научно-исследовательских институтов — Стенфордского (SRU).

В рамках союзной Академии наук создаются Институт Африки (1961) и Институт Латинской Америки (1962), в число задач которых входили, систематические исследования политических процессов в государствах третьего мира, за влияние на которые боролись Советский Союз и Запад. Далее к числу проблемно-региональных научно-исследовательских институтов добавились Институт Дальнего Востока (1966) и Институт США и Канады (1967). Последний, хоть и числился академическим учреждением, фактически был подразделением то ли правительства, то ли ЦК, в общем, государственной политической аналитической структурой. На долгие годы

ИСКАН (ныне — ИСКРАН) стал одной из ведущих площадок по выработке внешнеполитического курса Советского Союза и мозговым центром мирового уровня. Ныне он входит в число тридцати самых авторитетных в мире.

Особенно возростала роль этого института, когда отношения между СССР и США налаживались и значительно интенсифицировались межгосударственные контакты. Директор ИСКАНа академик Г.А. Арбатов о роли своего института говорил так: «Консультировали всех по всем вопросам — экономика, культура, оборона. На этой почве ссорились и с Демичевым, и с Устиновым, которые с нашими выводами почти никогда не были согласны. Перед каждой встречей в верхах мы на ухах стояли, по ночам работали, потому что если не мы, то достоверной информации у Генерального секретаря не будет. И Брежнев это знал, и Горбачев тоже. И так было до 1991 года, а при Ельцине — как отрезало. Ему хватало Бурбулиса и прочих сикофантов» (Кашин 2008).

К уже названным НИИ примыкают еще два, чья непростая и короткая судьба причудливо переплетена с историей отечественной академической политологии: Институт международного рабочего движения (1966) и Институт конкретных социологических исследований (1968). Четыре года, отпущенных ИКСИ, немало способствовали консолидации организационного и интеллектуального ядра советской политической науки. ИМРД просуществовал до начала девяностых, когда был переименован в Институт сравнительной политологии, а в 2006 объединён с наследником ИКСИ — Институтом Социологии РАН.

Добавьте сюда старейший и авторитетнейший Институт востоковедения АН СССР и МГИМО, созданный в 1944 году на базе международного факультета МГУ — и система специальных институтов, занятых в СССР политологическими исследованиями мировых проблем, будет в основном представлена. Она подпитывалась и опиралась на университетские факультеты и кафедры по всем союзным республикам, которые готовили специалистов высокой научной квалификации по отдельным актуальным проблемам политической науки. Приведу авторитетное мнение Г.Х. Шахназарова об уровне исследований и, соответственно, квалификации специалистов, изучавших мир глазами СССР: «Поневоле тянет к обобщениям. Не стану говорить о «советских людях», но то, что в советский период у нас были подготовлены отличные кадры страноведов, непреложный факт. В этой среде было, можно сказать, два неписаных закона. Один — безусловное служение Родине, защита ее интересов, другой — искреннее уважение и симпатия к стране, с которой они профессионально работали, ее людям и культуре... В целом же правомерно сказать, что у нас была первоклассная страноведческая школа. Боюсь, в передрыгах последних лет безвозвратно потеряны многие из воспитанных ею людей» (Шахназаров 2001).

В советской стране велись исследования в области моделирования и прикладного анализа международных отношений. Об этом рассказал

М.А. Хрусталева¹ в статье «Две ветви ТМО в России» (Международные процессы 2006). Разработку теории международных отношений (ТМО) Хрусталева относит к 1969 году и связывает с деятельностью директора ИМЭМО Н.Н. Иноземцева. По словам Хрусталева, в начале 70-х годов сложились две исследовательские группы — в ИМЭМО и в МГИМО. Первая из них занималась обработкой зарубежной теоретической информации, деятельность второй была ориентирована на практические приложения теории. В частности, в МГИМО готовились рекомендации правительству по внешней политике. Прикладную теорию разрабатывала в МГИМО «Проблемная научно-исследовательская лаборатория системного анализа международных отношений», созданная под руководством Н.Н. Тихомирова в 1975 году. С 1990 по 1998 годы руководителем этой лаборатории, переименованной в «Центр международных исследований МГИМО МИД России», был сам Хрусталева. Первоначально исследования в ИМЭМО и МГИМО строились на методиках, почерпнутых из западной литературы, с которой сотрудники знакомились в спецхранах. Затем вышли на собственные разработки.

В свете сказанного становится ясно направление усилий профессора Аппатова. Фактически то, к чему он устремился в Одессе, делая постепенные и последовательные шажки и шаги, — это создание «мозгового центра», который сумел бы объединить теорию и прикладные исследования в области международных отношений. Для этого не было никаких условий и предпосылок, кроме логики организации коллективных научных исследований: кружок — семинар — научная лаборатория — научно-исследовательский центр. Научно-исследовательская работа шла рука об руку с учебно-методической, центром которой была кафедра международных отношений. Все это создавалось медленно, в условиях скудного финансирования. Увы, наше начальство сохраняет удивительную преемственность в своей неадекватности и умственной ограниченности: оно не желает пользоваться тем потенциалом, который находится под рукой и стоит баснословно дешево. Зато обращается за «помощью» к своим непосредственным конкурентам и врагам и платит за туфту бешеные деньги. Пример с иностранными экономическими советниками у всех перед глазами. Неизбежная на первых этапах кустарщина, хроническое безденежье и безразличие руководства, партийного и университетского, преодолевались настойчивым трудом, энтузиазмом и верой... в чудо.

¹ ХРУСТАЛЕВ Марк Арсеньевич (1930-2010) был профессором кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО. Окончил Московский Институт востоковедения в 1953 г., кандидат исторических наук (тема диссертации: «Армия в социальной структуре современного арабского общества», МГИМО МИД СССР, 1969), доктор политических наук (тема диссертации: «Системное моделирование международных отношений», МГИМО МИД России, 1992). Хрусталева написан первый в Советском Союзе и во всей Восточной Европе университетский учебный курс прикладной теории международных отношений. Он — создатель оригинальных методик матричного анализа международных ситуаций. В силу закрытого характера многие его аналитические разработки остались известными ограниченному кругу читателей. Автор более 30 работ общим объемом около 50 п.л.

«Мозгу и мозговым центрам всё подвластно, они сами ничему, кроме Бога, не подвластны, — пишет в живом журнале mike67 (как я понимаю, Михаил 1967 г. рождения), — и если там воткнуть, как бельчонок из «Ледникового периода», свой орешек, то многообещающая трещина может пройти сквозь все аналитические материалы с фундаментальных глубинных до прикладных замыкающих, в результате чего всё, как в том мультфильме, придёт в движение, и старое рухнет, как будто его и не было...»¹. Красиво и заманчиво.

Что касается «личного состава», то в Советском Союзе были свои Генри Киссинджер, Збигнев Бжезинский, Адам Улам и Ричард Пайпс. На роль Киссинджера претендовали аж двое — академики Г. Арбатов и Е. Примаков. И сегодня люди типа В. Никонова, А. Миграняна, А. Арбатова — это не просто интеллектуалы, которые обслуживают Власть, а это интеллектуальный сегмент самой Власти. Есть другие люди — типа Г. Павловского и С. Караганова. Они сделали политический консалтинг и лоббизм своим бизнесом. Они продают свои услуги всем, кто может заплатить. Они принципиально продажные люди — это их «кредо». Полагая, что рынок политико-технологических услуг ничем не отличается от рынка товаров, они вносят в политику дух коммерции и крайнего цинизма. Я бы их назвал «полезными мерзавцами».

9. НОВОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК СИМВОЛ ВЕРЫ ПРОФЕССОРА АППАТОВА

Новое политическое мышление в международных отношениях (НПМ) — это последняя тема научных занятий С.И. Аппатова. Он начал ее разрабатывать в связи с горбачевской «перестройкой». Это было мышление Горбачева «для всего мира», и оно ушло из мировой политики вместе с ним, оставив после себя шлейф воспоминаний и суждений на тему: что это было? Большинство политиков и политологов у нас и на Западе сочло, что оно было вызвано к жизни экономической слабостью Советского Союза накануне окончательного поражения в холодной войне. Российская исследовательница О.Н. Дроконова констатировала ведущую тенденцию в западной историографии 90-х годов: «В мемуарах западной политической элиты и, в особенности, в работах лидеров и ведущих общественно-политических деятелей США и Великобритании, представляющих радикально-консервативные взгляды, происходило оформление исторического мифа об определяющем значении «жесткой линии» республиканцев и консерваторов и их «давления» на СССР эпохи Горбачева, результирующей которых стала «победа Запада» в «холодной войне». Такие взгляды нашли своё ярчайшее выражение в воспоминаниях Рональда Рейгана, Джорджа

¹ mike67. Повесть о настоящей пифии // URL: <http://livejournal.com/83407.html>

Буша-старшего, Брента Скоукрофта, Джека Мэтлока и Маргарет Тэтчер» (Дроконова 2006).

В этот же период профессор С.И. Аппатов занял другую позицию, которая выглядела неуместной, как марш Мендельсона на похоронах. Он упорно доказывал, что НПМ — это философия внешней политики, которой нет и не может быть альтернативы в современном мире, а тем более в будущем. И после ухода Горбачева с политической арены он продолжал стоять на своем. П.Я. Райнов, выступивший в своей книжечке как alter ego Аппатова, подвел итог увлечению своего учителя «новым мышлением» таким пассажем: «Новое политическое мышление так и не стало подлинной и эффективной внешнеполитической доктриной СССР, не смогло четко сформулировать новую систему советских интересов, внешнеполитических приоритетов и целей в эпоху конца «холодной войны». Развал СССР снял с повестки дня претензии Кремля на философскую революцию в международных отношениях» (Райнов 1999: 37). Судя по цитате Райнова, только к концу 90-х Семен Иосифович, видимо, признал этот факт. Но еще в 1994 году на международной конференции, проходившей с 27 марта по 10 апреля в Вашингтоне, Семен Иосифович выступал с лекцией на тему «Новое политическое мышление». И позднее, в 1996 году, он вновь выступал в США с лекцией на эту же тему. Это упорство свидетельствует о том, что доктрина «нового мышления» не была конъюнктурной для Семена Иосифовича, а отвечала его самым дорогим убеждениям.

В книгах С.И. Аппатова по историографии американской внешней политики, в его лекциях просматривается одна черта, столь характерная, например, для американской политологии, которой он занимался, а именно: в них отсутствуют рассуждения об «основах» — о природе политики, о ее конечных целях, ее отношениях с моралью. Философия вообще не была сильной стороной Аппатова. Это выходило за рамки его предмета, но сам-то он должен был решать для себя эти вопросы, потому что они, вернее, ответы на них формируют «символ веры», кредо.

Это кредо недвусмысленно дало о себе знать в период «перестройки», когда С.И. заразился «новым мышлением», которое генсек М.С. Горбачев предложил миру в качестве альтернативы политики «холодной войны». Эта была гуманистическая программа переустройства мира. И если бы она не исходила от самоуверенного лидера сверхдержавы, то нашелся бы мальчик, который сказал бы, что король голый, что принципы «нового мышления» давным-давно известны по философскому творчеству эпохи Просвещения, в первую очередь Иммануила Канта. Кантианский мир — это мир, где мораль определяет политику. Именно на этой шаткой конструкции строится кантовская концепция, лучше сказать, философская мечта о «вечном мире».

Философия политики утверждает нормальность войны, философия морали — ее аномалию. Эти две линии являются сквозными в истории. В своей монографии я обозначил их как «линию Макиавелли» и «линию Канта» (Гребенник 2007). Это спор реализма с идеализмом. Спор Гегеля с Кантом. Напомню.

В знаменитом трактате «К вечному миру» (1795 г.) Кант провозгласил, что у человечества есть лишь две альтернативы — либо покончить с войной, либо обрести «вечный мир» на всемирном кладбище после истребительной войны. И это было сказано задолго до появления сверхоружия массового уничтожения. Итак, Кант выдвинул концепцию «вечного мира». Гегель ему возразил. В «Философии права» он обосновал взгляд на войну как нормальное явление международной жизни, «трибунал истории». По поводу кантовской концепции он писал следующее: «*Кантовское* представление о *вечном мире*, поддерживаемое союзом государств, который способен уладить любые споры, устранить в качестве признаваемой каждым отдельным государством власти всякие недоразумения и тем самым сделать невозможным решение их посредством войны, предполагает *согласие* государств, которое исходило бы из моральных, религиозных или любых других оснований и соображений, вообще — всегда из особенной суверенной воли и вследствие этого оставалось бы зависимым от случайности» (Гегель 1990: 366—367).

«Вечный мир» зависит от случайности! Такой «случайностью» стало исчезновение Советского государства с геополитической карты мира. К «случайностям» можно отнести и кризис мировой экономики, и борьбу за ресурсы, и религиозные противоречия, и бог знает что еще. Международное право работает только тогда, когда оно опирается на равновесие сил в системе международных отношений, являющееся основой их соглашений. Во всех остальных случаях международным правом называется то, что выгодно сильнейшему. Равновесие двух сверхдержав во второй половине XX столетия на несколько десятилетий создало иллюзию, что воплощенная в международных документах, институтах и организациях во главе с ООН универсальная система международного права побеждает национальные эгоизмы, создает надежную систему взаимоотношений в мире. Как только не стало Советского Союза, разрушилась вся архитектура послевоенного мира, обнажая действительный фундамент политики, на котором зиждилась прекрасная иллюзия о превосходстве силы права над правом силы.

Неужели Семен Иосифович не был в курсе спора между Кантом и Гегелем? Интересно, что ученики оказались более прагматичнее своего учителя. Они не соглашались с ним и даже подтрунивали над его «наивностью». Однако он продолжал настаивать на своем. «Вы еще увидите, — прогнозировал он, — как новое мышление возобладает в мире». И.Н. Коваль отметил: «Аппатов не был циником». Неужели стоит только занять позицию «трезвого реализма», и твой учитель окажется на голову ниже тебя самого? Неужели так легко «похлопать по плечу» Канта, которого сами европейцы ставят на второе место после «князя философов» Платона, тоже, кстати, «непроходимого идеалиста»?

Семен Иосифович считал ошибкой Л.М. Кравчука и его советников отказ от ядерного оружия без всяких условий и требований, а также принятие декларации о нейтралитете независимой Украины. «Мировая политика, — говорил он в 1998 году, — тонкая игра, в какой-то мере это «торговля уступками».

После скороспелых деклараций на высоком уровне к нам во многом потеряли интерес. А когда мы в последние годы попробовали «отыграть назад», было уже поздно» (Юрченко 1998). Такая позиция полностью согласуется с политическим реализмом. Тем более странной выглядит его романтическая привязанность к концепции НПМ, в которой, по общему мнению, слишком мало материи и слишком много идеологического пафоса. Как объяснить, что холодный ум, умудренный знанием истории, не воспротивился? Пытаясь найти объяснение этому феномену, автор счел необходимым поинтересоваться мнением своих собеседников.

Вопрос: *Как вы объясняете приверженность Аппатова «новому политическому мышлению» в международных отношениях? Откуда этот идеализм при том, что Аппатов к истории подходил с позиций материалистического понимания?*

И.П. Серов: Я понимаю Аппатова. На этом пути он видел возможности для либерального развития мира. Открывались границы, снимались идеологические препоны, возможности для сотрудничества, в том числе научного, были огромными. Это и лично для него был лучший вариант развития события. Он лично от этого сильно выигрывал. Увы, он не увидел возможности контрразвития. Причем именно Запад стал инициатором сворачивания НПМ.

В.В. Глебов: «С высоты сегодняшнего дня можно критиковать эту идею. Но Семен Иосифович, будучи человеком либеральных взглядов, везде старался развивать концепцию «нового мышления». Я помню, как в 1996 году он прекрасно выступал на эту тему в США. Причем американцы любили с ним полемизировать, потому что видели в нем не зашоренного коммунистической пропагандой человека. Они видели в нем человека, который умеет им ответить, воспринять их достижения».

Н.Т. Щербань: При всем моем огромном уважении к Семену Иосифовичу — он был умница, интеллигент и прочее — он приспособливался, тихо вползал в новые веяния, новые требования. И мне нравилось в нем то, что он умно вползал в новую ситуацию и занимал в ней достойную позицию. Он верил в то, что говорил.

Я говорил ему: «Семен Иосифович, какое «новое мышление»? Как человек мыслит, так он и будет мыслить. По команде он не изменится. Люди думали по-разному во все времена. Он мне возражал: «Николай Трофимович, Вы не правы. Новое мышление заключается в установке оглянуться назад и подумать, а есть ли другое прочтение случившихся событий. «Новое мышление» — это диалектическое мышление, это работа над нашими общими ошибками с учетом как исторического опыта, так и тех императивов, которые выдвигает перед всеми нами сама жизнь. Мир меняется, и мы должны менять свои приоритеты, свои взгляды». Вот что для него было «новое мышление». Семен Иосифович верил,

что открывается возможность говорить то, что думаешь. Горбачев всех обнадежил и обманул. Всех, в том числе и самого себя. Он обманулся в том, что не просчитал силу инерции государств, народов, политиков. Отсюда утопизм его курса как во внутренней, так и во внешней политике.

Думается, Горбачев не случайно выдвинул «новое мышление». Советский Союз к тому времени ослабел, чтобы продолжать на равных конфронтацию с Западом. Для него «новое мышление» было предложением о перемирии. Запад так это и расценил. Не философская высота, не гуманистическая вера в разум человечества, а слабость подвигла Советский Союз на перестройку всей архитектуры международных отношений. На самом деле, чтобы воплотить подобные разумные и благородные принципы в жизнь, Советский Союз должен был быть многократно сильнее, обладать огромным запасом прочности, потому что только сильный может позволить себе быть справедливым. А так вышло, что это мышление в духе Канта оказалось убийственным именно для нас. Оно обессилило именно нас. Мы открылись в одностороннем порядке. Запад взял нас голыми руками. И заявил, что он выиграл «холодную войну», которую его идеологи поспешили назвать «Третьей мировой».

Горбачев провозгласил политику «нового мышления» в международных отношениях в январе 1986 года. В его книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» (1987) последовало разъяснение, что в понятие «идеалы перестройки» входят безъядерный мир и отказ от войны как способа разрешения конфликтов. Новый советский лидер протянул руку Западу. Запад своей руки в ответ не подал, а вместо этого бурно заплодировал. И тут Горби повел себя, как ворона в басне: он «каркнул». Как пишет А. Ашкеров: «Первый и последний президент СССР перепутал саму «реальную политику» с риторикой, поставив нас перед лицом проблемы: насколько опасным может быть прекраснодушие, как политические последствия, так и политические предпосылки которого остаются без внимания со стороны вдохновленного им человека? (Ведь первая и самая страшная опасность прекраснодушия в том, что оно стирает грань между искренностью и лицемерием)» (Ашкеров 2005).

Какую цену Горбачев платил за аплодисменты западных политиков, занимая подобную позицию, хорошо показано в книге А. Островского «Глупость или предательство? Расследование гибели СССР». Наши генералы «стояли на ушах»: односторонние уступки в области стратегических вооружений очень напоминали капитуляцию без видимых причин. Более того, автор этой книги пришел к выводу, что Горбачев знал, что Рейган блефует со своей СОИ, но использовал его блеф как рычаг давления на собственных генералов. Он сражался и одерживал победы над собственной армией и ее генералитетом, которого опасался больше, чем американской угрозы!

На протяжении 1986—1989 годов Горбачев упивался своей ролью примадонны в мире. Он все перепутал. Вместо того, чтобы работать Гене-

ральным секретарем сверхдержавы под названием СССР, он стал генеральным секретарем ООН на общественных началах. Он устраивал дела мира за счет ослабления позиций своей страны. За что получал аплодисменты, Нобеля и большой респект от руководителей Запада. Точно в басне Крылова «Ворона и лисица»: «Спой, светик, не стыдись!» И он пел, вернее, каркал: «история рассудит», «будем-де создавать атмосферу»...

Ощущение величия и гордости быстро сменилось на уныние и тоску, когда открылся момент истины. Это можно проследить по дневниковым записям того же А.С. Черняева. 7 января 1991 года он записал: «Мы все больше оказываемся на обочине, в офсайде, в мифологии великой державы» (Черняев 1991: 4). 28 января 1991 года: «Идет информация... Запад от нас отвернулся, перестроечная атмосфера испарилась. Все ждут нашего краха». 19 сентября 1991 года: «Сегодня был у него Брэйдли (министр экономики США). Довольно высокомерно ставил условия помощи» (Черняев 1991: 69).

Последние год-два нахождения у власти президент агонизирующего Советского Союза отчаянно распинался перед Западом: мы вам помогли, отказались от коммунизма-социализма, помогите и вы новой России. Запад поступил прагматично — предпочел «умыть руки». В международных делах, как нигде, работает девиз Ф. Ницше: «Падающего подтолкни!».

Эффективность — вот критерий правильной политики. «Только благодаря Горбачеву, — сказал бывший генсек НАТО Вернер, — НАТО в кратчайший срок достигла всех своих целей, не сделав ни одного выстрела» (воспоминания Фалина)» (Тиле 1995).

В 1991 году Горбачев с Рейганом принимали в Берлине звание почетных граждан германской столицы. При этом из списка почетных граждан были вычеркнуты маршал Конев и первый комендант Берлина генерал Берзарин. Это был очень символический акт: Конев и Берзарин брали Берлин, а Горбачев сдавал... «Почетный немец» Горбачев дал повод народу говорить о нем презрительно, как о непутевом сыне, пустившем по ветру наследство рачительных предков. Его сходство с Керенским в этот период максимально усиливается. Это сходство несчастной судьбы отвергнутого историей фаворита.

* * *

В конце своего дневника за 1991 год, подводя итоги горбачевской внешней политики, А.С. Черняев написал: «“новое мышление” слишком опередило время, не готовое для его восприятия в качестве основополагающего руководства в международных отношениях. Компенсацией за это может служить убежденность в том, что основные принципы и фундаментальные идеи политической философии Горбачева все равно когда-то станут нормой существования и его собственной страны, и международного сообщества в целом. Иначе им не выжить» (Черняев 1991: 114).

Это и было кредо профессора Аппатова. Он хорошо представлял, как организована система безопасности в стране и в мире и на ком она держится. Тем более неожиданной для него оказалась горбачевская «перестройка», решительный отказ власти от классовой парадигмы в идеологии и, соответственно, от идеологической конфронтации в международной политике. Это шло от самого верха — от Генерального секретаря ЦК КПСС, за которым стояли все уважаемые им либералы из Международного Отдела ЦК и академических институтов. В обстановке немеряного энтузиазма народов С.И. Аппатов поддался искушению «новым мышлением», поскольку хотел верить в возможность бескровной гармонии, в возможность разрешения споров между государствами мирным дипломатическим путем. Это и выдало в нем интеллигента, который в «решающей схватке» одолел в нем самого ученого. Видимо, романтические идеалы «шестидесятников» отложили свою печать в самом его сердце. Может, Семен Иосифович полагал, что отказ Советского Союза от жесткой конфронтации с Западом, от классовой парадигмы и политики «железного занавеса» даст козырь либералам в их борьбе с реакционерами в самих США. «Линия Рузвельта» победит, и тогда возникнут условия для создания единой системы безопасности на планете. Призрак Канта замаячил на горизонте.

С другой стороны, зададимся вопросом: каковы последствия отказа от НПМ? С уходом СССР не стало субъекта политики «нового мышления», возобладали национальные эгоизмы, психология победителей в «холодной войне». Вся система международного права, с таким трудом нарабатывавшаяся полвека, обвалилась вместе с конструкцией двухполюсного мира. Мир без СССР стал нестабильным и опасным. Отказ США от дальнейшего проведения политики «нового мышления» показал границу практического либерализма Запада. Дальше этой границы Запад может пойти только в демагогических высказываниях. Но это означает, что либерализм как программа и идеология глобализации снимается с повестки дня.

Это — последствия для всего мира. Но и лично для С.И. Аппатова они были весьма разрушительны, поскольку он разрабатывал «новое мышление» не только как доктрину внешней политики СССР, а как универсальную *научную концепцию*, дающую критерии для понимания и оценки тенденций всего мирового развития с позиций общей пользы и взаимной выгоды. Решительное изменение соотношения сил в пользу Запада сделало ее нереалистичной. Открылось, что на самом деле горбачевское «новое мышление» — это интеллигентский манок, на который «попался» Семен Иосифович.

Друг Семена Иосифовича профессор В.Л. Скалкин в большой статье «Россия во мгле» (23.09.1993) решительно отбросил версию, что СССР развалился сам собой в силу накопившихся внутренних проблем экономического характера. «Версия неплохая, — писал он с легкой иронией, — и все было бы правильно, если бы крах наступил в эпоху престарелого маршала Л. Брежнева или не менее больного генсека Ю. Андропова. Думаю, все-таки катастрофу логично связывать со множеством новых «полезных»

идей, активных действий и светлых мероприятий, кардинальных смен ориентиров и декораций, предложенных и предпринятых в эпоху торжества Нового Мышления» (Скалкин 1993б). Аппатов читал эту статью, но упорно не соглашался, не хотел признавать, что «новое мышление», безупречное с точки зрения философии единого человечества, в сфере конкретного приложения конкретного политика оказалось разрушительным для страны, которую он возглавлял. Определенно на теме «нового мышления» Аппатова «пробила» его интеллигентская суть романтика-шестидесятника. Вера в человеческий разум — это и есть религия интеллигенции. Поистине блажен, кто верует!

ФИЛОСОФИЯ НОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Как было отмечено выше, истинное новое политическое мышление опирается на определенную философскую традицию. Причем эта традиция не имеет ничего общего ни с логикой силового противостояния, ни с «низкой» политической моралью, идущей от грубой материи интереса и оправдывающей разные, порой самые утонченные идеологии господства над миром, например, «во имя свободы и демократии» или «социальной справедливости». Кант здесь далеко не первое и не последнее слово. В эту традицию входят учения Будды и Христа, философские учения Конфуция и Сократа, великих индийцев Рамакришны, Вивекананды, Ганди, идеи гениальных физиков А. Эйнштейна и А. Сахарова, ученых Римского клуба. Особо отмечу русских — Н. Федорова, П. Флоренского, А. Чижевского, Вл. Соловьева, Ф. Достоевского, Л. Толстого, Н. Бердяева. Синтез индийской и русской линий космической философии духа осуществили Рерихи — Николай Константинович, Святослав Николаевич и Елена Ивановна, создавшие учение «Живой Этики». К ним примыкает Елена Петровна Блаватская.

Эта великая философская традиция была вне поля зрения С.И. Аппатова. Мне бы хотелось думать иначе, но я не вижу в его текстах ни одного намека на то, что он интересовался философией духа, не имеющей ничего общего с традиционной внешней политикой.

Что такое истинное *новое политическое мышление* и в каком отношении к нему находится горбачевское НПОМ?

Авторское понимание этого вопроса сводится к тому, что новое политическое мышление как концепция единого мира является проявлением Космического Разума. На планете Земля проживает раса людей — земляне. Она представляет на ней Разум — высший продукт космической эволюции. Таким образом, истинное НПОМ есть планетарное мышление, когда человечество предстает неразделенным и солидарным сообществом народов и людей, несущих коллективную ответственность за жизнь Планеты Земля. Сегодня 90% усилий землян уходит на то, чтобы разрешать противоречия

между собой, которые по большей части являются проявлением группового, национального эгоизма и, во-вторых, обусловлены позорными историческими предрассудками. Причем средствами разрешения этих противоречий являются борьба, конфликт, война, доминирование, навязывание сильными своей воли слабым. В результате такой политики земной расы не только человечество, но и вся многообразная жизнь на планете Земля оказалась в опасности.

Новое политическое мышление — это когда духовные ценности довлеют над материальными интересами, поэтому НПМ означает новую ступень духовного возвышения, просветленное сознание. Это — политика, не обусловленная прошлым, а целиком и полностью ориентированная императивами будущего. В какой мере в политике живет будущее (аспект идеального), в той же мере политика наполняется нравственным содержанием. Можно сказать, что НПМ есть не ограниченная злом нравственность.

Теперь вопрос: могут ли все виды конкурентной борьбы между народами и государствами подпадать под определение «Космического Разума»? Нет. Люди едва возвышаются над животным уровнем, и их поведение, строго говоря, неразумно. Их нравственность в целом не соответствует понятию «новое политическое мышление». Человек как космическая сущность, духовная энергия застрял в эволюционном процессе. Уже много веков он нарезает круги внутри одного и того же цикла и никак не можем вырваться из него. Он никак не может переработать свои темные, злые аспекты. Человечество борется в самом себе и не находит сил для рывка вверх по лестнице космической эволюции.

Могут ли земляне выламываться из традиционной международной политики, верхом разумности которой является торговля взаимными уступками, установление баланса взаимной угрозы, который на языке политиков называется словом «безопасность»? Ответ положительный. В истории неоднократно отмечались проблески и даже яркие вспышки нового, планетарного мышления, но удержаться на высоте духовного просветления не удавалось.

Каждый раз, когда анализируешь случаи НПМ в мировой истории, то ощущаешь прикосновение к великой тайне. Как будто Космический Разум экзаменует нас на зрелость, приоткрывая нам перспективу будущего, возможность иного пути. Так, в 1917 году открылся канал будущего, и возникла возможность не просто прекратить бессмысленное кровопролитие мировой войны, но дать миру новый закон бытия, новый общественный договор, исключаящий на будущее конфликты между людьми и войны между народами, поскольку они коренятся в классовом антагонизме.

«И большевики, приверженцы старого марксистского мышления, и русские мыслители, заложившие основы нового Планетарного мышления, вышли из одного и того же духовного пространства. Но, тем не менее, обе революции оказались не только на разных параллелях, но и в различных плоскостях и уровнях. Духовная революция охватывала пространство,

которое Н.К. Рерих называл «поверх всяких Россий», социальная гремела в «нижней» России» (Шапошникова 1996). Большевики и, конечно, весь народ в целом, не удержались на духовной высоте социальной революции. Великий соблазн и трагедия русской социальной революции заключались в перемещении цели от свободы к овладению вещной, материальной стороной. Отсюда ее лозунг «Экспроприация экспроприаторов» и грубый вариант «Грабь награбленное!». То есть «справедливость», как ее понимали угнетенные массы, заслонила собой открывавшиеся горизонты свободы, как понимали революцию Маркс, Энгельс, Бакунин, Кропоткин.

Мысль порождает вибрацию в тонких материях, которая незримо энергетически воздействует на людей, вызывая в них миролюбие или вражду, любовь или ненависть. Горбачевская «перестройка» дала мощный волновой импульс всей планете Земля. После стольких десятилетий страха сгореть в ядерном огне или медленно и мучительно умирать в ядерной зиме родилась надежда. Радость обновления и подъема духа испытали многие народы. Казалось, мы на пороге новой эры...

Мир коренным образом зависел от успеха «перестройки» в СССР. И она бы состоялась, если бы состоялась перестройка внутренней структуры советского человека, его сознания. А оно у него, как это не покажется парадоксальным, именно в советскую эпоху обуржуазилось, заиклилось на собственности и неутоленной, накопленной десятилетиями товарного дефицита жажде потребительства. В 1991 году победила не демократия, а распалось старое тоталитарное государство. На его месте образовались осколочные государственные образования, смысл существования которых до сих никому не ясен. Действуя в самых лучших большевистских традициях, партноменклатура вкупе с «национальным» криминалом и «национальной» интеллигенцией добавили еще одно звено в бесконечную цепь общерусских переделов, экспроприаций и конфискации под названием «приватизация». Если в 1917 году большевики и те, кто их поддерживал, «освободили» частных собственников от их собственности в пользу «пролетарского» государства, то нынешняя элита ограбила это самое государство, а вместе с ним и народ в пользу новых частных собственников. Иное направление грабежа не меняет его принципиальной сути. Свобода вновь явилась в непотребном виде вседозволенности, произвола и потрясающей дегенерации даже тех основ культуры, на которых зиждилась советская жизнь. Какое там новое мышление!

Мир уже неоднократно наблюдал историю о том, как вино истинных ценностей перегонялось в уксус политического лицемерия, прикрывающего эгоизм и властолюбие. Вот и на этот раз история повторилась. И все же попытка мыслить по-новому, отмеченная именем Горбачева, вошла в историю.

10. ФАЛЬСТАРТ В БОЛЬШУЮ УКРАИНСКУЮ ПОЛИТИКУ

Идет 1989-й год. Перестройка, приковавшая к России весь мир, находится в предынфарктном состоянии. От былого энтузиазма в Стране Советов нет и следа. Фактически потеряно управление страной. Недовольство, прежде всего экономическим положением, охватило все слои населения. В стране быстро нарастает хаос и параллельно с ним активизируются самые разные слои и группы населения. Горбачев в растерянности. Он хотел «плюрализма», он его получил. Только это была не кремлевская технология. Это было движение, порожденное тектоническими толчками в преддверие слома Системы. Из небытия возникли и быстро набирают силы сепаратистские движения в союзных республиках. От скромного лозунга республиканского хозрасчета они перешли к требованию пересмотра Союзного договора в плане расширения своих полномочий, идеи достаточно конструктивной. Но затем, по мере углубления кризиса, они берут курс на развал СССР. Общество впало в пароксизм безумной революционной активности. Страсти разгораются не по дням, а по часам. Съезды всех уровней и организаций следуют один за другим. И выборы, выборы, выборы...

В этой обстановке С.И. Аппатов решается выдвинуть свою кандидатуру в Верховный Совет УССР. В обычной манере Семена Иосифовича было долго продумывать важное решение, проделывая кропотливую работу анализа всех за и против. И потом, достаточно неожиданно, он ставил в известность о нем окружающих так, что было ясно: решение принято, и он от него не отступит. Судя по документу «Размышления на национальную тему...», Семен Иосифович уже к августу 1989 года созрел для решения пойти в большую политику. О его мотивах доподлинно можно судить по одному тексту, сохранившемуся в столе Семена Иосифовича после его смерти. Текст озаглавлен «Размышления о времени и о себе» и датирован 21 января 1989 года¹. «Мы живем в сложное, тревожное, провокационное время, — писал С.И. — События и люди провоцируют нас на необдуманные поступки. Стиснутая пружина народного недовольства, зажатого общественного мышления разжалась с оглушительным треском. Критики и пророки слева, критики и пророки справа...

А действовать должен тот, кто посередине. Действовать разумно, эффективно, в прогрессивном направлении, просчитывая все возможные варианты».

Итак, С.И. Аппатов пошел в политику потому, что считал, что нельзя позволить радикалам взять верх и угробить страну. В первую очередь индикатором для него служил рост антисемитских настроений на мутной волне народного возбуждения.

¹ Почти под таким же заголовком — «О времени и о себе» С.И. Аппатов опубликовал небольшую статью в университетском сборнике «Времена и годы» (Вып. 1. — Одесса, Астропринт, 1998. — С. 19-21). Но текст там был совершенно другой.

Предвыборная кампания проходила в феврале. Семен Иосифович баллотировался в Верховный Совет УССР от университета по Центральному избирательному округу № 301. Здесь на одно депутатское место претендовало девять кандидатов. Программа Аппатова содержала пять блоков основных вопросов: социально-экономический блок; национальный вопрос (акцент на профилактику межнациональных конфликтов, деловое сотрудничество с разными национально-культурными центрами и «прогрессивной диаспорой»); программа в области образования и культуры (повышение роли науки, гуманитаризация университетского образования); вопросы социальной защищенности одесситов и экология (после Чернобыля это был обязательный пункт в программах всех кандидатов).

На встречах с избирателями, по словам его доверенного лица Н.Т. Щербаня, он имел успех. Сказывалось ораторское мастерство. Труднее всего ему пришлось в Теплодаре. По его собственному же признанию, это была «наиболее драматическая и малорезультативная встреча» (За наукові кадри 1990). В этом поселке проживало около 10 тыс. жителей. Все трудоспособное население было занято на строительстве АЭС. По решению правительства оно было остановлено. Жизнь в поселке, созданном под этот проект, замерла. Люди остались без работы, в подвешенном состоянии. Аппатов предложил вместо АЭС построить крупный консервный комбинат с участием одной или нескольких зарубежных фирм.

Как человек основательный профессор Аппатов продумал стратегический курс развития страны и, соответственно, свою линию агитации. В уже упомянутом документе эта линия выписана так: «Кооперативное движение — хорошо, аренда — хорошо, семейный подряд — хорошо! Каждый из этих рычагов подъема народного хозяйства эффективен, но... долгосрочен по результатам. От 5 до 10 лет при благоприятной ситуации в стране и за рубежом.

А народ так долго ждать, видимо, не может... Успех перестройки зависит от того, что мы можем дать людям конкретно (продовольствие, товары) в ближайшие 2—3 года — не больше. Есть ли такие аварийные рычаги? Есть!

Это — иностранные кредиты, причем не вообще, а выгодные, которые сегодня можно получить «под перестройку»; долгосрочные (до 20-ти лет), при низких (5-6) процентах годовых и покрытии поставками своих традиционных товаров и услуг; создание на этой основе смешанных обществ и свободных экономических зон. И еще один важный рычаг: резкое сокращение расходов на военные цели. <...>

Вот сумма аварийных мероприятий, основное звено, которое позволит затем вытащить всю цепь...».

В духе этих идей Аппатов предложил теплодарцам свой план. Денег в государственной казне не было (государство в это время уже активно банкротили будущие миллиардеры), магазинные полки пусты. На этом фоне слова человека, не наделенного правительственными полномочиями, воспринимались как популизм. Люди не верили — это было неприятно. К слову сказать,

М.С. Горбачев в 1990—1991 годах метался по миру, просил денег. Арабские эмираты предлагали 3 млрд. дол. без условий. США и Западная Европа денег не дали. Подвела Михаила Сергеевича, как и Семена Иосифовича, вера в «новое мышление» в международных отношениях.

В целом избирательная кампания вызвала у Семена Иосифовича душевный дискомфорт. Он был глубоко разочарован и поведением властей, и реакцией избирателей. Об этом можно судить по его высказыванию, сделанному накануне выборов для газеты «Вечерняя Одесса». Он заявил: «Нормальный политический процесс борьбы и полемики разных политических направлений и движений серьезно деформируется экстремистскими элементами и пассивностью правоохранительных органов» (Ваша позиция... 1990). Да уж, политическая борьба своей нетерпимостью и грубостью разительно отличается от полемики на научном симпозиуме. Но откуда было знать бедному Семену Иосифовичу о норме политического процесса?! Все познается в сравнении. Сегодня можно утверждать, что в 1990 году и кандидаты, и их избиратели отличались «ненормальной» лояльностью по сравнению с последующими выборами в ВР Украины и, особенно, в президентские кампании, где диффамация и просто клевета, провокация, подкуп избирателей и прочие грязные выборные технологии действительно стали нормой политического процесса в незалежной Украине. Интеллигентный Семен Иосифович с наивной непосредственностью мечтал о повышении роли науки в принятии государственных решений, а впору было ставить вопрос о повышении роли медицины в освидетельствовании тех, кто идет в большую политику.

Первый тур выборов в ВР состоялись 4 марта. По их результатам С.И. Аппатов занял только пятое место. Из 54284 принявших участие в голосовании за него проголосовали 3635 человек. Первые двое прошедшие во второй тур получили соответственно: Ю.Ф. Черный — 12350, Б.Я. Резник — 12018 голосов. Присмотримся к людям, которым избиратели готовы были доверить свои судьбы в роковые 90-е. Для начала сравним их «объективки».

Черный Юрий Филиппович — режиссер Одесской киностудии, актер, родился 10 апреля 1936 года в городе Лубны Полтавской области, в качестве ассистента и второго режиссера участвовал в съемках трех фильмов, самостоятельно снял один (1982). В качестве актера снялся в фильме «Утреннее шоссе» (1988); беспартийный, активный член националистической «Південной Громади». В избирательной кампании выступал с радикальных позиций, жестко критиковал коммунистический режим, называл Украину колонией России, распалялся по поводу ничем не ограниченного диктата союзных министерств и ведомств, неизбираемых (!?) и поэтому неподотчетных украинскому народу. Главным вопросом считал принятие закона о полной политической, экономической и культурной самостоятельности Украины с последующим подписанием нового союзного договора на основе суверенитета. Общественный деятель, радикал, птица-говорун, сделавший ставку на украинский национализм — таким рисуется политический портрет данного кандидата.

Резник Борис Яковлевич (05.01.1929 — 08.12.1997) — потомственный врач, родился в семье видных одесских врачей, в 1950 году с отличием окончил Одесский медицинский институт, выдающийся ученый-педиатр, доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии наук, за учебник «Детские болезни» был удостоен Государственной премии Украины. С 1972 года профессор Б.Я. Резник возглавлял коллектив кафедры детских болезней педиатрического факультета Одесского медицинского института. Член КПСС с 1975 года. До этих выборов он уже был депутатом Верховной Рады УССР двух созывов. В ходе предвыборной кампании он обещал сконцентрировать свои усилия на принятии законов о защите детства, о вредных экологических факторах и их ликвидации, о труде матерей на вредных производствах, об обеспечении детей питанием без вредных примесей и, наконец, о коренной реконструкции системы советской медицины с целью достижения уровня цивилизованных стран мира. И так, перед нами человек, который шел в украинский парламент не заниматься политикой, а профессионально решать вопросы, в которых он был более чем компетентен.

Обратите внимание: обошли С.И. Аппатова не партийные и советские работники, не «красные директора» и даже не бандиты (их время еще не настало), а такие же, как и он, люди интеллигентных профессий. То был еще романтический, митинговый период, когда народ чутко реагировал на «правду», высказанную в хлестком, обвинительном стиле против КПСС. Носителями этой правды выступали представители научной и творческой интеллигенции, умевшие зажечь толпу своими яркими, убедительными речами.

В соответствие с принятой в феврале этого года платформой ЦК КПСС к XXVIII съезду коммунист Аппатов выражал свою приверженность идеалу гуманного, демократического социализма. Увы, социализм к этому времени был скомпрометирован и служил эвфемизмом понятия «сталинский тоталитаризм». Не успевавшая за обстановкой партия безнадежно утратила авторитет. Вождь партии и лидер «перестройки» М.С. Горбачев вел себя непоследовательно и двусмысленно: с одной стороны он вынужден был бороться с собственной партией, ее консервативным аппаратом, который сопротивлялся реформам, а с другой — продолжал оставаться генсеком и многие часы впустую просиживал на заседаниях Политбюро, которое его же усилиями превратилось в ветряную мельницу без жерновов. «Раскочегаренная» специально приехавшим в Киев Горбачевым и осмелевшая украинская интеллигенция метала грома и молнии в «антиукраинскую власть». Поэтому умеренный либерал по убеждениям Аппатов безнадежно проигрывал в риторике беспартийному радикалу Ю. Черному, который обличал «москалей» в том, что они «з'їли наше сало» и «закатували» наш народ.

Я не знаю лично Юрия Филипповича и в мыслях не держу его судить: Бог ему судья. Но социологический типаж таких людей, заполонивших политическую авансцену на то короткое время, когда политика стала массовой

и непрофессиональной, мне хорошо известен и понятен. Посредственный кинорежиссер Ю.Ф. Черный, вероятно, считал, как и многие «творческие работники», что его таланту не дает расцвести Советская власть. Он, по видимому, искренно верил, что суверенные украинские чиновники в ранге министров толпой ринутся поднимать украинскую культуру. Еще бы: ведь они патриоты и подконтрольны местному населению — не то что союзные министры. Он ратовал за национальный украинский кинематограф, но в реальности получилось так, что фактически он голосовал за его уничтожение. В незалежной Киевская и Одесская киностудии впали в коматозное состояние, Ялтинская киностудия вообще прекратила существование. Через несколько лет славную Одесскую киностудию выставили на продажу. За нее развернулось настоящее сражение. Сам Черный после 1991 года не снял ни одного (!) фильма. Да что там Черный! Выдающиеся мастера украинского кино, уже старики, в 90-е годы подыхали с голоду. Работы для них не стало. Их прежние заслуги никто не хотел учитывать, а некоторые даже ставили в вину. Они плакали от унижения и обиды крупными слезами. И только когда уходили в мир иной, о них снимали душещипательные фильмы, по ходу вписывая их в историю украинской культуры как тайных или явных противников советского режима, при котором они получили хорошее образование и состоялись как личности и творцы.

Конечно, в 1990 году Черный не мог всего этого предвидеть. Он, как и многие подобные ему интеллигенты, обольщался на свой счет, воображал, что он сознательный участник политического процесса, исправляет ошибки прошлого, делает историю в соответствие со своими идеалами (вот где собака зарыта!), дает ей правильное направление. И в этом своем убеждении Черный был опасным демагогом, нахрапистым и наглым. На самом деле он и ему подобные подыграли национальной номенклатуре в ее стремлении обрести исключительный контроль над национальными ресурсами и использовать их в целях личного обогащения.

Среди интеллигентов, которые в 89—91 годах топтали все и вся во имя пресловутой свободы творчества, нашлись люди, их немного, которые впоследствии честно признали свое заблуждение. Один из них — известный кинорежиссер Сергей Соловьев, автор культового позднеперестроечного фильма «Асса». Сегодня он говорит: «Мы все орали вслед за Цоем: «Хотим перемен!» И доорались. Никто не задавался вопросом: каких именно перемен мы хотим. Это казалось само собой разумеющимся. Перемены настали, и мы от них в ужасе отшатнулись».

На смену идеологическому диктату пришел рынок, диктат экономический. Кино стало перебиваться подачками от новоявленных олигархов и откровенных бандитов. Киноискусство уступило место кинобизнесу, а режиссер — продюсеру. Один из нынешних хозяев жизни был пророчески показан в фильме «Асса». Как сказал тот же Соловьев: «Мы думали, что присутствуем на празднике свободы, а это были ее поминки». Трагедия свободы и трагедия интеллигенции идут в России рука об руку. Причем нельзя сказать,

что интеллигенция не приложила к этому руку. Складывается впечатление, что у нее в решительные периоды истории ум и совесть находятся в разладе.

...Кстати, во втором туре выборов в Верховную Раду, состоявшемся 17 марта 1990 года, здравый смысл одесситов победил политическую демагогию с небольшим преимуществом в 1698 голосов в пользу детского врача (Знамя коммунизма 1990).

* * *

Все ветви новой украинской власти за двадцать лет блестяще продемонстрировали на практике, как можно при помощи демократических процедур осуществлять в стране режим государственного беззакония: совершать государственный переворот, менять по договоренности конституцию, превращать народного избранника в послушную единицу партократии и т. д. Секрет полишинеля заключается в том, что и правящая партия, и оппозиция играют в одну и ту же игру против народа. Как заметил один эксперт: «И власть, и оппозиция одним и тем же способом заработали свои состояния. Они представители одной и той же воровской экономики» (Ищенко 2012). Поэтому у нас не оппозиция, а *как бы* оппозиция. Юной демократией в Украине пользовались, как девушкой по вызову, обе команды *как бы* демократов. Отсюда закономерный тупик: голосовать не за кого. Тот хитроумный механизм смены власти, который на Западе экономно эксплуатировали две сотни лет, наши циничные неофиты выработали за двадцать лет. Что дальше?

Но в 1990 году мы были у развилки, в точке бифуркации. Выборы в Верховную Раду 1990 года были самые честные за всю недолгую историю украинского парламентаризма. Это общепризнано. Они проходили по мажоритарной избирательной системе, то есть люди голосовали за личности, а не за партийные списки. Нардепы еще не разбрелись по партийно-криминальным кланам. За ними еще не стояли большие деньги. Может, многие из них сами по себе представляют небольшое зло, но когда они собираются вместе, то «парламент» по отношению к ним звучит как парламентское выражение. Это их темная коллективная карма в первую очередь определила несчастливую судьбу государственного образования под названием Украина.

Любопытно, смог бы С.И. Аппатов, если бы вдруг победил на выборах, вписаться в работу даже такого, еще не обуржуазившегося парламента? В беседе с Игорем Ковалем я спросил его напрямую: «Как думаешь, Семен Иосифович со своей моралью мог бы существовать в современной политике? И получил ожидаемый ответ: *«Я считаю, что Аппатов, как и многие из нас, не был приспособлен для современной политики в нашем государстве, потому что она слишком непрофессиональна, слишком цинична и слишком агрессивна. Такие качества отсутствовали у Аппатова. Я, например, тоже не мыслю себя в политике».*

Вот так! Людей типа Аппатова современная политика не выносит. А это ведь интеллигенты. Следовательно, участие в политике есть тест на неинтеллигентность.

Думаю, все-таки Семен Иосифович нашел бы свою нишу в Верховной Раде. Занимался бы, например, в комиссии по международным связям, внешнеполитическим и внешнеэкономическим делам или перешел на работу в МИД. Но случился фальстарт, и Аппатов благоразумно решил, что публичная политика не для него. Слишком велики моральные перегрузки. Наверное, он был прав. Хотя старый друг Владимир Львович Скалкин «доставал» его:

— Почему ты устранился от политической борьбы, которая идет в нашем городе?

Аппатов отвечал:

— Уже не раз пробовал в ней участвовать, в частности, когда баллотировался в депутаты Верховного Совета Украины. Народ не выразил мне доверия, а народ всегда прав, не так ли?

— Ты не прав, и народ наш часто бывает не прав, слишком ему заморочили голову за многие десятилетия (Аппатов 1994).

Семен Иосифович успокаивал себя тем, что он и так в политике, но в качестве ученого, эксперта, специалиста-международника, который имеет выход на международную деятельность и может быть полезен и в этом качестве замороченному народу.

11. ОТЪЕЗД

Решение С.И. Аппатова покинуть Родину в пенсионном возрасте, чтобы умереть на чужбине, а затем сама эмиграция и три последних года жизни в американском городе Цинцинатти выглядят как двухактная драма, местами переходящую в трагедию. Не такой кончины он заслуживал.

Сначала представлю спектр мнений, а затем изложу собственное видение этой драмы.

Н.Т. Щербань: «Он не хотел уезжать. Это было решение жены и детей. Он мне написал из Америки три письма. Здесь он был известным человеком, а там оказался никем. Он писал, что никогда бы не уехал, если бы не фактор здоровья».

А.И. Домбровский: «Я думаю, что проблема отъезда была. Были серьезные переживания по поводу остающейся школы. Но Семен Иосифович, видимо, стал всерьез ощущать свое нездоровье. Он уже понимал, что у него что-то есть. Он думал, что тамошняя медицина сумеет ему помочь. Да и его любимые дочери жили в США и звали его к себе. Думаю, что если бы он там жил до сих пор, то тянулся бы сюда и душой, и мыслью. Ведь здесь он сложился как советский человек».

О факторе здоровья в решении Аппатова эмигрировать в США автор специально решил поговорить с **В.В. Глебовым**¹.

АВТОР: *Есть мнение, что состояние здоровья подвигло Аппатова к решению об эмиграции в США, где медицина несравненно сильнее, чем в разрушенной рынком Украине и где ему был гарантирован уход со стороны воссоединенной семьи.*

В.В.: Внешне Семен Иосифович всегда выглядел хорошо и никогда не жаловался в нашем присутствии на здоровье. Поэтому говорить, здоров он был или не здоров, просто невозможно. Он всегда был здоров. В конце марта 1994 г. он подал заявку в Ассоциацию международных исследований на участие в 35-й ежегодной конференции в Вашингтоне, и она была удовлетворена. Наша делегация состояла из трех человек: Аппатов Семен Иосифович, Коваль Игорь Николаевич и Глебов Виктор Викторович. Мы, кстати, из Украины были единственные. Конференция работала пять дней, 200 секций, тысячи участников. Конференции такого формата в Соединенных Штатах обычно проходят в больших гостиницах. Семен Иосифович приехал раньше и поселился в гостинице. Когда мы прилетели и добрались до гостиницы, то нам сообщили, что ваш коллега, профессор, при выходе из гостиницы почувствовал себя плохо, потерял сознание и был госпитализирован в близлежащую больницу. Мы созвонились с Семеном Иосифовичем. Он нам рассказал, что у него обнаружили незлокачественную опухоль головного мозга; сейчас проходит обследование, и, возможно, надо будет принимать решение об операции. Мы, молодые, растерялись: как же, завтра в 8.30 начинается конференция, мы выступаем, а Вас не будет. Что нам делать? Мы толком не осознали, что с ним случилось. У Семена Иосифовича было чувство юмора, оно ему не изменило. Он нам сказал: «Как что делать? Выступить со своими докладами. Вы думаете, что кроме вас здесь кто-то лучше владеет вашими темами? Не бойтесь, смелее, ребята! Ну, а вечером позвоните, я уже буду знать, что со мной». Мы позвонили ему, наверное, часов восемь вечера. Он сказал: «Я согласился на операцию». На следующий день мы узнали, что операция прошла успешно, но нас к нему не пустили. Только через два дня после операции нам было разрешено приехать. Госпиталь прекрасный, чистый, там даже лекарствами не пахнет. На этажах вдоль коридоров движется эскалаторная дорожка — хочешь иди, хочешь встань на дорожку и жди, пока она тебя довезет. У каждого больного своя индивидуальная палата, но находиться можно в больнице не более недели. Реабилитация стоит очень дорого. Дальше уже твои проблемы. Потом за Семеном Иосифовичем приехали его дети из Цинцинатти и забрали его с собой.

АВТОР: *А кто заплатил за операцию и пребывание в госпитале?*

В.В.: Один день пребывания в гостинице стоил около тысячи долларов. Раз гражданин Украины, должен оплачивать университет. А это 1994-й год. Таких денег у университета не было. Ректор Игорь Петрович Зелинский вступил

¹ Разговор состоялся 19 января 2012 г.

в полемику с министерством иностранных дел по вопросу, кто должен платить. В общем, университет ничего не платил.

АВТОР: *Так кто же все-таки заплатил?*

В.В.: Не знаю. Скорее всего, организаторы конференции. У нас как участников была страховка. Но ситуация сложилась неприятная. Гласные выяснения, переговоры. Игорь Петрович повел себя, я считаю, не очень корректно. Мол, люди едут на конференцию за границу, с ними там что-то случается, а университет должен платить. Во всяком случае, об этом нельзя было публично распространяться.

АВТОР: Я думаю, эти разговоры произвели большое впечатление на Аппатова. Получается, известный профессор из нашего университета, представляет его за рубежом, делает ему репутацию в мировом научном сообществе, а когда с ним случается беда, университет умывает руки: мол, мы его туда не посылали.

В.В.: Да, конечно, так оно выглядело.

АВТОР: *Мне кажется, этот случай лег на чашу весов, когда Аппатов решал вопрос об эмиграции. Такое не забывается и не прощается. Тут, как говорится, Аппатову организовали момент истины. Кроме того, возможно, врачи предупредили Семена Иосифовича, что после операции могут быть рецидивы, а такого рода врачебную помощь на Украине получить уже было проблематично. Я думаю, это большой аргумент со стороны семьи: здесь, в Америке, за тобой будут следить лучше, диагноз поставят правильный, если понадобится, операцию сделают качественнее.*

В.В.: Я об этом ничего не знаю, но думаю, что он знал, что у него есть такая проблема. В сентябре 1999 года ему было сделано шунтирование, а умер он по онкологическому диагнозу, но не связанному с головой. По-моему, ему вырезали родинку на спине.

Итак, складывается такая картина: Аппатов придавал огромное значение здоровью — это залог работоспособности. А он — человек системы. Он следил за своим здоровьем, в молодости играл в волейбол, занимался гимнастикой, в зрелом возрасте бегал трусцой, моржевал, совершал оздоровительные прогулки, ну и, конечно, ежедневная усиленная физзарядка и прием контрастного душа. Когда он лег под хирургический нож, то впервые в жизни заглянул в бездну. Удача ему улыбнулась: он был в США, когда опухоль головного мозга дала о себе знать. Вот как он сам пишет об этом: «В 1994 г. в Вашингтоне во время участия в международной научной конференции мне провели сложную черепную операцию, спасшую жизнь. Спасибо американским хирургам! Могу полноценно, — даже лучше прежнего! — работать и получать удовольствие от жизни» (Райнов 1999: 57). Звучит бравурно, однако верится с трудом. После переезда в США его организм «посыпался»: сначала сердце, потом онкозаболевание кожи. Получается, что одного фактора здоровья хватило бы для того, чтобы решиться на отъезд из страны. Но ведь еще более существенным мотивом было то, что там, куда он ехал,

была его семья — обе дочери с мужьями и внучками. Журналист Феликс Кохрихт сказал мне: «Я не могу поставить себя на место Семена. Не у меня две взрослые дочери и внуки, живущие в Америке, но если бы он умер в Одессе, то это было бы важным печальным событием для одесситов. Работу бы не прекратили, но тысячи людей мысленно поклонились бы его памяти, сокрушаясь о его уходе. А в Америке он умер в безвестности. Это — факт».

О том, что С.И. Аппатов уезжает на ПМЖ в США, автор этих строк узнал «под большим секретом» от Пети Райнова во время нашей прогулки по городу. Припоминаю, что наш разговор состоялся в мае 1999 года. Я не поверил. Но Петя сказал, что это решенное дело, семья «дожала». Так или иначе, решение об эмиграции принималось с тяжелым чувством. Оставаться на старости лет в отрыве от горячо любимых дочерей и внуков было невыносимо, но, уезжая из Одессы, он терял большую часть самого себя, то, что сам в себе ценил и уважал: верность своему делу и профессии. Семен Иосифович тщательно взвесил все плюсы и минусы и принял решение, которое устраивало семью, то есть большинство самых близких ему людей. Но не думаю, что, придя к этому решению, он душевно успокоился. Он взбадривал сам себя. Ему хотелось верить в перспективу, хотя червь сомнений грыз его постоянно. Он боролся со своими сомнениями и, кажется, убедил себя.

На прощальном банкете, устроенном Семеном Иосифовичем для сотрудников Института социальных наук, я сказал что-то вроде: «Мы уже жалеем о Вашем отъезде, а Вам еще предстоит, и не раз, пожалеть об этом». Вышло не очень учтиво, но сказал, что думал. Уж очень нелогично, неправильно выглядел его отъезд в Америку именно тогда, когда он вошел в силу, вышел на оперативный простор. Ведь в новоиспеченной стране Украине Аппатов сразу превратился в ведущего американиста со своей школой и направлением. К этому он шел всю жизнь. И вдруг такое решение. Но это была одна сторона дела. Аппатов же принимал решение, учитывая и другие обстоятельства. Драматизм ситуации был налицо. И сам Семен Иосифович осознавал его, конечно, лучше других.

Выше приведены некоторые факты и суждения по поводу причин эмиграции С.И. Аппатова. В них имеется элемент домысла, поскольку не в характере Семена Иосифовича было откровенничать и объясняться даже с близкими сотрудниками. Так, по словам И.Н. Ковалева, для него решение Семена Иосифовича было как удар обухом по голове. Он готовился к защите докторской и очень рассчитывал на помощь Учителя. Да и открытое в 1996 году отделение международных отношений, перестройка работы кафедры требовали методических и организационных усилий. В этой связи авторитет, организаторский опыт и знания Семена Иосифовича были очень востребованы. Он, конечно, прочувствовал ситуацию, пригласил Игоря Николаевича к себе домой. Был непростой разговор. Было напутствие: «Ты справишься, Игорь. Ты уже созрел для руководства».

Окончательно вопрос о мотивах и обстоятельствах принятия тяжелого решения об эмиграции в США могла прояснить только семья. Но как раз на

нее автор не рассчитывал и сильно ошибался. Через нашу общую знакомую им, вдове Семена Иосифовича Нинель Михайловне Мазур, дочерям Регине и Виктории и сестре Ларисе Иосифовне Аппатовой, стало известно, что я работаю над книгой, в которой одним из героев будет С.И. 1 сентября 2012 года я получил первое письмо по электронной почте от Регины Семеновны, в котором она писала о желании семьи помочь в моей работе. Мы вступили в переписку, и я стал получать ответы на интересующие меня вопросы. Так, в письме от 10 сентября 2012 года Регина мне написала: «Мой папа до последней минуты сопротивлялся настойчивым уговорам моей сестры переехать жить в Америку. Он был в самом расцвете своей карьеры и не хотел соглашаться с тем, что они с мамой в скором времени встретят старость в одиночестве. Ведь я жила и работала в Москве, в ожидании разрешения на выезд; Вита с семьёй — в Америке. И только когда американские эмиграционные службы поставили вопрос ребром об ограниченном периоде времени выезда на ПМЖ (постоянное место жительства), Семён Иосифович осознал серьёзность ситуации. Он выбрал семью».

16 сентября 2012 года Регина написала мне: «Уважаемый Геннадий! Посылаю Вам в нескольких сообщениях разные материалы, о которых вы просили. Среди них — интересный сюрприз, о котором никто из нас не подозревал. В одном из ящиков папиного стола мы нашли письмо, адресованное им к самому себе. Уверенна, что оно будет полезно в ответах на некоторые ваши вопросы».

Да, это был действительно сюрприз. И еще какой! Написанное рукой самого Аппатова письмо было датировано 30 июля 2002 года, то есть за восемь месяцев до его смерти. Видимо, Семена Иосифовича всерьез мучила ситуация, которая позволяла по-разному толковать его отъезд, в том числе и в недопустимом для него моральном аспекте. Применяв литературный прием интервью, старый профессор, конечно же, обращался к своим ученикам, к тем, кого оставил в Одессе, и надеялся объясниться с ними без оправдательных коннотаций. Для меня как автора биографического сочинения получение в такой момент этого послания значило факт метафизического общения со своим героем. Ибо выстраивая цепь своих умозаключений на основе бесед с учениками, коллегами и друзьями Аппатова, задавая вопросы, которые вытекали из нестыковок, догадок и аналитических соображений, я писал в терминах вероятности, поскольку не располагал личными свидетельствами самого Семена Иосифовича. Текст писался мною в 2011 — первой половине 2012 года. А в это время в столе Семена Иосифовича с 2002 года лежал документ в четыре странички, в котором содержались искомые свидетельства и который подтвердил правильность авторских рассуждений. В силу важности привожу текст этого документа полностью.

07.30.2002

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ, КОТОРЫЕ Я ХОЧУ ПОСТАВИТЬ СЕБЕ САМ, И ДАТЬ НА НИХ ЧЕСТНЫЕ ОТВЕТЫ

Вопрос: С.И., незадолго до Вашего отъезда вышла книга П.Я. Райнова «Изучая международные отношения» — о Вашей жизни и творческом пути. Она была пронизана оптимизмом и в заключительной части Вашими словами говорила о новых творческих планах и задачах вверенного Вам коллектива и, уж совсем, не о планах скорой эмиграции. Нет ли здесь противоречия с действительностью? Или другими словами: «Не жалеете ли о принятом решении об отъезде из страны?» Этот вопрос задают многие, в т. ч. Ваши друзья, сотрудники, многие одесситы, для которых не безразлично Ваше решение, Ваш пример.

Ответ: Если сказать коротко, без объяснений, то «не жалею!» И это — ответ глубоко осознанный, хотя не совсем понятный всем моим коллегам, ученикам, попутчикам на многолетнем жизненном пути...

Поэтому, видимо, есть необходимость в более распространенном ответе, чтобы не было скороспелых объяснений, кривотолков, каких-то надуманных объяснений.

Это необходимо, прежде всего, для моих учеников и последователей, для тех, кто составляет и сегодня нашу общую научную школу и для которых я был и остаюсь основателем этой школы с ее славными традициями и, позволю себе сказать, идеалами...

Начну с того, что в каждой профессии есть период, когда возраст становится препятствием для дальнейшего эффективного руководства, особенно когда это касается научного коллектива, где настоящий руководитель должен видеть дальше, глубже, многостороннее, чем его последователи. Нет готового рецепта: это может случиться и в 50 лет, и в 80 лет. Перед отъездом мне оставалось несколько месяцев до 70-летия. Сказать, что я иссяк в своей роли руководителя школы, научного центра, было бы неверным. Более того, дела были на подъеме и вполне соответствовали оптимистическому тону книги, на которую Вы ссылались.

Вполне возможно, что я еще не один год мог исполнять свои обязанности, и уважение окружающих, накопленный опыт, сила авторитета держали бы меня, образно выражаясь, «на плаву»... Но я всегда себе говорил: «Надо уйти красиво, в ореоле успеха, без всяких скрытых (не говоря уже о явных) выражениях сочувствия и сожалений... И, как мне кажется, я этого добился. Тот, кто присутствовал на прощальной встрече с сотрудниками кафедры и Центра, а затем на презентации коллективной монографии в Доме Ученых, не может не согласиться со мной...

Я вспоминаю о некоторых моих коллегам — уважаемых профессорах университета, перешагнувших этот опасный рубеж и цепляющихся за свое рабочее

место... Не буду их осуждать: прожить на пенсию, даже профессорскую, очень трудно. Но оказаться в их роли я не хотел. Но... сказать только это — в оправдание эмиграции из дорогого мне города и любимой работы — было бы неправдой.

Кроме служебных и общественных дел всегда есть дела личные, семейные. Вот они-то и стали мощным ускорителем развития событий. Уже около десяти лет младшая дочь с семьей осела в США, старшая дочь подготовилась к отъезду с внучкой. Так что самые близкие люди, дочери и три внуки, оказывались вдалеке. У нас всегда была дружная семья. Переоценить ее влияние просто невозможно. Перспектива стареть в одиночестве в отрыве от самых близких людей нависла над нами неотвратимо. Но даже с учетом всего вышесказанного мы не спешили с отъездом, оттягивая его поелику возможно.

Неизвестно, как бы дальше разворачивались события и сколько времени мы бы «тянули резину», если бы не зависящие от нас силы не явились мощным форсирующим фактором. В связи с решением американских властей возможности льготного воссоединения с детьми (материальная помощь, бесплатное медицинское обслуживание и др.) были оговорены жесткими (до полугода) временными рамками отъезда. «Окно» могло закрыться навсегда... Так что час пробил. Выезжать позже и становиться материальной обузой детей в чужой стране мы не могли себе позволить. А рассчитывать на работу в возрасте 70 лет было бессмысленно.

Такова краткая история нашей эмиграции. И последнее. Будучи более тридцати лет связан со своим учебным и научным коллективом, я мог задуматься над вопросом: «А не является ли мой отъезд предательством в отношении моих учеников, единомышленников, коллег? Нет, отвечаю я себе. Третий век работы в университете и особенно в условиях специальной кафедры и исследовательского Центра не прошли напрасно. Пятнадцать кандидатов исторических и политических наук, подготовленных под моим руководством, — это достойная смена для продолжения начатого дела. Но этого мало. Для научного коллектива, да и для учебного подразделения нужен лидер. Я подготовил такого. Это — И.Н. Коваль, не случайно защитивший докторскую диссертацию по горячим следам моего отъезда. Так что и в этом отношении совесть моя чиста. И сейчас по инерции, издали я оказываю помощь моим ученикам, и «задел», сделанный несколько лет тому назад, дает свои плоды...

Вопрос (последний): Нет ли «томления духа», внутренней глубокой неудовлетворенности содеянным?

Ответ: Конечно, все не так спокойно и гармонично, как может показаться... Десятилетия творческого труда в коллективе, который сам создал, выпестовал и от которого получал огромное моральное удовлетворение, не оставили равнодушным (мягко говоря)... Покинут любимый город, который снится по ночам, круг друзей (правда, уже очень узкий), а, главное, ученики и последователи, то, что можно назвать семьей, научной творческой семьей.

Но, как говорится, все в свое время... Острота потерь сглаживается со временем. Удовлетворение за дальнейшее успешное развитие кафедры и научного Центра несомненно. Единая семья, радость от общения с детьми и внуками не имеет границ. А по возрасту есть и новые (вернее, забытые старые) занятия: чтение лекций для соплеменников, активная общественная деятельность в русскоязычной общине, интересные впечатления от поездок по стране и за рубежом. Невольно вспоминаются слова из песенки Алисы Фрейндлих: «Есть в возрасте любом своя прелесть...»

И последнее. Тот, кто до конца дочитал книгу П. Райнова, должен был обратить внимание на заключение — мои личные пожелания ученикам и коллегам. В них содержится мое «политическое завещание» и, конечно, намек на неизбежное расставание...

Выше я писал, что сам С.И. подтвердил правильность моей реконструкции, но в одном существенном вопросе Семен Иосифович сбил меня с толку именно потому, что я внимательно читал его вставку в книжке. В ней профессор сам пишет о себе, своей творческой жизни, учениках и планах на будущее. Четко, в 12 пунктах, Семен Иосифович изложил все составляющие его биографии. И вот что бросается в глаза: никакой усталости от жизни, наоборот, эти страницы пронизывает бодрость духа, творческий тонус и вера в будущее. Так, в первом пункте С.И. дал периодизацию своей творческой жизни. Последний период — 1991 год и поныне — он охарактеризовал следующими словами: «новая творческая волна и осуществление заветных планов» (Райнов 1999: 54). Согласитесь, для пенсионера это странно. Далее, в последнем, 12-м, пункте он пишет: **«НАСТРОЙ. Наступил, видимо, период не только «пожинания плодов», но и большой творческой зрелости (может быть, мудрости?) . И при нормальной, слава богу, трудоспособности есть огромное удовлетворение от своих учеников и продолжателей общего дела, от расширения деятельности кафедры, ЦМИ и отделения международных отношений. Есть новые перспективные планы научного, лекционного и журналистского творчества. Есть ощущение качественно нового подъёма. Настрой боевой»** (Там же — 58).

Это было написано в 1998 году. Книга была сдана в набор 2 апреля 1999 г. Было еще одно письменное напутствие к коллегам-ученикам, датированное 30 июня 1999 г. Семен Иосифович закончил его следующим пассажем: *«Хочу сказать, что я не собираюсь ставить точку в своей творческой биографии. Кроме планов работы в другой стране, я не мыслю себе разрыва с творческим коллективом кафедры и Центра. Видимо, мы проведем специальное заседание ЦМИ, где обсудим планы дальнейшей совместной работы, в частности подготовки новой коллективной монографии. Средства e-mail вполне это позволяют. <...> Можете считать меня заграничным членом коллектива».*

Итак, налицо планы работы в другой стране и тесного сотрудничества с родной кафедрой, благо мир живет без железных занавесов. Интернет,

технология скайп позволяют проводить в режиме online совещания, обсуждения, конференции. В этом же году, 7 августа, С.И. Аппатов эмигрировал в Америку. Ему было 69 лет. 70-летний юбилей он отмечал уже в Цинцинатти, где обосновался. Через три с лишним года он умер. За это время он написал несколько статей в тамошних эмигрантских газетах. Все. Поневоле приходишь к выводу, что эмиграция его подрубила, если не сказать больше. Складывалось такое впечатление, что что-то не сложилось, что-то пошло не так, как рассчитывал Семен Иосифович.

Я предположил, что он пришелся «не ко двору». В самом деле, кем был, с позиции тамошней публики, профессор Аппатов? Человек, который всю жизнь провел в лагере врагов Америки, работал в пропагандистской системе, то есть был профессиональным обличителем «агрессивного американского империализма». Стоит только бросить беглый взгляд на библиографию его работ, то станет понятно, что он смотрел на «мир глазами советского человека» (так называлась одна из его публикаций), а когда в США разворачивалась очередная антисоветская кампания, то предупреждал: «Осторожно, «бешеные»!» (так называлась другая публикация). Да и буржуазные концепции внешней политики СССР были в его освещении подозрительно несостоятельны. То, что он был советским либералом и стремился выглядеть объективным аналитиком, — эта такая деталь, которая из-за океана едва ли различима. Кто жестче стелил, кто мягче — какая разница в конце концов? Все они комуняки. Какая для американцев, например, разница между Сталиным, Троцким и Бухариным? Все трое — большевики, коммунисты, ярые враги буржуазного мира, то есть их враги. Сталин в жесткой конкуренции за власть убил Троцкого и Бухарина. Это понятно. Трупы врагов хорошо пахнут. Поэтому никто из янки *за это* Сталина не винит.

Одна из дочерей якобы сказала Семену Иосифовичу: «Папа, поменьше выступай. Если узнают, что ты в Советском Союзе был коммунистом, это может повредить моему мужу». Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Пресловутая американская свобода мысли и убеждений обернулась своей изнанкой, а на изнанке написано: хороший коммунист — мертвый коммунист. В общем, в новых условиях Аппатов стал испытывать знакомый ему по Союзу жесткий моральный прессинг. Он не вписывался в местную среду, его способность к адаптации находила свою естественную границу в его интеллигентности, научной культуре и советском воспитании.

Ранее, бывая в Соединенных Штатах в командировках и выступая перед американскими аудиториями, С.И. Аппатов занимал сбалансированную позицию, вполне созвучную американским либералам. И к нему прислушались. Он был интересен своим иноземным коллегам и как личность, и как незапороженный идеологией человек, и как интеллигент, представлявший другую сторону. А со стороны оно виднее.

Теперь же его землей стала земля Америки. И он сделал для себя неприятное открытие, что в профессоре Аппатове как специалисте, а не как в представителе сверхдержавы, во всем оппонировавшей США, здесь не нуждались.

Фокус в том, что американцам не нужна американская историография внешней политики в изложении чужаков, будь то русские или французы. Ведь чужая историография так или иначе завязана на чужую систему ценностей, а их полностью устраивает только своя. Они имеют собственные историографические школы. Зачем же им расширять «кругозор» и тратить время на то, что раньше нужно было подавить, а сейчас в этом нет никакой нужды, поскольку сами преклонили колени? И разве эмигрант Аппатов не есть тому яркое подтверждение? Но, главное, они чисто прагматически делали ставку на молодых, за которыми будущее — на учеников Аппатова и, особенно, на учеников учеников, которым чуть более за тридцать. Их не надо ни в чем убеждать и переучивать; их надо просто приласкать грантами, натаскать и запустить обратно как агентов влияния в ту страну, откуда они приехали. Римская поговорка гласит: «*qui facit per alium facit per se*. [Кто делает чужими руками — делает сам (лат.)]. Американцы учатся у древлян римлян, этих истинных империалистов, решать свои вопросы руками своих клиентов¹.

Итак, С.И. Аппатов совершил прыжок на свободу, а она оказалась вакуумом, который его раздавил. Думаю, Петя Райнов с его психологией другого поколения и с запасом времени и жизненных сил, наверное, смог пережить разочарование и приспособиться к американизму. Но не его учитель.

Так думал я. И не только я. На мой прямой вопрос И.Н. Коваль сказал: «Моя версия такова. В Америке он пережил тяжелый стресс, который

¹ Судя по тому, что я сейчас наблюдаю, эта программа реализуется. К слову, мне странно видеть восхищение некоторых молодых коллег У. Черчиллем, который так «славно» медлил с открытием второго фронта, зато оказался в числе первых трубадуров «холодной войны». Мао Цзедун сказал: «Черчилль такой же демократ, как я капитан китобойного флота». А если демократия тут не причем, то как крепкий профессиональный политик Черчилль значительно уступал Сталину. Он и сам знал это, робел и терялся, как ученик перед учителем. Сталин, конечно, живодер, но это здесь не причем так же, как и демократия. Но восхищаться Черчиллем и вносить Сталина ныне модно среди западной публики и в том числе среди некоторых отечественных политологов, которые вроде бы должны некоторые вещи додумывать до конца. Черчилль был современником Махатмы Ганди. Ганди — это вершина Эвереста, тогда как Черчилль — его подножие. Возможно, Черчилль выглядит политическим гением XX века, но это характеризует не Черчилля, а уровень века. Уровень, на котором находился сам Черчилль, точно указан в его собственном афоризме: «Я люблю свиней. Собаки смотрят на нас снизу вверх. Кошки смотрят на нас сверху вниз. Свиньи смотрят на нас как на равных».

То же самое можно сказать об отношении нашей политологической молодежи к НАТО. У нас образовалась группа симпатиков этой организации. Между тем, по воспоминаниям В.В. Глебова, Семен Иосифович говорил, что сейчас молодежь увлекается гуманитарными программами, которые разрабатывает НАТО, но не должно складываться мнения, что сегодня эта военная организация эволюционирует в гуманитарную. Она есть и будет военно-стратегическим блоком, силовой организацией, которой свойственны вполне определенные методы решения международных кризисных ситуаций. Конечно, необходимо сотрудничать с НАТО, потому что речь идет о создании потенциала доверия. Без доверия не бывает реальных проектов, которые будут полезны прежде всего для людей. Как говорится, почувствуйте разницу.

сказался на его здоровье. Мы ведь многое не знаем о влиянии психологии на организм. Здесь он был максимально востребован — преподавание, кафедра, научная работа, ученики, конференции, проекты, книги, а там он по существу оказался никому не нужен. Он попытался вписаться в местный эмигрантский круг, но это были люди не его уровня и не его интересов. Думаю, именно тяжелая психологическая ситуация стала спусковым механизмом болезни и последующей смерти». Примерно то же самое мне сказали Н.Т. Щербань, состоявший в переписке с С.И., и В.В. Глебов.

Но теперь, в свете письма Аппатова, ситуация выглядит несколько иначе. Оптимизм и энтузиазм Семена Иосифовича оказались деланными. Он убеждал себя и других в том, что его эмиграция отрицательно не скажется на деле и даже в чем-то окажется весьма полезной. Зачем он это делал? Зачем обманывал себя и других?

Я также думал: профессора такого уровня на дороге не валяются, да и знакомства в американских академических кругах у него были. Надежда, как известно, умирает последней. Поэтому задал вопрос родным: когда С.И. собирался на ПМЖ в Америку, у него были конкретные планы на работу, предварительные договоренности?

От жены С.И. Нинель Михайловны получил короткий и энергичный ответ: «Нет!» Дочь Виктория Семеновна ответила пространно: «Не думаю. Я думаю, что он закрыл активную рабочую страницу в своей биографии и был готов заняться чем-то новым. Он продолжал общаться на дружеском уровне с некоторыми бывшими американскими коллегами, но я практически уверена, что никаких планов на публикации или лекции у него не было. Произошло другое: папа активно окунулся в жизнь русскоязычной общины, и в особенности пенсионерской ее части. Вернее сказать, жизнь у цинциннатских русскоязычных пенсионеров была довольно скучная, пока не приехал папа. Довольно быстро он вошел в правление городской Еврейской Федерации, которая здесь очень сильна, богата и влиятельна. Не знаю, что конкретно он там делал (он всегда отшучивался, когда я спрашивала, думая, что мы слишком далеки от этих «эмигрантско-пенсионерских проблем»), но все как-то закрутилось по-новому. Я стала слышать от других пожилых людей, что появились еженедельные лекции, какие-то поездки, экскурсии, появились деньги на какие-то увеселения, на праздники и т.д. Я видела, что его знают и уважают не только русскоязычные пенсионеры, но и представители Еврейской Федерации города. Он очень быстро стал заметной фигурой. Пока не заболел. Но это уже отдельная история».

Таким образом, вырисовывается следующая картина. Профессор Аппатов не только уезжал из Одессы в Америку, он уходил из профессии. Навсегда. Поскольку, по его же трезвому суждению, «рассчитывать на работу в возрасте 70 лет было бессмысленно». На фоне собственных слов о новой волне творчества, о поре осуществления заветных планов он готовился резко оборвать профессиональную и творческую жизнь. А это уже трагическая ситуация для творческого человека.

В свете этой картины меняется перспектива, взгляд на то, что считал для себя главным Семен Иосифович после того, как принял решение об эмиграции. А главным он считал память о себе и завещание ученикам.

Как родился замысел документальной повести «Изучая международные отношения... О жизни и творчестве С.И. Аппатова», об этом лучше всех знает сам автор. Но я не могу отделаться от стойкого впечатления, что книга представляет собой подробный отчет героя повести о том, что им было сделано в этой жизни. Это было генеральное подведение итогов. Очевидно, многие факты, подробности и мотивы, изложенные в повести, оказались бы вне поля зрения П. Райнова без конкретного и плотного участия Семена Иосифовича. Это именно он захотел рассказать о себе и двигал пером своего ученика.

Книга писалась в 1998 году. Вероятно, тогда уже им было принято решение об эмиграции. 4 февраля 1999 г. Семен Иосифович организовал фотосессию со своими ничего не подозревавшими коллегами-учениками по кафедре. Они фотографировались в разных местах города, на побережье моря, в Доме Ученых. Только после этого на заседании кафедры он объявил о своем решении, чем ввел некоторых сотрудников в состояние шока. И, наконец, он письменно обратился к своим коллегам с документом, который озаглавил так: «Советы коллегам по основным вопросам научно-исследовательской, учебно-методической и организационной работы на кафедре Международных отношений, отделении Международных отношений и Центре международных отношений». Это и было самое настоящее завещание¹.

Живет ныне в Австралии очень хороший одесский поэт Юрий Михайлик. Он так же, как и Семен Иосифович, неожиданно для окружающих принял решение и эмигрировал в конце апреля 1993 года. У него есть следующие строчки:

Ах, как сладко выбирать —
где придется умирать,
То ли там, от ностальгии —
Задыхаясь и дрожа.
То ль от здешней хирургии —
от кастета и ножа.
На излете глупой жизни
Этот выбор все трудней:
там — от нежности к отчизне,
здесь — от ненависти к ней.

¹ В силу его, можно сказать, непреходящей педагогической ценности я публикую его полностью в приложении к этой книге.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГРАЖДАНСТВЕННЫЙ СОЦИОЛОГ ПРОФЕССОР ПОПОВА

Минуло уже пять лет с тех пор, как Ирина Марковна Попова (3.03.1931 — 28.05.2008) покинула этот мир, который был объектом ее пристального интереса. Душевная рана заросла, родилась потребность запечатлеть образ духовно родственного человека. Память об ушедшем человеке как способ осмысления и организации жизни тех, кто остался, рождает поток сознания. Размышления о личности и жизни Ирины Марковны Поповой в профессии, в общении с людьми и обстоятельствах ее времени. Их я и предлагаю читателю.

1. ХАРАКТЕР

Характер — это совокупность человеческих качеств, которые образуют волевой статус личности; это — то, что личность предъявляет миру и посредством чего она выстраивает свои отношения с ним; это — то, что близко к константе. Характер — это судьба. Как известно, в критический момент апостол Петр трижды предал Христа, хотя искренно был убежден в своей любви к Учителю. Вряд ли это бросает тень на те ценности, которые проповедовал Иисус Христос. Но Петра это характеризует как слабого человека.

У Ирины Марковны Поповой были свои «моменты истины». Она совершала поступки, которые, подобно референтным точкам, обозначают прямую линию ее характера. Приведу три эпизода.

Эпизод первый. Будучи совсем молодым преподавателем, она оказалась в ситуации, которая могла сломать ей жизнь. Она отстояла себя. Дело было после 1956 года. В Москве с целью усиления борьбы с культом личности проводилось всесоюзное совещание заведующих кафедрами общественных наук. На нем в первый день с докладом выступил сам Суслов, могущественный секретарь ЦК, серый кардинал, главный идеолог страны. Он привел примеры неизжитости культа личности в преподавании и среди других назвал имя Ирины Марковны. Участником совещания был муж Поповой Леонид Николаевич Курчиков, заведовавший тогда кафедрой Одесского института связи. Поскольку это было время зимних каникул, то Ирина Марковна поехала в Москву вместе с ним поработать в Ленинской библиотеке. Можно себе представить ее состояние, когда на ее вопрос «Ну, что там сказал Суслов?» он ответил: «Он говорил о тебе». Будто бы она в своей лекции воспроизвела сталинское понимание соотношения революции и эволюции. У нее действительно на лекции по диамату присутствовал член комиссии ЦК КПСС, преподаватель из МГУ

некто Кузьмин. Так ведь после лекции он похвалил ее: мол, так и нужно читать. Что делать? Она принимает решение. На следующий день проходит сквозь заслоны в зал заседания и просит слова. Ей не дают. И когда совещание уже закрыли, люди встали с мест и направились к выходу, она выбежала на сцену и громко выкрикнула: «Товарищи! То, что произошло со мной, может произойти с каждым из вас. Прошу всех сесть и выслушать меня». Люди остановились. Кто сел, кто слушал ее стоя. Она стала быстро рассказывать, как было на самом деле, а в конце заявила, что то, как обошлись с ней, и есть рецидив культа личности. Когда она сошла с трибуны, в зале возник большой шум. Вокруг нее забегали номенклатурные мальчишки, стали расспрашивать. На следующий день ее вызвали в ЦК для объяснений.

А в это время в Одессе уже сидела комиссия из Киева и буквально шерстила кафедру философии Одесского университета. Они забрали для изучения все, что было написано Ириной Марковной. К счастью, была стенограмма той ее открытой лекции, на которой присутствовал Кузьмин. Кончилась эта история тем, что ее вызвали в обком партии и сказали, что звонили из ЦК и просили перед ней извиниться.

Эпизод второй. Укрывательство «врага режима». Однажды вечером к ним в дверь постучали. На пороге стоял Рой Медведев почему-то в наклеенных усах. Вопросительно на них посмотрел. Медведев был их однокашником по философскому факультету Ленинградского университета. Они дружили со студенческих времен, поэтому очень обрадовались ему. Он объяснил и попросил спрятать его от кэббистов. Они поселили его в своем дачном домике, который снимали в Холодной балке. Он там довольно долго жил, несколько месяцев. В беседе с Л.Н. Курчиковым я затронул этот эпизод.

АВТОР: *Вы прятали у себя на даче Роя Медведева. Не боялись, что вас могут серьезно наказать, лишить работы, исключить из партии и даже посадить за укрывательство диссидента?*

Л.Н.: Мы как-то не задумывались, что это может нас коснуться.

АВТОР: *Почему?*

Л.Н.: (после паузы) ...Ну, не боялись и все. Тогда он написал первую серьезную книгу о культе личности «К суду истории» и передал ее к публикации на Запад. Он почувствовал, что над ним сгустились тучи, и решил на время исчезнуть из Москвы, пока книга не выйдет в печати.

АВТОР: *Извините, разве публикация книги на Западе гарантировала от репрессий? По-моему, с этого все начиналось, если вспомнить Пастернака.*

Л.Н.: Гарантировала. Во всяком случае, он так считал. У него были связи с итальянскими коммунистами. Он на них рассчитывал. Как только его книга вышла на Западе, он вернулся в Москву. Тогда председателем КГБ был Андропов. Насколько я вспоминаю разговоры с Роем, он эту книгу воспринял положительно. Впрочем, за квартирой Роя было установлено постоянное наблюдение. На лестничной площадке дежурил офицер КГБ. У них со временем возникли дружеские отношения. Галя, жена Роя, приглашала его обедать.

Эпизод третий. Письмо в газету 19 августа 1991 года. Оно было напечатано 20 августа в газете «Знамя коммунизма» под заголовком «С точки зрения социолога», хотя ничего социологического не содержало. Это был гражданский протест против установления в стране режима ГКЧП. Ирина Марковна назвала вещи своими именами: это военный переворот, незаконная, неконституционная акция. И заявила: «Считаю, что единственным верным ответом этой преступной акции является ненасильственное гражданское неповиновение самозваной власти» (Попова 2011: 538).

Более суровый экзамен на гражданское мужество трудно себе представить. Я помню те три роковых дня. Все оказались перед выбором. Украина замерла в замешательстве. Кравчук в Киеве струсил, «завилял хвостом». Потом, задним числом, он выдавал свою позицию за верх государственной мудрости. Главный начальник в Одессе Руслан Боделан играл роль великого немого. Среди известных людей, с положением так публично и решительно, как это сделала Ирина Марковна, протестовали единицы.

Беседуя с близкими и хорошо знавшими Ирину Марковну людьми, я задавал им всем один и тот же вопрос: какие черты характера И.М. доминировали в ней? Вот как они на него отвечали.

Леонид Николаевич Курчиков:

— Главная черта, наверное, — это равнодушие к той действительности, в которой она оказывалась, начиная с учебы в университете и кончая ее деятельностью в Одессе. Особенно это качество ярко проявилось в ней в годы «перестройки». Как только начал рождаться Рух — он же рождался в Институте философии в Киеве — она активно включилась в его работу, а как только он начал становиться националистическим, резко отошла. Потом история с ГКЧП... Ирина Марковна активно реагировала на события. Это выливалось в статьи, научные и, в первую очередь, публицистические.

С моей точки зрения, она относилась к себе очень критически. В 90-е годы ей прислали письмо из Нью-Йоркской академии наук с предложением стать ее членом. Там, между прочим, вступительный взнос 100 долларов, потом годовые взносы... Она написала письмо Владимиру Шляпентоху, в котором спросила его, что представляет собой Нью-Йоркская академия наук. Мы быстро получили ответ. Он написал, что это вроде клуба собаководства. (Смеется). Многие клюнули на это «заманчивое» предложение. Например, Уёмов¹ не удержался. (Мы оба смеемся).

Галина Петровна Бессокирная²:

— Думаю, самая главная черта — любовь к людям. Она была внимательной и доброжелательной не только к своим друзьям, не только к сотрудникам,

¹ УЁМОВ Авенир Иванович (1928—2012) — д-р филос. наук, крупный советский логик, специалист в области теории систем, неформальный лидер одесских философов.

² БЕССОКИРНАЯ Г.П. — канд. эконом. наук, ученица и соавтор И.М., ныне живет и работает в Москве, старший научный сотрудник Института социологии РАН.

но и ко всем людям, которые к ней обращались за помощью или советом. И, конечно, глубокий ум. Больше я такого среди наших социологов не встречала, к большому сожалению. И, пожалуй, принципиальность. Эта принципиальность вполне органично сочеталась с доброжелательностью. Очень редкий случай, по-моему.

Эмма Августовна Гансова¹:

— У нее в характере был только один план, и эта однозначность немножечко раздражала. В отношении к людям, например. Сколько приходилось говорить: «Ирина Марковна, человек — это сложный, внутренний мир. Сразу человека не узнаешь». Нет, она не менялась. Она не видела многообразия сторон и цветов в человеке. Она, наверное, имела права на прямолинейность. Это было в ее характере. При этом ее нельзя обвинить в том, что она могла себе позволить какие-то неблагоприятные поступки по отношению к людям, которые ей не нравились. Если ей кто-то не нравился в научном или моральном плане, она открыто говорила это, и человек знал ее отношение.

Николай Трофимович Щербань:

— Ирина Марковна Попова — мой кумир. Во-первых, человек фантастической порядочности; во-вторых, она была очень смелым человеком и позволяла себе даже в худшие времена говорить то, что думала; в-третьих, она была естественным человеком во всем, прежде всего в общении с людьми.

Она регулярно заходила к нам в редакцию. Высказывалась по поводу опубликованных материалов. Иногда упрекала меня в недосказанности или нежелании обострять. Я ей говорил, что если бы я не смягчил и пошел «до конца», то партком мог мне «объявить импичмент». Она часто говорила мне, что «у меня такое впечатление, что я работаю сама на себя. То, что мы делаем, никому не нужно. Ту информацию, которую мы получаем в ходе исследования, кладут «под сукно». Глас вопиющего в пустыне».

Она, между прочим, очень болезненно отреагировала на развал Союза. Человек до мозга костей демократичный, понимающий фатальные пороки системы партийной номенклатуры и прочие оковы тяжкие, она тем не менее была как-то удручена исходом. Как я сейчас понимаю, она отдавала себе отчет в тяжелых последствиях этого развала для миллионов простых людей. Поэтому приняла ту ситуацию близко к сердцу и очень переживала за случившееся.

В моральном плане она была бескомпромиссной. Она не могла простить нечестности и, тем более, предательства. Не каждый может себе позволить такую позицию. Какой силы воли и убеждения надо быть, чтобы на корню отрицать оппортунизм и конформизм в человеческих отношениях! Когда нам удавалось встретиться и переговорить о событиях университетского масштаба, она никогда не позволяла себе негативно отзываться о людях, сплетничать.

¹ ГАНСОВА Э.А. — ученица И. М., доктор филос. наук, профессор

Оценки людям давала, но речь шла о принципиальных вопросах, о деле, а не о том, кто, когда и с кем.

Что правда, то правда: Ирина Марковна не прятала своего отношения к людям и не дипломатничала. Люди ее побаивались и замирали, когда она шла к трибуне выступать, будь то партийное собрание или специализированный совет по защите диссертаций. Когда Э.А. Гансова принимала поздравления после успешной защиты кандидатской диссертации, Ирина Марковна, ее научный руководитель, подошла к ней и сказала: «Эмма, но ведь ты не думаешь что у тебя хорошая диссертация?» На защите ее первого аспиранта Анатолия Николаевича Яценко, когда очередь дошла до научного руководителя, Ирина Марковна сказала, что считает диссертацию еще не готовой, что вызвало замешательство у членов совета. Очевидно, что в таких случаях характер Ирины Марковны одерживал верх над ней самой. И все-таки, справедливости ради, должен заметить, что Ирина Марковна менялась с годами, становилась мягче, снисходительнее к слабостям людей, мудрее. Михаил Борисович Кунявский¹ на мою реплику: «У Ирины Марковны была репутации жесткого человека, который никогда не прощал человека, совершившего неблагоприятный поступок», возразил: «Нет, Ирина Марковна прощала. Могу привести пример, не называя имени. Этот человек и сейчас работает. Ирина Марковна порекомендовала его статью в солидный журнал. Оказалась, что эта статья полностью передрана из западного журнала, плагиат. Ирина Марковна была вне себя, «рвала и метала». Но прошло время, и она успокоилась, конечно, уже никогда за него не ручалась, но у них были нормальные отношения коллег».

Одна из последних аспиранток Поповой Ирина Чапская поделилась со мной: «Ирина Марковна мне как-то рассказала, что она смотрела интервью с оперной певицей Галиной Вишневской. На вопрос, о чем вы жалеете в жизни, певица сказала: «О том, что обидела многих людей». И вот Ирине Марковне была близка эта мысль. Она мне не раз об этом говорила. Видно, она раскаивалась».

Из беседы с Нелли Александровной Победой²:

— У многих известных украинских социологов она была оппонентом. Во-вторых, она была членом ученого совета академического Института социологии. Она имела репутацию принципиального оппонента. Впоследствии став мэтрами, эти молодые люди признавались, что когда она выступала, то они напрягались и прижимали уши, поскольку знали, что она выкопает в их

¹ КУНЯВСКИЙ М.Б. — ученик, многолетний сотрудник и соавтор И.М., канд. филос. наук, доцент.

² ПОБЕДА Н.А. — д-р филос. наук, профессор кафедры социологии Одесского национального ун-та им. И.И. Мечникова

работах нечто такое, что ими не было учтено или хотели не заметить другие, и обязательно об этом скажет. В ее правдивости не было никакой политики. Они слегка робели перед ней, но знали, что если она что-то сказала, то за этим стоит что-то существенное, что надо учесть с пользой для себя. Поэтому со временем они оценили эту возможность получать нелицеприятные оценки. Вот эта роль непререкаемого авторитета, которую Ирины Марковны играла в украинской социологии, была, мне кажется, самой важной, поскольку всегда нужно иметь некий норматив хотя бы для того, чтобы знать, к чему надо стремиться.

Авторитет И.М. Поповой среди коллег основывался в немалой степени на том, что они знали ее характер: она не стерпит несправедливость и не пойдет на сделку со своей совестью. Поэтому ее неизменно избирали членом комиссии по этике Социологической ассоциации Украины, главной организации профессионального сообщества украинских социологов, почетным членом которой она была. А после рейтингового скандала 2004 года, о котором я подробно расскажу позже, на VI (внеочередном) съезде САУ в 2007 году она единогласно была избрана председателем комиссии по профессиональной этике и возглавляла ее вплоть до смерти. Знавший Ирину Марковну с университетской скамьи классик советской социологии профессор Владимир Александрович Ядов назвал эту хрупкую женщину «рыцарем без страха и упрека». По-моему, это исчерпывающая характеристика.

Оглядываясь на свою жизнь, Ирина Марковна сказала: «Почему я жила именно так, а не иначе — я не задумывалась. Я делала именно то, что мне хотелось, и этим была счастлива». Так бывают счастливы люди, которые живут в согласии со своей совестью.

2. КОМСОМОЛЬЦЫ-ДОБРОВОЛЬЦЫ

Биография И.М. Поповой хорошо известна. С детства она была «правильной девочкой». Закончила школу с золотой медалью и университет с красным дипломом. В годы учебы в университете была комсомольской активисткой. Ее память навсегда сохранила атмосферу студенческой дружбы, товарищества, заинтересованности в судьбе страны. Коллективизм нисколько не угнетал, не давил на личность, но помогал жить в условиях послевоенного сурового быта. Нынче другое время и другие нормы отношений. В этой связи Ирина Марковна в интервью по случаю своего 75-летия (2006) заметила: «Мы знали о бедах наших товарищей по группе, старались помогать друг другу. Сейчас, работая со студентами, я недоумеваю: как можно, чтобы кто-то по месяцу не ходил на занятия, а его товарищи по группе понятия не имели, в чем дело, нужны ли помощь и поддержка. Поистине — другая эпоха!» (Попова 2011: 33-34).

Дополнительные подробности о времени комсомольской молодости Ирины Марковны поведал в нашей беседе **Л.Н. Курчиков**.

АВТОР: Когда Вы и Ирина Марковна учились в Ленинграде на философском факультете, какая атмосфера царила на этом факультете? Какое настроение было у студентов разных курсов?

Л.Н.: Я поступил сразу после войны, в 1946 году, Ирина Марковна на два года позже. Ректором был у нас брат члена Политбюро Вознесенского. Позднее их обоих репрессировали по «Ленинградскому делу» и расстреляли. Когда я демобилизовался из армии, занятия в университете уже начались. Я не хотел пропускать год и пошел на прием к ректору. Он выслушал меня и написал на моем заявлении резолюцию: «Зачислить экстерном». После успешной сдачи сессии меня перевели на стационар.

Настроение у нас, я считаю, было хорошее. Мы довольно активно участвовали в комсомольской работе. Ирину Марковну сразу выбрали комсоргом группы. У нас не было никакого преклонения перед авторитетами. Тогда началась «борьба с космополитами». Начали убирать преподавателей-евреев с факультета. И мы очень переживали, что самые грамотные люди оказались вне факультета. В частности, Виктор Александрович Штофф¹, который был руководителем дипломной работы Ирины Марковны, потом профессор Свидерский... В общем мы открыто говорили, что недовольны такой деятельностью.

АВТОР: И вы не боялись, что могут кого-то исключить?

Л.Н.: Нет. Впрочем, декан, бывший партийный работник, снял меня со сталинской стипендии за подобные разговоры.

Их так воспитывали, что они не испытывали страха перед возможными обвинениями в ревизионизме, не видели необходимости в том, чтобы постоянно соразмерять свои действия с мнением руководства. Надо иметь в виду, что это поколение вступило в активную трудовую жизнь в период «оттепели». Хочу подчеркнуть, что Ирина Марковна никогда не диссидентствовала и даже не сочувствовала им. Но она была из поколения «шестиде-

¹ ШТОФФ Виктор Александрович (1915—1984) защитил кандидатскую диссертацию по истории русской философии (посвящена философским взглядам М.А. Антоновича) в 1948 году. Будучи доцентом философского факультета, Виктор Александрович переключился с истории философии и увлеченно работал над проблемами теории познания и методологии науки. Он издал две монографии «Роль моделей в познании» (1963) и «Моделирование и философия» (1964). Новизна предложенных им решений привлекла зарубежных издателей, и в 70-годах появляются переводы его монографий на немецком, венгерском, польском и болгарском языках. Ссылки на работы Штоффа становятся весьма распространенными как в американско-европейской литературе, так и в работах отечественных философов. На основе исследований по методологии научного познания Виктор Александрович в 1964 г. защитил докторскую диссертацию, а в 1965 становится профессором философского факультета. Вся жизнь В.А. была связана с философским факультетом Ленинградского университета. Характерна оценка, данная ему его учеником Ю.М. Шилковым: «Бесспорно, Виктор Александрович Штофф являлся одним из научных лидеров многочисленного сообщества питерских философов. Он символизировал собой, может быть, не столько предметную близость их научных поисков, сколько высокий нравственный дух и этику философского творчества и философской педагогики» (URL:http://www.sofik-rgi.narod.ru/avtori/shtoff_shilkov.htm).

сятников», коммунистов-романтиков и гордилась этим. Она была, как и Ядов, и Фирсов, из комсомольской среды. Заботясь об исторической правде, В.А. Ядов заявил: «Самое опасное, что подстерегает нас сегодня при воссоздании истории, — это давление конъюнктуры. <...> Одна из конъюнктурных вещей — попытка увидеть в истории советской социологии диссидентов, борцов, «сахаровых в социологии». Можно найти двух-трех таких человек (как «полудиссидент» Андрей Алексеев). В основном же те имена, которые упоминаются в истории, вряд ли можно подверстать «под диссидентов». Это лужная схема, это конъюнктура» (Ядов 1999).

А.Г. Здравомыслов вторит: «Должен сказать, что я никогда себя в диссиденты не записывал... Но основная личная проблема в науке для меня была следующая — пройти по грани, так сказать, быть на грани дозволенного. Я где-то рисковал, где-то перебирал и оказывался в ситуации поражения, где-то иногда выигрывал и оказывался в ситуации продвижения, но во всяком случае, благодаря всему этому я стал достаточно хорошо понимать работающие механизмы власти» (Здравомыслов 1998).

Другое дело, что социология как наука вскрывала нелицеприятные для власти вещи и вообще стала возможной в СССР благодаря XX съезду партии (1956), давшему начало поколению шестидесятников. Тот же Здравомыслов отметил: «... вся наша социологическая деятельность была тесно связана с общим политическим климатом, большей свободой» (Там же). «Мы все, находящиеся у истоков советской социологии, действительно, были шестидесятниками», — это уже слова самой Ирины Марковны (Попова 2011: 61).

Она увлеклась социологией, можно сказать, случайно. Л.Н. Курчиков просматривал в Ленинской библиотеке литературу и обратил внимание Ирины Марковны, что есть много работ по психологизму в американской социологии. Она заинтересовалась, стала читать. Сама Ирина Марковна отмечала, что ее «приход» в социологию связан с именем Ю.А. Замошкина¹. «Случайно мне попала его небольшая брошюра, которая, помнится, называлась «Психологическое направление в современной буржуазной социологии». Это было во второй половине 1950-х годов. И все последующие вояжи в Москву я совмещала с поисками англоязычной литературы на эту тему» (Попова 2011: 38). В результате Ирина Марковна подготовила кандидатскую диссертацию на тему «Психологизм как характерная черта современной американской

¹ ЗАМОШКИН Юрий Александрович (1927—1993) — специалист в области социологии и социальной философии; доктор филос. наук, проф. Окончил в 1950 МГИМО. В 1952—1967 — проф. этого ин-та. С 1967 работал в АН СССР, с 1975 — зав. отделом Ин-та США и Канады. Основные направления исследований: история социологии; современное состояние социологии; филос. и социологические проблемы индивидуализма, личности, прав, свобод, ответственности человека; бюрократия и личность, общественное мнение, его структура, изменения, принципы изучения и роль в общественном сознании; частный интерес, частная жизнь, частная собственность; бизнес и мораль. З. внес заметный вклад в отечественную американистику. Признанный в Америке исследователь, он был почетным гражданином ряда штатов и городов США.

социологии». Защита состоялась в МГУ в феврале 1961 года. Ее научным руководителем был Теодор Ильич Ойзерман¹.

В ходе работы над диссертацией Попова познакомилась с Ю.А. Замошкиным. Она с ним активно общалась в 60-е годы. Часто их беседы проходили совместно с Эрихом Соловьевым, иногда присутствовал Мераб Мамардашвили. Часто бывая в Москве, Ирина Марковна старалась попасть на семинары Юрия Левады и Георгия Щедровицкого. В Одессе ее увлек своим системным подходом переехавший в 1964 году из Иваново молодой доктор наук Авенир Уёмов. Такое общение с талантливыми философами, незаурядными мыслителями явно пошло ей на пользу, развило в ней вкус к теории, без которой социология становится наукой незрячей.

Всматриваясь в то поколение комсомольцев-добровольцев, оценивая его энтузиазм и романтический настрой на то, чтобы приносить реальную пользу стране, изучая биографии ее коллег по цеху, мотивацию их прихода в социологию, начинаешь понимать, что случай, который привел Ирину Марковну Попову в социологию, не был слепым, а был, что называется, формой проявления закономерности.

3. ИЗ ПЕРВОГО ПРИЗЫВА

У нас, одесских, особенная гордость. Она — провинциального свойства, хотя одесситы в этом серьезно сомневаются. Читаю слова статьи-некролога: «16 ноября 2006 года скончался крупнейший российский социолог, два раза воссоздававший социологию из фактического небытия, — Юрий Левада». Лев Гудков в интервью повторил, что Юрий Александрович Левада «дважды восстанавливал разгромленную властью социологию».

Ю.А. Левада — конечно, фантастический человек, но... все же позвольте выразить удивление. В этой связи М.Б. Кунявский сказал мне: «Левада — серьезный мужчина, хороший профессионал и любопытный теоретик, но из него левадовцы делают бога, который раз сотворил социологию, два... Нет, когда отпустили социологию в плавание, ее можно было прекратить только человеку типа Сталина. А откуда в 60-70-е годы Сталин? Во-вторых, социология была в какой-то степени полезна режиму, тем же социальным планированием всерьез занимались. В-третьих, она играла декоративную роль».

Ирина Марковна Попова создала свою исследовательскую группу в Одесском университете в 1969 году. Именно в том году, в ноябре, после

¹ ОЙЗЕРМАН Теодор Ильич (род. 1 (14) мая 1914) — крупный советский философ-марксист, специалист по истории философии и теории познания. Доктор философских наук (1951, тема «Развитие марксистской теории на опыте революций 1848 года»), профессор (1953), член-корреспондент АН СССР (1966), академик АН СССР (1981; с 1991 — РАН). Основные работы посвящены немецкой классической философии и истории философии марксизма. Среди его аспирантов — М.К. Мамардашвили, Э.В. Ильенков, П.П. Гайденок, Д.М. Гвишиани и др.

«обсуждения» курса лекций по социологии Ю.А. Левады в Академии общественных наук, ему запретили их читать на факультете журналистики МГУ. Далее, не сразу, последовали и другие оргмеры, которые оцениваются как погром социологии. Отдел Левады в Институте социологии АН разогнали в мае 1972 года. Между тем группа одесских социологов под руководством И.М. Поповой все «серые» семидесятые годы проводила широкомасштабные социологические исследования на промышленных предприятиях страны, даже не подозревая, что ее, социологии то есть, не стало.

Спустя три десятилетия Ирина Марковна отмечала, что столичная социология «особенно была подвержена давлению «сверху» и чувствительна к очередным колебаниям официальной линии партии». «На периферии, — объясняла она ситуацию, — запросы были меньше, да и инерция почтительного отношения к социологии со стороны властных структур более устойчивой. Мы, например, не подвергались особому давлению и были свободны в своем выборе и исследовательских пристрастиях. Все 1970-е годы и позже работали с интересом и вполне эффективно. Да не только мы. Многие «периферийные» группы работали весьма успешно, на достаточно высоком уровне. Из тех, кто не был тогда «на слуху», назову, например, куйбышевских (самарских) социологов. Побывав у них, познакомившись, в частности, с Б.Г. Тукумцевым, нашла там много интересного и полезного для нас» (Попова 2011: 51). Оценивая то время, Ирина Марковна выражала удивление тем, как много удалось сделать, какую хорошую социологию наработали в условиях «тоталитарного строя».

* * *

Ирина Марковна принадлежала к советским социологам первого поколения. Это значит, что она стояла у истоков этой науки в СССР. Замечательная особенность ее тогдашнего положения заключалась в том, что она становилась социологом одновременно со становлением социологии в СССР. Образно говоря, она приняла участие в строительстве дома, в который потом въехала. В этой связи В.Э. Шляпентох отмечал: «Среди «отцов-основателей» было много ярких и смелых людей, которые предпочли пуститься в плавание в достаточно рискованные воды социологии — новой и подозрительной науки — вместо того, чтобы делать карьеру в привычных для советского уха дисциплинах, таких как марксистско-ленинская философия, история, изучавшая прошлое в терминах, предписанных истматом, или политическая экономия» (Шляпентох 2007). А еще это означает, что Попова и ее коллеги по новому поприщу — Ядов, Здравомыслов, Левада, Кон, Грушин, Андреева, Шкаратан, Заславская, Харчев и др. — были самоучками.

Один из них Овсей Шкаратан из Питера вспоминал: «...у меня была мечта: понять, что такое русский рабочий. Именно это стало толчком, а не идея

социологии как науки, как это было у таких людей как Здравомыслов, Ядов, Левада, Грушин, Кон, Заславская». И еще: «Надо было помогать руководству, потому что было понятно только одно: в новой ситуации никому ничего не понятно. Это примерно то самое, о чем потом Андропов сказал: «Мы не знаем страну, в которой живем». А мы это поняли еще после смерти Сталина» (Шкаратан 2009).

Молодые социологи чувствовали себя *советскими* учеными. «Дух XX съезда» поддерживал их критический настрой и одновременно романтический пафос первооткрывателей. Они, как учила Партия, стали с оптимизмом «шестидесятников» преодолевать выпадающие на их дороге препятствия, в том числе и косную, догматическую власть. Р.В. Рывкина отмечала: «Социология оказалась частью более широкого движения «деидеологизации» общественных наук, их переориентации на реальную жизнь, на проблемы реальных людей. Эта задача не могла не увлечь. Не случайно в те годы в социологию пришло много людей других специальностей — математики, инженеры, лингвисты, историки, философы, географы» (Рывкина 1999). На вопрос, какое все-таки научное достижение вы считаете самым главным в своей биографии, А.Г. Здравомыслов ответил так: «Если говорить очень обобщенно и коротко, то я считаю главным достижением то, что я избрал социологию как поприще своей деятельности. Это позволило совершить своего рода переход к иной методологии мышления — от абстракций, принимаемых на веру, к конкретному исследованию реальности» (Здравомыслов 1998).

Итак, с одной стороны, неудовлетворенность слишком абстрактным и догматическим истматом, а с другой стороны, страстное желание молодых поучаствовать в практике строительства нового общества, если хотите, социализма с человеческим лицом — вот что питало энтузиазм социологов первого призыва.

* * *

Чем занималась, чем конкретно жила Ирина Марковна в те годы, когда социология в Москве и Ленинграде испытывала серьезные притеснения со стороны идеологических органов? Об этом мы говорили с профессором Эммой Августовной Гансовой¹.

Э.А.: Я никогда не забуду тот практический опыт, который мы получили, бегая по потрясающим заводам, которые стали базой для отечественной социологии. Это были мощные заводы, работавшие на Союз, — Кислородмаш, Прессмаш.

АВТОР: Какое впечатление произвели на вас рабочие?

Э.А.: Это был шок. Дело в том, что интерес к социологии подогревало то обстоятельство, что она несла в себе мощный критический заряд. Вроде наши социологи работали в рамках партийных структур, но избавиться от

¹ Беседа состоялась в мае 2011 года.

критичности, присущей социологии, было нельзя. И вот открытием для нас было то, что рабочие в цехах высказывались охотно и невероятно критично. И даже ударники коммунистического труда. Меня это очень удивляло. Правда, мы это особенно не афишировали. Нас интересовали вещи, связанные с научной организацией труда, с оплатой труда. Но вот уровень неудовлетворенности руководством зашкаливал уже тогда. Это решительно расходилось с общей картиной, которую нам внушали идеологи.

АВТОР: *Есть мнение, что советская социология «выросла» в той или иной мере на переведенных западных работах. Так, В. Шляпентох писал: «Я утверждаю, что все лучшие советские социологи, там, где они не придумывали концепции, ныне абсолютно забытые, были в теории <...> вплоть до 1991 чистые ученики Запада». Вы согласны с ним?*

Э.А.: Полностью.

АВТОР: *Если это так, если наши социологи чувствовали себя всего лишь учениками, отставшими на десятилетия от уровня западной социологии, то не испытывали ли они и, в частности, Ирина Марковна, комплекс неполноценности, чувство дилетантизма? Тот же И.С. Кон в нашей социологии получил известность благодаря хорошему знакомству с западной социологической литературой и ориентировал наших, что и каких авторов читать. Ядов учился во Франции. Как я понимаю, когда Ирина Марковна и ее коллеги по лаборатории в начале 70-х начинали работать, то они практически были на нуле. То есть они становились социологами в процессе работы, овладевая социологическими методами, навыками составления анкет, проведения опросов и математической обработкой полученных данных.*

Э.А. Совершенно верно. Но дело в том, что западная социологическая классика не пользуется количественными методами. У них гремучая смесь философии и социологии. При этом идет постоянная смена модных течений. Возьмите книгу Рицера «Современная социологическая теория», где он рассматривает всю западную социологию. Там количественные методы вообще не фигурируют.

АВТОР: *А что же там есть?*

Э.А.: С моей точки зрения, там философия, которую они называют социологией, то есть философия общества, и там сильное увлечение методологией. То есть современная модная социология (феноменология и прочее) обсуждает методы.

АВТОР: *Я понял. На Западе институты Гэллапа, Харриса и прочие частные фирмы занимаются опросами общественного мнения по заказам, а социологи пользуются уже готовыми результатами их работы, «не опускаясь» до технического сбора данных. А наши социологи занимаются и эмпирическими исследованиями, и их интерпретациями.*

Э.А.: Ну, вот как интересно! Наверное, поэтому там образовалась социологическая аристократия. Когда имеешь дело с англоязычными социологами, у них на языке только «методы». И наши молодые исследователи пошли вслед за ними. В авторефератах соискателей сегодня слово «методология» ушло, зато

широко употребляются «методы». При этом, когда наш «здобувач» перечисляет методы, которыми он пользуется, он пишет: теория такая-то, теория такая-то... Если ты опираешься на теорию, это метод или методология?

АВТОР: У нас есть два слова, которые разводят методологию как научные принципы исследования и методы как конкретные инструменты достижения научных целей. Это — «методология» и «методика».

Э.А.: Короче говоря, здесь образовалась полнейшая путаница именно по вине западных социологов. Я, например, считаю, что достижения отечественной социологии гораздо интереснее современной западной. Наша социология намного ближе к реальности. Взять хотя бы питерскую школу, новосибирскую школу. Я их ставлю на голову выше «западников». Да, мы у них учились социологическому видению. Но наши школы не витают в абстракциях, как западники. Они втянулись в реальность, не отрываются от нее, а с другой стороны демонстрируют качественный уровень философствования. У нас критическая ориентация социологии развивалась. Социология не только исследует, но и вторгается в жизнь. Это наше достижение. На Западе этого нет. Там процветает социальное философствование на абстрактном уровне.

Количественные методы тоже очень любопытны. Они открывают новые возможности для выводов. Они ставят заслон банальности. Я не могу слушать политологов вроде Фесенко, потому что они говорят банальности. За их утверждениями не стоит никакой информации, кроме их собственного мнения. Я когда слушаю Фесенко, не могу понять, чем он отличается от соседки бабушки? Примитивные прогнозы, основанные на «я так думаю». Двадцать первый век на дворе. Колоссальное развитие получили методы моделирования, статистики, а тут такой уровень. И их преподносят как экспертов. А вот количественные методы позволяют социологам уйти от тривиальности. Меня не интересует рейтинг Януковича. Меня интересует, почему у него такой рейтинг. А чтобы ответить на этот вопрос, мне для этого нужно сделать то, что мы называем «факторный анализ». Я и так знаю, что Восток и Запад Украины расходятся, но мне нужно знать точно, какова дистанция расхождения. Мне нужно измерить ее. Я не имею права говорить на уровне обыденного сознания.

Можно без натяжки утверждать, что советская прикладная социология родилась в цехах крупных заводов. «Дичок» прошел опыление западной теоретической социологией и далее уже развивался в своей среде, по своей внутренней логике и со своей повесткой. Практически одновременно на территории Советского Союза возникло несколько социологических школ, каждая со своим оригинальным лицом. Но, главное, свою работу они подчинили принципу: «Социология существует не для того, чтобы что-то абстрактно познавать, а чтобы помогать людям, экономическим системам, чему угодно» (Шкаратан 2009). Такая целеустановка плюс государственная поддержка, возможность масштабных полевых исследований в гигантской стране подняли советскую социологию на уровень социального института, позволили добиться результатов мирового уровня.

В развитие этой темы я задал несколько вопросов старшему научному сотруднику Института социологии Российской академии наук **Г.П. Бессокирной**¹.

АВТОР: Некоторые социологи, уехавшие из СССР в эмиграцию, мотивировали это тем, что «я лучше буду мыть стекла в Колумбийском университете, чем работать профессором в Ленинградском, настолько стало тошнить в какой-то момент...» Как чувствовала себя Ирина Марковна в 70-80-е годы в провинции, она не задыхалась от отсутствия свободы и интеллектуального общения с профессионалами, не жалела о своей удаленности от социологических центров страны?

Г.П.: Ирина Марковна чувствовала себя нормально. Тогда Одесса не была удалена от социологических центров страны. Все ездили и общались, сколько хотели плюс всякие конференции. Ирина Марковна активно участвовала в работе Советской социологической ассоциации, ездила регулярно на все ее мероприятия. Слова «задыхалась от отсутствия свободы» мне не понравились. Мы работали, а это — главная свобода.

АВТОР: С кем из ведущих социологов страны Ирина Марковна поддерживала личные отношения? С Заславской, Ядовым, Грушиным, Шкаратаном... Какой характер носили эти отношения?

Г.П.: И с целым рядом других также. Например, ее долгие годы связывали тесные отношения с Е.А. Якубой из Харькова, регулярно она общалась с такими киевскими социологами как Черноволенко, Оссовский, Хмелько. Из советских социологов можно добавить Н.И. Лапина, В.Г. Подмаркова, В.Д. Патрушева, Г.С. Батыгина. В последние годы она интенсивно переписывалась с А.Г. Здравомысловым, И.В. Рывкиной, В.Э. Шляпентохом. Т.И. Заславская всегда с уважением относилась к Ирине Марковне. Я как-то была у нее дома по поручению Ирины Марковны, и она передавала ей приглашение на ежегодную конференцию «Куда идет Россия?..» Но, насколько я знаю, И.М. туда не поехала. По ее просьбе Татьяна Ивановна написала рекомендательное письмо Вите Моину, когда он уезжал на ПМЖ в Израиль. Его забирали я и Сережа Варламов (он отвозил его в Одессу). Об отношениях с В.А. Ядовым подробно писала сама Ирина Марковна. Ее рассказ был опубликован в специальном выпуске «Социологического журнала» к 75-летию В.А. Ядова и повторен в книге «Vivat, Ядов» к его 80-летию. Еще могу добавить, что Владимир Александрович всегда соглашался оппонировать диссертации наших сотрудников (Максименко, Моин, Кунявский). Нередко приезжал в Одессу после разных международных форумов и выступал, порой, только у нас в секторе. Грушина Ирина Марковна очень уважала за его исследования в Таганроге. Посылала М. Синиченко на несколько месяцев на стажировку к нему в отдел в 1972 году. Позже, когда Грушин был во ВЦИОМе, мы также с ним общались. По-моему, было даже Одесское отделение ВЦИОМа. Первую анкету по общественному мнению нам напечатали в их типографии. К О.И. Шкаратану в его лабораторию в Ленинграде мы также ездили. Он, в свою очередь, приезжал к нам в Одессу и выступал в здании около

¹ Ответы Г.П. Бессокирной на мои вопросы датированы ее письмом от 21 окт. 2011 г.

Дома ученых (забыла, как оно называется). Уже позже мы с Ириной Марковной без всяких проволочек опубликовали статью в его журнале «Мир России».

Подтверждение слов Г.П. Бессокирной мы находим в воспоминаниях самой Ирины Марковны: «...мы были в курсе происходящего на общем «социологическом фронте». Я часто приезжала в Москву и в Ленинград, знала об исследованиях, проводимых сектором Г. Осипова, с сотрудниками которого неоднократно общалась (еще тогда, когда они размещались на Волхонке, и потом, когда переместились на Писцовую). В тот период и в дальнейшем я (а потом и члены нашей социологической группы) поддерживала тесную связь с ленинградской лабораторией В. Ядова и А. Здравомыслова. В поле нашего зрения были и опросы Института изучения общественного мнения при «Комсомольской правде», проводимые под руководством Б. Грушина. С ним я тоже была лично знакома и даже написала рецензию на его работу «Очерки логики исторического исследования» (совместно с одесским профессором-историком К. Петряевым). Рецензия опубликована в «Вопросах истории» (1963, №6). На симпозиуме, посвященном структурно-функциональному анализу, в Кяэрику (1968 г.) через Инну Рывкину я познакомилась с новосибирцами и в дальнейшем продолжала поддерживать с ними связь. Кстати об этом симпозиуме мне сказал Ю.А. Левада, когда узнал, что я интересуюсь применением системных представлений к решению социологических задач. Помню, что именно на этом симпозиуме мы ждали сообщения об организации Института конкретных социальных исследований, распевая ночью под гитару песни, и ликовали, когда узнали о положительном решении» (Попова 2011: 43).

Из того, что было сказано выше, как-то не видно, что социология была разгромлена и пребывала в коллапсе. Скорее можно сделать вывод, что от «руководящей и направляющей» одновременно исходили разные импульсы. Поэтому в одном случае партийно-идеологический каток беспощадно прокатывался по социологическим начинаниям, а в другом та же партия открывала уникальную возможность для социологов заняться исследованиями целых отраслей промышленности.

4. ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

«Не обращать внимания на форму научных произведений — так же неверно, как игнорировать содержание художественных».

О.Э. Мандельштам

Естественным образом возникает вопрос: чем в своей жизни занималась Ирина Марковна, какое дело она делала? Если коротко: она была *исследователем*. Это слово лучше всего выражает профессиональный аспект

ее занятий наукой. Ирина Марковна каждое понятие пробовала на способность работать в конкретных обстоятельствах жизни. Прежде чем что-либо утверждать, стоять на своем неколебимо, она должна была убедиться в истинности своих утверждений. Прикладная, эмпирическая социология была ее методом самоубеждения, поиском конкретного содержания абстрактных понятий, которые выдвигают теории.

У Ф. Искандера прочитал: «...по стихам Пушкина догадываешься, что рай — это такое место, где нет сопротивления материала». Читая работы Ирины Марковны, убеждаешься, что она жила не в раю, а выражение «гранит науки» было придумано не для красного словца. Она упорно его «грызла», преодолевая сопротивление материала. Она была настроена на поиск решения интересующей ее проблемы. Можно сказать, она билась над проблемой. Это означало, что она искала ее научную формулировку, создавала адекватный понятийный аппарат и затем проверяла его на способность «работать», то есть объяснять целый класс подобных феноменов. Ум Ирины Марковны имел модус критичности, то есть она не брала на веру ни одно утверждение, какой бы авторитет не стоял за ним.

Она жила в мире идей и текстов и, естественно, с годами приобрела чувствительность к слову-понятию. Она не стремилась к оригинальности, она стремилась к ясности. Критериями качества научного текста она считала логическую ясность и фактологическую основательность. Причем ясность не только для себя, но и для других. Кстати, читая социологические журналы, я давно обратил внимание на одну специфическую особенность социологов: они «наострились» о простых вещах говорить сложным языком научных категорий. У них образовалась мода на «заумные словечки». Под влиянием англоязычной литературы они некритически заимствовали непередаваемые понятия. Им просто придавали русскую транскрипцию. В результате у них возник профессиональный жаргон — «язык заговорщиков». Люди пользуются чужими терминами, не отдавая отчета в том, что они несут чужое содержание, результат осмысления чужого конкретно-исторического опыта. Приходилось ли вам видеть башкирскую газету, написанную русским алфавитом? Вы ее читать в принципе можете, но не понимаете смысла слов. Примерно то же самое происходит с нашими научными работниками, которые используют западную терминологию без предварительного исследования содержания исходных понятий. Универсальность понятия не отрицает необходимости учета разности культур. Такое явление, когда авторы бездумно играют «новой» терминологией, Ирина Марковна называла «просвещенным невежеством» (Попова 2011: 26). Думается, здесь также имеет место отрицание цивилизационных различий, что на практике вводит нас в режим имитации: как наши власти имитируют вхождение в демократию, так и некоторые наши ученые гуманитарии имитируют вхождение в западную науку.

Когда мы с ней встречались и начинали общаться, она немедленно обнаруживала напряженность своего существования в мысли. Видно было, как

в разговоре она выходила на тему, которую вынашивала в данное время, и на тебе проверяла верность своих суждений и выводов. Она делала это со многими людьми и многократно, пока ее внутренний ОТК не давал «добро»: все ясно, пора писать статью. Ирина Марковна, говорю я, стремилась прояснить для себя проблему. Но до какой степени ясности? До степени практического применения своего знания. Это значит, что понимание получало ценностную оценку и переходило у нее в убеждение, в установку для ответственного, нравственного поведения. Так, несмотря на все разочарования, которые она испытала в своих контактах с властью, она настойчиво продолжала предлагать ей свои услуги социолога. Она считала своим долгом исследователя и гражданина влиять на власть. Впрочем, эта тема требует отдельного разговора.

При чтении работ И.М. Поповой обращает на себя внимание та скрупулезность, с которой она «раскручивает» логику понятия. Порой до трети всей площади статьи она уделяла выяснению сути понятий, которыми оперировала, подчас, на мой взгляд, перебирая в дотошности. Это в ряде случаев мешает целостному восприятию содержания статьи, но, видимо, она, как некоторые строители, предпочитала закладывать фундамент повышенной прочности, так чтобы вся конструкция статьи не могла ни просесть, ни тем более обвалиться. Она, по-видимому, считала, что терминология описывает стратегию исследования и, может быть, даже важнее самого исследования. К сказанному еще добавлялась и научная щепетильность: Ирины Марковны считала своим долгом упомянуть всех авторов, которые что-либо интересного высказали по поводу того или иного концепта или концепции. Таким образом, возникала *проблема многознания*, которая проявлялась в том, что в некоторых случаях она перегружала информацией методологическую часть статьи. Так в ней сказывалась школа. «Для Ирины Марковны, — говорил мне Л.Н. Курчиков, — как раз очень важно было строгое, логическое обоснование. Она постоянно работала в этом плане над собой, начиная с 60-х годов. В 60-е годы мы с ней добросовестно проработали книгу американских авторов «Введение в конечную математику» (Кемени Дж., Снелл Дж., Томпсон Дж. 1965) и выполняли все упражнения по логическому анализу, которые в ней рекомендовались. С точки зрения логической культуры она была очень образованный человек». Профессор Н.А. Победа подтверждает: «У нее была прекрасная ленинградская школа. Она была хорошо подготовлена методологически. Она сочетала в себе социологический и философский анализ. Это очень многого стоит. Это давало ей возможность видеть глубину проблематики, в отличие от других, которые на этой глубине находиться не могли в силу незнания философии». Это перекликается с тем, что говорил И.С. Кон: «На самом деле социологическая теория вне связи с философией просто невозможна» (Кон 2010).

В 60-е годы в СССР стали осуществляться меры по совершенствованию хозяйственного механизма. После хозяйственной реформы 1965 г. у директоров промышленных предприятий появились фонды материального

стимулирования трудовой активности и развития социально-культурной сферы. По инициативе ленинградских предприятий возникло движение по научной разработке планов социального развития и их реализации в рамках предприятия. Этим воспользовались социологи, предложив свои услуги на хозрасчетных началах. Так открылась возможность проведения широкомасштабных эмпирических исследований. С этой целью в 1970 г. Ирина Марковна вместе со своей социологической группой переходит из университета в только что открывшееся в Одессе Отделение Института экономики Академии наук Украины. Там ей предложили организовать и возглавить сектор социологических исследований. Она пригласила на работу еще несколько сотрудников из числа своих бывших студентов. Это были историки, эконом-географы, математики и филологи. Еще в университете они начали исследования на Одесском судоремонтном заводе им. 50-летия Советской Украины. В период с 1970 по 1975 год сектор И.М. Поповой охватил судоремонтные заводы уже всего СССР. Исследования проводились также и в морских портах. В это время Поповой и её коллегами была создана методическая база для оперативной социологической работы на промышленных предприятиях. Как писала Ирина Марковна, она сполна искупила свой грех недооценки математических методов исследования. В результате ей была написана и представлена к защите докторская диссертация на тему: «Стимулирование трудовой деятельности как способ управления (социологический анализ)». В 1976 г. в Киеве вышла в печати одноименная монография. Защита докторской проходила непросто. Только третий совет принял ее к защите. Ирине Марковне повезло: в Ленинградском университете открылась специальность «прикладная социология». Помог однокашник В.А. Ядов. В результате И.М. Попова стала первым на Украине доктором по прикладной социологии.

Внимание Ирины Марковны было приковано к таким исходным понятиям социологической науки как «социальность», «социальное», «социальная реальность». Она осознала, что путь к пониманию социальной реальности лежит через изучение обыденных вещей, повседневного существования миллионов простых людей. Это и есть социальная материя. Идеологические споры, партийные цвета, борьба за политическое руководство, реформаторство — все это производно, вторично.

И.М. считала недостатком многих исследователей их увлечение эмпиризмом, когда в их работах много цифр, таблиц, графиков, диаграмм, а интерпретация полученных данных бедная, выводы самоочевидные. В статье, посвященной памяти своей подруги Н.Н. Козловой, она писала: «Сколько красивых фраз, новомодных терминов и словечек кочуют из одного нашего опуса в другой, но как мало работ, где бы мастерски пользовались техникой понимания и адекватного осмысления исходной для социолога информации, источником которой является человек» (Попова 2011: 18). Эта мысль находит свое продолжение в том, что говорил В.А. Ядов: «То хорошее, что еще сохраняется до какой-то степени, но уже начинает теряться, — это широкий взгляд на анализ эмпирических данных. Мы могли спокойно —

с помощью некоторого социологического воображения — перескочить через какие-то эмпирические данные и не только видеть то, что перед тобою на столе, но и немножко пофилософствовать. Это очень хороший метод и способ анализа, очень продуктивный — попытка социологического домысливания, широкого социально-философского взгляда на проблемы. Хотя, конечно, аккуратный специалист укажет, что это необоснованно, неточно, предположительно. Может быть. Современного же эмпирика-социолога абсолютно не волнуют социально-философские проблемы. Они для него чужие. Но думаю, эта наша традиция, идущая от нищеты, от незнания, от отсутствия профессиональной подготовки, все же родила некое благо. Может быть, это связано с российской культурой вообще; французы, которые нам близки, тоже философски ориентированы, тем не менее тамошние эмпирики-социологи ничем не отличаются от американских» (Ядов 1999).

По сути речь идет об *искусстве* научной интерпретации. Эта проблема прямо отсылает нас к общему уровню развития интеллекта исследователя. Его ученость, как в капле воды, отражается в создаваемых им текстах. Ирина Марковна прекрасно отдавала себе в этом отчет и всю жизнь наращивала свою ученость.

Дело в том, что интерпретационные возможности социолога определяются не его социологическими навыками и методами, а мощью его интеллекта, общей развитостью, эрудицией в области истории, экономики, философии, психологии и даже лингвистики. Социолог из самой социологии может почерпнуть крайне мало, чтобы представить обществу качественный научный продукт и заодно оправдать свою науку. Тут мне опять на ум приходят имена классиков социологии Маркса, Вебера, Дюркгейма, Зиммеля, которых отличала глубина и широта познаний в области всего спектра социальных наук.

На мой полувековой юбилей Ирина Марковна подарила мне книгу выдающегося французского социального психолога Сержа Московичи «Машина, творящая богов» (Париж, 1988; М, 1998). Читая ее, подивился в очередной раз тому, как случай выстраивает закономерное. В этой книге С. Московичи обращает внимание на то, что социологические теории не имеют собственного объяснения; оно либо психологического, либо экономического порядка. Тем не менее социолог обладает возможностью комбинировать то и другое, находить нужную пропорцию в многофакторном анализе. И это его огромное преимущество. Он же вывел изящную формулу: «если экономический элемент — это кислород существования в обществе, то идеологический или религиозный элемент — это его водород. Можно обсуждать их пропорции, но не саму связь» (Московичи 1998: 48).

Эту связь И.М. Попова нащупала, осознала и сформулировала самостоятельно в процессе занятий наукой. Как она сама отмечала, социал-психологизм трансформировался в ее сознании в «ценностно-нормативный подход» и привел к необходимости выяснения роли символической сферы в жизни человека и общества. В свою очередь, марксистская методология фиксиро-

вала внимание на понятия «интересы», имеющем объективно-предметное содержание. В процессе эмпирических исследований трудовых отношений на предприятиях страны группой социологов под ее руководством была получена информация, которая могла быть адекватно истолкована только при решении теоретических вопросов, связанных с комплексным анализом взаимозависимости субъективных и объективных факторов.

Субъективный характер деятельности и ее объективное содержание не совпадают. Эта проблема очень волновала Ирину Марковну. Она хотела добиться ясного понимания, какой фундаментальный смысл кроется за повседневной суетой миллионов людей в их стремлении «порешать» свои маленькие вопросы. Вот эта установка на то, что в жизнь нужно вникать, погружаться на такую глубину ее устройства, где находятся пласты смыслообразования, а не воспринимать ее такой, какой она представляется непосредственным образом, — эта установка отличает ученого, исследователя от «простого человека» или управленца. Ирина Марковна жила с такой установкой. Оглядываясь на свою жизнь в науке, она говорила: «По сути, меня по-прежнему интересует проблема, которая в том или ином виде волновала со времени прихода в социологию: человек на пересечении двух миров — объективного, предметно-вещественного, и субъективного, ценностно-символического, а главное, то, как сходятся эти два мира в преобразующей, практической деятельности человека» (Попова 2011: 56). Ей ли, подлинному русскому интеллигенту, не знать, что люди, определяющие общественный прогресс, зачастую действуют вопреки своим экономическим интересам, подчиняя их идеалам и ценностям высшего порядка. Декабристы в русской культуре существуют в качестве дежурного примера такого положения «вещей».

5. МАРКСА НАДО ЧИТАТЬ И ПЕРЕЧИТЫВАТЬ

В украинских социологических кругах у Ирины Марковны Поповой была репутация ученого-марксиста, даже больше — «последнего могиканина марксизма». Кое-кто из ее «доброжелателей» подавал это ироничным тоном: мол, сами понимаете, осколок советского прошлого. Простительно...

Нас плохо учили марксизму. В списках обязательной литературы по предметам для конспектирования давались страницы из работ Маркса и Энгельса. Нас учили марксистскому цитатничеству. К таким образованцам вполне применим термин Г.В. Плеханова — «марксята». Что это было: сознательное вредительство или «дух эпохи»? Скорее второе. И все же дух советской эпохи был пропитан культурой марксизма, хоть и вульгарного толка. К. Фрумкин пишет: «...в СССР марксизм, границы которого едва ли не совпадали с границами культуры как таковой, принимал множество разнообразных форм и обликов. Он мог быть советским и антисоветским, официозным и диссидентским, популярным и переусложненным, сервильным и самостоятельным, консервативным и революционным, обыденным

и оригинальным, опускался до популярных изложений для школьников и рабочих и поднимался до изощренных интерпретаций Ильенкова и Ойзермана» (Фрумкин 2013). Вполне понятно, что марксизм Ирины Марковны представлял собой социологическую теорию.

Повторю: нас плохо учили марксизму — для того, чтобы сказать: сейчас не учат вовсе. В 90-е годы по Марксу «топтались» невежественные и конъюнктурные ниспровергатели. Шел вал облыжной критики и зряшного отрицания. Зрелище было постыдное: варвары свалили идола и мажут его своими экскрементами. На отношении к Марксу ярко выявились постыдные черты значительной части нашей «передовой» гуманитарной интеллигенции — ее вторичность и репильность. То есть отказ от Маркса, его хуление — это не факт их критической, свободной мысли, переосмысления, а факт перемены культа. Согласен с Ю.И. Семеновым: как ползали на брюхе перед авторитетами, так и ползают (Семенов 2003). Будто девицы, слепо повинующиеся веяниям моды, сменили идеологическую моду, не перестав быть поклонниками в принципе.

Примечательно, что именно в годы «хуления марксизма» Ирина Марковна начинает заново прорабатывать социологические аспекты марксистской теории. Публикует две статьи, посвященные Марксу^{1*}.

Выявляется закономерность: чем масштабнее фигура в личном и научном плане, тем уважительнее она относится к научному марксизму. Вот слова акад. Татьяны Ивановны Заславской: «Маркс — гений, и у нас был целый годовой, по 6 часов в неделю, курс по «Капиталу». Другой патриарх отечественной социологии Владимир Александрович Ядов на вопрос о перспективах марксизма в России сказал следующее: «Исходя из положения, что бытие определяет сознание, я уверенно прогнозирую ренессанс марксизма в разных неовариантах» (Ядов 1999).

Ю. Замошкин часто употреблял выражение «наш брат марксист». Именно с Ю. Замошкиным и Э. Соловьевым Ирина Марковна вела беседы о социологической концепции Маркса. Преемник Ю.А. Левады Лев Гудков писал о своем научном руководителе: «Михаил Абрамович, очень глубокий знаток Маркса, отбивший, кстати, у меня такое поверхностно-пренебрежительное отношение к Марксу, <...> говорил: «Нет, ты не прав, Маркс — очень серьезный мужчина...» (В кругу Юрия Левады 2010).

Итак, можно считать доказанным, что серьезные ученые-социологи по определению не могут относиться к Марксу с пренебрежением. В противном случае они просто несерьезные социологи. Это не значит, что надо во всем соглашаться с Марксом, это значит, что Маркс заслуживает уважительной критики. Французский социолог Серж Московичи писал о влиянии Маркса: «Его мысль читается в глубине каждой из социологических теорий, которые

¹ Попова И.М. Был ли К. Маркс социологом? // Социологический журнал. — 1995. — №3. — С. 71—86; Ее же. Судьба одной социологической парадигмы. (К 120-летию со дня смерти К. Маркса // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2003. — №2. — С. 131—148.

с ним сражались. Две из трех или четырех наиболее значительных книг по социологии, «Протестантская этика и дух капитализма» Вебера и «Философия денег» Зиммеля, несомненно были написаны для того, чтобы дать отпор теориям Маркса» (Московичи 1998: 46). Все верно и, главное, соответствует гегелевско-марксовской диалектике. В лице Маркса Запад породил свое отрицание, чтобы затем проделать работу отрицания отрицания. Самое интересное, что в наши дни марксизм на Западе вновь переживает ренессанс, а в американских университетах он всегда был в почете.

На постсоветском пространстве Маркс заново входит в силу, поскольку объективный ход событий у нас развивается «по Марксу». Вновь классовая теория наполнилась «нашим» содержанием. Говоря словами Максимилиана Робеспьера, «народ сменил цепи, а не свою судьбу!».

Отношение к Марксу и марксизму стало проверкой для многих не только на их научную состоятельность, но и на их человеческое достоинство. В.А. Ядов поведал о таком эпизоде: «Научный семинар по случаю основания Горбачевского фонда. Александр Яковлев, его исполнительный директор, выступает с длинным докладом на тему: что из социальной теории XIX века войдет в будущее столетие? Не меньше трети времени, как говорила моя трехлетняя внучка, «выругивает» Маркса. Вопросы. Леня Гордон встает с места первым и говорит: «Александр Николаевич, я никогда не был членом партии, вы были секретарем ЦК по идеологии. Что вы все-таки находите ценного у Маркса?» Оратор бросает в ответ: «Если хотите найти ценное, пригласите другого докладчика». Когда я рассказал эту историю Шляпентоху, он со своей искрометностью среагировал: «Вот тебе пример «кассетного мышления» — одну кассету вынул, другую вставил» (Ядов 1999).

Все-таки Сократ прав: истина не может быть безнравственной. Все, что говорил о марксизме Александр Яковлев до «перестройки», было ложью. Все, что он говорил после, — опять-таки ложью. Он не был настоящим марксистом до «перестройки», поэтому не смог стать настоящим антимарксистом после.

6. СОЦИОЛОГ И ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ

В лекции «Что может и чего не может социология», прочитанной 16 декабря 2004 г. в рамках проекта «Публичные лекции «Полит.ру», Ю.А. Левада сказал: «...нам приходится в большой мере заниматься тем, что разбивать наши собственные и чужие иллюзии. Иллюзии о том, что мы освободились и нашли новую дорогу <...>, о том, что достаточно хорошего знания — и можно будет верную дорогу подсказать. Ну, если не правящим людям, то остальным — оппозиции, критикам. Оказывается, что все это довольно трудно и подсказывать — скорее всего это вообще не наше дело. Наше дело состоит прежде всего в том, чтобы понимать» (Левада 2004б).

Таким образом, Левада утверждал, что понимание является результатом, плодом научной деятельности. Что дальше с этим делать? Левада считал, судя по его словам, что этот вопрос не обращен к ученым, которые *свое дело* сделали. «Не моя задача выписывать рецепты, — заявил он, — В лучшем случае, я стараюсь ставить диагноз» (Вытеснение... 2006). Такую позицию следует обозначить как «аристократический интеллектуализм». Главная «иллюзия», от которой избавился Юрий Александрович, — что знание и понимание способны изменить ситуацию к лучшему, повлиять на власть, оппозицию, общество. Ирина Марковна в этой «иллюзии» пребывала до конца своих дней. Основную функцию социологии она видела не только в получении надежной научной информации о мире, но и в его улучшении, в практической помощи социальной науке тем, кто руководит, и тем социальным группам, кто нуждается в защите.

Различие заявленных Левадой и Поповой позиций поистине многозначительно, и его нужно уяснить. При первом приближении здесь можно усмотреть разницу между «интеллектуалом» и «интеллигентом»: первый — свободный мыслитель, второй добровольно взял на себя ответственность своей профессией служить народу; первый отстаивает свое профессиональное кредо ученого, второй утверждает свою гражданскую миссию. Левада считал, что социологи свое профессиональное дело делают: «понимают» и «объясняют», и дело власти и общества — использовать это знание, а если они по каким-то мотивам этого не делают, то вся ответственность ложится на них. Получается как в пословице: петух прокукарекал, а там хоть не рассветай. Попова же ставила вопрос о профессионализме в единстве с гражданской позицией исследователя. «...Я глубоко уверена, — говорила она, — что именно гражданская ответственность обуславливает и необходимость высокого нашего профессионализма, а недостаток последнего часто приводит к безответственным заключениям» (Попова 2011: 60).

Однако не будем торопиться с окончательными выводами. Все не так однозначно. Во-первых, Левада говорит о разбитых иллюзиях. Это прежде всего его иллюзии шестидесятника, его романтическая вера в науку как мощный рычаг общественного прогресса. Многие его коллеги из первого поколения советских социологов были мотивированы именно этой верой. Во-вторых, и это главное: Юрий Александрович Левада, можно сказать, положил жизнь на то, чтобы отстоять свое право быть независимым от государства исследователем. Истина не служит власти. В России при всех режимах настаивать на этом — гражданский подвиг. В конфликте с властью он не дрогнул, не стал ее жертвой. На протяжении пятнадцати лет он сохранял свое достоинство и, как пишет Владимир Шляпентох, «не упускал возможностей заявить о себе как о несломленном и ничего не боящемся человеке» (Шляпентох 2007). «Левада стопроцентно был человеком самим по себе», — сказал о нем Теодор Шанин (Шанин 2010). Действительно, он, можно сказать, полностью взял на себя груз конфликта с властью и без громких диссидентских заявлений твердо стоял на своем. Эта судьба роднит его со Спинозой.

Сдается, что Юрий Александрович давил в себе интеллигента, давил, но так и не додавил. Приведу характерный штрих. Читает Левада публичную лекцию и, характеризуя социальные процессы в постсоветской России, то и дело употребляет прилагательное «печальный». Его на этом «поймали». Задали вопрос. Он тут же исправился: «Видите ли, само по себе никакое знание печальным быть не может, но отношение к нему может быть разным. <...> Моя же задача, если я работаю как ученый-исследователь, в том, чтобы не печалиться и не радоваться, а понимать. Это слова Спинозы. По-моему, это эмблема научного знания в общественных науках. И в нашем призыве понимать, из мнений строить наше понимание тоже содержится эта мысль. Я требую от себя и от людей, которые работают, не печали, а трезвости» (Левада 2004б). Это самоопровержение весьма показательно. Он хотел быть как Бенедикт Спиноза, но все дело в том, что сам Спиноза не удержался на чисто интеллектуальной позиции и написал «Политический трактат». Это было явное вмешательство в идейную борьбу того времени. Ему давали тысячу флоринов в год за то, чтобы он скрывал свой религиозный скептицизм. Он отказался. Его бешено травили. Он не уступил и остался верен сам себе. Замечательный девиз Спинозы «Не плакать, не смеяться, не ненавидеть, а понимать!» выражает суть позиции ученого, но человек Спиноза выходил за рамки этой позиции, обнаруживая гражданские убеждения и волю отстаивать их.

В подобном духе, внутренне непоследовательно, поступал и Ю.А. Левада. На словах он хотел выглядеть чистым интеллектуалом, на практике такая позиция требовала от него гражданского мужества и соответствующих поступков. Его увольнение с должности директора ВЦИОМа говорит об этом красноречивее всяких слов. С 1987 года он добывал и доводил до общества важную информацию, потому что считал, что общество имеет право знать о том, что оно из себя представляет. А что стоит общественное сознание, если оно лишено качественной информации? По сути дела «Левада-Центр» стал играть роль инструмента гражданского общества новой России. Ю.А. Левада претендовал на то, чтобы быть градусником для измерения общественной температуры. Но должен ли градусник иметь собственную температуру — этим вопросом он не задавался. Он ее имел.

Пусть «бросает камень» в Леваду тот, кто смог сделать больше. И все-таки разница его взглядов и Ирины Марковны на роль социологии в обществе, на взаимоотношения науки и власти очевидна. Ирина Марковна: социология должна оказывать практическую помощь людям и власти. Юрий Александрович: социология никому практически помочь не в силах; она в лучшем случае может дать понимание происходящего.

В 1988 году И.М. Попова опубликовала в журнале «Социологические исследования» статью под названием «От социального знания к социальной инженерии». В ней она доказывала, что трансформация социологического знания в общественную, управленческую практику, в производство требует специальной профессии — социального инженера. Его задачей является

разработка стандартизованных социальных технологий на основе полученной социологической информации. Без практического использования социологического знания, полученного в «поле» исследователем, писала она, «не удастся избежать стагнации общественной науки» (Попова 2011: 125).

Таким образом, Ирина Марковна считала, что если прикладное социологическое исследование не доведено до практической стадии использования, до технологического процесса, то наука сработала вхолостую. К тому же социологическое знание быстро устаревает. Оно нужно «здесь и сейчас». В резюме публичной лекции «Человек советский», прочитанной Ю.А. Левадой 15 апреля 2004 года, говорится лаконично: «На вопрос о социальном проектировании, заданный прямо, Левада ответил однозначно: оно пагубно. Но основания этого ответа предъявлены не были» (Левада 2004а). В 2004 году ему было уже «не интересно» говорить об этом. Зато в статье «Наши десять лет: итоги и проблемы» (1997) Левада прояснил свой взгляд на этот важный вопрос: «Никакого «научного управления» в условиях загнивавшего социализма не получилось — как, впрочем, нет его и в развитых странах. В годы перестроечных исканий опять пошли в ход иллюзии о том, что на основе опросов общественного мнения — без формирования новых социальных и рыночных институтов, без новой системы социальных интересов и ориентаций — можно принимать рациональные решения» (Левада 2000: 241). И Попова сознавалась в своих иллюзиях того времени. В книге, где она произвела свой собственный расчет со временем «перестройки», Ирина Марковна писала: «Мы были востребованы и наивно полагали, что наши знания и умения нужны, а главное, что мы можем повлиять на события» (Попова 2006: 7).

Ее жизненный опыт был иной, чем у Левады. Она сама признавала, что ей сопутствовало везение. Ей удавалось убеждать местные власти сотрудничать с социологической службой. Это сотрудничество было трудным, но оно приносило реальные плоды. На основании этого опыта Ирина Марковна была убеждена в том, что без социального заказа, который формирует и финансирует государство, социологическая наука успешно развиваться не может. Она с самого начала отбросила миф о свободе научного творчества в условиях рынка. Диктатура денег не менее тяжела и унижительна, чем диктатура власти. Бизнес не заинтересован в фундаментальных исследованиях и, как показала практика, не стал в них вкладываться.

Ирина Марковна жила жизнью исследователя жизни или, говоря профессиональным языком, «социальной реальности». Она никогда не порывала со своей профессией, как сделали это некоторые известные обществоведы в годы «перестройки», уйдя в публицистику и политику. Она служила обществу своим «аппаратом истины». Поэтому ее нельзя отлучить от той традиции, которой следовал Ю. Левада и у истоков которой стояли Бенедикт Спиноза и Карл Маркс. Обладая пламенным темпераментом, гневной мощью, в которой преобладал пафос борьбы с социальной несправедливостью, Маркс особенно стремился убрать из своих текстов даже намек на авторский субъективизм.

По этой причине некоторые критики несправедливо упрекали его в имморализме или даже в аморализме. И вот здесь мы выходим на главную проблему внутреннего мира Ирины Марковны, а именно: как совместить научный разум и активную социальную позицию, совесть. Кажется, ее решение было в пользу науки. Решение трудное. Ирина Марковна в письме В. Шляпентоху от 27 мая 2007 г. писала: «Прихожу к выводу, что «Запад» ведет себя вполне естественно, соответственно своей природе. Любить его или ненавидеть — бессмысленно. Пытаюсь следовать совету И. Рывкиной, который она мне когда-то дала, когда я выражала свое возмущение одним нашим общим знакомым: «Не делай это объектом эмоций, а делай предметом анализа»». Как сказал поэт:

*Добру и злу внимая равнодушен,
Не ведая ни жалости, ни гнева*

Вероятно, Ирина Марковна пыталась ломать себя и следовать постулату научности. Но интеллигент-шестидесятник, живший в ней, не уступил своей позиции. В этой точке ее внутреннего мира социальный мыслитель Руссо ополчился на просветителя Вольтера: знание само по себе не освобождает, только борьба приводит к цели, а борьба без страсти, гнева и злости не бывает. И никто иной, как Маркс писал: «Страсть — это энергично стремящаяся к своему предмету сущностная сила человека». Понять причину этой страсти — вот задача ученого социолога, потому что рождение и возрождение общества совпадают с внезапным появлением такой страсти. В подобные моменты поднимается волна энтузиазма, властвующего над действительностью.

Последние выступления И.М. Поповой выглядят сейчас как завещание. Она ратовала в них за публичную социологию. Так, например, выступая в Киеве за полгода до ухода из жизни, 10 декабря 2007 года, на I Международных социологических чтениях памяти Наталии Паниной, она убежденно заявила: «Считаю, что социология, по самой своей сути, является публичной наукой, если иметь в виду, что она изучает человека в обществе и общество в человеке, имеет в поле зрения самые различные сферы, самые различные свойства, характеристики, проявления личности. Социология должна быть публичной наукой и является ею, а также является основой гражданственности» (Попова 2011: 59).

Важно не только то, что сказано, но и кем сказано. Произнесенные слова могут быть суждением, которое обладает нестойкостью мнения, а может быть, как в случае Ирины Марковны, нравственным убеждением, выношенным не только в противостоянии власти имущим, но и в борьбе с собственными сомнениями.

Отстаивая необходимость для социолога гражданского самоопределения, И.М. Попова четко следовала традиции русской интеллигенции, тогда как Ю.А. Левада попытался, на мой взгляд — неудачно, с нее соскочить. В этой связи уместно вспомнить, что английский сэр и русский еврей Исайя

Бёрлин (1909—1997) указал на разницу между «французским» и «русским» подходами к жизни. «Француз», занимаясь чем-либо профессионально, той же наукой, не выходит за границы своих обязанностей. Образно говоря, француз никогда не задается вопросом: «Зачем дорога, если она не ведет к Храму?» Он выполнил «заказ», построил дорогу, получил за это деньги и был таков. Не его дело задаваться вопросом, куда она ведет. Может быть, к концлагерю. А «русский», пока не выяснит, куда ведет дорога, к строительству оной не приступает. Поэтому с дорогами у нас так плохо. Зато с разговорами на моральные темы очень даже хорошо. Русский человек целостен. Поэтому у него профессионализм неотрывен от морального критерия. Я бы назвал это «русским сократизмом». Чем бы он не занимался, он должен служить добру. Если, к примеру, он занят наукой, то это означает, что он практикует добро посредством аппарата истины. Социология как наука, пожалуй, ближе других (кроме экономики) стоит к людям. Это означает, что у социолога особенно велик соблазн повлиять на практическую ситуацию.

Ирина Марковна была членом КПСС. Человек, с которым она вела в последние годы постоянную переписку и которого ценила за его аналитические способности — профессор Мичиганского университета (США) В.Э. Шляпентох считал, что принадлежность к КПСС автоматически делает человека конформистом. В своем блоге он написал: «Ни в коем случае я не выступаю судьей всех 18 миллионов моих бывших соотечественников. Среди них много моих друзей. Однако все они были конформистами (за некоторым исключением). Конформистом был и я» (Шляпентох 2011).

Трудно осознать антинародную сущность общественно-политического строя, который поставил официальную цель привести народ к коммунизму, где материальное изобилие будет сочетаться с духовным совершенством человека. Мой отец был коммунистом, вступил в партию в армии, которой отдал около тридцати лет жизни. По характеру — ярко выраженный правдолюб. И в армии, и, особенно, на «гражданке» в годы «застоя» он боролся, как учила партия, с «недостатками», которые почему-то прикрывались или прямо исходили от начальников. Поэтому борьба всегда была неравной. Начальники помаленьку воровали, строили дачки за счет «своих» предприятий, охотничьи домики с саунами за счет профсоюзных средств, раздавали квартиры своим родственникам и т.п. Отец этого перенести не мог. Писал в вышестоящие инстанции. Приезжали комиссии. Начиналась борьба, похожая на возню. Результат: отец получил ряд выговоров с занесением в учетную карточку и три инфаркта. Но и после всего этого он не мог поверить в то, что идеи и дух социальной революции Октября 1917 года полностью испарились в процессе своей материализации. Система хорошая, неважный человеческий материал ее искажает. Так думали миллионы рядовых коммунистов и просто граждан. Стабильность, социальные лифты, работа по специальности, бесплатное образование, медицина, социальные права и льготы перевешивали в их глазах недостатки, связанные с бюрократизацией

системы, моральным вырождением партократии и дефицитом материального обеспечения. Надо ли считать моего отца (и многих таких же, как он) конформистом? Думаю, нет. Он не приспособился. Он на своем уровне сражался и «перестройку» воспринял с восторгом как долгожданное время.

То же самое можно сказать об Ирине Марковне. Может ли конформист сказать такие слова: «Я смогла прожить жизнь в соответствии со своими принципами и, не бедствуя, заниматься интересным для меня делом, сохранив собственную позицию» (Попова 2011: 15). В этой маленькой сухонькой женщине обитал неукротимый дух, что-то самоотверженное и непреклонное. Она была *не согласна!* Не согласна с Властью. Вначале советской, которая позиционировала себя как власть трудящихся, но на самом деле была властью аппарата, номенклатуры, партийно-государственной бюрократии с присущими ей формализмом, начетничеством, безразличием к людям. Потом вместе с независимой Украиной появилась «новая» власть. Но ее антинародная сущность почему-то осталась неизменной, хотя ее легитимность основывается на демократических процедурах. Переход от одной Украине к другой был символично обозначен фигурой Л.М. Кравчука, «переложившего» власть из одного кармана в другой. Конечно, лучше уж перевертыши и ренегаты, чем националистические вурдалаки. Но с точки зрения моральной (а только она и была приемлема для Ирины Марковны) Кравчук-президент — это верх пошлости и лицемерия. Так национальные движения не побеждают, так побеждают бюрократии.

В постсоветские времена Ирина Марковна не изменила левым убеждениям. Живший в ней и служивший ей ориентиром дух шестидесятилетия, романтического коммунизма не мог принять общество, в котором правит финансовый капитал с его бездуховностью и антигуманизмом¹. Заложенные в советской школе идеалы не были поколеблены под напором антисоветской чернухи. Как и раньше, она питала глубокое уважение к тем деятелям мировой и отечественной истории, которые посвятили свою жизнь революционной борьбе за освобождение людей от всех видов угнетения и эксплуатации. У нее была, если хотите, ярко выраженная партийная позиция. Она принадлежала к неформальной партии труда и справедливости. В интервью по случаю 70-летия Ирина Марковна сказала об этом исчерпывающе: «Я в глубине

¹ К слову, созданная у нас финансовая система является суррогатом, имитацией западной: ни одного банка, надежно гарантирующего сохранность денег клиента и нормальное кредитование реального производства. Банки ориентированы чисто на грабеж. Западный капитализм все же заключает с человеком «контракт»: ты мне деньги, а я тебе товар. В нашем исполнении это звучит так: ты мне деньги, а я тебе проблему. Поэтому античеловеческий характер нашего новоявленного капитализма приобрел законченный вид уже в первые два десятилетия своего существования. Если цель — это прибыль, то зачем оказывать услуги? Лишнее звено. Мы мыслим рационально, слишком рационально для Запада и для... прокурора. Впрочем, прокуратура у нас тоже «лишнее звено». Не только в революционном, но и в контрреволюционном креативе мы опять впереди планеты всей.

души своей и по убеждению была и остаюсь социалистом. Хотя никакого отношения не имею к одноименным политическим партиям. Это не значит, что я за повсеместную государственную собственность, за всеобщую уравниловку и подавление личной инициативы. Тем не менее, твердо убеждена, что естественное неравенство людей, различие их задатков и заложенных в них возможностей развития не столь велико, чтобы породить такую пропасть в их материальном жизненном уровне и в качестве их жизни, имеющую место практически во всех современных обществах. Очень хотела бы, чтобы человеческое общество достигло такого состояния, когда «развитие каждого является условием развития всех» (Попова 2011: 17).

Если в советское время *этика справедливости* поддерживалась в обществе более-менее равным социальным положением, то сейчас мы живем в обществе, где вопиющее социальное неравенство породило глубокое гражданское отчуждение. Люди унижены, оскорблены, живут «стратегией выживания» и ожиданием очередной волны кризиса. И все это под флагом демократии, то есть якобы выбора самого народа! Ирина Марковна была предельно возмущена антинародной политикой ельцинских реформаторов, которые позиционировали себя демократами. (Партия Е.Т. Гайдара называлась «Демократический выбор России»). Помнится, она принесла мне ксерокс статьи В.Э. Шляпентоха, в которой он называет Гайдара, Чубайса и Немцова «социально бестактными людьми». Она была в восторге. Вот уж кому она отказывала в интеллигентности, так этой группе «товарищей». Главная причина — откровенно антинародная направленность их реформ. Мол, сильные, богатые собственники будут платить большие налоги и вытянут слабых. Сейчас!

Некоторые письма из переписки с В.Э. Шляпентохом она пересылала мне для ознакомления. В одном есть место — прямо в тему. Привожу его.

27.05.2007.

И.М. Попова — В.Э. Шляпентоху

...Я согласна с Вашей основной идеей, что «антидемократичность» россиян и их симпатии авторитарности — не укорененный порок российского менталитета, а явление, порожденное объективными обстоятельствами, в которых приходилось выживать. Замечательно указание на «три фактора», характеристика тех конкретных обстоятельств, в которых оказалось большинство людей, утверждение о том, что «демократы уничтожили демократию». А оценка формулы: «Демократия ИЛИ порядок» — просто бальзам на мою душу. Сама постановка вопроса — дурацкая, а уж интерпретация выбора «порядка» как «отрыжки» тоталитаризма без учета реальной вакханалии, грабежа и произвола, когда людей лишили элементарных условий (кстати, «безопасность», на которую Вы указываете, очень важная вещь, например, когда это было, чтобы до третьего этажа включительно — решетки на окнах?) — совсем уж преступна. А поскольку все это увязывается со словом «демократия», а слова,

как известно, носят символический характер, действительность и развенчивает этот символ превращает «демократов» и «демократию» в слова бранные. У нас после «оранжевой революции» отъявленный демагог и «словоблуд» В. Ющенко заявил: «В Украине наступила новая эра — эра Великой демократии». Вот и познаем все прелести этой эры. На днях, например, показывали пикеты жителей одного из одесских дворов: прорвало канализацию и фекалиями затопило двор. Куда только они не обращались, результата нет. «Даже писали Президенту». Удивленный журналист задал вопрос: А как долго это длится? «Да уже больше месяца!!!!» Люди совершенно беззащитны, повсюду произвол и бесчинства чиновничества и «служилых людей» и все это под вывеской «демократии».

К этому времени Ирина Марковна уже «разобралась» с понятием «демократия», выяснила его идеологическую природу. В посвященной этому вопросу статье она писала, что в современном мире понятие «демократия» используется в символическом смысле, далеком от исконного, глубинного — защита интересов большинства населения. Либеральное понимание демократии, которое распространил Запад на весь мир, сводится к наличию формальных признаков демократического режима, таких как парламентаризм, свободные выборы, многопартийность, свобода печати и т.п. Поэтому наша новорожденная буржуазия быстро смекнула, что «демократия» ей очень подходит, поскольку нисколько не мешает проводить антидемократическую по сути политику (Попова 2007: 13-20).

Ознакомившись с этой статье, я послал И.М. письмо следующего содержания:

1 декабря 2007 г.

Уважаемая Ирина Марковна!

Прочитал Вашу статью об идентификации и мифологизации «демократии» и подивился тому, как в унисон мы с Вами думаем, поскольку я одновременно опубликовал статью на близкую тему, которую ниже прикладываю для Вашего ознакомления¹. Может, Вам будет интересно. Забавно и то, как жизнь идентифицирует интеллигента. Верный признак — перманентный конфликт с властью. В советское время мы протестовали против того, что партocrats наплевали на коммунистические идеалы, а в настоящее время испытываем желание махнуть эту «демократическую» власть за то, что ей далеко до советской, которая хоть и по-бюрократически, но все-таки была больше сориентирована на народ, меньше лгала в основном, не допускала людей до нищеты и абсолютной безнадеги под болтовню о представительстве народных интересов во власти.

¹ Речь шла о статье «Рационализм и мифотворчество в политическом процессе в Украине» (Вісник Одеського національного університету. — Том 13. — Випуск 5: Соціологія і політичні науки. — Одеса, 2008. — С. 585—595).

В самом деле, кто только не издевался над ленинским *демократическим* лозунгом: «Мы научим каждую кухарку управлять государством». Кухарка, может быть, и не управляла государством в СССР, но «кухаркины дети» становились министрами и маршалами, академиками и народными артистами. Сегодня правнуки этих кухарок числят себя новой элитой и при этом странным образом поливают грязью советскую эпоху, достоинство которой они себе наглым образом присвоили на правах собственников. Что-то в этом глубоко неправильное, нездоровое, безнравственное и в то же время... справедливое, если вспомнить, как революционное поколение беспощадно и бездумно разрушило культурный мир дореволюционной России вместе с его носителями. Известный тезис М. Гефтера о том, что история России движется катастрофами, может быть дополнен — и беспамятством и неблагодарностью детей к своим отцам и дедам.

В социологии есть разделы, где для того, чтобы сделать квалифицированные выводы, мало быть высоким профессионалом, необходимо иметь гражданскую порядочность. Ирина Марковна об этом знала и говорила открыто (Попова 2007: 19).

И не просто говорила, а доказывала на личном примере возможность союза Вольтера и Руссо. «Пожалуй, редко можно встретить в нашей стране философа или социолога, у которого столь сильно бы совпадали исповедуемая концепция и жизненная программа», — писали об Ирине Марковне ее коллеги профессора Э.А. Гансова и Н.А. Победа (Гансова, Победа 1993). Не случайно в постсоветские годы ее занимали проблемы социальной справедливости, детской беспризорности, так называемой «реформы ЖКХ» — темы, где обнажались страдания народные, властью порожденные.

Я пытался найти зазор между ипостасью исследователя и интеллигентской сущностью Ирины Марковны — и не находил. Ирина Марковна была *гражданственным социологом*, то есть в прямом смысле слова относилась к интеллигенции как социальной группе, характеризующейся нравственной установкой на жизнь ради «простых людей». В этом она видела предназначение социологии как прикладной науки — не познание ради истины, а познание ради улучшения жизни. Это — кредо интеллигента чистой воды.

7. ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ

Интеллигентское существование предполагает напряженность, которая имеет название «проблема свободы». Ирина Марковна была цельным человеком, осуществлявшим свой опыт свободы в этом мире. При этом важно подчеркнуть, что ее отличала не цельность как таковая — она может быть цельностью глупца, а цельность как результат внутренней борьбы и победы над соблазнами внешнего мира. Существует объективный мир и мир, обозначенный именем *Ирина Марковна Попова*. Оба временами бывали недовольны друг другом, но в чем-то существенном они друг на друга влияли, поскольку

между ними происходил обмен энергиями. На основе разности потенциалов осуществляется обмен энергиями при сохранении самостоятельности — такова общая схема взаимодействия свободного человека с миром необходимости. В результате чем больше человек живет на свете, тем больше мир становится «миром-для-него».

Сам предмет изучения социолога — общество — уводит от мысли о свободе к мысли о взаимной ответственности. Ведь та свобода, которую нам гарантирует *de jure* конституция, на самом деле всего лишь возможность, которой может воспользоваться *de facto* свободный человек, а таких в той же Украине не наберется и маленький поселок. Так что внутри социологии Ирина Марковна, даже при всем своем желании, мыслить о свободе не могла. Будучи интеллигентом, она могла ставить вопрос о свободе в политической области. Такова уж природная слепота русской и, особенно, советской интеллигенции — искать свободу там, где ее нет и быть не может — на путях политики. И вот здесь выявляется диалектическое противоречие в подходах и способах к решению проблемы свободы. Интеллигент ее понимает и решает как независимость *от* власти, тогда как социолог в силу своей профессиональной заикленности на обществе склонен стремиться к свободе *через* власть, ее эволюцию в сторону либерализации. Значит, линия поведения интеллигента такова: нужно не отстраняться от власти, а наоборот, стремиться контактировать с ней, толкая ее в сторону самопреобразования на демократических началах, но при этом не быть во власти.

На эту тему у меня состоялся следующий диалог с профессором кафедры социологии Одесского университета Нелли Александровной Победой.

АВТОР: Я задам Вам вопрос, который мне представляется очень важным — о соотношении в личности Ирины Марковны двух ипостасей — ученого и интеллигента. Что в ней преваляло: общественный темперамент или все-таки в основе лежало стремление исследовать общество, а затем применить полученные знания на практике, то есть в политике?

Н.А.: Я бы не делала такой типологии, как ученый и интеллигент, не противопоставляла их. Я бы сказала, что исследовать социальную реальность — это было ее призвание. Другое дело, что она, в отличие от многих социологов, сохраняла позицию публициста. Мало кому удается писать на научном языке и быть публицистом, общепонятным языком доносить до людей актуализированное знание. Ей это казалось одинаково значимым. Этим она привлекала к своей личности самые различные слои населения. Это была одна стратегическая линия.

АВТОР: Публицистика — это политический жанр. Писать в газету на общественно значимые темы — значит войти в поле политики, а там свои законы, там — столкновение с властью.

Н.А.: Публицистика — это, конечно, политический жанр.

АВТОР: Знаете, я вот о чем думаю. Почему мне важно это разделение на ученого и интеллигента? Оно выступает как внутренний конфликт,

который личность разрешает в нравственной плоскости. Естественно-научный подход требует иметь дистанцию между исследующим субъектом и исследуемым объектом. Другое дело то, чем занималась Ирина Марковна. Она не могла оставаться бесстрастной к тому, что происходило в обществе. За жанром публицистики стоит нечто большее, чем умение владеть легким стилем, обращаться к большой аудитории на понятном ей языке. За этим стоит страстное желание доказать свою правоту власти, выступить в защиту народа, простого человека, «совка», как презрительно выражаются либералы. Это — сугубо интеллигентская черта. Интеллигент родился в России в том момент, когда образованный человек посмел выкрикнуть в лицо власти: «Не так!». У Ирины Марковны с властью были сложные отношения. С одной стороны, она очень часто выступала против, а с другой, она доказывала, что социологу с властью надо иметь дело, иначе он не сделает науку и не задаст власти обоснованный вопрос о ее долге перед народом.

Н.А.: Одно другому не противоречит. Вы как-то смешиваете позицию и действие. Я думаю, что она была человеком последовательным. Поэтому, с одной стороны, она исследовала это поле и понимала, что конечной целью социологического исследования является не информация, а действие, внесение улучшающих изменений в это поле. Я знаю, как она ходила в МВД, в горисполком по поводу социальных сирот, чье положение изучала. И раньше, и позже она этим занималась.

Нужно знать технологии управления. Мы по заданию того же Р.Б. Боделана¹, когда он был мэром города, сделали проект, который был связан с функциональным распределением обязанностей и согласованностью различных комитетов и управлений горисполкома между собой. Речь шла о рационализации структуры управления. Мы столкнулись с простыми вещами. Оказывается, некоторые управления совсем не согласуют свою деятельность с другими управлениями. Они работают ровно так, как мы с вами на кафедрах: мы выполняем свои планы, не координируя работу друг с другом. Они рассчитывают только на мероприятия. Вот мероприятия считаются управлением. Мы объяснили им, что это не есть управление. Самая большая проблема, которую нужно было разрешить, это внутреннее согласование по поводу разных обращений граждан.

Поэтому еще раз повторю, что Ирина Марковна была человеком последовательным. Она отстаивала свою позицию в разных структурах власти и действовала в рамках советских идеалов. Может быть, это была ее неосторожность, может быть, это было ее заблуждение, может быть, это реакция на то, что мы работаем бесполезно, поскольку власть не хочет реагировать. Кстати, эта традиция продолжается. Власть как не прислушивалась, так и по сей день не прислушивается к рекомендациям исследователей. И, главное, у наших руководящих товарищей нет того понимания, которое есть на Западе, что данные, полученные научными методами, нужно прорабатывать и переводить в управленческие решения.

¹ БОДЕЛАН Руслан Борисович — профессиональный аппаратчик, в советское время руководил Одесской областной комсомольской организацией, был секретарем райкома, горкома КПСС, в постсоветское время был губернатором Одесской области и мэром Одессы. Оставил в городе о себе заметную, противоречивую память.

Здесь я прерву наш диалог, поскольку он вывел нас с уважаемой Нелли Александровной на принципиальный вопрос. Полагаю, проблема заключается не в технологии, не в ошибках управления. Речь идет о другом: о принципиальной разнице интересов людей власти и народа. Именно в этом противоречии рождается политика, которую не объяснишь недостатками управления. Здесь не технологическая ущербность, а социальная слепота. Здесь не недоразумение, а сознательная линия. В новых исторических условиях представительной демократии и дикого капитализма открылось то, что в советской системе можно было списать на партийно-государственный бюрократизм, а именно: у тех, кто управляет, и у подвластного населения разные классовые интересы. Власти вроде бы действуют на основе мандата, данного народом, то есть «снизу», но в их задачу входит обеспечение собственных групповых интересов по всей вертикали управления и распоряжения ресурсами, то есть сверху вниз внутри правящего класса, но не ниже. Им практически не нужно отчитываться перед народом, поскольку их положение зависит только от вышестоящих начальников. Они устроили конкуренцию между собой за право владеть властью, чтобы распоряжаться созданной народом собственностью в качестве частных владельцев. Это и было сутью контрреволюции 90-х годов.

Нелли Александровна верно отметила, что у Ирины Марковны были советские идеалы. И она была марксистом. Как практикующий социолог она наблюдала процесс быстрого расслоения населения и формирования классов с антагонистическим интересами. И как советский человек, и как ученый-марксист, и как интеллигент она сознательно выбрала место с народом, а не с властью новых буржуа. К этому выбору она пришла не сразу. У нее был период иллюзий в отношении власти, связанный с «перестройкой» и Горбачевым.

Следует также учесть то, что старая партократия, сохранившая свои властные позиции, должна была свыкнуться с новой ситуацией, когда все можно и тебе за это ничего не будет. За тобой не придут люди из ОБХСС или КГБ. Тот же Руслан Боделан медлил, привыкал, перепахивал себя. Отдавать за бесценку депутатам общенародную собственность ему мешали «предрассудки» советского воспитания. Не таков был другой типаж управленцев того времени. Их олицетворял в Одессе оппонент Боделана Эдуард Гурвиц. Эти вошли во власть с сознанием буржуа и пониманием революционного момента передела собственности и власти. В советское время к власти они доступ не имели. Разве что в качестве подследственных. Когда стало можно, стремительно ворвались во власть и на волне демагогии о демократии и рыночной экономике, подобно волку в отаре, стали бешено рвать на куски государственную собственность, оказавшуюся в их управлении. Целые города и отрасли они сделали инструментами своего личного бизнеса, средствами доходов, при этом ничего не производя. Сколько будет дважды два с откатом — вот вопрос, который они решали от рассвета до заката. Если характеризовать экономический процесс 90-х и нулевых годов одним словом, то этим словом

будет «кража». Ему соответствует эвфемизм «приватизация». И так, перед нами два типажа хищников из украинской человеческой зоологии. Народу предложили выбирать из них без права сказать: оба хуже. Овцы выбирают себе начальников из волков. Такова наша демократия.

Научный результат — это текст, формула, рекомендация. Дальше ученый может не идти, дальше — не его область. Чтобы идти дальше, надо сойти с позиции ученого и встать на другую позицию. Знание не освобождает, а обязывает, но обязать оно может только интеллигента. Знать чью-то боль и сочувствовать ей — это еще не значит занять гражданскую позицию, позицию борьбы. Последовательность, о которой говорит Нелли Александровна, только кажущаяся, ибо интеллигент начинает с того, чем заканчивает ученый. И между ними, вернее, их позициями, пролегает ров, который надо заполнить собственным мужеством и гуманностью. Большинству из нас их недостает. Хотя бы потому, что страх за свою жизнь и благополучие никто не отменял. Противоборствовать, не соглашаться с властью всегда накладно, если ты, конечно, не в оранжевой толпе. При этом то время, которое вы затрачиваете на борьбу за справедливость, отнимается у науки. Ученый, строго говоря, должен считать его напрасно потерянным. Здесь момент сшибки совести с профессионализмом. Игнорировать его — значит игнорировать внутренний трагизм жизни.

Однако продолжим прерванный диалог с профессором Н.А. Победой.

АВТОР: *Ирина Марковна не любила Америку, а между тем ее дети и внуки живут в США. Она Вам не говорила о своих переживаниях по этому поводу?*

Н.А.: У ней было глубокое разочарование по поводу взаимоотношений поколений, своих собственных детей. Леонид Николаевич участвовал в войне, защищал свою Родину, а их дети уже по-другому расценивали жизнь в ней. Они уехали в Америку не ради новой свободы, а элементарно по материальным основаниям и с точки зрения самореализации. То есть со страной их ничего не связывало, кроме нежелания переживать ее трудности. Я уж не знаю, как они там реализовались, но для Ирины Марковны это было глубоким разочарованием.

АВТОР: *Мне рассказывали, что она пыталась вырвать внуков из американского влияния. И, конечно, случались сшибки взглядов на образ жизни у нас и в Америке.*

Н.А.: Безусловно, это была сшибка. Это выражалось в нескрываемом презрении детей к нашей действительности: как вы тут можете жить?!

АВТОР: *Как вы тут живете!? Вымираете? А вот мы в Америке... Да, в такой позиции есть моральный изъян.*

Н.А.: Я имела дело с профессором Реем Тарасом. Его родители — этнические поляки, эмигрировали в Канаду. Он работает в Новорлеанском университете, написал пятнадцать монографий. Зарабатывает в США деньги, но американское гражданство не принимает, остается гражданином Канады.

АВТОР: *Почему?*

Н.А.: А он не считает, что Америка — та страна, чьим гражданством можно гордиться. Мне его позиция импонирует. Я так думаю, что он свободный гражданин.

АВТОР: *Может, он гражданин мира. В нашей отечественной, русской традиции эта позиция скорее осуждается, чем поощряется. Если вспомнить, как устроился в жизни И.С. Тургенев, то мне понятно неприятие его как человека, а потом это переносится и на его творчество, — со стороны Толстого и Достоевского. Ирина Марковна не воспринимала западное общество, поскольку оно себя позиционирует как общество потребления. И здесь она тоже впадает в традицию: и Герцен, и тот же Достоевский в XIX в., Солженицын и Зиновьев в XX писали о мещанстве как о доминирующей черте западной цивилизации.*

Н.А.: Ну, мы такими фразами говорим... Она с удовольствием ездила в разные страны, наблюдала, но была ли она в восторге... Это разные вещи — восхищаться архитектурой или демократическими порядками, которые как-то конституционно и инструментально выражены, и быть жителем данной страны, воспринимать ее изнутри. Я думаю, что, несмотря на великое разочарование последних лет, она ощущала себя гражданином своей страны и смотрела на порядки в других странах именно с позиции наблюдателя, не примеряя их на свою жизнь. Она не сожалела о прожитой жизни, даже притом, что она бросала партийный билет...

АВТОР: *Было такое?*

Н.А. Да. Она была импульсивна. Это было время Руха. Мне было странно. Мне хватило одного опыта, чтобы оценить разного рода партийные движения.

АВТОР: *Это говорит о том, что у нее был общественный темперамент. Она хотела участвовать.*

Н.А. Ну, конечно. В этом отношении надо преклоняться перед ней, потому что таких людей мало. Вместе с тем, я считаю, что это личная стратегия каждого.

Я согласен с Нелли Александровной: каждый имеет право выбирать, и только вследствие этого акта наступает ответственность. Это и есть практика свободы. Свободный человек не может пенять на окружающих за то, что с ним случилось. Он всю ответственность берет на себя. Но дело в том, что для Ирины Марковны выбора не было. Ее выбор был предопределен жизненной позицией, характером, историей личности.

То, что имеет форму выбора, на самом деле есть проявление сущности здесь и сейчас. А она всегда тождественна себе. Недостаток мужества, который человек обнаруживает в себе, когда он колеблется при принятии решения, есть не что иное, как недостаток, более того, порок его недоразвития. Человек слаб — это понятно, но он должен снова и снова пытаться вести нелицеприятный разговор со своим внутренним Я, своей духовной сущностью, которая и есть подлинный человек, живущий в телесной оболочке, в мифическом образе данного человека. Человек, который оправдывает свое неучастие в извечной битве добра и зла семьей, детьми и прочее, полагает, что он избежал судьбы,

но именно с этого момента судьба им и занимается. То есть его участь от него уже не зависит. Она решается людьми, которые сделали выбор за (вместо) этого человека. При этом, ничего не сделав, он совершил убийство. Он убил свою совесть, которая могла бы манифестироваться как свободный поступок. Такая жертва не принимается Высшей Силой. Убийство есть убийство. Предательство есть предательство. Даже если предаешь самого себя. Так из самой глубины человеческого бытия возникает тема предательства. За ней следует тема покаяния — вторая коронная тема интеллигентского существования. Впрочем, эта проблематика Ирину Марковну не затрагивала. Мужества ей было не занимать.

8. СОЦИОЛОГ И ВЛАСТЬ

Сделаю еще один заход на тему: «человек науки и власть» — в силу важности обсуждаемого вопроса.

Дело в том, что общение ученого с властью не может быть равноправным и свободным. Вступая в контакт с властью, он *поневоле* теряет способность служить истине, соскальзывая на дорогу либерала-прогрессиста из сказки Салтыкова-Щедрина, который по предписанию власти вначале действовал «по возможности», затем «хоть что-нибудь», а в конце — «применительно к подлости». Либеральный конформизм не доводит до добра, а скорее наоборот — вот мораль сей «сказки». В системе *исследователь-власть* первому отведена служебная, точнее даже, обслуживающая роль помощника, ибо власть сама решает, до какой степени и в какой мере она воспользуется помощью социолога. При этом, власть не только эксплуатирует истину в своих интересах, но и прикрывается авторитетом науки и личным авторитетом таких принципиальных и честных людей, как Ирина Марковна. Сотрудничество с властью чревато для ученого-интеллигента слишком большими нравственными издержками и, главное, потерей цели. Разве не испытала Ирина Марковна многократно чувство разочарования и обманутости от контактов с властью предрежащими?

Степень тотальности Системы в 60—80-е годы существенно отличалась от 1950-х. В Москве была одна ситуация, в регионах — другая. Даже в одной и той же академической среде обстановка сильно разнилась в зависимости от начальства и традиции. Были ретроградные «заведения», где царил жесткая требовательность к идеологической лояльности, но были и оазисы свободомыслия. Классический пример — Институт международного рабочего движения (ИМРД), под крышей которого собрались самобытные философы и социологи. Они занимались, чем хотели. Это стало возможно потому, что ИМРД жил «под крылом» крупного партийного функционера, вице-президента АН СССР, *отца советской социологии* академика А.М. Румянцева. Профессор Ядов о периоде своей работы в другом «передовом заведении» — Институте конкретных социологических исследований (ИКСИ),

созданным по инициативе того же Румянцева в 1968 году, констатировал: «При Румянцеве была прекрасная либеральная атмосфера».

И.М. Попова в своих контактах с партийно-советской властью учитывала то, что та не представляла собой тотального целого. В силу конфликта интересов и конкуренции внутри властных структур всегда была возможность найти людей, готовых поддержать социологические проекты. Поиск союзников в обкоме или горкоме был нормой политических отношений социологов с властными структурами. В конце концов ученые были членами той же самой партии и, кроме того, обладали аурой знатоков «единственного в мире истинного Учения».

Поскольку Ирина Марковна не была политиком, а подходила к политике с позиций интеллигента, общественного деятеля, то некоторые вещи она, что называется, «не догоняла». К примеру, она недоумевала: почему ударили по Леваде, почему запретили чтение лекций, которые не несли в себе никакой крамолы, а всего лишь популяризировали основы социологического знания?¹ Впрочем, не только Ирина Марковна пребывала «в непонятке». Вот что пишет В.Э. Шляпентох: «Сейчас, почти сорок лет спустя, трудно понять слепоту социологов, чьи имена уже были известны стране, не видевших и не чувствовавших нарастающей волны политической реакции, зародившейся еще в 1964 г. Единственное, что нас всех извиняет, — это то, что мы не могли знать о начале охоты на Румянцева со стороны тогдашних ястребов из ЦК. Вотличие от сталинских времен, когда неугодных ликвидировали мгновенно, она длилась несколько лет, вплоть до 1972 г., когда Румянцев был снят с должности директора ИКСИ» (Шляпентох 2007).

Дело в том, что Ю.А. Леваду выбрали «козлом отпущения». Шел 1968 год. «Пражская весна». Суслов, Гришин и другие ультраконсерваторы в руководстве партии сочли момент удобным, чтобы расправиться с главным либералом в ЦК КПСС. Они метили в члена ЦК КПСС, вице-президента Академии наук, директора ИКСИ, академика А.М. Румянцева, считая его главным ответственным за «расползание ревизионизма» в стране.

Тем не менее на роль «козла отпущения» Левада был выбран не случайно. Он был авторитетной фигурой среди социологов. Яркая личность. Лидер. Сама Ирина Марковна свидетельствовала: «Юра Левада был нашим кумиром. Все, что он говорил, казалось значительным и важным» (Попова 2011: 44). Вокруг него сложилась либеральная, прогрессивная среда. На своей квартире он устраивал что-то вроде семинара, куда приглашались не только социологи и где шел откровенный, свободный разговор на все актуальные темы, в том числе и о событиях в Польше и Чехословакии. В общем, «гнездо

¹ Это так и есть. На объединенном заседании кафедр философии Академии общественных наук при ЦК КПСС и Высшей партийной школы при ЦК КПСС 24 ноября 1969 года Ю.А. Левада заявил: «В данном же курсе <...> я считаю важным дать прежде всего основы положительных знаний... Букварь — тоже оружие в идеологической борьбе, если велика неграмотность или малограмотность» (Российская социология шестидесятых годов, 1999).

шестидесятников». С партийными бонзами Левада по молодости лет вел себя независимо, может быть, даже высокомерно. В общем, кандидат на «проработку» он был отменный. Посредством санкций против него социологию поставили в «рамки».

Но если вести себя по-умному, использовать механизм двоемыслия, распространенный в том же партаппарате, опираться на решения партии и правительства о мерах по совершенствованию *научной* системы управления производством и прочее, то можно было найти общий язык с партийными органами. Ведь в их работе, помимо идеологического, был и деловой аспект. У них был «сверху» спущенный план по науке. Его надо было выполнять. Пусть ученые займутся, глядишь, какая-никакая польза образуется. Так или примерно так рассуждали в кабинетах руководителей среднего звена.

С властью надо было договариваться, власть нужно было убеждать, наконец, власть можно было использовать, ведь она, партийная власть, сама разделяла мифы, которые производила, и считала для себя необходимым выдвигать или поддерживать всякого рода почины по внедрению научных методов руководства.

Основоположник социологической науки Огюст Конт разрабатывал модель научно управляемого общества. В советскую эпоху идея научного управления обществом легла в основу главного советского мифа. Ирина Марковна, несомненно, разделяла этот идеал. Ее мысль не доходила, конечно, до прямой социократии: не власть социологии, но власть на основе социологии.

По заказу властей и в тесном контакте с администрацией предприятий социологическая группа Ирины Марковны на протяжении многих лет занималась социологией труда, изучала вопросы текучести кадров, повышения управления производством и эффективности труда за счет его стимулирования. И в течение всего этого времени она находилась в состоянии скрытого конфликта со своими заказчиками. Суть этого конфликта хорошо разъяснил В.Э. Шляпентох: «Конфликт между прагматическим знанием и идеологическими ограничениями всегда был в центре советской истории, как, впрочем, истории всех других коммунистических режимов. Лидеры этих режимов в идеале хотели и того и другого — обладать информацией, полезной для укрепления своей власти, и одновременно сохранять незыблемыми основы идеологии» (Шляпентох 2007).

Видимо, нельзя запрячь в одну упряжку коня и трепетную лань. Практики от КПСС не были крестинами (некоторые из них были неплохо образованными людьми), но ее величество Система имела свой ум и свою властную логику. Вера в Систему важнее веры в науку — таков был постулат советских партократов. Поэтому они снисходительно смотрели на попытки искренних сциентистов вроде Ирины Марковны помочь Системе своим инструментарием. Они «знали» и не нуждались в помощи. Так однажды и заявила Ирине Марковне заведомо науки одесского горкома партии. Действительно, как могут ученые судить о том, что нужно делать Партии, когда именно

последней принадлежит безраздельное право диктовать всем, что нужно делать.

Колебания власти между пользой социологии и ее вредом для идеологического имиджа диктовали тактику по отношению к ней: власть лавировала, местами запрещала, местами поощряла, надеясь на положительное сальдо в итоге. Положение осложнялось тем, что и внутри самой власти точилась борьба. До поры до времени она носила подковерный характер, а в годы «перестройки» выплеснулась на поверхность. Вот, к примеру, как описывает эту ситуацию Борис Дубин в начальный период работы ВЦИОМа (1987—1989 гг.): «Делались попытки подрвать значение наших исследований и даже «зарыть» весь этот проект. Потому что там, наверху, уже шла борьба по своим причинам и поводам, а мы оказались одной из карт в этой борьбе» (Дубин 2009).

В силу указанной двойственности Ирина Марковна долгое время пребывала в иллюзии, что то, чем она занимается, нужно власти как таковой. Просто среди партийных и советских функционеров встречаются недалекие и беспринципные люди, которые более всего озабочены своим положением, карьерой, спокойным существованием они тормозили прогресс. Ей верилось, что разум победит. Революционный дух «перестройки», демократизация власти, объявленная борьба реформаторов от КПСС с механизмом торможения, то есть с бюрократической системой, вроде бы позволяли надеяться на скорые и радикальные перемены к лучшему. Она вместе со своим коллективом включилась в ход бурных «перестроечных» событий, желая повлиять на исход. Позже, спустя десятилетия, призналась: «Сейчас я понимаю, сколь наивны мы тогда были, сколь переоценивали свои возможности влиять на происходящее» (Попова 2011: 55).

И все же контакт с властью был. И результат взаимодействия — тоже. Подводя итоги работы в советское время, Ирина Марковна говорила: «Власть считалась с нами и прислушивалась к нам. Особый интерес проявляли партийные органы, которые даже помогали нам. <...> Существовали достаточно квалифицированные социологические службы в Верховном совете Украины, в ЦК компартии Украины при Отделе агитации и пропаганды. По заданиям ЦК проводились масштабные исследования по всей Украине о социальной справедливости. Мы обследовали предприятия, делали выборку самых различных трудовых коллективов и выясняли отношения людей к социальной справедливости, определяли, какие существуют очаги неблагополучия, пытались выяснить факторы их порождающие, изучая документацию и реальную ситуацию. По результатам исследования были подготовлены информационные письма, докладные записки, которые направлялись в самые различные органы: и в городские, и в областные, и в центральные. Все это было — и не нужно об этом забывать» (Попова 2011: 62).

Сегодня весь негатив сознательно проецируется на советское прошлое: мол, все идет оттуда — пережитки, родимые пятна... Видимо, так устроена машина по производству идеологических мифов. Когда уважаемый Поповой

социолог, ректор Харьковского университета, президент САУ В.С. Бакиров в своем докладе на Первых международных социологических чтениях памяти Наталии Паниной 10 декабря 2007 года сказал о «подпольной социологии» советского периода, последовала немедленная реакция Ирины Марковны: «...Я хотела бы сказать, возражая квалификации этого периода как времени «подпольной социологии»: мы имели гораздо больше, чем сейчас, возможностей для проведения масштабных, именно нужных и актуальных исследований» (Попова 2011: 61). Обращаю внимание демократов и националистов — не просто «больше», а «гораздо больше».

Если диссиденты находились в принципиальной, непримиримой оппозиции к власти, то есть отрицали за ней право быть властью, то социолог Попова шла к власти с предложением работать вместе над улучшением общественных отношений. Она была убеждена в пользе от сотрудничества с властью не только для власти, народа, но и для социологии. Другого варианта просто нет. Внимание, это **главное**: *сотрудничество социологов с властью на постоянной основе превращало социологическую науку в важнейший социальный институт!* Это — принципиально новая культура управления, где каждое решение власти начинается с социологической экспертизы. А с точки зрения развития науки, социология получает в свое постоянное «пользование» огромную страну, осуществляя в ней крупномасштабные долговременные проекты, рассчитанные на 10—20—50—100 лет. Социология — не градусник, чтобы измерять температуру общественного мнения, когда власти или оппозиции это понадобится, а социальный инструмент самопознания общества.

Что оставалось Ирине Марковне после постигших ее разочарований, связанных с «перестройкой, которую мы потеряли»? Надо было начинать сызнова, поскольку развал советской системы не обошел и социологию. Она по сути перестала быть социальным институтом общества. В значительной степени были утрачены исследовательские традиции. Социология, как и все другие интеллигентные профессии, как наука в целом, перешла в режим выживания. Социологическое образование, рейтинговые опросы в период избирательных кампаний да плюс маркетинговые исследования, которые — как бы многим этого ни хотелось — наукой не назовешь — вот и все что осталось от былого размаха. Новый режим, позиционирующий себя демократической властью, не спешит проявлять заинтересованность в привлечении социологов для решения крупных государственных задач и, соответственно, финансировать свой «социальный заказ». Советский Союз хотя бы ради престижа немалые деньги выделял на развитие общественных наук. Глядя, как барахтаются в болоте кризиса «демократические» управленцы независимой от СССР России и независимой от России Украины, иногда ловишь себя на мысли, что они сильно смахивают на министра-администратора из фильма «Обыкновенное чудо». Этот министр все время был предметно занят «экономикой»: «Шесть фунтов королю, из них три мне; три фунта принцессе, из них полтора мне». Наука в его планы не входила, хотя кто-то и обучил его арифметике.

Ирина Марковна не потеряла самообладание, не ушла во внутреннюю оппозицию недалековидному режиму. Она снова и снова пыталась наладить взаимодействие с властями, областной и городской администрациями, тем более, что лица там были вполне узнаваемые. Иллюзий уже не было, но осталась принципиальная позиция: с властью надо сотрудничать. Вот ее прямая речь: «...вопрос взаимодействия социологии и власти. Если поставить его прямо, то он звучит так: должны ли мы сотрудничать с властью? И я отвечу на этот вопрос так — да, должны. Не только должны, но социологам просто необходимо сотрудничать с властью. Другое дело — в чем должно выражаться это сотрудничество и как нам следует себя вести в данном случае, какие позиции мы призваны защищать. <...> Сотрудничество должно заключаться в том, чтобы обращать внимание власти на социальные болезни и понуждать ее к наиболее целесообразному, с точки зрения интересов общества, интересов простых людей, решению социальных проблем» (Попова 2011: 60).

Сказано с убеждением, на основании опыта. Но как же ей самой дался этот опыт «сотрудничества»? Она задумала создать архив биографий и автобиографий простых одесситов, нескольких поколений граждан города, чтобы на их основе, используя качественные методы, изучать типологию населяющих город людей. Эпопея с Народным архивом началась в 2000-м году. Были составлены и переданы в различные городские и областные организации докладные записки, многочисленные справки, организована поддержка общественности города и осуществлён контакт с различными кафедрами одесских вузов. Совместно с работниками архивных организаций было разработано Положение о работе Народного архива. Наконец, тогдашний мэр города Р.Б. Боделан принял решение об организации сектора «Народный архив» при Городском архиве. Определено было и помещение, предоставляемое для работы Народного архива, и выделены две штатных единицы для его функционирования. Однако Народный архив в Одессе так и не был создан. Помещение, предназначенное для его работы, было продано одному из депутатов Горсовета для размещения там частного предприятия. Сама Ирина Марковна подвела итог: «Печальная история с Народным архивом — модель взаимоотношений социологов с управленческими инстанциями: наша информация и наши рекомендации, если даже проявляется заинтересованность в них и они принимаются к сведению, никогда не реализуются и, соответственно, не влияют на управленческие решения, не претворяются в практическую жизнь» (Там же).

На одной стороне *общество*, на другой — частный интерес одного дрянного депутатишки. И он одерживает верх: «помещение продано». С таким же «успехом» провалились попытки социологов во главе с Ириной Марковной помочь властям, соответствующим управлениям обл администрации и госадминистрации, в правильном решении проблемы беспризорности и реформы ЖКХ в Одессе. Ох, как тяжело иметь дело человеку гражданского долга с человеком административного толка!

Давно уже мы ничего хорошего не ждем от нашей власти. Вчитываясь в слова сухих отчетов Ирины Марковны, за которыми угадывается отчаяние

и беспомощность интеллигента, не могу не воскликнуть: «Все же какая у нас архаическая власть!» Написал «архаическая» и тут же поймал себя на мысли, что в древности власть и мудрец тянулись друг к другу. Идеалом была гармония власти и науки. В поучении фараона своему сыну, которое датируется XXII в. до н. э., говорится: «Не обходят мудрого... Мудрость, это [прибежище] для вельмож. Не нападают на мудреца, зная его мудрость. Не случается ложь в его время, так как «приходит к нему истина очищенная», как сказано в речениях предков».

Наличие у каждого государя «своего» мудреца — краеугольный камень политической традиции и идеологии образованной элиты древнекитайской империи. Сам факт привлечения на службу «достойного мужа» считался лучшим признаком эффективности управления. Добиться этого, однако, было нелегко, ведь «достойный муж» несет в себе полноту знания и славы не ищет. Он живет непременно в уединении и, как говорили в древности, «Сын Неба» не может сделать его своим слугой, а владетельные князья не могут сделать его своим другом».

Легко понять, почему мудрец отказывается идти во власть: он «хранит в себе праведный Путь». Но почему он все-таки соглашается сотрудничать с властью? Потому что это самый эффективный способ служить народу. То есть мудрец стремится поставить власть на службу добра и справедливости. В этом, вообще говоря, и заключается секрет привлекательности власти для интеллектуалов и возможность — хорошо известная и из истории России — внезапного превращения стойкого оппозиционера в государственного мужа. Поистине, честный ученый — лучший государственный муж. И опять я вспомнил о Сократе, который, если верить Платону, однажды в споре с «сильным человеком», политиком Калликлом заявил: «Я — единственный, кто в этом городе подлинно занимается искусством государственного управления и единственный среди нынешних граждан применяю это искусство в жизни». Этим он хотел сказать, что он единственный в целом городе думал исключительно об общем благе, а не о собственном кармане. Великие Афины в этот период переживали глубокий упадок, и мудрец Сократ указал на причину этого упадка — государственное мышление было подавлено частными интересами.

Социология не претендует на роль науки о гармоничном устройстве общества, она хотела бы быть *служебной* наукой. Без нравственной и политической воли власти наладить разумное управление социумом не удастся. С другой стороны, если проблема изучена, и вы знаете причины ее возникновения и оптимальные точки приложения сил для исправления ситуации, то почему надо бездействовать?

Партийно-советская власть была также ленива и нелюбопытна, черства и некомпетентна, как нынешняя псевдодемократическая, но дисциплина исполнения решений была у нее выше. Поэтому удавалось сделать больше. Сегодня власть занята «своими вопросами» и зачастую решает их в ущерб обществу. Одесские примеры — многочисленные истории с застройкой склонов, парков, санаториев — типичны для всей Украины. Очень символично

выглядит проблема детской беспризорности: не только дети, но и взрослые оказались в царстве беспризорности. И это *они* называют свободой.

* * *

Размышляя над коллизией «ученый и власть», «интеллигент и власть», я не мог не заметить, что авторы, пишущие на эти темы, почти бессознательно ставят «власть» на второе место, тогда как в жизни она занимает ведущую позицию и имеет собственные задачи, среди которых поддержание стабильности системы находится на первом месте и уже потом — ее развитие. То есть власть осторожна, консервативна по своей природе. Обращение ее к реформам всегда вынужденно. Тише едешь, дальше будешь — говорит народная мудрость, и власть с ней соглашается. Если посмотреть на коллизию власти и интеллигенции с указанной точки зрения, то открывается следующая диспозиция: есть люди, которые «отвечают» за прогресс, и есть люди, которые «отвечают» за его сдерживание. Мы, интеллигентские представители партии прогресса, таких людей не любим, мы их клеймим как «реакционеров». Вся прогрессивная Россия ненавидела Константина Петровича Победоносцева, стремившегося правдами и неправдами сохранить самодержавие — основу политической системы царской России. Сейчас выходят в печати его работы. И что же мы видим? Образованный человек, юрист высокого класса, знаток истории России, ее горячий патриот. Ту Россию господа прогрессисты в клочья разнесли. Их самих отправили «в расход» большевики. С большевиками разобрались они же сами. Сталин подвел итог. Пошли по новому кругу. Михаил Андреевич Суслов, этот Победоносцев советского образца, пытался что было сил морозить советский строй, но прогрессисты вновь его растоптали. А, может, Победоносцев был не так уж и не прав?

Однако вернемся к Ирине Марковне. Беседуя с коллегами и соратниками Ирины Марковны, автор пытался подтолкнуть их к теме обличения власти в лице «ярого реакционера» Руслана Борисовича Боделана, ведь было за что. Вспоминаю 1986 год. Только что состоялся XXVII съезд КПСС, взявший курс на перестройку. На общеуниверситетском партийном собрании выступал делегат съезда, первый секретарь горкома Р.Б. Боделан. В ходе своего выступления он бросил упрек в адрес ученых, что, мол, они «не дорабатывают», а партия ждет от них действенной помощи. В прениях на трибуну поднялась Ирина Марковна и стала приводить конкретные факты проведенных по заказу партийных органов разного уровня исследований, в результате которых на стол ложились отчеты и справки с предложениями по совершенствованию управления. И что же? Партийные начальники областного и городского уровня игнорировали эти научно обоснованные рекомендации, отмахивались от ученых как от назойливых мух. При этом Ирина Марковна называла конкретные имена и фамилии. «Так кто же «не дорабатывает»? — вопрошала она. Боделан сидел в президиуме, опустив голову. Он ничего не возразил.

Так вот, мои собеседники на «провокацию» не поддались и Боделана не ругали. В марте 2001 года в одесском Доме ученых проходило чествование Ирины Марковны в связи с ее 70-летием. На собрание пришел мэр города Руслан Борисович. Он подарил юбиляру компьютер и в приветственном слове сказал, что ему всегда было очень трудно работать с Ириной Марковной, ибо она никогда не упускала случая покритиковать работу городских органов власти и его лично. Но, не смотря на это, он ей благодарен за помощь, за все то, что она сделала и делает для одесситов. Ирина Марковна была растрогана.

Еще не пришло то время, когда будет показана драма партийного руководителя, который в своей среде выделялся передовыми настроениями, делал конкретное дело, иногда с риском для карьеры прикрывал творческих людей. Но потом Союз рухнул, КПСС запретили, а советскую власть осудили. И вся его деятельность оказалась вмиг перечеркнутой фактом принадлежности к партократии.

9. ПОПЫТКА АПОЛОГИИ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

У нас есть привычка приписывать ход событий властям. На самом деле события идут своим чередом. В них больше стихийности, чем сознательного целеполагания. Власти скорее приспособляются, реагируют на события, чем их организывают и ими управляют. Скажу больше: жизнь более чем на 90% состоит вообще не из событий, а рутинных актов жизнедеятельности, которые в своей совокупности характеризуются категорией «повседневность». Люди в своей повседневной жизни не совершают ничего героического, гражданского, но поток их обыденного сознания позволяет уловить и воссоздать систему ценностей, которая держит на плаву общественно-политический строй. Повседневность выявляет тот элементарный, рефлексивный уровень индивидуального и массового сознания, который является основой всех исторических телодвижений нации, всех узоров индивидуального и группового исторического творчества. И на этом уровне есть своя идеология и своя философия. Ирина Марковна занялась изучением феномена повседневного сознания. Таким образом, главным предметом ее исследований стал простой человек — тот, которого мы встречаем каждый день, с кем живем и работаем бок о бок, — обычный человек с его эмоциями и надеждами, предубеждениями и стереотипами, ценностями и интересами, причудливо переплетенными в его повседневном сознании и практической деятельности. Тот самый человек, которого либералы презрительно обозвали «совком»¹.

¹ На первенство в изобретении этого термина претендуют несколько человек: рок-музыкант А. Градский, писатель и философ М. Эпштейн, писатели А. Генис и П. Вайль. Но скорее всего это слово родилось в народном обиходе. Его употребляли в 70-е годы фарцовщики и всякого рода богемные люди для характеристики массового советского человека, не способного подняться над своим серым бытом. Идеологический смысл этому понятию придали именно либералы.

Каждая эпоха порождает и культивирует свой тип *человека социального*. Этот человек есть квинтэссенция народной массы. Советская эпоха породила homo soveticus как тип «простых людей». Именно в типажах «простых людей» заключается ответ на вопрос, что привнесла советская цивилизация в историю. Чтобы осуществить социально-антропологический анализ и корректно обрисовать типаж советского простого человека, мало выяснить его «объективку» и субъективную мотивацию, нужна социологическая модель понимания или, в терминологии И.М. Поповой, «концептуальное представление советского общества» или, говоря словами Ю.А. Левады, «нужен определенный луч, который сканирует полученные результаты и придает им некоторый смысл».

Понятие «советский человек» родилось задолго до всяких исследований для нужд идеологической мифологии. Белый миф, созданный советскими идеологами, представлял советского человека, по словам Г.Х. Шахназарова, «гибридом спартамца с афинянином». Черный миф западных идеологов рисовал советского человека крепостным государства, вынужденным каторжно трудиться под надзором спецслужб и тюремно-лагерных вертухаев.

К концу «перестройки» в определенных влиятельных кругах советской интеллигенции сложилась и начала функционировать система обвинений и упреков в адрес советского общества и советского человека как исторического типажа, несущего на себя определенные цивилизационные черты. Она работала не на «социализм с человеческим лицом», а на подрыв социализма, советской власти и, в конечном счете, государства. Эта система подпитывалась разными негативами экономического, социального и идеологического порядка. По мере нарастания трудностей «перестройки» и напряженности в обществе концептуальная критика советской цивилизации, особенно из лагеря либералов, усиливалась.

После развала Советского Союза к либералам активно подключились националисты. На изломе советской власти, когда был убран «железный занавес», и наши люди стали волнами накатываться на зарубежье, термин «совок» употреблялся для негативной характеристики низкокультурной манеры потребления западных «ценностей». «Совок» — это советский обыватель, разморозивший в условиях капиталистической свободы свои страсти по потреблению. Ему присущи тяга к халяве, хамство, нетерпимость, агрессия. Пьяные дебоши везде, где появляется наш турист. Вместо осмотра достопримечательностей беготня по магазинам. Наш потребитель, в отличие от европейского, неумен и демонстративен. Он должен всем показать, что и как он потребляет. Я уже не говорю о Куршавеле, этом позорном символе бесстыжих денег.

«Совками» стали называть и всех тех, кто не сумел приспособиться к новой жизни и неоправданно ностальгирует по прошлому, которое якобы было сплошным мраком. В пику советской пропаганде либеральная и националистическая интеллигенция постаралась придать этому термину универсальный характер: советский строй породил отвратительный массовый тип

«человека советского» — мелкого, жадного, злобного, завистливого. «Совок» — это якобы закономерный результат воспитания и образования людей при советском строе. «Совком» также называется исторический период с 1917 по 1991 год в России/СССР. Отсюда выражение «жить в совке».

И острое неприятие всего советского вплоть до вычеркивания «советского века» из нашей истории, и сплошная апологетика, замешанная на беспробудной тоске по нему, — это крайности, подхваченные идеологией, используемые известными политическими силами в их «политике памяти». Все это имеет касательное отношение к реальной советской истории, прочтение которой становится важной научной задачей. Ирина Марковна одной из первых это осознала. К этому ее подтолкнула либеральная неправда. Она была категорически не согласна с образом советского народа как безгласной и бездумной массы. Скажу больше: будучи профессиональным социологом, Ирина Марковна в то же время решала моральную проблему собственного существования. Она в себе самой воспроизводила тип советского человека. Вот почему она имела полное право взять под защиту этого человека.

Тот черный образ советской эпохи, который рисовали либеральные идеологи или откровенно фарсовые персонажи советских ненавистников вроде Валерии Новодворской и Константина Борового, ее абсолютно не задевал. Это — чистый продукт политического мифомышления. О чем тут спорить? Она спорила с людьми, которые пытались *понять* феномен советского человека *средствами науки*. Она остро реагировала на многолетний социологический проект Ю.А. Левады под названием «Простой советский человек». Авторитетный социолог поставил цель социологическим инструментарием выявить в «простом советском человеке» засевший в нем ген раболепия и тоталитаризма. А как иначе можно объяснить провал младореформаторов?

По тем объяснениям, которые давал Ю. Левада материалам, полученным в результате проводимых ВЦИОМом опросов с интервалом в пять лет, выходило, что простой советский человек — это «человек традиционный, допетровский» (волна 1989—1991); «человек покорный и беспомощно терпеливый», «человек лукавый», «человек испуганный и встревоженный» (волна 1994 г.); «человек невзыскательный, минималист», «человек пассивный, зритель»; это — «человек внутренне очень фрустрированный, апатичный и астеничный». Если все эти «параметры» свести воедино, то получится сугубо негативный портрет. В своей публичной лекции «Человек советский» Левада говорил: «Это главная черта советского человека, с которой мы столкнулись: начальство делает вид, что оно ему платит, а он делает вид, что работает. Можно иначе перевернуть порядок, но это один из принципов того общества, которое у нас держалось 70 лет» (Левада 2004а). Объяснение лежит на поверхности: уравниловка, отсутствие стимулов к производительному труду, уничтожение наиболее активной части населения (крестьянства, рабочего класса, интеллигенции) во время сталинских чисток.

Несогласие Ирины Марковны с Левадой проистекало из того исследовательского материала, которым она располагала, а также из всего ее жизненного опыта. Ее детство прошло в рабочем городке. Оно было типичным для всех советских мальчишек и девочек. Их образ жизни и мир образов был окрашен музыкой довоенного времени. Р.М. Фрумкина, к примеру, была столичной девочкой и училась, как сейчас говорят, в элитной школе. «Как и большинство городских детей тридцатых годов, — вспоминала она, — я тоже была, хоть и маленьким, но оттого не менее несомненным человеком эпохи строительства — а вернее сказать, строительства и энтузиазма. Лучшее выражение моего тогдашнего мироощущения — это музыка Шостаковича к кинофильму «Встречный», песня с припевом «Не спи, вставай, кудрявая!» И ниже: «Вообще же у нас в классе никто не интересовался тем, где работают родители и кто они. Конечно, было известно, что отец Нуннэ — знаменитый композитор Хачатурян, а отец Наташи — известный актер МХАТа Ливанов, но отсюда ничего не вытекало. У всех были похожие портфели, более или менее одинаковые тетради и ручки. На стене в классе часов не было, наручные же часы были редкостью. У меня они появились в седьмом классе, и потому меня постоянно дергали за косы, спрашивая «Сколько осталось?» (т. е. до конца урока). Излишне говорить, что никто не носил украшений, а о косметике и слыхом не слыхали. Многие приносили в школу бутерброды и яблоки, но невозможно себе представить, чтобы, например, Галя Поскребышева принесла на завтрак бутерброд с черной икрой или чем-нибудь подобным» (Фрумкина 1997: 16, 35).

Это — типичное воспоминание. Подобных — множество. Известные люди, высокопоставленные руководители строго блюли этику социального равенства, которая работала на сплочение советского общества. Людям с детства старались привить чувство товарищества и взаимной поддержки. Ирина Марковна, в свою очередь, отмечала, что ее отец занимал пост главного инженера крупного комбината в Краснодаре, но никакой отчужденности от основной массы работающих на предприятии не было. «Я общалась с самыми различными ребятами, которые никогда не выделяли меня как принадлежащую к «начальствующей семье», — рассказывала Ирина Марковна. — Может, поэтому я и сейчас чувствую себя вполне комфортно с «простыми людьми» и категорически не приемлю иронический смысл, который зачастую придают термину «простой советский человек». Крайне возмущает меня и снобистский «совок». Глубоко уверена, что интеллигентность означает, в частности, способность с почтением и доброжелательностью относиться к любому человеку, как бы «прост» он ни был» (Попова 2011: 31).

Занимаясь в 70-е годы изучением трудовых отношений на крупных предприятиях, она окунулась в атмосферу рабочих коллективов, много общалась с «простыми» молодыми рабочими, знала эту среду не понаслышке и поэтому воспринимала высокомерие по отношению к рабочему классу как проявление неинтеллигентности. «Помню, — писала она о том времени, — что ошеломляющее впечатление произвело на меня общение с рабочими

непосредственно в цехах, их доверительное и доброжелательное отношение к нам, возможность выяснить нечто такое, что оказывалось неизвестным для руководства предприятия. <...> Рабочие, вопреки легенде о «несвободе в условиях тоталитарного строя», давали порой нелицеприятные оценки действиям руководства, не стесняясь и не тревожась о последствиях, зная, что без работы они не останутся, а главное — вносили дельные предложения для совершенствования работы предприятия» (Там же).

В 1975 году в «команде» Ирины Марковны автор сам участвовал в анкетном опросе жителей сел Красноокнянского района, и, если бы мне надо было тогда определить главную черту типа «человека советского», я бы назвал его «человек недовольный». Недовольный он был прежде всего своим непосредственным начальством, затем — соседом, далее — женой и детьми. На общественный строй зла не держал и на систему власти не посягал.

Автор задал вопрос ученице и многократному соавтору Ирины Марковны Галине Петровне Бессокирной вопрос о проекте Левады «Простой советский человек». Как относилась она к левадовской концепции «простого советского человека»? Получил ответ: «Следила за ним и отмечала эволюцию первоначальной левадовской концепции в последующие после первого исследования годы. Ирина Марковна приветствовала эти изменения во взглядах Левады. Хотя публикации его учеников Гудкова и Дубина ей не очень нравились из-за порой некорректной интерпретации ими эмпирических данных».

Особенно не «повезло» во мнении Ирины Марковны Л.Д. Гудкову: в его взгляде на советское общество как на бессубъектную массу она видела проявление «социологического снобизма». Она упрекала Гудкова в поверхностном анализе ответов респондентов, которые провокативным образом заключены в вопросах анкеты (Попова 2011: 23). Гудков выводил типичные черты «советского человека» из национальных ментальных комплексов и не хотел учитывать влияние на ответы людей объективных условий жизни, в которых они оказались в настоящее время. На этот серьезный недостаток его концепции и метода указал В.Э. Шляпентох. В их полемике Ирина Марковна была полностью на стороне последнего.

Следует сказать, анализ левадовских статей и публичных выступлений на эту тему подтверждает факт значительной эволюции его представлений о «простом советском человеке». Так, например, в статье «Человек советский» пять лет спустя: 1989—1994 (Предварительные итоги сравнительного исследования) Ю.А. Левада констатировал «двусмысленность, которая свойственна всему менталитету советского и постсоветского человека», «непрерывные метания между тоской по авторитарному порядку и надеждами на демократию, между цивилизационными стремлениями и тягой к агрессивному изоляционизму» (Левада 2011: 64).

На самом деле бинарность мышления и поведения, неуверенность в своем опыте в условиях коренной ломки существующих социальных структур и утраты всякой стабильности существования является типичной для любого типа человека. Хотел бы я посмотреть, как бы вели себя в наших

условиях развала и гиперинфляции 90-х годов западные европейцы или американцы.

В статье «Возвращаясь к феномену «человека советского»: проблемы методологии анализа», написанной уже в явно другой тональности, Ю.А. Левада приходил к выводу, что *человек советский* как социально-антропологический феномен в первое постсоветское десятилетие вел себя достаточно рационально, обнаруживая тенденцию к устойчивости собственного типа и социальному выживанию в экстремальных условиях глубокого общественного перелома. И это при том, что общественная структура, породившая этот тип человека, уже не существовала и, следовательно, институционально не поддерживала этот тип. «*«Человек советский» во все периоды своего существования был сложным и противоречивым, — писал Ю.А. Левада. — Его судьба, если сравнивать данные ряда исследований и наблюдений за последние годы, оказывается значительно более драматической, чем это представлялось пять лет тому назад» (Левада 2011: 90).*

Таким образом, Ю.А. Левада отказался от однозначно негативистской характеристики феномена советского человека, к которому склонялся в начале своего проекта. Кажется, он пережил очередную порцию либеральных разочарований и, будучи честным ученым, предпочел быть более осторожным в интерпретации полученных данных. Вероятно, этот факт не преминула отметить Ирина Марковна.

Со своей стороны я должен констатировать, что Левада стремился быть независимым экспертом, но эксперт он «лукавый», как и советский человек в его же определении. На самом деле он — классический советский либерал-прогрессист. Это даже доказывать не надо, стоит только посмотреть на оценочную терминологию, которая проскальзывает в его текстах: «глубочайшая изолированность страны от мирового развития», «неспособная к саморазвитию советская система», «не прошедшая школу исторического воспитания Россия», и т. п. Общеизвестно, что Россия у либералов заслужила «двойку» по историческому поведению, поскольку она явно не вписывается в западную норму исторического развития. Но, может, такой подход компрометирует не Россию, а российских западников?

Что касается учеников и преемников Ю.А. Левады, то и они пережили свой «момент просветления». В частности, Л. Гудков сделал знаменательное признание: «Всю сложность и глубину проблемы, конечно, тогда мало кто из нас понимал. Я только сейчас, как мне кажется, начинаю осознавать всю сложность этого замысла. Но Левада думал, что этот тип человека закончится вместе с СССР» (В кругу Юрия Левады 2010). Оказалось, это ошибка. «В глубинных структурах человек воспроизводится практически без изменений. То есть механизмы социализации, механизмы конституции этого человека, они не затронуты. И этот человек воспроизводится до сих пор» (Там же).

То есть советской власти нет уже более 20 лет, а тип советского человека по-прежнему воспроизводится. Вот в чем генеральная ошибка левадовской

концепции «советского человека»: в ней значительно преувеличена роль тотальной власти и насилия в процессе расчеловечивания человека. Соответственно, недооценена роль человека как духовного, культурного центра, оказывающего обратное гуманизирующее влияние на систему. А ведь жесткая гулаговская литература (те же Солженицын, Шаламов, Волков и др.) указывала на конфликт человека и системы с непредсказуемым итогом. Причем люди часто не осознавали его, но действовали по зову своей нравственной природы. Бесчеловечный режим формировал бесчеловечного человека, и он отчасти формировался. Но можно ли видеть в человеке пассивный слепок системы? Человек способен противостоять внешнему давлению. И потом для советского строя было характерно то, что миллионы людей участвовали во власти, раздробляя ее и внося в ее решения свою моральную волю. А.А. Зиновьев прав, когда характеризует сталинскую систему как *режим народовластия*. В принципе не верно сводить советский социализм исключительно к государственному насилию, как это сделали диссиденты и либералы-западники вроде Ю.Н. Афанасьева. Иначе невозможно объяснить ту гуманистическую культуру (литературу, кинематограф, театр, изобразительное искусство), которую создала советская эпоха и которую миру еще только предстоит оценить во всем ее величии. Это особенно стало заметно в новейшее время, когда нас с головой погрузили в оболванивающую буржуазную масс-культуру. Но, самое главное, культура в Советском Союзе была лишена элитарного характера. Через систему образования, музеев и библиотек ее массово внедряли в народ. Каждый из нас, советских, может вспомнить, как впервые пришел в публичную библиотеку и взял в руки свою первую книгу, записался в драмкружок, в спортивную секцию, свои школьные *обязательные* посещения музеев и театральных постановок. Поэтому среднестатистический советский человек культурно, а значит и морально, был более развит, чем массовый человек Запада. Хотелось бы также знать, откуда взялись кудрявые критики от либерализма, если в стране не было соответствующего достаточно высокого уровня культуры? Неужели их воспитало Би-Би-Си и другие «голоса»?

Попова хотела доказать, что левадовская концепция «простого советского человека» неверна в своей однозначности, базируется на априорном негативизме и сомнительной концепции «советского тоталитаризма». Советские люди в массе своей не были и не чувствовали себя рабами тоталитарной системы. Им было знакомо и чувство творчества, и чувство ответственности за тот мир, в котором они жили. Такие чувства у рабов отсутствуют. Ирина Марковна выстраивала образ советского человека как полноценного, вполне нормального, не усеченного, живущего, а не выживающего, несмотря на унижительные условия быта. Более того, в чем-то более симпатичного, чем человек постсоветский, который действительно оказался задавлен проблемами выживания, постоянными стрессами и вылезшими из него комплексами, вызванными колоссальным неравенством в потреблении и работой на хозяина.

Все, как оказалось, были родом из СССР: и те, кто честно тянул свою лямку на заводе и в колхозе, и те, кто ошивался возле гостиниц Интуриста в поисках предметов красивой жизни, а затем в годы «перестройки» рванул в предприниматели; и те, кто занимал высокие служебные кабинеты в системе советской номенклатуры, и те, кто ненавидел эту систему и боролся с ней — все в итоге оказались «совками», ибо были порождены внутренними противоречиями советского общества.

Представляется, Ирина Марковна захотела по существу ответить Ю.А. Леваде и его ученикам. С этой целью она задумала создать в Одессе «Народный архив». Идея заключалась в том, чтобы собрать банк биографий простых людей и с помощью их качественного анализа, «глубинного прочтения» маленьких историй жизней тысяч людей выхватить человека из массы в процессе его повседневной жизни и типизировать его черты. Идея была подсказана работами московской подруги Ирины Марковны, к сожалению, уже покойной Натальи Никитичны Козловой (1946—2002), доктором философских наук. Она анализировала письма советских людей в газеты и журналы (так называемый жанр «наивного письма»). В статье, посвященной ее памяти, Ирина Марковна писала о том, в чем она была полностью согласна с Н.Н. Козловой: «...масса не может быть приручена на все сто процентов. Тотальная манипулируемость массы — интеллигентский миф» (Попова 2011: 22).

Увы, ее проекту «Народного архива» не суждено было сбыться. Городской голова, пообещавший ей выделить под архив помещение, взял свои слова обратно. Однако идея может быть реализована ее учениками. Время еще есть. И актуальность не утрачена. Даже наоборот. Разработка этой идеи только началась.

И.М. Попова все же внесла свой вклад в подступе к исследованию массового сознания советского периода в ряде работ, посвященных повседневным идеологиям. При этом она считала, что «советский человек» остается «немым» не в меньшей мере, чем человек Средневековья» (Попова 2011: 216). История советского общества как общества Модерна остается не понята и не освоена, перечеркнута и искажена субъективистскими интерпретациями, идеологическими злопахательствами. В свете такой постановки вопроса для молодых исследователей открывается широкое поле исследований.

Гибель советского мира носит характер эпической трагедии, которая еще только разворачивается. Неужели образ жизни и тип человека из этого мира не имели права на дальнейшее существование и эволюцию? Я не верю в правоту тех, кто идейно боролся с этим миром и уж тем более тех, кто поживился его останками. Не думаю, что этим мародерам что-либо удалось в попутном движении истории. Просто завершился цикл, значение которого в мировой истории нам предстоит понять. Польза от этого эксперимента для человечества и, может быть, для космоса исчерпана. И вред тоже прекращен. По сути «Русский эксперимент» (выражение А.А. Зиновьева) — это жертва России во благо человечества. Кармическое учение гласит, что всё в конце концов

дает плоды — и добрые деяния, и злые: всё создает резонансные вибрации, которые пронизывают эпохи и получают отклик в душах людей, настроенных на данную волну вибрации. Поэтому есть смысл подумать о тех вибрациях, которые были порождены жизнедеятельностью советского человека.

10. ДРАМА ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Последние два века интеллигенция была одним из главных, как сейчас принято выражаться, *акторов* русской истории. Вместе с властью и народом она образует «любовный треугольник» актуальной политики. Поскольку она продуцирует смыслы, постольку именно ее глазами мы смотрим и оцениваем, в том числе и роль самой интеллигенции. По этому вопросу у нас с Ириной Марковной состоялся серьезный «обмен мнениями» в период 2006—2007 годов. Но сначала попытаюсь обрисовать драматургию нашего диалога об интеллигенции.

* * *

Я был зол на интеллигенцию за «перестройку, которую мы потеряли». Очередной раз в момент исторического разлома интеллигенция привела народ в революционное возбуждение, вызвала реакцию распада государства и, самоустранившись, впала в депрессию. Славные поэты-звонари Евтушенко и Коротич немедленно слиняли в Америку пережить и сублимировать в творчество очередную порцию бесценного опыта свободы. Господи, никого не хочу чернить и обличать! Если бы Бог организовал мне встречу с «великим поэтом земли Русской» Евтушенко, я не стал бы его ни в чем укорять, а просто сказал бы ему: «Ну, и idiotские рубашки Вы носите, Евгений Александрович!»

Я был зол на себя: как я мог так ошибаться в людях и создавать себе кумиров?! В Юрии Афанасьеве, Гаврииле Попове, Игоре Клямкине... Я уже не говорю о творческой интеллигенции, которая совокуплялась с «демократической» властью Ельцина, совершая тяжкий грех зоофильства. Недавно прочитал мемуары кинорежиссера Эльдара Рязанова¹ и еще раз имел возможность убедиться, до какой степени наша интеллигенция политически близорука и как ей свойственно обманываться на свой счет.

Если Рязанов и войдет в историю, то как выдающийся комедиограф советской эпохи. С властью, которую он ненавидел, его связывала диалектика жизни. Противоположность с ней он ощущал и этой страстью жил, а вот единства постичь не смог. Она давала ему возможность работать, творить и за это просила «быть в рамках». Возможность он использовал. «Рамки», то есть идеологическую цензуру, он воспринимал как покушение на свободу творчества и по-интеллигентски гневался на начальников от культуры,

¹ Рязанов Э. Неподведенные итоги. — М.: Вагриус, 2000. — 637 с.

на всю партийно-государственную бюрократию. Партия во главе с генсеком объявила «перестройку». *Можно и даже нужно*, — дали отмашку либеральной интеллигенции в ЦК. И она ринулась в открытый бой с проклятой номенклатурой, с опостылевшей идеологией коллективизма и уравниательства. В результате в современной России (=Украине) мы получили свободу без творчества и творчество без свободы. Раньше все решал начальник, теперь — деньги. Победой это назвать трудно. А кто победил? Победил «демократ» Ельцин Ельцина-партократа, националист Кравчук коммуниста Кравчука, антикоммунист Яковлев идеолога КПСС Яковлева и т. д. Список победителей-проигравших велик. Превращение Савла в Павла было не столь стремительным в сравнении с тем, как обернулись правоверные коммунисты в православных демократов и националистов.

И те, кто находился на государственной службе, и интеллигентствующие вышли, как правило, из одного рабоче-крестьянского слоя, получили путевку в жизнь благодаря государству нового типа и варились в одном и том же советском котле, то есть получили однотипное воспитание. Откуда такое непонимание друг к другу, такая поистине классовая ненависть? Неужели только от функциональной, должностной обязанности. Ведь захоти тот же Рязанов сделаться чиновником, то при известной изворотливости он мог бы им стать в министерстве культуры, союзе кинематографистов и проч. Режим воспитывал и охранителей, и диссидентов. Вместе они функционировали как двухтактный двигатель, который не мог разрушить машину под названием «СССР». Ее разрушили тогда, когда охранители решили, что машину нужно капитально подремонтировать и пригласили участвовать в этом разрушителей. Но в какой мере это было субъективным фактором, а в какой — проявлением объективно-исторической тенденции — Россия закончила очередной исторический тренд и через катастрофу должна была перейти в следующий фазис своего развития — сказать невозможно.

Любопытно, что эта мысль звучала еще в разборках российских политических эмигрантов, проигравших большевикам. Так, например, видный либерал В.А. Маклаков писал черносотенцу В.В. Шульгину в 1924 году: «Все, что случилось с нами, не только заслужено за наши ошибки, но и вполне закономерно. Российской революцией завершился длинный период русской истории; мы подросли только к концу его. Мы сами не понимали, что теребя одну из колонн, на которых стояла российская государственность, а именно самодержавие, борясь с ним во имя народного представительства, мы сами того не замечая, колебали это здание на гораздо большем и широком основании, что мы были авангардом более широкого фронта, где дело было совсем не в самодержавии» (Кто виноват... 2010).

Точно так же Съезд народных депутатов СССР бездумно подрубал несущую конструкцию всей советской государственности, отменяя 14 октября 1990 года шестую статью конституции, по которой КПСС обладала конституционной монополией на власть. Президентская вертикаль, призванная заменить эту устаревшую конструкцию, к тому времени создана еще не была. Хотя бы

потому, что пост президента страны был утвержден этим же Съездом только на следующий день, 15 октября¹. Как тут не поверить, что у Бога для России есть один сценарий, который она разыгрывает на разные лады вот уже тысячу лет. На языке науки это называется «циклическое развитие».

Конечно, власть в России во все времена успешно внушала мысль, что служить народу можно было только борясь с существующим режимом во всех доступных формах — от зубоскальства до предательства. Внутренняя оппозиционность советского интеллигентного слоя — это заслуга не вымышленных демократов, а партии и правительства, то есть тех самых ненавистных сусловских ортодоксов, разнообразных начальников, которые «не пущали»: вырезали из фильмов «неблагонадежного» Рязанова куски, запрещали театральные постановки Любимова и романы Пастернака и Рыбакова, травили Высоцкого и Даля. Во всяком случае, их роль в кратковременном успехе либеральной партии очень велика. Наступил момент, когда либерализованная власть отслоилась от собственного режима, вылезла из него, как змея из старой кожи, и стала под лозунгом реформ разрушать Систему. И тогда распад Системы и государства стал делом времени. И вот читаю я жалкие мемуары Рязанова и думаю об авторе: главного в своей жизни ты так и не понял. Вся жизнь у тебя был служебный роман с властью, в котором ты выступал в качестве капризной дамы.

Долгое время для меня был загадкой режиссер Ленкома Марк Захаров. Всю дорогу он был в фаворе у власти и в то же время ставил смелые спектакли с явными намеками и прозрачными аллюзиями. Имел репутацию критика власти, умного антисоветчика. Сбитый с толку интеллигентским мифом об интеллигенции, я не понимал, как ему удавалось не повторить путь Юрия Любимова, ведь власть шуток не понимает и намеков не прощает. Захаровский фильм «Убить дракона» открыл мне глаза. В этом фильме Захаров исследовал, в частности, модель взаимодействия власти и интеллигента и, как мне кажется, нашел перспективы для контригры последнего. Образ интеллигента в фильме великолепно сыграл Вячеслав Тихонов. Робкий, запуганный, лишенный воли в процессе выживания, он под грубым нажимом начинает подыгрывать власти. И при этом он, ее жертва, готов ей сочувствовать, проникаться ее проблемами. Конформизм как способ самосохранения — кто может бросить камень в такого человека? Но как же он жалок в своем бессильном благородстве, абстрактном желании добра и реальном потакании злу! Сам Захаров не желал для себя такой участи и тем более не хотел лезть на рожон, служить интеллигентскому мифу ценой хождения по мукам. У него было оправдание: он творец и должен побеспокоиться о том, чтобы после себя оставить «нетленку», а не материалы допросов и судебных

¹ Партию, начавшую перестройку, лишали власти те, кто из нее вышел и те, кто в ней еще состоял, но уже видел другую перспективу. Конечно, она всем обрыдла, но все же политический ум должен был возобладать над страстями. Увы, не наш случай. Даже сейчас, спустя два с лишним десятилетия, нынешние политические противники КПСС воспринимают отмену шестой статьи как «большую победу демократии». Вот где безмерная тупость и партийность нашли свое тождество.

заседаний. Он решил: лучше не претерпевать от власти, а манипулировать ею, играя на ее потребности в таких людях, как он. Режиссер — он ведь второй после Бога, он по своей сути манипулятор. А я — классный режиссер. В своем театре я — власть! Так неужели я не смогу поставить спектакль своей жизни, в котором власть будет играть отведенную ей роль по моему сценарию? Примерно так, возможно, думал хитроумный Марк Анатольевич. Он, конечно, поступился интеллигентской девственностью, но это сущие пустяки в сравнении с выигрышем. Когда стало *можно*, он с наслаждением отомстил старой власти с помощью новой, в душе надеясь дождаться того момента, когда и этой власти он смачно плюнет в морду. Ведь любая власть, кроме режиссерской, заслуживает такого плевка со стороны «общества». На том стояла и будет стоять русская и примыкающая к ней интеллигенция.

«Литература явилась для меня не самоцелью, а прежде всего средством выразить мое идейное и моральное возмущение тем, что происходило в моей стране и с моим народом, а также со мною лично». Когда я читаю эти слова А.А. Зиновьева, я понимаю, что так мог сказать только интеллигент. Это — интеллигентское кредо. Литература как политика, философия как политика, искусство как политика, наука как политика — жанр не имеет значение, имеет значение только намерение «врезать власти». Отомстить ей так, как мы умеем — *словом*, за то, что она с нами *делает*.

Признанный интеллигент номер один академик Д.С. Лихачев трактовал русскую интеллигентность как «мирскую святость». А хорошо ли это? — задался я кощунственным вопросом. Интеллигенция — дрожжи русской истории. А если не дрожжи, и Ленин прав по существу?

В русском государстве возникла система, где существует непреодолимый разрыв власти и народа. Интеллигенция занимает в конструкции Системы положение между властью и народом. Таким образом, это связующий элемент Системы. Кому он служит? Системе, то есть власти, или народу? Интеллигентский миф об интеллигенции утверждает — безусловно, народу¹. А если это не так? Что если наш брат интеллигент в своих лучших представителях сделан из того же материала, что и вожди? И вся разница между ними лишь в объеме и специфике власти. Кто на кого больше влиял: Аристотель или Александр Македонский, Наполеон или Гете, Ленин или Горький, Сталин

¹ Будучи самым свободным слоем общества (народ задавлен материей существования, власть привязана к государству и собственности), интеллигенция нуждается в самоопределении. Этот акт сделал ее заложником собственного долга перед народом. Интеллигенция свободно выбрала служение народу. Народолубие — по этому первейшему признаку она опознается. Второй ее родовой признак — нахождение в оппозиции к власти — обусловлен первым, ибо выбирая сторону народа, автоматически становишься оппонентом власти. Причем демократия (имеется в виду режим) ничего не меняет в существе вопроса, только усложняет проблему демаскировки власти. Это — схема, набросок к портрету, миф. Когда сквозь него просвечивает реальность, прорисовываются подробности, картина резко усложняется. Проявляются родовая двойственность интеллигенции, муки ее нечистой совести. Ведь она не просто так злится на власть. Ей самой хочется стать властью, чтобы все исправить, восстановить справедливость. Здесь — ловушка, здесь прячется бес, разоблаченный Достоевским.

или Булгаков? Что если Горбачев — alter ego своих советников черняевых, арбатовых и шахназаровых? Как они — с придыханием, с великим уважением — об Андропове. Мол, вождь с интеллектом, достойный собеседник. Такому служить — одно удовольствие. Отношения между властной номенклатурой и интеллигенцией напоминают игру хозяина со своей собакой: он бросает мяч, а она с радостным лаем возвращает мяч ему. Служит!

Так ли уж интеллигенция чурается власти? Нашим писателям и прочим людям творческого цеха и сегодня позарез необходимы медали, премии, лауреатство, чины и прочие формальные признаки отличия. Зачем? Потому что это особого рода власть, и как таковая она входит в общую систему власти. Заслуги перед властью дают право на распределение фондов и, конечно, на «пошалить». Эту власть следует назвать «партийно-творческой». Здесь очень многие подвизались. Впрочем, говорить в прошедшем времени не приходится. В книге киевлянина писателя В. Некрасова есть место, где он, приехав в свой родной город из-за границы спустя годы, беседует с В. Войновичем о переменах в обществе. Войнович ему:

— Что киевская молодежь? Вы б с писателями погуляли, лауреатами и Героями Соцтруда, это вам не по рублику или в бар за бутылкой коньяка, узнали б и «Арагви», и «Националь», «Метрополь», ЦДЛ. А повези вас в Тбилиси, ног бы не унесли, там бы и похоронили...

— Не казись, все мы такие. А чтоб Героя получить, мало сыграть мудака в пьесе говнюка, надо и письмишко это самое подписать. Вот ведь и бывший властитель дум Эуген¹ тоже подписал. Вроде оппозиционер. Не ахти какой, но все же...

Аксенов, Евтушенко, Окуджава... Они были творцами, жизнелюбами, рвались к свободе, но не хотели бедствовать, поэтому фрондествовали, но последней черты не переступали. Для Ю.В. Андропова эти колебания были понятны. Он ведь и сам не задушил в себе интеллигентское начало, но жестко его контролировал. Поэтому он им подыграл. Некоторым покровительствовал из уважения к таланту. Из «непримиримых» создал «движение правозащитников». И Западу приятно, и Организации полезно: все под контролем².

¹ Эуген — Е.А. Евтушенко. «Великий поэт Земли Русской», как сам себя величает Евгений Александрович, в разные времена вел себя по-разному, но при этом всегда очень прогрессивно. Кинорежиссер А. Кончаловский вспоминал, как на съезде писателей СССР Евтушенко накинулся на него за постановку фильма «Дворянское гнездо» по Тургеневу. «У меня еще не зажили рубцы от плетей и батога, — говорил он, видимо и сам в это веря, хотя в крепостных предки его не хаживали, поскольку он сибиряк, — а в это время режиссер Кончаловский занимается восхвалением помещичье-крепостной России». Слышал это собственными ушами, сидел в зале. Если бы подобное происходило где-то в 30-40-х, меня бы, наверное, хватил инфаркт — тогда такие речи кончались арестом, и нередко — прямо на выходе. Но и времена были другие, и я из другого поколения. Мы уже глотнули свободы — было смешно, а не страшно» (Кончаловский, Липков 1999: 91).

² Максим Кантор пишет, что в 80-е годы каждый третий правозащитник стучал на первых двух. Как говорится, есть такая профессия — Родину обличать. Диссидент стал номенклатурной фигурой (Кантор 2011).

Так из идеологизированных интеллигентов и интеллигентствующих политиков сложился правящий либеральный тандем, который погубил страну, ввергнув ее в катастрофу.

Приглашенный в 1986 году из Киева в Москву бороться с тенью Сталина знаменитый редактор перестроечного «Огонька» Виталий Коротич, один из лучших в мире исполнителей амплуа «смелый трус», доподлинно знает подноготную украинского литературного мира, откуда он вышел. Поэтому не очень уважительно, мягко говоря, отзывается о звездах первой величины советского времени (в масштабах Киева, конечно): об Олеесе Гончаре, «делавшим всё, что власть велела, разоблачавшим кого угодно», о нынешнем герое Украины Дмитрие Павлычко, «сочинявшим в ту пору целые книги для разоблачения Папы Римского и националистов», об Иване Дзюбе, который писал покаянные письма в ЦК, отрекаясь от своих «вредных взглядов», и др. Правственная атмосфера в среде украинской писательской интеллигенции была убийственной: никто никого не стеснялся, подхалимажем к власти занимались все, писать в ЦК партии доносы на своих коллег по цеху считалось в порядке вещей. Это была обычная мораль, не допускавшая угрызений совести от подлых поступков. Наум Коржавин, отказавшийся переводить Павлычко, отозвался о нем: «Понимаешь, он с коммунистами — коммунист, с националистами — националист, с антисемитами — антисемит, с евреями — еврей. Но хуже всего, что всякий раз он искренний...»

Вот почему в нашей стране сегодня нет моральных авторитетов. Когда время от времени я слышу и вижу некоторых из этих политических проститутток с дореволюционным стажем, специфических украинских академиков от литературы, то я, атеист, очень хочу, чтобы Бог был. Ирина Марковна часто бывала в Киеве. Там общалась с философом Поповичем и культурологом Рябчуком. Тогда они были умеренными националистами, и у нее сложилось впечатление, что это интеллигентные, либерально мыслящие люди. У них своя правда, которую, однако, они не будут навязывать всей стране. Она ошибалась. Они стали заядлыми нациками и на своем жизненном примере еще раз подтвердили, что на нашей почве и в нашей политической среде интеллигентский либерализм является переходной, временной формой, так сказать, куколкой. Из куколочки вылупливается в зависимости от политической тенденции то националист, то фашист, то левый радикал, а чаще всего — гад с переменной политической и сексуальной ориентацией.

Справедливости ради следует сказать, что не «все устраивались как могли». Например, редактор журнала «Новый мир» Александр Твардовский не дал себя сломать. Солженицын стал «бодаться с дубом». Литературовед Борис Эйхенбаум был одним из немногих, кто отказался участвовать в послевоенной травле поэтессы Анны Ахматовой. Анатолий Рыбаков пробивал свой антисталинский роман «Дети Арбата» почти тридцать лет. Тот же Виктор Некрасов отправился в эмиграцию уже после получения Сталинской премии за роман «Окопы в Сталинграде». Можно привести и другие примеры гражданской стойкости. Но если брать писательскую среду

в целом, то, при всей неоднозначности жизненных коллизий, конформизм в ней доминировал. Впрочем, так же как и в других отделах художественной, технической и гуманитарной интеллигенции. Власть вполне могла бы третировать такую интеллигенцию, но не делала этого. Наоборот, она искусственно поддерживала реноме «мыслящего тростника». Авторитетный эксперт, статусный интеллигент, бывший главный редактор «Независимой газеты» Виталий Третьяков свидетельствует: «В Советском Союзе интеллигенция была канонизирована, обожествлялась ничуть не меньше Ленина. И, кажется, сама поверила в свое божественное происхождение» (Третьяков 2001). Почему? По-моему, это одна из самых больших тайн имманентной российской системы управления страной.

В одном интервью умный циник, бывший интеллигент Глеб Павловский заявил: «Интеллигенция без власти существовать не может, ведь вирусу нужна клетка — ее ядро, стенки, питание» (Павловский 2001в). Станным образом с ним фактически согласился либерал Игорь Клямкин: «Интеллигенция в России — это такой антипод самодержавия. Органика для русской интеллигенции — пребывание в самодержавной системе, включая и советское самодержавие» (Клямкин 2011).

Не может интеллигенция без власти — ей от нее отталкиваться надо. Это — способ ее существования. Но и власть «провалится», если не обопрется на интеллигенцию как на своего посредника, союзника и кадровый резервуар. Власть и интеллигенция вместе сотворили и «оттепель», и «перестройку». Если бы не Хрущев, не было бы Твардовского с его «Новым миром» и «Одним днем Ивана Денисовича» Солженицына. Если бы не Горбачев, мы бы никогда не узнали, какой смелый Юрий Афанасьев, какой умный Гавриил Попов и какой златоуст Анатолий Собчак. Предательство идеалов социализма совершили и политические вожди, и их интеллигентские союзники. Вот и получается, что идеологизированная интеллигенция и интеллигентствующая власть вместе в либеральном тандеме сотворили трагедию — обрекли страну на распад и безвременье.

Теория взаимного использования лучше описывает характер взаимодействия интеллигенции и власти, чем теория их взаимного отталкивания. Интеллигенция — проект власти? Но также можно утверждать, что власть есть проект интеллигенции. Это хорошо иллюстрирует история «перестройки» и «постперестройки» (90-е годы). Зависимость от интеллигенции горбачевского и ельцинского режимов была весьма значительной. Научная интеллигенция, прозябавшая в московских институтах без карьерного движения в период брежневского застоя, восприняла горбачевскую перестройку как свой шанс и возбудилась до крайности. Горбачев сознательно использовал мифологию интеллигентского мейнстрима, чтобы раскачать страну. «Супруги Горбачевы собирали интеллигентов для разговора по вечерам за чашкой чая. Через семейные дискуссии у них прошли десятки разных людей из интеллектуальной элиты, такие как Г. Бакланов и А. Белов, Д. Гранин и И. Друзэ, М. Захаров и М. Шатров, В. Быков и Б. Можаяев. Были

журналисты: Е. Яковлев, В. Коротич, В. Чикин, И. Лаптев, и священники» (Колесов 2009).

Где-то в 1989 году политическая интеллигенция стала роптать на Горбачева. Однако он продолжал медлить, топтался в нерешительности, отказывался следовать ее призывам двигать страну «дальше, дальше, дальше...». Тогда она отказала своему вчерашнему кумиру в поддержке и стала дружно переходить под знамена «радикального реформатора» Ельцина. Люди, перехватившие власть у команды Горбачева, были более радикально настроены, но при этом исповедовали ту же либеральную (буржуазную, если брать социальную сторону) идеологию, что и горбачевцы.

Один из самых активных интеллигентских активистов той поры Олег Басилашвили рассказывает: «Мы очень поддерживали Бориса Николаевича. Мы его привели к власти, а дальше пусть он делает. Он знает, что делать» (Басилашвили 2013). Как пел Высоцкий: «Жираф большой, ему видней». Но «жираф-Ельцин» не знал, что ему делать. Поэтому пригласил в правительство другую, еще не пользовавшуюся властью фракцию интеллигенции. Постшестидесятники, выходцы из академических институтов и НИИ, «завлабы» Е. Гайдар, А. Чубайс, Б. Немцов, А. Шохин, А. Нечаев, П. Авен, Б. Федоров, С. Кириенко, А. Кох и другие подобные им «ребята» обнаружили поразительный технологизм в подходе к реформам, тяжкие последствия которых погрузили в нищету десятки миллионов. Они с откровенным цинизмом провозгласили: «Долой равенство! Обогащайтесь как можете!» Это фактический аналог призыву: «Грабь награбленное!» К этой новейшей и подлейшей, выродившейся русской интеллигенции лучше всего подходит термин, который придумал А.А. Зиновьев, — *интеллигентура*. Она отряхнула со своих ног прах двух генераций российской интеллигенции — дореволюционной и советской. Впервые в истории она с пользой для себя реализовала свое положение прослойки между властью и народом. Народ — быдло, зато «массовая аудитория», готовая слушать и голосовать «как надо». Царь — негодяй и пропойца, зато послушен, собака. Таково краткое резюме интеллигентской политики в постсоветское время. Наверное, только диссиденты имеют право на благородный гнев: их использовали по полной, благо Ковалев, Новодворская, Алексеева, эти великолепные типажи политических идиотов, всегда присутствуют на телевидении в качестве неопровержимого доказательства интеллигентской ненависти к России и русскому народу.

Таким образом, перед нами технология: интеллигенция управляла поведением масс, предельно демонизируя власть. И управляла — в интересах самой этой власти и своих собственных: симфония Царя и Поэта! В такой чистоте это, наверное, никогда и нигде в мире больше не было реализовано к стратегической выгоде власти! Это наше отечественное политтехнологическое ноу-хау! Но это и главная тайна власти.

* * *

Людам, склонным укладывать свои жизненные взгляды в идейные концепции, переживать идеи как живые образы, обречены тяжело переживать очередной «распад» картины мира. Для некоторых, особо впечатлительных, это кончается трагедией. Но я — не из их числа. Я был зол на себя. Ведь уже не юноша, чтобы грезить о чудесных мирах и совершенных людях. Но нас долго и правильно учили. Мы читали хорошие книги. Прекрасные тексты ученых публицистов «перестройки» также поддерживали иллюзии, что диагноз поставлен правильно, средства лечения найдены, политическая воля есть и есть энтузиасты-борцы, победа будет за нами, и весь мир вновь услышит голос истины из Страны Советов. Увы, нас ждал архетипический конец русской сказки: старуха с разбитым корытом. Интеллигенция, замазанная грехами властолюбия и сребролюбия, пала в общественном сознании так низко, как никогда, наверное, не падала. Некоторые авторы даже констатировали ее смерть как социально значимого слоя. Социолог Алексей Левинсон опубликовал статью под названием «Двенадцать лет без интеллигенции». В ней он привел рейтинг интеллигенции в обществе за 2001, 2008 и 2013 годы. Он оказался на редкость стабильным: из 18 институтов российского общества интеллигенция заняла соответственно по указанным годам — 16, 16 и 17 места. Хуже народ отнесся только к профсоюзам — 17, 17 и 18 места. Первые три места в 2013 году заняли президент, олигархи и администрация президента (Левинсон 2013). Все понятно?

...На протяжении 90-х годов прошлого века и нулевых текущего я рефлексировал в подобном духе на страницах газет и научных изданий. В общем, радикально пересмотрев свое отношение к той социальной группе, к которой и сам себя причислял, я проделал примерно ту же работу, что и авторы знаменитых «Вех». В конце концов это вылилось в издание сборника статей под названием «Интеллигенция и политика» (2009), который вышел уже после смерти И.М. Поповой.

И вот пребывая в таком умонастроении, я получил в 2006 году приглашение от Ирины Марковны принять участие в обсуждении только что вышедшей в печати ее книги «1989—1991. Диагноз времени»¹. Эта книга была посвящена анализу общественного мнения в Одессе и области в самый драматический период «перестройки», когда народ пришел в движение. Но не только об этом. В книге был описан опыт участия группы социологов под ее руководством в открытом демократическом процессе. В заключении книги Ирина Марковна попыталась ответить на самые мучительные для нее вопросы: почему «перестройка» провалилась и могла ли она состояться, если бы не стратегические ошибки политического руководства.

Обсуждение состоялось на кафедре социологии. Собственно, именно с того обсуждения между нами начался содержательный диалог на тему

¹ Попова И.М. 1989—1991. Диагноз времени (Одесситы о себе и переменах в обществе). Историко-социологические очерки. — Одесса: Астропринт, 2006. — 232 с.

«Интеллигенция и власть». Я адресовал ей вопросы с подтекстом: нужно ли было интеллигентному человеку в этом участвовать; не жалеет ли она, что власть использовала ее гражданский энтузиазм? Сам-то я весьма активничал на «публицистическом фронте» в те годы и по большому счету свои упреки в политической близорукости, особенно в идеализации Горбачева, мог отнести и на свой счет. Но к этому времени я «разобрался», и мне хотелось знать, как Ирина Марковна оценивает свою общественно-научную деятельность в годы «перестройки» под девизом «Чем поможем Горбачеву». Можно сказать, я выступал в роли Плеханова, который заявил Ленину после поражения революции 1905—1907 гг.: «Не надо было братья за оружие!» Эта «премудрость» есть проявление «заднего ума». Ирина Марковна уловила в этих вопросах нотки «отказника». Ей это не понравилось.

Будучи на «плехановской» волне, я не дал себе труда вчитаться в ее книгу и, естественно, не уловил того настроения, которым она проникнута. Да и многого не знал. И только когда со специальной целью стал изучать ее работы в ведущих социологических журналах России и Украины, прочитал ее пронзительные статьи в местной печати в роковые дни 1991 года, я наконец понял, как она вложилась в «перестройку», сколько личного мужества, страсти, сил и воли к борьбе отдала в этом решающем сражении, которое мы все проиграли. Она как солдат, превозмогший страх, встала «из окопа» в полный рост и пошла в атаку. Переосмысливая в книге свой опыт участия в политике, она не просто сожалела о потерянной «перестройке» — она страдала. Она, как никто, понимала, что мы потеряли историческую перспективу, что мы как народ перешли в разряд народов неисторических, неинтересных, ненужных Матери-Истории.

Мое участие в обсуждении книги Ирины Марковны имело положительный эффект: у нас наладилась переписка. На протяжении апреля 2006 — декабря 2007 года мы обменивались по электронной почте своими новыми публикациями, комментариями и привлекшими наше внимание работами других авторов. К тому же был повод: я дал согласие на обсуждение трех моих статей о роли интеллигенции в политической жизни общества на заседании научного семинара кафедры социологии.

Обсуждение проходило на научном семинаре кафедры социологии в мае 2006 года. Выступление на нем Ирины Марковны было записано на диктофон. Поэтому у меня есть возможность воспроизвести его полностью.

И.М. Попова: «На что я обратила внимание, когда читала все три статьи Геннадия Петровича. Как всегда, многие споры обусловлены неопределенностью понятий, которые употребляются. Мне казалось, что все время происходит соскальзывание от одного к другому. Допустим, вхождение в политику и вхождение во власть. Интеллигент может или не может входить в политику? Часто в контексте имелось в виду, что он не может, не должен входить во власть. Но не было такой определенности. Затем, входит ли он как общественный деятель в политику? Позиция интеллигента, даже если он непосредственно

не занимается политикой, его публичная позиция и его выступления как общественного деятеля существенным образом влияют на политику.

Я уточняла позицию Геннадия Петровича. Вроде он также думает. Но когда обсуждали мою работу, мне показалось, что он стоял немножко на других позициях, имея в виду, что стремление социолога донести что-то совершенно бессмысленно и т. д. Мне кажется, все равно это оказывает влияние, все равно это совсем бесполезно. Мы должны всегда отстаивать и пытаться донести до общества свою позицию. И это есть наше вхождение в политику. Далее, мне кажется, что имеет место некоторое противопоставление морали и политики. Значит, у Геннадия Петровича мораль — это дух, а политика — это материя. Ничего подобного. Мораль — это не только дух, но и материя. Имеется в виду, что практические поступки оцениваются с точки зрения морали. Поступок может быть морален и неморален. И он нисколько не меньше материя, чем политика. А политика то же самое — это определенный дух и определенная материя. Тем более что Бурдые представляет политику говорением. Он прямо утверждает: это говорение. Политика — это вербальное действие. Но на самом деле политика — это вполне практические вещи.

Теперь еще об интеллигенции и позиции интеллигенции. В чем может заключаться наша позиция как общественных деятелей. Допустим, если мы выполняем заказ власти провести какое-то научное исследование. Означает ли это, что мы служим власти? С моей точки зрения, я была бы очень рада, если бы власть нам давала заказ. Допустим, готовится какое-то управленческое решение, ну, к примеру, то, с чем я имею дело, по поводу бездомных детей. Почему бы не создать такой проект и провести серьезное предварительное исследование и заплатить, так как это требует финансовых затрат. Это — заказ. Я считаю, это вполне моральный, нравственный поступок. Более нравственный, чем мы просто выступаем и о чем-то говорим. Мне кажется, что такое сотрудничество с властью совсем не дискредитирует интеллигенцию. Наоборот. Другое дело, кот Васька слушает и кушает. Но мы в 1989-91 годах, может быть, недостаточно, все-таки действительно полезное дело делали, подавали справки и прочее, и прочее. Я, например, до сих пор встречаюсь с некоторыми бывшими тогда функционерами. Серов мне говорил, что они многое интересное у нас почерпнули. Не совсем получилось так, как нужно, но я считаю, что эта позиция вполне была правильной.

Теперь в отношении интереса. Получается, что интерес — это вроде как нечто корыстное, личный интерес. Я считаю, что личный интерес — это совсем неплохо. Если необходимость выступать за права человека, необходимость критики, когда мы видим, какие неправильные решения принимаются и т. д., и т. п., — если это не есть мой личный интерес, то никакого толку от этого не будет. То есть личный интерес — это совсем неплохо.

Кстати, противопоставление государственной власти и интеллигенции с моей точки зрения тоже неверно. Интеллигенция может выполнять определенные функции, полезные именно государственной власти. Мне кажется, излишние противопоставления в общем неправомерны. Теперь еще, почему

интеллигенция должна обязательно находиться в оппозиции к власти? Совершенно не обязательно. Интеллигенция должна быть носителем истины, то есть понимания того, что целесообразно в данных условиях для широкой массы населения. Не для какой-то группы, а для широкой массы населения. Что целесообразнее, что нужно сделать. Для этого совсем необязательно находиться в оппозиции к власти. Я вспоминаю один разговор с Заславской. Она тогда сама баллотировалась, была депутатом и пыталась там научные методы ввести, проведение опросов, как поддерживаются или не поддерживаются те или другие решения. Она говорила, что это была наша ошибка. Мы не должны были входить во власть непосредственно, но это совсем не значит находиться обязательно в оппозиции к власти, это совсем не значит не иметь никаких личных интересов. Короче говоря, необходима большая гибкость в решении этих вопросов, диалектичность своеобразная, а не или-или».

В мае 2007 году вышла в печати моя монография «Проблема отношений политики и морали»¹. В ней последняя, третья, часть посвящена интеллигентскому дискурсу в политике, дана типология политического активизма интеллигенции и критика проектов российской либеральной интеллигенции «Другая война» и «Другая Россия». В монографии я описал такой феномен как *интеллигентский макиавеллизм*. Имеется в виду специфический способ вхождения в политику под видом ролей научного аналитика и научного эксперта. Книгу я презентовал Ирине Марковне. Она откликнулась письмом:

Fri, 31 Aug. 2007

Добрый день, Гена! Книга Ваша нам понравилась (мне и Леониду Николаевичу). Главное — она серьезная и есть свои идеи, но над многим мне еще нужно поразмышлять, весь материал еще не освоен полностью, уж очень много. Критика Афанасьева перекликается с тем, что есть у С. Кара-Мурзы в «Советской цивилизации». Она (эта НАША) цивилизация не перестает занимать мои мысли. Посылаю статью Федотовой (весьма ее уважаю), которую выловила из Интернета. Привет Л.М.

Стоп! А правильно ли я отказался от традиционного образа интеллигенции как народолюбивого, совестливого слоя образованного общества в пользу негативного образа интеллигентуры. Третьяков с Павловским писали о неприглядной роли патентованной интеллигенции, исходя из знания фактов: какие мотивы сподвигли на известные поступки известных лиц. Они знали кухню и технологию приготовления острых политических блюд, которыми столичные интеллигентские группы потчевали и власть, и народ.

¹ Гребенник Г. П. Проблема отношений политики и морали (Опыт конструирования макиавеллианско-кантианского метадискурса). — Одесса: Астропринт, 2007. — 616 с.

Этих московских «штучек» Ирина Марковна не знала так же, как и я. Она не знала и провокационных «штучек» прибалтийских «фронтовиков», которые устраивали кровавые провокации, чтобы на весь мир осудить имперскую власть за пролитую в Литве кровь. Это только сейчас, спустя десятилетия, мы узнаём и, я уверен, еще многое узнаем о грязных технологиях интеллигентов-демократов тех роковых лет.

Но ведь не все так однозначно. Ю. Афанасьев осудил Е. Гайдара и его антинародные реформы. Г. Попов с Н. Шмелевым также дистанцировались от этих «чикагских мальчиков». И даже человек с очень говорящей фамилией Шахрай испугался своего «шахрайства» в Беловежской пуще и поспешил уйти из политики. Но, самое главное, классический миф о русской интеллигенции оправдывался существованием Ирины Марковны Поповой, ее мужа Леонида Николаевича Курчикова, Авенира Ивановича Уёмова, Александра Геннадьевича Мучника и других интеллигентов, которых я лично знал. Нет, жив курилка!

Принадлежность Ирины Марковны Поповой к классической русской интеллигенции невозможно поставить под сомнение, настолько очевидно, ярко, незамутненно были явлены в ней черты этого человеческого типа. Ирина Марковна была продолжательницей демократической, но не в либеральном, а в народническом, социалистическом смысле слова, традиции в русской истории — традиции сочувственного отношения к судьбам людей из народа. Народничество было магистральной линией русской интеллигентской традиции. В эту традицию составной частью входит и вера в решающую роль науки в социальном прогрессе. Итожа свою жизнь, она в 75 лет говорила: «Гражданская же моя позиция пробуждает ностальгические воспоминания о том времени, когда социологи, как нам казалось, были нужны и имели возможность работать с полной отдачей, руководствуясь общественными интересами» (Попова 2011: 57).

Интеллигентский либерализм, явивший себя в 90-е годы в неприглядной антинародной форме, закономерно ее оттолкнул. И вот уже законодатели моды стали говорить об интеллигенции не иначе, как «пресловутая». Один из них, Глеб Павловский, умничал: «Явлинский и Чубайс, — люди, испорченные шестидесятниками, культом Окуджавы» (Павловский 2001а). А ведь Ирина Марковна тоже относилась к «шестидесятникам» и была бы оскорблена, если бы ее рассматривали в одной связке с Чубайсом. Виталий Третьяков совершенно верно подметил: «Самое смешное, что один из синонимов слова «интеллигент» — «левый». Ведь интеллигенция всегда была и будет за социальную справедливость, то есть, извините, за народ. Правая интеллигенция — это как жареный лед. И вот здесь парадокс наблюдается. От имени интеллигенции у нас чаще всего говорят правые. Оттого и получается — чепуха» (Третьяков 2001).

В фильме Александра Столярова об Алексее Германе-старшем¹ передана атмосфера германовского существования: живут бок-о-бок близкие люди,

¹ Герман и Кармалита. Док. фильм. — 2010 г. / кинореж. А. Столяров.

живут без грязи, лицемерия, не допуская предательства. В отношении к людям и к профессии абсолютно бескомпромиссны. Они все время разрешают один и тот же вопрос: что есть жизнь, достойная человека. Ни налаженный быт, ни шмотки, ни деньги, слава и власть к этому вопросу не имеют никакого отношения. Все это пыль. Конъюнктура мира останавливается на границе их, казалось бы, зыбкого мира тонких человеческих отношений. Как такое возможно? Власть — это тигр, с которым Герман всю жизнь плыл в одной лодке, борясь за право на идентичность. Герман не ломался и не менялся, менялась власть, вернее, конъюнктура власти. Он умер, потому что предельно устал. И президент страны выразил соболезнование семье, а миллионы людей мысленно поклонились его памяти. Вот что такое драма подлинного интеллигентского бытия. Эту атмосферу я ощущал, когда посещал семью Ирины Марковны Поповой — Леонида Николаевича Курчикова. Великий интеллигентский миф имеет право на существование, когда есть его носители. На их фоне господа павловские мельчают. И ум не спасает их от бесчестия.

11. ШКОЛА ПОПОВОЙ

Быть учеником профессора И.М. Поповой, принадлежать ее школе — это уже само по себе показатель уровня профессионализма. Будет логично, если о «школе Поповой» расскажут ее ученики разных лет, с которыми мне удалось побеседовать.

Слово доктору философских наук, профессору **Эмме Августовне Гансовой**:

АВТОР: Как Вы познакомились с Ириной Марковной и стали ее аспиранткой?

Э.А.: Я познакомилась с Ириной Марковной примерно в 1962 году, после окончания исторического факультета. До этого я о ней много слышала. Она оказалась худенькая, совсем неимпозантная женщина. Я удивилась, потому что уже тогда она была символом социологии. Ирина Марковна привезла из Ленинграда в Одессу целую школу и направление. Дело в том, что выпускники Ленинградского университета Ирина Марковна Попова, Андрей Григорьевич Здравомыслов, Владимир Александрович Ядов тогда, даже в условиях полного идеологического господства КПСС, умудрялись нести новое для страны знание об обществе.

Я пришла на кафедру философии уже с темой, которая меня интересовала. Кафедра была тогда невероятно привлекательной. Глоток свежего воздуха. Сочетание Авенира Ивановича Уёмова и Ирины Марковны было потрясающим. А с социологией я познакомилась благодаря своему увлечению английским языком. В Москве начитавшись англоязычной литературы по социологии в Государственной библиотеке иностранной литературы и Ленинке, а также нашей — по критике буржуазных теорий, я почувствовала живой интерес к этой науке. Моя тема была очень смешная — «Критика буржуазных теорий лидерства».

АВТОР: Почему смешная?

Э.А.: Смешная из-за слов «критика» и «буржуазных». Мне повезло еще и в том отношении, что замечательный, блистательный Игорь Семенович Кон мне подсказал тему лидерства. Она на стыке социологии и психологии.

АВТОР: Как я понял из статьи Ирины Марковны (Попова 2011: 42), ее первым аспирантом был А.Н. Яценко. А Вы какая у нее по счету?

Э.А.: Нет, первым аспирантом Ирины Марковны был Петя Задирако. Сейчас он доктор, профессор из Строительного института. У нее также были Толя Яценко и я. Для меня авторитет ее был беспрекословным. Она была моя мать в науке. Она формировала меня в интеллектуальном и моральном плане, просто формировала. Мне приходилось вместе с ней ездить на научные конференции в качестве аспирантки. В интеллектуальном плане она была значительно старше меня, чем по возрасту. Она не просто давала какие-то знания, предлагала научные принципы, но конкретно ставила мне мозги, формировала мировоззрение. Это был даже не эталон, это был тренажер. Она возглавила свою школу и имела права давать нам оценки как своим ученикам.

АВТОР: Как следует характеризовать школу Ирины Марковны? Что значит одесская социологическая школа?

Э.А.: Одесская школа — это филиал школы ленинградской. Этим можно гордиться. Ирина Марковна несла в себе неповторимый дух питерской школы — интеллектуальной свободы в сочетании с известной долей диссидентства. Началось все с Парсонса. От него все плясали. Я даже сейчас не понимаю, почему именно Парсонс. У Ирины Марковны была своя ценностно-нормативная парадигма, и мы все в этой парадигме выросли.

АВТОР: Что такое ценностно-нормативная парадигма?

Э.А.: Может быть, я не права, но у меня такое объяснение. Мы все росли в условиях идеологии, партийного прессинга. И когда пришлось думать, то мы задумались над вопросом, а что такое идеология? То есть окружавшая наше общество атмосфера идеологии естественно подтолкнула нас сформулировать «основной вопрос социологии»: *что такое идеология и что такое мир* — наподобие «основного вопроса философии»: *что такое бытие и что такое сознание*. И вот парсоновская ценностно-нормативная идея сработала хорошо на то, чтобы понять, что ж такое идеология, в чем ее смысл. И поскольку основу идеологии составляют ценности, постольку отсюда вытекала ценностно-нормативная парадигма.

АВТОР: Ирина Марковна занималась социологией труда. Но это направление разрабатывала и Т.И. Заславская, и О.И. Шкаратан. Есть ли отличительные особенности того, что делали одесские социологи?

Э.А.: Другой социологии тогда просто не допустили бы. Во-первых, здесь присутствует марксова трактовка труда как деятельности, преобразующей человека. А во-вторых, труд вбирает в себя весь образ жизни. Это была лаборатория, через которую мы могли открывать для себя какие-то социологические закономерности. Невероятно удобно было то, что это был завод. Позднее к нам пришла Нелли Александровна Победа, которая принесла свое направление

— социологию культуры. Это было время, когда труд столкнулся с культурой (смеется). Было время, когда Ирина Марковна и Нелли Александровна сильно конкурировали. И это шло всем на пользу. Нелли Александровна — это новосибирская школа. Коган — ее руководитель. Она до сих пор его цитирует.

У Ирины Марковны количественные методы сведены до минимума, что в общем-то вызывало определенное неудовлетворение у социологов типа Головатого и Горбачека. Последний — умничка большой, специально занимается разработкой количественных методов в социологии, создает сложные формализованные системы. А Ирине Марковне гораздо ближе были содержательные методы, идущие от ее философской заправки. При этом она делала монографию и докторскую по теме «Сознание и трудовая деятельность» на результатах работы лаборатории, которую она возглавляла, где математические методы использовались очень широко. И профессиональный математик Валя Максименко, и Витя Моин вели эту тему в лаборатории.

Когда И.М. Попова начинала заниматься прикладной социологией, то перед ней встали особенные трудности. Социологов в университетах не готовили, соответственно, не было аспирантуры по этой специальности. Свою «команду» она набирала из студентов разных факультетов Одесского университета, на которых она преподавала истмат. Они посещали ее кружок и приобщались к социологии. Затем она брала их к себе в аспирантуру, где в процессе написания диссертаций они приобретали серьезные теоретические знания. Социологической технике анкетных опросов и обработке полученной информации учились все вместе, поскольку советская социология делала только первые шаги и осваивала методы, которые американцам были известны еще в двадцатые годы. В 1969 году И.М. Попова пробила через министерство создание при кафедре философии Одесского университета научно-исследовательской социологической группы. Ее сотрудниками стали вчерашние ее студенты. В 1970 она вместе со своими сотрудниками перешла на работу в Одесское отделение Института экономики Академии наук УССР. Спустя пять лет вместе с костяком научно-исследовательской социологической группы она вернулась в Одесский государственный университет им. И.И.Мечникова, где при кафедре философии гуманитарных факультетов было создано социологическое подразделение. Как раз в этом году Ирина Марковна предложила мне после окончания третьего курса истфака в осенний период вместо «колхозной практики» поучаствовать в проекте исследования Красноокнянского района Одесской области на предмет составления пятилетнего плана социально-экономического развития. Вот тогда я и познакомился с ее верными учениками — сотрудниками научно-исследовательской группы. Их было трое, как мушкетеров: Виктор Борисович Моин, Михаил Борисович Куньявский и Галина Петровна Бессокирная. Тогда они были молодые, ненамного старше меня студента, еще неостепененные энтузиасты социологии. В моих глазах они были счастливчики. Наука как стиль жизни — меня это тогда сильно

захватывало. С тех пор минуло тридцать семь лет. Ныне В.Б. Моин живет и работает в Израиле, в Хайфе, Г.П. Бессокирная — в России, в Москве. И только М.Б. Кунявский остался верен своему городу. Я постарался войти в контакт с ними, чтобы они рассказали о своем Учителе, о себе и то, что они думают о своей работе под руководством И.М. Поповой. Ниже приведены фрагменты интервью с ними.

Из беседы с **Михаилом Борисовичом Кунявским**:

АВТОР: Вот цитата из статьи Александра Бикбова и Станислава Гавриленко «Российская социология: автономия под вопросом»: «...наиболее известные сегодня российские социологи скептически оценивают <...> собственную профессиональную компетентность». В этой связи вопрос: а Ирина Марковна испытывала эти крайне неприятные для профессионала чувства дилетантизма и некомпетентности?

М.Б.: Нет. Скорее нужно говорить о недостаточности. Это — нормально. Любой нормальный человек не относится к себе очень серьезно, «с глубоким уважением». Всегда у ученого есть чувство, что он не доработал, где-то что-то не доделал. Говорить о стопроцентной компетентности, по-моему, никто не может. Все-таки наукой занимаемся, вторгаемся в сферу непознанного.

АВТОР: Хочу уточнить свой вопрос путем аналогии. Советские хоккеисты играли в хоккей, становились чемпионами мира среди любителей, но знали, что есть в Канаде профессиональная лига хоккея, где средняя команда легко обыграет нашу сборную. И только 1972-й год показал, когда наша команда встретилась с лучшими профессионалами Северной Америки, что мы играем на самом высоком уровне и способны обыгрывать их. Может, и наши социологи чувствуют себя робкими учениками западных авторитетов?

М.Б.: Вот такое ощущение, что мы на хорошем уровне, не хуже, а во многом и лучше, возникло у Ирины Марковны, когда мы стали сотрудничать с американскими социологами.

АВТОР: Когда это произошло?

М.Б.: Когда мы работали на Всемирный банк. Это 96-98-й годы. Сюда приезжали американские социологи. Мы сначала разрабатывали программу, затем составляли анкетные вопросники, а они о таком виде работы, как программа, о том, что можно разработать стратегию вопросника так, что задать десять вопросов и получить ответы на сто позиций, сто показателей, даже не знали.

АВТОР: Я знаю, что на Западе существует четкое разделение труда на полстеров¹ и собственно социологов. Первые работают в частных фирмах, вроде службы Гэллага или Харриса и проводят по заказам опросы общественного мнения. Вторые не спускаются в поле, получают от первых готовые данные анкетирования и их интерпретируют, своеобразная научная аристократия.

¹ Полстер — аналитик и специалист по опросам общественного мнения.

М.Б.: У них это, может быть, ярче выражено, но по большому счету для того, чтобы грамотно провести опрос общественного мнения, нужно быть ученым, профессиональным социологом.

АВТОР: *Позвольте еще одну цитату — крупнейшего авторитета, ныне покойного Игоря Семеновича Кона: «Социология предполагает заземленность. Поэтому я к возможности существования социологии в Советском Союзе изначально относился очень скептически. Потому что мне было понятно, что социология не может существовать без анализа социальной структуры, а это было абсолютно табуируемой вещью. Были священные категории: рабочие, колхозники и интеллигенция. <...> А без социальной структуры макросоциологии быть не может. И второе, что было еще более табуировано, — это отношение к власти. Обсуждать это тоже было абсолютно невозможно. На эти вещи выходили только люди наивные или потенциальные революционеры, которые еще не осознали своего истинного призвания» (Интеллектуальный интерес... 2010).*

В этой связи вопрос: так как из невозможности родилась в Советском Союзе социология и худо-бедно существовала?

М.Б.: Я не согласен с Коном. На самом деле то, что он утверждает о социальной структуре, — мол, табуированная вещь, — это неправда. Мы занимались социальной структурой, изучали ее. Ваш покорный слуга, кстати, занимался социологией профессий, структурированием нашего трудящегося класса в рамках темы «Содержание труда как стимул трудовой деятельности». Я нашел такую исследовательскую технику, которая позволила объективно эту структуру выявить и оценить с помощью контент-анализа.

АВТОР: *Значит, Кон все-таки не прав.*

М.Б.: Да, не прав. Может, она и была табуирована, но мы находили способы и подходы для ее оценивания. Может, мы и не знали, что она была табуирована.

Из беседы с кандидатом экономических наук, старшим научным сотрудником Института социологии Российской академии наук **Галиной Петровной Бессокирной:**

АВТОР: *Как Вы познакомились с И.М.? Как нашли друг друга?*

Г.П.: Познакомились мы во время моего обучения на геофаке, когда она читала нам курсы по философии. Позже меня послал познакомиться с ней поближе наш комсомольский секретарь Сережа Бойченко с той целью, что социология может дать для комсомола. Потом была работа по хозяйствам на последних двух курсах. В результате у меня стало два руководителя диплома: Повитчанная Е.Е. и Попова И.М. Мы с Леной Коцюбинской (она также была таким дипломником) даже получили командировку в Москву в Ленинку. Как раз в это время в Одессе образовалось Одесское отделение Института экономики АН УССР, куда перешла Ирина Марковна, чтобы возглавить Отдел социальных проблем управления (кажется, так он назывался и находился

на спуске Жанны Лябурб). И я, вместе с еще некоторыми однокурсниками, была направлена туда на работу. Меня Ирина Марковна «пробивала» через министерство, так как у меня не было никаких «отговорок». Это было в 1970 году. На следующий год я поступила в аспирантуру по специальности «Научная организация и экономика труда». Специальности по социологии тогда не было. Моим научным руководителем стала Ирина Марковна. Кроме того, работала на 0,5 ставки инженером в отделе. Впоследствии открылась специальность «Прикладная социология», по которой я и защитила свою кандидатскую диссертацию в Институте социологических исследований в Москве (1983).

АВТОР: *На какие авторитеты в социологии Вы ориентировались в начале своего пути в социологии?*

Г.П.: Мы старались узнать как можно больше о социологии вообще. Собирали в отделе все книги, выписывали массу журналов, составляли каталог по книжной и журнальной летописям, заказывали ксероксы переводов и оригинальных книг и статей (ВИНИТИ, ГПНТБ, ИНИОН). Все сотрудники периодически ездили в командировки к работающим группам социологов в Киев, Ленинград, Москву. Круг командировок самой Ирины Марковны был гораздо шире, конечно. Отовсюду привозили новую литературу, методические разработки, которыми охотно делились с нами. Думаю, что в начале своего пути в социологии у меня, кроме Ирины Марковны, авторитетов не было.

АВТОР: *Как вы сейчас оцениваете стиль руководства И.М. вашей группой?*

Г.П.: Стиль руководства был демократический. Сегодня даже, наверное, можно сказать, что партнерский. Фактически каждый сам выбирал себе задачу в общей теме. Конечно, она обсуждалась с Ириной Марковной и на совещаниях, которые проводились еженедельно в коллективе. Ирина Марковна давала возможность высказаться всем желающим и только потом излагала свое мнение. Она приветствовала все инициативы по поиску новых методик и техник в ходе анализа данных. Конечно, Ирина Марковна была не только формальным, но и неформальным лидером в коллективе. Думаю, что ее лидерство заключалось, прежде всего, в том, что в те трудные для социологии годы она обеспечивала нам возможность работать нормально. Никогда не рассказывала о «бурях» наверху, хотя они, несомненно, были. Мы все находились под ее защитой и вместе с ней трудились с большим энтузиазмом.

АВТОР: *Вы можете утверждать, что качество ваших исследований было вполне сравнимо с тем, что делали социологи в Москве, Ленинграде и Новосибирске?*

Г.П.: Зачем мне это делать. Это было признано Т.И. Заславской в ее статье в «перестроечные» годы. Она писала о некоторых островках, где развивалась настоящая социология. Среди них — Одесский госуниверситет имени И.И. Мечникова.

Третий участник команды Поповой Виктор Борисович Моин эмигрировал в Израиль и проживает в настоящее время в Хайфе. В своих воспоминаниях о периоде адаптации на новой родине он пишет: «Несмотря на отсутствие у меня специального образования, я не чувствовал себя «белой вороной»,

дилетантом среди новых коллег (все они защищали докторские и проходили пост-докторат в университетах США). И это вовсе не моя заслуга. Честно говоря, я этого не ожидал. Упоминаю я об этом только потому, чтобы подчеркнуть тот высокий уровень требований, который предъявляла нам Ирина Марковна, и ту огромную работу, которую она проделала, обучая нас, дилетантов, новой профессии» (Попова 2011: 621).

В заключении приведу свой разговор с кандидатом социологических наук **Ириной Рамилевной Чапской**, аспиранткой Ирины Марковны в 1997—2000 годы.

И.Ч.: С Ириной Марковной я познакомилась уже на последнем курсе университета. Это было в 96-м году. Дело в том, что ее ученица Эмма Августовна Гансова была научным руководителем моей дипломной работы. И она порекомендовала меня Ирине Марковне в качестве аспиранта. Она мне сказала, что надо идти к Поповой, потому что это такая школа, которую она бы хотела для меня.

АВТОР: *Что именно она имела в виду? Что значит «школа Поповой»?*

И.Ч.: Это значит, что она много вкладывает в аспиранта. Она занималась нами как учитель: учила нас писать, думать, приемам сбора и обработки научной информации, в общем, всем навыкам, которые необходимы для написания диссертации. Даже книжки читать. Я сидела рядом с ней, а она мне показывала, как она делает закладки в книжках, делает выписки на карточках. Мне достались после нее книги, в которых вложены библиотечные формуляры с ее записями. Она, например, быстро выяснила, что у меня трудности с написанием текста и стала рассказывать о своей учительнице литературы, фотография которой стояла у нее на столе. Спросила, как у меня обстояли дела с сочинениями в школе. Выяснила, что меня не научили писать, и стала этим заниматься. Это называется полностью взять на себя человека и лепить из него специалиста. Она мне часто говорила: «Ира, вы ведь знаете: мы не ищем легких путей». Я давала ей какие-то фрагменты своей работы. Она постоянно отдавала мне их на переделку. Все, что не удовлетворяло, все отсылалось назад. После первого обсуждения диссертации мне пришлось поменять специальность. Она спокойно убрала пятьдесят процентов текста.

Я пришла к ней, когда ей было уже 70 лет. Когда я сказала своим знакомым, что стала аспиранткой Ирины Марковны, то они мне стали говорить, что это очень серьезно и чтобы я это понимала и готовилась к жесткой требовательности. У меня ведь был маленький ребенок. Меня предупреждали, что для таких дам, как Ирина Марковна, ребенок — это не причина для снисхождения. А она была очень внимательна к этому фактору. Часто меня расспрашивала о сыне и сама много рассказывала о своих внуках. Я так поняла, что с возрастом она стала гораздо мягче.

Научный авторитет Ирины Марковны был такой... Когда мы приехали с ней в Киев на мою защиту, я увидела, как люди реагируют на Ирину Марковну, на такую маленькую женщину. Там большие мужи буквально вскакивали

и замирали. Это было потрясающе! И самое главное, что у многих из них остались какие-то обиды на то, как она их жестко раскритиковала. И все побаивались ее. Реакция на ее появление была очевидна.

АВТОР: *Как она относилась к коллегам по кафедре?*

И.Ч.: Мне кажется, что в последние годы она была снисходительна. Не помню, на каком собрании, на заседании кафедры или социологической ассоциации, она нас, молодых, утешала: «Ну, не бойтесь, за вами есть еще мы. Она видела в нас каких-то перепуганных людей, которых нужно утешить, сказать нам, что мол, мы еще живы и вас поддержим.

АВТОР: *Что в ней перевешивало — научное или интеллигентское начало? Что ее больше волновало — справедливость или истина?*

И.Ч.: Мне кажется, что на глубинном уровне был ученый, а этажом выше — интеллигент. В те годы, когда я у нее училась, она любила Шляпентоха. Ей нравился польский социолог Петр Штомпка. Она мне рекомендовала читать «Быть или иметь» Эриха Фромма. Она была марксисткой и всегда это подчеркивала. Западные ученые говорят, что расслоение современного общества ныне не такое, как по Марксу; что границы между классами стерлись; теперь уже это понятие не применяется, а больше «слои», «страты»; что это уже скорее горизонтальное различие, а не вертикаль. Так вот, она говорила, что все это не так, что класс собственников очень отличается от класса тех, кто продает свой труд и живет на зарплату.

АВТОР: *И вот сейчас, спустя время после того как Ирина Марковна ушла от нас в лучший мир, как ты оцениваешь ее как человека, с которым у тебя произошла неслучайная встреча и который ряд лет конкретно влиял на тебя?*

И.Ч.: Мне врезался в память наш последний разговор, когда мы шли с работы и просто говорили о жизни, без всякой научной цели. И вот мне запомнилась какая-то исключительная свежесть ее восприятия жизни. У меня осталось впечатления какой-то легкости, незашоренности, непосредственности ее жизненных реакций. Мне кажется, что она и люди ее поколения выросли, были молодыми и состоялись в счастливое время. Оно было трудное, но счастливое. Они были активные, целеустремленные. Меня поражало, как можно так спокойно распространять себя на окружающих. Не закрываться в частную жизнь, не самоустраиваться, не экономить свою нервную энергию, а вкладываться, говорить, почему здесь так, а там не так, то есть вмешиваться в чужую жизнь.

Вот такой запомнилась Ирина Марковна — мудрой, свободной, принципиальной. Она учила не только профессии, но и честному отношению к жизни.

12. ПОЛИТИЗАЦИЯ СОЦИОЛОГИИ: НЕУСВОЕННЫЕ УРОКИ РЕЙТИНГОВОГО СКАНДАЛА

Ни жизненные обстоятельства, ни среду человек не выбирает. Это не входит в условия его свободы. Ирина Марковна считала свою жизнь удавшейся в немалой степени потому, что на ее пути встретилось немало достойных людей, с которыми у нее сложились добрые человеческие и профессиональные отношения. Ее положение в профессиональном сообществе было прочным и определенным. Между тем корпорация украинских социологов представляет собой любопытную человеческую популяцию, которой в новых условиях, после слома советского строя, пришлось проходить в ускоренном режиме «школу капитализма», приспосабливаясь к новым «ценностям» — демократии и рынку. Об одном таком жестоком уроке, в разборке которого приняла участие И.М. Попова, пойдет речь ниже.

1. Экзит-польный скандал как зеркало кризиса профессионального сообщества украинских социологов

Выборы составляют сердцевину демократического процесса. Социологическое сопровождение в виде опросов населения обеспечивает получение оперативной и достоверной информации о ходе избирательной кампании, что позволяет своевременно реагировать на изменения состояния электората, его предпочтений, настроений, ожиданий. Социологическая информация является продуктом политического маркетинга, на который возник устойчивый спрос. Социологи с радостью ответили предложением. Это еще притяжка, сказка будет впереди.

Во время президентских выборов-2004 на Украине, после первого тура голосования 31 октября, разразился скандал вокруг результатов экзит-полов¹. Он быстро потонул в событиях оранжевой революции. За чередой ярких событий и карнавальных гуляний на Майдане об экзит-полах и социологах все забыли до следующих общенациональных выборов. Но сами участники конфликта, наговорившие публично друг другу много обидных

¹ «Exit Poll» в буквальном переводе с английского языка означает «опрос на выходе». Во многих странах мира в день выборов проводится анкетирование тех, кто проголосовал на выходе из избирательных участков. Экзит-полы были придуманы еще в 60-е годы прошлого века американскими медиа-технологами: собственники газет хотели еще до официального объявления результатов опубликовать имя победителя на тех или иных выборах. У экзит-пола несколько целей: прогноз результатов выборов; общественный контроль за честностью проведения голосования; сбор материала для анализа электорального поведения граждан. На постсоветском пространстве, однако, экзит-полы стали инструментом политической технологии мобилизации своих сторонников на массовые действия в результате обнаруженной и «доказанной» с помощью экзит-пола фальсификации результатов выборов со стороны «партии власти».

слов, прощать коллег и мириться не собирались. Журналистка газеты «День» Н. Трофимова назвала свою статью, посвященную итогам этого экзит-пола, возможно без всякого намерения, достаточно ехидно: «Экзит-пол продолжается. Среди социологов». В результате острого выяснения отношений, обмена открытыми письмами фигурантов Социологическая ассоциация Украины (САУ)¹ в лице ее правления раскололась, президент и председатель комиссии по этике подали в отставку. Центр был парализован на два года, и региональные организации функционировали в автономном режиме. Деятельность ассоциации возобновилась только в 2007 году. 14 апреля этого года в Харькове состоялся внеочередной VI съезд САУ. Избрали новое правление и президента — В.С. Бакирова². Избрали также комиссию по этике из пяти членов во главе с председателем Ириной Марковной Поповой. За нее проголосовали единогласно, признавая ее авторитет и незапятнанную репутацию. Было также принято кардинальное решение о перенесении штаб-квартиры САУ из Киева в Харьков.

А ведь так хорошо начиналось. За полгода до этого злополучного экзит-пола, 20 мая 2004 года, V съезд САУ принял Кодекс профессиональной этики социолога и единогласно избрал комиссию по этике в следующей составе: Н.В. Панина (председатель), О.Н. Балакирева, В.С. Бакиров, Ю.И. Яковенко, С.Н. Стукало, И.М. Попова, В.Е. Хмелько (члены комиссии). Проект Кодекса был разработан Н.В. Паниной с участием И.М. Поповой и опубликован для широкого обсуждения в №3 журнала «Социология: теория, методы, маркетинг» еще в 2001 году.

В преддверие принятия Кодекса профессиональной этики социолога Наталия Панина опубликовала статью в 3-м (мартовском) номере журнала «Социология: теория, методы, маркетинг». В ней она четко указала на те опасности и проблемы, с которыми столкнулось профессиональное сообщество социологов в новых, постсоветских, условиях: «социология слишком резко вышла за пределы научного института в социально-политическую практику»; образовался рынок «социологических услуг», на котором «затрутились» большие деньги; за ними потянулись в социологию «самоназванцы», которые угрожают размыть профессиональное сообщество; на социологов оказывают давление разного рода политические спекулянты. Все эти обстоятельства обостряются общенациональными проблемами, такими как:

— проблема дефицита моральной регуляции поведения людей в рыночных условиях;

¹ Социологическая ассоциация Украины объединяет около тысячи профессиональных социологов, работающих во всех регионах страны, в академических институтах, в университетах, коммерческих и некоммерческих исследовательских центрах.

² БАКИРОВ Виль Савбанович — ректор Харьковского национального ун-та им. Н. Каразина, д-р социологических наук, профессор, академик Национальной академии наук Украины (2012), член-корреспондент Национальной академии педагогических наук Украины (2006), президент Социологической ассоциации Украины (2007).

— общество не обеспечивает ученым даже минимальный материальный уровень, необходимый для нормальной работы и полноценной жизни.

Наталья Викторовна писала: «...социолог как представитель профессионального сообщества должен нести личную моральную ответственность за взаимоотношения с различными субъектами, с которыми необходимо вступать в контакты при осуществлении профессиональной деятельности:

1) с обществом, представляемым а) ретрансляторами информации (журналисты, политики, политологи, комментаторы), б) потребителями информации (специалисты, апеллирующие к результатам социологических исследований), в) с населением как носителем общественного мнения, г) властными структурами и идеологическими институтами, заинтересованными в тенденциозной информации;

2) с соисполнителями в конкретных проектах;

3) с респондентами;

4) с заказчиками;

5) с профессиональным сообществом» (Панина 2004: 6).

Создается впечатление, что все важные слова были сказаны и написаны, чтобы предупредить социологов: будьте бдительны, ваша профессиональная честь под угрозой! Но как показал рейтинговый скандал, честь дала сбой. Да еще какой!

Странным образом об этом скандале одесские социологи сегодня, спустя девять лет, практически ничего не знают. Сведениями, да и то путаными, владеют единицы. А ведь скандал был сильнейший. Вот версия рейтингового конфликта в изложении проф. Нелли Александровны Победы:

— Существовал некий институт социальных исследований, который по комсомольской линии или по зарубежным грантам, точно не знаю, получал деньги на проведение рейтинговых исследований. Он конкурировал с Институтом социологии. Они давали одни результаты, другие давали иные результаты, Киево-Могилянская академия — Паниотто и Хмелько — давали третьи результаты. В общем, они конкурировали. И тогда возник вопрос о столкновении рейтинговых таблиц. Панина добросовестно проводила разные заседания с журналистами, на которых она объясняла, что значит репрезентативность исследования и каким исследованиям можно доверять. Если вам делают рейтинги, но не дают расшифровку, то можете быть уверены, что это дутые цифры. Печальный результат борьбы рейтинговых групп был таков, что на почве разбирательств заболели и умерли и Панина, и директор конкурентного института. Две смерти. Вот тут и понадобилась комиссия по этике. На самом деле в социологии есть много вещей, которые должны обсуждаться на комиссии по этике. Но я не знаю заседаний, посвященных разбору других конфликтов, кроме этого рейтингового «дела». Я других «разборок» не знаю. Любопытно, что после всех этих перипетий рейтинги продолжают, каждый институт считает, что именно он выдает истину, а комиссия эти рейтинги не обсуждает».

Киевляне, находившиеся в эпицентре конфликта, конечно, знают больше, но, очевидно, не хотят об этом распространяться по понятной причине: конфликт испортил многие личные отношения, можно сказать, навсегда изменил характер общения между ведущими столичными социологами и социологическими организациями. Вот как объяснил суть конфликта и скандала вокруг него в САУ очень информированный человек, заместитель директора Института социологии НАН Украины Евгений Иванович Головаха:

— Социологическое сообщество Украины раскололось. Во время президентских выборов 2004 г. социологи вовлеклись в деятельность разных политических сил, обвинили друг друга: одни в фальсификации, другие в методическом невежестве. И стали писать друг на друга письма, обвинять, что эти — ангажированы, а эти — невежды. Производственные конфликты перешли на личные отношения, дальнейшее пребывание этих групп в одной ассоциации стало невозможным, поэтому председатель Социологической ассоциации подал в отставку, Наталию Викторовну стали забрасывать письмами, которые она считала абсолютно неконструктивными, и вместо того, чтобы разбирать все это, она подала в отставку, и обезглавленная ассоциация не теоретически, а практически прекратила свое существование. Надеюсь, что во имя памяти Н.В. они теперь помирятся» (Головаха 2006).

Упомянутая Наталия Викторовна Панина — жена Е.И. Головахи, д-р социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии НАНУ и, главное, автор Кодекса профессиональной этики социолога, председатель комиссии по этике САУ. В разгар конфликта она написала заявление на имя президента САУ Н.А. Шульги, датированное 8 ноября 2005 года. В нем она заявила, что обе стороны пытаются втянуть в свою «разборку» Комиссию по профессиональной этике, хотя в разгорающемся конфликте нет ничего профессионального, зато имеется политический подтекст. В заключении она писала: «Я не хочу заниматься этим конфликтом до конца своей профессиональной жизни (а именно таким он и обещает быть). Мне это противно. Поэтому я складываю с себя полномочия **Председателя комиссии по профессиональной этике и подаю в отставку.** Потому что в настоящее время Кодекс профессиональной этики используется не по назначению — им размахивают и надеются прихлопнуть «противника», тогда как он предназначен, прежде всего, для личного пользования»¹.

Н.В. Панина умерла от сердечного приступа 8 августа 2006 года в возрасте 56 лет.

¹ Текст заявления Н.В. Паниной любезно предоставил Е.И. Головаха.

2. Драматургия скандала: две линии конфликта

Что же там на самом деле случилось? Почему так сильно рассорились мэтры украинской социологии? Неужели из-за расхождения в цифрах и методиках опроса?

У скандала было две сюжетные линии. *Первая* связана с «Национальным консорциумом», который был создан для проведения экзит-полов во время президентских выборов-2004 в следующем составе: фонд «Демократические инициативы» (И. Кучерив), Киевский международный институт социологии (руководители — профессора Киево-Могилянской академии В. Хмелько и В. Паниотто), Центр Разумкова (А. Быченко), Центр «Социс» (Н. Чурилов) и Центр «Социальный мониторинг» (О. Балакирева).

За неделю до первого тура голосования руководители двух структур Консорциума — КМИС и Центра Разумкова, — ссылаясь на сложную политическую атмосферу в обществе, заявили о том, что они применяют новую для истории украинских экзит-полов технологию сбора данных — метод тайного анкетирования. Их партнеры — Центры «Социс» и «Социальный мониторинг» — отказались от эксперимента, аргументируя это тем, что они не уверены в его надежности. В результате вечером 31 октября Консорциум представил цифры, из которых вытекало, что трое участников дали преимущество В. Ющенко, а ЦСМ Балакиревой дал несущественное преимущество Януковичу в 0,3%. Но два с половиной часа спустя на пресс-конференции Чурилов и Балакирева изменили результаты. По их уточненным данным, в результате взвешивания коэффициентов, связанных с оценкой явки избирателей на Западной Украине, первенство оказалось за Виктором Януковичем с отрывом в 4,4%. На глазах у журналистов состоялся нелюдный «обмен мнениями». Руководителей «Социса» и «Социального мониторинга» коллеги обвинили в фальсификации данных. А те, в свою очередь, — заявили о давлении на КМИС и Центр Разумкова спонсоров исследования. Прямо на пресс-конференции СОЦИС и ЦСМ объявили о выходе из Консорциума и о проведении во 2-м туре собственного экзит-пола «Выбор народа». В ответ Консорциум 11 ноября выступил с заявлением, в котором обвинил Ольгу Балакиреву в заранее спланированной акции с целью дискредитации проекта «Национальный экзит-пол'2004» и о заказном характере самих обвинений в «заказности» результатов экзит-пола (Заявление Консорциума... 2004).

21 ноября с экранов телевизоров были озвучены результаты экзит-полов второго тура, которые также вызвали недоумение. Уменьшившийся на две организации Консорциум обнародовал результаты, показывающие уверенную победу Ющенко. Экзит-пол «Голос народа» (СОЦИС и ЦСМ) распался и давал данные отдельно — ЦСМ показывал победу Ющенко с разрывом в 3%, а вот с результатами СОЦИСа, как и в первом туре, стали происходить метаморфозы. В предварительных результатах побеждал Виктор Ющенко (49,1% против 45% Виктора Януковича), а во время телевизионной передачи в 20.00 директор СОЦИСа Н. Чурилов объявил о преимуществе Януковича

(48,2% против 46,8% Ющенко), но сказал, что данные ненадёжны из-за большого числа отказов, однако на сайте СОЦИСа эти данные были представлены уже как надёжные.

В «третьем» туре данные Национального экзит-пола серьёзно разошлись с официальными цифрами. Консорциум показывал отрыв Ющенко от Януковича на уровне более 15 процентов, а ЦИК в итоге не дотянул и до восьми. Хотя организаторы экзит-пола анонсировали погрешность не выше одного процента.

Вторая линия скандала связана с тем, что параллельный экзит-пол проводило еще одно объединение — «Украинский экзит-пол», в состав которого вошли Украинский институт социальных исследований (директор А. Яременко), шесть национальных университетов Украины и Социологическая ассоциация Украины. Факт участия ассоциации на стороне «Украинского экзит-пола» вызвал резкий протест со стороны членов Консорциума, поскольку они тоже являлись коллективными членами САУ. Президент КМИСа Валерий Хмелько был членом правления САУ и считал грубым нарушением честной конкуренции передачу логотипа главной профессиональной организации украинских социологов лишь одной из конкурирующих «фирм». Об этом он заявил правлению и комиссии по этике в открытом письме. Вице-президент САУ Александр Яременко¹ с самого начала не скрывал, что создает свой «Украинский экзит-пол» в качестве альтернативы Консорциуму, потому что не доверяет ему в силу политической ангажированности последнего. Не случайно Н.В. Панина назвала его группу «Анти-консорциумом». Все слова Яременко о недоверии к непроверенной методике тайного анкетирования, примененной КМИСом и ЦР, можно списать на линию генерального недоверия по политическому основанию. По сути это был политический конфликт между оранжевыми и бело-синими. Поэтому он приобрел особенно острый и принципиальный характер. Как никак интеллигенты умеют враждовать.

В первом туре «Украинский экзит-пол» показал преимущество Януковича над Ющенко в 4%. Во время второго тура Яременко признал провал своего исследования по причине большого количества отказов избирателей участвовать в опросе.

¹ ЯРЕМЕНКО Александр Алексеевич родился 3 июня 1949 года в г. Паранайск Сахалинской области. Кандидат экономических наук. В 1991 году возглавил созданный Кабинетом Министров Украины Украинский научно-исследовательский институт проблем молодежи. В 1997 году этот институт был преобразован в Украинский институт социальных исследований, а в 2001 году — в Государственный институт проблем семьи и молодежи. Затем он еще раз сменил вывеску и стал Украинским институтом Социальных исследований (УИСИ). После экзит-польного скандала в апреле 2005 года А. Яременко перешел на работу в Институт экономического прогнозирования Национальной академии наук Украины, возглавив новообразованный отдел мониторинговых исследований социально-экономических трансформаций. 2 июля 2005 года умер от сердечного приступа. После его смерти УИСИ было присвоено его имя. Возглавила ин-т его коллега, с которой он часто и плодотворно сотрудничал, директор центра «Социальный мониторинг», канд. социологических наук О.Н. Балакирева.

Были ли у А.А. Яременко основания для подозрений и обвинений в политической ангажированности?

«Центр «Социальный мониторинг» (ЦСМ), который был ближе к власти, Центр им. Разумкова (ЦР), который был ближе к оппозиции и два более-менее нейтральных коммерческих центра — СОЦИС и Киевский международный институт социологии (КМИС), проводивших исследования по заказам и власти и оппозиции. Такая композиция, — пояснял суть идеи создания консорциума в таком составе Генеральный директор КМИСа Владимир Ильич Паниотто, — должна была способствовать нейтрализации возможного восприятия консорциума как политически ангажированного и повысить доверие к результатам экзит-пола».

Значит, опасения, что их будут упрекать в тенденциозности, были у самих организаторов Консорциума. Ради усиления впечатления объективности они прибегли к разношерстности, и она-то их сгубила. Больше такой ошибки они уже не делали. «Слабое звено» — Центр Разумкова. В своем комментарии А.А. Яременко заявил: «...мне сразу же хотелось бы оставить за рамками нашего разговора Центр Разумкова. Научный центр, в котором президент является главным аналитиком одного из штабов, — это говорит само за себя» (Трофимова 2004)¹. А что такое КМИС? Основанный в 1990 году, он уже с 1992 года становится Україно-Американской исследовательской компанией с широким спектром мониторинговых услуг. Живет на иностранные гранты и заказы.

Приглашенной в качестве аудитора Н.В. Паниной также показалась «странной» структура Консорциума. Она включала пять центров, четыре из которых должны были проводить экзит-пол. Роль пятого центра была обозначена как руководящая и координирующая. Этим координатором выступила организация «Демократические инициативы» (ДИ). Странность заключалась в том, что сотрудники ДИ не имели необходимой социологической квалификации для проведения и оценки такого крупномасштабного опроса. Но то, что выглядит неясно с профессиональной точки зрения, легко объясняется с другой. Что из себя представляет Фонд «Демократические инициативы»? Это мощный канал влияния Запада на Украину. Именно через него осуществляют вмешательство и финансируют политический процесс в Украине большинство западных фондов, в основном американских, и так называемых неправительственных общественных организаций². В общем, ДИ распределяет западные

¹ И в период Евромайдана Центр Разумкова попал в так называемый «список нардепа Царева» как грантоед номер один американских фондов.

² Фонд «Демократические инициативы» (ДИ) был основан в 1992 году как неприбыльная, негосударственная, аналитическая организация. Расположенный в Киеве, «ДИ» поддерживает переход к «полноценной демократии и развитию гражданского общества в Украине». Существует на грантовой и донорской основе. Зарубежные связи и партнеры: Мировой Банк, Фонд «Возрождение» — структура фонда Сороса «Открытое общество», Freedom House, Национальный фонд за демократию (NED), Агентством по международному развитию США (USAID), Фонд Чарльза Стюарта Мота, Канадское Агентство международного развития, посольства США, Канады, Чехии, Польши, Нидерландов, QEV Analytics (США), Центр информации и документации

деньги и отчитывается об их эффективном использовании. Его ведущее положение в консорциуме естественно определялось тем, что он был заказчиком и организатором консорциума. Деньги на проведение экзит-пола дали 8 посольств и 4 международных фонда. Вот их перечисление: Швейцарская Дирекция по вопросам развития и сотрудничества, Королевское посольство Норвегии в Украине, Программа демократических грантов Посольства США в Украине, Канадское агентство международного развития, Посольство Канады в Украине, Посольство Королевства Нидерландов в Украине, Посольство Объединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии в Украине, Шведское агентство по вопросам международного сотрудничества и развития Sida, Королевское Посольство Дании в Украине, Фонд Чарльза Стюарта Мотта (США), Национальный фонд поддержки демократии (США), Международный фонд «Возрождение» (Сороса) и Фонд «Евразия» (Ковалев 2010). Круто? Более чем.

В этом плане Консорциум выглядел не столько национальным, сколько интернациональным. Тогда как их оппоненты более отвечали своему названию «Украинский консорциум», поскольку у него были отечественные источники финансирования. Причем денег не хватало, и их недостаток покрыли члены САУ, к которым правление ассоциации обратилось за помощью.

В конце концов в печати экзит-полы были охарактеризованы как «бои без правил». В стране, где продали все, что на земле и под землей, где есть расценки на убийство людей — на продажу цифр сетовать не приходится. Имитация экзит-пола полностью соответствовала духу и форме имитационной демократии. Аудит, аккредитация в САУ и прочие «штучки», которые якобы должны дополнительно гарантировать достоверность информации, что мертвому примочки. Кстати, дополнительно к чему? К честности бедных социологов, интервьюеров, математиков? Вот как «божился» А.А. Яременко, убеждая в своей честности: «У меня есть профессиональная гордость и профессиональная честь. Я отвечаю в первую очередь перед собой, перед своим коллективом, перед своим сыном, который также сегодня работал на экзит-поле. Я не могу обмануть, поскольку мне придется смотреть всем людям в глаза» (Яременко 2004). А ведь коллеги ему не поверили. Так нам сам Бог велел *всем им* не верить. «Учредители «консорциума трех» убеждают окружающих в том, что они — честные, никем не ангажированные ученые, — писал журналист А. Ковалев. — Это — их бизнес. А право всех остальных — брать эти утверждения на веру или же сомневаться в них. Принимать к сведению результаты исследований ведущих социологов Украины, конечно,

НАТО, Украинский конгрессовый комитет Америки, Форум Центрально-восточной Европы (Польша), Национальный демократический институт международных отношений (США) и др. Публикация результатов деятельности осуществляется в следующих СМИ: Washington Post, Ukrainian Weekly, Gazeta Wyborcza, Kyiv Post, «Голос України», «День», «Україна молода», УТ-1, «Студія 1+1», «Інтер», СТБ, «Новий канал», «5-й канал», Радіо «Свобода», Бі-Бі-Сі; ТБі, Інтернет-видання «Українська правда», «Форум», «Телекритика», «Korespondent.net», «Ukraina.ru» и др.

стоит. Но верить им безгранично, как и в непредвзятость их организаторов, — верх наивности. Этому нас учит, в том числе, и опыт предыдущих лет» (Ковалев 2010).

Проводя экспертизу экзит-полных групп и их проектную документацию Н.В. Панина с удивлением обнаружила, что никто и не собирается особенно «париться» по поводу качества информации. «Еще до проведения экзит-поллов, складывалось впечатление, что все участники будто бы заранее знали предстоящие результаты опросов. И то, что они будут разные. И даже то, какие они будут», — отмечала она в докладе на «круглом столе» (Панина 2005). Разные с точки зрения политической, опросные группы были примерно одинаковыми по степени организационной подготовки, социологической обоснованности и критериев валидности.

3. Как социологи стали полстерами

Надо сказать, что к началу нулевых годов многие, если не большинство обывателей, воспринимали социологию через призму вошедших в обиход разных опросов общественного мнения. Многие такие опросы носят заказной характер. Особый спрос на социологическую информацию подобного рода возникает в сезон общенациональных выборов (президента или нардепов в Верховную Раду). На англоязычном Западе специалистов, которые занимаются организацией и проведением опросов общественного мнения, называют *полстерами*. Они, вообще говоря, полноценными социологами не считаются. Что-то вроде технического персонала для обслуживания теоретиков, разрабатывающих программы исследований и дающих интерпретацию полученным результатам. После развала СССР, вследствие прекращения государственного и отраслевого финансирования социологических исследований, большая наука практически остановилась. Пришлось приспособливаться и добывать деньги «рыночным способом». А рынок создали клиенты, нуждавшиеся в рейтингах для увеличения своего политического веса в электоральной борьбе, для успешного маркетинга, рекламных проектов, реже — с целью принятия правильных управленческих решений в административной сфере. Для оказания таких услуг некоторые практичные социологи создали частные социологические компании, которые стали специализироваться на мониторинговой деятельности. Так социологи стали полстерами, оправдывая свое «заробитчанство» благородным мотивом самим зарабатывать деньги на науку.

Есть страсти и цели. Эксплуатация желания поскорей узнать итоги выборов (на несколько часов раньше) — на этом строятся политические шоу, занимающие целую ночь сразу после общенациональных выборов Президента или Верховной Рады. Поэтому крупные национальные телеканалы не скупятся на проведение экзит-полов. Кроме того, социологические

рейтинги способны превращаться в грозное оружие, влияющее на политические процессы. Поэтому они активно используются разного рода политическими игроками. В общем, образовался спрос на политическом рынке на такого рода социологическую информацию. Крутятся немалые деньги, и эти деньги так или иначе будут получены либо местными, либо заезжими гастролерами. Наши практичные социологи в центре и на местах решили, что это их деньги, поскольку их посадил в землю национальный Буратино. Это действительно их деньги, но и трудности в их получении тоже их. Они не позволят, чтобы «наглый авантюрист» Павловский и иже с ним залазили в их карман. Кроме того, в период «сбора урожая» появляется много фирм-однодневок полупрофессионалов, а то и просто мошенников, которые непрочь поживиться на этом поле, угождая заказчику. Их надо тоже отсечь. И здесь надо задействовать САУ, которая должна лицензировать мониторинговую деятельность частных компаний, выдавать знак качества и фактически разрешение на такую работу. В общем, круг своих людей четко обозначен, и хотя иногда их сводит лицом к лицу конфликт интересов, как это было в 2004 году, общего между ними больше. Поэтому обещанная дискуссия для вынесения уроков из рейтингового скандала после выборов президента-2004 так и не состоялась. Последствия этой невыполненной работы по «уборке мусора» не заставили себя ждать.

Социологи криком кричат, что есть настоящая социология, серьезная наука, а есть полстеровщина. Приведу слова нынешнего президента САУ В. Бакирова: «К сожалению, в нашей стране под словом «социология» понимают не совсем то, что во всем мире. По мнению большинства наших сограждан, социология — это составление рейтингов популярности тех или иных политиков, политических сил. И, естественно, суждения о социологии часто сводятся к тому, насколько точны и объективны такие рейтинги, насколько социологи честны и добросовестны, подкупны или неподкупны и т. п. Между тем социология — наука, пытающаяся понять и объяснить, как устроено человеческое общество, каким законам подчиняется социальная жизнь людей, как возникают, развиваются, разрушаются различные социальные структуры и институты. Социология использует широчайший спектр научных методов — от сложнейших математических моделей до глубинных личностных интервью, включенного наблюдения и т.п. Без социологического знания в современном мире невозможно решать такие проблемы, как сохранение социальной стабильности, предотвращение этнических, конфессиональных и других конфликтов, борьба с преступностью, наркоманией. В поле внимания социологии — безработица, здоровье населения, охрана среды обитания человека и многое другое.

Что же касается пресловутых рейтингов, или, точнее сказать, электоральных исследований, то это — небольшой и не очень значительный сегмент социологических исследований» (Капсамун 2006).

И вот этот «незначительный сегмент» делает репутацию всей украинской социологии. Приведу некоторые заголовки статей в газетах: «Экзит-полы

осрамили украинских социологов», «Социология — наука или проститутка», «Кривое зеркало социологии», «Сюрпризы и чудеса украинской социологии», «Война рейтингов», «Социологи затеяли внутрикорпоративную люстрацию», «Экзит-полы: сбой инструментария или морали», и т.п.

Какой продукт производят, чем торгуют мониторинговые компании? Они торгуют информацией о том, что «думает» народ. Но народ думать не может. Думают конкретные люди. И вот их мнения отслаиваются, суммируются и предстают в виде виртуального образа под названием «общественное мнение». Вообще говоря, «общественное мнение» — это миф. В отличие от мнений отдельных людей, которые — не миф. Но ведь единичные мнения даже не убеждения, а разновидность заблуждений, навеянных манипуляциями СМИ. И вот на основании летучих, хрупких и невесомых, как сахарная пудра, мнений мы выбираем себе власть, правительство. Глупость невероятная, если не знать, что власть не выбирают, а она сама себя утверждает и навязывает народу посредством «выборов», в честность которых не верит ни один здравомыслящий человек. «Партия власти» и оппозиция — это конфигурация одного и того же властвующего слоя. Как говорится, два в одном. Выбирая власть, вы выбираете и оппозицию. Голосуя за оппозицию, вы косвенно выбираете власть. Это все арифметика для политолога.

Говорят, экзит-пол — очень дорогое удовольствие и оплатить его могут только очень состоятельные люди, хозяева жизни. Так разве хозяева жизни будут интересоваться «общественным мнением». Да они чихали на него, если только это не подставка их собственного мнения. Главный постулат современной PR-кампании гласит: не следует пассивно следовать за общественным мнением, его нужно активно формировать. Можно внедрить в общественное сознание любую идею или проект. Это вопрос денег и времени. Вначале мы создаем общественное мнение, а затем опираемся на него. Очень удобно и, главное, демократично.

Что на самом деле хотят узнать заказчики экзит-полов? Они хотят узнать, до какой степени общество зомбировано их манипулятивной пропагандой¹.

¹ Коллега И.М. Поповой по университету профессор В.Л. Скалкин (о нем пойдет речь в третьей части книги) писал: «Молодая, доверчивая душа обитателя восточно-европейской равнины, возраст цивилизованности которой едва ли насчитывает 12—14 сотен годов, восходя своим рождением ко времени завершения строительства шедвэра поздней античности — собора Софии в Константинополе, не выдерживает обаяния электронных аудиовизуальных средств массовой информации и, получив очередную порцию наркотиков, легко путает категории реального и воображаемого, готовая идти за любым гражданином, который взойдет на броневик или — еще лучше — на танк. <...> Ведь если все время смотреть ТВ, создается впечатление, что каждый новый скачок цен в ходе применения шоковых средств лечения экономики, народа и общества вызывает всеобщее ликование масс, и рейтинг главных фигурантов политической сцены неизменно ползет вверх, как об этом свидетельствуют результаты оперативных опросов общественного мнения института профессора Бюстгара Спонтонели» (Скалкин 1993а). Самоирония и юмор — вот что нас спасает от полного идиотизма.

Да, люди не верят в честные выборы. Это и не нужно. Требование прозрачности есть требование к искусству фокусника, что б сделал фокус на глазах у всех, а понять, как он это сделал, нельзя. Люди не верят в легитимность очередной власти? Ну и пусть. Но во власть-то они верят, в могуществе денег убеждены бесконечно. И в миф о том, что двери во власть ни для кого не закрыты, тоже верят. Ведь по ТВ они ежедневно видят политиков — «такие же как мы», — ну очень простые! Это, между прочим, хорошо, отвечает их глубинному инстинкту равенства. Вот — главное. Вот реальность. Это вам не фиктивная вера в европейское первородство украинского народа.

Если общественное мнение выступает в виде медиа-продукции, то я могу заранее сказать, как будет выглядеть общественное мнение, если заказчиками выступают, допустим, владельцы газеты «Украинской правды» или фонд «Демократические инициативы». Более того, с большой долей вероятности я смогу утверждать, что свой заказ на рейтинговое исследование они сделают именно КМИСу, поскольку у них общие спонсоры на Западе и — дополнительная гарантия — общая политическая платформа¹.

Фактически политтехнологи наделили экзит-пол функцией контроля за честностью выборов. Между тем в литературе отмечается, что функция контроля за выборами выглядит весьма сомнительной. Так, аналитик ВЦИОМ Ю.М. Баскакова пишет: «В ситуации высокого доверия институту выборов вопрос использования экзит-полла для контроля результатов выборов просто не возникает. Процесс проходит ровно наоборот — оценке подвергаются не выборы, а социологическая компания и ее методика. В ситуации отсутствия доверия институту выборов вопрос об использовании экзит-поллов в качестве инструмента контроля теряет смысл. Если есть основания предполагать, что власть имеет достаточный ресурс для массовой фальсификации бюллетеней, логично также предположить, что она имеет достаточный ресурс для имитации экзит-полла. В таких условиях в случае расхождения официальных итогов выборов и результатов экзит-полла критике подвергаются итоги выборов, если же результаты опроса оказались близки к официальным данным, экзит-полл объявляется «нарисованным» (Баскакова 2011: 39).

Практика проведения экзит-полов на Украине с 2004 года является развернутой иллюстрацией этого тезиса. Тогда зачем же все эти игры в «научную социологию»? «Кусать хотеца!» Нормально. Но при этом не следует для собственного психологического комфорта ссылаться на Кодекс профессиональной этики. Это явный перебор. Не усложняяй собственной мотивации, все равно «бритва Оккама» отсекает все «лишнее» — интеллигентность, научную честность, беспристрастность и т.п.

Выборы президента 2004 года — это была настоящая политическая война, целью которой являлась гегемония, власть. Не за справедливость воевали Ющенко и Янукович, а за власть. И социологические рейтинги — это оружие

¹ В «списке Царева» КМИС характеризуется как всеядная организация, работающая ради денег.

в той войне. Современная высокотехнологическая информационная война нуждается в специалистах разных профессий. Полстеры — одна из них.

4. Экзит-пол и оранжевая революция

Генеральный директор КМИСа В.И. Паниотто пишет: «Вопрос, на который я не знаю ответа — была бы <революция>, если бы Янукович выиграл выборы (и экзит-полы показали бы это)? Был ли революционный сценарий заранее запланирован? Но я точно знаю, что мы бы обнародовали именно те данные, которые получили» (Паниотто 2005).

Вопрос, конечно, интересный. Как повлиял рейтинговый скандал на ход событий 2004—2005 годов? В одной из газетных публикаций говорится: «Разнобой результатов исследований и взаимные обвинения социологов в 2004 стали одним из поводов начала «Оранжевой революции» (Град экзит-полов... 2012).

В. Ющенко сразу по окончании второго тура голосования, еще не зная ничего, уже заявил о фальсификации. Ему результаты вообще не были нужны, а нужны поводы для решительной уличной конфронтации. И первым таким поводом был экзит-пол, который был использован как средство для «раскачивания» масс и перехода в силовой вариант для отмены официальных результатов второго тура. Штаб В.А. Ющенко обратился к населению с призывом к восстанию:

«Дорогие соотечественники! 21 ноября Виктор Ющенко выиграл всенародные выборы президента Украины. Об этом убедительно свидетельствуют данные национального exit polls, проведенного известными и авторитетными социологическими организациями. Анонимный опрос, проведенный на выходе из избирательных участков по всей стране, удостоверяет десятипроцентное преимущество В. Ющенко. То же самое подтверждает параллельный подсчет голосов, за исключением голосов в Донецкой и Луганской областях... Мы призываем всех, кому не безразлична собственная судьба, судьба наших детей и внуков, будущее Украины, защитить свой выбор» (Президент Украины-2004).

Как мы знаем, десятипроцентного преимущества не было даже в «третьем туре». Маленькая ложь в большой игре вполне оправдана. Сторонники президента Майдана использовали расхождение в цифрах между Национальным консорциумом и официальными результатами, обнародованными ЦИК, для обвинений Януковича в воровстве от 1 до 3 миллионов голосов, что и стало поводом к оранжевой революции. Результаты экзит-полов второго тура, якобы доказывающие фальсификацию результатов ЦИК, стали аргументом в Верховном суде, принявшем пресловутое решение о третьем туре. Кстати, такой разворот событий не был неожиданностью для обеих противоборствующих сторон, поскольку перед ними был пример Грузии, в которой именно экзит-пол, засвидетельствовавший фальсификацию выборов в пользу

партии власти, стал сигналом к «революции роз». Поэтому в избирательных штабах Януковича и Ющенко продумывали технологические ходы, как нейтрализовать или, наоборот, задействовать результаты экзит-полов в свою пользу. Оранжевая оппозиция понимала, что ей не удастся нейтрализовать админресурс провластного кандидата. Поэтому она пошла по пути накачивания предвыборного ажиотажа. Ее представители открыто заявляли, что любой результат, который не даст победу Ющенко, они заранее объявляют фальсификацией, доказательством которой будут результаты экзит-пола. Но экзит-полов провели аж три, и они имели разные результаты. Это был «наш ответ на ноту Керзона». Газета «Зеркало недели», занимавшая проющенковскую позицию, оценила всю эту игру с экзит-полами как фарс с целью скомпрометировать саму идею экзит-пола и тем самым не дать обществу возможность оценить реальный масштаб допущенных властью подтасовок. Между тем официальный наблюдатель от международной организации «Институт стран Восточной Европы и СНГ» Элиезер Фельдман заявил тогда: «Украина — первая страна в мире, где не смогли адекватно провести экзит-пол, и в связи с этим ее можно смело занести в Книгу рекордов Гиннеса». В этой связи в печати появился ряд публикаций, в которых был поставлен вопрос о доверии к украинской социологии вообще. Тот, кто считал себя больше других лично задетым этими публикациями, выступил с опровержением. В ответ критикуемый профессор В. Паниотто редактор «Грани плюс» В.Зайцев «припечатал» его статьей «Владимир Паниотто как леди Макбет украинской социологии». Один эпитаф из пушкинского «Бориса Годунова» чего стоит: «Да, жалок тот, в ком совесть нечиста».

Получается, что В.А. Ющенко выиграл выборы 2004 года не путем собственно выборов, а через дестабилизацию политического режима с помощью технологии «цветных революций», через Верховный Суд Украины, который вынес под давлением неконституционное решение, через экзит-пол, наконец, через заднее крыльцо посольства США. Такая победа только по видимости смахивает на демократическую процедуру, а на деле имеет четкое политологическое определение — государственный переворот, что бы там ни говорили о «майданной демократии», о том, что «народ высказался» и т.п.¹ Мне могут возразить: иначе он выиграть не мог. Я, пожалуй, с этим соглашусь, только это не отменяет формулировку случившегося.

Российский исследователь, написавший диссертацию на тему манипуляций в ходе «оранжевой революции» 2004 года на Украине, Д.Н. Смирнов пришел к выводу, что в борьбе за гегемонию в период «оранжевой революции» к манипуляциям прибегали обе противоборствующие стороны. «Элитарные группы, используя болевые точки общественного сознания, активно влияли на избирательный процесс» (Смирнов 2008). В его диссертации содержится

¹ Автор писал эти строки задолго до второго Майдана, который — на этот раз совершенно отчетливо — продемонстрировал тот же технологический почерк. Только это был уже план «Б» — от «цветной» революции к революции типа «Арабской весны».

еще один важный, с точки зрения разбираемого вопроса, тезис: «Оранжевая революция явилась результатом воздействия на политическую ситуацию в стране внутренних и внешних факторов и не была следствием, только внешнего влияния, или исключительно результатом внутренних процессов. Революция совмещает в себе: революционную и политтехнологическую составляющие; при этом её политтехнологическая составляющая во многом определялась фактором внешнего влияния, революционная — фактором внутренних предпосылок» (Там же). Экзит-пол — это политтехнология. Вот и судите, откуда ветер дул.

Украинский политолог Дмитрий Выдрин остроумно заметил, что «оранжевая революция» была восстанием миллионеров против миллиардеров. Момент истины в этих словах заключается в том, что лидеры революции, хотя и находились в оппозиции, обладали собственным немалым административным ресурсом, личными связями с теми, кто сидел в киевских властных кабинетах, и в борьбе за гегемонию стали перетягивать канат власти на себя. Время от времени они сообщали майданной публике о своих закулисных победах: министерство внутренних дел за нас, министерство обороны за нас, киевский горсовет за нас, «Беркут» за нас... Западные области и города республики в этот период просто отказались подчиняться Киеву. А после второго тура горсоветы Львова и Ивано-Франковска приняли решение признать президентом Украины В. Ющенко (!). Ситуацию мог бы решительно изменить еще не сдавший своих полномочий, гарант конституционного порядка президент Л. Кучма, но его нейтрализовал вице-президент США Дик Чейни, предупредив в разговоре по телефону, что если Кучма вмешается, то навечно станет «персоной нон грата» на Западе, а если прольется кровь, то ему «светит» Гаагский трибунал. Думаю, Чейни не хуже Кучмы знал номера банковских счетов членов его семьи. Леонид Данилович хотел мирно уйти, поэтому самоустранился, хотя затеянный его выдвиженцами Ющенко и Тимошенко «антикучмовский шабаш» ему не нравился. Что касается мировой информационной поддержки «оранжевой революции», то здесь даже говорить не приходится. В общем, «оранжевая революция» — это грандиозная технологическая операция по перехвату власти одной правящей группировки у другой под предлогом защиты демократии и экономических интересов бедных и средних слоев населения. Так она и вошла в современные учебники по политологии, получив нарицательное наименование¹.

Трудно поверить, что господа социологи не догадывались, в чьей игре они были задействованы. Впрочем, политическая наивность — это последнее, в чем можно заподозрить профессоров Могилянки. Учреждение под

¹ В 2010 году ситуация повторилась с точностью до наоборот. Оранжевая Ю. Тимошенко на момент выборов президента была премьер-министром, то есть от «партии власти», а бело-синий Янукович — лидером оппозиции. В условиях раскола политической элиты админресурс работает нечетко.

названием «Киево-Могилянская академия» давно уже замечено на политическом поприще. Ее сотрудники, профессура однозначно позиционировали себя активными сторонниками оранжевого политического спектра. Как граждане, они имеют на это полное право, но «по совместительству» они выступают в качестве якобы независимых экспертов-политологов и якобы объективных социологов, а это уже лукавство.

Когда спустя почти десятилетие читаешь в Интернете форумы, посвященные оранжевой революции, то диву даешься, как все мы были запрограммированы, какую чушь несли, распаленные предвыборной страстью и классово-ненавистью к своим оппонентам, под хихиканье довольных политтехнологов. Ну, кто сказал, что Янукович — пророссийский кандидат? Он таки стал президентом и проявил себя чуть ли не более последовательным сторонником европейского интеграционного проекта, чем «прозападный» Ющенко. Все оказалось манипуляцией и ложью. На тысячи раздраженных, ругливых комментариев нашелся один разумный (Valentino от 09.11.2004): «не важно кто выиграет, Украина проиграет». Еще встретился остроумный анекдот:

Идут две собаки на выборы президента.
Одна спрашивает у другой:
— За кого голосовать будешь?
За Герасима или за Павлова?

Вот и получается, что Ющенко — это второе «Я» Януковича, и наоборот. Даром что оба Виктора. Поскольку практически каждый из нас за кого-то из них голосовал, то получается два равноценных образа Украины. Характерно, как комментировались результаты президентских выборов в Интернете. Одна половина постеров считала другую идиотами и дебилами, вторая возвращала с лихвой эти психиатрические диагнозы. Так чего же на образы пенять, когда взорвался мозг?

5. Позиция Ирины Марковны

В этих «разборках» Ирина Марковна, встав над схваткой, проявила себя как мудрый человек. Она понимала, что там науки мало, где бизнес и политика. Но конфликтовали люди, с которыми она много лет общалась, настоящие профессионалы, пришедшие в социологию, возможно, как и она, по идеальным соображениям. Она безусловно поддержала только Н.В. Панину. С мягким юмором и педагогическим тактом она реагировала на то, как «ребята» мерялись статусами: чей экзит-пол длиннее, пардон, правильней и как они мазали друг друга э... или г..., у кого что было в наличии. Так, в письме на имя С.А. Макеева от 21 декабря 2004 года она писала:

Добрый день, Сергей!

Я почтой отправила текст своего письма с подписью и исправленными опечатками на Ваше имя (на адрес Института социологии). Посылаю стихотворение, которое сразу пришло мне в голову, когда Валерий Евгеньевич Хмелько зачитал нам свое письмо в комиссию. Я попыталась его вспомнить, но не смогла. Дальнейшие события показали, что аналогия уместна и художественный образ даст возможность лучше понять мою позицию.

**Агния Барто.
ПОЗОРНОЕ ПЯТНО**

За партой Павлик и Тарас,
Сидят два друга милых.
Вот видит Павлик как-то раз:
У друга нос в чернилах.
Есть ход у Павлика прямой -
Сказать: «Тарас, чернила смой!»-
И тот бы сразу смыл их.
Но Павлик требует, чтоб класс
Сказал Тарасу, что Тарас
Измазал нос в чернилах.
Вопрос выносится не зря
На обсужденье класса.
Подумать только: вся ноздря
В чернилах у Тараса.
И обсуждается вопрос
Каков Тарас? Каким он рос?
И как дошел он до того,
Что нос в чернилах у него?
Заволновалось все звено:
— Нет, мы молчать не в силах!
Он и на нас кладет пятно,
Измазав нос в чернилах!-
И вот уже объявлен сбор
В защиту чести класса...
Нос, между прочим, до сих пор
В чернилах у Тараса.

Сбор «класса» был объявлен. Киевская община социологов написала «Заявление социологов — членов Социологической Ассоциации Украины» с выражением недоверия правлению САУ в следующих словах: «В результате действий и бездействия руководства САУ репутации социологической науки причинен тяжкий вред, а сама она предстала в глазах общественности не как объединение ученых, основной задачей которой является

экспертиза надежности получаемых другими данными, а как непрофессиональная, политизированная, внутренне конфликтная структура, члены которой в любой момент готовы работать на политический заказ». Это заявление немедленно было поддержано сотрудниками КМИСа. Еще бы: оно полностью выражало их точку зрения. Суть их заявления сводилась к тому, что не они первыми начали нарушать профессиональные этические нормы, руководство САУ не заняло позиции арбитра, а фактически присоединилось к их оппонентам (Заявление КМИС 2005).

Ирине Марковне заявление киевской общины социологов не понравилось. По словам С.А. Макеева, *«заявление она не приняла, но право каждого иметь особую точку зрения на события, а равным образом и особые политические предпочтения, признавала. Все эти события ее сильно огорчали, ведь в них были втянуты люди, чьи знания и компетентность она ценила. Тогда-то и поддержала она избрание В.С. Бакирова главой САУ, а также перенос ее штаб-квартиры в Харьков: так, сдается мне, виделся ей умиротворяющий выход из скандала».*

В своем письме в комиссию по этике и правление САУ И.М. Попова мягко поддержала А.А. Яременко, против которого ополчилась «киевская гвардия». Она писала: *«С моей точки зрения, в письме А. Яременко не содержатся обвинения в профессиональной некомпетентности каких-либо социологов. Нет ничего предосудительного и в признании «ангажированности», ибо последнее не означает ничего иного, как указание на заключение контракта, а «альтернативность» не обязательно «противопоставление».*

Думаю, что нет крамолы и в предупреждении не делать «необдуманные шаги» ПО ОЦЕНКЕ РЕЗУЛЬТАТОВ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ, ибо мы все были свидетелями того, что эти шаги делались: результаты экзит-полов интерпретировались как средства контроля за выборами, использовались, как орудие в политическом противостоянии и др. Вот этого, с моей точки зрения, не следовало допускать.

Это не значит, что я полностью одобряю текст обращения А. Яременко в Правление, а также реакцию последнего на это обращение. Будучи правильным по существу, обращение А. Яременко было излишне эмоциональным и резким, на что Правление должно было ему указать, имея в виду соблюдение норм делового и человеческого общения».

Право И.М. Поповой быть услышанной основывалось не только на многолетнем опыте бескорыстного служения профессии, но и на нравственной позиции, которая сводится к тому, что социология — это судьба и особое предназначение. Наверное, Н.В. Панина и И.М. Попова, работая над Кодексом профессиональной этики социологов, видели в нем важнейший инструмент создания и сплочения *общества посвященных*. Эта посвященность делает социологов особой корпорацией, с дисциплиной, ответственностью, ритуалом верности профессиональному долгу. Может быть, именно эта мысль подвигла заведующего кафедрой отраслевой социологии Киевского

национального университета им. Т.Г. Шевченко Юрия Ивановича Яковенко предложить V съезду САУ рекомендовать профильному Министерству ввести традицию, согласно которой выпускники-социологи при получении диплома давали бы обязательство соблюдать Кодекс профессиональной этики социолога, аналогично врачебной клятве Гиппократу.

Разве мы не слышали, что врачи, давшие клятву Гиппократу, отказываются лечить больных, если они не платежеспособны? Порча века коснулась всех и ставит перед выбором, когда мы стоим перед долгом. Поэтому простое выполнение профессионального долга становится нравственной проблемой. Для Ирины Марковны и Натальи Петровны этой проблемы не было, потому что их удивительным образом не коснулась порча. Нам нужны высокие примеры, образцы служения науки и человеку в родовом понимании этого слова. Они у социологов, слава Богу, есть. Аж два: Попова и Панина.

6. Можно ли быть политическим агентом и не подчиняться логике и законам политической борьбы?

В ходе интервью по поводу организованного в Харькове Первого конгресса САУ журналист задал вопрос В.С. Бакирову:

— Тема одного из запланированных круглых столов в рамках конгресса — «Независимость социологии: миф или реальность?» Как бы вы ответили на этот вопрос?

— Я не буду говорить о псевдосоциологии и даже о тех социологах, которые по тем или иным причинам работают на конкретных заказчиков, будь то политические игроки или бизнесовые структуры. Понятно, что в этом случае заказчик определяет исследовательские задачи, информацию, которую он хотел бы получить и т.п. Но настоящий социолог никогда не станет подтасовывать, искажать информацию, препарировать ее в угоду заказчику. Ему запрещает это делать научная ментальность, этика профессии.

«Настоящий социолог» в устах Бакирова прозвучало примерно так, как звучали слова «подлинный человек» во времена Конфуция. Великий китайский философ в своей жизни таких не встречал, но они в немалом количестве, по его утверждению, водились в запредельные времена легендарных императоров Яо и Шуня.

Лидер днепропетровских социологов д-р социологических наук Виктор Городяненко был более откровенен: «Ситуация, в которой оказалась социология на современном этапе, необычная в плане того, что имеет место серьезная политизация социологии. Притом, настолько серьезная, что политика и социологическая наука смешались воедино, и более того — появилась коррупционная составляющая. Но с другой стороны, я встречался весной с президентом Международной социологической ассоциацией Мишелем Вевёрка, и он отметил, что как в Европе, так и во всем мире идет политизация социологии и бороться с этим практически невозможно. Политизация социологии приводит к тому, что

политики спекулируют научными данными социологических исследований и манипулируют общественным мнением. С другой стороны, социологи по каким либо причинам и при отсутствии профессиональных знаний идут на то, чтобы диктовать политикам, как нужно вести избирательную кампанию, как нужно управлять обществом. На самом деле, это соединение — настоящая профанация. Из-за этого престиж социологии, профессиональной социологии, доверие к исследованиям — падает. Согласно данным социологического исследования, которые провели в мае, доверие народа к результатам социологическим исследованиям — 45%. Это немного» (Власова 2009).

На вопрос, смог бы он сохранить объективность и честность, если бы пошел в политику, стал депутатом, еще один авторитетнейший социолог страны и, кстати, нынешний председатель комиссии САУ по этике профессор Е.И. Головаха ответил: «В кубической среде люди — кубики, а в шарообразной — шарики. Поэтому я и не иду в политики. <...> Но если бы пошел, то стал бы таким же... ездил бы на Мерседесе, отдыхал бы в лучших санаториях, у меня был бы собственный коттедж, мне бы там массаж делали бесплатно, а почему бы и нет, если положено? Я как слабый человек поддался бы всем соблазнам, а там бы мне сказали, что за это нужно платить. Нужно подписать, чтобы эти ребята получили то-то, а эти то-то. И я бы подписал, потому что неудобно отказать людям, которые так хорошо умеют обустроить твой труд, быт и досуг» (Головаха 2006).

Думаю, Евгений Иванович говорил только о себе, чисто гипотетически, без намеков. Да, слаб человек... Но только не жена Евгения Ивановича Наталья Викторовна Панина. О ней он сказал недвусмысленно: «...У нее была абсолютная беспристрастность и объективность. К ней даже подойти с предложением, противоречащим Кодексу профессиональной этики, который она сама написала, было невозможно» (Там же).

Поставим вопрос несколько иначе: много ли среди социологов свободных людей? Среди тех, кто проводит экзит-полы — ни одного. Позволить себе быть независимым исследователем может только свободный человек. А если вы обслуживаете клиентов, то ваша независимость — это, простите, вопрос цены. Только один пример. Читаю в Интернете рекламный текст, помеченный 14 октября 2009 года:

«Первый Украинский Социологический Консорциум (ПУСК) является одной из крупнейших организаций Украины, занимающейся социологическими и маркетинговыми исследованиями. Исследования проводятся как в Украине, так и странах СНГ начиная с 2004 года».

Далее говорится, что это суперпрофессиональный коллектив, который способен обслужить клиента по высшему классу. В том числе ПУСК проводит исследования предвыборных ситуаций, анализ электората партий и движений, прогноз результатов будущих выборов. Это понятно. Люди себя предлагают. Но вот в самом конце текста помещены следующие два абзаца:

«Профессиональная независимость — Мы — независимые эксперты в своей области. На нас невозможно влиять путем общественных или политических институтов, а также партий. Мы представляем объективную и независимую информацию, полученную в ходе наших исследований.

Финансовая независимость — Мы работаем исключительно по принципу самофинансирования, чтобы быть независимыми от возможных спонсоров и меценатов» (Первый украинский... 2009).

Если все так обстоит, если вы финансово независимы, и вам не нужны спонсоры и меценаты, то зачем вам клиенты? Деньги есть, научные интересы имеют место. Занимайтесь исследованиями в свое удовольствие. И тогда ни одна собака не гавкнет в вашу сторону. С вами никогда не приключится то, что регулярно случается в каждый выборный цикл с тем же КМИСом: скандал, тянут в суд, плюют в лицо, мажут грязью. Что должен думать опытный человек, читая этот рекламный брэнд, плавно переходящий в бред? Набиваете цену, господа! Самая дорогая проститутка та, которая старательно делает вид, что она верна своему супружескому долгу. В любом случае «честные социологи» всегда будут в цене.

7. А воз и ныне там

Процитируем еще раз В.С.Бакирова: «Когда послевыборная экзальтация утихла и улеглись политические страсти, в социологической среде прошли серьезные дискуссии, которые позволили социологам сделать необходимые оценки и выводы, осознать накопившиеся проблемы методологического, организационного и, безусловно, этического характера, провести работу над ошибками» (Капсамун 2006).

Итак, лидер украинских социологов утверждает, что была проведена работа над ошибками и уроки извлечены. Сергей Алексеевич Макеев на мой прямой вопрос, был вынесен урок из этого конфликта или все по-прежнему, ответил: «Никто не забыт и ничто не забыто, в Иваны, не помнящие родства, участники не записывались. Чисто внешняя история такова: В.С. Бакиров со всеми помирился, мы опять члены САУ. Вот что, представляется мне, многие осознали: профессиональное стоит выше политического, хочешь действовать политически — действуй в одиночку, а не от имени сообщества. Крепко ли усвоен подобный урок — не знаю. Это могли бы обнаружить страсти похожего накала, но таковых в обозримом будущем не предвидится».

Все хорошо. Только, как говорил герой одного хорошего советского сериала, «сомневаюсь я». Прецеденты, подобные скандалу 2004 года (конечно, не такого размаха и накала), стали регулярно повторяться, как в фильме «День сурка». Тут даже не социологи виноваты — страна такая. Просто социологи под стать стране.

Так, в преддверие выборов президента Украины-2010 глава одной из самых авторитетных в настоящее время организаций по изучению общественного мнения «Research & Branding Group» Евгений Копатько публично высказывал опасение насчет давления и попыток исказить результаты экзит-пола. «Боюсь повторения 2004 года», — говорил он (Михельсон 2009). Во время пресс-конференции в Киеве председатель правления Института социальных исследований им. А. Яременко Ольга Балакирева заявила: «Такая же ситуация была и во время президентских выборов 2004 года». «И вот когда мы в Интернете видим, что, если бы во втором туре появился Владимир Литвин и Виктор Янукович, то Литвин победил, а если бы вышел во второй тур Литвин и Тимошенко, Литвин победил, то такие «социсследования» — это признак того, что у политиков появилось желание повлиять на электоральный результат», — сказала она (Социолог 2009). А если политики пожелают, то социологи обязательно «прогнутся». Что значит их репутация в сравнении с политическими ставками, которые делаются в период выборных игр?

Дважды в один и тот же поток не войти и все же... 17 января 2010 года состоялся первый тур президентских выборов. В 20.00 были обнародованы результаты пяти exit polls. По их данным, разрыв между Януковичем и Тимошенко составил в среднем 9%. И только консорциум «Национальный экзит-пол '2010'», в который вошли фонд «Демократические инициативы», Киевский международный институт социологии и Центр им. Разумкова, зафиксировал разницу лишь в 4%. Кажется, поправка на «оранжевый ветер» мало чем отличается от знаменитой чуриловской методики «взвешивания на коэффициент».

Кстати, на этот раз у «Национального консорциума» возникли серьезные проблемы со сбором денег на экзит-пол. Всего лишь четыре иностранные организации раскошелелись. Как сообщалось, эта акция финансировалась форумом международных доноров, в который входили Международный фонд «Возрождение» (Фонд Сороса), посольство Королевства Нидерландов в Украине, Национальный фонд поддержки демократии и Фонда Чарльза Стюарта Мотта (США). В 2004 г. «The Times» писала: «Нынешнее голосование представляет собой нечто гораздо большее, чем просто выбор преемника Леонида Кучмы. Оно рассматривается в качестве референдума, посредством которого 48 миллионов украинцев должны решить — остаться с Россией или обратить свой взор на Запад?» (Президент Украины 2004). В 2010-м Запад так не считал и без экзит-полов знал, что победит Янукович. Он даже хотел этого, учитывая ту экономическую ситуацию, в которую вогнали Украину «опытные хозяйственники» Витя и Юлия. Поэтому пустил выборы на самотек: зачем бросать деньги на «оранжевый ветер»? Поэтому у полстеров возникли финансовые трудности. В 2013 году страна вошла в новый президентский цикл. Запад, убедившись в неблагонадежности В. Януковича, вновь пожелал поставить украинский народ перед «цивилизационным выбором», а значит люди из КМИСа, Центра Разумкова и «Демократических инициатив» неплохо заработают. Счастливой охоты!

Нужно ли САУ как цеховой организации социологов брать на себя ответственность и даже отстаивать репутацию частных социологических компаний, занятых бизнесом на политике — это вопрос для самой САУ. Хорошо уже то, что она дистанцировалась подальше от киевских «разборок», перенесла свою штаб-квартиру в Харьков. Но плохо то, что стратегию своего поведения в вопросах разделения науки и политики она так и не выработала. В данном случае имеется в виду «Заявление Социологической ассоциации Украины в связи с судебным иском к социологическим службам», на этот раз в поддержку КМИС: Хмелько взял-таки реванш у покойного Яременко. Особенно выглядит забавным в контексте той незначительной истории, ради которой ученые мужи от социологии взялись за стило, второй абзац этого заявления: «Судебные процессы против науки и ученых — не такая уж распространенная вещь, но они время от времени происходили. Вспомним суд святой инквизиции над Джордано Бруно, судебные процессы против эволюционной теории Чарльза Дарвина, советские процессы против биологов, историков, краеведов» (Заявление социологической ассоциации Украины... 2012). Зачем же так далеко заходить в своих воспоминаниях? В 2012 году учителя Галиции обратились в министерство образования с призывом запретить теорию Дарвина, доказывающую, что человек в ходе эволюции произошел от обезьяны. Мол, она их оскорбляет. Можно ли данное заявление САУ считать в поддержку Чарльза Дарвина и его теории? Ведь нужно как-то защищать страну и народ от наступающего мракобесия.

Фонд «Демократические инициативы» в цитированном «Заявлении» отнесен к тем организациям, которые «многократно доказывали и подтверждали свою высокую научную репутацию и объективность». Недоумение Н. Паниной, видимо, так и не было услышано. Это заявление САУ свидетельствует, на наш взгляд, о том, что внутри правления одержала верх определенная *политическая линия*, не имеющая ничего общего с позицией дистанцирования САУ от политики. Только тогда можно успешно защитить честь корпорации, когда у самой корпорации политика принципиальная. Нет, Ирины Марковны, нет Наталии Викторовны!

Суть очередного скандала в следующем. 8 октября 2012 г. были обнародованы данные общенационального исследования общественного мнения, проведенного фондом «ДИ» совместно с КМИСом. В этом исследовании отмечалось, что если бы выборы состоялись в ближайшие выходные, то за партию Наталии Королевской «Украина — Вперед!» проголосовали бы 2,1% избирателей. 11 октября партия «Украина — Вперед!» подала в Хозяйственный суд Киева иск на фонд «Демократические инициативы» и ООО «Киевский международный институт социологии ЛТД» (КМИС) с требованием опровергнуть информацию, опубликованную о рейтинге поддержки партии «Украина — Вперед!» «Мы не допустим, чтобы сейчас социологические службы манипулировали мнением людей и за них формировали будущий парламент», — сказала на пресс-конференции в медиа-центре «ДНЕПР ПОСТ» лидер этой партии Н. Королевская (Наталия

Королевская 2012). Она вела себя в соответствии с политической необходимостью. Уверен на все сто: она и не собиралась судиться с социологами. Ей достаточно было сделать шаг в эту сторону и громогласно об этом заявить, чтобы добиться своего: дезавуировать неприятные для нее данные. В горячке выборов политический факт живет ровно один день. Завтра уже никто ничего толком не помнит. Королевская отлично это знает, поэтому на пресс-конференции сказала: «Выборы закончились, и после драки кулаками не машут. Поэтому мы приняли для себя решение перевернуть эту страницу, потому что дальнейшее рассмотрение этого дела считаем абсолютно бессмысленным» (Партия Королевской... 2012). Далее она подчеркнула, что врагами ее партии являются не социологи, а нынешняя украинская власть. Ее юмор великолепен: она заработала пост министра от «ненавистной» ей власти, а господа социологи — очередной прецедент и нервотрепку. Это — момент истины. Так будет и впредь — фейсом об тэйбл — до тех пор, пока наши политические социологи будут исповедовать принцип Бурбонов: ничего не забыли и ничему не научились¹.

Подведем итоги. Политическая ангажированность, безусловно, есть. Бизнес, безусловно, есть. А наука? Вопрос для дискуссии. Вот почему И.М. Попова считала, что в рейтинговом конфликте 2004 года нет ничего профессионального, одна суета неприличного свойства. От чего наши полстеры смогут отказаться в будущем, чтобы в корне изменить ситуацию и, заодно, поправить репутацию украинской социологии? Ни от чего. Поэтому и ситуация не изменится в корне и репутация социологов будет полоскаться на ветру очередных скандалов. Таков, наверное, главный, увы, пессимистичный вывод из истории, как выразился один иностранный автор, «экзит-польного безумия». Нет Ирины Марковны, нет Наталии Викторовны... Они умели отличать службу наукой от служения науке.

¹ На Западе службы по изучению общественного мнения передают полученную информацию заказчику. Это, как правило, газета или телеканал. Пока результаты исследования не опубликованы, это — социологическая информация, как только они обнародованы в СМИ — политическая, и за нее несет ответственность то средство СМИ, которое произвело на свет этот политический факт. Там, где наука сталкивается с политикой, субъективизм неизбежен. В поле политики, кроме субъектов, игроков, у которых имеется цель, нет ничего и никого. Таково его свойство. Кто-то, по-моему, Александр Генис, приписал Ленину закон: кому выгодно, тот и виноват. Это вульгаризация известного ленинского высказывания. Ленин как раз выносил вопрос в гносеологическую плоскость, а здесь топорный вывод носит политико-юридический характер. Когда социологическая служба работает в тесной связке с политической организацией или под контролем политиков, ее результаты не могут не быть поставлены под сомнение. Это в порядке вещей. Так же как, например, если известно, кому принадлежит 5-й телеканал, то и отношение к передаче новостной информации складывается как к информационной политике этого канала, сколько бы не утверждали журналисты, что их хозяин дал им полную свободу. Дал свободу, взял свободу... В общем это не свобода, а поводок. Эффект свободы у исполнителя возникает тогда, когда он разделяет идеологию своего шефа: «Мы с тобой одной крови». Но это и означает политическую ангажированность.

Может, кто-то почему-то подумал, что автор имеет намерение осуждать «мэтров украинской социологии». Боже сохрани! Как говорится, не судите... Да и ничем они нас не удивили. В нашей кубической среде они — правильные кубики. Но не восхититься проявлением высокого идеализма, чести, совести и неподкупности у таких женщин, как Панина и Попова, я просто не могу. Панина и Попова, Попова и Панина... Их нет среди нас. Некому практиковать гамбургский счет.

13. ДУМА О СОЦИОЛОГИИ

О чем говорила Ирина Марковна в своей заповедной речи «Публичность социологии» на Первых Международных социологических чтениях памяти Наталии Паниной 10 декабря 2007 года, за полгода до ухода из жизни? Власть не считается с наукой. Социология перестала играть роль важного инструмента принятия управленческих решений. Социология потеряла в обществе статус социального института, какой у нее был в советское время. По сравнению с советским временем, социология в настоящее время деградирует. Парадокс состоит в том, что масштабы социологического образования значительно расширились, а возможность проведения сколько-нибудь значимых научных исследований свелась практически к нулю.

Те, чье сознание прочно поселилось на этаже идеологических мифов, скажут: «Этого не может быть. С 1991 года наша власть сочеталась с демократией, а демократическая власть в тысячу, в миллион раз демократичнее советской власти». А вот и нет. Бюрократия по своей природе не сочетается с народом. Нигде. Однако огромную, первостепенную роль играет классовый фактор. Правы старик Маркс и его верная последовательница И.М. Попова: отношение к собственности определяет природу власти. В новых условиях бывшая партийно-советская бюрократия оказалась наедине с гигантской государственной (общенародной) собственностью. Какой соблазн! И бюрократия с накопленным десятилетиями вождедением кинулась сочетаться с собственностью, деньгами, коррупцией. А параллельно занималась профанацией рыночной демократии, которая якобы основывается на конкуренции, «вешала лапшу на уши» этому сбиту с толку, несчастному бывшему советскому народу. Свой частный интерес она тем более выдала за государственный, что в 90-е годы либеральная идеология на все лады воспевала частный интерес как главную движущую силу цивилизации.

Власть по своей природе стремится к бесконтрольности. Везде. Бесконтрольная власть в условиях демократического механизма отбора сочетается с популизмом, заигрыванием, фальсификацией, профанацией воли народа. Гражданское общество могло бы стать противовесом власти и остановить победное шествие бюрократической революции. Но его у нас нет. Есть его синтетические заменители — СМИ, мелкотравчатые партии, инспирированные кланами, участвовавшими в разделе государства, и

шумные политические шоу на ТВ во время нескончаемых выборов в те или иные органы власти.

В одной телепередаче классик мировой мультипликации Юрий Норштейн рассказывал о своих работах и заключил: «Это было сделано еще в Советской стране, в лучшие годы для мультипликации». А ведь нечто подобное достаточно часто можно сегодня слышать от деятелей искусства, науки и спорта. Пассивная диссидентка Р. Фрумкина рассказывает в своей статье о том, что из-за нелояльности к власти она была невыездной и не участвовала в распределении благ в своем институте. И далее пишет: «При всем том мои статьи и книги регулярно издавались, в тематику моей работы никто не вмешивался, а командировки в Ленинград, где была необходимая мне экспериментальная установка, оплачивались» (Фрумкина 2007). Вот ведь как все неоднозначно. Да, был цензура, был идеологический диктат и притеснения, но предоставлялись и оплачивались государством возможности для творчества и системной работы. Сегодня об этом можно только мечтать. Следует также учесть, что многим творческим и талантливым людям отравляли жизнь завистливые коллеги по работе, которые свою личную подлую заинтересованность вкладывали в идеологические претензии компартийной власти. Это они вовремя «сигнализировали кому надо» и проявляли «партийную принципиальность» по части травли.

«Господа молодое поколение!
Беритесь за «возрождение» социологии
хотя бы в тех масштабах,
какие были в эпоху «застоя»»

Это обращение я взял из статьи коллеги и подруги Поповой Р.В. Рывкиной. Мы теперь знаем, что социология, несмотря на все препятствия, расцвела в СССР именно в период «застоя». Ну, а как в наши дни проживает социологический цех? Читаю там же:

«С распадом СССР социология оказалась под колесами рынка. Появились большие плюсы в смысле гласности, свободы расширения тематики, сферы исследований. Но возникли новые, весьма серьезные трудности, которые привели к весьма негативным, если не сказать трагическим, последствиям. Главные — распад научных школ, практическое исчезновение крупных коллективных исследований, макросоциологии. Нынче социология — это море не связанных между собой, тематически «разноперых» исследований, проводимых в большой мере под западные интересы (Рывкина 1999).

О.И. Шкаратан также настроен пессимистично: «Никакой надежды на то, что социология находится в благополучном положении, нет. <...> Если в 1960—70 гг. нас в этой науке было человек под двести, то сейчас вы не

наберете и 50 имен, которых можно отнести к числу серьезных научных кадров» (Шкаратан 2009).

С социологическим профессиональным сообществом произошло то же, что и со всем обществом: оно атомизировалось, ушло в себя, безуспешно пытается приспособиться к новым условиям. Вообще, в последние годы жизни работа давала Ирине Марковне мало поводов к радости. Все чаще ее посещали невеселые мысли. Об их характере и направлении свидетельствует, в частности, то, что она писала в статье, посвященной памяти своей московской подруги Натальи Никитичны Козловой (2002): «Обменялись мы с ней впечатлениями относительно особенностей «постсоветского» научного сообщества. Я выразила свою неудовлетворенность тем, что практически отсутствовала какая бы то ни было конструктивная реакция на мою последнюю книгу. Притом, что в самой общей форме (без всякого стимулирования с моей стороны) произносились комплименты. «Неприятно как-то, — писала я ей. — Не ждешь похвалы, а рассчитываешь хоть на какую-то реакцию — пусть даже отрицательную, выражение несогласия и т.д. А так — вроде бы ничего и не было». И еще я заметила, что мы предпочитаем замалчивать отечественных авторов, но обильно цитируем иностранных, демонстрируя «ученость» и «современность». «Такое впечатление, что друг друга мы не слышим» (Попова 2011: 28-29).

В беседе с мужем Ирины Марковны Л.Н. Курчиковым я затронул вопрос о ее отношении к тому, что ее окружало в последние годы.

АВТОР: *Я знаю, что Ирина Марковна жаловалась на своеобразное интеллектуальное одиночество. Коллеги по существу не реагировали на ее книги, статьи. Я спросил об этом у Эммы Августовны Гансовой. Она сказала, что это у Ирины Марковны возрастное. Молодежь у нас прекрасная и т. п.*

Л.Н.: Я думаю, что Ирина Марковна была неподвластна возрасту. Она и в последнее время рассуждала так же, как и раньше.

АВТОР: *В феврале 2007 года, имея в виду свою не востребуемость, Игорь Семенович Кон, которому к этому времени было 79 лет, писал своему другу в письме: «Я чувствую себя великим человеком, который просто забыл умереть в 1989 году, а все, сделанное после этого срока, никому уже не нужно, все сами с усами». В этой связи хочется спросить, как ощущала себя в последние годы Ирина Марковна? Было ли у нее чувство своей «несвоевременности»? Не испытывала ли она в последнее время чувства одиночества.*

Л.Н.: Нет, не ощущала. Кроме работы на кафедре, она регулярно выезжала в Институт социологии в Киеве и там активно участвовала в работе. Она просто всегда была захвачена какими-то идеями, которые со мной обсуждала. В любую свободную минуту бежала к компьютеру и записывала свои мысли. То есть у нее была творческая жизнь до самого конца.

Молодежь у нас прекрасная? Она у нас очень разная. Но и та, которая «прекрасная», функцию социального института социологии вернуть не сможет, даже если захочет. А без нее социология как наука будет и дальше влачить жалкое существование. Но что-то мне подсказывает, что «прекрасная молодежь» не захочет пробивать лбом стену. Не то поколение, не то воспитание. Покрутятся, покрутятся и слиняут на Запад.

ФЕНОМЕН И.М. ПОПОВОЙ (Вместо заключения)

Я подошел к концу повести об Ирине Марковне Поповой. Однокашник и коллега Ирины Марковны профессор Владимир Александрович Ядов сказал своему другу — Юрии Давыдове: «Это был настоящий ученый и русский интеллигент. Для него занятие своей профессией было слитно с гражданским призванием» (Давыдов 2007). Такой была и наша Ирина Марковна. Гармония нравственности и интеллекта придавали ее личности особую привлекательность. Я должен констатировать редкость, почти уникальность вымирающего на Руси такого типа личности, рожденного русским XIX веком.

Ирина Марковна вносила в нашу жизнь норму. Норму порядочности, научной этики. Она не участвовала во лжи. Она устояла под напором зла, не покорила «силе вещей». Она занимала в жизни позицию, которая в истории обозначена именем Сократа. Ее суть в тезисе: знание учит делать добро. Можно сказать пренебрежительно, что это иллюзия, а можно — что это величие человеческого выбора. Толкаться у трона ей не было резона. За эту позицию грызлись другие — номенклатурные волки от науки. Ирина Марковна создавала вокруг себя моральное поле, в котором неуютно чувствовали себя «нехорошие люди». При ней боялись делать подлости. Ее нет с нами, и кому-то стало значительно легче.

В центре повествований древнекитайских даосов стоит *подлинный человек*, или, как еще у нас переводят, *настоящий человек*. Подлинные люди у даосов жили в легендарной древности. Советская эпоха, постепенно погружаясь в пучину времени и отдаляясь от нас, становится легендарной древностью, которая была населена исключительными людьми. В чем их исключительность? В их человеческой подлинности. В личности Ирины Марковны мы столкнулись именно с этим феноменом.

«Не стоит село без праведника», — гласит русская пословица. Все эти мальчики и девочки, которые сегодня пришли учиться на социологическое отделение Одесского национального университета имени И.И. Мечникова и, в лучшем случае, что-то слышали о Поповой, и те, даст Бог, которые еще придут и уже ничего не будут о ней знать, — все они ей обязаны своим путем. Она — их родоначальница.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

«СОВОК» ПРОФЕССОР СКАЛКИН

*«Всегда будет будущее,
пока живо прошлое».*

Владимир Скалкин

Профессор Владимир Львович Скалкин (15 ноября 1932 — 30 декабря 1993) работал в Одесском государственном университете им. И.И. Мечникова с 1981 по 1993 год включительно. С 1987 года и до конца жизни возглавлял кафедру иностранных языков гуманитарных факультетов ОГУ. Из той же когорты «шестидесятников», что и С.И. Аппатов и И.М. Попова. С Семеном Иосифовичем он много десятилетий дружил. С Ириной Марковной отстаивал одну и ту же позицию.

В предыдущей главе была поднята тема «советского человека». Профессор И.М. Попова пыталась опровергнуть либеральный миф о «совке» социологическим инструментарием. По правде говоря, в глазах тех, кто *верит* в него, миф разоблачить нельзя, но людям, обладающим способностью мыслить рационально-критически, можно показать, как он устроен, для какой политической цели сконструирован, в какой период запущен в раскрутку, на какой фактаж опирается и какой игнорирует, в общем, его правду и ложь. Ниже я постараюсь развить «совковую тему» на конкретном примере одного советского человека, получившего все идеологические прививки той эпохи — Владимира Львовича Скалкина. Чистота эксперимента обеспечивается тем, что еще в начале войны он остался сиротой, и его воспитанием занималось государство. Таких как он, детей войны, подранков, были миллионы.

1. БРАТЦЫ-ИНТЕРНАТЦЫ

Володя Скалкин родился в семье служащего в Одессе, в 1-м Куликовском переулке, в маленьком доме, построенном еще во времена генерал-губернатора М.С. Воронцова. Война обрушилась на девятилетнего Володю и сделала его сиротой. Мать заболела тифом и умерла в 1942 году. Отец погиб раньше — при обороне Одессы. Старший брат погиб на фронте. Девятилетний городской мальчик остался совсем один, мыкался по стране, хлебнул по полной. После войны жил в Ялте, работал на киностудии художником и подзарабатывал на съемках в массовках. Может быть, он пошел бы и дальше по актерской стезе, но его восхождение на высоты киноискусства прервал пиротехник, который так взорвал шашку, что шестеро актеров из массовки,

в том числе и юный Скалкин, были отправлены в больницу. После этого Володя два года заикался.

В 16 лет его устроили в «Одесскую специальную мужскую среднюю школу-интернат с преподаванием ряда предметов в старших классах на английском языке». Так это официально звучало. В народе это учреждение, созданное стараниями тогдашнего наркома иностранных дел УССР старого большевика Д.З. Мануильского, получило название «школы дипломатов». По предложению Мануильского были созданы три таких мужских спецшколы в Киеве, Харькове и Одессе для подготовки потенциальных дипломатических кадров республики, ставшей в то время членом ООН.

После войны было много сирот и детей из неполных семей, где матери не могли «тянуть» своих детей. Сейчас это были бы бомжи-беспризорники и хулиганы с бандитской перспективой, а тогда советская власть всех с улицы подобрала и распределила по спецшколам с полным «пансионом», то есть с жильем и питанием. В Одессе их было аж семнадцать. И среди них — «школа дипломатов», которая воспринималась не как элитная спецшкола, а скорее как детдом, куда ребенка можно было пристроить, чтобы пережить голодное время. «Мы все по-разному попали в этот интернат, — вспоминал Григорий Дремлюга¹, — кто из деревни, кто из одесской семьи, кого-то стащили с поезда, а кого-то вытащили из банды». Борис Шумеев² писал об этом в поэтической форме:

¹ ДРЕМЛЮГА Григорий Петрович, кличка «Динозавр» — однокашник Скалкина, поступил в школу-интернат в 1946 г. из с. Владимировка Доманевского района Одесской области. Закончил его в 1953 и поступил в Военный институт иностранных языков на двухгодичное английское отделение. После окончания ВИИЯ служил переводчиком на кораблях Тихоокеанского флота, которые перехватывали разговоры своих западных визави. Поступил во Владивостоке в университет, который закончил уже в Харькове. Там же окончил радиотехническую академию. Работал в Москве в научно-исследовательских учреждениях ВМФ. С 1969 г. началась его дипломатическая карьера. Четыре года он служил референтом военно-морского атташе при Посольстве СССР в Великобритании, в Лондоне. Еще четыре года (1975-1979) проработал помощником Военно-морского атташе при Посольстве СССР в США, в Вашингтоне. С 1989 года служил в аппарате Генерального штаба. Уволился в запас в 1990 г. Капитан первого ранга, кандидат военных наук.

² ШУМЕЕВ Борис Григорьевич (1931—1997) поступил в школу-интернат в 1946 г., один из самых близких и верных друзей В.Л. Скалкина. Борис был склонен к литературным упражнениям. Он даже заслужил титул интернатского бытописателя. Впоследствии написал воспоминания о своей родной школе под названием «Школа дипломатов» — с футбольным уклоном» (Шумеев 2012). Во время учебы в ВИИЯ они были зачислены в одно отделение, их койки в казарме стояли рядом, а когда курсантов отпустили на «вольные хлеба», они вдвоем сняли в Москве комнату. Баловался стихотворством, часто перелицовывал стихи известных поэтов. С прозой дела обстояли получше. Он стал журналистом-международником. С конца 60-х годов работал корреспондентом АПН во Вьетнаме, Бангладеш, Лаосе. Это была героическая работа в тяжелейших условиях, в ужасном климате. Во Вьетнаме шла война. Американцы бомбили советские суда, доставлявшие боеприпасы и военное снаряжение. В книге «Индокитай: Пепел четырех войн (1939—1979 гг.)» М.М. Ильинский пишет: «В порту был поврежден советский теплоход «Переяславль-Залесский», в июле 1968-го был обьят пламенем «Александр Грин». И только мужество советских моряков и вьетнамских докеров позволило спасти порт и город. И если бы произошел взрыв, то последствия были бы чудовищными. Разрушения были бы равны по силе двум

В послевоенной Одессе
В голодном сорок шестом
Судьба собрала нас вместе —
Я братьев своих нашел.

Одни на нас падали бомбы,
Войну нам играть не пришлось,
Нас прятали катакомбы,
Война для нас — это всерьез.

Хлебнувши нужды и горя,
Поверьте, что не по благу,
Собрали у Черного моря
Нас выучить в дипломаты.

Нужна была смелость провидца,
Чтоб в струпьях, в немых телах
Увидеть лоск на лицах,
Предвидеть карьеру посла.

Очень любили интернатские мальчишки рифмованные строчки и эту страсть к поэзии они пронесли сквозь всю жизнь. На традиционной ежегодной встрече московских интернатцев в апреле 2013 года Леонид Медянов (выпуск 1954 года, заслуженный архитектор РФ, бывший главный архитектор реставрации Московского Кремля, в Одессе построил знаменитый «Тещин мост») прочитал свои стихи. В них были следующие строки:

Мы жили врозь, как воробьи,
Рассеянные ветром в поле,
Но нас собрали, обогрев,
В одном гнезде — родной спецшколе.

Здесь стали мы одной семьёй,
И вместе прожитое время
Нам подарило память дружбы непростой,
Посеяв в душах благодарственное семя.

бомбам, сброшенным США на Хиросиму в августе 1945 года. Из журналистов на борту «Грина» находился корреспондент АПН Борис Шумеев» (Ильинский 2000).

Вернувшись в Союз, Б.Ш. несколько лет заведовал отделом международных связей Института США и Канады. В январе 1997 он умер. Его похоронили на Калитниковском кладбище в Москве. К 80-летию со дня рождения Б.Ш. (2011) его друг и однокашник журналист Евгений Поздняков написал небольшую книгу под названием «Борис Шумеев (Б.Ш.) — стихотворец, журналист, дипломат». Она выложена в интернете на сайте выпускников ВИИА по адресу: www.clubvi.ru/news/2012/07/23/shumeev/1.doc

Об атмосфере в этой школе-интернате можно судить по фильму «Подранки», который снял воспитанник школы из восьмого выпуска Н.Н. Губенко. Правда, старшие выпускники, собираясь в Москве, неоднократно укоряли Николая Николаевича за то, что он искажил действительность. В первую очередь это касалось личностей некоторых преподавателей. В ответ он оправдывался, что как художник имеет право на вымысел. Так или иначе, атмосферу того периода и обстановку в интернате он воссоздал правдиво. Если продолжить кинематографическую тему, то в этом интернате жил и учился приемный сын начальника отдела по борьбе с бандитизмом Одесского уголовного розыска Давида Марковича Гоцмана из фильма-сериала «Ликвидация» (2007), в основе сюжета которого лежит борьба против бандформирований после войны в 1946 году в Одессе. Помните сцену, когда мальчик сосредоточенно поет в школьном хоре на берегу моря, а Давид пришел посмотреть на него.

Со времени своего основания в 1946 году школа трижды переезжала. Последний раз — летом 1948 — в школьное здание довоенной постройки неподалеку от Одесской киностудии. Там, по адресу проспект Гагарина 6 (в девичестве Ботаническая) она располагается и по сей день. В 1948 году появился и новый директор — 30-летний Павел Иванович Горбулин. Он энергично стал перестраивать школу в соответствие с первоначальным замыслом. Переманил к себе 25% прибавкой к зарплате лучших в городе преподавателей математики, физики, биологии и химии, русского и украинского языков. Географию, например, вел Михаил Григорьевич Шершеневич, который до революции студентом объездил Европу и Северную Африку и о многих странах рассказывал по-английски на основе своих личных впечатлений.

В интернате начали работать несколько редких по тем временам преподавателей и воспитателей, изучавших английский в Англии и США. Так, английский язык в «школе дипломатов» преподавал Джон Григорьевич Бурлака. Статный красавец, на русском языке говорил с сильным акцентом. Но зато все нюансы английской речи он привил ученикам досконально. Не так давно кинорежиссер Сергей Соловьев в своей авторской программе на телевидении рассказал о последнем советском министре культуры (1989—1991) Н.Н. Губенко. Соловьев пригласил в Советский Союз мегазвезду американского кино Ричарда Гира. Он организовал ему встречу с министром культуры. Гир вернулся из министерства с округленными глазами. «Что случилось? — испуганно спросил Соловьев». — «Да он говорит по-английски лучше меня!» Английский язык Коле Губенко ставил Джон Григорьевич.

В школе-интернате все надписи были выполнены на английском языке. Было несколько трофейных магнитофонов. Воспитанники старались «соответствовать». В школьной столовой, вставая полуголодными из-за стола, они дружно кричали:

Thank you, thank you very much!

Не напился, не наелся — и не плачь!..

Известный одесский журналист, друг В.Л. Скалкина Игорь Николаевич Розов сказал мне: «Не надо забывать, что Владимир Львович — воспитанник и выпускник школы-интерната для сирот войны. То образование, которое там давали, равно Царскосельскому лицееу времен Александра Сергеевича». В подтверждение этих слов о высочайшем уровне подготовки интернатцев приведу выдержку из письма Бориса Шумеева, поступившего после окончания интерната в Одесский институт иностранных языков. 6 октября 1951 г. он писал из Одессы в Москву Евгению Позднякову: *«Как ты знаешь, мы хотели махнуть на 2-й курс. Зам. директора, к которому мы пошли по этому поводу, долго свистел о том, что без ведома Министерства образования делать это нельзя, а там против экстерната. А у нас еще и целая группа. Видно, придется сидеть на 1-м. Ты себе не представляешь, какая скука на английском. Сейчас только начинают читать простенькие тексты. А нам что делать? Сажу и читаю. Книгу!»*

Много внимания в интернате уделялось культурному воспитанию. Были налажены регулярные посещения одесских театров, в школе работали драмкружок, танцевальный кружок, кружок художественного творчества и другие. К слову, в Одессе живет Ирина Кузнецова, в прошлом артистка балета, закончила филфак Одесского университета, работала хореографом, в 70-е годы была директором Дома Актера. Но было еще и детство, дружба с ребятами из «школы дипломатов» — Женей Поздняковым, Мишей Турчаком, Володей Скалкиным, Толей Слюсарем, Борей Шумеевым. Вот что она написала про это на своем сайте:

«Мы познакомились во Дворце пионеров. Несколько ребят стали приходить на уроки бальных танцев. Потом возникла идея организовать в их школе настоящий бал. Руководство Дворца направило меня в школу-интернат инструктором-общественником по бальным танцам. А лет-то мне еще не было и тринадцати... Но, как-то мы умели быть ответственными. И ведь получилось, бал был великолепен. Девочек пригласили из школы № 37. Мы были одеты в форменные платья коричневого цвета с белыми кружевными воротничками и манжетами. Завершал бальный туалет сверкающий белизной фартучек. Теперь остается включить немного воображения. Большой зал. Паркетный пол сиял. Для учеников младших классов было особой честью натереть его перед балом.

Открывается дверь и-и-и-и.... под звуки полонеза Огинского в зал входят пары! Зрелище ослепительное! Понять это можно, если представить — только недавно окончилась война, вокруг стояли разбомбленные дома, хлеб по карточкам... Но в нашем поколении была жажда жизни. Мы знали, у нас все впереди. Мы свято верили в это.

Танцы — танцами, но моя дружба с ребятами из интерната оставила след на всю жизнь. Если моя семья примером обыденной жизни прививала мне житейские ценности, то друзья-интернатовцы демонстрировали отношения общественного характера, которым хотелось подражать» (Кузнецова 2012).

Интернатцы с нетерпением ждали таких балов и сами «вкладывались» в их организацию и проведение. Натирали полы мастикой в актовом зале и на всем втором этаже, приводили в идеальное состояние классы. Руководство школы не мешало, только помогало. Старшеклассники приглашали знакомых девушек из близлежащих женских школ. Чтобы выглядеть на уровне, прибегали к смекалке. Утюгов не было. В ночь перед балом они укладывали почищенную влажной щеткой одежду на фанерку под матрац так, что утром она выглядела отглаженной. До блеска надраивали обувь, бляхи ремней. Те, кто овладел премудростями классических танцев во Дворце пионеров, становились учителями танцев для младших. Журналист Игорь Шварц в 1952 году был назначен комитетом комсомола ответственным за новогоднее оформление школы. Такое не забывается! Вот его описание новогоднего школьного бала:

«...желающих попасть на наш вечер всегда было гораздо больше, чем мог вместить все тот же, что и сегодня, небольшой зал школы. Еще бы: вечер открывался пьесой, в которой и мужские и даже женские роли исполняли на английском языке загримированные интернатцы. Роли свои они исполняли так искусно, что на наши вечера приходили даже студентки института иностранных языков. Где еще они тогда могли услышать английскую пьесу?

Заклучал вечер настоящий новогодний бал. Гремела музыка. Мы приглашали девушек на вальс или танго, лихо отплясывали с ними мазурку, величественно шли по залу под звуки полонеза Огинского или па-де-патенера, танцевали польку, краковяк и другие т.н. классические танцы. Многие интернатцы были одеты в костюмы корнетов, драгунов и других героев пьес и фильмов. В перерывах между танцами старшеклассники знакомили приглашенных со школой — показывали девушкам классы, знакомили их со своими одноклассниками, приглашали в школьный буфет на чай с печеньем и конфетами.

Мне и сегодня иногда доводится бывать на различных вечерах. Потому знаю, что даже сегодня, когда и в школах и во многих семьях куда больше достатка, чем в наше время, все же не всегда удается организовать описанные мною вечера. Поверьте, что все описано честно, без прикрас (это могут подтвердить девять живущих в Москве моих товарищей из первых трех выпусков нашей школы). Происходило все описанное в том же помещении нашей школы, в котором она расположена и сегодня, и было это в 1950 или 1951, 1952, 1953 годах, т.е. в очень тяжелые для нашей страны годы, всего через 5—7 лет после окончания Великой Отечественной войны» (Шварц 2012).

С карнавальными костюмами и наполнением буфета сладостями помогали шефы (слово «спонсор» тогда не было в ходу). А шефствовали над школой-интернатом Одесская кинофабрика, Одесский оперный театр и Китобойная флотилия «Слава».

Я обращаю на «художественную самодеятельность» особое внимание, чтобы подчеркнуть вопреки нынешней мифологии, что в советской школе уделяли большое внимание духовному и физическому развитию личности

и создали для этого мощную инфраструктуру. И все это было бесплатно для детей и их родителей — не сравнить с нынешним временем! Володя Скалкин был чтецом, занимался конферансом, участвовал в театральных постановках и, конечно, танцевал. Впоследствии это сильно пригодилось ему в жизни. Так, он использовал свой школьный сценический опыт, когда учился в Москве в Военном институте иностранных языков, где был организатором, ведущим и исполнителем в институтской художественной самодеятельности. Да и после окончания ВИИЯ, когда в силу сложившихся обстоятельств он остался без работы, он стал заведовать Домом культуры в поселке Яблонка под Куйбышевом, поскольку эта работа ему была знакома. Развившаяся в интернате артистическая жилка помогла Владимиру Львовичу в основной профессии: он был незаурядным оратором, в свободной манере читал лекции в студенческой и других аудиториях.

«Сейчас в это трудно поверить, — пишет в своих воспоминаниях Е.А. Поздняков, — но в нашей мальчишеской школе старшие ученики не дрались, не сквернословили и не курили! Один из моих одноклассников потом признался, что пытался курить тайно не от учителей (это тогда в любой школе само собой разумелось), а от своих сверстников! Их осуждения он боялся больше учительского» (Поздняков 2003). Когда к ним пришел новый преподаватель, бывший военный летчик, и стал заигрывать, рассказывая сальные анекдоты, его оборвал Толя Слюсарь по кличке «Вареник»: «Если будете сквернословить, выгоним!»

Интересно, что Толя был на год младше своих одноклассников, однако отличался серьезностью, целеустремленностью, был сосредоточен на впитывании знаний — его всегда видели с книжкой в руках, к нему обращались за «консультациями». Уже тогда его товарищи знали, что «Вареник» далеко пойдет. Как писал интернатский поэт Борис Шумеев:

Мы знали, что время настанет,
И наш башковитый малыш
Откроется, засверкает,
Как только приедет в Париж.
В Мадриде, мы знали точно,
Воспитаник бурсы местной
Займёт положение прочно
В кругах дипломатов известных.

Действительно, Анатолий Алексеевич Слюсарь (1934—2013) стал первым золотым медалистом школы, поступил в МГИМО, закончил с красным дипломом, на дипломатической службе дорос до ранга Чрезвычайного и Полномочного посла, был последним послом СССР в Греции, после стал профессором, преподавал в МГИМО на кафедре дипломатии, специализировался в области европейского права. Его похоронили в Москве совсем недавно — 22 сентября 2013 года.

Каких людей «сделала» и «поставила» Родине эта школа из обыкновенных советских плембеев, раненых войной сирот! Среди них дипломаты, профессора, журналисты-международники, разведчики и, впридачу, знаменитый актер и режиссер, главный архитектор реставрации Кремля, директор оборонного завода, а также футбольный арбитр международной категории. Да уж, «совки»... Последний министр, последний посол... Волею судеб им пришлось «закрывать» страну, которой они преданно служили всю жизнь.

Есть одно интересное наблюдение. Оно принадлежит Ларисе Макаровой, которая уже более тридцати лет живет в Чикаго — там ее зовут Лаура Ли. Она училась в интернате №2 с пятого по девятый класс (1964-й год). В интернате она не жила, а только ходила в школу, которая пользовалась в городе репутацией элитной, дающей английский язык. Приняли ее потому, что она была дочерью погибшего военнослужащего высокого ранга из штаба Одесского военного округа, а ее мама согласилась преподавать домоводство в школе. «Я совершенно свободна от романтического флера и обаяния фильма «Подранки» — пишет она сегодня, — это и влияние американского прагматизма, и личное видение того, какой уже я сама застала школу: школа была уже заурядной обычной советской школой, хотя для приходящих детей она и имела бурсачий привкус из-за интернатского *modus vivendi* наших мальчиков. Их жизнь была от нас закрыта, как только мы покидали классы после самоподготовки». И далее она сообщает: «У нас был большой опыт контакта с улицей, более широкий круг общения. И мы могли сравнивать уже тогда насколько воспитаннее, честнее, цельнее (простите за высокое слово) были наши интернатцы против «улицы». Видимо, все-таки законы закрытого сообщества действительно вырабатывали какие-то другие нравственные критерии среди ребят. Это была более, что-ли, отфильтрованная чистота души и нравов, это была не закомплексованность, а натуральная застенчивость, ценность дружеских связей, привязанностей имела у наших ребят более высокий смысл как в отношениях между собой, так и к преподавателям, воспитателям. (Многие наши мальчики дружили с моей мамой, и она часто забирала их к себе на выходные — они приезжали не ко мне, я уходила с подружками, они общались с мамой, крутились с ней по дому, по хозяйству — где Вы это сейчас увидите?)» (Из письма Л. Макаровой Е. Позднякову).

Действительно, эффект закрытого сообщества позволял долгое время сохранять уникальную микросреду, предохранять интернат от вредных влияний улицы, хотя давление на него «блатных» родителей все время усиливалось. Кстати, с 1958 года в школу стали принимать девочек, и она стала обычной.

* * *

Покинув родную школу, интернатцы ревниво следили за судьбой альма-матер. Повинуясь выработанному у них чувству коллективизма, они радостно «складывали» все свои достижения в общую копилку интернатцев. Став

курсантом ВИИЯ, Борис Шумеев писал из Одессы в Москву Е. Позднякову 6 октября 1951 г.: «У нас два дня тянулось перевыборное факультетское КСМ собрание, которое, кстати, можно записать в историю интерната. Здесь мы одержали крупную победу: в факультетском бюро у нас теперь свой человек — Карл [Кондратьев]».

После неудачной попытки поступить в МГПИИЯ Б. Шумеев вернулся в Одессу и поступил в местный Институт иностранных языков. В Москву друзьям он отослал свой «отчет» о проведении Октябрьских праздников:

«4-го — вечер факультета английского языка. Здесь сказались результаты работы интернатцев за два месяца. Куда ни глянь — всюду интернатцы. В президиуме — интернадец. В приказе директора благодарностью отмечен — интернадец. Дежурят на дверях — интернатцы. В самодеятельности участвуют — интернатцы! Праздничную газету издают интернатцы!! Танцуют бальные танцы — только интернатцы!

5-го — «вечер в английской школе» (т.е., в интернате) — эта фраза в тот день срывалась из уст многих девушек. Они правы — вечер состоялся. Следует отметить выступление интернатского хора. Хоть слабовато еще, но главное — есть! Вновь (встарь) выступили интернатские акробаты.

Но вся соль в бальных танцах. Они-то прошли хорошо. Бальные танцы! Как звучит это название для интернатца.

Заходишь в зал... В вихре штраусовского вальса кружатся пары. Вон Орлуша, красный, потный, всех обгоняет, сбивает, летит. Направо, под стенкой, возле брусьев даже Скалкин. Не мерещится ли? Нет. Значит, ты в интернате.

И все же пусто как-то. Стоишь и чего-то ждешь. Вот сейчас Жека вылетит на середину, мерно войдет Слюсарь, поправляя полы кителя, поглядывая на стоящих по сторонам. Но не входят, и на душе немного пусто. Даже вечно спящий на вечеринках Филин занимает в тебе, в твоём «я» место, которое сейчас образовало пустоту...»

Жизнь разбросала одесских интернатцев первых выпусков по всей необъятной стране. Оказавшись в отрыве друг от друга, они реально ощутили, насколько сблизил, сроднил их интернат. Их неудержимо потянуло друг к другу. Об этих резко усилившихся чувствах написал Володе Скалкину в 1951 году Женя Поздняков, не без помощи другого «интернатца» — Пушкина:

Куда бы нас не бросила судьбина –
В Москву, Одессу, Харьков, Ленинград —
Все те же мы: нам целый мир чужбина,
Отечество всегда нам — интернат!

В свою очередь курсант московского военного вуза Володя Скалкин стал посылать в Одессу сообщения в виде рукописного журнала под названием

«Noster Modus Vivendi (Наш образ жизни)». В 21 номере от 11 июня 1953 г. он поместил короткую заметку под заголовком «Интернат будет жить в традициях». В ней он, в частности, писал:

«Очень печально слышать, что интернат кончает своё существование и притом бесславно. Это больно и горько на фоне воспоминаний о необыкновенном коллективе. Может статься, что интернат скоро погибнет, но искры его плодотворного огня (я уверен) будут необыкновенно долго гореть по великому Союзу».

Это была его реакция на информацию из Одессы. Ему писали, что дух братства и взаимопомощи из интерната выветривается, он «обмирщается», теряет свою уникальность. В сентябре 1956 года в доме у Бориса Шумеева в подмосковных Вешняках небольшая группа интернатцев (Шумеев, Скалкин, Поздняков и Заерко) отметила первое десятилетие школы-интерната. С тех пор каждое последующее десятилетие интернатцы первых выпусков отмечали юбилей своего родного интерната. Последний раз собирались в Одессе в 2011 году на 65-летний юбилей.

В Москве образовалась целая колония одесских интернатцев. Они так себя и назвали — «Одеколон». Московское интернатское братство стало устраивать ежегодные встречи. Начало регулярных встреч было положено в 1980 году. Е.А. Поздняков вспоминал: «23 февраля 1980 года я предложил провести у меня на квартире всемосковский сбор живших в городе интернатцев. Пришло с жёнами более 40 человек. На следующий год такой же сбор организовал у себя на квартире Шумеев. Там было решено проводить встречи ежегодно, следующую взялся провести Игорь Андреев, который для этого был избран президентом. Таковыми именовались и все последующие организаторы сборов. В 1983 году, помню, собирались у Володи Надеина, потом у Толи Слюсаря, Юры Матвеевского, 11-ю провели у Дремлюги. После развала Союза собирались в офисах тех, кто работал — по 2—3 раза у Джана Сафонова, Игоря Шварца, потом в кафе и ресторанчиках. В конце 90-х снова была встреча у Надеина, где желающих стать президентом для проведения следующего сбора не оказалось. Виктор Бурыгин показал на меня пальцем и сказал «Ты будешь пожизненным!» То есть до смерти! На встрече в конце апреля 2012 года я попробовал снять с себя это ярмо, но Григорий Ковриженко вспомнил, что как организатор первого всеобщего сбора я был назван «почётным президентом». Второй Григорий — Дремлюга — включился в игру, сказав, что «пусть и дальше Поздняков будет президентом по чётным, а по нечётным президентство 2013 года возьмут на себя интернатцы 3-го выпуска, т.к. они будут отмечать 60-летие окончания интерната». Прошло единогласно!»

После первого «полномасштабного» сбора московских интернатцев на квартире у Е.А. Позднякова 23 февраля 1980 года Карл Кондратьев, имевший настоящий поэтический дар, осмысливая и выражая чувства и взгляды

своих друзей на школьное прошлое, написал замечательное стихотворение, которое с тех пор с гордостью зачитывается на всех встречах и юбилеях Alma Mater как кредо её первых выпускников:

МОИМ ОДНОКАШНИКАМ

Шли мы в жизни разными путями,
Идеалам следуя одним –
Потому меня так сильно тянет
К бывшим однокашникам моим.

В детстве нас любовью не встречала
Материнская улыбка по утрам:
Если трудно Родине бывало
Вместе с нею трудно было нам.

Интернат воспитывал сурово,
Но учила дружба понимать,
Что нельзя есть порцию другого
И позорно слабых обижать.

Годы шли, и жизнь вокруг менялась
И слагала свой прекрасный стих,
Но привычка детская осталась
Счастья не искать за счет других.

Всё понять своею головою,
Деньги заработать самому
И тупого сытого покоя
Не прощать себе и никому.

Так и шли мы разными путями
Идеалам следуя одним.
Потому меня так сильно тянет
К бывшим однокашникам моим.

Москва, апрель 1980 г.

Владимир Львович Скалкин участвовал в ряде московских встреч интернатцев, а когда зоревье не позволяло, слал приветственные письма, поздравления-тосты в присутствии ему ироничном, остроумном стиле.

1990-й год, 24 февраля. Подмосковье, Купавны. Одиннадцатая по счету встреча интернатцев в доме десятого президента московского интернатского братства капитана первого ранга в отставке Григория Ивановича Дремлюги.

Сюда съехались интернатцы из разных городов дышавшего на ладан Союза, чтобы выбрать очередного, одиннадцатого по счету, президента их братства. Из Одессы были трое, в том числе В.Л. Скалкин. Когда ему было предоставлено слово для тоста, Владимир Львович произнес следующий спич:

«Представляюсь: Скалкин Владимир Львович, 1932 года рождения, 1952 года выпуска, член КПСС (оживление, реплика: «на какой платформе?»), одессит. Прошу задавать вопросы в письменном виде.

Как человек, связанный с обучением иностранным языкам (я занимаю такую скромную должность), я должен сказать, что многие иностранные слова мне, честно говоря, уже надоели. Например: дезавуировать, ланч, тулуп, товарищи, это не тот тулуп (реплика: «а консенсус?»), биде, что советскому человеку совершенно не нужно и непонятно (смех), или а'ля фуршет — фуршет тоже сложное дело. Я бы предложил все-таки процедуру, которая выражается старинным русским словом «застолье», где каждый интернадец мог бы встать и сказать, что он сделал для своей любимой Родины, сколько неучтенных детей гуляет по ее просторам, как он относится к перестройке и должности президента, ведь понятно, что должность президента по Союзу навеяна идеями интернатцев, которые давно уже перешли на президентскую форму правления, и, наконец, есть ли у него счет в швейцарском банке. Все эти вопросы мы не узнаем из-за того, что все зафуршетились в малые группы и тайком обмениваются адресами и счетами. (Смех)

Я представляю Одессу, которая живет и борется и которая одна считает себя прародительницей интернатского движения, хотя и ведет себя скромно. Она уже поняла, к чему это все идет и сейчас абсолютно не участвует в перестройке. (Оживление) Одесса борется за объявление себя вольным городом со столицей в Сингапуре. (Взрыв смеха) И потому прошу не задавать мне вопросы: «Как у вас дела?» Спокойно, все нормально.

Товарищи! Я должен сказать то, что вам, наверное, неизвестно: ничто так не старит как возраст. В 50-е годы мы, приехав сюда, смотрели вперед. Мы еще имели счастье видеть на трибуне товарищей Иосифа Виссарионовича и Лаврентия Берию. (Реплика: «Берию — особенное счастье!») Вы можете понять, какое поколение мы представляем. Тогда у нас была перспектива, тогда как сейчас принято говорить о ретроспективе. Думаю, все меня поймут. Мы сейчас живем в блестящей ретроспективе. Хотя среди нас есть молодежь, которая еще на что-то надеется. Мы уже все пережили, и нам уже все ясно. Мы ходили под знаменами с барабаном, и с нами было все нормально.

В 1991 году, 3 сентября, Одесса созывает сбор. Теперь интернатцы будут собираться не раз в 10 лет по случаю образования интерната, а через каждые пять лет, после чего будет установлен ритм ротации через каждый год, потому что не ровен час. Сосуды наши склеротизированы от неумеренного употребления табака, алкоголя, буйной жизни, производственной, кооперативной и т.д. Товарищи! Мы все истощены нарзаном. Мы дальше так не можем. Поэтому будем встречаться ежегодно.

Я хочу поднять тост. Кстати, это выражение ввел Сталин. Вообще-то нужно поднять бокал и произнести тост. Но он так сказал, и все остальные стали за ним повторять. Я хочу поднять бокал за то, что интернатцы никогда не теряли чувства собственного достоинства, человечности и высокой квалифицированности, которую редко можно наблюдать среди других популяций. (Дружный смех. Аплодисменты. Реплика: «Опять иностранные слова!») Я хочу поднять бокал за то, что интернатцы очень дружны и за то, что они поняли великую будущность неформальных объединений. (Смех) И это было еще до того, как началась перестройка. Интернатцы являются предвестниками перестройки, не смотря на то, что они всегда были жестко верящими в светлое будущее и до сих пор не теряют надежды, хотя каждый устроился как мог. (Взрыв смеха) У нас осталось самое ценное в жизни — это несколько лет здоровья, которые мы можем посвятить себе, своим окружающим, своему производству. У нас больше ничего нет. Мы закончили свою активную жизнь до того, как стали распределять в частную собственность участки. Мы теперь уже не сможем выкупить наделы земли, хотя, может быть, Верховный Совет и разрешит нам. Но у нас осталась человечность, то душевное, что объединило нас. Я предлагаю выпить за великую интернатскую дружбу и пожелать здоровья всем присутствующим. (Аплодисменты. Реплика: «Надо его избрать президентом!»)

Владимиру Львовичу судьба отпустила еще три года десять месяцев и шесть дней жизни, и он потратил их точно не на приобретение земельного участка.

* * *

Особого слова заслуживает Е.А. Поздняков, кличка «Козлевич», родился в 1933 г., однокашник и близкий друг по жизни Скалкина, Шумеева и Кондратьева, журналист-международник, дипломат, бессменный почетный президент братства выпускников школы-интерната №2. Его роль в деле сохранения памяти об интернатцах первых послевоенных выпусков так велика, что я бы смело назвал Евгения Александровича Нестором-летописцем английской школы-интерната № 2. Практически он один (!) создал документальную базу для музея школы-интерната.

Еще в восьмом классе Женя осознал уникальность интернатского содружества и достаточно четко сформулировал для себя задачу: он должен собрать и сохранить как можно больше материалов об интернатской жизни, о своих однокашниках и их судьбах. По мере возможности он собирал черновики произведений ребят, фото, негативы, свои письма к друзьям и друзей к нему самому. И после выпуска вел со многими однокашниками обширную переписку. Благодаря этому его архив все время пополнялся. Он был в курсе жизненных перипетий интернатцев. Через него они связывались друг с другом.

Ну, от кого узнаешь,
Что Мишель в Китае,
Что пишет книжку о глаголах Кот,
Куда Ковриженко поедет в мае —
Всегда и все он знает наперед¹.

Так писал о нем Борис Шумеев в одном из своих стихотворных приветствий.

В конце концов у него образовался солидный архив. Будучи на пенсии, имея свободное время, он начал обрабатывать накопленный материал. В результате им были выложены в Интернете в виде книжек письма и прозаические произведения Б. Шумеева, В. Скалкина, К. Кондратьева. Они снабжены его предисловиями и примечаниями, а также фотографиями интернатских друзей.

Без помощи Е.А. Позднякова автору было бы крайне сложно ввести читателей в духовный мир В.Л. Скалкина и его товарищей. В процессе написания этой части книги я регулярно консультировался с Е.А. Поздняковым, задавал ему вопросы, которые хотел бы задать и самому В.Л. Скалкину. Получился любопытный эффект диалога с представителем исторического поколения «шестидесятников». Наша с ним переписка сама по себе интересна как документ постсоветской эпохи, рефлексирующей по поводу прошлого, находящейся с ним в конфликте и в то же время в преемственной связи. Читатель может сам в этом убедиться, ознакомившись с ней в приложении №4.

Когда мы только начали переписываться, то первый вопрос, который я захотел прояснить, был филологического свойства: почему *они* называют себя «интернатцами», а не «интернатовцами», ведь по-русски так звучит благозвучнее. Скажем, мхатовцы, а не мхатцы, вгиковцы, а не вгикцы и т.д. В письме от 21.09.2012 г. Е.А. Поздняков отвечал мне:

«Как филолог, думаю, слово *интернатец* образуется по тому же шаблону русского языка, что и кузня — кузнец, бой — боец, молодой — молодец. То же видим в более близком к нашему случаю названии воспитанников соответствующих училищ: Суворов — суворовец, Нахимов — нахимовец. В слове *интернат* нет **-ов** из фамилий русских военачальников, поэтому в *интернатец* **вставлять эти две буквы нет причины**.

Слово *интернатовец* введено в оборот в последние три десятилетия (скорее всего, бюрократами из сферы образования), видимо, из-за его семантической близости к слову *детдомовец*. Но очевидно, что в последнем случае **-ов** вставлено для благозвучия: ведь созданный по указанному мной шаблону детдомец был бы не слишком привычным для уха носителей русского языка.

Сейчас, как я понимаю, оба слова используются достаточно широко. Но если Вы будете писать о Скалкине времен спецшколы-интерната, то там он точно был интернатцем!»

¹ Мишель — Михаил Турчак, Кот — Владимир Скалкин.

ИнтерНАТОвцами, — каламбурил Е.А., — мы никогда не были. В письме автору от 18 февраля 2013 г. Е.А. Поздняков писал: «К сожалению, наш «одеколон» уже почти выдохся. Из моего класса здесь осталось четверо: Виктор Бурьгин, Юра Матвеевский, Толя Слюсарь и азъ. Из выпуска Скалкина, как я вам писал, лишь Григорий Ковриженко и Вадим Сторожко. Из третьего выпуска — Дремлюга, Игорь Шварц и Юрий Дмитриев. Из четвертого — Леонид Медянов, Джан Сафонов. Из пятого — Владимир Надеин. Из шестого — Виктор Кременюк, Семён Фридрих. Из восьмого — Виталий Баскаков, Николай Губенко, Владимир Карюк, Виталий Лукьянцев, Володя Стрыгин».

11 октября 2013 г. Е.А. Поздняков прислал мне горестную весть: «За три недели — в конце августа и в середине сентября — умерли два моих сокурсника Виктор Бурьгин и Анатолий Слюсарь. Первый закончил военную химакадемию дослужился до полковника, стал кандидатом технаук, автором почти двух десятков изобретений. Выброшенный из армии при развале Союза, пошёл по приглашению приятеля подработать на ремонте кровли дома, после чего создал солидную фирму в этом, как теперь говорят, сегменте. Второй — дипломат, достиг ранга посла, был последним советским послом в Греции. Эти два человека смогли достигнуть своих профессиональных высот благодаря тому, что в начале их жизни им через интернат помогла страна».

Следует сказать, что опасения одесских виияковцев за судьбу своей спецшколы-интерната были не напрасны, но, к счастью, не сбылись. Были провальные 90-е годы. Все, что связано с советской эпохой, подвергалось сознательной обструкции, очернительству или забвению. Такова была близорукая политика охваченных вакханалией независимства официальных властей, демонстративно стремившихся отмежеваться от советского прошлого. Но и без этого наблюдалась ярко выраженная тенденция распада, обусловленная потерей политической формы. И все-таки спецшкола-интернат №2 «очнулась». В 2001 году школе исполнялось 55 лет. К директору Наталье Владимировне Савельевой (из двадцатого выпуска, 1971 г.) пришли два интернатца. Среди них — Григорий Максимович Ковриженко из второго выпуска. Они пригласили ее и бывшего директора П.И. Горбулина в Москву на ежегодную встречу московского братства интернатцев в феврале. Там, в Москве, Наталья Владимировна была поражена увиденным: как дружны интернатцы, как переплелись их судьбы, как бережно хранят они память о своем школьном периоде, как много документальных материалов собрано. И вот тогда родилась идея создания музея школы. Сказано — сделано. Музей открылся в том же году. Ленточку торжественно перерезали два директора — Горбулин и Савельева.

С 2011 года музей курирует большой энтузиаст Людмила Сергеевна Сытая (Прозорова), выпускница 1963 года. Наталья Владимировна и Людмила Сергеевна поддерживают связи с выпускниками, интернатцами первых выпусков, разбросанных судьбой по всему миру. В музее разработана тематика лекций-экскурсий, которые готовят под руководством учителей школьники.

Периодически наш город навещают ветераны интернатского движения. Они обязательно приходят в школу и выступают перед учениками. В Интернете открыт сайт школы-интерната №2 (адрес: <http://odsint2.com>), на котором выкладываются материалы, посвященные истории школы, переписка с выпускниками, поздравления и т.п.

Основу музейной экспозиции составляют материалы, переданные Е.А. Поздняковым. Между ним и куратором музея возникла тесная «идейная связь». Они находятся в постоянной переписке, обмениваются материалами. И вот что интересно: музей позволил Евгению Александровичу несколько иначе взглянуть на свою миссию. В письме от 29 сентября 2013 года он писал:

«Дорогая сестрица Людмилушка! Приношу Вам свои извинения и признаю себя перед Вами полностью неправым относительно своих воспоминаний. Да, я искренне считал, что «целевая аудитория» моего опуса — это немногие близкие друзья и родственники. Нынешние интернатцы, думал я, не слишком ими заинтересуются, хотя Вы уверяли меня в обратном. Письмо Ларисы и Ваши комментарии к нему заставили меня посмотреть на воспоминания как на ещё один повод для развития связи поколений. Ведь публичная дискуссия о школе с точки зрения выпускников разных лет в живую открывает нынешним ученикам историю alma mater!»

Лариса — это упомянутая выше Лаура Ли из Чикаго. Она состоит в переписке с Л.С. Сытой. 8 ноября 2012 года Лариса написала своей корреспондентке: «Читала — плакала-ревела, веришь? Люд, какое же мы уникальное историческое время прожили! Этого опыта не было ни у одной страны мира, а мы, как мутанты, перекочевали, почитай, из феодализма СССР в капитализм кто где, кто как. А вчера на эмоциях после выборов Обамы поставила «Подранков», и ты знаешь, я не почувствовала себя подранком. Фиг! Какая-то давно забытая гордость за страну из меня попёрла».

Это признание дорого стоит. Благодаря Горбачеву и «перестройке» Лариса иммигрировала в США, прожила там четверть века, родила троих детей, не бедствует. Четверть века ее обрабатывали в духе американского шовинизма, поэтому в письме к Позднякову сделала «стойку»: романтика «Подранков» ее не трогает. Оказывается, время от времени она смотрит этот фильм и, вполне возможно, слезу смахивает. Она осталась наша — Лариса! Хотя Лаура тоже неплохо.

В 1982 году выпускнику 1951 года Михаилу Турчаку¹ стукнуло 50 лет. Его лучший друг Сергей Кривцун написал ему: «Из твоих 50 лет на нашем

¹ ТУРЧАК Михаил Маркович (11.01.1932 – 16.12.2010) родом из села Малиновка Ивановского района, попал в школу-интернат по «наводке» Аркадия Епура, которого устроила туда его мама-учительница. После окончания школы в 1951 году М.М. Турчак был отправлен на учебу в Ленинград, овладел китайским и японским языками. После окончания учебы в 1956 году вся его дальнейшая деятельность прошла в советских консульских и дипломатических учреждениях в КНР, КНДР и Японии. Выполнял деликатные поручения правительства. Дослужился до генеральского чина.

шарике мы провели вместе всего лишь 5 лет. Но это были незабываемые годы. Пора становления наших характеров, убеждений, годы, которые сыграли решающую роль в наших судьбах. Именно здесь, в интернате, мы научились жить интересами коллектива, интересами страны. Именно здесь мы решали, кем быть и как жить дальше».

Упомянутый выше Игорь Шварц из выпуска 1953 года написал на сайт музея школы: «...мы ведем себя, как родственники, и потому даже называем себя братцами-интернатцами. Братья всегда в какой-то мере похожи друг на друга. Только наша схожесть не генетического свойства. Но общее есть. Школа воспитала всех нас людьми, которые приносят пользу своей стране. Конечно, каждый делал и делает это по-своему, в меру своих сил, способностей, жизненных возможностей. Но по этой, самой главной, черте мы узнаем друг друга» (Шварц 2013).

Золотые слова! Главное, они могли быть адресованы практически каждому интернатцу из первых выпусков. Интернат научил их дружить, работать, ставить и достигать большие цели. Вот почему это поколение не рассыпалось, не испоганилось, не предало своих идеалов и своей страны. Это была завязь их судеб, это было их счастливое начало, при том что война выбросила их на обочину жизни. А они вопреки всему были счастливы. Всю их жизнь освещала радость интернатской дружбы.

Последняя (на данный момент) встреча Одеколона состоялась 27 апреля 2013 г. на квартире выпускника спецшколы-интерната 1951 года профессора МГУ Юрия Арефьевича Матвеевского. Леонид Медянов, (вып. 1954 г., заслуженный архитектор РФ) прочел на этой встрече свое стихотворение, которое он озаглавил «Вздых памяти». Цитирую неполностью:

Воспоминаний прошлого теплом согреты
Собрались в пепле лет мы здесь, как угольки.
В сердцах у многих в нас ещё живут поэты
С желаньем выплеснуть себя в листки.
Под солнцем крона золотая
Роняет листья памяти своей.
У каждого из нас свои воспоминанья
О счастье прожитых когда-то дней.
Грусть их светла, безмолвна,
Сжимает сердце памятью она,
Но теплота, подаренная солнцем
Лучом зари к нам возвращается всегда.
В лучах зари проходят наши встречи,
Зари восхода — радости, тепла.
Как здорово, что интернатцев плечи,
Обнять мне хочется любя.
Генетикой, подаренною школой

И благодарностью за прожитые годы
Мы пламя сохраним на углях нашего костра.

Догорают «угольки», ведут счет своим дням немногие из оставшихся интернатцев. Впереди маячит предельная дата – 70 лет их родному интернату. Ах, Александр Сергеевич, Александр Сергеевич, гений ты наш несравненный, вступай!

Пируйте же, пока еще мы тут!
Увы, наш круг час от часу редееет;
Кто в гробе спит, кто, дальный, сиротеет;
Судьба глядит, мы вянем; дни бегут;
Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему...
Кому <ж> из нас под старость день лица
Торжествовать придется одному?

На московскую встречу интернатцев Л.С. Сытая привезла письма нынешних учеников интерната юбилярам, закончившим интернат 60-лет назад. Это были интернатцы третьего выпуска. Все были тронуты. Написали ответное послание. Вот оно:

Дорогие ребята! В связи со встречей в Москве выпускников первых лет школы многие из вас написали нам свои добрые пожелания, а также поздравления тем, кто в этом году отмечает 60-летие окончания интерната.

Вы просите нас также оценить и назвать самое лучшее из этих обращений! Увы, мы ну никак не можем это сделать! Ведь каждое из посланных вами писем содержит столько душевного тепла и сердечного благорасположения, что как бы мы ни старались, никогда не найдем среди них то, что будет «теплее» или «сердечнее», чем остальные! Поверьте, каждое из ваших обращений нам очень дорого! Единственное, что мы можем и очень хотим сказать всем нас поздравившим:

Большущее вам спасибо! Вы даже не представляете, как согрели нас своими чувствами, как порадовали признаниями, что наши жизненные успехи служат для многих из вас примером!

Говорят, что сейчас жизнь стала иной. Это действительно так. Но ум, знания, работоспособность, умение быстро и чётко оценивать ситуацию, находить взаимопонимание и многие-многие другие человеческие ценности становятся всё более востребованными. Развивайте их в себе. И если наш опыт и оставленные в интернате традиции вам в этом помогут, мы будем считать себя счастливыми.

Ещё раз – большое спасибо за ваше внимание к нам, за то, что вы поддерживаете в школе связь разных её поколений. Она, поверьте, нужна и вам. Многие

из вас, мы уверены, сами станут примером для будущих интернатцев. А теперь представьте – через 60 лет после выпуска вы получаете в связи с этим из школы поздравления от её учеников! И вы поймёте, почему мы сегодня всем вам этого искренне желаем!

Евгений ПОЗДНЯКОВ, выпускник 1951 года.

Вадим СТОРОЖКО, выпускник 1952 года.

Григорий ДРЕМЛЮГА, выпускник 1953 года.

Судя по всему, связь времен удалось восстановить. Одесса своих не забывает и не сдает!

2. ЯЗЫК В УНИСОН СО СТРОЕВЫМ ШАГОМ

Из «школы дипломатов» в школу военных переводчиков — таков следующий шаг в биографии Владимира Скалкина. В 1952 году, после окончания школы, группа интернатцев второго выпуска, а именно: Владимир Скалкин, Борис Шумеев, Карл Кондратьев, Артур Заерко, Вадим Сторожко, Олег Хуртилов, Борис Нижегородов, Виктор Бушанский — дружно поступила в московский Военный институт иностранных языков и образовала там одесскую колонию виияковцев. А если к этому прибавить, что в ВИИЯ ежегодно поступали группы ребят из родственных одесской школе-интернату заведений Киева и Харькова, то можно сказать, что наплыв кадров из Украины в этот московский военный вуз был весьма значительный.

С 1 сентября 1952 года начался новый учебный год. Военный институт иностранных языков Красной Армии (ВИИЯ КА) был создан 12 апреля 1942 г. и к началу 50-х годов стал уникальным военным учебным заведением. В нем под одной крышей изучались одновременно 32 языка мира. Кого готовил этот специфический вуз — переводчиков, журналистов-международников или «пожарников» — этот вопрос требует специального исследования. Когда автор поднимал его в беседах с бывшими виияковцами, то они либо замыкались, либо начинали энергично все отрицать. Но вот что написал на сайте выпускников ВИИЯ подполковник в отставке Анатолий Иванович Исаенко, выпускник западного факультета 1968 г.: «Автор данных строк никогда не служил ни в разведке, ни в спецслужбах. Я был единственный из языковой группы, кто не служил в этих ведомствах» (Исаенко 2012). В рассказе выпускника ВИИЯ 1979 г. Е.Н. Полуэктова «Экипаж» есть такие строки: «ВИИЯ, единственный ВУЗ в СССР, где учат очень многому и где за пять лет можно научиться хорошо владеть иностранными языками, познакомиться с культурой и историей изучаемых стран и много где побывать. Наш уровень страноведения традиционно считается лучшим не только у нас в стране, но и во всем мире. Это признанный факт. Поэтому наших выпускников можно встретить и в войсках, и в штабах, и на флоте на кораблях,

и в экипажах самолетов, и во многих советских учреждениях за рубежом. Случается и в военных конфликтах участвовать» (Полуэктов 2012). Автор пришел к выводу, что все вышеназванные профессии являются смежными. Их объединяет необходимость знать иностранный язык в совершенстве, а это означает, что надо знать до тонкостей и историю, и культуру народа-носителя этого языка.

Наверное, не было тогда и нет в современной России такого учебного заведения, в котором было бы так много выдающихся ученых-лингвистов с мировым именем. Обо всех не расскажешь, но среди виияковских учителей В.Л. Скалкина есть одно имя, которое мы обязаны назвать: профессор английской филологии, автор учебников для школ и вузов Зоя Михайловна Цветкова (1901—1981). В письме от 3 марта 2013 г. Е.А. Поздняков утверждал: «То, что Скалкин стал в СССР одним из крупнейших специалистов-методистов в области обучения английскому языку — это заслуга преподававшей тогда в ВИИЯ ведущего советского профессионала этого дела Зои Михайловны Цветковой. Именно от неё он получал в институте лучшие в стране методики обучения иностранному языку, а потом в дальнейшем сам совершенствовал их». Известна реакция самого Скалкина на первую лекцию профессора З.М. Цветковой. 29 августа 1952 г. он писал Е. Позднякову: «Идёт подготовка к учебному году. Уборка, размещения и т.п. Курс подготовительных лекций прочитает Цветкова. Сегодня слушали её первую лекцию. Хорошо! Это «учёная жена»! Мы даже задали ей вопрос о партийности перевода, на который она ответила, что он партиен и привела доказательства» (Как интернатцы стали... 2012).

Лекции З.М. Цветковой производили глубокое впечатление и врезались в память прежде всего благодаря образности ее речи. Она часто обращалась к жизненному опыту учащихся, принимая во внимание их возраст. Так, объясняя взрослым людям структуру общего вопроса, она говорила, что подлежащее — «директор» предложения, а сказуемое — его «заместитель». И тут же следовал вопрос: «Кто на предприятии обычно больше работает: директор или его заместитель?», на что неизменно следовал ответ хором: «Заместитель!» — «Вот так и в вопросе: либо заместитель срывается с места, если это глагол *be* или *have*, либо он срочно нанимает себе помощника *do*» (Зоя Михайловна Цветкова 2003).

Лекции Зои Михайловны производили впечатление импровизации, но имели четкую внутреннюю структуру и логику, что свидетельствовало о большой «домашней» работе. Она была удивительно компетентна в обучении всем языковым аспектам и всем видам речевой деятельности и настаивала на том, что учёный, занимающийся методикой преподавания, должен быть умелым учителем-практиком.

На лекциях она не стояла за кафедрой, а легко двигалась по аудитории, вовлекая каждого из присутствующих в разговор. Задолго до появления модного нынче термина «педагогика сотрудничества» профессор Цветкова часто повторяла на лекциях и семинарах, что ученик не объект обучения, а субъект, центр притяжения на уроке. Она сформулировала в своем стиле

«закон курицы и цыплёнка»: цыплёнок, только что вылупившийся из яйца, следует за наседкой; в его программе заложено, что безопаснее всего двигаться за тенью, которая всегда может укрыть от беды. Зато надвигающаяся тень означает опасность, и цыплёнок бежит от неё. Учитель должен «накрывать ученика тенью своей личности», но при этом не идти слишком быстро, чтобы ученик поспевал за учителем. Однако самое главное — не «надвигаться» на ученика, вызывая в нём отрицательное отношение к обучению (Там же).

Ученики на всю жизнь запомнили ее классификацию учителей с точки зрения их отношения к ошибкам учащихся. Зоя Михайловна делила их на четыре категории:

— «тигры в засаде» ловят учеников на ошибках, создавая у них чувство неуверенности; они воспринимают ошибку как повод упрекнуть ученика в невежестве или неспособности усваивать материал;

— «равнодушники» игнорируют ошибки учеников;

— «подкладывающие» подсказывают правильный вариант, когда ученики в затруднении;

— «учитель-сотрудник», ставящий ученика в ситуацию «ответственного одиночества», т. е. предоставляющий возможность ученику самому решить языковую или смысловую задачу. Это лучший тип учителя.

Теперь понятно, к какому типу сознательно принадлежал В.Л. и какой тип учителя культивировал он в своих аспирантах.

Когда сталкиваешься с незаурядной личностью — это всегда не только профессионализм, специальная эрудиция, но и генетика, характер, общее развитие, биография. Зоя Михайловна происходила из известного рода Зворыкиных. Её родственника В.К. Зворыкина, известного американского учёного, до сих пор называют «отцом» мирового телевидения. Имя родного дяди Зои Михайловны И.Д. Зворыкина носит льнокомбинат в Костроме. Её отец разработал троллейбусную линию по Крыму. С юных лет З.М. Цветкова была наделена множеством талантов. В частности, она поражала всех блестящими математическими способностями. В детстве у неё обнаружился дар рисования. Ей прочили большое будущее художника, но она стала известным филологом. Ее учителем был академик Л.В. Щерба, родоначальник сопоставительного метода обучения иностранным языкам.

На высоком уровне в ВИИЯ читались и другие предметы, такие как страноведение, топография, тактика, военное искусство. В институте была собрана богатая библиотека. Она содержала уникальную коллекцию оригинальных документов, взятых в качестве трофеев во время войны, а также полученных через посольства СССР в зарубежных странах документы, книги и периодика. Здесь можно было найти книги Шекспира, Голсуорси, О'Генри и других писателей, изданные в Великобритании, газеты и журналы почти всех зарубежных стран.

Не следует забывать, что в институте готовили не просто переводчиков, но и настоящих боевых офицеров. Кроссы, марш-броски, подъемы по тревоге, рытье окопов полного профиля, учебные стрельбы, хождение в

атаку на высоту, оборудованную пулеметными точками, несение караульной службы внутри института и патрульной в городе, выполнение обязанностей командира взвода по отношению к своим товарищам курсантам. Все занятия, даже занятия английским языком, сопровождались рассказами о мужестве и героизме наших воинов в Великой Отечественной войне. Г.П. Дремлюга вспоминал: «При нас институтом командовал генерал М.С. Хозин, любимым выражением которого было: «Мы будем в унисон сочетать знание иностранных языков и строевую подготовку». И это выполнялось неукоснительно и даже с определенным перебором. Ежедневно весь институт выстраивался во внутреннем дворе бывших Петровских казарм, и лично генерал М.С. Хозин в окружении свиты, в которой, как говорили старики, был полковник, служивший с Хозиным еще в гражданскую войну, осматривал слушателей» (Капитан 1 ранга).

Хотя перемены в жизни Володи Скалкина и его друзей-интернатцев были значительными — столица с ее возможностями, режимная жизнь военного учреждения, новый уровень взрослости и ответственности, адаптация была значительно облегчена тем обстоятельством, что рядом были земляки, однокашники, и к жизни в коллективе им было не привыкать. Как отмечал В. Скалкин, «держимся мы коллективно, бывшим интернатом, вследствие чего больше веселости, хохм, жизненного оптимизма» (Как интернатцы стали... 2012; далее приводятся выдержки из писем из того же источника).

Полетели письма из Москвы в Одессу и обратно. Боря Шумеев развил такую активность, что получал и писал по три письма в день. Корреспондентом Скалкина и Шумеева был их друг «Жека» — упомянутый Е.А. Поздняков. По ним, как по дневниковым записям, можно судить, о том, как жили и чем дышали тогдашние «совки»¹.

Ниже приводится отрывок из письма курсанта Скалкина от 14 августа 1952 г.:

Это письмо пишется в 01.40 ночи: дежурный я...

О нас. Мы принадлежим к числу тех немногочисленных счастливых, в жизни которых после конца первого этапа её (*окончания школы*) не происходит решительных изменений. Мы продолжаем жизнь коллектива, подчиняемся его характеру, отношениям, законам, духу, соответственно переменяем кое-какие детали в названиях, форме и пр. мелочах.

Итак, мы слушатели ВИИЯ, утверждённые министром, ежемесячно получающие 750 рублей (в этом месяце — 524 р. 45 коп. — за 20 дней, с момента приказа).

¹ У Владимира Львовича выработалось своеобразное чувство историзма. Он понимал первостепенное значение артефактов. Даже после 1991 года, когда привычный советский мир полетел в тартарары и каждый был вынужден выживать в одиночку, Скалкин не перестал слать друзьям «документы своей жизни»: трамвайные и театральные билеты, свои статьи в газетах, программки и афишки, прочие свидетельства разных событий — со своими приписками и комментариями. К огромному сожалению, собственный архив В.Л. не сохранился.

Встаём в 7.00, делаем зарядку, затем занимаемся дельным безделием и т.д. и т.п. до 23.00, после чего сон. Дежуриим, читаем, пишем и получаем письма, которые ожидаем с большим нетерпением. Настроение интернатское: бульбистско-флегматично-оптимистическое. В довершение бюллетеня нашего состояния сообщу, что 15—16 едем в лагеря.

Несмотря на ироничный тон письма, московская жизнь Володи Скалкина и его друзей изменилась значительно и по насыщенности, и по темпу. Москва!

Голод — перманентное состояние молодых людей пятидесятых годов. Если анализировать, то их жизнь в военном институте сопровождалась тремя видами голода. Первый — это катастрофическая нехватка времени. Учеба, занятия художественной самодеятельностью и спортом съедали все время. Тема острой нехватки времени рефреном проходит в письмах Володи Скалкина другу Жене Позднякову. Ниже приводятся выдержки.

Скалкин — Позднякову, 12 ноября 1952 г.

Прости, что с ответом тавось... Дела, дела... Только в течение нескольких дней надо было: законспектировать весь семинарский материал, выучить рассказ, найти пьесы Чехова, написать 5 писем, прочесть книгу, подготовить собеседование по материалам съезда, накатать заметку в стенную газету, записать на магнитофон и т.д. и прочее.

Скалкин, 28 февраля 1953 г.

...Я замотался в доску! А в серёдку недели семинар по одной дисциплине тиснули. Знать-то — ничего не знаю. Темнота. Садись и, наточив зубы, зубри. Вот.

Скалкин, 5 марта 1953 г.

...Болезнь я не болел, но и писать — не писал. Времени так катастрофически не хватает, что я уже месяц не могу выбраться в соседнюю аптеку, чтобы заказать ...очки. Оправа дала трещину ещё в Одессе, и стекло так и норовит покинуть свой обод. Поэтому и смеяться громко нельзя: падает, стеклянная душа его!

Скалкин, 23 апреля 1953 г.

...Снова кричу: нет времени. Поэтому пишу письмо на семинаре.

Скалкин, 20 сентября 1954 г.

...Куда летит время? «Часы на цепочке, а время убегает!»

Интересно, что точно такой же темпоритм жизни был и в Ленинграде, где овладевал китайским языком еще один однокашник Скалкина по школе-интернату Миша Турчак (вып. 1951), будущий генерал-лейтенант ГРУ при генштабе СССР. Забавно, что он всем рассказывал, что поступил в ленинградский институт учиться на пожарного. Наверное, то, чем он занимался

впоследствии в Китае, Японии и Корее, можно назвать «работой пожарника». Вот фрагмент его письма лучшему другу Сергею Кривцуну, в будущем декану факультета общественных профессий пединститута в Бельцах (Молдавия):

«...Перехожу к прозе, ибо времени нет. Конспектировать приходится уйма (далее — нрзб.). Выезды за город, на работу. У нас обязательным порядком нужно посещать театры, кино, в общем культурные мероприятия. Хорошие мероприятия, правда? Правда, это здорово входит в копеечку. Скажу по секрету: приходится тратить 130—150 рублей в месяц. Но зато вещицы! А какая игра! Истинное удовольствие.

Ты жалуешься, что не пишу пространных писем о себе. Хо-хо, мой друг. У меня нет скучных уроков, как у тебя. Каждая минутка используется до конца, уже дальше не выжмешь».

Второй голод — физический. В.Л. Скалкин, по собственным словам, «ежедневно совершал три попытки насытиться», и часто эти попытки бывали неудачными. Иногда не удавалось выкрутиться, и положение становилось отчаянным. Ряд таких эпизодов пришелся на 1955 год, о чем мы узнаем из тех же писем в Одессу, где было сытнее.

Скалкин — Позднякову, 16 июля 1955 г.

...Все эти дни мы с Б[орисом] Ш[умеевым], заняв у Галки <Кубатович> сто рублей, перебились супом и картошкой во всех видах и формах. Суп, заправленный одной водой, картошкой и рисом, стал напоследок невыносим. Но нужно было выдержать и не раздувать и без того раздутые долги.

Скалкин — Позднякову, 13 октября 1954 г.

...Этот месяц я провёл крайне своеобразно. Огромные долги и не менее огромное желание избавиться от них создали довольно жёсткий режим приёма пищи. Бюджет был до того точно рассчитан, что каждое несъедобное, т.е. культурное мероприятие экономически должно было замещать еду, дабы удержать равновесие. Результаты:

- 1) Не смотрел ни одной картины, кроме тех, которые у нас в клубе, куда мы с Борькой ходим бесплатно;
- 2) Не выходил в город;
- 3) сбросил до 3 кг веса.

Теперь, когда я прошёл этот «путь» (послезавтра — деньги), я с удовольствием шучу и посмеиваюсь над оптимистическим безрассудством молодости.

Скалкин — Позднякову, 3 сентября 1955 г.

... Нас захлестнуло феноменальное безденежье. У меня в кармане 2 коп. наличными. Питаемся картошкой и помидорами, что привезли из Одессы. Не за что даже купить хлеба. Сегодня я, например, жарил картошку с полной уверенностью, что ее будем лопать без хлеба».

«Жизнь есть чревоущание» — этот народный афоризм родился в гуще виныковцев, и всеми ими разделялся как самоочевидная истина.

И третий голод — духовный. Его они успешно удовлетворяли. Вечно голодные и озабоченные проблемой пропитания, как бы дотянуть до стипендии, они бегали по театрам, музеям, кино, лекториям и стадионам. Благо столица предоставляла большие возможности. Как было уже отмечено, институт располагал богатейшей библиотекой. Отечественная и иностранная классика воспитали безупречный литературный вкус Владимира Львовича, привили особенную чуткость к слову, без которой нет гуманитария в принципе. В письме от 28 ноября 1954 г. В. Скалкин, между прочим, сообщал своему корреспонденту: «Читаю «Оплот» Драйзера, одно из двух оставшихся непрочитанными книг этого автора». В его письмах упоминаются Куприн, Флобер, Смолич. Очень он уважал еще с интернатских времен Маяковского.

Читали много, но и общались с живыми писателями тоже. В письме Е. Позднякову от 31 октября 1954 г. В. Скалкин передавал впечатления А. Слюсаря от встречи со знаменитым Ильей Эренбургом, автором романа «Оттепель», подвергнутого разгромной критике в советской печати. В конце письма Скалкин заключал:

«Да, авторитет этого человека слишком огромен. О нём пишет заграница. Впервые в истории нашей литературы случается так, что официальная точка зрения пошла на компромисс, на уступки идеям автора! Это победа. В моих глазах этот необыкновенно умный и тонкий писатель затмил даже Шолохова, который залез куда-то в глушь и, глуша горькую, тянет резину со своим колхозом. Надо чувствовать эпоху. Но этого недостаточно. Надо отстаивать, хоть в слабой степени, её дух, её идеи, её настроения».

Володя прекрасно отдавал себе отчет, что язык как живая система вырастает из жизни, а знание жизни дает современная литература и основанный на ней театр. Он всегда стремился попасть на спектакли лучших наших и, особенно, гастролировавших в Москве иностранных театров. А Москва была сосредоточением лучших театров страны, и жизнь в них кипела. Наши виныковцы любили театр почти так же, как героиня Татьяны Дорониной из кинофильма «Старшая сестра».

Скалкин — Позднякову, 23 апреля 1953 г.

Вчера был во МХАТе. Гениальная вещь «Мещане». Поставлена так, что решительно забываешь о том, где ты находишься. Глядя на эту вещь, я пришёл к выводу, что Горький и Маяковский способны уравновесить всех наших писателей, сваленных в кучу.

Скалкин — Позднякову, вторая половина апреля 1954 г.

В Москву приехала Comedie Francaise. Билетов нет. Когда приезжал их директор, то возмущался, почему нет громких реклам:

— Вы нас разорите!

Но ему сказали, что вся декада уже продана.

Затем наши предложили им передачу по телевизору организовать. Боятся, думают, что прогорят, но, увидев двухтысячную очередь у Малого, соглашаются.

Вчера мы смотрели их по телевизору. Игра исключительная. Ни одного лишнего движения. Простота.

Билет же на постановку можно достать за 400 рублей, но трагедия не в том, что он так дорого стоит, а в том, что он на 99% фальшивый.

Скалкин — Позднякову, 23 ноября 1955 г.

...В Москву приехал Английский театр, который выступает в филиале МХАТа со своей премьерой «Гамлет». Он гастролирует всего одну неделю. Сразу же развернулась битва за билеты. Удовлетворить могут только 8—12 тысяч зрителей. Подали же заявки 60 тысяч! А желающих еще в 10 раз больше. Нашему институту посчастливилось: ему досталось до 200 билетов, но это капля по сравнению с желающими. Отдали на кафедры, остальное в управление. 5-й курс захамил 60 штук под шумок. Я потребовал в клубе себе билет (Томке пообещали) как самодеятелю, как знающему английский и как английскому самодеятелю (мы с Томкой ставили кусок из «Пигмальона»). После угроз и долгих пререканий и тайных интриг нам с Томкой дали 2 хороших билета. Один билет, который был в резерве, отдаю Борьке. В отделении разыгрывалась лотерея на один билет (оставшиеся 5 билетов распределили по отделениям на курсе). Желающие (все) с тайным предвкушением тянули из шапки роковые свёртки бумажек. Но вот в мёртвой тишине раздаётся спокойный голос счастливица: «Идёт!» У остальных опустились руки. Жаль, очень жаль. Пропустить такой шанс услышать английскую речь.

Скалкин — Позднякову, 27 ноября 1955 г.

Только что вернулся с «Гамлета».

Игра англичан превзошла все мои ожидания. Особенно Гамлет (Paul Scofield). Простота, никакой натянутости, хотя и по-шекспировски возвышенно. Скупость жестов, ни одного лишнего движения: всё точно, всё сделано добросовестно. К мизансценам трудно придаться. Ещё меня поразила быстрота смены декорации в шекспировских многочисленных картинах. Оказывается, сами актеры переставляют стулья, памятники, столы и т.д.

Скалкин, 12 апреля 1953 г.

«Как-то не так давно у нас в клубе выступал Мордвинов. Читал из Горького «Макар Чудра». Здорово делал он! В зале была — гробовая тишина».

К художественному чтению Володя был равнодушен еще и потому, что сам был чтецом и работал в жанре конференса в художественной самодеятельности института. Это началось еще с интерната. По свидетельству Б. Шумеева, звезда Скалкина впервые высоко поднялась 5 ноября 1952 года

на вечере в клубе института. Там его чтение отрывка из «Знаменосцев» Гончара привело всех в восторг.

Много ли нужно человеку для ощущения полноты жизни?! Увы, много. Нужна молодость и прилагающиеся к ней нерастраченное здоровье и вера в будущее. Все это было у моих героев. И, кроме того, в их студенческой жизни были «вечные вещи». Во-первых, *вечная еда* — вершимель, картошка, тушенка. Да еще чай с сахаром. Жить можно! И во-вторых, *вечная проблема* — где и у кого одолжить денег до стипендии? При этом из скудного бюджета регулярно выделялись деньги на театр, концерты, кино и музеи. Искусство жизни — это искусство экономии. Кто тогда думал о диете? Диета сама думала о них и конкурировала с гастритом. Жить можно!

И все же представить жизнь курсантов ВИИЯ как уверенное, неустанное восхождение на вершину горы нельзя. Молодые ребята были не железные. Уставали от напряженной учебы и монотонного казарменного распорядка жизни. Порой случались серьезные перепады настроения. Очень тосковали по Одессе, месяцы и дни считая до летних каникул. «В Москве хорошо, а в Пале Рояле¹ лучше!» И мой герой Владимир Скалкин переживал депрессивные состояния. Он называл это «кризисом пустоты». То личная жизнь давала сбои, то терялся смысл жизнь. Все это накладывалось на общую, достаточно гнетущую обстановку в стране, в столице особенно. Вспомним, именно в то время, с 1952 по 1953 год, прокатилась по стране последняя мощная волна сталинских репрессий («дело врачей», «Ленинградское дело»), «борьба с космополитами»). Запахло атмосферой 37-го года. После смерти Сталина, в 1953—55 годах обстановка была неопределенной. Общество как будто замерло в ожидании политического разворота. На верху шла подковерная борьба, изменения накапливались медленно. В переписке об этом ни слова. Ребята знали, что такое цензура — учились в режимном заведении. Впрочем, в письмах Скалкина мы находим кое-что, что позволяет определенно считать, что за три года пребывания в институте он значительно повзрослел, его мозг созрел для больших энергетических затрат. Он почувствовал вкус к интеллектуальной работе. В нем проклевывался интеллигент, который очень чувствительно реагирует на «разность температур» внутри и во внешней среде. Его стала раздражать казарма как символ несвободной жизни. Это свое состояние он передал в письме своему другу:

Скалкин — Позднякову, 8 марта 1954 г.

...Чувствую, как бесполезно уходит время, особенно в связи с приходом нового начальства. И как всё же хочется работать. Иногда кажется, что сидел бы за работой день и ночь. Я ещё никогда не чувствовал такой тяги. «Это единственное, что мне не изменит!»². Я был бы чрезвычайно пустым и мёртвым,

¹ Пале Рояль — знаменитый одесский дворик между Оперным театром и Екатерининской улицей, где любили собираться старшие выпуски интернатцев.

² Строка из стихотворения Маяковского.

если бы не жил работой мозга, работой сердца, питаемыми общественными вопросами ЯЗЫКА, политэкономии, политики, эстетики. Живёшь тогда, когда чувствуешь, что у тебя произрастают, растут собственные мысли, которые прочно ложатся в фундамент твоего убеждения.

Наступил 1956-й — год XX съезда КПСС, радикально изменившего ситуацию в стране и мире. О реакции на это событие курсанта Володи Скалкина можно судить по его письму от 22 февраля 1956 года:

«В свободное время, которого почти нет, я посвящаю чтению материалов XX съезда. Мне очень нравится, что на нём подняты довольно серьёзные вопросы. По размаху и смелости решаемых проблем такого съезда не было, кажется, сто лет. Хотя многие экономические важные вопросы по-прежнему не затронуты, всё же это событие не может не вызвать мощный прилив оптимизма и надежды на то, что рвущаяся наружу духовная жизнь вырвется из железных рамок косности и догматизма и польётся ключом по светлому полю подлинного творчества. ...Если б эти речи повели за собой хоть какие-нибудь практические меры!»

Обратите внимание: последнее предложение обнаруживает скепсис 24-летнего В. Скалкина в отношении способности власти на кардинальные изменения. По аналогии я вспоминаю себя, 35-летнего, захваченного бездумным восторгом в первые два года «перестройки».

В это время В. Скалкин серьезно увлекся политэкономией социализма, усиленно ею занимался и даже думал о том, чтобы написать большую работу. В том же письме читаем:

«Я рад одной подробности. Недавно как раз я поспорил с одним преподавателем относительно продуктового обмена, выдвинутого в известных «Экономических проблемах» (Речь идет об «Экономических проблемах социализма» И.В. Сталина. — Г.Г.). Я, помню, сказал, что продуктообмен — это крайне нереальная и теоретически неправильная вещь, отдающая каким-то крестьянским социализмом.

Но мне возразили со всей силой: Как? Какой может быть разговор!!

И вот я читаю в материалах съезда резкое осуждение этой пресловутой концепции продуктообмена. У меня тянется спор с моими преподавателями по причинам наличия товарного производства при социализме. Это очень важный вопрос, даже клубок вопросов. Он затрагивает всю теорию перехода к коммунизму. Образование единой госсобственности — дело 2-3 пятилеток. Но нужно быть идиотом и слепым, чтобы требовать уничтожения финансовой системы и товарного производства после слияния собственности, но когда коммунизм ещё не наступил.

Моя мысль базируется на той очевидной гипотезе, что существование одной формы общественной собственности ещё не означает наступление коммунизма

и само по себе не влечёт необходимости перехода к коммунистическому принципу распределения.

Правда, имеются серьезные возражения Маркса против необходимости товарного производства при социализме, который говорит, что деньги будут заменены квитанциями, справками. Но мне кажется, что при данных условиях, при данном уровне производительных сил и характере производственных отношений — все эти справки и квитанции неизбежно обретут все функции денег и будут совершать, как и деньги, обращение.

Вот вкратце моя «теория». У меня нет времени написать работу на эту тему, да и преподаватели мне не рекомендуют этого делать».

Здесь я должен сделать одно важное отступление. Когда я ознакомился с перепиской Е. Позднякова со своими друзьями Б. Шумеевым, В. Скалкиным, К. Кондратьевым, то обратил внимание на то, что в письмах отсутствует «политика», не высказывается отношение друзей к важнейшим социально-политическим событиям в СССР 50-х годов. «Это принятая Вами и Вашими друзьями осторожность или что-то еще?» — задал я вопрос Е.А. Позднякову в письме от 28 января 2012 г.

«Да, в нашей переписке не было политики, — отвечал мне Евгений Александрович (02.02.2012), — а были события нашей жизни: каждый рассказывал, что с ним произошло в последнее время, чем занимался, чего добился, как дети и т.п. Дело в том, что политики (в нынешнем понимании) в нашей юности и молодости не было: мы родились и вырастали в советской системе и воспринимали её как данность. Детьми мы прошли муки военного времени (оккупация, эвакуация) и вместе с большинством людей испытывали гордость за победившую страну и, как нам твердили, систему, благодаря которой эта победа была достигнута. Поэтому мы стремились быть активными пионерами, а потом и комсомольцами. Скалкин избирался в комсомольский комитет школы, а в последний год учёбы был его секретарём. В письмах после выпуска интернаты с гордостью сообщали, что кого-то из них выбрали в комсорги или членами курсового или факультетского комсомольского бюро — это считалось доказательством того, что интернат привил нам качества, вызывающие уважение и доверие.

Но потом основное внимание переместилось на учёбу, работу, а всякие комсомольские и партийные обязанности начали восприниматься нами как неизбежные нагрузки, бестолково забирающие время. Я, например, на 3-м курсе ОГПИИЯ (вуз, который позднее стал ф-том романо-германских языков ОГУ) с трудом отбил от настойчиво предлагавшейся мне должности освобожденного секретаря комитета комсомола института, для чего мне нужно было перейти с очного отделения на заочное. Но зам. Секретаря меня всё равно оставили (ребят в институте было мало, а для преобладающего большинства студентов т.н. общественная работа явно была в тягость!). Позднее в письмах я мог

сообщать, что работал агитатором (во время т.н. «избирательной» кампании), но это была скорее скрытая жалоба на дополнительную занятость, чем выражение гордости.

«**Осторожность**», о которой Вы пишете, у нас, конечно же, была, причём с самых ранних лет — этому нас прямо или косвенно учили все взрослые, а не только родители и родственники. Но порой эти уроки забывались или не учитывались. Я как-то поставил на институтской сцене отчетно-выборное комсомольское собрание учебной группы — действие шло всего 4-5 минут, столько, сколько обычно и шло это проходившее после занятий мероприятие, где студенты-комсомольцы, проделав необходимые по ритуалу действия (отчет группорга, оценка, выборы нового), стремились поскорее «смотаться» по своим делам. Я ставил сценку с благими намерениями, желая подвигнуть членов ВЛКСМ к более серьёзному подходу к своим обязанностям, о чем и сказал перед началом «скетча». Но потом один из членов парткома, встретив меня в коридоре, отвёл в сторонку и сказал со значением: «Сатиру на комсомольское собрание давать не надо было...». Правда, в парткоме, видимо, решили не раскручивать это дело, чтобы и себя не подставлять — как же это ОНИ пропустили ТАКОЕ!

Одноклассник Скалкина Вадим Сторожко, который вместе с В.Л. в 1952 году поступил в ВИИЯ, вспоминает: «На занятиях по английскому языку <в ВИИЯ> случился спор между мной и преподавателем, в ходе которого преподаватель в защиту своей точки зрения сослался на «Краткий курс истории ВКП(б)». Я, в свою очередь, ответил, что «История ВКП(б)» — это еще не история, а лишь учебное пособие. Не успела закончиться пара, как меня тут же вызвали к начальнику политотдела, и... пошло-поехало. Спас от неминуемой расправы мудрый и добрый человек — начальник педагогического факультета полковник Макаров. Он вызвал меня в свой кабинет и сказал: «Ты еще молод и многого не понимаешь. Поэтому мы тебя прощаем и оставляем в институте. Иди и больше подобных вещей не смей говорить, иначе погибнешь».

Воспринимая с юных лет советские и партийные ритуалы как реальность жизни, мы в письмах, как и все, поздравляли друг друга с 1 мая и 7 ноября (это ведь были и наши праздники с детства!), но больше никак не касались системы, тем более критически. Разумеется, недостатки системы мы видели, но в молодые годы считали их не врожденными пороками, а именно недостатками, которые могут быть постепенно изжиты. Ядерные и космические достижения страны, несомненно, влияли на такой подход. Нам казалось, что больше всех потрепанный во 2-й мировой войне СССР быстро догоняет капстраны. Но к концу 70-х, когда из Москвы в соседние области пошли «колбасные» электрички, а в других областях люди «умирали» в очередях за костями, когда всеобщий, часто искусственно создававшийся дефицит порождал систему «ты мне — я тебе», когда партократия стала явным паразитом на теле народа, наши иллюзии улетучились, как, впрочем, и у всего этого самого народа. Но в наших письмах, которые отправлялись за рубеж, где кто-то из нас работал, или оттуда, мы продолжали, как Вы сами смогли убедиться, придерживаться

событийного стиля изложения. Иногда что-то проскакивало, как, например, в письме К. Кондратьева 24 апреля 1981 года:

**У нас сегодня снег и Пасха на носу,
Мы бегаем кругом и ищем колбасу!**

Да и это была не столько критика системы, сколько жалоба другу на известные ему прискорбные обстоятельства, в которых приходилось жить другим.

Как и многие, мы ворчали, иногда зло, в беседах «на кухне», но диссидентами не были и, видимо, быть не могли. Причины очевидны. С интерната мы были «заточены» на успешную работу в выбранном поприще, и каждый к «полтиннику» смог достичь весьма неплохих результатов и собирался — в рамках становившейся всё более противной, но привычной и хорошо уже изученной системы — достичь еще большего».

Е.А. Поздняков сказал мне, что Владимир Львович оставил свои занятия политэкономией социализма, когда убедился в ее теоретической несостоятельности. Мне трудно об этом судить. Скажу только, что его увлечение политэкономией не прошло даром: Владимир Львович легко понял то, что осталось за пределами разумения профессионального экономиста Е. Гайдара и прочих реформаторов, грезивших о «народном капитализме». На одном личном сайте одессита, ныне живущего в Германии, под датой 10 февраля 2010 года выложен рассказ, похожий на притчу. Автор сайта озаглавил его «Все украдут». Вот он:

«Я вспомнил один доперестроечный кухонный разговор. Под конец 70-х годов становилось ясно, куда идем, конвергенция, то, се; не думали только, что так скоро. Участники разговора — моложавая фронда, интели такие, знаете. Тема — как рынок привнесет гармонию в наше Зазеркалье.

А был у нас за гуру циник один, уже в возрасте. Его давно нет на этом свете. Может, кто помнит пособия по английскому языку Скалкина. Профессор Владимир Львович Скалкин, да будет ему земля пухом.

И ответ у него был:

— Все украдут.

Мы: да как же, это сейчас несуну, приписки, обвешивают. При капитализме небось нет такого. А не выгодно ж будет воровать, гармония интересов и прочее.

На все наши эскапады он знай свое твердит:

— Все украдут.

И головой так качает слегка, на манер китайского болвана.

Как в воду глядел.

* * *

В 1954 году по инициативе Н.С. Хрущева начинается процесс сокращения Вооруженных сил. Коснулся он и военных учебных заведений. Примерно в июне этого года в институте прошел слух, что возможно изменение профиля института и значительное сокращение штатов. С тех пор этот слух курсировал по институту, нервируя и преподавателей, и курсантов. Особенно неприятно это было для пятикурсников: им не давали доучиться. Как это часто бывает с неприятными слухами, он подтвердился. В начале нового учебного года, в сентябре 1955 года, курсантов стали вызывать и предлагать определиться с переводом в другие вузы страны или отправиться служить в армию. Вызвали и Скалкина. Офицер сказал: «Вас, как единственного отличника среди рядовых, мы оставляем в институте».

**Из письма Скалкина из Москвы Позднякову
в Одессу 15 сентября 1955 г.**

«Институт представляет собой поле боя после сражения. Многих учебных отделений совсем нет, а я и еще пара человек представляем целые учебные группы. Например, на физ. подготовке:

— 20-е отделение!

— Я! — отвечаешь за все отделение, состоявшее из 9 человек. Вчера я весь день занимался один с преподавателем. Сначала рассказывали анекдоты по-английски, потом по-сербски.

Ребята гоняют по Москве. Ищут, за что зацепиться. В МГПИИЯ не хотят брать. Говорят, может быть, возьмем пару человек. Решили написать в ЦК, дабы разрешили поступить в технический вуз без вступительных экзаменов».

В ноябре 1955 года рядовому Скалкину приказом министра обороны присвоили звание лейтенанта, и он сменил трёхлетние кирзовые сапоги на офицерские хромовые, х/б на габардин, красную звезду на кокарду, «пустые» погоны на лейтенантские звездочки. При этом наблюдательно отметил, что «не претерпел никаких внутренних изменений, т.е. душа-то, пожалуй, осталась рядовая».

Возможность окончательного расформирования института серьезно портила ему настроение. Как гласит народная мудрость, беда не ходит в одиночку. В конце апреля 1956 года после одного из марш-бросков разгоряченный Володя ненадолго ложится на холодную весеннюю траву. В результате — нефрит, хроническое воспаление почек и инвалидность из-за гипертонии — на всю жизнь. Для человека, только-только начинающего самостоятельную жизнь, удар был поистине сокрушительный. Белый свет померк в глазах. Он пролежал в госпитале полтора месяца. «Я всегда верил в свою звезду, писал он из госпиталя Жене Позднякову (14.05.1956). — Эта неожиданная болезнь крепко поколебала мою тайную веру. Когда сейчас ретроспективно обдумываю своё прошлое, я всё больше убеждаюсь,

что почти всё, что произошло в моей жизни, явно носило печать «к лучшему». Теперь мне приходится сомневаться в этой фатальной тенденции. Правда, здесь в госпитале я физически отдыхаю и, главное, — успокаиваю свои распатанные нервы. Но если простуда почек перейдёт в хроническую стадию, я окажусь безнадёжно несчастным. Такова реальность, и я бы многое отдал бы за то, чтобы можно было, вместо этого, сказать что-нибудь более весёлое».

На этом его бедствия не кончились. Товарищ из института сообщил ему, что разгон их учреждения — факт для всех несомненный. Действительно, 15 августа 1956 года пришел приказ о расформировании института и демобилизации курсантов. Кончайте своё образование кто как может. Спасибо товарищу Хрущеву! Личное несчастье заслонило общественную драму.

Долгое лежание на больничной койке принесло пользу Володе. Постепенно он «перезарядился». Он отвратился от жизни и вновь к ней возродился. У него созрел план, и он готов был действовать в его русле. В письме Е. Позднякову (12.06.1956) он делился:

«Когда я крутился в быстром водовороте полных труда дней, напрягая ум и нервы, меня неодолимо тянуло к отдыху, мне хотелось заснуть в глубокой физической и душевной прострации, спустить воду из усталого мотора и не дышать... Сейчас меня зовёт труд, я стремлюсь к бурной жизни, мною властно овладевает желание сделать что-то значительное, что-то осязаемо-полезное. Я страдаю от безделья, мне кажется, что безвозвратно убегает время, и я уже не смогу сделать всего, что выстрадал в воспалённом мозгу за свою непонятную и сумбурную жизнь...

...У меня появилось желание приобрести маленькую печатную машинку, но она дороговата, рублей 700 стóит. Для работы она кажется мне необходимой. Я потерял веру в смысл всего, что написано моей рукой. Иной раз мне кажется, что посредством техники я смогу добиться большей ясности выражения, я уже не говорю о скорости и удобстве работы».

Он смог приобрести печатную машинку и скоро начал печатать на ней свои письма и первые научные работы. После случившегося несчастья состояние здоровья значительно ограничило его физическую активность. Поэтому сама жизнь толкала его к решению сосредоточиться на научной и литературной деятельности, к чему он и ранее чувствовал влечение. Не откладывая в долгий ящик, на лето он наметил сделать наброски к задуманному им ранее объёмному труду под названием «Проблемы политэкономии социализма», а также написать небольшую новеллу на тему переживаний и приключений преступника, голову которого пришили к туловищу собаки («Жестокая пытка»). «Только бы мне силы! — молил он. — Здоровье! Иногда мне кажется, что вот-вот меня опередят, и идеи, вынашиваемые мною годами, окажутся опоздавшими пассажирами, а, следовательно, смешными и нелепыми. Поэтому я спешу. Мне нужен год, два! Дайте мне их!». Подобно

Антею из греческой мифологии, наливавшемуся силой от соприкосновения с матерью-землей, он страстно захотел домой, в милую Одессу, чтобы там обрести новые силы и уверенность в себя. 7 июля 1956 года он пишет Жеке Позднякову:

«Пройтись по родной Дерibasовской! Съездить с другом в Аркадийскую шашлычную. Слова-то какие! Аркадия... Ланжерон, Лузановка... 10-ая станция, прошлогодняя дача Кашневой... Кашнева — не важно, дорого само место: обрыв, ветхая изгородь с калиткой, бесконечная лазурь моря... Как хороша Одесса!..

Посидеть над морем за стаканом вина... Жаль, что мне нельзя теперь ни пить вино, ни есть шашлыки. Мне можно быть только трезвым... Но разве это плохо?! Меня совершенно не трогает ТАБУ на спиртное. Видеть, дышать и созерцать, творить, переживать и волноваться — разве этого недостаточно для жизни?!

Выйти вечером на бульвар, к Дюку и лестнице, опереться на перила знаменитого выступа и смотреть в чёрную даль, где, притаившись, влагой дышит бескрайняя водная гладь... Видеть, как тихо мерцают, бегут амфитеатром окружившие гавань огни и как гаснут вдали, слившись с чёрным небом и морем...

Голова полна воспоминаниями юности, прошлого. Хорошо, когда есть у человека это «прошрое». Он богаче, и ему кажется, что больше жил... А как прекрасно жить!...»

В июле 1956 года он, еще не восстановившись, выписался из госпиталя. Ноги страшно болели, тело плохо слушалось. Комиссия приняла решение о негодности к воинской службе и комиссовала его. Московский климат ему категорически не подходил. Но нужно было доучиться. С огромным трудом добился приёма у замминистра Высшего образования по поводу зачисления на пятый курс переводческого факультета Московского государственного педагогического института иностранных языков имени Мориса Тореза (МГПИИЯ). Аудиенция была назначена на вторник, 31 июля. Была возможность перейти в МГИМО, но только на третий курс. Он чувствовал, что два года не вытянет.

Встреча с замминистра прошла успешно! К ней Владимир тщательно подготовился. Вдвоем со своим другом Борей Шумеевым они детально отработали «сценарий» беседы. С целью понять возможные возражения и найти контрдоводы Володя несколько дней просидел в приемной ректора МГПИИЯ и узнавал от просителей, какие вопросы задавал им ректор и на каких основаниях им отказывали в переводе. Когда во время встречи высокий министерский начальник один за другим стал приводить официальные резоны, по которым он считал невозможным перевод сразу на пятый курс в Московский институт иностранных языков, Скалкин на каждый из них доставал из объемистого портфеля один за другим документы, опровергающие эти доводы. После чуть ли не пятнадцатой бумажки замминистра сдался. Победа!

Свой 24-й день рождения 15 ноября Володя отметил вместе с другом Борей весьма скромно и невесело. Пошли в кафе, заказали себе рислинг. Выпили. Помолчали. Скалкин предложил отчитаться за прожитую жизнь. Отчет был краток.

1. В области политической — достиг оппозиции.
2. В области финансово-экономической — полная стабильность.
3. В области моральной — полный цинизм.
4. На общественном поприще — достиг всего, что может достичь человек:

- лейтенант в отставке;
- инвалид 3-й группы;
- пенсионер.

Возвратившись в Москву после каникул, он вновь становится студентом, но уже гражданского вуза. Но это уже не восторженный юноша, готовый безропотно внимать и впитывать как губка. У него выработался свой взгляд на программу и методики преподавания языков. От этого времени сохранилось его письмо, помеченное 18 октября 1956 года. В нем есть такие строки:

«Газета «Московский комсомолец» от 13 октября в статье «На переднем крае» (под рубрикой «Навстречу к фестивалю») приводит слова, якобы сказанные мною на комсомольской конференции в институте. В этой извращенной фразе сохранилась лишь одна моя мысль о том, что однобокость в преподавании, например, литературы, когда студенты хорошо знают Диккенса и ничего не знают о современных английских писателях, очень вредит кругозору переводчика, затрудняя его лингвистическую работу. Но главная мысль моего выступления состояла в том, что институтские программы должны быть разгружены и перестроены: нужно выбросить кучу теоретических дисциплин, усилив за их счёт практику языка».

В августе 1957 года В.Л. Скалкин по распределению жены Тамары едет в Куйбышев (ныне Самара), где в пригороде преподает английский и заведует местным домом культуры. Вот где пригодился его интернатский и институтский сценический опыт! В письмах друзьям из российской глубинки Володя описывает свою жизнь в иронических и сатирических тонах. Именно тем временем следует датировать его первые литературные опыты, поскольку они претендуют на литературу (Скалкин 2008а: 261—266).

Чтобы пополнять свой скромный бюджет, Скалкин подрядился читать лекции по линии общества «Знание». Об этом с присущей ему иронией он писал:

«Только сейчас я понял, насколько разносторонняя моя натура, какие нераскрытые возможности таились в ней под спудом! Конечно, врожденная скромность моя еще не позволяет мне объявить себя гениальным, но по существу, друзья мои, это же так! Не будем лицемерить! Лучше давайте

проанализируем мою тематику: «Баллистическая ракета», «Международное положение», «Цветут сады весенние» (в помощь садоводам, по заказу Зелентреста), «Хороший тон». Кроме того, я приступил к написанию лекции «Воспитание ребенка в семье алкоголика».

Как бы там ни было, приятно сознавать себя полезным членом общества. Я имею в виду общество по распространению политических и научных знаний.

г. Куйбышев, октябрь 1957 г.»

* * *

Через два года после расформирования ВИИЯ, в 1958 году, заново создается факультет, а в мае 1963 года постановлением Совмина СССР на базе факультета воссоздается Военный институт иностранных языков. После распада СССР Указом Президента РФ №1523 от 20.07.94 был создан Военный университет Министерства Обороны (ВУМО). ВИИЯ вошел туда в качестве факультета иностранных языков и зарубежной военной информации. Его выпускники честно служили Родине, ныне рухнувшей, разворванной, униженной и оболганной. Вот что пишет его выпускник 1980 года Сергей Староверов: «Попав однажды в это сообщество, мы все, как в огромном котле, варились и продолжаем вариться, независимо от того, вышел ты в запас или продолжаешь носить погоны, сменил ли ты специальность и профессию или по-прежнему зарабатываешь на хлеб трудом толмача. Приехав куда-нибудь на край земли, даже не в служебную командировку, а уже «на отдых и лечение», ты и сегодня можешь встретить человека, которого не видел пять, десять лет, четверть века...» (Староверов 2013). Логично, что выпускники ВИИЯ разных лет создали в Интернете свой Клуб Товарищей Военного Института Иностранных Языков Красной Армии, где они ведут огромную работу не только по сбору воспоминаний бывших выпускников, но и по аналитике современного положения России в мире. Есть там информация и о В.Л. Скалкине.

Где-то на рубеже 70-80-х годов в ВИИЯ наступили большие перемены. Снизилось качество преподавания и учебы, развилась коррупция, институт стал прибежищем для сынков высокопоставленных чиновников, «золотой молодежи», как следствие, резко изменился моральный климат, упала дисциплина. ВИИЯ стал элитарным вузом в худшем смысле этого слова. Выпускник 70-х годов, живущий ныне в Миннесоте (США), Юрий Скрипников вспоминает: «Чтобы представить себе состав западного факультета можно взять для примера мою языковую группу. Начнем по порядку — мой хороший приятель, Андрюша Латеев. Отца нет, дядя — генерал-полковник. Сережка Войчак — сын погоревшего разведчика. Толик Борисов — сын партийного босса. То же самое Мартынов. Сашка Никитин, сын тренера сборной СССР по водному поло. Гера Акопян — сын генерал-лейтенанта, профессора, военного историка. Климович — сын генерала. И так далее. И, наконец, я. Сын отставного майора авиации. Сам по себе, как кот Матроскин» (Скрипников 2001).

Я поинтересовался, что думает о воспоминаниях Ю. Скрипникова и других выпускников ВИИЯ 70-80-х годов Е.А. Поздняков. Ощущается ли поколенческая разница, не выветрился ли дух 50-х годов вместе с нашествием в институт «сынков»? Он мне прислал ответ из Москвы в письме от 14 марта 2013 г.:

«Я думаю, что разница между СССР начала 50-х и 70-х очевидна и без воспоминаний Скрипникова. Почему я говорю об СССР, хотя Вы спрашиваете о ВИИЯ? Потому что вооружённые силы (включая военные училища) таковы, какова сама страна в определённый период своей истории. В последние десятилетия мы в этом убедились ещё раз. Конечно, контингент слушателей ВИИЯ был уже не тем, что во времена Скалкина, Шумеева и Кондратьева. В конце сталинского правления элита ещё побаивалась открыто пристраивать своих чад в ведущие институты и на златные должности. Через 20 лет это стало правилом. Так что разница между виияковскими поколениями была неизбежна. <...>

На сайте Клуба ВИИЯ сейчас достаточно много воспоминаний выпускников 1975—85 годов. Меня в них поражало постоянное упоминание многочисленных пьянок и в институте, и на службе. Потом «вспомнил»: пьянки в брежневскую эпоху были неизменным атрибутом повседневной жизни. Приезжавшим в провинцию начальникам местные подчинённые были «обязаны» устраивать банкеты, парилки с девочками, и т.п. Из провинции в Москву к решающим обычные производственные вопросы людям полагалось приходиться с атташе, набитым бутылками армянского коньяка и другими «вкусностями». Коррупционные «расценки» росли с каждым годом. Впрочем, вы и без меня всё это знаете.

Геронтократы у власти с этим совсем не боролись. В конце 60-х Громыко попытался сделать своего 35-летнего сына Анатолия послом. И где — в Лондоне! Создал для этого нужную ситуацию. Но в то время он не был ещё «всесильным». Толя отсидел год на должности замглавного редактора в нашей редакции, потом перевёлся в Институт Африки, защитил докторскую и стал там директором. Такое ощущение, что институт для него создавали. Став генсеком, Андропов сосредоточился на дисциплине работников и служащих, а не на мздоимстве во всех сферах, особенно в торговле. Наша нынешняя коррупция — из тех времён. Советская власть сгнила из-за неё. Дэн Сяопин у нас не появился. Пофигизм сынков и дочерей элиты (одна Галина Брежнева чего стоит!) не мог не распространиться на всё население».

Думается, что почва для социального предательства стала возделываться еще в 50-е годы, а качественный перелом наступил в 70-е при другом поколении, «поколении пофигистов». Любопытно, что в начале 50-х годов будущий кинорежиссер, сын знаменитого детского писателя, баснописца и гимнописца Сергея Михалкова шестнадцатилетний Андрон приобщился к компаниям таких же, как он, молодых оболтусов из «золотой молодежи». В компании эти, по его словам, входили в основном студенты Института международных отношений, Института военных переводчиков и Института востоковедения

— все будущие «белоподкладочники»¹, работники МИДа (Кончаловский, Липков 1998). Как говорится, разница в устремлениях и образе жизни имеет значение. Пока Скалкин со товарищи перебивались с хлеба на картошку и спешили на спектакль в театр Советской Армии, Андрон Михалков умирал от зависти к галстукам пижона, сына разведчика-нелегала, впоследствии переводчика Хрущева и Брежнева Виктора Суходрева и проводил время в ресторанах с иностранцами. Много лет спустя в своих мемуарах «Низкие истины» он, не стесняясь, откровенно признался в зависти к западной жизни с молодых ногтей. За иномарку готов был душу дьяволу продать. Первый раз побывав на Западе в 1962 году, он, по его словам, «вернулся обожженный Западом». Действительно, дети советской высокопоставленной номенклатуры «подгнили» еще в Москве, общаясь с иностранцами и ошиваясь вокруг магазинов «Березка», а когда получили возможность свободно курсировать по загранице, то уже «с потрохами» принадлежали Западу. При этом никакие глубины западного духа их не захватывали; они намертво припали к не доступному для советского человека ширпотребу и антуражу. Их чадолюбивые родители, воспитанные в аскетическом духе, вполне могли бы удовлетвориться советскими привилегиями для начальников, но их дети алкали большего. Кстати, а чего «алкают» сегодняшние «дети»? Неужели их влекут высоты западного духа? Флаг им в руки!

Когда читаешь переписку курсанта Володи Скалкина и его друзей времен учебы в ВИИЯ, то возникает образ вечно голодных и максимально загруженных учебой и внеклассными делами молодых, очень целеустремленных людей. Они рассчитывали только на взаимопомощь и взаимоподдержку в борьбе за право на достойное существование. Но рядом с ними вели существование другие люди, которых обуревали другие стимулы: как бы покрасивее «зажечь», прокатиться на иномарке, выпить на глазах товарищей бутылочку недоступной кока-колы, щегольнуть привезенными родителем из самой Америки джинсами. Толя Слюсарь и Витя Суходрев в одном бокале? Евгений Поздняков пишет: «Все мы в той или иной степени старались быть «правильными», поскольку нас во многом «взрачивали» на примерах героев Революции, Гражданской и Отечественной войны». У Андрона Кончаловского перед глазами другой пример: за стишок под названием «Светлана» его папа получил орден Ленина в 26 лет. Сталину понравилось, ведь его дочь звали Светланой. Каково? Получается, что поколение делилось на две фракции, существенно различающиеся жизненными позициями и установками. Одни переживали вместе со страной все ее ямы и ухабы, тащили «фаэтон» по бездорожью, другие ехали в нем, развалясь, да еще были недовольны маркой «фаэтона» и социальным окружением — совки! Одни грешили «тотальной необязательностью» (выражение Н. Коржавина), полной отстраненностью от советского контекста, привычкой пользоваться

¹ Белоподкладочник — термин, относящийся к дореволюционной России, возник после введения университетского устава 1884 г.; это студент из богатой, аристократической семьи, презрительно относившийся к демократическому студенчеству.

привилегиями высокопоставленных родителей, другие жили по расписанию, ходили в униформе, надеялись только на себя и были ориентированы на выполнение своих обязанностей. Не здесь ли классовая почва для перерождения советской аристократии, появления Горбачева и, в конечном счете, развала страны?

Присвоив общенародную собственность в 90-е годы, номенклатура выполнила «социальный заказ» своих детей. А как же с бедностью народа, которая стала просто кричащей в результате приватизации страны кучкой чиновников и бандитов? Ну, это специфика русской жизни. Что поделаешь... Как сказал ельцинский министр иностранных дел А. Козырев, без дачи на лазурном берегу Франции человеку остается только прозябать и завидовать. Вот так они мыслят свое счастье. Но когда их оборзевших детей будут вытаскивать из дорогих авто и разбивать им головы о камни мостовой, кто будет виноват? Неужели Ленин и большевики?

Однокашник Скалкина по школе-интернату и ВИИЯ журналист-международник из «Известий» Карл Кондратьев (кличка Папа Карло) писал в начале марта 1978 года из Джакарты: «В декабре, решая некоторые проблемы, я чуть не отдал богу душу — слишком много ответственности за всё вложил в нас интернат. Нас нельзя сломить, но, к сожалению, мы не из стали! Трудно смотреть на что-либо не интернатскими, не советскими глазами, а закрывать их навек ещё рано! Вкалываем и будем это делать, пока дышим!»

Он умер в 1983 году за неделю до своего пятидесятилетия, оставив жену и двух маленьких детей. «Папы Карлы» не смогли справиться с разложением, которое охватило и верхи, и низы, не смогли на себе вытянуть весь этот груз, надорвались. Поэтому мы продолжаем жить в «совке» после «совка». Только без идеалов и ценностей.

Обыватели были, есть и будут всегда. Но пока они не доминируют, пока человеческое стадо имеет вожаков, которые держат общую цель и контролируют ситуацию, государство как политическая организация общества сохраняет свою историческую форму. А у нас, к нашей беде, над стадом возвышалась партократическая пирамида, и главный партокрот, по иронии истории тоже Ильич, говорил своему советнику А.Е. Бовину: «Саша, ты мне объясни, что такое конвергенция, а я тебе расскажу, что такое бордовая дичь».

Не так называемые «научные теории» определяют подлинность человеческого существования, а лежащая в основе реальности и, как правило, не обсуждаемая вера — убеждения и верования мифологического свойства. Человек пребывает в вере, не обязательно религиозной, которая проистекает из самого глубокого слоя архитектоники его сознания. Если вера разрушена, он пребывает в сомнении или, что то же самое, в неопределенности. Сомнение терзает, разъедает, обессиливает, парализует волю. В таком состоянии человек не способен на решительные действия. Если в этом состоянии пребывает целое общество или народ, то он утрачивает жизненную перспективу. Подозреваю, что все наши евроинтеграционные мечтания

порождены именно этим беспокойством, то есть кризисом национального духа.

Как отмечал Х. Ортега-и-Гассет: «Вера не является операцией интеллекта, а есть функция живого организма как такового, состоящая в ориентации поведения и действия человека» (Ортега-и-Гассет 1997: 438). Речь идет о наборе мифов, из которых, как из блоков, выстроено сознание человека. Мифы в своей совокупности образуют базовую структуру социального сознания массового человека. Например, западный обыватель пребывает в демократическом мифе, как муха в сахарной патоке. Советского человека как исторический тип так же конституируют его убеждения и верования. Каковы они? Тема большая, выходящая далеко за рамки этой книги. Но несколько штрихов необходимы. Советский человек пребывал в веровании о народном характере советской власти. Власть не была отчуждена от советского человека. Более того, ею проникнуты все уровни и поры его существования. Пример: жена идет жаловаться на неверного мужа в партком. Однако тотальность власти не пугает, скорее раздражает своей назойливостью. Советский человек «знает» как находить с ней «консенсус». Он знает правила игры. Он действует в коллективе и через коллектив.

Советский человек разуверился в советском мифе. В этот корень кризиса позднесоветского общества. Отсюда настроения скептицизма, разочарования, пофигизма, характерные для того времени. Кризис морального сознания советского человека наступил на почве сомнения в пользе труда для жизненного успеха. «Совок» всю жизнь «тянет лямку» и не видит горизонта блестящей жизни. Фильмы-сказки, в которых киногероини Любви Орловой ткачихи, трактористки и почтальонши всходили на вершину жизни, уже никого не впечатляли своей мифической правдой. Серый, безрадостный быт советской жизни, что называется, «достал». Он не выдерживал никакого сравнения с блестящей рекламной картинкой западного образа жизни. Фильмы «Маленькая Вера» (лидер проката 1988 года), «Интердевочка» (один из лидеров кинопроката 1989 года) имели колоссальный успех именно потому, что обозначили нерв этой позиции. «Интерша» (валютная проститутка, обслуживающая иностранцев), светская львица, жена олигарха, королева подиума, кинодива, телезвезда — вот далеко не полный список статусных женских «профессий», о которых ныне мечтают девушки чуть ли не с пеленок, пребывая в постсоветском буржуазном мифе.

...Видимо, советское общество достойно своей судьбы, поскольку его обыватели, узрев в западном супермаркете 20 сортов пива и 30 колбасы, решили, что коммунизм там уже построен, а коммунисты из зависти назвали его капитализмом. Другого представления о коммунизме замученные очередями и материальными трудностями советские люди в массе своей не выработали.

Известный бард Александр Дольский поет:

О, как я хочу в ту Империю зла,
что столько хорошего мне принесла...
О, как я скучаю по эсэсэсэру,
где все воровали, но в меру...
О, как бы хотел я вернуться назад,
где прямо под окнами был детский сад...

Мы не мечтаем о возврате в СССР не только потому, что это утопия: мы помним о лжи того политического строя, который застали в период брежневизма, мы знаем о беспримерной жестокости сталинского режима. Думается, и бард, несмотря на ностальгию, не желает совершить путешествие во времени. Но нам понятен смысл его строк: он говорит о современной лжи, которая прикрывается и оправдывается негативом советского прошлого. Нам ясно, что уход от советского социализма был не в лучшую сторону. Нам на нашем примере очевидно, что мы попали в приготовленную нам ловушку. Уходя от советского социализма, мы хотели гуманного, цивилизованного общества, а нам «втюхали» дикий капитализм с национальной спецификой. Вы хотели свободы? Получите и не жалуйтесь! Большая кража — вот что такое по сути наш рывок в «свободу». Украли все, даже детские сады и пионерские лагеря.

Вот что пишет академик Т.И. Заславская: «По сравнению с советским временем, структура стратификационного пространства России существенно изменилась, однако оно не стало многомерным и сбалансированным. Решающая роль в нем принадлежит тесно сросшимся друг с другом осям богатства и власти, в то время как личные способности, уровень квалификации и профессионализма людей играют второстепенную роль. Разительно увеличилась дифференциация доходов. В начале 1980-х годов разница в уровне денежных доходов составляла немногим более двух раз. В современной же России оно составляет 7—9 раз, что приравнивает ее к отсталым странам Африки. Разрыв в доходах полярных социальных групп, по экспертным оценкам, составляет не менее 20—25 раз. Сословный принцип, по которому делилось советское общество, все в большей степени вытесняется классовым, основанным на распределении частной собственности. Две трети россиян кое-как приспособились к новым условиям, в том числе 15—20% — полностью, а 45—55% — в основном. Однако в большинстве случаев их адаптация носит вынужденный, а не добровольный характер; происходит на базе нисходящей мобильности и ведет к сужению индивидуальной свободы» (Заславская 2004: 113—114). Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Г. Померанц писал: «Человечество вечно колеблется между «иметь» и «быть», между вертикалью духовного взлета и горизонталью «мирского». И каждый принцип только на время достигает господства. Он воцаряется, чтобы поцарствовать — и потерять престол» (Померанц 2003). Самое большее, пройдет два поколения, и им на смену придут «русские мальчишки», которые поставят своей целью уничтожение «старого мира». То есть того мира, в котором мы живем сейчас.

3. В.Л. СКАЛКИН ПО ВОСПОМИНАНИЯМ УЧЕНИКОВ, КОЛЛЕГ И ДРУЗЕЙ

Только вернувшись в Одессу, Владимир Львович стал осуществлять свое призвание. С 1958 по 1961 год он работал преподавателем английского языка в родной школе-интернате №2. Одновременно руководил школьным драматическим кружком. В 1961 году Скалкин стал работать на Одесских государственных курсах иностранных языков (Чкаловских). В 1962—73 годах он был завучем этих курсов, а директором служил его друг С.И. Аппатов (в будущем — доктор исторических наук, профессор).

О том, какова была репутация Владимира Львовича среди учеников, дают представление отрывки из писем Ларисы Макаровой, выпускницы 1964 года. Она окончила девять классов школы-интерната в 1964 году, затем техникум и иняз Ужгородского университета. Уже 30 лет живет в Чикаго, занимается журналистикой. Письма адресованы руководителю музея школы-интерната №2 Л.С. Сытой.

10.11.12

«...Я тебе про Скалкина могу рассказать — он после нашей школы преподавал на курсах иностранных языков, и я у него уже после школы доучивалась там, по его же учебнику. Он — удивительный педагог, особенный. Когда я не прошла по конкурсу на иняз Одесского университета, Скалкин записался на прием к ректору меня защищать. Но мама отговорила его идти — я поступила в Ужгородский университет. Кто я ему? Но ему стало обидно, что лучшая его ученица была срезана».

12.11.12

«...Я тебе скажу: насколько педагог Скалкин был популярен у нас в школе, настолько он был популярен и на трехгодичных курсах иностранных языков. Учились там, в основном, взрослые люди, это я была еще соплячкой школьного возраста. Все были заинтересованы получить хорошие знания языка.

Как ты понимаешь, он там преподавал не один, курсы были самыми популярными в городе в то время (они давали диплом почти университетский — с правом преподавания и работы переводчиком). По количеству часов по специальности профилирующий цикл в чистом осадке равнялся университетскому, если вычесть марксизм-ленинизм, литературы всяких народов СССР и политические дисциплины). Так, я к чему: на этих курсах занятия велись 3 раза в неделю по 2 пары — вечерняя форма обучения, преподавателей было много. Но попасть в группу к САМОМУ СКАЛКИНУ!!! Мечта каждого курсанта... Да, и поступить на курсы было очень сложно, в основном, поступали по знакомству. Меня-то он просто за руку привел в свою группу — школьная солидарность. Но другие слушатели просто нахально приходили на его уроки от других учителей, садились сзади на парты и явочным порядком слушали его объяснения.

специалистов по методике преподавания английского языка, плодовитым ученым, профессором (с 1988), заведующим кафедрой иностранных языков гуманитарных факультетов ОГУ (1987—1993).

Его «коньком», безусловно, были учебники. В Одессе шутили: «Учишь английский по Скалкину или как?» Сам Владимир Львович по этому поводу высказался так: «Необходимость совершенствования всего вокруг привела меня к написанию учебников. Три четверти миллиона экземпляров моей продукции заполнили книжный рынок. Одно из пособий стало настолько популярным, особенно среди лиц особых устремлений, что за один экземпляр книги платили 80 рублей с рук. Диссертации, которые писал автор, отвлекали его от процесса». [«Лица особых устремлений» — это граждане, стремившиеся покинуть СССР. — *Авт.*].

Первое его учебное пособие «Упражнения по разговорному английскому языку» было издано в 1965 г. в изд-ве МИМО тиражом 60 тыс. экз. На момент защиты кандидатской диссертации он, провинциальный специалист, имел уже на своем счету восемь (!) учебных пособий, изданных многотысячными тиражами в ведущих издательствах Советского Союза «Просвещение» и «Высшая школа». Надо знать, какие жесткие требования предъявлялись к авторам учебников в СССР, чтобы по-настоящему оценить это достижение. На защите докторской в Москве в 1987 году его оппонент известный психолог А.А. Леонтьев-младший сказал: «Что мы тут обсуждаем? Да на учебниках Владимира Львовича мы все выросли и научились говорить по-английски!»

Всего профессор Скалкин издал до полутора десятков учебников и учебных пособий. Профессионалы особенно ценили его «English for Adults» («Английский для взрослых»). Показателем качества этой учебной литературы является тот факт, что и спустя много лет после смерти В.Л. Его учебники переиздаются¹. Есть и отдельные статьи, опубликованные много лет спустя после его смерти, свидетельствующие об актуальности его научного и методического наследия (Скалкин 2008б).

Второе направление деятельности Владимира Львовича — это педагогическая работа. Настоящий Учитель. Мастер. Из своих аспирантов он лепил специалистов высшего класса. Ученик Скалкина — звучит весомо. Когда он умер, осиротели сразу восемь аспирантов. В ноябре 1987 г. Скалкину исполнилось 55 лет. В свойственной ему шутливой манере он дал себе характеристику. В частности, отмечал, что когда-то с интересом перелистывал «Плейбой», а сейчас регулярно читает журнал «Здоровье». Тут Владимир Львович явно лукавил. На самом деле он и в этом возрасте часто увлекался, влюблялся, подпитывался энергетикой романтических чувств. Ему это было нужно для жизненного тонуса. Любил хороший коньяк, умную беседу и интересных женщин. Впрочем, здесь он не был оригиналом. Кстати, на вопрос об идеале

¹ Для примера приведу два издания — московское и киевское: *Скалкин В.Л.* Коммуникативные упражнения на английском языке. — Москва, 2003; *Скалкин В.Л.* Обучение диалогической речи. — Киев, 2004.

женской красоты он ответил: «Надежда Чепрага, Мая Чибурданидзе». Поскольку первая, певица, — очевидная красавица, а вторая, многократная чемпионка мира по шахматам, — очевидная умница, то его ответ следует понимать так: женский идеал Владимира Львовича — красавица, НО умная. Утопичность — свойство всех идеалов.

В.Л. Скалкин — выдающийся лингвист, английский филолог и педагог. Но, прежде всего, он был талантливый, недюжинный, масштабный человек. Стопроцентный одессит, отличительным признаком которого является легкость в общении. В жизни его отличали юмор, самоирония в сочетании с трезвым, острым взглядом на вещи и твердой нравственной позицией. Впрочем, лучше об этом знают его аспиранты и товарищи. Ниже приводятся авторские беседы с некоторыми из них.

Наталья Владимировна ВАРЕШКИНА¹:

— Я узнала о Владимире Львовиче еще до знакомства с ним, когда посещала Чкаловские курсы иностранных языков до поступления на РГФ. Он у нас, к сожалению, не вел никакого предмета, но мы учились по его учебнику, и я знала, что он заместитель директора курсов. Познакомились мы с ним непосредственно, когда он стал заведовать нашей кафедрой. Я после окончания РГФ стала работать лаборантом и преподавателем с почасовой оплатой на кафедре преподавания иностранных языков факультетов. Тут была такая история. До этого он заведовал кафедрой фонетики. Но приехала очередная комиссия из Москвы и указала, что доктор педагогических наук, защитившийся по методике преподавания, заведует кафедрой фонетики, а профессор Нушикян, всю жизнь изучавшая фонетику, заведует кафедрой преподавания иностранных языков. Приказом их поменяли, и Владимир Львович стал нашим заведующим. Я вела протоколы заседания кафедры. Но не так скупое, как обычно, а развернутые, подробные, целые сочинения. Владимир Львович всегда хохотал, читая мои протоколы, говорил: «Наташа, на что Вы тратите свой литературный талант?» и спрашивал меня: «Наташа, почему Вы не растете над собой!» И я задумалась, пришла к нему и сказала: «Владимир Львович, Вы сами меня подталкиваете расти над собой. Я хочу в аспирантуру». Он говорит: «Ну, да, конечно. У меня много желающих». А я тогда говорю: «А если Вы меня не возьмете, я тогда

¹ ВАРЕШКИНА Наталья Владимировна, в 1981 окончила факультет романо-германской филологии Одесского государственного университета им. И.И. Мечникова. С 1988 по 1991 обучалась в аспирантуре под руководством проф. В.Л. Скалкина. С того времени круг научных интересов — педагогика и методика преподавания иностранных языков. В 1992 защитила кандидатскую диссертацию на тему «Отбор и организация словаря-минимума для обучения английскому языку на гуманитарных факультетах университета» в Киевском педагогическом институте иностранных языков. В том же году ей была присуждена степень кандидата педагогических наук.

С момента основания Одесской государственной юридической академии в 1997 и по настоящее время работает доцентом кафедры иностранных языков означенной академии. Беседа с ней состоялась 13 февраля 2013.

гордо уйду в школу и там буду расти над собой, становиться завучем, директором, а протоколы Вам больше писать не буду!» Он: «Как не будете? Я этого не переживу! Лучше поступайте в аспирантуру».

Вот такой шуточный диалог... Он ведь любил заворачивать в шутку серьезные вещи. Он действительно был мастером изящной словесности. Даже в ситуациях, не очень приятных для него, он стремился перевести разговор в юмористический план. Помню, пришла к нему одна преподавательница после декрета и говорит: «Почему Вы мне не подписываете документы? Я сейчас выйду на улицу». Он ей: «Боже сохрани! Вы сейчас выйдете на наш прекрасный, цветущий Французский бульвар». Кроме него у нас был Алик Филимонов. Когда Алик приносил на заседания кафедры гитару, а Владимир Львович расцветчивал этой действо анекдотами из жизни, это было грандиозно.

АВТОР: *А он мог быть жестким? Ведь у вас была в основном женская кафедра.*

Н.В.: Да, мог быть суровым, но никогда, как некоторые начальники, не переходил на ругань и крик. Он мог очень вежливо, но холодно дать понять собеседнику свое отношение.

АВТОР: *Он не любил любовных столкновений?*

Н.В.: Да, он был дипломатом. Недаром же он заканчивал школу юных дипломатов.

АВТОР: *Каков он был в общении со своими учениками, аспирантами? Он давал вам свободу и потом, где-то с середины аспирантского срока, брал вас «в оборот» или с самого первого курса аспирантуры плотно с вами занимался?*

Н.В.: С самого начала мы периодически встречались. Время от времени он спрашивал: «Вы эту книгу читали? (Называлось заглавие). Нет. Почему? Взять и прочитать». Или: «Почему я не вижу в ваших руках блокнот и ручку, чтобы мои умные мысли записывать и потом разрабатывать. Или: «Хорошо что вы можете печатать ту белиберду, которая пришла вам в голову. Но было бы еще лучше, если бы вы оставляли побольше места, чтобы я мог исправлять ее и делать замечания на полях текста».

АВТОР: *Какие черты характера доминировали в характере Владимира Львовича?*

Н.В.: Владимир Львович был человеком многогранным, талантливым, энциклопедических познаний. Он умел концентрироваться на главном, на профессии. Как оратор он брал своим обаянием, интеллектом, шутливой манерой. Помню, он любил фразу из Зощенко: «Требуйте долива после отстоя»¹. Он

¹ В связи с 40-летием В.Л. Скалкина Борис Шумеев прислал поздравительную телеграмму следующего содержания:

Скалкину 40 — широкая нива!
Рады Светы, Нели и Вены,
И требуют долива пива
После отстоя пены!

14 ноября 1972 года

демонстрировал мужскую манеру поведения: внешне он был человеком очень легким, не «грузил» других при том, что ему приходилось преодолевать свой недуг.

Ольга Игоревна МОНАСТЫРСКАЯ¹:

Аспиранты В.Л. регулярно защищались в Педагогическом институте иностранных языков в Киеве на улице Федорова. Огромный институт. Там был спецсовет по защите диссертаций по методике преподавания иностранных языков, состоявший из 28 профессоров со всей Украины. Естественно, членом спецсовета был и В.Л. Он очень часто, практически ежемесячно, а то и пару раз в месяц ездил в Киев на защиты диссертаций.

АВТОР: *Ольга Игоревна! Как к В.Л. относились в Киеве его коллеги, члены спецсовета?*

О.М.: Я бы сказала, не просто с уважением, а с благоговением. С ним любили общаться. У него было потрясающее чувство юмора. Его ценили за очень высокий профессионализм. Он никогда не задавал на защите подковыристый вопрос, потому что понимал, что испытывает соискатель во время защиты, когда докладывает за трибуной результаты своей работы. Наоборот, он умел задать вопрос так, что помогал раскрыться диссертанту. Чего, кстати, не скажешь о многих других членах этого совета.

АВТОР: *Как строил с Вами работу Владимир Львович в качестве научного руководителя?*

О.М.: Если ты с ним работаешь, он тебя все время ведет. «Ты читала эту книгу? Прочитай немедленно!» Спустя некоторое время: «Ты читала статью этого автора? Нет? Прочитай обязательно!» Он не давал продохнуть. Бросал, как котенка в воду, и ты плывешь. Он постоянно на кафедре устраивал конференции, приглашал специалистов со всех одесских вузов и всего юга Украины. Откуда появилась Вера Кудряшова? Она работала преподавателем в Институте связи. И диссертация ее была связана с методикой преподавания английского языка в сфере связи. И из высшей мореходки приходили люди. Он очень часто устраивал такие конференции, с частотой один раз в два или три месяца. Шла интенсивная апробация, нарабатывались научные связи. По сути он сделал свою кафедру опорной по методике преподавания. Мы все время готовили доклады, тренировались в научных диалогах. Конференции проходили без официоза, дружелюбно, можно сказать, в домашней атмосфере. Его аспиранты благодарны ему за эту школу по сей день. Он никогда не подчеркивал свою значимость, что все мы обязаны ему по гроб жизни. Он никогда о себе не рассказывал, какой он «деятель» и похвал в свой адрес не допускал.

Я приходила к нему домой. Мы рядом жили. Его кот Рамзес садился мне на колени. Он вслух читал мою работу. И мы обсуждали с ним мою работу. Он не

¹ МОНАСТЫРСКАЯ Ольга Игоревна — заведующая кафедрой «Английский язык в гидрографии и морской радиосвязи» в Одесской национальной морской академии, кандидат педагогических наук, доцент, аспирантка В.Л. в 1990—1993 гг.

навязывал, не напрягал, он именно советовал. Говорил: я бы добавил здесь это, а здесь то. Он умел себя так поставить, что ты не чувствовал разницы в возрасте, положении, опыте, что перед тобой именитый профессор, по книгам которого занимался весь Советский Союз. Поэтому не возникало смущения, неловкости, зажатости. Он умел говорить с любым человеком на равных. Это очень важно. И потом он помогал делать выводы по каждой главе, что было особенно нужно начинающим исследователям, поскольку это умение дается только с большим опытом. И, естественно, он занимался оппонентами, рецензентами. Кого бы он не просил, ему никто не отказывал.

Его отличала внимательность к мелочам. Он сам вычитывал каждый листик, каждую работу, студенческую или аспирантскую. Что бы он ни брал в руки, он автоматически правил стилистику, грамматику, оформление. Мы с Тамарой Сергеевной Дученко всегда говорили, что Львович научил нас тщательно заниматься любым делом. Научная работа, лекция или подготовка методической бумаги — все равно. Скрупулезность во всем. Мы иногда злились на него, раздражались. Он очень много с нами работал и научил нас, в первую очередь, порядочному, честному отношению к делу. Если мы готовили лекции, то он учил нас правильно расставлять ударения в словах, выделять и акцентировать основное содержание.

Я поступила в университет в 1982 году и начала с ним работать где-то в 1983 году, когда он еще заведовал кафедрой фонетики. Мы начали совместно писать статьи. Мы писали с ним статьи в журнал «Иностранные языки в школе». Очень хороший, солидный журнал. Он и сейчас существует в России. К сожалению, на Украине мы сейчас оторваны.

АВТОР: *Но для того, чтобы совместно писать статьи, да еще со студенткой, надо, чтобы у вас сложились отношения.*

О.М.: Не знаю, он меня как-то выбрал. У меня была хорошая фонетика. Ее мне поставила Лебединская Бэлла Яковлевна, прекрасный педагог. Она была хорошим другом нашей семьи и еще в мои школьные годы со мной занималась. На кафедре фонетики моей преподавательницей была Тамара Сергеевна Дученко. Она, к сожалению, умерла два года назад. Она была первой аспиранткой Владимира Львовича, продолжала его дело. Она занималась педагогической практикой. Совершенно потрясающий педагог, замечательный фонетист. В.Л. преподавал не фонетику, а методику преподавания. Как это ни парадоксально, в старинном, классическом университете, на факультете, который готовит педагогов, нет отдельной кафедры, которая занимается методикой преподавания иностранных языков. Это еще странно и потому, что на многих специализированных кафедрах есть сильные специалисты этого профиля. Например, Татьяна Диомидовна Вербицкая на кафедре немецкой филологии. Помнится, В.Л. добивался открытия такой кафедры, мечтал о ней, ходил к ректору, его поддерживал Аппатов, но так ничего и не вышло. Имея такого ученого и не сделать под него кафедру, это по крайней мере неразумно. Люди заканчивают университет, заходят в классы и аудитории и не знают, как там вести себя, как практически выстроить процесс обучения.

АВТОР. Если коротко оценивать его вклад в науку, то в чем он заключается?

О.М.: Его научная деятельность (обучение диалогической речи, разработка ситуационных моделей) была тогда новаторской. Ведь тогдашняя послесталинская методика сводилась к чтению текста и его переводу. Различные упражнения также были сориентированы, в основном, на перевод и грамматику. Он же занимался методикой постановки разговорной речи. Он один из первых разработал систему обучения, которая основана на коммуникативном подходе. И он один из первых разработал систему тематических диалогов применительно к разным сферам человеческой деятельности. В учебных целях диалог можно прогнозировать. Мы с ним по заказу одного московского вуза разработали цикл типичных ситуаций и задач с определенным набором фраз для школьников старших классов по сферам — учебная, социально-культурная, сфера развлечений. Это примерно то же, что сейчас требуют на экзаменах в европейских вузах. Я возила эту работу в Москву к Инессе Львовне Бим, с которой тесно сотрудничал Владимир Львович¹. Там я познакомилась с Китайгородской, которая тогда была очень известна в Союзе благодаря своей методике интенсивного обучения английскому языку.

АВТОР: Вы слушали его лекции. Какой он был преподаватель?

О.М.: Он прекрасно владел английским языком. Читал нам лекции на английском, иногда переходил на русский, когда требовалось дополнительное объяснение. Он практически не читал, а свободно рассказывал. Это всегда интересно, поскольку такой тип лекции сопряжен с экспромтами. Он ведь знал буквально обо всем. Мы как-то сидели с ним, говорили о разных подходах к обучению в сравнительном плане. Он мне в конце говорит: «Оля, вообще-то в практике есть только одна ситуация: это когда преподаватель может, а студент хочет. И тогда можно научить, используя любой подход».

АВТОР: А откуда такое знание языка? Ведь он не жил за границей, не имел языковой среды, которая позволяет овладеть языком в совершенстве. Это качество обучения в военном институте?

О.М.: Высочайшее. Он мне рассказывал, что они там днями сидели в наушниках. Он говорил, чтобы закончить этот институт, должна была быть плоская пятая точка, потому что у них было огромное количество часов аудирования. У него была своя теория по поводу пятой точки. У одних она острая, у других плоская, у третьих — округлая. Усидчивость — очень важное качество ученого.

¹ БИМ Инесса Львовна (1926—2011) — в 1947 году окончила с отличием факультет немецкого языка МГПИ им. Потемкина. В 1976 защитила докторскую диссертацию «Система обучения иностранному языку в средней школе и учебник как модель ее реализации». И.Л. стала первым исследователем, применившим системный подход в своей предметной области. В 1984 И.Л. была приглашена в лабораторию обучения иностранным языкам НИИ содержания и методов обучения АПН СССР на должность старшего научного сотрудника. С 1985 по 1990 она была заведующей этой лаборатории, а затем до самого последнего дня своей жизни работала в ней в должности главного научного сотрудника. Именно по заказу этой лаборатории делали указанную работу В.Л. Скалкин и О.И. Монастырская. И.Л. была оппонентом на защите докторской диссертации В.Л. Он ее очень ценил и уважал.

Он заведовал огромной кафедрой иностранных языков гуманитарных факультетов. Нас там было, наверное, больше тридцати человек. Кроме Алика Филимонова, все женщины. Относились к нему по-разному. Он мог подшутить. Не зло, но не все обладали чувством юмора, могли затаить обиду. Будучи педантом в бумагах, в мыслях он педантом не был и не воспринимал заскорузлых людей, которые не развивались. «Как им не скучно, — говорил он, — одно и то же молоть десятилетиями». Он очень любил кафедральные посиделки. Практически каждый месяц мы собирались и что-то отмечали, дни рождения членов кафедры, например. Он очень любил, когда на кафедре накрывали столы, кстати, вкусно покушать, выпить немного коньячку, застольный разговор с шутками, песнями, анекдотами. Любил атмосферу праздника, веселья, раскрепощенности. Людей с чувством юмора обожал. Сам был такой. Очень Алика Филимонова поддерживал, понимал его. Алик всегда говорил: «Я поднимаю рюмку чая»¹.

АВТОР: *Вы, будучи его аспиранткой, знали, что руководство было к нему «неравнодушно»?*

О.М.: Да, это было очевидно. Начальство мне не рекомендовало поступать в аспирантуру к Скалкину, советовали идти к Кухаренко. Но я, еще будучи студенткой, приходила на кафедру фонетики и по просьбе В.Л. составляла библиографию по методике преподавания, заполняла библиотечные формуляры, которые на кафедре помещались в ящичках. Было очень удобно работать с ними. Так постепенно втянулась, потом пошла совместная научная работа с Владимиром Львовичем.

Коллективизм, умение работать с людьми, брать на себя ответственность — это все воспитывала советская власть. Он не идеализировал советскую власть, относился к ней критически, но прекрасно понимал, что в никакой другой стране жить не будет. С одной стороны, бесхозяйственность, бюрократизм, головотяпство, удушение смелой мысли, а с другой — не дай бог жить при капитализме и быть под хозяином! Это же «наш человек»! Он не только тебе денег не заплатит, а еще и унизит ниже плинтуса.

¹ Сохранилось одно объявление о заседании кафедры в день рождения Владимира Львовича, написанное им лично. Вот его текст:

Шановне панство! Леди и джентльмены!

В понедельник, 16 ноября, за 158 лет до конца света, аккурат в 14.00 состоится засиданка кафедры в расширенном составе.

Своими мелкими радостями поделятся Наталия Михайловна, Оксана Игоревна, Наталья Владимировна, Людмила Владимировна, а также Владимир Львович (1932 г.р.).

В программе тосты, речи, адреса (неплательщиков алиментов), эскалоп Америкен, rommes de terre futs, зразы, корейская закуска, марципан, «Бычья кровь» (вино), «Камю» (писатель).

Граждане, не стесняйтесь, складировать съестные припасы, заготовленные еще при развитом социализме!

Будет Алик. Возможно.

Приглашены: Деканат, Магистрат, Рабиндранат, а также Луис-Альбер.

За справками обращаться к Н.В. Варешкиной (урожден. Варешкина).

Ответственная за разблюдовку — пошукачка О. Ковалева.

Д о б р о ж е л а т е л и

Олег Николаевич ФИЛИМОНОВ¹:

АВТОР: *Олег! С какого времени Вы работали вместе со Скалкиным?*

О.Ф.: Где-то в 1976 году я пришел на кафедру. В 1993 году я занимался его похоронами, будучи в докторантуре.

АВТОР: *Какие у вас сложились личные отношения? На чем они базировались?*

О.Ф.: Скалкин был живая легенда. Имя его было на слуху у всех, кто занимался английским. Автор учебников. Я представлял, что он где-то в природе существует, как, допустим, Бонк, знал, что он живет в Одессе, но никогда не встречался и не общался с ним лично. По-моему, мы с ним однажды пересеклись на Чкаловских курсах. Но когда он появился на кафедре, мы с ним быстро сошлись по каким-то человеческим соображениям. Он был ироничный, очень хорошо умел шутить. Причем делал это с совершенно непроницаемым выражением лица. То есть понять, говорит он всерьез или шутит, было очень сложно. Надо было «въезжать».

АВТОР: *Некоторых это обижает.*

О.Ф.: Да, это обижает тех, у кого уровень самоиронии понижен. А человек, который, во-первых, много знает, во-вторых, у кого бэкграунд нормальный, образование хорошее, понимающий, о чем идет разговор, — такого эта манера только привлекает. Львович притягивал к себе людей. Он был ярким человеком. Он не выпячивал себя, но когда ты с ним знакомился ближе, то понимал, что перед тобой крупная личность.

АВТОР: *Как Вы оцениваете его образованность?*

О.Ф.: Мне трудно судить. «Все мы вышли из народа». Он очень много знал, много читал. В разговорах это чувствовалось. Не знаю, можно было ли его называть энциклопедистом, но широтой образования он обладал.

АВТОР: *Это — советская интеллигенция?*

О.Ф.: Да, несомненно, это советская интеллигенция.

АВТОР: *Как Вы оцениваете его как заведующего кафедрой?*

О.Ф.: Он был миротворец. Мы его между собой «голубь мира» называли. Кафедра представляла женский коллектив. Львович разруливал этот женский коллектив очень деликатно. Львович любил женщин, и они отвечали ему взаимностью. Несмотря на неаленделоновскую внешность, с кучей болячек, да еще с палочкой, он был серьезной мужской единицей. Он шутил: «Алик (он меня Аликом называл), я кошу под Байрона или нет? Я ему периодически отвечал: «Львович, Вы вылитый Байрон. Вам бы еще фрак одеть, выпить уксуса и жениться на племяннице, и Вы будете чистый Байрон». У нас с ним были такие шуточные пикировки. Он мне реально многое прощал.

АВТОР: *А что Вам надо было прощать?*

¹ ФИЛИМОНОВ Олег Николаевич (род. 26 марта 1952) — выпускник ф-та романо-германской филологии Одесского ун-та, кандидат филологических наук (тема дисс. «Стилистические функции ритмизации англоязычной художественной прозы», доцент, докторант, более известен в этом мире как юморист и актер, шоумен, участник легендарной команды КВН «Одесские джентльмены».

О.Ф.: Я был хороший преподаватель, умел научить английскому даже дерево, включая юристов-заочников. Любил работать со студентами. Но меня раздражала писанина — планы, журналы, программы, методические разработки. Я в этом плане был хулиган, а он был педант. Но вот мне он эти вещи спускал. Он мне говорил: «Алик, держи себя в руках. Я тебя прошу, заполни журналы». Но не давил на меня.

АВТОР: *Что он больше всего ценил и что категорически не воспринимал в людях?*

О.Ф.: У меня такое впечатление, что он больше всего не любил дилетантов. Он ценил профессиональное отношение к делу. Он мне многое прощал, потому что я хорошо преподавал. Я мог завеяться, загулять, куда-то не прийти, но он такие вещи мне спускал, потому что мои студенты разговаривали по-английски.

АВТОР: *Как Вы считаете, почему под такого крупного специалиста, каким был В.Л. в области методики преподавания иностранных языков, в университете не была создана кафедра методики преподавания иностранных языков?*

О.Ф.: Да, он был корифеем. Это наш обычный отечественный побарабанизм. Я точно знаю, он поднимал этот вопрос, ходил к ректору, но так и не «пробил».

АВТОР: *Я оцениваю моих героев по типу Вольтера или Руссо. Вольтер — это прототип интеллектуала, уважающего на науку и просвещение в общественном прогрессе. Его кредо: истина — это окно в свободу. Руссо — это прототип интеллигента. Его кредо: за свободу нужно бороться. А это сфера политики, общественной деятельности. С этой позиции к кому ближе профессор Скалкин — к Вольтеру или Руссо?*

О.Ф.: Думаю, ближе к Вольтеру.

АВТОР: *А его борьба в начале 90-х годов за русский язык, против повальной украинизации?*

О.Ф.: Да, я об этом знаю, но не застал этой борьбы.

Луиза Болеславовна КОТЛЯРОВА¹:

АВТОР: *Как Вы стали аспиранткой Владимира Львовича?*

Л.К.: Поначалу я ориентировалась на кафедру грамматики, которую возглавлял очень авторитетный, мощный профессор Андрей Константинович Корсаков. Но мне, честно говоря, не нравилась грамматика. Тут мне посчастливилось. Меня направили в Москву, в МГУ, на полгода на повышение квалификации. И там я познакомилась с Галиной Александровной Китайгородской, очень известной специалисткой по интенсивному обучению иностранным языкам. Сейчас

¹ КОТЛЯРОВА Луиза Болеславовна была аспиранткой проф. Скалкина в 1987—1989. В 1990 защитила канд. дисс. на тему «Методика обучения устному профессиональному общению на основе имитационно-ролевых игр в неязыковом вузе (англ. яз., юридич. факультет ун-та.)». В настоящее время — доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов ОНУ. Беседа состоялась 24.03.2013.

у нее своя школа. Я участвовала в ее семинарах. Это мне очень понравилось, и я подумала, что буду заниматься деловыми играми. Михаил Захарович Яцкий сказал мне: «Луиза, тебе нужно поступить в аспирантуру». С его доброй подачи я обратилась к Скалкину. Он помнил меня по пятому курсу. У меня к тому времени уже были печатные работы. Он посмотрел их, одобрил и взял меня к себе. Так я стала аспиранткой Владимира Львовича. Я хотела, настаивала учиться заочно, без отрыва от работы, соискателем. Но он резко вопrotивился: учиться надо только на стационаре. Учитывая мой интерес, он мне предложил заниматься квази-деловыми играми. Я, смеясь, говорила, что если я напишу диссертацию на эту тему, то у людей будет ассоциация с моющим порошком. Тогда был порошок для мытья посуды «Квази». И тогда Владимир Львович сформулировал понятие «имитационно-деловые игры».

АВТОР: *Как руководил Вами Владимир Львович?*

Л.К.: Очень жестко. Как научный руководитель он умел требовать. Например, он мог мне позвонить домой в девять часов утра и поинтересоваться, как идет работа над диссертацией. Всерьез шутил, что для аспиранта плохая погода — самая хорошая.

Я удивляюсь, когда сейчас слышу от молодых коллег, аспирантов, что они годами не могут с руководителями сформулировать свою тему. Мы это сделали сразу, в первые же месяцы моей учебы. Утвердили тему работы, был составлен план. И я начала его выполнять. Владимир Львович помог мне с библиографией. Я поехала в Москву работать в библиотеку. Тогда ведь не было компьютеров и Интернета. По требованию Владимира Львовича я «гоняла» по всему Союзу, выступала с докладами на тему своих имитационно-деловых игр на конференциях в Киеве, во Львове, Горьком... Уже на втором курсе аспирантуры у меня было что-то около 14 публикаций статей и тезисов, хотя для защиты было достаточно пяти. Я участвовала в организуемых Владимиром Львовичем для учителей области семинарах в рамках повышения квалификации. Мы там выступали с сообщениями. Поэтому я очень многих преподавателей английского языка, работавших в городе — из военного института, из медина, института связи — знала лично. То есть Владимир Львович делал из своей кафедры опорную для всего города и области. В последнее время мы собираемся крайне редко, а при Владимире Львовиче постоянно. Он был генератором таких проектов. Он привлек меня к педагогической практике студентов. Я ходила по школам, сидела у них на уроках. Потом мы обсуждали их с Владимиром Львовичем. На третьем году я писала бесконечные рецензии и отзывы на диссертационные работы. Он их редактировал и отправлял. Я не сильно хотела этим заниматься, но это была школа. За полгода до защиты он меня стал брать с собой в Киев на защиты диссертаций, чтобы я усвоила процедуру. Две-три защиты я прослушала.

АВТОР: *Скалкин помогал Вам с публикациями?*

Л.К.: Да, конечно. У меня даже есть статья, написанная в соавторстве с ним, в московском журнале «Иностранный язык в школе». Это очень авторитетный журнал. Без него мою статью вряд ли бы туда взяли.

АВТОР: *Когда шли к Скалкину, Вы учитывала его репутацию?*

Л.К.: Да, я знала, что иду к прекрасному преподавателю. Я ведь училась еще на Чкаловских курсах по его учебнику. У него очень хороший учебник. Я до сих пор приношу его студентам, даю ксерокопировать страницы. Хочу сказать, что даже на сегодняшний день я не знаю лучше учебника, с точки зрения методической компетенции, для обучения взрослых людей английскому языку, чем учебник Скалкина. Он очень хорошо продуман, там упражнения не включают в себя несколько проблем, как у некоторых современных авторов. Поэтому у меня была мысль его переиздать. С этой целью я обращалась к его жене за согласием. Хотела отредактировать его, осовременить. Предлагала даже свою фамилию в качестве редактора не ставить. Жена вначале вроде бы соглашалась, а потом передумала. Он так до сих пор и не переиздан, а она эмигрировала в Канаду.

АВТОР: *Почему такой корифей в области методики преподавания иностранных языков, как Владимир Львович, не организовал собственную кафедру по этому направлению, которой, кстати, до сих пор нет в университете?*

Л.К.: Для него это была очень болезненная тема. Он считал, что методика ни в коем случае не относится к педагогике, что это отдельная научная дисциплина. Он говорил, что в специализированных научных советах должна быть отдельная научная квалификация по методике и, соответственно, присваивать научные степени по ней, а не педнаук. Его, кстати, поддерживают некоторые ведущие методисты, та же Китайгородская. Поэтому он очень хотел, чтобы была отдельная кафедра методики преподавания иностранным языкам.

Его доклады и выступления отличались личностным, страстным характером. Если он что-то защищал, например, русский язык на Украине, то здесь раскрывался его характер. Он мог отстаивать человека, если считал, что тот обижен или унижен. В нем было развито чувство справедливости, была гражданская позиция. Он не молчал, отстаивал свою точку зрения. Как говорится в эпиграмме Гафта о Зиновии Гердте, «колени-он-не-преклоненный». В нем не было ни грана дипломатичности так необходимой для карьеры. Вот, скажем, его друг Аппатов вел себя совсем иначе. Если Владимир Львович считал что-то неправильным, он шел вразрез, предположим, мнению администрации факультета, университета, страны. Поэтому у него были открытые стычки, недоброжелателей и врагов немало. С ним в открытую было сложно бороться. Он был мастер диалога. Не зря ведь занимался обучением диалогической речи. Если с ним кто-то вступал в открытые дебаты, то он быстро этого человека «кпал на лопатки», «уничтожал» логикой и сарказмом. Я, собственно, и не видела открытых словесных дуэлей с ним. Поэтому его недоброжелатели старались ему портить нервы исподтишка.

АВТОР: *Я задаю своим собеседникам один и тот же вопрос: прошу оценить моих героев по типу Вольтера или Руссо. Вольтер — это прототип интеллектуала, уповающего на науку и просвещение в общественном прогрессе. Руссо — это прототип интеллигента. Его кредо: за свободу нужно бороться и, значит, идти в сферу общественной деятельности и драться с властью за права. С этой позиции к кому ближе профессор Скалкин — к Вольтеру или Руссо?*

Л.К.: Если так ставить вопрос, то он ближе к Руссо. Он был по типу русский интеллигент. Он пользовался славой ершистого, независимого, вне всяких группировок, человека.

В заключение приведу фрагмент из беседы с другом Владимира Львовича известным одесским журналистом Игорем Николаевичем РОЗОВЫМ:

— Скалкин, с моей точки зрения, был один из последних настоящих профессоров Одесского университета. Настоящего университетского профессора отличает энциклопедичность познаний. Он не может быть только специалистом в своей области. Он воспитывает студентов и на своем примере показывает им ценность истинной культуры. В детстве благодаря своим деду и бабушке я оказался в доме вдовы профессора географии Новороссийского университета. Ее звали Елизаветой Васильевной. Фамилию напрочь забыл. Она жила в доме напротив Главпочтамта. Раньше они занимали весь этаж. Это ведь был профессор! Из всего этажа у нее осталась одна громадная комната. Я такое количество книг увидел впервые в жизни. Все стены были заставлены книгами до потолка по всем научным и художественным направлениям. А там потолки до пяти метров. Мой дед спросил хозяйку: «А что ваш муж читал все эти книги?» Она в ответ: «Конечно, он же был профессором». Он знал пять-шесть иностранных языков, интересовался и математикой, и литературой, и философией... Географ! Вот это и есть уровень профессора, которому полностью отвечал Владимир Львович. В последние годы он увлекся идеей создания компьютерных программ для изучения иностранных языков».

АВТОР: *Про профессоров дореволюционной эпохи мне понятно. Они — интеллигенты в нескольких поколениях. Они с детства жили в окружении книг и персональных учителей. Скажите, как Скалкину, сироте, удалось в советских условиях, постоянно испытывая голод и материальные невзгоды, овладеть таким объемом знаний? Это качество личности или все же советская система могла производить, пусть и в небольшом количестве, таких людей?*

И.Р.: Я думаю, что это достоинство того поколения. Я могу судить по своему деду. Он родился в семье ремесленника в Нижнем Новгороде и соседствовал с домом Пешкова. К деду в Одессу приезжали друзья. Помню дядю Валю Тулаева. Он был создателем первого в мире шагающего экскаватора. Сразу после этого его посадили. Он отсидел, получил сталинскую премию, его сделали заместителем председателя горсовета Москвы по строительству. В общем, как полагалось в те времена. Многие из тех, кто возвращался после многолетней отсидки из тундры, лесов, пустынь, ехали через Одессу и останавливались у нас. Я вам должен сказать, там матюков не было. Меня от стола не отгоняли. Как может такое быть? Определенная среда.

Резюмируем. Некоторые коллеги и ученики В.Л. Скалкина считали, что в нем было больше от Вольтера, другие — от Руссо; кто-то относил его достоинства на счет личности, а кто-то — на счет поколения. Это верный признак

того, что Владимиру Львовичу удалось выработать в себе тип личности, в которой интеллеktуал и интеллигент сосуществовали в гармонии.

4. ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

В 90-е годы мы вступили в полосу, когда советская эпоха закатилась, оставив после себя островки и озера старой жизни, где отмирали социалистические общественные отношения и продолжали физически доживать те, кто оказался не способен занять место на верху пищевой цепочки.

Отверженный советский и новый, устроенный по-дарвиновски, весьма агрессивный и жадный к общенародным материальным ценностям, мир вошел в странное сцепление, отчего наша жизнь приобрела сюрреалистические тона.

Кажется, с гибелью Советского Союза приказала долго жить вся европейская Эпоха Просвещения. Коммунистический эксперимент на одной шестой части суши был самым дерзновенным проектом этой эпохи, поставившей в центр мироздания высокомерный человеческий разум. Советские коммунисты вознамерились делать «нового человека» конвейерным способом. В результате экспериментов, в том числе самых жестоких, получился выкидыш — «новый русский». В итоге еще одна Вавилонская башня была разрушена. Прямым следствием этой катастрофы было то, что весь мир вступил в полосу неопределенности и переустройства всего глобального миропорядка. В порыве торжества над поверженным противником Запад не сообразил, что проблемным стало и его существование, что грандиозному просвещенческому мифу о прогрессе пришел конец, поскольку мир не может дальше жить в парадигме всевозрастающего потребления. Так или иначе, в 1991 году двадцатый век закончился.

Переживая эпохальные сдвиги, Владимир Львович вел себя достойно. Что значит достойно? Это значит, что он не суетился, не устраивался в новой жизни, а включился в общую работу анализа того, что с нами произошло и что нам делать. Делать не каждому по отдельности, а всем нам как обществу. Ведь пока мы не выработаем более-менее рациональные версии миропонимания, мы будем чувствовать себя во власти злого начала. Так устроен человек.

МЕНЯЮ: УЧЕБНИКИ НА ЛИТЕРАТУРУ

Я принял решение: оставить науку и переключиться на творчество. В следующем году у меня выходит последняя, пятнадцатая книга, и я сказал себе: всё, баста, хватит. Надо оставить людям что-нибудь для души.

Но не поздно ли я начинаю, учитывая, что мне скоро будет 60 лет?

История зарегистрировала поздние начала. Чайковский начал писать музыку позже других композиторов. Крылов изучал латинский язык в 60 лет. Многие

наши современники стали знаменитыми писателями, лишь выйдя из лагеря. Так что у меня все впереди.

Этот текст был написан, вероятно, в переломном 1991 году. Тогда люди массово меняли свои профессии и семейные положения. Владимир Львович решил резко поменять акцент в своей деятельности — вознамерился встать на литературную стезю. Он даже придумал себе литературный псевдоним — Дм. Рибас-Неволин. Но вышло иначе: он обратился к сражающемуся жанру — к публицистике.

Примерно в это время, чуть раньше, состоялось наше знакомство. Он сам позвонил мне, представился и предложил встретиться у него дома. Так завязалась наша недолгая дружба. Нас объединила проблема, порожденная родовой болезнью украинской государственности — двоедушные: страна хотела чувствовать себя освободившейся колонией, вроде Алжира, но при этом брала пример с Франции, классической метрополии. Новоиспеченное государство заявило о своем демократическом пути, европейском выборе, но пыталось консолидировать общество на базе неадекватного и совсем неевропейского украинского национализма, заточенного на борьбу со всем имперским. Этим «всем» на Украине оказались русский язык и культура. В общем, мы с Владимиром Львовичем были единомышленники в вопросе защиты русской культуры и языка как органичной и очень важной части многонациональной украинской культуры. Тогда, помню смутно, собирались дома у Владимира Львовича Володя Варна, Игорь Николаевич Розов, Дмитрий Виссарионович Малявин, Таня Мороз, возможно, Юрий Алексеевич Михалев и я. Обсуждали этот странный, хотя и понятный в плане психологического комплекса части украинского населения феномен: борьба с русским языком и культурой как проявлениями имперского, шовинистического духа. По этой логике индийцы должны были вытравливать английский язык, все латиносы ненавидеть испанский, алжирцы — французский, ангольцы — португальский и даже американцы должны были поставить вопрос об английском, если бы знали, на каком языке ставить. Кого только не пинали ногами современные «хлопоманы» — и «предателя» Гоголя, и «империалиста» Пушкина («Сашко Гарматний»), и «шовинистов» Белинского и Достоевского, не говоря уже о «сталинистах» Горьком, Шолохове и Симонове. Косо смотрели на Булгакова, Короленко и Паустовского. Оказывается, все они так или иначе продолжали дело русских царей по «гноблению» Украины.

Зрелище выходило занятное с точки зрения социальной психологии: украинские националисты носились с чучелом своего непобежденного врага и демонстрировали, как бы они его победили, если бы он вдруг не умер. И так, и сяк! И об стол, и об пол. Наконец, последний акт действия — радостное торжество по поводу победы над «русским великодержавным шовинизмом», хотя по определению в независимой Украине великодержавным шовинизмом может быть только украинский. Так,

индейцы совершают магический обряд перед началом настоящей охоты в надежде расшевелить богов, которые должны им помочь в реальной охоте. Я понимаю европейцев, которые с этнографическим интересом наблюдали подобные сценки, определяя свою миссионерскую задачу в Украине: обучение дикарей основам демократической жизни. Стыдно, конечно, но что поделаешь.

На самом деле это был вопрос огромной важности, ключевой вопрос: как строить государственность Украины? «Сегодня перед Украиной стоит дилемма, — писал Скалкин, — либо эта молодая держава станет гражданским обществом, в котором каждый человек в меру своих сил и способностей будет активно работать на благо страны в пределах ее нынешних границ, будучи свободным и уверенным в том, что основные права личности, в том числе право говорить и обучаться на своем родном языке, никем и никогда не будут нарушены. Либо Украина скатится в бесперспективное болото национализма, ведущего к экономической, культурной и научно-технической изоляции, к антагонизму и расслоению общества внутри страны, к духовной ущербности, несправедливости и, в конечном итоге, к дезинтеграции государства» (Скалкин 1993). Это было написано двадцать лет тому назад. Читатель сам может судить, какой путь предпочел политический класс Украины.

Конечно, в украиноязычной Украине этот вопрос сглаживался. Там можно было еще быть культурным националистом и демократом в одном лице, но в русскоязычной Украине, на урбанизированном и промышленном Востоке и Юге, претензии на украинизацию выглядели как антидемократическая тенденция в развитии украинской государственности, как грубое нарушение элементарных прав человека. Напрашивался очевидный вариант государственного двуязычия (билингвизма), отвечающий фактической реальности, мировой практике и демократическим нормам, но ему преградила путь суверенная украинская демократия.

Владимир Львович не принял такую украинизацию. Он видел в этой политике рецидив проводимой большевиками украинизации городского населения в 20-х — начале 30-х годов. «Все дружно осуждают большевизм как метод решения социально-политических проблем, метод, весьма «своеобразно» толковавший права человека», — писал он. — Мы — накануне вступления в XXI век. И что же мы наблюдаем в Украине? Развернутые вширь и вглубь мероприятия по НАСИЛЬСТВЕННОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ АССИМИЛЯЦИИ русского и так называемого русскоязычного населения, которое в сущности составляет большинство 52-миллионного самостоятельного государства, республики бывшего СССР» (Скалкин 1993 г.).

Несогласие с этой линией, возмущение от предательства украинской демократии принципов свободы в пользу узко понятых национальных интересов привели Владимира Львовича на поприще публицистики. Начал он свою борьбу с того, что опубликовал в городской газете «Одесский вестник» разгромную статью по поводу переименования знаменитого одесского кафе

на Дерibasовской «Алые паруса» в «Червоні вітрила». Он возмущался: «Разве они не понимают, что это не просто название. Это — история Одессы. Это — Александр Грин с его прекрасной морской фантазией, романтической историей любви». «Они» всё понимали и именно поэтому по-хамски относились к исторической Одессе. Этим «они» сигнализировали «кому надо», что готовы принять новые условия игры. А Львович был не готов, он хотел оставаться самим собой. Если бы помалкивал, то прекрасно вписался бы в тренд «незалежности», ведь «его» английский язык в новой обстановке символизировал «европейский выбор Украины». Так и делали коллеги. Однако он вечную сократовскую дилемму решил по-сократовски.

Для своих публичных выступлений Владимир Львович выбрал две самые демократические городские газеты на то время — «Одесский университет»¹ и «Одесский вестник», орган городского совета.

Беседу с редактором «Одесского вестника» в 1991—1994 гг. ИГОРЕМ НИКОЛАЕВИЧ РОЗОВЫМ²:

И.Н.: Мы с Владимиром Львовичем много лет знали друг друга. Нас познакомили общие знакомые, которые работали на Чкаловских курсах иностранных языков. Я работал тогда корреспондентом, обозревателем «Вечерней газеты». Но он для «Вечерки» ничего не писал. Владимир Львович стал оживленно работать с нашей газетой после августа 1991 года. Он принес в редакцию первую статью как отклик на материал моего корреспондента.

В 1991—1992 годах по языковой проблеме были бурные дебаты. Я помню одно заседание в Доме Ученых. Скалкин там тоже присутствовал. Там было много преподавателей из университета и политеха. Шел ожесточенный спор. Туда пришел кинорежиссер Черный, националист. Я был вынужден вылезти на трибуну и сказать, что это типичный обман, что будто мы, Украина, жили хуже, чем могли, потому что много отдавали Союзу. А сколько мы получали, кто-то подсчитал? На что Черный мне тогда сказал: «Ну, вы уже опоздали на поезд. Вас спихнули». После мы шли вместе со Скалкиным, и он сказал: «Нас ждет впереди трагедия, потому что нас действительно спихнули».

АВТОР: Кого это «нас»?

И.Н.: Он говорил об интеллигенции, но естественно он имел в виду прежде всего русскую интеллигенцию. Собственно, лейтмотивом его статей был тезис о том, что во время этого развода русская интеллигенция Украины не сказала своего слова, была оттеснена. Тогда все хотели чего-то, определяемого словом «свобода». Дайте нам свободу. Никто не против свободы, но свобода одних должна ущемлять свободу других. Иначе эта свобода по-другому называется.

¹ Университетскую многотиражку «За наукові кадри» ее редактор Николай Трофимович Щербань за годы «перестройки» превратил в 16-страничную газету городского масштаба, где печатались материалы и на русском, и на украинском языке, — «Одеський університет». Часть ее тиража реализовывалась в городе. Ни до, ни после такого уже не было.

² Беседа состоялась 26 сент. 2012 года.

Попытка выдавить русскую культуру и ее носителей с территории Украины не может быть охарактеризована как свобода для тех украинцев, которые считали, что советская власть их «гнобила». Либо есть свобода, и тогда она объединяет всех и все — и языковую проблему, и нравственную, и идеологическую и т. д., либо ее нет.

АВТОР: *Сын Скапкина Владимир, давно живущий в Москве, сказал мне, что его отец подходил к проблеме языка как к средству коммуникации. Попытка вытеснить русский язык во имя моноэтничного государства ущербна прежде всего потому, что могла привести к колоссальному ущербу во многих профессиях и производствах и даже к техногенным катастрофам, на тех же атомных электростанциях, поскольку производственная документация и терминология были исключительно на русском языке. Немедленный переход на украинский в сфере преподавания, к чему нас тогда подталкивало министерство освіти, мог быть только профанацией и при этом принести немало вреда. Это — профессиональный подход лингвиста. Даже Кравчук мог бы согласиться с такой аргументацией в пользу временного сохранения русского языка, пока не разовьется украинский. Вы же говорите о том, что Владимир Львович отстаивал русский язык с позиций русского интеллигента, то есть с позиции нравственно-политической. Можно себе представить Одессу исключительно украиноязычной? Наверное, можно. Но тогда это будет Одесса из фантастического фильма режиссера Тягнибока и сценариста Яворивского.*

Реально в университете тогда шла острая дискуссия по вопросу о переходе преподавания исключительно на украинский язык в сжатые сроки, в результате которой профессорско-преподавательский состав раскололся. Большинство, как всегда, помалкивало. Тогдашний ректор университета уважаемый мною Игорь Петрович Зелинский, практически не знавший украинского языка, уступая политической тенденции, начинает на глазах у всех им овладевать. Он вел ученые советы на украинском языке. Слушать его было мучительно, еще мучительнее видеть, как из него выползали украинские слова и обороты. Даже лица на портретах выдающихся профессоров Новороссийского университета были перекошены. Зачем ему надо было на старости лет позориться? Думаю, он жертвовал собой, чтобы всем нам подать пример. Вопрос: какой пример? Сегодня пример такого рода подает г-н Азаров.

И.Н.: Вот как раз на дискуссиях в университете была построена первая статья Владимира Львовича, которую я опубликовал в «Одесском вестнике». Она была очень большая, неформатная и занимала разворот и еще одну страницу из восьми полос¹. Ну, нельзя давать такую статью, а я дал. Как блестящий лингвист Владимир Львович с математической точностью доказывал в этой статье, что желание сделать все части Украины украинскими является вредной утопией. Он приводил простой пример. Предположим, все школы перейдут на украинский язык. Но языковая среда — это не только школа и работа; это прежде

¹ Речь идет, по-видимому, о статье «Язык мой — враг твой?».

всего семья, дом, двор, внутригрупповые отношения. Дети в кампаниях и ватагах между собой не будут говорить на украинском языке, то есть он будет языком мертвым, искусственным там, где нет языковой среды. Поэтому, задрав штаны, объявлять на весь мир, что у нас моноязычная страна, а русский язык был завезен колонизаторами, есть величайшая глупость. Ко всем языковым процессам надо подходить осторожно, постепенно, продуманно и никому ничего не навязывать. И практика двух десятилетий независимости полностью подтвердила правоту Владимира Львовича.

Я помню, что с газетой со статьей Скалкина ко мне пришел руховец Виктор Цимбалюк. Он мне приволок сборник песен украинских стрелцов со стихами о том, что они до Волги дойдут и там всем покажут. И при этом он был в мундире полковника Советской Армии с наградными колодками. Размахивая газетой, он орал как ненормальный, брызгал слюной, кричал, что таких, как Скалкин, надо в Сибирь ссылать. Он сказал, что он обязательно пойдет в университет и заставит руководство уволить Скалкина. Я ему говорю: я даже не знаю, как к Вам обращаться — господин полковник, пан полковник или еще товарищ полковник. Понимаете, то, что вы несете, это даже не 37-й год. Это раз. Второе. Прежде чем увольнять Скалкина, сами увольтесь, откажитесь от должностного оклада, пенсии, квартиры, которую вам дали. Кстати говоря, он преподавал в артиллерийском училище марксистско-ленинскую философию. Партийный работник. Украинского языка вообще не знал. Он мне начал рассказывать, что в 68-м году, будучи курсантом, он состоял в подпольной группе, которая должна была остановить ввод советских войск в Чехословакию. Полный бред. Я на него смотрел как на больного. Так вот, я ему сказал, что от того, что вы уволитесь, никто не пострадает. Наоборот, даже лучше станет. А вот если Скалкин уволится из университета и уедет из Одессы, то его с распростертыми объятиями примут в Москве, Питере, в Лондоне, Нью-Йорке, Австралии.

Львович был спокойный, улыбающийся колобок. Но если ему что-то не нравилось или он был с кем-то не согласен, он мог совершенно спокойно раскланяться и уйти. И больше никогда уже не приходиться туда. Или сказать: «Вы знаете, мне это неинтересно». И разговор прекращался. Его хотели политически использовать, но он этого не позволил. Он был в этом городе человеком, абсолютно не запачканным ничем, чего не скажешь о тех людях, которые пытались делать политическую карьеру. И купить его было невозможно».

В ряде статей («Язык мой — враг твой?», «Диктант или диктат», «Язык и права человека» и, наконец, последняя публикация на эту тему под говорящим заголовком «Подводя предварительные итоги») В. Л. рассмотрел вопрос о русском языке в Украине в разных аспектах — политическом, историко-культурном, лингвистическом. На основе многофакторного анализа им были сделаны вполне определенные выводы и дан прогноз на будущее. Точность его анализа и прогноза читатель может оценить сам.

Во-первых, профессор Скалкин опроверг все разговоры про насильственную ассимиляцию украинцев на Востоке и Юге Украины, о том, что русифи-

кация решительным образом повлияла на украинский менталитет этой части украинского народа — все это, мягко говоря, было и является политическим мифом. Он доказывал, что русский язык в этих регионах утвердился в результате естественной ассимиляции населения.

«С педантичностью канцеляриста из Бухенвальда новые чиновники уже просчитали, сколько русских школ останется в Одессе. А пожелания детей и их родителей? Считаться с ними запретил пан министр образования¹. Правительство в лице означенного должностного лица проводит открытую, я бы сказал, циничную политику срочного изгнания русского языка и русской культуры из государственной системы высшего и среднего образования» (Скалкин 1993).

И что же? Ровно ничего из этого не выйдет, кроме испорченных взаимоотношений между государством и его гражданами, утверждал В.Л. Скалкин. Родная русскоязычная среда перевесит любую украиноязычную школу. Как побороть исторически сложившуюся лингвистическую среду? Владимир Львович знал этот секрет. «С этой задачей в свое время успешно «справились» турки-османы, переведя Константинополь с греческого на турецкий, — писал он. — Каким образом? В ходе завоевания Византии в середине XV века прекрасная ее столица (правда, уже не раз подвергавшаяся погромам со стороны проходивших по пути в Палестину крестоносцев) в значительной своей части была разрушена; коренное население было частью истреблено, оставшиеся в живых бежали. Турки-воины поселились в Константинополе вместе с обозом, семьями и гаремами, и город, теперь уже Стамбул, стал туркоговорящим. Нетрудно догадаться, что и в этническом плане он стал по сути турецким...» (Там же).

Перевести этот опыт на украинскую, в частности, одесскую почву украинские демократы тогда не решились. Все-таки Украина — не Эстония.

Во-вторых, на основании экскурса в историю освоения Причерноморского края Владимир Львович утверждал, что только с завоеванием этого края, названного Новороссией, началось его плотное заселение и хозяйственное освоение. «Хочу лишь, чтобы все мы — потомки пионеров, освоивших этот благодатный край — уяснили себе в элементарном моральном аспекте, что наши предки, независимо от национальности, расы и вероисповедания, фактически составляли **КОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ Южной Украины**» (Там же).

Иначе говоря, коренное население той же Одесской области с самого начала, то есть с конца XVIII столетия, состояло из разных национальных групп, которые притирались друг к другу и жили в пестрой интернациональной среде. В городе — особенно тесно общаясь. Внучатый племянник основателя Одессы адмирала Иосифа де Рибаса Александр Михайлович Дерibas (1856—1937) в своих чудесных исторических очерках «Старая Одесса» писал: «В Одессе, чтобы понять друг друга, надо было говорить по-русски... Но между всеми народностями, населявшими тогда Одессу, царила такая

¹ Тогда министром образования был П. Таланчук. Потом были другие таланчуки.

искренняя веротерпимость и такое человеческое понимание друг друга, что все чувствовали себя в новонародившемся городе, как у себя на родине».

В-третьих, на примерах административных решений Владимир Львович убедительно показывал, что в политико-правовом плане новые власти независимого государства НЕ УВАЖАЮТ КОНКРЕТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ СТРАНЫ в целом, данной местности в частности, НЕ ЖЕЛАЮТ считаться с лингвокультурными предпочтениями людей, унаследованными от своих родителей или воспринятыми ИЗ ЕСТЕСТВЕННОЙ СРЕДЫ, действуют В ГРУБЕЙШЕМ ПРОТИВОРЕЧИИ со Всеобщей Декларацией прав человека ООН, со множеством других актов и соглашений, принятых мировым сообществом.

Ну, с администрацией, чиновным миром все понятно: им не привыкать нагибать и нагибаться. У чиновников даже не две, а столько душ, сколько потребуется, чтобы сохранить должность и двинуться вверх по карьерной лестнице. Внутренние психологические проблемы, рудименты интеллигентности заливаются водкой и коньяком. С нациками тоже нет вопросов: они яростно протестовали против того, чтобы Скалкину вообще предоставляли слово на страницах печати, писали открытые письма, предлагая ему как лингвисту немедленно перейти на государственный язык, и угрожали по телефону редактору и журналистам¹. А вот любопытна реакция украинской интеллигенции, той ее малой части, которая тоже претендовала на демократизм, деликатность, знание лингвистических закономерностей, понимание прав человека, в общем, на толерантность. С этой точки зрения показательна статья коллеги В.Л. Скалкина заведующего кафедрой украинского языка, профессора Ю.А. Карпенко под заголовком «Лучших и худших языков не бывает». Он соглашался, что решение аналогичного вопроса в Эстонии и Латвии — это пример языкового насилия. Он был против насильственной украинизации: «Не хочется никакого насилия. Хочется, чтобы люди знали свои корни, любили свою родину». «Мы, — писал он далее, — как миссионеры, должны проповедовать: для русского лучший язык русский, для украинца — украинский. <...> Все языки равны по своей природе и, конечно, это состояние должно быть узаконено» (Карпенко 1993). Замечательно, но... «Государственный язык должен быть только один, и это язык титульной нации». Сказано безапелляционно и... лукаво. На словах за равенство языков, на практике — нет. Ведь знал же выходец из Черновцов, как трактуют отдельные депутаты, чиновники и канцеляристы исключительную государственную поддержку одного языка. **Вот критерий демократичности**

¹ Для «равновесия» Н.М. Щербань давал в «ОУ» перепечатки статей из львовских газет. Одна из них зацепила Владимира Львовича. В письме (9.03.1993) своему старому другу в Москву он писал: «Шлю тебе кусок газеты «Одесский университет». Обязательно прочти «Черним по білому». Это касається и тебя». Речь шла о статье А. Щербатюка, проникнутой ненавистью к «кацапам». Цитирую начальный пассаж: «Мною протягом минулого року вже стільки сказано и написано про безпосередню ситуацію в Україні, так деталізовано и художньо унаочнено наших внутрішніх ворогів, що залишилось зовсім небагато — дістати автомат і почати стріляти» (Нескорена нація №1, 1993).

на Украине в настоящее время: отношение к билингвизму. Кто против — тот не демократ.

В заключительной части статьи «Подводя итоги» профессор В.Л. Скалкин сделал попытку прогноза развития языков на Украине в будущем.

Что касается усилий современных украинизаторов (особенно от министерства образования Украины, которое можно было бы смело назвать министерством украинизации, потому что больше ничем оно тогда не занималось), то он уверенно прогнозировал: «...административно-волонтаристская манипуляция лингвокультурным сознанием масс никаких положительных результатов не даст, если не считать **ДЕИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА**, снижения уровня его культуры и образования, разрушения науки и прочих сфер духовной жизни» (Скалкин 1993).

В плане перспективы на обозримое будущее профессор считал, что ряд факторов будет способствовать укреплению позиций украинского языка. Прежде всего его статус как языка государственной деятельности. Но и русский язык сохранится, получит дальнейшее развитие и расширит свое применение на Украине, поскольку и в его пользу работает целый ряд факторов. В самой отдаленной перспективе, если все будет хорошо, в рамках единого государства может стихийно развиваться единый язык, который будет ни русским, ни украинским в их нынешнем виде.

В.Л. Скалкин был не одинок в своих взглядах. У автора нет задачи освещать историю борьбы русской научной интеллигенции на Украине «за наши и ваши права» в 90-е годы истекшего столетия. Но не могу не отметить, что другой герой этой книги из предыдущей части профессор-социолог Одесского университета И.М. Попова параллельно с В.Л. методами своей науки исследовала вопрос о языковой ситуации на Украине и на основании конкретных социологических исследований пришла к тем же самым выводам, что и профессор-лингвист. Ирина Марковна задалась вопросом: «Как объяснить специфику языковой ситуации в различных регионах Украины, в течение длительного времени находящихся «под Россией» и в одинаковой степени, как можно предположить, подверженных централизованному давлению?» (Попова 1994: 58). Одесская область территориально находится в том же регионе, что Николаевская и Херсонская, а владение украинским языком в ней значительно меньше — 56,7%, чем в них — соответственно 78 и 82%. В языковом плане она находится в одной группе с Донецком и Луганском (Там же : 58—59).

В чем же дело? Почему русификация дала такие разные результаты? Ведь ясно, что дело не в административном принуждении в царское и советское время. Оно было таким же по эффективности, как нынешнее украинское. На языковую ситуацию больше влияют такие факторы, как степень урбанизации, характер миграции населения, степень межнациональных браков, уровень образования, социально-профессиональный состав, мобильность населения и еще целый ряд обстоятельств, которые создают культурный контекст и условия для естественной ассимиляции населения. Язык выделяется и

добровольно принимается жителями данной местности как наиболее удобное средство общения. Многонациональный состав Одесской области сам по себе является одним из факторов, обуславливающих распространённость в регионе русского языка как языка межнационального общения. В отличие от других областей Украины в Одесской — самая большая доля украинцев, для которых русский язык является родным (для каждого четвертого). Русский язык преимущественно является родным для евреев, немцев, поляков, белорусов, татар, армян и даже болгар, проживающих в Одесской области. Он является родным также и для половины молдаван (Там же: 60).

И.М. Попова писала: «Авторы немногочисленных трудов, посвященных анализу языковой ситуации, складывающейся на Украине, пишут следующее: наиболее разумная языковая политика в настоящий период — создание условий для реального двуязычия (в том числе, в системе высшего образования). Ценность реального двуязычия состоит не только в том, что это предпосылка многоязычия и средство взаимообогащения культур, но и в том, что это необходимая мера, препятствующая понижению уровня культуры, которое может произойти в случае административного внедрения государственного языка во все сферы деятельности» (Попова 1993: 53).

«В свободном государстве язык не может и не должен быть признаком патриотизма», — считала Ирина Марковна (Там же: 54).

Нет ничего контрпродуктивнее языкового прессинга, доказывали Владимир Львович и Ирина Марковна. Никто не хочет, чтобы государство заглядывало тебе в карман, но еще менее, чтобы оно заглядывало в душу. Когда началась первая волна украинизации с акцентом на историческую месть «шовинистам», гарвардский профессор украинского происхождения Роман Шпорлюк предупредил украинскую власть: это самый верный и короткий способ уничтожить Украину (Шпорлюк 1993). Кажется, власть поняла. Не потому что для нее Шпорлюк — авторитет. Пример Молдавии был более чем убедителен. Вопрос понижения культуры был не чувствителен для наших руководящих товарищей, но угроза раскола государства подействовала отрезвляюще. Административный нажим был ослаблен. От форсирования украинизации отказались, сочтя это делом поколений и «заморозив» вопрос о русском языке как втором государственном. В правление В. Ющенко вновь вернулись к этнократической концепции государства (одно государство — один народ — один язык) и интенсивному насаждению украинского языка вместо русского и вновь получили волну отторжения и протестов против грубого административного нажима. Оппозиционная тогда Партия регионов и ее лидер В. Янукович обильно собрали голоса избирателей на обещании сделать русский вторым государственным.

Таким образом, украинизаторы не рискнули прибегнуть к «турецкому способу», но все другие меры административного давления за 20 лет использовали. Чего они добились? Об этом убедительно говорят социологи.

Согласно данным опроса, проведенного в 2004 году Киевским международным институтом социологии (КМИС), русский язык использует дома

43—46% населения Украины (то есть столько же или даже чуть больше, чем украинский язык). По данным этого опроса, в первую очередь используют для общения русский язык абсолютное большинство населения южных и восточных регионов:

- Крым — 97% всего населения
- Донецкая область — 93%
- Луганская область — 89%
- Одесская область — 85%
- Запорожская область — 81%
- Харьковская область — 74%
- Днепропетровская область — 72%
- Николаевская область — 66%

По данным фонда «Общественное мнение» (2002), в областных центрах Украины 75% населения предпочитает общаться на русском языке (и только 9% — на украинском), сплошные ареалы русского языка в сельской местности существуют в Крыму, Донбассе, Слобожанщине, на юге Одесской и Запорожской областей, островные русские говоры имеются в центральных областях и на Буковине.

По данным опроса, проведенного компанией Research & Branding Group, 68% граждан Украины свободно владеют русским языком (украинским — 57%). Наибольшее распространение русский язык получил в восточных и южных регионах, где он является более привычным, чем украинский, для 92% граждан (Языки Украины 2003).

А вот данные по городскому населению Одессы, полученные социологическим информационно-исследовательским центром «Пульс»¹.

Таблица 1. Этнолингвистические предпочтения в зависимости от национальности (по состоянию на 20 апр. — 4 мая 2013 г.)

На каком языке вам сейчас легче всего разговаривать, читать, общаться с людьми?

	Национальность		
	Украинцы, %	Русские, %	Другие, %
Украинском	3	2	2
Русском	85	90	85
Русском и украинском одинаково легко	12	8	11
Другом	< 1	0	2

¹ Материалы соц. исследований предоставил ведущий научный сотрудник Центра «Пульс» канд. социологических наук М.Б. Кунявский.

Для сравнения, 20 лет назад (в апреле 1993 г.) на вопрос, на каком языке (языках) Вы общаетесь в семье, одесситы ответили так: на русском — 75%, на украинском — 7% (Язык, который мы выбираем 1993). Получается, что за этот период, когда в независимой Украине сменилось одно поколение, предпочитающих говорить по-русски в Одессе не только не сократилось, но увеличилось более чем на 10% независимо от национальности.

Таблица 2. Отношение населения Одессы к предоставлению русскому языку статуса государственного языка: октябрь 1991 г. — май 2013 г.

Вы за или против того, чтобы на Украине было два государственных языка — и украинский и русский?

	Население Одессы (18 лет и старше), %						
	окт. 1991	апр. 1993	февр. 2006	сент. – окт. 2006	март 2008	сент. 2009	апр. – май 2013
За	55	87	79	80	83	84	85
Против	29	8	11	14	10	9	6
Вам это безразлично			7	5	5	6	7
Затрудняетесь ответить	16	5	3	1	2	1	2

Таблица 3. Отношение одесситов разной национальности к предоставлению русскому языку статуса государственного языка (по состоянию на 20 апреля — 4 мая 2013 г.)

Вы за или против того, чтобы на Украине было два государственных языка — и украинский и русский?

	Национальность		
	Украинцы, %	Русские, %	Др. Национальности, %
За	85	88	77
Против	7	3	9
Вам это безразлично	6	8	14
Затрудняетесь ответить	2	1	0
Индекс баланса оценок +/- (взвешенный), %	78	86	68

По-моему, яснее цифры говорить не могут: с 1993 года более 80% одесситов, причем безотносительно к национальности, на протяжении 20 лет стабильно голосуют за два государственных языка. Обращает на себя внимание, что в октябре 1991 года, накануне референдума по независимости, немногим менее половины одесситов были согласны с тем, что в Украине будет один государственный, естественно, украинский язык. Но уже в апреле 1993 года последовал резкий скачок в пользу двуязычия — 87%. Это показала себя во всей красе независимая от населения «демократическая» власть независимой Украины. Именно в этот период В.Л. Скалкин публикует свои статьи, протестуя против антиконституционных, незаконных распоряжений министерства образования Украины и местных властей.

Сравним с прошлыми показателями. По переписи населения 1989 года, русский язык был родной для 47,1% жителей Одесской области и для 72,6% одесситов. Национальным составом населения объяснить это нельзя: 56,6% жителей области составляли украинцы и только 27,4% русские, в Одессе 48,9% украинцев и 39,4% русских.

Таким образом, за 22 с лишним года независимости выросло новое поколение украинских граждан, но языковая ситуация не изменилась. Русский язык как был доминирующим в ряде регионов Украины, так и остался. Скалкин оказался абсолютно прав: «факторы» работают.

Прав он оказался и в отношении украинского языка. Его позиции, особенно в области оборота официальных бумаг, укрепились. Люди смотрят телевизор, постепенно усваивают украинский, поскольку сериалы и художественные фильмы идут исключительно в украинском переводе. Думается, его популярность была бы значительно выше, если бы не топорная политика властей. Спустя 22 года существования государства в официальном органе Верховной Рады Украины газете «Урядовий кур'єр» публикуется статья под красноречивым заголовком: «Щоб українську мову любили, а не боялися».

Приехали! Усиленно создавали проблемы для русского языка, а создали для украинского. Но разве только в этом дело? Попытки властей — иногда мягкие, иногда brutальные, но всегда настойчивые — подавить русский язык, носитель мощнейшего коренного пласта русской культуры Украины, отказ от естественного двуязычия существенно снижают конкурентоспособность страны в мире, становятся фактором внутривластной нестабильности, запрудой на пути демократического развития страны, поощряют радикальный национализм, сужают социальную базу и без того неуверенной в себе украинской государственности.

Зачем все это надо было? Зачем нужно вносить раздор, внутреннюю конфронтацию в общество, расшатывать устои страны и так не устоявшейся? Почему нельзя было так организовать жизнь больших и малых народов в новонародившемся государстве Украина, как организовали ее первые поселенцы Одессы?

Ответ на этот вопрос есть. Он не устроит ни партию власти, ни оппозицию, потому что речь идет об общем для них всех инструменте управления

массой в условиях колоссального перераспределения собственности. По той же самой причине, по которой власть сделала максимально некомфортной в Украине жизнь всякого честного работника, толкая его на неправомерные действия, заставляя его уйти в «тень», чтобы выжить и существовать с чувством вины, — по той же самой причине она сеет раздор между людьми, отдельными частями населения и регионами, используя для этого языковой фактор и культурно-исторические различия. Во всяком случае, создать из многих миллионов русских национальное меньшинство в границах тех территорий, которые Украина приобрела благодаря СССР, — верх политической близорукости. Но этот верх вполне устраивает очень даже интернациональную украинскую олигархию.

Не устроит этот ответ и идейных националистов. Им ведь даже растолковать его нельзя, ибо национализм лишен рациональности и весь построен на негативных чувствах, саморазрушающих страстях и темных инстинктах. Национально озабоченным человеком легко манипулировать, натравить на кого хочешь, повязать кровью. Как можно пользоваться внешней свободой (правами), если ты раб своих страстей? И как вы понимаете само право, если полагаете, что у вас больше прав, чем у других граждан? Есть только один вид национализма, который безвреден, — культурный.

Единство в многообразии — выстраданная человечеством формула. Люди произносят слово «плюрализм», но не понимают его значения; люди произносят «права человека», но кроме звука слов, в них ничего не отражается; люди играют со словом «демократия», как крыловская мартышка с очками. Дело объединения могло стать общим делом, национальной идеей Украины. Могло, но не стало. Оно сразу вывело бы Украину в неформальные лидеры постсоветского мира, придав ей колоссальную нравственную силу и уверенность в себе. Открылась бы реальная, а не картонная перспектива интеграции в Европу. Увы! Посему у города Одесса великая судьба, а у государства Украина — великие проблемы.

* * *

«Россия во мгле» — так называлась статья, в которой профессор Скалкин проанализировал всю ситуацию в целом, сложившуюся на просторах бывшего СССР в самом начале постсоветского периода. Она была большая и помещена в трех номерах газеты «Одесский вестник» (№ 172, 173 и 176 за 21, 23 и 30 сентября 1993 года). Заметим — до октября 1993 года, обозначившего в России катастрофический разрыв с советским прошлым, и до начала обвальная чубайсовской приватизации государственной собственности, направившей эту страну по пути формирования государственно-олигархического капитализма.

Причем тут знаменитый английский писатель-фантаст Герберт Уэллс, заголовок из книги которого заимствовал Владимир Львович? Он посетил Россию в 1920 году. В гражданскую войну. Его впечатление: «Картина

колоссального непоправимого краха... История не знала еще такой грандиозной катастрофы...» Теперь знает. Скалкин привел впечатляющие цифры. Без всякой войны национальный доход постсоветской России упал за 5 лет на 66%. Во время Второй мировой войны падение составило 34%. По сравнению с 1990 годом цены в Украине в 1993 году выросли в 600—4000 раз.

Толково и обстоятельно разобраны в статье все основные мифы (верования, в терминологии Скалкина) о советской экономике и причинах ее краха. По его словам, «неэффективная» советская экономика позволяла успешно участвовать в гигантском слаломе-гонке вооружений; оказывать постоянную безвозмездную экономическую помощь социалистическим и развивающимся странам; помогать вооружениями и военными контингентами странам, где шел «революционный процесс»; вести дорогостоящую войну в Афганистане; производить разовые многомиллиардные затраты на экономические кампании, «стройки коммунизма» и т.п.; содержать и обеспечивать всем необходимым крупнейшую армию в мире, причем значительная часть ее в виде групп войск находилась в целом ряде стран Восточной и Центральной Европы; успешно соревноваться с США в космосе и освоении Антарктиды; обеспечивать содержание и нарастающее развитие мощнейшего в мире научно-интеллектуального потенциала («Весь мир сегодня, подобно мародерам, рыскает на его развалинах в поисках новейших, фантастических, по мнению американцев, секретов, до сих пор еще чудом уцелевших в многочисленных НИИ и на заводах»); бесперебойно финансировать все формы среднего и высшего образования, разветвленную систему здравоохранения и санаторно-оздоровительных комплексов, дотировать цены на большинство товаров массового спроса.

Как это удавалось при том, что советский народ с брежневских времен капитально «расслабился» и добросовестным трудом себя не измождал? Как он жил?

Скалкин пишет: «Народ жил нелегко. И тем не менее жизненный уровень масс (кстати, за 30 лет население СССР увеличилось на 106 миллионов человек), хоть и медленно, но повышался. Велось беспрецедентное по масштабам жилищное строительство. Пенсионный возраст (60—55 лет) самый низкий в мире. Люди практически не знали, что такое инфляция (хотя в действительности скрытые ее формы имели место). Цены не менялись десятилетиями: один квадратный метр жилплощади и 1 квт. электроэнергии — 4 копейки. Стоимость одного литра бензина равна была цене стакана сельтерской воды с двойным сиропом» (Скалкин 1993б).

Ответил он и на вопрос, кто виноват в экономическом крахе. Разобрал пять версий. Четыре откинул. Пятая, на его взгляд, наиболее правдоподобная: «Основную причину политического, экономического, культурного и духовного кризиса, обрушившегося на 300-миллионное население бывшей державы, следует связывать с внезапным образованием в результате неумной и неумелой политики, проб и ошибок политически не структурированного социального вакуума, который позволил сотням амбициозных, неопытных,

малознающих, не проверенных делом, бестолковых, а то и просто бесчестных авантюристов оказаться в высших эшелонах власти» (Скалкин 1993в).

По союзной экономике было нанесено три мощных удара, но не вражеской авиацией, а собственными горе-реформаторами. И она в конце концов «посыпалась». Особо об Украине: «В катастрофическое положение попала экономика Украины. Вот она уж точно оказалась ЗАЛОЖНИЦЕЙ политики — националистической, сознательно направленной на скорую автаркию, а по сути — самоизоляции. Радикал-националы полагают, что они будут проводить недружественный по отношению к России курс, лелеять мечту о создании балтийско-бессарабского «санитарного» альянса, бойкотировать почти все общие мероприятия СНГ, нещадно разрывать экономические, научно-технические и культурные связи, обвиняя русских во всех смертных грехах и прежде всего в поедании всего украинского съестного (особенно сала), а Россия, кровью и потом собравшая братское южно-западное государство на северных берегах Черного моря, будет и впредь отпускать нефть и газ по «братской» цене, т.е. даром. Ведь если мы независимое государство (а сомнений в этом нет), нам следует приготовиться к мысли, что в эпоху рыночного передела мира надо за все рассчитываться твердой валютой. Экономика Украины на все 70% завязана на страны СНГ, а мы, как ладана, боимся какой-либо координации усилий, «щоб нас, упаси боже, не втягнув znovu у ярмо отой старший брат!» (там же).

Как в воду глядел! С тех пор мы пережили многократное увеличение цены на газ более чем в 5 раз, «газовые», «сырные», «мясные», «трубные» и прочие торговые войны с Россией. И все их проиграли по причине несоизмеримости экономик. Мы практически потеряли свой ВПК, который был тесно завязан на кооперацию с российскими предприятиями. У нас перестал существовать целый ряд наукоемких отраслей промышленности. Можно и далее перечислять потери от разрыва связей.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Владимир Львович предлагал восстанавливать единое экономическое, финансовое и таможенное пространство в границах всех (или части) стран СНГ, обеспечив свободное перемещение рабочей силы, капиталов, технологии и товаров. «Каждая республика пусть сохранит за собой должный суверенитет. А чтобы не было ненужных разговоров, основать в треугольнике Гомель-Навля-Кюнотоп новый общий город (Белукрос), где будут располагаться координирующие экономику гетьманские рады». Он предлагал также установить за пропаганду шовинистической концепции «старшего брата» срок — 5 лет работы на аммиачных заводах им. Хаммера. «Ведь мы уже знаем, чего бояться наши «черти». Вот если бы на ярме была этикетка: «Made in Europe», тогда другое дело, ведь нам не привыкать под паном ходить, но хочется чего-то эксклюзивного, цивилизованного рабства, что ли... Ведь в самом деле, ну не уступим же мы Африке в этом вопросе?» — иронизировал Скалкин (там же).

Трудовой капитал... честная собственность... мелкое и среднее предпринимательство как основа новой экономики... Владимир Львович мечтал

на бумаге, а думал, что излагает политэкономическую теорию. Все это — интеллигентская маниловщина, в основе которой лежит непреодоленный социалистический комплекс проективности, социального строительства. На Западе рынок никто не строил. Он возник и создавался естественным образом, спонтанно, сотни и тысячи лет (Ф. Хайек утверждает — сотни тысяч), проходя стадии дикости, варварства и цивилизации. «Накопление трудового капитала будет медленный процесс, но нам спешить некуда», — вразумлял народ В.Л.

Дорогой Львович, «нам» это не подходит. Мы хотим всего и сразу. Нам надоело жить обещаниями прошлой власти. Мы устали от государственного тягла, от жизненных забот, в том числе семейных, от необходимости все время оглядываться по сторонам, выстаивая огромные очереди в пивную и т.д. Мы устали! Мы хотим праздника потребления и неповиновения. На этом настроении либеральная западническая интеллигенция подловила народ и подогрела его. И он не устоял. Поддался наш человек на «концепцию свободы», раскрепостился от всех пут, кинулся в омут своих долго подавляемых страстей, как в запой. И понеслась славянская душа вскачь! А когда очнулся, протрезвел, увидел вокруг себя каких-то людей, которые ругают его за органическую неспособность реформироваться, владеть собственностью, вписываться в каноны западной цивилизации, некультурную манеру выражаться и прочий либеральный вздор.

Пример В.Л. Скалкина, в частности, показывает: как правильно осуществлять переход к рынку теоретически знали многие. Но как нейтрализовать природу человека, которая не позволяет реализовать этот правильный сценарий, не знал никто. Что делать с размороженной страстью к легкому и несправедному обогащению, с волей к власти над другими, с отсутствием ответственности и самодисциплины? Диктатура закона? В нашей зоне цивилизации она не предполагает демократию. Скорее наоборот. Да и кто будет осуществлять эту диктатуру? Коллега Скалкина по университету, социальный психолог профессор И. Белявский писал примерно в то же время: «...канули в Лету неистовый и косноязычный депутат-таксист, потрясавший своими пламенными речами древние кремлевские своды, коммунистическая Жанна д'Арк из Грозного, осиротившая свой газосварочный аппарат. На смену им приходит этакий усредненный политический гангстер в белом воротничке, выпускник бывших партийных школ, которому решительно наплевать на нужды и чаяния народа» (Белявский 1993). Добавьте к этой категории еще «эконом-чекистов», «выпускников» элитных тюрем и лидеров спортивных группировок рэкетиров. В общем, люди-волки.

Основную роль в приватизации экономики у нас сыграли не предприятия, не трудовые коллективы, не инициативные люди, а депутатские корпуса в центре и на местах. Именно через них и между ними, их родственниками и корешами, с привлечением других властных структур (работников прокуратуры, милиции, судейского корпуса и др.) *бесплатно* была распределена общенародная собственность. Весь это процесс был обильно смазан

взятками и сопровождался заказными убийствами конкурентов. Города и целые регионы оказались во власти криминально-политических, а то и просто бандитских группировок. Собственность и власть у нас нераздельны, потому что они родились такими, как сиамские близнецы. Операция по их разделению скорее приведет к летальному исходу, чем к успеху. То, что сделал Путин с Ходорковским, Березовским и Гусинским в назидание всем другим новоявленным олигархам, было не отделение бизнеса от власти, а предупреждение о невозможности поглощения государства финансовой олигархией. Есть предел, за который наглость олигархов не должна распространяться. Государство было и остается главным источником власти — и политической, и экономической.

Наверное, каждому интеллигенту знакомо чувство отчаяния от своего бессильного знания. Пребывая в мрачном пессимизме, бывший диссидент, журналист, психолог по образованию (ныне заведующий кафедрой психологии Одесского университета) Борис Херсонский писал в то время на тех же страницах «Одесского вестника»: «У либерала-интеллектуала есть лишь одно оружие. Это — терпимость и умение анализировать. Пусть сегодня анализ никого не интересует, все равно — разум должен работать. Его голос должен звучать. Рациональные установки — один из наиболее совершенных механизмов психологической защиты» (Херсонский 1993). Профессор Скалкин не имел опыта диссидента, но думал так же. Он понимал, что должен делать то, что делает, и, может быть, когда-нибудь кому-нибудь это понадобится.

МЕЖДУ КАНТОМ И МАКИАВЕЛЛИ (Вместо заключения)

Статью «Россия во мгле» автор закончил словами: «Конец первой серии». Это говорит о том, что он работал над продолжением. У него были планы, но смерть их перечеркнула.

Смерть Владимира Львовича была случайной: он умер от простуды. Можно посмотреть на это иначе: его погубил развал Советского Союза. А это уже не случайность. Медики одними из первых показали нам всем капиталистическую «кузькину мать». Вот как описывает в письме друзьям его смерть жена:

«В конце ноября в университете на заседании кафедры (в университете холод даже при 0°, и студенты сидят в пальто и перчатках, а тут целый месяц — 5, -10°) простудился В.Л. Вроде бы ничего страшного, что-то вроде гриппа, через дней 10 вызвали врача, тоже вроде — простуда. Потом стало неудобно продлевать больничный: «У вас, наверное, воспаление легких (флюорограмма не показала потом ничего) — давайте поколем антибиотиками». Как он (врач) определил воспаление легких — непонятно, т.к. даже телефон не слышал, когда звонил рядом. Это был повод для ироничной критики.

Начали колоть — через несколько дней началась аллергия. Лицо распухло в два раза. Страшная сыпь. Вызвали аллерголога, задавала вопросы типа «Вы не наркоман?» и что-то еще более абсурдное для человека в таком возрасте. Начали колоть противоаллергическое, через 3-4 дня отекли ноги, не смог ходить.

Вечером 29-го декабря был разговорчивым, даже весёлым, ушли отеки с лица, стал похож на себя. Ночью не спал, сидел, т.к. начался страшный кашель, попросил вызвать скорую помощь. «Что сказать?» — «Приступ астмы». Это было в 4.30. Вызвала скорую, стала высказывать, чтобы встретить врачей, на балкон, на лестницу. Вдруг стало в квартире тихо. Захожу — неподвижно сидит. Зашли врачи: «Он же умер. Это типичный отёк легкого».

Вот и всё. 30 декабря Владимира Львовича не стало. Он прожил чуть больше 61 года. На могильной стеле Скалкина коротко перечислены его достижения:

Профессор
Доктор наук
Журналист

Почему мне во всем понятен, допустим, *политик* Леонид Кравчук, понятен и неприятен, и чем меня привлекает личность *интеллигента* Владимира Скалкина? Чем мне дорог Львович? Нежеланием принять в себя подлую действительность, идущим от человеческой порядочности упорством самостояния. Это то, что открыл для нас и раздвинул до размеров Вселенной Иммануил Кант: нравственный закон внутри нас. Кравчук глух к нему, потому что весь свой заостренный слух направил вовне, в политическую реальность и настроил на конъюнктуру. Он, конечно, выиграл. Такие всегда выигрывают. Может быть, поэтому я — апологет поражения. Я всегда против Системы. Советской, когда она была сильна и в своей безнаказанности давила все живое и мыслящее под грифом развитого социализма. Система развалилась. Мне бы радоваться и торжествовать. Ан, нет. На месте советской сложилась другая система, причем сложили ее те же самые люди и их последыши. И я снова «против».

Советская система была в миллион раз справедливее нынешней, но отягощенная черной кармой преступлений политических режимов против человека она была опрокинута ходом Истории под либеральные вопли о том, что лучше быть свободным, чем справедливым. В отношении справедливости все понятно: кравчуки здравствовали тогда и здравствуют сейчас, а где вожденная свобода, ради которой они, по их словам, все сломали? В 90-е годы она явилась в образе фурии развала, хаоса, безработицы, криминальной революции и массового обнищания.

Интеллигент есть оппозиционная единица, критически мыслящий индивид. В критике заключена утверждающая мысль. Это единственная

форма либерализма, приемлемая в отечественной традиции. Остальное в либерализме на нашей почве — чужеродное, занесенное, предательское, антинародное.

Интеллигент существует в зазоре между существующим порядком вещей и справедливостью. Его законом является категорический императив Канта. Политик — весь в думе о власти. Его настольной книгой является «Государь» Макиавелли — первая в Европе книга, рассматривающая власть и политический процесс с точки зрения политтехнолога. Неужели политик разумен, но аморален, а интеллигент совестлив, но не разумен? Неужели гармония разума и морали, на которой настаивал еще Сократ, невозможна? Ведь не случайно все великие интеллигенты «выпадали» из Современности, а все великие политики были на острие исторического тренда, то есть в авангарде Современности?

Я не хочу сказать, что интеллигент, руководствующийся моралью, по определению выше бессовестного политика. Театральный режиссер Захаров, кинорежиссер Рязанов и актер Басилашвили, безусловно, интеллигенты. Интеллигенты, ослепленные либеральной идеей. Вот так влюбляться в идею — до умопомрачения — это чисто по-нашему, это — чисто интеллигентское качество. Можно его назвать именем великого критика — «синдром Виссариона Белинского». Кто-то «смертью смерть поправ», а кто-то ложью ложь поправ. Для страны, для народа 90-е — «лихие», а для Олега Басилашвили — «святые». На постсоветском пространстве воцарился хаос, в котором погибли великие достижения советской эпохи — социальная система, образовательный комплекс, научные школы мирового уровня, уникальная литература и кинематограф, индустриальный комплекс. Кровь, пот, колоссальные жертвы советских поколений — все обесценилось ельцинским десятилетием под либеральную болтовню о «непомерной цене». И на обломках выкристаллизовался ельцинско-путинский, олигархически-бюрократический, коррупционный капитализм. И что мы слышим? «...Государство, не доведя реформы Гайдара и Ельцина до конца, оставило нас лицом к лицу с алчностью, воровством и чёрствостью рынка» (Басилашвили 2013). Да нет же, Олег Валерианович, Вы крупно ошибаетесь: реформы были доведены до конца. Путин и довел, поставив нас лицом к лицу... Дальше по Вашему тексту. И Брежнев довел до конца советский социализм. Его творческий потенциал, креативную силу полностью перекрыла неимоверно разросшаяся пресловутая «административно-командная система». Может, идеологам думалось-мечталось иначе, но жизнь все расставила по своим местам. В полном соответствии с гениальной формулой Гегеля: все разумное действительно, все действительное разумно. Все, что оказалось нереализованным, недействительным, очевидно было неразумным в данных конкретно-исторических условиях при наличных ресурсах.

А можно занять позицию между Кантом и Макиавелли? Увы, можно. Большинство стоит на этой позиции «между»: и не интеллигенты, и не политики. Конформисты. Их преступления не подпадают под юридические

определения. «Он знал, что крутится земля, но у него была семья». В итоге мы здесь, на Украине, живем не в мире, а в междумирье, мы не в пути, а в беспутьи. Но есть, слава Богу, ориентиры, яркие огни в плотном тумане мифологического самообмана. И образ Владимира Львовича Скалкина — один из них.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«Кто жил, в ничто не обратится!»
Слово Тете

Настало время последних слов, весомых обобщений. Схожесть судеб моих героев — трех профессоров Одесского университета — говорит о том, что они, в сущности, были людьми одной судьбы — судьбы поколения «шестидесятников». Стало быть, его мотивация определила их мировоззренческие устои и жизненные принципы. Поэтому я вновь обращаюсь к тому, с чего начал эту книгу — к поколенческому анализу.

Мы постоянно — порой отчетливо, а чаще безотчетно — поддерживаем диалог со своими предшественниками и в диалоге с ними вырабатываем свой строй мыслей и убеждений. Есть поколения цельные, собранные, имеющие стержень или даже крупный общественный проект и есть поколения разношерстные, потерянные, лишенные объединяющей идеи. А есть поколения, которые даже трудно идентифицировать, настолько они невнятные. О них лучше отделаться лапидарной фразой: «Молодежь у нас замечательная!»

И если, например, известный философ Валерий Подорога говорит, что по времени он относится к поколению «семидесятников», но душой принадлежит к «шестидесятникам», то это свидетельствует о силе влияния этого поколения. Оно поставило планку прежде всего для следующего поколения, которому оно «мешало жить», как знаменитый отец своему ничем не примечательному сыну. В этом плане показательна ненависть Глеба Павловского к «шестидесятникам». В одном интервью с ним корреспондент заявил: «Я восьмидесятник. И шестидесятников не люблю». Павловский тут же подхватил: «И я не люблю. И никогда не любил. В России всегда были поколенческие разрывы... Но есть такие агрессивные поколения, которые подминают под себя последующие поколения. Родители не должны отбирать биографию у детей. А шестидесятники сожрали не только свою собственную биографию, но и биографии детей и внуков. Они очень давили. Навязчивое поколение слишком. Потому что закомплексованное. Шестидесятники сами не реализовались и после этого всем мешали жить» (Павловский 2001а).

И «благодарный» Подорога и «неблагодарный» Павловский одинаково признают доминирующую роль этого поколения в советской истории. Действительно, «шестидесятники» создали вершинную для всей советской эпохи культуру, золотой ее пласт. Решающее влияние этой культуры во всех областях общественной жизни на все последующие поколения очевидно. Обращает на себя внимание современное постсоветское кино, литература,

музыка и даже техника. Сплошные повторения, «римейки», переименования, ретро из того времени. Отсутствие новых идей и художественных форм восполняется переосмыслением того, что дала миру эта культура. Зачастую — без честного признания, кому обязаны. Поистине «время second hand»¹.

«Шестидесятники» были цельным поколением, объединенным идеалом гуманного социализма и верой в научный прогресс. Его мироощущение было проникнуто оптимизмом и радостью бытия, романтизмом и поэтическим настроением. Не случайно поэзия стала главным художественным жанром этого замечательного времени. Столь повального увлечения поэзией не знало ни одно время ни до, ни после. Люди этого поколения были последними носителями Идеи социальной справедливости, ради которой была сделана Революция 1917 года и пролились реки крови в непримиримом гражданском конфликте. И даже сталинская партийно-аппаратная контрреволюция не смогла ее дискредитировать.

Я не думаю, что это поколение уникально. В контексте нашей советской истории — да, но в контексте мировой — ничто не ново под луной. Французский писатель Эмиль Золя, обращаясь к молодежи в 1893 году, писал о своем поколении: «Мы были переполнены наукою, которая окружала нас со всех сторон, мы жили ею, вдыхая в себя воздух того времени. Теперь я могу признаться в этом, я лично был даже сектантом, старающимся перенести в область литературы строгий метод ученого. И потом, какой энтузиазм и какие надежды одушевляли нас! Всё знать, всё мочь, всё победить! Посредством истины сделать человечество более высоким и счастливым!» (Толстой 1793: 175).

Не правда ли, узнаваемый романтизм поколения шестидесятников, их идеалистический настрой? **Они были счастливее нас.** Они чувствовали себя в строю. Мы — сами по себе. И каждый умирает в одиночку.

Именно устами этого поколения уникальная историческая формация «советское общество» сказала остальному миру свое последнее слово. Но оно не было услышано, потому что вокруг царила атмосфера непонимания и даже враждебности. Драма поколения шестидесятников в том, что оно пережило крах своих идеалов. Хотя на фоне трагедии поколения их отцов («Дети революции»), которое практически все было выбито войнами и сталинскими чистками, драматизм их жизни и печального итога значительно смягчается.

Писатель А.Н. Рыбаков в своем мемуарном произведении мучительно размышлял над вопросом, когда возникла губительная мутация, перерождение партийной и хозяйственной верхушки? Он винил, в первую очередь, сталинщину, практически истребившую «детей Революции» и накинущую на общество гигантскую сеть тоталитарного контроля за свободомыслящими людьми, но не только ее. «Вероятно, в истории действуют свои законы преемственности поколений. Мы их нарушили. И жестоко наказаны. В результате

¹ Так назвала С. Алексиевич свою книгу.

в конечном итоге к власти пришли благополучные, честолюбивые, беспощадные мальчишки, безразличные к народным нуждам, ввергнувшие страну в свои разрушительные эксперименты», — пришел к выводу автор «Детей Арбата» (Рыбаков 1997: 101).

Примерно к такому же выводу пришел философ А.А. Зиновьев. Он считал, что кризис советского общества возник в связи с неестественной сменой поколений в послевоенный период вследствие огромных потерь в годы войны. Инициатива перешла к людям 1929—1931 года рождения. Но настоящая социальная пропасть между поколениями разверзлась, когда в силу вошли люди, родившиеся после 1985 года. «С коммуняками тут колоссальный разрыв. Даже разрыв между поколением дореволюционным и теми людьми, которые пришли в советские годы, не был таким сильным, как сейчас» (Зиновьев 2005).

Писатель и философ правы. История советской эпохи была слишком кровавая и короткая, чтобы обрести плавный эволюционный ход, позволяющий поколениям в полной мере развернуть свои возможности. Если взять историю Советской эпохи в поколенческом разрезе, то первое поколение — «Дети революции» (20—40-е гг.) — составили люди, бывшие суровыми и искренними носителями наивного коммунистического идеала. Это поколение попало в мясорубку гражданской и мировой войн, а в промежутке — советского термидора. Эти люди, будь они живы, могли бы многое передать своим детям. Это — трагедия Революции, но это и колоссальная травма, которая тяжело отразилась на всем советском обществе, на вхождении в активную жизнь следующих поколений. Ведь кровь их отцов и дедов, ложь сталинских приговоров стали их «скелетом в шкафу», внесли в общественную атмосферу лицемерие, табуированные темы.

«Дети войны», они же «шестидесятники», пережили послевоенный энтузиазм возрождения разрушенной войной страны, антисталинский XX съезд, обновивший романтическую веру в коммунистический идеал, космический триумф советского общества, неудачу хрущевских реформ, подавление восстаний в Венгрии (1956) и Чехословакии (1968), утрату исторического хода, переход в консервативную стадию общественного развития. Фактически в конце их ответственного существования советская цивилизация надломилась.

Следующее поколение — «Дети застоя» (70—80-е гг.) — действовало в условиях мягкой брежневской рестаилинизации и суловского догматизма, зажима всякого свободомыслия. При этом шло широкомасштабное освоение природных богатств Сибири и Дальнего Востока, строительство гигантских нефте- и газоконплексов, атомных и гидроэлектростанций. Застой в общественном развитии, непомерное разрастание и очевидное загнивание партийно-бюрократического аппарата управления, наконец, Афганская война и Польское освободительное движение превратили Советский Союз в «Империю зла». Со всем этим «поколение застоя», наше поколение, не справилось. Отчужденное от реального управления страной, оно разбрелось

группами по своим интересам, покорно ожидая «естественной смены». «Люди застоя» утратили последние иллюзии в отношении общественного идеала и занялись индивидуальным обустройством. Горбачевская «перестройка» была долгожданным глотком свежего воздуха. Она могла бы исправить положение. Но не смогла.

Брежневское время по своему месту в советской истории равнозначно периоду Александра III, который подвел царскую Россию к ряду революций начала XX столетия. Ельцинская контрреволюция лишь выявила то, что подспудно вызрело и, собственно говоря, подготовило ее в «период застоя». Я здесь ничего нового не открываю. Читайте классика политологии Алексиса Токвиля «Старый порядок и Революция». Впрочем, и у нас есть наблюдательные умы. Острый, как бритва, на язык и далеко не всегда справедливый Дм. Галковский, однако, уловил музыку «застоя», времени советского постмодернизма, получившего образное воплощение в личности генсека Брежнева в стадии полного маразма, и передал ее в следующих словах: «Таким же брежневым был Примаков, брежнев — Ельцин, и ранний, и поздний, брежнев Алиев и брежнев Шеварднадзе. Брежнев Арбатов. Брежнев Евтушенко и Вознесенский, брежнев Ахмадуллина, брежнев Окуджава, Глазунов, Битов и уже на подходе брежневы Ерофеев, Гайдар и Хакамада. Советские люди раздавлены Брежневым. Все поколения, прошедшие через брежневский застой покалечены чавкающим абсурдом, ломающим волю, способность к сопротивлению, творчеству, самостоятельности, вообще жизни» (Галковский 2006).

Умники из кремлевских либералов и лидеры советской оппозиционной интеллигенции одинаково полагали, что беды нашего строя были в генсеке Брежневе и геронтократах из Политбюро, а она, беда, была и в них, заражения эпохальным брежневизмом в себе не замечавших.

Это факт, что все знаковые советские либералы-шестидесятники не приняли ельцинский режим и осудили развал страны, разграбление государственной собственности и фактический геноцид народа. В частности, тот же Юрий Афанасьев в одном интервью (2005) сказал: «Собственно говоря, весь период от Бориса Ельцина до сегодняшнего дня — это, как мне кажется, продвижение от плохого к худшему. <...> Власть взяла все в свои руки. И случилось это еще при Ельцине» (Афанасьев 2005). «Гайдар — символ чудовищного разлома несправедливости и бесчеловечности, зеркало того антинародного, номенклатурно-олигархического выхода из социализма, который был навязан России в начале 1992 года», — писали Гавриил Попов и Юрий Лужков в статье на его смерть (Попов, Лужков 2010).

Впрочем, далеко не все «шестидесятники», которые считались лидерами поколения, остались на своих позициях. В этой связи хочу процитировать слова философа Б.Ф. Славина: «...Не все выдержали испытание временем. Даже Григорий Григорьевич Водолазов в какой-то момент был увлечен Бурбулисом. Что же касается таких публицистов как Отто Лацис, Егор Яковлев, Александр Ципко, поэт Евгений Евтушенко, писатель

Г. Бакланов и др., то их определенное предательство своего прежнего творчества, доходящее до низкопоклонства перед ельцинским режимом, сегодня трудно понять, а еще более оправдать» (Славин 2008).

Некоторые видные представители этого поколения интеллигенции испытывали необходимость в покаянии. Так, в одном из последних своих сочинений «Исповедь шестидесятника» Юрий Буртин¹ написал, что чувствует вину — свою и своего поколения — за то, что в результате «перестройки» «реальный социализм» переродился в нового монстра, одно из названий которого «номенклатурный капитализм»» (Шестидесятники и современность 2010).

Блогер (женщина, 1958 г. рожд.) написал в своем посте в связи со смертью писателя Василия Аксенова: «Сегодня отношение к шестидесятникам сложное. Я их не люблю за то, что у них были все возможности продолжить советский проект, а они его предали, заклеямили, высмеяли, предпочли западный. Мне могут сказать, что они мстили за своих репрессированных родителей. Но разве их родители сами не репрессировали других, не лили чужую кровь? Своей жизнью они не мстили за родителей, а мстили родителям за тот выбор, которые те сделали в 17-ом. Слабоваты оказались дети против своих родителей. Строительство принципиально нового общества предпочли банальной внутренней или внешней эмиграции в хорошо обжитую среду. Бог им судья»².

А.Н. Тарасов (род. 1958, «постшестидесятник»), бывший левый диссидент, создатель «Неокоммунистической партии Советского Союза», ныне директор Центра новой социологии и изучения практической политики «Феникс», тоже не скупится на гневные слова в адрес «шестидесятников»: «Все, что вы умеете, как оказалось — это *разваливать* и *разворовывать*. Развалили Советский Союз, развалили промышленность, развалили систему образования, развалили систему здравоохранения. Лишили молодежь будущего — подвергли ее, по сути, *репрессиям*. За что? Почему?» (Тарасов 2007)

Странно, что и блогер, и борец за «истинный марксизм» высказываются явно не по адресу: их слова по справедливости адресованы к уже покойному Гайдару и еще живым Чубайсу, Бурбулису, Павловскому и им подобным, которые не относятся к субкультуре «шестидесятников» (их и к интеллигенции нельзя отнести) и всплыли на поверхность только тогда, когда «перестройка» стала захлебываться. Они, собственно говоря, ее прикончили.

В чем причина такой слепоты, сознательной или полусознательной фальсификации, подмены, переключивания всей вины за случившееся исключительно на «поколение шестидесятников»? Почему по сей день «шестидесятничество» продолжает вызывать агрессивную раздражительную реакцию

¹ БУРТИН Юрий Григорьевич (1932—2000) — литературный критик, публицист, историк, яркий представитель поколения «шестидесятников». Вместе с Гр. Водолазовым Ю. Буртин ввел в обиход термины «номенклатурный капитализм» и «номенклатурная демократия», по их мнению, описывающие возникший после 1991 г. в России строй.

² На смерть шестидесятника (12.07.2009) //URL: <http://uborshizza.livejournal.com/595659.html>

с разных сторон и под разными углами зрения, хотя, казалось бы, это уже историческое явление, к которому нужно подойти взвешенно?

По-моему, основная причина в том, что «шестидесятники» действительно было становым советским поколением, которое взяло на себя главную ответственность за судьбы советской страны в послевоенный период. Оно было идейным вдохновителем и двигателем общественного развития в Стране Советов. Оно сделало две мощные попытки вдохнуть в социализм новую жизнь — это «оттепель» и «перестройка». И обе закончились поражением. Власть вверху и масса внизу («Система») задавили их интеллигентские порывы. В результате возникли чувство собственной вины и претензии к людям этого поколения, суть которых заключается в том, что в самых благоприятных для себя условиях они провалили проект реформации Системы. Вот за это они и коллективно «отвечают». Больше вину и ответственность разделить с ними просто некому. Вслед за «шестидесятниками» шли поколения рыхлые, невнятные, размытые, морально распатанные, лишённые каких-либо крупных общественных проектов. Это — «дети Развала и Безвременья». Природе тоже надо отдохнуть. Блогер Игорь Эйдман в своем посте написал: «Каждое поколение спорит с предыдущим, пытаясь выстроить свои жизненные стратегии на отрицании его опыта. Детям советской элитарной интеллигенции уже не нужно то, что было целью их родителей. Правнукам идейных коммунистов, внукам шестидесятников, детям героев первичного накопления 90-х не нужен ни коммунизм, ни либерализм, ни стяжательство. Успешные родители обеспечили их материальными благами, начисто вытоптав, проституировав, дискредитировав все идеологические, творческие ценности. Вместо идей им предложили политические пиар-фальшивки и средневековое религиозное мракобесие, а вместо искусства — гельмановщину, торговлю синими носами и другой постмодернистской туфтой. Новое поколение элитарной интеллигенции оказалось обреченным на пустоту и саморазрушение»¹.

Дети и внуки «шестидесятников» видели, что в позднесоветском обществе доминируют карьеристы, прикрывающиеся утратившими всякую убедительность коммунистическими фразами. Когда открылось окно на Запад, они ринулись туда завоевывать себе место под солнцем. На Западе солнце казалось огромным, возможности разбогатеть и реализоваться сказочными — тут сказалось влияние буржуазной, рыночно-демократической мифологии. Поэтому их эмиграция приняла массовый характер.

Мы сами свою слабость измерить не можем и обстоятельства других людей нам до конца не ясны. Но ясно другое: массовый исход из Отечества детей есть свидетельство поражения их отцов, причина их душевной боли и смертельной тоски. Ведь понятно, с какой целью писал в стол Семен Иосифович Аппатов объяснение своему поступку и почему Ирина Марковна Попова пыталась «пробиться» к своим американским внукам. Они надеялись на понимание.

¹ Эйдман И. Эволюция российской интеллигенции: идеалисты, обыватели, дельцы, вырожденцы — 2011.11.23 // URL:<http://pravda.info/kompromat/96772.html>

Итак, самая комплиментарная оценка поколения «шестидесятников»: это великое социально-культурное образование, показавшее все, на что был способен строй реального социализма в СССР. Самая суровая оценка: полностью провалившееся поколение, несущее исключительную **коллективную** ответственность за постигшую страну катастрофу.

Наверное, будет правильно занять позицию посередине. Это поколение выявило гуманистический потенциал 1917 года, смысл Великой Революции для России и всего мира и, одновременно, обнаружило пределы возможностей советской цивилизации, ее убогость в сравнении с грандиозной заявкой на создание человека нового типа и освобождение человечества от всех форм угнетения и нужды.

«Шестидесятников» у нас не любят и не принимают. Но есть угроза более сильная, чем ложные, несправедливые обвинения в их адрес. Это — полное забвение вследствие разрыва поколений («распалась связь времен»), утраты преемственности. Здесь выражена общая тенденция заблуждения и беспамятства, обусловленная крутым переломом последних двух десятилетий. Современность довлеет себе и убеждает сама себя в своем превосходстве над прошлым. Г.Г. Водолазов попросил своих студентов написать на листочках имена «шестидесятников» — Юрий Буртин, Игорь Дедков, Владимир Лакшин, Игорь Виноградов, Эвальд Ильенков, Юрий Карякин, Евгений Плимак, Лен Карпинский, Александр Лебедев — и подчеркнуть двумя чертами — кого они читали, и одной — о ком хотя бы только слышали. И что же? Все студенты вернули свои списочки, не сделав ни одного подчеркивания. Юные русские интеллигенты не только никого из названных «шестидесятников» не читали, но даже имен таких не слышали! (Водолазов 2010).

«Будущее — за молодыми, которым «шестидесятники» не интересны и не нужны, — пишет в рецензии на книгу «шестидесятника» В. Бушуева все тот же «истинный марксист» А.Н. Тарасов (Тарасов 2007). Ошибаетесь, строгий товарищ! Люди, которые не замыкались в раковине своего мещанского мирка, не измеряли отношения деньгами, жили интересами страны и мира, не могут не вызывать искреннее уважение и неподдельный интерес, даже если они в чем-то ошибались, находились в плену утопии. «Шестидесятники» — самые близкие к нам по историческому времени *подлинные люди*. Ибо когда еще грядет общественное возрождение, когда в нашу жизнь вступит поколение, для которого «великое служение Родине» станет программой жизни? Только от нас, учеников своих учителей, зависит сделать так, чтобы не угас интеллектуальный и нравственный импульс, рожденный «шестидесятниками», чтобы не все созданное ими будет предано забвению.

Мои герои, будучи людьми науки и просвещения, пытались сочетать, каждый по-своему, «линию Вольтера» и «линию Руссо» — научную деятельность и гражданскую активность. И у них получалось! Они могли в своей деятельности совмещать эти две линии, осуществляя на практике сцепку интеллектуала и интеллигента, мыслителя и гражданина. Таким образом, их

место в ряду, обозначенном мной выше именами А. Эйнштейна, А. Сахарова, Дм. Лихачева, К. Поппера, А. Зиновьева и П. Бурдьё.

Хорошее дело сделала писательница из Белоруссии Светлана Алексиевич. Она записала и опубликовала истории жизни и рассуждения о ней «простых» советских людей, переживших переворот 90-х годов — тех, кто был счастлив в эти годы и тех, кто проклинал это время, тех, кто продолжает чтить Горбачева как освободителя от коммунизма и тех, кто считает его христопродавцем. Опубликовала для будущего объективного исследования: «Хочу остаться хладнокровным историком, а не историком с зажженным факелом. Пусть судьей будет время. Время справедливо, но дальнейшее время, а не близкое. Время, которое уже будет без нас. Без наших пристрастий» (Алексиевич 2013).

Есть поистине исповедальные рассказы, очень сильные, трогающие невыдуманные сюжеты, много метких определений, точных наблюдений, искренних правдивых высказываний. И очень, очень много горечи и обиды. Что интересно, разочарованы обе стороны баррикады. Баррикада оказалась мифической, ненависть напрасной, гражданское противостояние — фальшивым, производным от недостатка интеллекта, не способного противостоять мифологии перестройки. Сплошной фарс — и ГКЧП, и три дня борьбы за Белый дом, за Ельцина, за Горбачева, якобы плененного в Форосе. Все — сплошной спектакль с переодеваниями, политическое шоу с комическими сценками. Хорошо помню перевозбужденного музыканта мирового уровня Растроповича. Специально прилетел из Парижа, чтобы поучаствовать в «исторической борьбе с коммунизмом». Он смешно картавил, отвечая на вопросы тележурналиста. Под мышкой у него болтался короткоствольный автомат. Растропович с автоматом — какой артистический жест! Не история, а водевиль. Бориску на царствие! Умирать действительно оказалось не за что и не за кого. Но прошлое, революционное советское прошлое, время первых двух поколений — было, бесспорно, великое. О них идет жаркий внутренний спор, спор поколений о роли и цене героизма и веры в утопию. Одни не верят другим, а те не понимают первых. Поэтому спор во многом бессодержательный. Понять, простить друг друга и покаяться — это выше наших сил.

Власть завела коммунизм в тупик, там его сдала, переделась в демократов и вышла на белый свет в новом обличье, увлекая за собой толпу призывами выйти на свободу. Что такое наша свобода? Есть образ. Сидим в закрытом лифте и мчимся в шахте вверх. Потом движение замедлилось и вовсе застопорилось. Мечтаем только об одном — чтобы лифт открылся. Ругаем на чем свет стоит всех, кто для нас власть — от жэковского техника до генсека. Наконец, дверь открылась. Испытываем прилив неподдельного счастья. Сделали шаг вперед из кабины на...свободу. Вышли и обомлели: вокруг сколько хватает глаз пустыня — барханы песка, ни капли воды, ни зеленой травинки. Слышен вой шакалов. Оглянулись в страхе назад, а лифт уже ушел. Вот что такое наша свобода после 1991 года. Можно, конечно, сказать проще: вышли из барака и зажили в бардаке. Феноменологическое

наблюдение: куда-то исчезли приличные люди. Всюду локти и зубы. Трещат кости. Идет «естественный отбор». По Дарвину: выживают сильнейшие, в человеческом спектре — подлейшие.

С. Алексиевич записала слова одного своего респондента: «Ничего еще не поняли о нашем недавнем мире, а живем в новом. Целая цивилизация — на свалке...» (Там же). Верно замечено. И, главное, у молодежи нет никакого желания узнать и понять историю. Спешать жить. Без истории. Банальной жизнью современников. Правда, кое-какие представления им вбили в голову. Советская власть? О, это ужас! Когда у нас образование стоит дороже, чем в Англии, — это, конечно, не ужас. Когда больной умирает в больнице потому, что врач отказался делать ему операцию вследствие его неплатежеспособности — это, конечно, не ужас. Самые успешные, процветающие бизнес-предприятия — кладбища. Это, конечно, не ужас. Это просто наша повседневность.

«Деньги стали синонимом свободы. Это волновало всех. Самые сильные и агрессивные занялись бизнесом. О Ленине и Сталине забыли. Так мы спаслись от гражданской войны, а то опять бы были «белые» и «красные». «Наши» — «не наши». Вместо крови — вещи... Жизнь! Выбрали красивую жизнь. Никто не хотел красиво умирать, все хотели красиво жить. Другое дело, что пряников на всех не хватило...» (Там же).

Ай да Гайдар, ай да молодец! Спас-таки нас от гражданской войны потомок героя гражданской войны. Учил форс-мажор. Помню, как он говорил: мы — не Югославия, мы напичканы ядерным урожаем. Если у нас начнется гражданская война, весь мир взвоет. Открытие денег — как взрыв атомной бомбы... Обогащайтесь как можете и сколько можете! Все-таки сучьи дети организовали «ядерный взрыв» в головах «совков». Он развалил советское общество до основания, но западному миру, получившему пару веков назад прививку от частной собственности, вреда не причинил. Даже наоборот — польза огромная образовалась буржуинам от мальчиша-плохиша и его «реформ без правил». Глобальное общество как модель западного доминирования стало теперь реальностью. Двадцать лет жили припеваючи на развале Советского Союза. Европейцы даже сочинили для себя и остального мира миф о Соединенных Штатах Европы как регионе сплошного процветания. Недолго музыка играла.

Эта книга, по мысли автора, должна служить приготовлению деятелей для будущего. Современность не несет в себе того, что нужно для воспитания этих деятелей. Писатель и художник Максим Кантор говорит: «Удача, карьера и трусость — вот нынешний кодекс поведения» (Кантор 2010). Композитор Родион Щедрин утверждает, что главная идея сегодня: «Обогащайся». Ему практически вторит кинорежиссер Александр Митта: «...идеология в мире сейчас одна — «ЖРИ!» (Быков, Жарова 2013). Наше общество, да и весь мир явно не на подъеме после кратковременного торжества и злорадства по поводу распада СССР и гибели коммунистического эксперимента. Мы живем в эпоху всеобщего нигилизма и поразительно эластичного

конформизма: все позволено, ничего не стыдно, на все наплевать. Трагедия Союза нам показала, что глубокий духовный упадок длительное время не совместим с жизнью социального тела. Мы — больное общество. Как следствие этой болезни — мы вымираем. На Западе кто-то высказался, что Украине хватит и 15 миллионов. Для чего? Для кого?

Бога не было в Советской России, но разве он явился после? Между прочим, в советское время нас учили: не мир создан для тебя, а ты для мира. Сейчас учат противоположному. Нас учили самоотречению, сейчас — самоудовлетворению. Сегодня в кумирах молодежи ходят Прохоровы, Чичваркины, Полонские и прочие гламурные персонажи. Наверное, есть смысл и в этой стадии развития. Она, вероятно, воплощает какую-то важную необходимость, проявление диалектического закона. Но это не причина для того, чтобы плохое считать хорошим, а злое — добрым. Мы жили в позднесоветское время, и у нас есть критерий добра и зла.

«Да что же делать, что люди не умнеют?», — восклицал в отчаянии разменявший пятый десяток Александр Иванович Герцен. Мыслить и надеяться, — полагает автор этих строк, — а что нам остается? Надеяться на то, что ничего не пропадает зря, и наследники в конце концов вступят в свое наследство. Ведь предки тех, кто сейчас гордо зовется европейцами, с остервенением рушили и уничтожали античную культуру Древнего Рима и Византии. Я не говорю о чьей-либо вине. Тот, кто накопил богатую и сложную классическую культуру, превзошел отпущенную им меру грехов, устал держать историческую форму, и она расползлась, рассыпалась. Состарившийся организм не смог противостоять инфекциям. А тот, в ком бурлила жизнь, полная сил непечатых, был дик и неумеренно страстен, чтобы преклониться перед культурой завершенных форм, оценить накопления человеческого духа.

Понадобились пять-шесть столетий, чтобы варвары осознали, что она есть фундамент их цивилизации. И еще несколько столетий, чтобы они превратились в европейцев. Куколка стала бабочкой. Мы же сейчас даже не в положении куколки, а в стадии окукливания. Разгром состоялся. Время собирать камни. Надо осознать свое уникальное положение: мы живем среди артефактов советской эпохи, да и сами являемся ее осколками. В конце концов мы ведь не из лесу вышли, как предки европейцев.

Сегодня у нас нет собственных идей, проекта, который дал бы основание для энтузиазма всему обществу, всем нашим народам, связанным общей историей и культурой. Мы давно и сильно устали. Значительные усилия нам противопоставлены. Поэтому мы присели на обочине дороги и переживаем, набираясь сил. При этом кое-кто сожалеет о прошлом, кое-кто отчаивается в будущем. Но ведь наше время не исчерпывается этим. Идет работа по извлечению уроков, подспудно готовятся новые силы, недовольство современным положением вещей работает на позитивное будущее.

Наша задача сегодня — это труд критики, польза от которой тем больше, чем больше она сопровождается добротным анализом недавней истории.

В ней было много несправедливого, отвратительного, уродливого, лживого, но ведь в ней были и вера, энтузиазм, великие свершения, впечатляющие цели, были подлинные люди. В переживаемом нами времени хватает с избытком первого, но нет второго. Через новые поколения, вступившие в сознательную жизнь, проходит нить преемственности, и наш долг состоит в том, чтобы не порвать ее, а донести до тех, кому вновь откроется истина и кто окажется способным к пассионарному существованию в истории.

Из многих мифологических сюжетов по-человечески трогает судьба Сизифа. Его жизнь и судьба есть метафора человеческой судьбы. Наказанный богами за бунт Сизиф оказался в аду. А разве человек после наказания живет в раю? Наказание Сизифа — вечно вкатывать в гору огромный камень, который у самой вершины непременно скатывается вниз, к подножию. И Сизиф все начинает сначала и так без конца. Вечное бесцельное напряжение сил, напрасный каторжный труд. В свете разбираемой проблемы миф о Сизифе есть ключ к пониманию. Ему можно дать еще одно, кроме античного мифа и Альбера Камю, онтологическое истолкование: родовой, собирательный человек тащит в гору свои идеалы, напрягая все силы для их реализации. Он тянется к звездам. И вот наступает момент их обрушения. Но обрушиваются не сами идеалы, а вера в их осуществимость. Человек, придавленный поражением, отчаивается. Следующие поколения переживают стадию разброда, шатания, безучастности. Усталость и равнодушие — это явный признак поколения, живущего в состоянии обскурации, духовного и политического декаданса. Однако наступает момент, когда мифический Сизиф вновь чувствует прилив энергии и обретает надежду. Он начинает новое восхождение. Это значит, что поднялось на ноги новое *поколение с заданием*. Вновь наступает время энтузиазма, искренней веры обретенного пути к счастью. Такова волновая, периодическая природа взаимоотношений человека со своими идеалами. В этой связи вырисовывается драма нашей современности, индивидуальная для сильных натур и коллективная для всех. Мы живем после *падения*. Наша жизнь припала на те поколения, которые отказались от «сизифова труда», сочтя его напрасным, бесполезным и даже глупым занятием. Нам неизвестны счастливая полнота жизни и радостное ощущение общей цели — то, чем жили и дышали «шестидесятники» в годы их расцвета.

Зачем все это мудрствование? — спросит кто-то. А зачем нужен человек вообще, ведь животных, кстати, менее опасных для Природы, хватает и без него на планете Земля. И, во-вторых, нет труда бесполезного и дела безнадежного. Боги недооценили Сизифа-Человека. Как сказал А. Камю: «Одной борьбы за вершину достаточно, чтобы заполнить сердце человека». Я оставляю вас, уважаемый читатель, у подножия горы с вашей ношей. Сосредоточьтесь на своем камне и не говорите, что судьба обошла вас стороной. Иначе это и будет ваша судьба.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение №1

С.И. Аппатов

Размышления на национальную тему... (31.08.89)

1. *Вопрос:* «Кто Вы по национальности?»

Ответ: «Я — еврей, а, если точнее, советский еврей...

Я против двух крайностей в восприятии «еврейского вопроса» самими евреями, а именно: с одной стороны, давняя (довоенная) тенденция к ассимиляции, растворении в рамках русского, украинского, белорусского и др. народов. Жизнь доказала бесперспективность и даже опасность этого пути. Он не привел к цели, не ликвидировал антисемитизм. Более того, вызвал презрительное отношение других народов и наций.

Но я против и другой крайности: восприятие «еврейства» как некоей безграничной, вне времени и пространства, вне родной земли национальной принадлежности. И, тем более, против «замыкания» национальной принадлежности на «земле обетованной», то есть против узколобого национализма — за здоровое национальное чувство на своей сов[етской] земле.

Есть у советских, российских евреев своя родина, своя земля, своя культура, в значительной мере обрусевшая...

2. *Вопрос:* «Как Вы смотрите на проблему эмиграции евреев? В чем ее причина и к чему это приведет?»

Ответ: «Если отвечать коротко, то основная причина — разочарование в советской власти и опасения в связи с дальнейшей жизнью на родине. Можно давать этому резкую оценку, как антипатриотическому движению, даже как неблагодарности в отношении матери-Родины. Но это не освобождает нас от ответа на поставленный вопрос...

Причины накапливались давно. Глубокие корни их в живучем бытовом антисемитизме, помноженном на государственный, начиная где-то с конца 1940-х годов. Культ личности Сталина и годы застоя продемонстрировали это самым ярким образом («дело врачей», космополитизм, дискриминация при найме на работу и приеме на учебу и т. п.).

Теперь в годы перестройки многое изменилось к лучшему, но у многих «выдохлось» терпение, созданся подготовленный несколькими десятилетиями кризис доверия к власти. На это наслоились многочисленные экономические трудности, межнациональные трения, деятельность неонацистских организаций («Память») и нерешительность властей в решении этих жгучих проблем.

3. *Вопрос:* «Как же решать эту проблему? Где выход из тупика?»

Ответ: «Некоторые практические меры в рамках решения межнациональных трений, в т. ч. по «еврейскому вопросу», я уже неоднократно

предлагал: создание специальных подразделений (секторы, отделы, комиссии) в рамках партийных и советских органов для предметного решения национальных проблем; организация комплексных (местных) научных лабораторий (секций) для выработки конкретных рекомендаций исполнительным органам, учитывая специфику города, района, области. К сожалению, эти рекомендации, высказанные на районной, городской, областной партконференциях, на партконференции ОГУ, а также в беседе с 1-м секретарем ОК КПУ т. Г.К. Крючковым не были восприняты.

Если давать рекомендации в самом общем виде в рамках страны (по вопросам межнациональных отношений в целом), то можно посоветовать следующее:

а) всячески поощрять терпеливое, внимательное отношение одной нации к другой, особенно большой к малой, проявить максимальное желание понять национальные интересы людей, действовать, как правило, политическими, моральными. А не административными, волевыми методами, стремиться к консенсусу.

б) не форсировать, но и не сдерживать искусственно два противоположных процесса — ассимиляции и диссимиляции, т. е., с одной стороны, естественного «растворения» людей в инациональной среде (смешанные браки, отказ от родного языка в пользу другого, охотное восприятие культуры коренного народа и т. п.) и процесса (тоже естественного — перед угрозой уничтожения) возрождения национальной культуры, языка, обычаев и т. п. (например, народов Севера, а также таких крупных народов, как белорусского, народов Прибалтики, того же еврейского и др.). Т. е. никаких приказных, административных мер, ущемляющих, задевающих национальные интересы других наций и народностей. Тем более, что в ряде случаев трудно определить, какой народ обладает монополией на звание «коренного» в данном регионе.

в) решительное административное пресечение, уголовное преследование за малейшие оскорбления национального достоинства и чести любой нации и народности, населяющей страну; все права для лиц любой национальности независимо от места проживания и ценза оседлости и всяких других цензов.

Приложение № 2

**Советы коллегам по основным вопросам
научно-исследовательской, учебно-методической и организационной
работы на кафедре Международных отношений, отделении
Международных отношений и Центре международных
исследований**

Сегодня у нас сложилась определенная триада (научно-производственный комплекс): ЦМИ — ОМО — кафедра. Это опора новой специальности,

ее будущее, а это требует бережного, досконального отношения. У нас есть ядро преподавателей, занятых как в учебно-методическом, так и в научно-исследовательском, организационном, воспитательном процессе со студентами. Каждый из компонентов по-своему важен, но особенно это важно для новой специальности, которая только-только «встала на ноги».

1. Проблема кадров. Необходимо беречь и сохранять кадровый состав кафедры, ЦМИ, ОМО, воспитывать из преподавателей и аспирантов профессионалов-международников, — независимо от предмета, который читается (исторический, страноведческий, чисто политический или языковой).

Нужно тщательно оберегать кадровый преподавательский состав кафедры от случайных людей, тем более коррумпированных личностей. Нельзя дать этой язве разъесть кафедру, отделение, специальность.

У нас на кафедре прекрасная молодежь — энтузиасты своего дела. Но с этой сменой нужно работать старшему поколению. Новым лидерам нужно помогать, но и строго с них спрашивать.

В нашем коллективе сложилась практика привлекать на работу своих студентов-выпускников. Это — хорошая традиция, но кафедра не должна превращаться в замкнутый клуб, клан лично преданных людей. Такой подход ведет к появлению лентяев, расчета на всепрощение, попыткам ухода от ответственности. Поэтому кафедре не следует бояться прихода новых преподавателей и сотрудников, профессионально подготовленных и желающих добросовестно работать.

2. Для утверждения новой специальности важно наладить учебно-воспитательный процесс, оргработу зав. кафедрой и зав. отделением, кураторов. Борьба за успеваемость и посещаемость занятий студентами — альфа и омега отечественного университетского обучения. Однако лицо новой кафедры — кафедры уникальной в условиях нашего города и Юга Украины в целом — будет определяться в первую очередь научной квалификацией ее преподавателей, их научной продукцией, участием в конференциях, международными связями, выступлениями в СМИ. На этом, прежде всего, будет строиться наш авторитет в городе, области, Украине, в мире.

Мы родились с востоковедческим направлением обучения. Сегодня мы чувствуем по своим студентам отдачу. Это помогает нам сохранять свою нишу в НИР. Вместе с тем, я бы не советовал сохранять и развивать такое одностороннее направление научных исследований и ориентации студентов. Большинство наших специалистов — американисты и европейцы. Надо продолжать эти исследования и увлекать ими студентов. Перспективным является НИР преподавателей и студентов по региональным направлениям внешней политики (ЦВЕ, США, европейские структуры, НАТО, Ближний и Средний Восток).

3. Особая забота должна быть уделена ЦМИ. Здесь узел наших международных связей, концентрация научной продукции, сосредоточие ТСО и выход в широкий мир «Интернет». Фактически, это наш Центр — кафедры, отделения, специалистов-международников. Это — опора учебного процесса,

особенно на старших курсах, научная и учебная база аспирантов. Здесь уже 5 штатных сотрудников! Это может быть отличный исследовательский центр по европейским стандартам. Особое значение на данном этапе имеет организация работы библиотеки и читального зала ЦМИ. Пока мы свидетели лишь начального этапа этого процесса. Но уже есть условия для лучшей работы: а) накоплен значительный книжный и журнальный фонд; б) готовы новые стеллажи и готовятся еще более новые, то есть решается проблема правильного хранения книжного фонда; в) проведена первичная каталогизация единиц хранения. Но все это, к сожалению, все еще находится в состоянии склада.

Необходимо в летний период привести в порядок библиотеку и читальный зал. Нужно привлекать к этому аспирантов и студентов. Провести каталогизацию всего книжного и журнального фондов. Рассортировать литературу по темам, периодам, страноведческой ориентации. Привлекать к этому процессу преподавателей иностранных языков.

В дальнейшем нужно организовывать книжные выставки, посвященные изучаемым странам, конкретным проблемам МО, историческим личностям, новой литературе вообще.

Нужна ставка библиотекаря в помощь Горбатьюк Н. Помните, что работа любого исследовательского ЦМИ начинается с хорошо организованной библиотеки. Возможно, нужно распределить литературу на два потока: в ЦМИ и в библиотеке на первом этаже. Зарубежные иностранные журналы должны оставаться в ЦМИ.

4. Особо хочу сказать о перспективах отделения международных отношений.

а). Необходимо строже спрашивать со студентов в выполнении их обязанностей (пример с недопуском 4-х человек к защите дипломных работ). Надо покончить с фамильярными отношениями к ним. Это ведет к безответственности и должностным преступлениям. Я надеюсь, что это пожелание поддержит дирекция ИСН, которая в последнее время перешла к более жестким методам в отношении нерадивых студентов;

б). На наших глазах углубляется социальная дифференциация студентов. В результате студенты оказываются в разных материально-бытовых условиях. А ведь среди малообеспеченных ребят есть много одаренных и трудоспособных. Нужно им помогать, одинаково относиться ко всем студентам. И, конечно, нельзя принимать всякого рода подношения;

в). Не хотел бы обидеть преподавателей, но приведенные выше замечания касаются некоторых из них;

г). Важен вопрос поиска новых более эффективных методов обучения. Нужно выходить за традиционные провинциальные рамки преподавания. Нужно использовать зарубежный опыт, ТСО, стажировки студентов и преподавателей, приглашения видных специалистов из-за рубежа;

д). Особо хочу сказать о повышении качества преподавания иностранных языков. Наши выпускники ничего не стоят без свободного владения

иностранными языками. Сегодня это «ахиллесова пята» обучения на ОМО. И это, к сожалению, уже становится известно за пределами.

Хочу сказать, что я не собираюсь ставить точку в своей творческой биографии. Кроме планов работы в другой стране, я не мыслю себе разрыва с творческим коллективом кафедры и Центра. Видимо, мы проведем специальное заседание ЦМИ, где обсудим планы дальнейшей совместной научной работы, в частности подготовки новой коллективной монографии. Средства E-mail вполне это позволяют.

Я не случайно последние полгода серьезно изучал компьютерную грамоту и работу с ЭВМ. Советую это делать всем коллегам!

Вы, естественно, получите все мои почтовые и электронные адреса для переписки. Можете считать меня заграничным членом коллектива.

30 июня 1999 г.

Зав. кафедрой
международных отношений,
директор Центра международных исследований ОГУ,
заслуженный деятель науки Украины,
академик УАПН, доктор исторических наук,
профессор

/С.И. Аппатов/

Приложение №3

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ЛЬВОВИЧА СКАЛКИНА¹

СЛОВО О ДРУГЕ

Умер Владимир Львович Скалкин, профессор, заведующий кафедрой, известный ученый и общественный деятель. Для меня — просто Володя Скалкин, старый друг, с которым свела судьба тридцать пять лет тому назад и с которым были близки все эти годы.

Он часто говорил мне в последние месяцы жизни: «Почему ты устранился от политической борьбы, которая идет в нашем городе?». Я отвечал: «Уже не раз пробовал в ней участвовать, в частности, когда баллотировался в депутаты Верховного Совета Украины. Народ не выразил мне доверия, а народ всегда прав, не так ли?» Он отвечал: «Ты неправ, и народ наш часто бывает неправ, слишком ему заморочили голову за многие десятилетия». Наш спор прервала его неожиданная, такая безвременная смерть.

Сам он не устранился от политической борьбы, а принимал в ней активное участие. По проблемам языка и культуры, близким ему как специалисту, и по вопросам экономики, внутренней и внешней политики. Он был буквально

¹ Одеський університет, 3 лютого 1994 р.

болен этими проблемами. Володя часто болел, но в его брэнном теле жил могучий дух. Большой жизнелюб, он был по природе трибун и политический боец, хотя профессионально всю жизнь занимался отнюдь не политической. Далеко за пределами Одессы и Украины уже многие годы его знали как видного ученого-лингвиста, автора более дюжины учебников и научных монографий, блестящего педагога, эрудита.

Он был принципиален в своем отношении к людям. В своей резкой, часто беспощадной критике он не щадил ни верхов, ни низов, ни недругов, ни друзей. Его публицистические выступления в одесских газетах принесли ему не только широкую популярность, не только друзей и сторонников, но и немало врагов. Но диктовались эти выступления самыми добрыми и благородными намерениями.

Да, в какой-то мере он был «возмутителем спокойствия» в университете и в городе, слишком бескомпромиссным, а это далеко не всем нравилось... Мы часто с ним спорили по политическим и бытовым вопросам. И убедить его было нелегко. Однако, благодаря именно таким людям, как он, жизнь не застаивается, не закидает. Они стимулируют ее бурное и прогрессивное течение. Говоря политическим языком, такие люди — это противоядие от застоя, бюрократизма, тоталитарного, верноподданнического мышления и поведения. Сегодня это особенно важно, когда одна тоталитарная идеология уступает свое место другой...

Может быть, он бывал иногда излишне резким и нетерпимым, но при этом всегда оставался искренним и нелицемерным, подлинным интеллигентом, гуманистом. Он был настоящим Учителем для своих студентов и аспирантов, чутким, заботливым научным руководителем и воспитателем.

Володя был верным и преданным другом, мудрым и ироничным, постоянно будирующим ум, чувства и совесть. Мне будет так его не хватать.

С.И. АППАТОВ

ОН БЫЛ БОЕЦ

...Хоронили Владимира Львовича Скалкина, а я все никак не мог понять: почему нет почетного воинского караула? Ведь он был БОЕЦ. Председатель областного общества «Русь». Один из основателей одесской организации Гражданского конгресса Украины. Он не прятался за чужие спины, что могут подтвердить его враги. Когда нас упрекнули в том, что, мол, Одесса снова притворилась слепой, глухой и немой старухой, чтобы только ни в чем не участвовать, мы в свое оправдание назовем имя Скалкина первым.

Владимир Львович вполне заслуженно должен быть отнесен к славной когорте знаменитых русских профессоров, которые находили в себе гражданское мужество не согласиться с Властью, очередной раз сошедшей с ума. Скажу больше: Владимир Львович спас честь профессуры Одесского

университета. Это был его последний гражданский подвиг. У нас кое-кто решил, что если пониже опустить голову и повыше поднять зад и назвать эту позу знаком возрождения, то нам простят и забудут наши новороссийско-советские «грехи». Забудут Мечникова, Желябова, Витте; простят славу третьего имперского города, Южной Пальмиры... Простят и забудут, что в годы Отечественной войны одесситы не примеряли черной эсэсовской формы, не ходили карательными походами в Белоруссию, а били фашистов, и немецких и румынских, в хвост и в гриву, и славу городу-герою навеки заслужили.

Прощай, старший друг! И пусть обрамлением ИДЕИ, которой ты преданно служил до последнего вздоха, будут строки **Ф. Тютчева**:

Вековать ли нам в разлуке?
Не пора ль очнуться нам
И подать друг другу руки,
Нашим кровным и друзьям?

Веки мы слепцами были,
И как жалкие слепцы,
Мы блуждали, мы бродили,
Разбрелись во все концы.

А случалось ли порою
Нам столкнуться как-нибудь,
Кровь не раз лилась рекою,
Меч терзал родную грудь.

Рассветает над Варшавой,
Киев очи отворил,
И с Москвою златоглавой
Вышеград заговорил!

И наречий братских звуки
Вновь понятны стали нам, —
Наяву увидят внуки
То, что снилось отцам!

Геннадий ГРЕБЕННИК

ИЗ ПЕРЕПИСКИ С Е.А. ПОЗДНЯКОВЫМ**Г.П. Гребенник — Е.А. Позднякову****Одесса, 6.03.2012.***Здравствуйте, Евгений Александрович!*

...Я считаю большим своим везением то, что из однокашников В.Л. оказались Вы, человек анализирующий, а не только вспоминающий. О поколении шестидесятников сейчас говорят, что это было самое советское поколение, и оно вчистую проиграло все, что можно было проиграть. Это я Вам в качестве провокации говорю. Защищайте свое поколение, Владимир Александрович. У Скалкина дочь в Канаде, у его друга Аппатова вся семья уехала в Штаты, да и сам он туда уехал на ПМЖ. Дети проф. И.М. Поповой тоже уехали в США. Понимаете, все герои моей книги, профессора университета, советские интеллигенты, отстаивали ценности советского социализма, искренне хотели его демократизации, верили в «перестройку» как в последний шанс реализовать великий социальный проект, а в результате — полный провал. Их дети, воспользовавшись свободой, просто слиняли туда, где жить легче и сытнее. Массовый исход из страны, эмиграция — это прямое следствие поражения «перестройки», этого главного проекта «шестидесятников». Это плевок на могилы тех миллионов, которые отдали жизнь за то, чтобы у нас не было как в США и Канаде, чтобы мы не утонули в мировом мещанстве. У нас, русских, была реальная альтернатива обществу потребления и всемирного хамства, и мы ее проср...

Жду Вашей реакции.

С искренним уважением — Геннадий Гребенник.

Е. А. Поздняков — Г. П. Гребеннику**Москва, 13 марта 2012 г.***Здравствуйте, Геннадий Петрович!*

Сразу хочу Вас сильно огорчить — я не стал поднимать брошенную мне Вами «провокационную» перчатку по поводу виновности «самого советского поколения» шестидесятников в развале «советского социализма» и такого замечательного образования как Советский Союз. Исторически это также абсолютно бессмысленно, как и любые другие поиски виновных. Никаких дублей, как говорил Скалкин. А желающих интерпретировать то, что случилось, найдётся немало и сегодня и через сто лет.

Надеюсь, что Вы в чисто «провокационных» целях пишете о «миллионах (советских людей), которые отдали свои жизни за то, чтобы у нас не было как в США и Канаде, чтобы мы не утонули в мировом мещанстве», и что «у нас, русских, была реальная альтернатива обществу потребления и всемирного

хамства». Если же Вы действительно так думаете, то это вопрос Вашей веры, с которой я обычно не спорю.

У нас в прошлом веке действительно были десятки миллионов погибших — либо невинные в застенках ЧК/НКВД, либо в героической борьбе с вторгнувшимися захватчиками. Но чтобы кто-то отдавал свою жизнь за то, чтобы у нас не было как в США и Канаде — об этом я слышу первый раз!

Всемирного хамства и мещанства у нас, к великому огорчению, гораздо больше, чем в США и, тем более, в Канаде. Могут это сказать, как человек, который там жил достаточно долго.

Нет ничего плохого и в обществе потребления. Это, если хотите, это несколько видоизмененная реализация нашей мечты о коммунизме! Во всяком случае, когда я в Москве иду через улицу на соседний рынок и вижу там в изобилии продающиеся разнообразные съедобные продукты и промтовары на любой вкус, то порой с улыбкой думаю: «Наконец-то я дожился до коммунизма!» Советский социализм, который стремился к этому на словах, реально добился лишь всеобщего дефицита.

С. Аппатов неоднократно по несколько месяцев работал в американских университетах. В 1990-м, когда я был корреспондентом в Сан-Франциско, он жил на противоположной стороне залива в университете Беркли, и мы несколько раз приезжали друг к другу в гости (его жена Нелли Мазур училась в ОГПИИЯ в то время, когда и я). Но на ПМЖ в США он никогда не думал оставаться — ему была интересна та работа, которую он вёл в родном городе. Но где-то в середине 90-х муж младшей его дочери Виктории, аспирант-физик, получил грант для годичной работы в университетской лаборатории в Цинциннати с предоставлением жилья ему с семьёй. Через полгода зав.лабораторией, уезжая в Европу в творческий отпуск, указал на молодого одесского физика и сказал: «Теперь он будет вашим руководителем. Я бы очень хотел, чтобы каждый из вас был таким же исследователем как он».

При таком раскладе, сами понимаете, возвращаться в разорённую Одессу было нельзя — надо было достойно нести стяг родного города в джунглях американских лабораторий! Младшая дочь Аппатова стала звать к себе старшую сестру (которая еще в советские времена «эмигрировала» в Москву!), а потом обе — мать с отцом.

Ольга Скалкина после смерти отца вышла замуж в Одессе. Её муж, лингвист, стал менеджером во французской парфюмерной компании в Киеве, наладил сбыт продукции в Украине, и фирма, как говорили раньше, «перебросила» его в Торонто заниматься тем же в Канаде. Там Ольга стала интерьерным дизайнером. Позднее супруги разошлись, но года четыре тому Ольга встретила инженера с Байконура, который родом из Запорожья, где у него живёт мама-учительница математики. Я подробно говорю об этом потому, что у Александра, второго мужа Ольги, к моменту их встречи уже был сын лет 14-15, и бабушку-математичку из Запорожья пришлось специально привозить на полгода, чтобы натаскивать внука для будущего поступления в колледж! (Ну не умеют «ненавистные» нам с Вами канадцы учить математике!) У Саши с Олей уже своя трёхлетняя дочь

Габриэль, а буквально на этой неделе должен появиться еще и сын. Так что у В.Л. Скалкина будет второй внук.

Всё это мне рассказал сын Скалкина Владимир Владимирович, который еще в советские времена стал инженером на одном из предприятий в г. Люберцы под Москвой. Его сыну Марку — первому внуку В.Л. — всего 10 лет. Поскольку его папа с мамой живут в комнате в двухкомнатной коммунальной квартире, Марк постоянно находится у родителей его мамы в г. Зеленодольске, Татарстан. Родителей он навещает в каникулы. В.В. Скалкин, кандидат наук, сейчас ведёт на английском языке занятия по американскому бухучёту в Московской Финансовой Академии.

Вот такой разброс ветвей получился у скалкинского древа.

7 марта я позвонил Ольге Скалкиной, которую не видел более 20 лет, чтобы поздравить её с 40-летием, обещал прислать ей материалы отца из нашей с Вами переписки о нём. Но её брат Володя, которому я послал эти материалы раньше, меня опередил. Вчера я получил от Ольги сообщение, в котором она высоко оценивает наши с Вами усилия по сохранению памяти её отца. I was crying when I was reading it (я плакала, когда читала эти материалы) написала она по-английски.

Все это я Вам сообщаю, как ведущему одесскому скалкиноведу для Вашего собственного сведения.

Если же Вам нужно мое личное мнение по существу поднятого Вами вопроса, то я считаю, что в любой стране основная масса населения не несёт ответственности за кризисные ситуации, потому что не имеет непосредственного отношения к управлению. Странами правят элиты, они и ответственны за то, что происходит.

Обычно элиты управляют своими народами с помощью кнута и пряника. Захватившие в России власть «коммунисты» создавали «советский социализм» по придуманным не ими теоретическим лекалам, поэтому во многом эта была искусственная система, внедряемая главным образом за счёт кнута-террора. Был, конечно, и пряник, но, в отличие от других стран, он не висел в виде морковки перед ослом, а находился далеко за горизонтом в виде сияющих вершин коммунизма. Тот, кто открыто отказывался в них верить, безжалостно уничтожался или опускался на самый низ социальной пирамиды. Никита Хрущев, осознавший вместе с тогдашней советской элитой, что сталинский кнут надо несколько укоротить, решил и морковку несколько приблизить к изголодавшемуся народу. В 1960 году он заявил, что основы коммунизма будут построены через 20 лет. К 1980-му не было ни Хрущева, ни коммунизма, а мясо только в номенклатурных спецбуфетах. Было и всем известное отношение людей к делам: «Они делают вид, что нам платят, мы делаем вид, что работаем». Поэтому до сих пор в России уровень производительности труда в 3—4 раза ниже, чем в США. Вместо отказа или хотя бы некоторого пересмотра догм было преследование диссидентов.

Советских интеллигентов, как и всех остальных людей страны, элита не спрашивала, как ей вести дела. Помните, как Скалкин в 1956 году несколько

месяцев с большим интересом изучал политэкономия социализма, а потом вдруг написал, что в этом деле он обнаружил «некий вакуум марксистской теории» и временно прекратил работу. На самом деле не временно, а навсегда. Он обнаружил, что глубокой проработки экономических проблем социализма никто не вел, отсюда и вакуум.

То, что советская система просуществовала так недолго и развалилась почти одновременно, как картонный домик, говорит о том, что правившая в стране элита, особенно позднейшая геронтократия, пропустила все возможные сроки, чтобы не допустить крушения. Перестройка стала явно запоздалой и бесполезной агонией.

Удачи Вам в Ваших делах. ЕП.

Г.П. Гребенник — Е.А. Позднякову

Одесса, 17.03.2012.

Здравствуйте, Евгений Александрович!

Занятость не позволила мне ответить сразу на Ваше письмо от 13 марта с.г. Извините.

Рад, что Вы получили страницу университетской многотиражки, посвященную памяти проф. Скалкина. Что касается содержательной части Вашего письма, то у меня, как говорят в Одессе, Вам есть что сказать.

Я не случайно интересовался Вашим мнением о поколении «шестидесятников». С характеристики этого поколения я хочу начать книгу и хочу показать, что свойства этого поколения, его надежды, идеалы и противоречия проявились в характерах моих героев в период их становления и принятия основных решений, определивших их дальнейшую жизнь.

15 марта 2011 г. в Горбачев-Фонде состоялась конференция «Поколение Горбачева: «шестидесятники» в жизни страны». Организаторы собрали за одним столом очень разных известных людей. Их мнения и оценки принципиально разделились. Приведу две полярные точки зрения.

Историк, ректор РГГУ Юрий Афанасьев раскритиковал «шестидесятников», к которым относит и себя самого:

— «Шестидесятники» в целом как явление продемонстрировали неспособность к самоанализу, к самокультуре и к самоидентификации. То есть, они оставили без ответа вопрос о том, что есть Россия, что есть Советский Союз, почему случились революция, Гражданская война и сталинизм».

Григорий Явлинский, который себя к «шестидесятникам» не относит:

— У них был стержень. Они почему-то считали, что не надо все время врать, они говорили то, что думали, они считали, что нельзя продаваться. Потом что случилось? Реформы повели таким способом, при котором образование и порядочность стали помехой. И, поскольку они стали помехой, этих людей выкинули, монетократия оказалась гораздо более мощной системой уничтожения названных качеств. У нас в этом смысле очень драматическое заседание.

Мы же почти как Красную книгу обсуждаем — такого рода людей. Это такой небольшой семинар по изучению исчезающего вида.

Вот две полярные точки зрения, задающие остроту полемики.

Можно встретить следующую периодизацию четырех советских поколений. Первое образованное городское поколение — послереволюционные выходцы из русских деревень и еврейских местечек, коммунисты-идеалисты (время активной социальной жизни 20-е — 50-е годы). Их дети — второе поколение — разочаровавшиеся в коммунизме, ставшие либералами советские «интеллигентные» обыватели (60-е — 80-е). Третье поколение — циники, дельцы-бизнесмены (80-е — 00-е). Поколение их детей (начиная с нулевых годов XXI века) — «потерянное поколение», не имеющее ни идейных, ни даже карьерных мотиваций, существующее как бы по инерции, поколение выживающих или прожигающих жизнь.

Общая тенденция, пронизывающая историю всех советских поколений и связывающая их воедино, — это регресс. С утратой идейности, мобилизующего всех мифа (национальная идея или проект), побеждает мировой обыватель. И вот, с точки зрения этой периодизации, дети Скалкина и Аппатова, о которых Вы так симпатично рассказали, скорее всего относятся к «потерянному поколению». Листочки, оторвавшиеся от дерева и разнесенные по всему свету. И не надо ставить на одну доску «эмиграцию» в Москву и эмиграцию в Штаты.

Но есть еще один вид «эмиграции». Вы даже не представляете, Евгений Александрович, какие претензии к России есть у русских людей, оказавшихся в одночасье по чужой воле в эмиграции, никуда не уезжая. Уникальная эмиграция — целые регионы, города-миллионники оказались в чужой стране. Их бросили и предали, потому что так решили трое пьяных идиотов. И потому что у лоботомированного народа не оказалось своих Минина и Пожарского. К Москве претензии особенные. Когда в 90-е годы Россия подыхала, Москва жировала.

90-е годы стоят 30-х. Только в 30-е создавали заново промышленность и науку, а в 90-е все разрушали. Вот и вся «маленькая разница». Через тысячу лет люди будут удивляться и недоумевать, как можно было собственную страну расчленивать, когда никакой враг не угрожал. Три века русской истории под хвост. И что такое произошло в 1991 году, чтобы нужно было это делать? Ведь каждый день народ ходил на работу и на своем рабочем месте производил полезный продукт. Заводы не стояли на месте. Почему вдруг не стало денег, исчезло продовольствие и т.п.? И то, что за двадцать постсоветских лет ничего не создали, жили за счет накопленных ресурсов Союза, триллионы долларов вывезли за рубеж, весь мир обогатился за счет развала (заметьте: не распада, а сознательного развала) Союза, убедительно доказывает, что ситуация в 80-е годы была далеко не безнадежной.

Вот Вы пишете: «Перестройка стала явно запоздалой и бесполезной агонией». Э, нет, дорогой товарищ! Агония — это когда долго и мучительно, как секс в молодые годы. А тут штопором в землю. Мгновенно. Потому что за руль самолета сел человек, ничего не смыслящий в управлении. Вот что такое «перестройка»: вместо ремонта «перестройщики» обвалили всю конструкцию

до фундамента, да еще смеют утверждать, что иного быть не могло. И не надо все валить на Брежнева. Он умер в 1982-м. В 1985 году Союз был еще силен, вполне жизнеспособен и нуждался в реформах. При умном и последовательном руководстве мы бы сейчас вровень с Китаем были. И не было бы катастрофического обвала науки, производства, образования, культуры и медицины. Все это у нас было при Брежневе, дорогой товарищ, — и не стало. И не было бы всемирного позора 90-х годов. И унижения нулевых.

Карл Поппер, один из лидеров западного либерализма XX века, говорит: демократия не рождает свободу, демократия — это инструмент, который позволяет свободным людям реализовать свою политическую волю. Так какого же рожна вы поставили демократию во главу угла в стране, где нет даже экономически свободных людей? Это и есть организация взрыва, по сравнению с которым Чернобыль — хлопушка. В результате этого термоядерного политического и социального взрыва случился «разброс ветвей», о котором Вы пишете как о некоем проявлении свободы выбора. Ну, это, так сказать, ошметки. Самое страшное случилось со всем народным организмом. Он стал напоминать человека, который перенес операцию лоботомии. У него вырезали как раз те участки мозга, которые отвечают за способность логически мыслить и совершать волевые поступки.

Вы считаете, что, цитирую, «в любой стране основная масса населения не несёт ответственности за кризисные ситуации, потому что не имеет непосредственного отношения к управлению». Если так, если народ не несет ответственности, то и не надо давать ему в руки такую игрушку, как выборы. Пусть жует свой овес. На самом деле, самое что ни на есть почвенное и субстанциальное — это народ. Власть и интеллигенция — его порождения. Какой народ, такая и власть. Какой народ, такая и интеллигенция. И прав паршивец Ю. Афанасьев: ни черта вы не поняли в сталинизме.

Вы пишете: «Захватившие в России власть «коммунисты» создавали «советский социализм» по придуманным не ими теоретическим лекалам, поэтому во многом эта была искусственная система, внедряемая главным образом за счёт кнута-террора».

Во-первых, большевики захватили власть тогда, когда февральские демократы устроили в стране полный хаос. И Россия была спасена. Это даже белые генералы в эмиграции признали. Во-вторых, неправда, что советский социализм строили по чужим теоретическим лекалам. Ленин уже в 1918 г. отмечал, что Маркс ничего определенного о социализме не писал, поскольку не было в истории опыта социалистического строительства. Бердяев неоднократно подчеркивал, что русский, ленинский социализм не имеет ничего общего с марксизмом и является чисто русским продуктом. Военный коммунизм был во многом порожден условиями гражданской войны, нэп — послевоенными условиями восстановления.

Есть закон самоорганизации больших масс людей. Экономика и социальная сфера СССР развивались по этому закону. Поэтому на Западе много занимались планированием и строили социальное государство, а мы экспериментировали

с хозрасчетом, то есть вводили элементы рыночного хозяйства. У нас и на Западе практически одновременно возникли теории конвергенции — слияния двух систем вследствие их движения навстречу друг другу. У нас на такой модели развития настаивал А.Д. Сахаров, на Западе — Джон Гэлбрейт. Поэтому ошибочно думать, что мы развивались под диктатом кондовой идеологии под названием «марксизм-ленинизм». Брежнев и большинство членов Политбюро были типичными прагматиками.

Вы, наверное, разумно поступаете, Евгений Александрович, не вступая в споры по поводу Веры (системы мифов). Хотя бы потому, что думать о коммунизме как об обществе, в котором магазины и рынки забиты шмутками и продуктами, можно только с улыбкой. Или с усмешкой. А о капитализме думают сейчас, как советские обыватели думали о коммунизме. Слова изменились, а суть наших мечтаний, вернее, вожделений — нет.

Знаете, что мне больше всего понравилось в дневнике Бориса Шумеева? То, что вы, молодые, вечно голодные и озабоченные, как бы дотянуть до стипендии, бегали по театрам, музеям, лекториям и стадионам. Поэтому из вас, раненых войной сирот, люди получились толковые и культурные.

Вы меня извините, Евгений Александрович! Я ведь Вас фактически не знаю, а грузу по полной, забывая о Вашем возрасте и проч.

С уважением — Геннадий Гребенник.

Е.А. Поздняков — Г.П. Гребеннику

Москва, 19 марта 2012 года.

Уважаемый Геннадий Петрович!

Я полностью разделяю Ваше совершенно справедливое негодование по поводу разрушения создававшейся столетиями страны. Это настолько созвучно моим ощущениям, что эмоционально я чувствую с Вами полнейшую солидарность.

Но уходя от эмоций, я, как уже Вам писал, не хочу смотреть назад, моделируя всевозможные варианты типа «если бы да кабы». Не хочу оказаться среди тех, кто машет кулаками, когда драка уже закончилась и основные её участники разошлись. СССР, как и умершего человека, не вернешь. Смотреть надо вперёд, чтобы из создавшейся ситуации (если получится) выйти с минимальными потерями. Но всё это уже не для людей моего возраста! А Вы впереди еще сможете увидеть какие-то перемены, которые Вас, как государственника, либо порадуют, либо ещё больше огорчат.

Желаю Вам больших удач и радостных перспектив. ЕП.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексиевич, С.* 2013. Время second-hand. Конец красного человека // Дружба народов — № 8 // URL:<http://magazines.russ.ru/druzhiba/2013/8/2a-pr.html>
- Арбатов, Г.А.* 2002. Человек Системы. Наблюдения и размышления очевидца ее распада — М.: Вагриус // URL:<http://www.rulit.net/author/arbato-georgij-arkadevich/chelovek-sistemy-download-free-273427.html>
2008. «Нам грозит более опасный период, чем холодная война» // Россия в глобальной политике. — 2008. — № 1, Январь—Февраль // URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_10278
- Аппатов, С.И., Райнов, П.Я.* 1986. Покровители агрессии. Ближний Восток в свете буржуазной историографии. — Киев-Одесса: Вища школа.
- Аппатов, С.И.* 1994. Слово о друге // Одесский университет, 3 лютого.
- Афанасьев, Ю.Н.* 2005. «Касьянов мог бы объединить серьезные силы» / Интервью // Новые Известия, 20 июля.
- Ашкерев, А.* 2005. Лицо без гражданства. Главная неудача Михаила Горбачева // URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/_AshkLico.php
- Баскакова, Ю.М.* 2011. Экзит-полл и его задачи // Мониторинг общественного мнения №4 (104), июль-август.
- Басилашвили, О.* 2013. Столетиями в нас вбивали рабство / Интервью // АИФ, 13 марта // URL:<http://www.aif.ru/culture/article/52206>
- Бейнарт, П.* 2008. Мечь болванов // Информационно-аналитический портал Геополитика // URL:<http://geopolitica.ru/Articles/438/>
- Беленок, А.* 2004. V з'їзд Соціологічної асоціації України // URL: http://www.sau.kiev.ua/congress_5.html
- Беловецкий, Дм.* 2002. Мистер «Да-с» // Литературная газета, 29 мая — 4 июня.
- Белявский, И.* 1993. Крушение «человеческого фактора» (психологический контекст политических действий) // Одесский университет, 15 июля.
- Бердяев, Н.А.* 1991. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи; Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909—1910 / Сост., коммент. Н. Казаковой; предисл. В. Шелохаева. — М.: Мол. гвардия.
- Бёрлин, И.* 2001. Рождение русской интеллигенции // История свободы. Россия. — М.: Новое литературное обозрение.
- Бернштейн, Б.М.* 2008. Старый колодец: Книга воспоминаний. — СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2008.
- Быков, Д. Жарова, В.* 2013. Александр Митта: «Жри» — наша национальная идея. И Россия от нее никогда не откажется /Интервью // Собеседник, 23 июня // URL:<http://sobesednik.ru/print/102964>
- Ваджра, А.* 2007. Путь зла. Запад: матрица глобальной гегемонии. — М.: Астрель // URL:<http://e-libra.ru/read/249888-put-zla.-zapad-matrixa-globalnoj-gegemonii.html>

Ванденко, А. Академик Георгий Арбатов: Похож ли Путин на Рузвельта? Интервью 4 ноября 2003 г. //

URL: <http://www.kp.ru/daily/23151/24476/>

Ваша позиция, товарищ кандидат? 1990. Вечерняя Одесса, 1 марта.

«Взрослые люди» о прожитом, сделанном и виденном. 2010. Интервью социолога Бориса Доктора с ведущей проекта Любовью Борусяк. 30 июня 2010 г. //

URL: <http://www.polit.ru/article/2010/06/30/borusyak/print/>

Водолазов, Г. 2010. Смиряться под ударами судьбы, или надо оказать сопротивление? // *Континент*. — № 45 //

URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2010/145/vo22-pr.html>

В кругу Юрия Левады 2010. Беседа с Львом Гудковым //

URL: <http://www.polit.ru/article/2010/06/09/levada/print/>

Власова, Т. 2009. Социология — наука или проститутка? //

URL: http://dnepr.info/news/scandals/sociol_scients

Воробьев, Д.М. 2007. «Слово Нестора» об отечественной политической науке //

URL: <http://www.apn.ru/opinions/article11591.htm>

Вытеснение в мертвую память. 2006. Памяти Юрия Левады //

URL: <http://www.polit.ru/article/2006/11/17/levada/print/>

Галковский, Д.М. 2006. Тайна биографии Брежнева //

URL: <http://ricolor.org/history/rsv/good/bregnev/>

Гансова, Э.А. Победа, Н.А. 1993. Профессор Попова и ее школа // *Одесский университет* № 8, 4 мая.

Гарт, В. 1997. Я постепенно познаю... — Нижний-Новгород: ДЕКОМ.

Гегель, Г. 1990. Философия права. — М.: Мысль.

Град экзит-полов в ночь выборов 2012 //

URL: <http://www.mediabusines.com.ua/content/view/32387/lang,ru/>

Гребенник, Г.П. 2007. Проблема отношений политики и морали. — Одесса:

Астропринт, 2009. «Февральско-октябрьский» алгоритм российского государства (Размышление над книгами А. Н. Яковлева и Д. А. Волкогонова). — В кн.: *Интеллигенция и политика: Сборник статей*. — Одесса: Феникс.

Головаха, Е. 2006. «Российские социологи уже могут позволить себе меньше писать и больше думать» / Интервью Н. Деминой (октябрь 2006 г.) //

URL: <http://cdclv.unlv.edu/archives/Interviews/golovakh.html>

Давыдов, Юрий Николаевич (1929—2007). 2007. Памяти классика современной социологии //

URL: <http://cdclv.unlv.edu/archives/memoriain/davydov.html>

Данилов, В.П. 2005. О возможностях поколенческого анализа в познании исторического процесса в России // *Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России* / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. — М.: Новое литературное обозрение.

Дроконова, О.Н. 2006. «Феномен М.С. Горбачева» и его эпоха в американско-британских источниках и исследованиях 1980—1990-х гг. — Автореф. дисс. на соиск. степ. канд. истор. наук. — Нижневартовск //

URL: <http://www.dissercat.com/content/fenomen-ms-gorbacheva-i-ego-epokha-v-amerikano-britanskikh-istochnikakh-i-issledovaniyakh-19>

Дубин, Б.В. 2005. Поколение: смысл и границы понятия // Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. — М.: Новое литературное обозрение. 2009. От ВЦИОМа к «Левада-центру». Беседа с социологом Борисом Дубинным. Вторая часть //

URL:<http://www.polit.ru/article/2009/11/04/dubin/print/>

Дуглас, Р. 2012. Обанкротившаяся Британская империя провоцирует свержение Путина //

URL:http://www.larouchepub.com/russian/novosti/2012/b2026_rbd_dossier_1_brits_v_russia.html

Заговор против Африки //

URL:<http://stroyrabota.ru/page3/Zagovor-protiv-Afriki.html>

За наукові кадри 1990. — 2 марта.

Заславская, Т.И. 2004. Движущие силы трансформации российского общества // Посткоммунистические трансформации: векторы, измерения, содержание. — Харьков: изд. Центр Харьковского нац. ун-та им. В.Н. Каразина.

Заявление КМИС 2005 //

URL:<http://svobodopedia.ru/muzyka/zayavlenie%20kmis/>

Заявление Консорциума по проведению Национального экзит-пола'2004 / Зеркало недели //URL:http://gazeta.zn.ua/POLITICS/zayavlenie_konsortsiuma_po_provedeniyu_natsionalnogo_ekzit-pola2004.html

Заявление социологической ассоциации Украины в связи с судебным иском к социологическим службам 2012 //

URL:<http://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=news&id=108&page=3>

Здравомыслов, А.Г. 1998. Вехи научной биографии // Журнал социологии и социальной антропологии. — Т.1 //

URL: <http://cdclv.unlv.edu/archives/Memoirs/zdravomyslov.html>

Зиновьев, А. 2005. Пропасть/ Интервью [3.05] // ж-л Элита Общества //

URL:http://esj.ru/2005/05/03/aleksandr_zinovev/

Знамя коммунизма 1990. 20 марта.

Зоя Михайловна Цветкова 2003 //

URL:<http://www.mecenat-and-world.ru/21-24/cvetkova.htm>

Ильинский, М.М. 2000. Индокитай: Пепел четырех войн (1939—1979 гг.) //

URL: http://militera.lib.ru/research/ilyinsky_mm/03.html

Интеллектуальный интерес и гражданственность социолога. 2010. К 80-летию Юрия Левады. Рассказывают Игорь Кон и Владимир Ядов: интервью 28 апреля //

URL: <http://www.polit.ru/article/2010/04/28/levada/print/>

Исаенко, А.И. 2012. Руководитель военной разведки выступал в ВИИЯ (incognito) //

URL:<http://www.clubvi.ru/news/2012/11/11/isaenko>

Ищенко, Р. 2012. «Путин не знает, что сломается раньше — Украина или Янукович. Но спасти может обоих». Интервью //

URL:<http://alternatio.org/articles/item/2937>

Как «интернатцы» стали виийцами 2012. 1952—1956. Письма Б. Шумеева и В. Скалкина Е. Позднякову / сост. Е.А. Поздняков //

URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-520856.html>

Кантор М. 2011. Номенклатурный диссидент // Совок и веник: Сб. — М.: АСТ, Астрель, Полиграфиздат.

Капитан 1 ранга, кандидат военных наук Дремлюга Григорий Петрович 3-55 // URL: <http://www.clubvi.ru/people/dremluga/>

Капсамун, И. 2006. О настоящей социологии... Интервью с В. Бакировым // <http://www.day.kiev.ua/ru/article/podrobnosti/o-nastoyashchey-sociologii>

Карпенко, Ю.А. 1993. Лучших и худших языков не бывает // Одесский вестник, 10 марта.

Кашин, О. 2008. Умный еврей при губернаторе. В гостях у кремлевского либерала // Русская жизнь 1 февраля // URL: <http://www.rulife.ru/old/mode/article/508&print>

Кемени, Дж. Снелл, Дж. Томпсон, Дж. 1965. Введение в конечную математику. — М.: Мир.

Клямкин, И.М. 2011. Взлет и падение советской интеллигенции /Беседа с И. Клямкиным 13 апр. //

URL: <http://www.polit.ru/article/2011/04/13/klyamkin/print/>

Колесов, В.И. 2009. Перестройка. Летопись 1985—1991 годов //

URL: http://lit.lib.ru/k/kolesow_w_i/

Ковалев, А. 2010. Сюрпризы и чудеса украинской социологии //

URL: <http://www.otechestvo.org.ua/main/20101/1517.htm>

Кон, И.С. 2008. 80 лет одиночества / Электронная версия, испр. и доп.

URL: <http://www.pseudology.org/Kon/80Let/00.htm>

2010. Интеллектуальный интерес и гражданственность социолога. К 80-летию Юрия Левады. Рассказывают Игорь Кон и Владимир Ядов / Интервью с Игорем Коном. — //

URL: <http://www.polit.ru/article/2010/04/28/levada/print/>

Кончаловский, А.С. Липков, А.И. 1999. Возвышающий обман. — М.: «Совершенно секретно».

Кораллов, М. 2008. Лагерная пыль // Лехаим. — № 8(196) //

URL: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/196/4x4.htm>

Кто виноват? Из переписки В.А. Маклакова и В.В. Шульгина 2010 // Фонд Александра Яковлева. — Альманах «Россия. XX век» //

URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1010337>

Кузнецова, И. 2012. Школа дипломатов // Персональный блог Ирины Кузнецовой //

URL: <http://www.irinakuznetsova.com/home/about>

Кургинян, С. Бялый, Ю. Подкопаева, М. 1996. «Южная угроза» и ее связь с обострением политического кризиса в России // Россия XXI //

URL: <http://zevs904.chat.ru/book/geopolitika/ugroza/ugroza4.html>

Левада, Ю.А. 2000. Наши десять лет: итоги и проблемы и (околоюбилейные размышления) // От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993—2000. — М.: Моск. школа полит. исследований.

2004а. Человек советский. — Публичная лекция на «Полит. ру». — 15 апр. //

URL: <http://www.polit.ru/article/2004/04/15/levada/print/>

2004б. Что может и чего не может социология. Публичная лекция на Полит.ру. — 16 дек. //

- URL:<http://www.polit.ru/article/2005/01/04/levada/print/>
2011. Сочинения : проблема человека / Ю.А. Левада : [сост.Т. В. Левада]. — Москва : Издатель Карпов Е.В., 2011.
- Левинсон, А.* 2013. Двенадцать лет без интеллигенции // Неприкосновенный запас. — № 1 (87) // URL:<http://magazines.russ.ru/nz/2013/1/111-pr.html>
- Леонов, Н.* 2010. «Жалею, что не дали освободить Корвалана» / Интервью // URL:<http://www.fontanka.ru/2010/11/13/058/>
- Лимонов, Э.* 1997. «Я написал книги, которые надо было написать». Интервью // Академия. — № 2 (10).
- Международные процессы.* 2006 май-август. — Т. 4, № 2 (11).
- Меньшиков, С.* 2006. На Старой площади // URL: <http://www.fastane.ru/smenshikov/OldSquare-1.htm>
- Мироненко, В.* 2006. Союз можно было сохранить // URL: http://www.mironenko.org/index.php?option=com_content&task=view&id=71&Itemid=44
- Михельсон, А.* 2009. Экзит-полы — на выход? // Главред, 14 дек. // URL:http://dif-exitpoll.org.ua/ua/golovna/media_pro_nas/gvgv.htm
- Московичи, С.* 1998. Машина, творящая богов / Пер. с франц. — М.: «Центр психологии и психотерапии».
- Наталья Королевская* 2012. «Мы подали в суд на социологические службы» // URL: <http://34.ua/news/ukraine/11936-nataliya-korolevskaya-my-podali-v-sud-na-sociologicheskie-sluzhby.html>
- Некрасов, В.* 2003. Записки зеваки. — М.: Вагриус.
- Нифонтов, В.* 2006. Миссионеры, фокусники, друиды // URL:<http://www.apn.ru/publications/print10932.htm>
- Ортега-и-Гассет, Х.* 1997. Вокруг Галилея. История как система // Избранные труды: Пер. с исп. / Сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. — М.: Весь Мир.
- Павловский, Г.* 2001а. «Я отношусь к людям, как к черным ящикам» / Интервью А. Никонова // Огонек, янв. // URL:<http://www.fep.ru/publications/management/2001jan-og.html>
- 2001б. Гефтер, власть и слепые люди // Русский журнал [15.02] // URL:<http://www.fep.ru/publications/management/russ15-02-2001.html>
- 2001в. «Век XX и мир»: урановый могильник российской интеллигенции // URL:http://www.kuchaknig.ru/show_book.php?book=112748
2006. В ожидании дисциплины // URL:<http://www.apn.ru/publications/print11050.htm>
2012. «Больше всего Путин, по-моему, опасается стать лишним» //Новая газета № 121, 24 окт.
- Панина, Н.В.* 2004. Профессиональная этика и социология в Украине // Социология: теория, методы, маркетинг. — № 3.
2005. Экзит-полл в Украине 2004 года: социология или политика? Доклад. (Круглый стол «Научное знание и власть: социологические исследования и политическая практика», Киев, 17 марта) // URL:<http://club.fom.ru/community.html?id=34>

- Паниотто, В.* 2005. Экзит-пол в Украине 2004 года: провал или успех? // URL: <https://groups.google.com/forum/#!topic/ukr.politics/2EIPWQZ9qkk>
2006. Невыносимая легкость журналистских суждений // *День*, 7 дек.
- Партия Королевской передумала судиться с социологами* 2012 // URL: <http://podrobnosti.ua/power/2012/11/29/873525.html>
- Первый украинский социологический консорциум* 2009 // URL: <http://novostigt.blogspot.com/2009/10/blog-post.html>
- Поздняков, Е.А.* 2003. «Школа дипломатов» — с футбольным уклоном. Воспоминания Евгения Александровича Позднякова // *ж-л Крыша мира* // URL: <http://odsint2.com/files.pdf>
- Полуэктов, Е.Н.* 2012. Экипаж // URL: <http://www.clubvi.ru/news/2012/12/25/poluektov/>
- Поляков, Л.* 2006. «Политология — изначально провальное мероприятие» // URL: <http://www.apn.ru/publications/print11182.htm>
- Померанц, Г.* 2003. Живые и мертвые идеи // URL: belousenko.com/wr_Pomerants.htm
- Попов, Г. Лужков, Ю.* 2010. Еще одно слово о Гайдаре // *Московский Комсомолец*, 22 янв.
- Попова, И.М.* 1993. Языковая ситуация как фактор политического самоопределения и культурного развития. На материале изучения Одессы и Одесской области // *Социологические исследования*. — № 8.
1994. Русскоязычие на Одессщине — как к нему относиться? // *Современное общество*. — №1.
2006. 1989—1991. Диагноз времени (Одесситы о себе и переменах в обществе): Историко-социологические очерки. — Одесса: Астропринт.
2007. «Демократизация» как средство идентификации и мифологизации // *Вісник Одеського національного університету: зб. наук. праць*. — Т. 12. — Вип. 6. — Одеса.
2011. Ирина Марковна Попова: Memoria / сост.: М.Б. Кунявский, Е.В. Лисенко, О.Р. Лычковская. — Одесса: Астропринт.
- Превратности судьбы.* 1999 // *Совершенно секретно* № 9 // URL: <http://www.sovsekretno.ru/magazines/article/402>
- Президент Украины-2004* // URL: <http://www.zerkalo.ws/showthread.php?t=2042&page=20>
- Примаков, Е.М.* 2009. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М.: ИИК «Российская газета».
2011. Мысли вслух. — М.: Российская газета // URL: http://piko.ru/piko_comments.php?mode=comm&id=566
- Пугачева, М.И.* 1994. Институт конкретных социальных исследований Академии наук СССР, 1968—1972 годы // *Социол. журнал*. — 1994. — № 2.
- Райнов, П.* 1999. Изучая международные отношения... О жизни и творчестве С.И. Аппатова. — Одесса: Логос.
- Рыбаков, А.Н.* Роман-воспоминание. — М.: Вагриус, 1997.

Рывкина, Р.В. «Это была борьба политических направлений» // Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. — СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999; сайт «Международная биографическая инициатива» //

URL: <http://cdclv.unlv.edu/archives/Interviews/ryvkina.html>

Салуцкий, А. 2002. Эволюция или мутация? К 30-летию статьи А. Яковлева «Против антиисторизма» (1972 г.) // Литературная газета №50-51 (5905), 18—24 дек.

Семенов, Ю.И. 2003. Идеологическая мода и скептицизм //

URL: http://www.situation.ru/app/j_art_543.htm

Силина, Т. 2004. Экзит-пол: хождение по мукам // Зеркало недели, 5 ноября.

Скалкин, В.Л. 1993. Диктант или диктат. Некоторые размышления в связи с новой инструкцией по организации вступительных экзаменов в вузы Украины // Одесский вестник.

1993а. Россия во мгле // Одесский вестник №172, 21 сент.

1993б. Россия во мгле // Одесский вестник №173, 23 сент.

1993в. Россия во мгле // Одесский вестник №176, 30 сент.

1993г. Подводя предварительные итоги. О путях решения лингвокультурных проблем в Украине и одесском регионе // Одесский вестник № 196, 16 ноября.

2008а. Самарские впечатления, или Записки безработного // Владимир Скалкин: «Я не гулял в пампасах и не носил лампы» /сост. Е. Поздняков //Дерибасовская-Ришельевская: Одесский альманах. — Кн. 35. — Одесса: Печатный дом.

2008б. Системность и типология упражнений для обучения говорению // Методическая мозаика: Приложение к журналу «Иностранные языки в школе». — 2008. — №4.

Скрипников, Ю. 2001. ВИИЯ //

URL:http://world.lib.ru/s/skripnikow_j_j/opus24.shtml

Славин, Б.Ф. 2008. Выступление в клубе «Свободное слово» по теме «Шестидесятники» //

URL:<http://www.alternativy.ru/ru/node/533>

Смирнов, Д.Н. 2008. Манипулятивные технологии и их применение в условиях смены политического режима: опыт оранжевой революции на Украине. — Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. полит. наук. — Нижний Новгород //

URL:<http://cheloveknauka.com/manipulyativnye-tehnologii-i-ih-primenenie-v-usloviyah-smeny-politicheskogo-rezhima-opyt-oranzhevoy-revoljutsii-na-ukrain>

Соловьев, Э.Г. 2008. Внешнеполитическая мысль США в постбиполярную эпоху: между новым реализмом и «вооруженным идеализмом» // Перспективы. Фонд исторической перспективы //

URL:<http://www.perspektivy.info/print.php?ID=36101>

Социолог 2009: на президентских выборах Украину вновь ждет раскол //

URL:<http://www.otechestvo.org.ua/main/20098/1214.htm>

Староверов, С.С. 2013. Спасибо всем пишущим о ВИИЯКе //

URL: <http://www.clubvi.ru/news/2013/04/13/staroverov/>

Тарасов, А.Н. 2000-2001. О «священных коровах», «всероссийских иконах» и вечно пьяных «гарантах» демократии. Письмо либералу-шестидесятнику из Архангельска и либералам шестидесятникам вообще //

URL:http://scepsis.ru/library/id_96.html

2007. Концептуально-возрастное несовпадение. Книга «шестидесятника» в защиту социализма глазами молодых противников капитализма //

«НГ Ex Libris» — № 14 // URL:http://scepsis.ru/library/print/id_1755.html

Тиле, А. 1995. Я — памятник себе // Советская Россия, 11 ноября.

Толстой, Л. 1793. Неделание // Полн. собр. соч. в 90 томах. — Т. 29.

Третьяков, В. 2001. Власть, общество и интеллигенция в современной России // Независимая газета, 17 янв.

Трофимова, Н. 2004. Экзит-пол продолжается. Среди социологов //

URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/podrobnosti/ekzit-pol-prodolzhaetsya-sredi-sociologov>

Трухачев, В. 2012. На Украине добивают настоящую историю //

URL: <http://www.pravda.ru/world/formerussr/ukraine/25-01-2012/1105857-ukraine-0/?mode=print>

Фрумкин, К. 2013. Что будет после капитализма? Попытки ответа на старый вопрос // Новый Мир. — № 2 //

URL:http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2013/2/f10-pr.html

Фрумкина, Р.М. 1997. О нас — наискосок. — М.: Русские словари.

2007. Снизу вверх и сверху вниз. Научная среда и власть в 1970-е //

URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/2/fr15-pr.html>

Фурсов, А.И. 2012. Андропов нарушил правило «не буди лихо, пока оно тихо» [1.12.2012] //

URL:<http://www.odessit.ua/news/world/5440-andropov-narushil-pravilo-ne-budi-liho-roka-ono-tiho.html>

Херсонский, Б. 1993. Учиться национализму настоящим образом // Одесский вестник № 12, 20 янв.

Черкасов, П.П. 2004. ИМЭМО. Портрет на фоне эпохи / П. П. Черкасов. — М.: Издательство «Весь Мир».

Черняев, А.С. 1974, 1985, 1987, 1990, 1991. Совместный исход / Проект. Советская политика 1972—1991 гг. — взгляд изнутри / Дневники.

Шапошникова, Л.В. 1996. Новое планетарное мышление и Россия // Новая Эпоха: электронная версия журнала. — № 3(11) //

URL:http://www.newepoch.ru/journals/11-3/shap_new-thought.html

Шахназаров, Г. Х. 2001. С вождями и без них. — М.: Вагриус //

URL: http://modernlib.ru/books/shahnazarov_georgiy/s_vozhdyami_i_bez_nih/

Шкаратан, О. 2009. Как развивалась социология в СССР. Беседа с социологом Овсеем Шкаратаном //

URL: <http://www.polit.ru/article/2009/07/29/shkaratan/print/>

Шварц, И. 2012. Как одесские интернатцы справляли Новый год в 1950-х годах //

URL: <http://odsint2.com/page/167>

2013. Все мы — дети войны (Воспоминания о выпускниках интерната 1953 г. Игоря Шварца, выпускника 1953 года) // URL: <http://odsint2.com/page/214>
- Шестидесятники и современность* 2010. К 10-летию со дня смерти Юрия Буртина. Круглый стол [1.10.2010] // URL: <http://hro.org/node/9362>
- Шляпентох, В.Э.* 2003. Страх и дружба в нашем тоталитарном прошлом. — СПб.: Звезда.
2006. «Советские социологи лучше американцев в организации опросов». Интервью Б. Докторову // Социальная реальность, 2006. — № 6 // URL: <http://socreal.fom.ru/english/?link=ARTICLE&aid=263>
2007. Звездное время Юрия Левады: история одного экзистенциального выбора // НЛО. — № 87 // URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/87/sh13-pr.html>
2011. Наши разногласия (Письмо друзьям социологам) // Шляпентох's блог. Октябрь13, 2011 // URL: <http://vladimirshlapentokhrussian.wordpress.com/2011/10/>
- Шпорлюк, Р.* 1993. Как за 5 лет уничтожить Украину // Аргументы и Факты № 32.
- Шумеев, Б.* 2012. Школа дипломатов с футбольным уклоном // URL: http://www.clubvi.ru/news/2012/04/24/diplomat_school.
- Эпштейн, Алек Д.* 2010. Русско-еврейские интеллектуалы первого советского поколения: штрихи к портрету // URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/103/ep6-pr.html>
- Юрченко, А.* 1998. Хорошо известен в мире ученых... // Юг, 28 октября.
- Ядов, В.А.* 1999. «Мы все — самоучки» // Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; ред-сост. С.Ф. Яромлюк. — СПб.: Русский христианский гуманитарный институт // URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/Interviews/yadov_1999.html
- Языки Украины* 2003. Используемые языки на Украине, опрос Киевского международного института социологии // URL: <http://best-ukraine.com.ua/index.html?go=10711>
- Язык, который мы выбираем* 1993 // Одесский вестник № 102.
- Яковлев, А.Н.* 2005. Сумерки. — Изд. 2-е, доп. и перераб. — М.: Материк.
- Яременко, А.* 2004. «Украинский экзит-пол» проведен профессионально // URL: <http://www.from-ua.com/news/41855a7a622e9/>
- Яхонтов, А.* 2011. На безрыбье // Московский Комсомолец, 11 июня.

9.393

Дорогой Нема!

Я был тронут твоими звонками. И вообще тронут. В этой жизни трудно остаться нетронутым.

Я прикинул Киримля и компетенцию по логотипу (для клана Роздьянцев) нурау.

Бои Вова. Дела у него страшные. С 1-го января ему не платят. Но собирается защищать кандидатскую, чтобы докторскую. Много разговоров, задумок и планов.

Она на В нурау. Уйти на "отпуск". Давно не слышала ее плачь по известиям. Иначе бы алаберитивы.

Звонки Грощи с работы. Свел меня с теоретической-долой (по телефону). Обещала прислать рекомендации. Уже прошло больше месяца. Их пока нет.

Многие уже купили газеты "Одесский университет". Обязательно прогнать "Черный по Беларуси". Это касается и соседа.

Я в основном занимаюсь тем, что болел. Пошагринит, сипноардия. Настроение в свете организационно-внутренних и державно-внешних причин претого-

- 2 -

кое.

Спасибо за искренности. Коллеги-
мне отлучил.

Планирую в ближайшее время приехать
в Москву по делам издательства.
но пока, еще не знаю.

Отнимаю.

Твой Володя

Привет Кле

Одесса, 9.03.93 г.

Письмо В.Л. Скалкина Е.А. Позднякову
9 марта 1993 года.

Резолюція VII з'їзду Соціологічної асоціації України

Обговоривши доповідь Президента САУ Бакірова В.С., делегати з'їзду відзначають, що у звітний період Правління САУ доклало чимало зусиль щодо організації роботи Асоціації, координації діяльності її регіональних відділень та дослідницьких комітетів.

У період з квітня 2007 р. по квітень 2011 р. зусиллями колективних та індивідуальних членів САУ регулярно проводилися міжнародні та республіканські конференції, школи молодого соціолога, друкувалися монографії, підручники, бібліографічні покажчики, численні статті. Реалізована низка вагомих міжнародних та загальнонаціональних науково-дослідних проектів.

З'їзд ухвалив:

1. Оцінити роботу Правління як таку, що відповідає завданням, які передбачені Статутом та рішеннями попереднього з'їзду САУ.

.....

13. Запровадити іменні премії за найкращі індивідуальні наукові монографії: за наукову ґрунтовність – імені В.Ф. Чорноволенка; за методологічну розробку теми – імені В. Оссовського; за **новизну і оригінальність вивчення сучасних соціальних проблем** – імені І.М. Попової; за практичну спрямованість роботи – імені О.О. Якуби.

14. Звернутися до Міністерства освіти і науки, молоді та спорту України з пропозицією щодо повернення соціології статусу обов'язкової навчальної дисципліни у ВНЗ.

Науково-історичне видання
ГРЕБЕННИК Генадій Петрович

ЗАПИСКИ УНІВЕРСИТЕТСЬКОЇ ЛЮДИНИ

Російською мовою

Видано за авторською редакцією
Технічний редактор *О.В. Стадніченко*

Підписано до друку 15.02.2014. Формат 70×100 1/16.
Гарнітура «Шкільна». Друк офсетний. Фіз. друк. арк. 25,3. Ум. друк. арк. 23.
Наклад 300 прим. Зам. № _____.

Видавничо-поліграфічне підприємство «Друкарський дім»
Свідоцтво ДК №1732 від 29.03.2004 р.
Одеса, вул. Садова, 3. Тел.: 32-82-04.
E-mail: p_dom@tvweek.odessa.ua